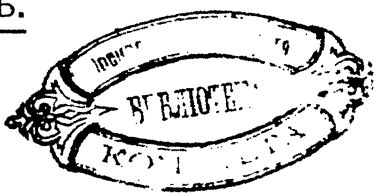
А. А. Кауфманъ.



СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

ОБЩИНА.
ПЕРЕСЕЛЕНІЕ.
СТАТИСТИКА.

194595

ИЗДАНІЕ Г. А. ЛЕМАНА и Б. Д. ПЛЕТНЕВА.
МОСКВА.—1915.

3А

„Пров 38“

МОСКВА,
Тип. и цинк. Т./Д. „МЫСЛЬ“ Н. П. Меснянкинъ и К°. Петровка, 17.

Смыслъ этой книги—разумѣется не въ томъ, чтобы подвести итоги научной работы за четверть вѣка. Итоги эти, въ значительной мѣрѣ, мной уже подведены: для одной изъ областей, отмѣченныхъ на заглавномъ листѣ книги—въ монографіи «Русская община въ процессѣ ея зарожденія и роста»; для другой—въ книгѣ «Переселеніе и колонизація»; характеръ «итоговъ» имѣетъ, до извѣстной степени, и мое статистическое руководство—«Теорія и методы статистики».

Но, конечно, тѣмъ, что́ вошло въ эти книги, далеко не исчерпывается все, что́ такъ или иначе сдѣлалось и написалось за четверть вѣка. Накопились десятки статей въ общихъ журналахъ и спеціальныхъ изданіяхъ, сотни статей, помѣщавшихся въ газетахъ и, по крайней мѣрѣ, частью соприкасающихся съ научными вопросами. Газетныя статьи, конечно, пишутся для текущаго дня и, естественно, осуждены на забвеніе. Иное—статьи въ журналахъ и спеціальныхъ изданіяхъ. Можетъ-быть, я повиненъ въ авторскомъ самолюбіи,—но мнѣ кажется, что среди нихъ есть кое-что не лишенное нѣкоторой цѣнности. А между тѣмъ и журнальныя статьи съ теченіемъ времени затериваются и дѣлаются трудно доступными—даже для тѣхъ, кто могъ бы ими заинтересоваться.

И вотъ, я уже давно подумывалъ о томъ, какъ бы собрать хоть часть напечатанныхъ въ разное время статей и издать ихъ отдѣльною книгой, чтобы тѣмъ спасти ихъ отъ окончательнаго и, можетъ-быть, преждевременнаго забвенія. Теперь эта давнишняя мысль осуществляется, благодаря Г. А. Леману,—и я приношу ему за это мою искреннюю благодарность.

Хоть часть статей... Конечно, *только часть*, потому что всѣ, хотя-бы только болѣе крупныя статьи—и тѣ, вѣроятно, составили-бы пять такихъ томовъ. Часть—*но какую* имен-

но? Вопросъ, который нелегко было рѣшить: и то, какъ будто-бы, небезынтересно, и другое сохранить хотѣлось бы. Я и сейчасъ не знаю, удачно ли я сдѣлалъ выборъ, и не лучше ли было бы то либо другое выбросить и замѣнить другимъ. Извѣстная руководящая идея, при выборѣ статей, однако, была, особенно въ двухъ первыхъ отдѣлахъ, гдѣ приходилось выбирать изъ очень большой массы. Это—или такія статьи, которыя въ сжатой формѣ резюмируютъ сущность достигнутыхъ конечныхъ результатовъ научной работы (№№ 3, 5. 8 по оглавленію); или такія, которыя обозначаютъ опредѣленные этапы въ развитіи извѣстныхъ научныхъ построеній (№№ 1, 2, 6); или наконецъ такія, которыя даютъ тѣмъ или другимъ вопросамъ дополнительное освѣщеніе, либо затрогиваютъ такія ихъ стороны, которыя остались незатронутыми или лишь мимоходомъ затрогивались въ моихъ сводныхъ монографіяхъ (№№ 4, 7, 9, 10, 11). Значительный объемъ не позволилъ мнѣ включить въ этотъ сборникъ такихъ статей, какъ «Къ вопросу о культурно-хозяйственномъ значеніи частнаго землевладѣнія» (помѣщена во 2-мъ томѣ сборника «Аграрный вопросъ», изд. И. И. Петрункевича и кн. П. Д. Долгорукова). Съ другой стороны, я твердо держался правила: не включать ничего носящаго публицистическій характеръ,—въ силу этого соображенія не помѣщены нѣкоторыя статьи 1906 и 1907 гг., напр. «Познай самого себя» и «Еще къ вопросу о самопознаніи», (напечатаны въ «Полярной Звѣздѣ» П. Б. Струве), хотя онѣ мнѣ очень дороги и мнѣ очень хотѣлось ихъ спасти отъ забвенія.

Вошедшія въ сборникъ статьи печатаются съ мелкими лишь редакціонными измѣненіями и съ нѣкоторыми, въ отдѣльныхъ случаяхъ довольно значительными, сокращеніями. Измѣненій по существу я не дѣлалъ даже тамъ, гдѣ мнѣ пришлось отступить отъ высказанныхъ взглядовъ, или гдѣ позднѣе выяснившіеся факты заставляютъ внести къ написанному мною извѣстныя поправки. Я только оговаривалъ такіе случаи въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, которыя, въ отличіе отъ примѣчаній, имѣвшихся въ первоначальной редакціи данной статьи, отмѣчалъ иниціалами «А. К».

Ноябрь 1914.

I.

ОБЩИНА.

Застывшая исторія общины [1].

Очеркъ развитія земельныхъ порядковъ сибирской общины по даннымъ новѣйшихъ изслѣдованій [2].

«Сибирь—это живая книга для исторіи общиннаго землевладѣнія у того русскаго земледѣльца, котораго мы называемъ крестьяниномъ»,—говорилъ покойный С. Я. Капустинъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ быта и исторіи сибирскаго крестьянства, да и русскаго крестьянства вообще. И стоитъ только немного вдуматься въ сущность вопроса, чтобы убѣдиться въ глубокой справедливости этой мысли. Въ самомъ дѣлѣ: развитіе формъ землевладѣнія у великороссійскаго крестьянства обусловливалось, независимо отъ тѣхъ или другихъ, болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ, главнымъ образомъ вліяніемъ прироста населенія и постепеннаго сокращенія земельнаго простора. Въ европейской Россіи процессъ этотъ былъ дѣломъ многихъ столѣтій, и относительно болѣе раннихъ ступеней его въ историческихъ документахъ сохранилось весьма мало указаній. Въ Сибири, странѣ, заселеніе которой продолжается еще и въ настоящее время, мы встрѣчаемъ мѣстности съ самою разнообразною плотностью населенія и съ самыми разнообразными степенями земельнаго простора или «утѣсненія»: въ Сибири есть еще немало мѣстностей съ крайне рѣдкимъ населеніемъ и чрезвычайнымъ изобиліемъ земли,—но есть уже и такія, гдѣ въ сельско-хозяйственныхъ угодьяхъ ощущается не меньшій недостатокъ, нежели въ губерніяхъ средней полосы Россіи, да и вся вообще Сибирь представляетъ собою какъ бы лѣстницу, на крайнихъ ступеняхъ которой стоятъ охарактеризованныя только

---

[1]) Вѣстникъ Европы 1893 г., Іюнь.

[2]) Матеріаломъ при составленіи настоящаго очерка послужили, между прочимъ, данныя, добытыя партіями статистиковъ, работавшими въ Сибири въ 1887—1890 гг., и напечатанныя въ «Матеріалахъ для изученія экон. быта гос. крестьянъ Зап. Сибири», главнымъ образомъ въ составленныхъ авторомъ V и XIII выпускахъ, и въ «Матеріалахъ по изслѣдованію землепользо ванія и хозяйственнаго быта Иркутской губ.», томъ II, вып. 2 и 3.

что мѣстности. Въ Сибири, поэтому, въ каждый данный моментъ можно наблюдать формы землевладѣнія, пройденныя населеніемъ средне-русскихъ губерній въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Но этого мало: во многихъ мѣстностяхъ Сибири приращеніе населенія, подъ вліяніемъ наплыва, съ одной стороны, свободныхъ переселенцевъ, съ другой—ссыльныхъ, идетъ чрезвычайно быстро, нерѣдко даже скачками,—и потому работавшіе въ такихъ мѣстностяхъ изслѣдователи имѣли возможность воочію наблюдать самый процессъ перехода отъ однѣхъ формъ землепользованія къ другимъ,—процессъ, который для средне-русскихъ губерній приходится возстанавливать, реставрировать на основаніи отрывочныхъ,—нерѣдко сбивчивыхъ, указаній.

Изучая, такимъ образомъ, современную сибирскую общину, мы изучаемъ въ то же время исторію общины великороссійской. Страницу изъ этой, такъ сказать, застывшей исторіи мы и намѣрены предложить вниманію читателей. Наибольшій интересъ, кажется намъ, представляютъ тѣ первоначальныя формы, которыя возникаютъ при первоначальномъ заселеніи каждой данной мѣстности; эти формы держатся, пока населеніе рѣдко, пока оно находитъ вокругъ себя больше земли, чѣмъ ему нужно и чѣмъ оно въ состояніи обработать; по мѣрѣ сгущенія населенія и сокращенія земельнаго простора онѣ постепенно измѣняются, соотвѣтственно новымъ экономическимъ условіямъ, и въ концѣ концовъ окончательно исчезаютъ, вытѣсняются болѣе совершенными формами землевладѣнія—именно душевымъ владѣніемъ съ передѣлами. Этимъ-то первоначальнымъ формамъ и процессу ихъ перерожденія и исчезновенія мы и намѣрены посвятить настоящій очеркъ.

I.

Во многихъ мѣстностяхъ Сибири—по преимуществу восточной—и въ настоящее время можно наблюдать случаи образованія новыхъ поселеній на урочищахъ, раньше фактически не состоявшихъ ни въ чьемъ пользованіи. Въ прежнее, еще недавнее время такіе случаи составляли обыкновенный порядокъ вещей: благодаря массѣ свободныхъ земель, каждый желающій выбиралъ себѣ наиболѣе удобное на его взглядъ мѣсто, селился и строился, пахалъ и косилъ по своему усмотрѣнію, большею частью не спрашивая никого и не нарушая ничьихъ правъ, но нерѣдко прибѣгая и къ насилію по отношенію къ прежнему владѣльцу земли—инородцу. Присмотрѣвъ себѣ подходящій къ его вкусамъ участокъ, пришелецъ «занималъ» его, дѣлалъ изъ него свою «заимку»: онъ строилъ себѣ домъ, хозяйственныя постройки, огораживалъ вокругъ нихъ «поскòтину»—выпускъ для скота, и расчищалъ

себѣ подъ пашню и покосъ такое количество земли, на какое у него «хватало силы»; когда первоначально захваченной земли становилось мало, онъ тѣмъ же путемъ вольнаго захвата расширялъ свои владѣнія во всѣ стороны, гдѣ только находилъ удобныя для того мѣста. Такимъ же точно порядкомъ совершался захватъ земли и въ томъ случаѣ, когда облюбованный уголокъ «занимала» не одна семья, а цѣлая группа семей: тогда всѣ дома ставились «въ кучѣ», окружались общею «поскòтиной», и затѣмъ каждая семья захватывала для себя, иногда въ обособленныхъ урочищахъ, иногда въ перемежку, нужную для нея пахатную и сѣнокосную землю.

Разъ образовалось поселеніе—оно растетъ отчасти естественнымъ путемъ, отчасти путемъ дальнѣйшихъ приселеній постороннихъ лицъ. Каждый вновь образующійся дворъ, какъ и первоначальные насельники, захватываетъ себѣ «заимку» изъ незанятыхъ еще никѣмъ земель; пока поселеніе незначительно, всѣ эти «заимки» группируются по близости отъ усадебъ; чѣмъ болѣе растетъ поселеніе, тѣмъ бòльшій районъ захватывается въ сферу крестьянскаго пользованія, при чемъ замѣчается весьма важное явленіе: небогатые дворы стараются захватить землю поближе къ усадьбамъ, хотя бы эта земля была и хуже по почвеннымъ условіямъ, и менѣе свѣжа; зажиточные хозяева, стремясь захватить себѣ самую свѣжую землю, водворяются со своими «заимками» на удаленныхъ отъ селенія урочищахъ; такъ какъ ежедневные переѣзды съ такихъ дальнихъ урочищъ въ деревню и обратно поглощали бы, въ рабочую пору, слишкомъ много времени, то на дальнихъ «заимкахъ» ставится избушка, гдѣ часть семьи проводитъ все время полевыхъ работъ; избушка постепенно обращается въ домъ, обстраивается амбарами, окружается «поскòтиной»,—и семья «заимщика» частью своихъ членовъ, а иногда и въ полномъ составѣ, переходитъ на «заимку» на постоянное жительство. «Заимка» становится, такимъ образомъ, совершенно или почти совершенно обособленнымъ отъ селенія хуторомъ, изъ котораго нерѣдко впослѣдствіи образуется путемъ естественнаго прироста и дальнѣйшихъ приселеній самостоятельное селеніе.

Такимъ образомъ въ прежнія времена, когда земли было очень много, земельныя угодья, входившія въ сферу притяженія каждаго поселенія, каждой общины, представляли собой совокупность, съ одной стороны, ряда «заимокъ», съ другой—массы пустолежащихъ, свободныхъ земель, которыя служили запаснымъ земельнымъ фондомъ для прибылого населенія.

Что же такое, спрашивается, «заимка»?—въ чемъ заключаются права заимщика на захваченную имъ землю, составляющія въ совокупности своей то, что мы можемъ назвать *заимочнымъ правомъ*, и въ чемъ заключаются основанія этого права?

Совокупность правъ, принадлежащихъ заимщику по отношенію къ входящей въ составъ его «заимки» землѣ, повидимому, совершенно совпадаетъ съ тою совокупностью вещныхъ правъ, изъ которой слагается право собственности: разъ захвативъ землю, заимщикъ считаетъ себя ея полновластнымъ хозяиномъ; онъ не допускаетъ никого распахивать или косить входящую въ сферу его «заимки» землю, хотя бы самъ въ данную минуту и не обрабатывалъ того или другого ея участка; для охраны своего права на исключительно *владѣніе* землей онъ не останавливается и передъ насиліемъ, и—если для послѣдняго онъ недостаточно силенъ—предъ обращеніемъ къ авторитету старосты или волостного суда, и волостной судъ всегда ограждаетъ его права отъ всякаго вторженія. Право заимщика на неограниченное *пользованіе* землей разумѣется само собой: любую часть своей «заимки» онъ можетъ засѣвать въ любомъ сѣвооборотѣ, можетъ косить, загородить въ поскòтину, застроить или оставить безъ всякаго употребленія, завися въ этомъ отношеніи единственно отъ собственнаго усмотрѣнія и отъ своихъ хозяйственныхъ соображеній. Въ силу принадлежащаго ему права *распоряженія* землею, онъ можетъ, не спрашиваясь никого, продавать и сдавать землю въ аренду, дарить ее, а также передавать по завѣщанію; при отсутствіи послѣдняго, «заимка» переходитъ къ наслѣдникамъ заимщика согласно правиламъ мѣстнаго обычнаго права. Пользуясь, такимъ образомъ, правомъ владѣнія, пользованія и распоряженія, заимщикъ фактически является какъ бы полнымъ, ничѣмъ не ограниченнымъ собственникомъ принадлежащей къ его заимкѣ земли.

Заимочное право имѣетъ весьма много общаго съ правомъ собственности не только по своимъ проявленіямъ, но и по своимъ основаніямъ. Заимщикъ *первый* нашелъ данное удобное для культуры мѣсто, а потому именно онъ, а не кто-нибудь иной имѣетъ на нее право хозяина; первымъ основаніемъ «заимочнаго» права является такимъ образомъ право *первой находки*, право *перваго захвата* «ничьей», «Божьей» земли,—то самое право, которое еще римскимъ юристамъ извѣстно было какъ одно изъ первыхъ основаній права собственности (res nullius cedit primo occupanti—не принадлежащая никому вещь становится собственностью перваго завладѣвающаго ею). Другимъ, гораздо болѣе важнымъ основаніемъ заимочнаго права является *право* затраченнаго на приведеніе земли въ культурное состояніе *труда*, опять-таки извѣстное уже римскому праву подъ названіемъ «спецификаціи»; «заимки», въ самомъ дѣлѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ создавались въ дремучемъ лѣсу, гдѣ каждая десятина пашни, каждый клочокъ покоса являлся не свободнымъ даромъ природы, а результатомъ труда, затраченнаго на вырубку и корчеваніе лѣса; трудъ этотъ въ большинствѣ случаевъ

не могъ быть вознагражденъ результатами одного посѣва хлѣба или одного урожая травы; самая расчистка земли, поэтому, возможна была только въ томъ случаѣ, если за расчищающимъ обезпечено было право на долговременное пользованіи расчищенною землей, и слѣдовательно, заимочное право въ этомъ отношеніи являлось необходимымъ условіемъ хозяйственнаго прогресса. Мы не будемъ входить здѣсь въ подробности относительно значенія трудового начала,—чрезвычайно важная роль его въ вопросѣ объ устойчивости заимочныхъ правъ выяснится изъ дальнѣйшаго изложенія. Наконецъ, третье основаніе *заимочнаго права*, опять-таки служащее основаніемъ и для права собственности, есть *право давности*, съ точки зрѣнія крестьянской общины основанное, съ одной стороны, на томъ соображеніи, что давность безспорнаго владѣнія является доказательствомъ согласія общества на это владѣніе, съ другой—на томъ, что безспорность продолжительнаго владѣнія доказываетъ его справедливость и правильность. Элементъ давности, однако, играетъ совершенно второстепенную роль въ сравненіи съ элементами труда и захвата.

Заимочное право, такимъ образомъ, какъ въ проявленіяхъ своихъ—въ объемѣ принадлежащихъ заимщику полномочій, такъ и въ основаніяхъ, почти совпадаетъ съ правомъ собственности на землю. А если это такъ, то самъ собою возникаетъ вопросъ: что же такое заимочное владѣніе? можно ли его признать одною изъ формъ общиннаго землевладѣнія, или, напротивъ, оно имѣетъ подворный, индивидуальный характеръ?... Общинное землевладѣніе—это такое, при которомъ община является и собственникомъ, и верховнымъ распорядителемъ и распредѣлителемъ всей общинной земли; изъ основныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ права собственности, отдѣльнымъ общинникамъ по отношенію къ обрабатываемой ими землѣ принадлежитъ только одинъ—право пользованія,—право владѣнія и распоряженія всецѣло принадлежитъ общинѣ. Ясно, что заимочное владѣніе, при которомъ каждый заимщикъ фактически осуществляетъ по отношенію къ землѣ *всѣ* права, принадлежащія собственнику, не можетъ быть подведено подъ понятіе общиннаго владѣнія. Но въ то же время это и не мелкая единоличная собственность, не подворное владѣніе: при этомъ послѣднемъ каждому двору принадлежитъ полное юридическое право собственности на состоящій въ его пользованіи клочекъ земли; община, какъ единица владѣнія землею, не существуетъ,—община представляетъ собой не болѣе, какъ агломератъ отдѣльныхъ владѣющихъ землею собственниковъ. При заимочномъ владѣніи мы видимъ совсѣмъ другое: съ одной стороны, община ни на минуту не забываетъ о томъ, что *она* есть верховный распорядитель и распредѣлитель земли; какъ въ своемъ коллективномъ сознаніи, такъ и въ сознаніи каждаго отдѣльнаго общинника *она* есть собствен-

никъ всей, хотя бы и вошедшей въ составъ какой-либо заимки земли; она только потому предоставляетъ отдѣльному общиннику неограниченную свободу захвата, что *не имѣетъ надобности* вмѣшиваться въ дѣло распредѣленія земли между домохозяйствами. Съ другой стороны, болѣе или менѣе значительная часть угодій во всякой общинѣ остается внѣ заимокъ и состоитъ въ нераздѣльномъ общемъ пользованіи всѣхъ общинниковъ. Таковы, прежде всего, всѣ общинные лѣса, право рубки которыхъ (равно какъ и право расчистки лѣсной земли подъ пашню и покосъ), принадлежитъ равномѣрно всѣмъ общинникамъ, а также деревенская «поскòтина» и невошедшіе въ сферу притяженія отдѣльныхъ заимокъ дальніе выгоны. Во многихъ общинахъ, далѣе, внѣ сферы заимочнаго владѣнія остается часть покосовъ; это—такіе покосы, которые не требовали предварительной расчистки, пользованіе которыми, слѣдовательно, не связано съ предварительною затратою труда, и по отношенію къ которымъ, поэтому, заимочное владѣніе лишается своей главной опоры. Такіе покосы эксплоатируются на правѣ вольнаго захвата: всѣ желающіе ежегодно выѣзжаютъ на покосъ въ опредѣленный общиною день, и каждый становится косить на любомъ мѣстѣ, никого не спрашиваясь и не стѣсняясь желаніями и соображеніями другихъ общинниковъ. При этомъ въ однѣхъ общинахъ, особенно богатыхъ покосами, существуетъ обычай такъ называемаго «закоса»: выйдя на покосъ, каждый общинникъ въ теченіе перваго дня обходитъ съ косою такое пространство, какое можетъ успѣть окосить кругомъ, и затѣмъ все заключающееся внутри сдѣланнаго «закоса» пространство становится на данный годъ недоступнымъ для всякаго другого лица, хотя бы даже «закосившій» и не успѣлъ выкосить на немъ всей травы. Гдѣ покосовъ меньше, тамъ обычай «закоса» не существуетъ: каждый общинникъ становится косить на любомъ мѣстѣ общиннаго покоса, но не можетъ помѣшать каждому другому общиннику косить рядомъ съ нимъ, на томъ же урочищѣ; если ему при такомъ вторженіи оказывается недостаточно травы,—ему остается только самому перейти на болѣе просторное сѣнокосное мѣсто. Весьма любопытно, при этомъ, что «вольные» покосы, пастбища, лѣса, какъ въ смыслѣ порубокъ, такъ и для производства расчистокъ, нерѣдко состоятъ даже въ совмѣстномъ общемъ владѣніи крестьянъ нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній. «Обыкновенно такое совпаденіе,—читаемъ мы въ трудахъ иркутской статистической экспедиціи,—устанавливалось весьма просто: былъ просторъ,—рубили лѣсъ, кто хотѣлъ, изъ крестьянъ окрестныхъ селеній,—значитъ, лѣсъ считался ихъ общимъ достояніемъ; облюбовали удобное мѣсто, стали выгонять туда скотъ—опять изо всѣхъ деревень, благо мѣсто ничье, общее, всѣмъ удобно, никто не препятствуетъ и не имѣетъ ни нужды, ни права воспрепятство-

вать. Нашли у рѣчки гладкое травянистое мѣсто, травы вволю, хватитъ для всѣхъ, а въ окрестности болѣе удобныхъ покосныхъ мѣстъ нѣтъ,—вотъ и стали ѣздить туда на косьбу изъ всѣхъ окрестныхъ селеній; такъ и сталъ покосъ общимъ для всѣхъ». Такимъ образомъ, по отношенію къ цѣлому ряду угодій земельное единство общины не только является совершенно реальнымъ фактомъ, но даже распространяется нерѣдко за предѣлы отдѣльнаго селенія, и именно въ наиболѣе богатыхъ землею мѣстностяхъ мы имѣемъ дѣло не только съ общиною-селеніемъ, но и съ общиною-группою селеній, и даже съ общиною-волостью.

Что же такое, однако, заимочное владѣніе? оно есть владѣніе общинное— но въ то же время, какъ будто бы, и не общинное; оно носитъ почти всѣ признаки подворнаго владѣнія,—но въ то же время оно и не подворное... Какой же, спрашивается, его истинный характеръ? Отвѣтъ, кажется намъ, очень простъ; заимочное владѣніе съ общимъ пользованіемъ нѣкоторыми угодьями—это та *первоначальная форма владѣнія*, тотъ зародышъ, который возникаетъ во вновь заселяемой странѣ, при чрезвычайно рѣдкомъ населеніи и почти безграничномъ земельномъ просторѣ: какъ въ зародышѣ, въ заимочной формѣ есть признаки, свойственные и общинному, и подворному владѣнію; какъ изъ зародыша, изъ нея съ теченіемъ времени можетъ развиться и чисто-подворное, и чисто-общинное владѣніе. Со случаемъ перваго рода мы, повидимому, имѣли дѣло въ Малороссіи, со случаемъ второго рода—въ Сибири. Мы не беремъ на себя смѣлости пытаться объяснить, какія именно обстоятельства благопріятствовали развитію изъ одного и того же зародыша въ одномъ случаѣ подворнаго, въ другомъ—общиннаго владѣнія Но несомнѣнно, что обстоятельства эти лежатъ внѣ чисто-этнографическихъ особенностей: это доказывается тѣмъ замѣчательнымъ фактомъ, что сибирскія формы землевладѣнія (смотря по степени изобилія земли или заимочное владѣніе, или общинное съ передѣлами, или какая-либо изъ переходныхъ формъ отъ перваго къ второму) усваивались въ Сибири и такими группами новоселовъ, которыя у себя на родинѣ привыкли къ совсѣмъ другимъ формамъ владѣнія: и малороссами, и «панцырными боярами» изъ Витебской губерніи, и четвертными владѣльцами изъ среднерусскихъ губерній.

II.

Возвратимся теперь къ вопросу о соотношеніи, при заимочной формѣ владѣнія, общиннаго начала, съ одной стороны, и правъ отдѣльныхъ членовъ общины, съ другой, и постараемся найти примиреніе тому видимому противорѣчію, которое читатель могъ усмотрѣть въ предыдущихъ строкахъ: какъ именно

согласовать верховное право общины съ неограниченностью правъ отдѣльныхъ заимщиковъ?—Ключъ для такого согласованія несомнѣнно лежитъ въ крайнемъ изобиліи земли, при которомъ только и возможно существованіе заимочной формы владѣнія. Права общины, какъ цѣлаго, на входящія въ составъ заимокъ земли несомнѣнно существуютъ; но они ни въ чемъ не проявляются, находятся какъ бы въ скрытомъ состояніи; община предоставляетъ своимъ членамъ неограниченную свободу «занимать» землю, влагать въ нее свой трудъ и тѣмъ самымъ присваивать ее въ свое исключительное пользованіе. Она допускаетъ такое свободное завладѣніе потому, что земли хватаетъ для всѣхъ, и слѣдовательно неограниченный захватъ каждаго отдѣльнаго общинника свободно мирится съ такимъ же захватомъ каждаго другого; община, словомъ, не вмѣшивается въ земельныя отношенія, вытекающія изъ заимочнаго владѣнія, не потому, чтобы она *не имѣла на то права*, а потому, что *не видитъ въ этомъ надобности*.

Какимъ же образомъ, спрашивается далѣе, распредѣляется земля между общинниками въ то время, когда господствуетъ заимочная форма владѣнія? Распредѣленіе это, очевидно, не можетъ быть равномѣрнымъ; въ самомъ дѣлѣ—каждый общинникъ захватываетъ въ свое исключительное владѣніе такое количество пахотной и сѣнокосной земли, съ какимъ онъ можетъ совладать; но ясно, что слабый домохозяинъ, единственный работникъ въ семьѣ, не имѣющій денегъ для найма, держащій всего какихъ-нибудь двухъ-трехъ лошадей, можетъ разработать въ нѣсколько десятковъ, а то и во сто разъ меньше земли, нежели богатый, многорабочій дворъ, запрягающій 20—30 лошадей и могущій издержать на наемъ рабочихъ сотни, иногда и тысячи рублей. «Въ силу самаго происхожденія захватно-родового (иначе, заимочнаго) владѣнія распредѣленіе земель при немъ должно быть неуравнительно», говорится въ трудахъ иркутской экспедиціи: съ одной стороны, въ общинѣ выдѣляются немногіе богатѣи-заимщики, эксплоатирующіе сотни десятинъ,—въ нѣсколько разъ больше, нежели нужно для обезпеченія ихъ ближайшихъ потребностей, съ другой—«бѣднота», не имѣющая возможности осуществлять свое право на захватъ угодій и потому не только не извлекающая почти никакихъ выгодъ отъ своей принадлежности къ составу общины, но и не имѣющая возможности прокормиться продуктами собственнаго хозяйства; по срединѣ между ними стоятъ среднесостоятельные дворы, работающіе 3—4 лошадьми и эксплоатирующіе по 2—3 десятка десятинъ. На первый взглядъ такое распредѣленіе земли можетъ показаться весьма правильнымъ; каждый имѣетъ столько земли, сколько онъ можетъ обработать, и никому владѣніе землей не даетъ возможности получать доходъ, сложа руки. Но въ дѣй-

ствительности дѣло обстоитъ не такъ благополучно. Дѣло въ томъ, что общинникъ не только пользуется *правами* по пользованію общинной землей, но и несетъ *обязанность* участія въ общинныхъ платежахъ,—и въ правильно организованной общинѣ права должны быть соразмѣрны обязанностямъ. Этого-то соотвѣтствія и недостаетъ при заимочной формѣ землевладѣнія: въ то время, какъ земля распредѣляется соразмѣрно благосостоянію и фактической рабочей способности отдѣльныхъ дворовъ, платежи разверстываются по душамъ рабочаго возраста, а то и по ревизскимъ, безъ всякаго отношенія къ дѣйствительной «силѣ» каждаго отдѣльнаго двора. При «заимочномъ» владѣніи легко можетъ случиться, поэтому, что богатѣй-заимщикъ будетъ платить податей и отбывать повинностей столько же, а то и меньше, нежели фактически-безземельный крестьянинъ, живущій у него же въ батракахъ. Ясно, что заимочная форма владѣнія крайне невыгодна для бѣднѣйшей части населенія, не имѣющей «силы» для расчистки соотвѣтствующаго ея потребностямъ количества земли, но обязанной платежемъ податей, и эта часть населенія издавна ведетъ агитацію въ пользу упраздненія заимочной формы владѣнія и перехода отъ нея къ душевому способу пользованія землей.

Пока земли много, всѣ хлопоты бѣдняковъ въ этомъ направленіи остаются безуспѣшными и разбиваются объ отпоръ со стороны заинтересованныхъ въ сохраненіи заимочнаго пользованія богачей: «мало вамъ земли,—говорятъ послѣдніе,—такъ земля-то вѣдь вольная: пустого мѣста вонъ сколько лежитъ: мы поработали, землю себѣ порасчистили,—и вамъ никто не препятствуетъ расчищать: пашите себѣ, сколько хотите, а насъ не трогайте!..» Пока есть свободныя земли, этотъ доводъ почти неотразимъ; къ нему присоединяются еще и ссылки на затраченный при расчисткѣ земли трудъ: «мы землю разработали,—говорятъ заимщики,—намъ ее и держать: иной, пни копавши, весь извелся; вы, ручки скламши, глядѣли, а теперь задаромъ на наши труды сѣсть хотите; вы вотъ сами помайтесь надъ землей, да тогда и хлѣбъ съ нея кушайте...» Доводъ, опять-таки, весьма убѣдительный. А если къ силѣ этихъ доводовъ прибавить еще ту «силу», ту фактическую власть, которою часто пользуются на сходахъ, благодаря своему богатству, крупные заимщики, то станетъ понятно, почему заимочное владѣніе во многихъ мѣстностяхъ продолжаетъ держаться, хотя и не соотвѣтствуетъ уже интересамъ большинства.

Но вотъ, постепенно ли, благодаря естественному приросту населенія, или сразу, благодаря наплыву большой массы переселенцевъ, обращенію части общинной земли въ казенно-оброчную статью и тому подобнымъ обстоятельствамъ, положеніе дѣлъ измѣняется: на мѣсто прежняго простора является «утѣсненіе»:

вся удобная для распашки земля захвачена и расчищена, захва чены и всѣ мѣста, удобныя для сѣнокошенія. Между тѣмъ въ общинѣ путемъ семейныхъ раздѣловъ возникаютъ новые дворы— и не находятъ свободной земли для образованія «заимки»; другіе дворы, прежде бывшіе въ «бѣдномъ состояніи», «поправляются» и стремятся расширить свое хозяйство; но и имъ тоже «некуда по-шириться»; къ общинѣ причисляются ссыльные, требуютъ себѣ земли—свободной, хорошей земли не оказывается. Разъ наступило такое положеніе дѣлъ—заимочное владѣніе начинаетъ явно нарушать права цѣлыхъ категорій общинниковъ: богатѣй-заимщикъ уже не можетъ сказать «малолѣту», бѣдняку, ссыльному: «тебѣ мѣста довольно, была бы охота работать! паши себѣ, а насъ не трогай!»—всякій знаетъ, что для того, чтобы имѣть *возможность* работать, ему надо «тронуть» захватившаго всю землю заимщика, что заимщикъ пашетъ уже не *вольную*, а *чужую* землю; заимщики теряютъ нравственную опору своего права на землю; заимочное владѣніе должно пошатнуться, и медленно, постепенно оно начинаетъ перерождаться въ новыя формы, болѣе сотовѣтствующія измѣнившимся условіямъ и интересамъ большинства.

Переходъ этотъ однако, не происходитъ, равномѣрно на всей линіи общинныхъ порядковъ. Процессъ перехода начинается обыкновенно съ какого-либо одного рода угодій, даже съ какой-либо одной разновидности послѣднихъ, по отношенію къ которой нерѣдко успѣваетъ уйти довольно далеко впередъ въ то время, какъ по отношенію къ другимъ видамъ угодій заимочное владѣніе, до поры до времени, остается незыблемымъ. Чтобы выяснить себѣ послѣдовательность, въ которой происходитъ этотъ переходъ, надо прежде всего помнить, что паденіе заимочнаго владѣнія обусловливается недостаткомъ въ того или иного рода угодьяхъ, а слѣдовательно, и высокою цѣнностью ихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь рельефно выступаетъ значеніе трудового начала, которое, какъ мы знаемъ, является главнымъ основаніемъ заимочнаго владѣнія. Пока земли было много, начало это понималось весьма широко, и всякій, вложившій трудъ въ землю, тѣмъ самымъ навсегда (или по крайней мѣрѣ на неопредѣленно долгое время) пріобрѣталъ право на исключительное владѣніе этою землею. Съ измѣненіемъ обстоятельствъ, община вспоминаетъ, что для оплаты затраченнаго на расчистку пахатной или сѣнокосной земли труда вовсе нѣтъ надобности въ безсрочномъ пользованіи расчищенною землею,—что трудъ этотъ вполнѣ и даже съ избыткомъ вознаграждается болѣе или менѣе—смотря по трудности расчистки—незначительнымъ числомъ урожаевъ хлѣба или травы, послѣ чего расчищавшій теряетъ право ссылаться на трудовой принципъ. Разница въ трудности расчистки того или другого рода угодій, а отсюда и въ продолжительности

времени, нужнаго, чтобы могъ оплатиться затраченный на расчистку трудъ, является поэтому вторымъ факторомъ, опредѣляющимъ ту послѣдовательность, въ которой происходитъ по отношенію къ разнымъ видамъ угодій переходъ отъ заимочнаго владѣнія къ другимъ формамъ землепользованія. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, по извѣстнымъ намъ даннымъ, вліяніе этого фактора дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, что̀ и вліяніе перваго фактора—относительнаго изобилія или недостатка того или другого рода угодій: недостатокъ въ сѣнокосныхъ угодьяхъ почти вездѣ обнаруживался значительно раньше, нежели недостатокъ въ пахотныхъ земляхъ; въ то же время расчистка сѣнокосныхъ земель почти всегда требуетъ гораздо меньшей затраты труда, нежели расчистка пашенъ,—а потому, естественно, надо ожидать по отношенію къ пахотнымъ землямъ гораздо большей долговѣчности заимочнаго владѣнія, нежели къ покосамъ; и въ самомъ дѣлѣ: въ изслѣдованныхъ и описанныхъ до сихъ поръ мѣстностяхъ Томской губерніи, гдѣ случаи перехода къ душевому владѣнію по отношенію къ пашнямъ насчитываются немногими единицами, по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ душевое владѣніе сдѣлало уже очень большіе успѣхи; въ Иркутской губерніи передѣляется уже бо̀льшая часть сѣнокосныхъ угодій, пашни же начинаютъ передѣляться только въ нѣсколькихъ волостяхъ; и только въ Тобольской губерніи, гдѣ покосовъ мѣстами относительно больше, чѣмъ пашенъ, переходъ къ душевому пользованію нерѣдко начинался съ этихъ послѣднихъ.

Мы упоминали выше, что переходъ къ душевому пользованію совершается неодновременно не только по отношенію къ разнымъ родамъ, но и по отношенію къ отдѣльнымъ разновидностямъ одного рода угодій. Особенно часто это замѣчается по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ; если, въ самомъ дѣлѣ, взять двѣ крупныя разновидности послѣднихъ—поёмные луга и лѣсные покосы, то окажется прежде всего, что первые, благодаря бо̀льшей урожайности, легкости уборки и высшему достоинству сѣна, цѣнятся гораздо выше вторыхъ. Гдѣ есть, поэтому, покосы того и другого рода, тамъ всѣ стремятся косить на лугахъ и пренебрегаютъ лѣсными покосами. Послѣдніе, кромѣ того, требуютъ затраты труда на расчистку, между тѣмъ какъ первые обыкновенно являются свободнымъ даромъ природы. Всѣ эти обстоятельства, очевидно, болѣе благопріятствуютъ сохраненію старыхъ формъ пользованія по отношенію къ лѣснымъ покосамъ, нежели по отношенію къ поёмнымъ лугамъ. И дѣйствительно: если взять, для примѣра, изслѣдованныя нами мѣстности томскаго и маріинскаго округовъ (Томск. губ.), то окажется, что въ трехъ ближайшихъ къ г. Томску волостяхъ, гдѣ сѣно имѣетъ выгодный сбытъ, а покосы—высокую цѣнность, поёмные луга передѣлены всѣ безъ исключенія, лѣсные же покосы—только

въ меньшинствѣ общинъ; въ болѣе удаленныхъ отъ Томска волостяхъ, гдѣ покосовъ очень много, а цѣнность ихъ ничтожна, и гдѣ поэтому по отношенію къ лѣснымъ покосамъ не было и попытокъ перехода къ душевому пользованію, поёмные луга передѣлены уже въ большинствѣ общинъ. По отношенію къ пахотнымъ землямъ разница во времени перехода наблюдается сравнительно рѣже и обусловливается главнымъ образомъ различіями въ цѣнности земли—результатомъ разнообразія въ почвенныхъ условіяхъ, разстояніи отъ усадебъ и т. п.: въ Тобольской и Иркутской губерніяхъ констатировано не мало случаевъ, когда общины передѣляли «подворныя» или «самолучшія» земли, оставляя «отъѣзжія» или «послѣднія» земли непередѣленными; въ Иркутской губерніи наблюдались случаи и другого рода,—случаи, когда общины приступали къ ограниченію заимочныхъ правъ по отношенію къ «луговой пахотѣ»—пашнямъ распаханнымъ, безъ, всякаго подготовительнаго труда, изъ-подъ сѣнокоса, и оставляли эти права неприкосновенными по отношенію къ «лѣсной» пашнѣ, расчистка которой потребовала значительной затраты труда.

Итакъ, количество труда, затраченнаго на обращеніе земли въ годное для культуры состояніе, съ одной стороны, и изобиліе или недостатокъ даннаго рода угодій и относительная цѣнность ихъ, съ другой,—таковы, повторяемъ, тѣ факторы, которыми опредѣляется послѣдовательность перехода отъ заимочной къ къ другимъ формамъ землепользованія. Попытаемся теперь выяснить, въ чемъ состоялъ процессъ самаго перехода по отношенію къ разнаго рода угодьямъ.

III.

Начнемъ съ *пахотныхъ земель*. Для того, чтобы вполнѣ выяснить себѣ по отношенію къ нимъ процессъ постепеннаго исчезновенія заимочнаго пользованія, мы должны предварительно вернуться назадъ и указать на нѣкоторыя, свойственныя этой формѣ въ чистомъ ея видѣ характерныя черты. Мы указывали уже выше, что главнѣйшими основаніями заимочнаго владѣнія являются, съ одной стороны, право перваго захвата, съ другой—право вложеннаго въ землю труда. Очень часто эти два момента совпадаютъ: захватывая землю, крестьянинъ тотчасъ же приступаетъ къ вырубкѣ лѣса, корчеванію пней и вообще расчисткѣ земли. Но нерѣдки и такіе случаи, когда моментъ приложенія къ землѣ труда не сопровождаетъ момента захвата, а слѣдуетъ за нимъ по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго промежутка времени: захватывая землю, крестьянинъ не сразу приступаетъ къ ея расчисткѣ, а сначала только «зачерчиваетъ» деревья (снимаетъ съ нихъ кольцомъ кору съ

тѣмъ, чтобы прекратить движеніе соковъ и дать дереву высохнуть) или даже только дѣлаетъ на нихъ, въ знакъ завладѣнія землей, зарубки. При господствѣ заимочной формы въ ея первоначальномъ чистомъ видѣ земля, разъ деревья зачерчены или на нихъ сдѣланы зарубки, поступаетъ въ исключительное владѣніе заимочника: такой такъ называемый «чертежъ» можетъ простоять безъ дальнѣйшей разработки десятки лѣтъ, и никто, кромѣ «зачертившаго» деревья, не имѣетъ права приступить къ его расчисткѣ. Далѣе: въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ заимочное владѣніе, земледѣльческое хозяйство вездѣ ведется по залежной системѣ—земля пашется въ теченіе нѣкотораго времени, а затѣмъ ей дается на нѣсколько—иногда на десятки лѣтъ—отдыхъ, имѣющій цѣлью возстановить ея производительныя силы; при безраздѣльномъ господствѣ заимочной формы пользованія такія заброшенныя земли—залежи—остаются въ исключительномъ владѣніи заимщика, который одинъ имѣетъ право и вновь распахать залежь, когда найдетъ это для себя выгоднымъ, и косить растущую на залежи траву. На этихъ-то пунктахъ и начинается, при наступленіи «утѣсненія», ограниченіе правъ владѣльцевъ-заимщиковъ. Многія общины установляютъ прежде всего опредѣленный срокъ—5 или 10 лѣтъ—владѣнія «чертежами»: въ теченіе этого срока право расчистки «чертежа» и его распашки принадлежитъ исключительно зачертившему; по минованіи срока «чертежъ» опять становится общимъ достояніемъ и можетъ быть расчищенъ и распаханъ всякимъ желающимъ. Съ другой стороны идетъ ограниченіе правъ заимщиковъ на исключительное владѣніе залежью: во многихъ общинахъ Томской губерніи отъ заимщиковъ отходитъ, прежде всего, исключительно право на пользованіе растущею на залежахъ травою, и право косить послѣднюю предоставляется каждому желающему. Что касается до исключительнаго права на распашку залежей, то община не сразу приходитъ къ полному его отрицанію: многія общины въ Иркутской губерніи начинаютъ съ того, что ограничиваютъ это право—какъ и право владѣнія «чертежами»—опредѣленнымъ, 10, 15, 20-лѣтнимъ срокомъ; въ этомъ случаѣ право на удержаніе за собой залежей въ принципѣ еще признается за распахавшимъ землю, а «продолжительный срокъ пребыванія въ залежи является болѣе или менѣе несомнѣннымъ доказательствомъ того, что хозяинъ (снятыми посѣвами уже окупившій труды по расчисткѣ) пересталъ интересоваться землей, отказался отъ своихъ правъ на нее, слѣдовательно, она теперь ничья, и кто хочетъ—можетъ ее себѣ присвоить путемъ вторичной расчистки». Но сроки, установляемые общиной для владѣнія залежами, постепенно сокращаются, и мало-по-малу община приходитъ къ полному отрицанію исключительнаго права на залежи: хозяинъ, забросившій свою пашню

въ залежь, предполагается уже вознаградившимъ себя за затраченный на расчистку земли трудъ, а потому заброшенная земля сразу становится общимъ достояніемъ и можетъ быть хоть сейчасъ распахана всякимъ, кто найдетъ это для себя выгоднымъ. Одновременно съ ограниченіемъ правъ на залежи, община постепенно стѣсняетъ заимщика и въ его прежде неограниченномъ правѣ на отчужденіе заимочной земли—на продажу и залогъ ея, а также на передачу по наслѣдству, и въ результатѣ всѣхъ этихъ ограниченій постепенно совершается разрушеніе заимочной формы владѣнія и переходъ ея въ другую форму, которую удобнѣе всего обозначить названіемъ формы *вольнаго пользованія.* Эта форма, какъ и заимочная, основана на принципѣ труда, но въ отличіе отъ заимочной—безъ комбинаціи этого принципа съ принципами первоначальнаго захвата, давности и наслѣдственности: *при господствѣ заимочной формы, общинникъ, вложившій свой трудъ въ землю, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ вѣчное право владѣнія этою землей; при вольномъ пользованіи общинникъ имѣетъ право на землю лишь до тѣхъ поръ, пока продолжаетъ прилагать къ ней свой трудъ:* какъ только онъ «выпустилъ землю изъ рукъ», она опять становится общественнымъ достояніемъ, и каждому общиннику предоставляется, буде онъ пожелаетъ и найдетъ для себя выгоднымъ, стать къ ней въ тѣ же чисто трудовыя отношенія; при заимочномъ владѣніи, далѣе, каждый заимщикъ, на основаніи своего права перваго захвата, имѣетъ право не допускать кого бы то ни было вторгаться съ косой или сохой въ намѣченныя имъ для своей заимки границы, хотя бы внутри послѣднихъ были и совершенно не эксплатируемыя имъ площади; при вольномъ пользованіи онъ владѣетъ *только* тѣмъ пространствомъ, къ которому прилагаетъ свой трудъ; онъ не можетъ воспретить кому бы то ни было начать пахать рядомъ, «межа объ межу», со своей полосой, или занять оставшійся между двумя распаханными имъ полосами свободной промежутокъ.

Форма вольнаго пользованія въ настоящее время имѣетъ въ Сибири большое распространеніе: она почти окончательно вытѣснила заимочную форму въ Тобольской губерніи и уже въ свою очередь вытѣсняется душевымъ пользованіемъ. Въ ближайшей къ сибирскому тракту, сѣверо-восточной части Томской губерніи чисто заимочное владѣніе встрѣчается лишь въ видѣ исключенія, а громадное большинство общинъ уже не признаетъ заимочнаго права; только въ Иркутской губерніи это послѣднее стоитъ еще довольно твердо, а форма вольнаго пользованія сдѣлала, пока, сравнительно небольшіе успѣхи.

Изучая общинные порядки сѣверо-восточной части Томской губерніи, намъ пришлось встрѣтиться съ весьма любопытнымъ явленіемъ,—именно, съ множествомъ случаевъ, когда заимки,

теоретически уже не признаваемыя общиной, фактически, къ великому неудовольствію бѣдной части населенія, продолжаютъ существовать. Вы распрашиваете сельскій сходъ относительно существующихъ земельныхъ порядковъ,—вамъ даютъ отвѣты, дающіе полное право заключать о существованіи *вольнаго* пользованія: «у насъ земля вольная,—каждый пашетъ, гдѣ глянется»,—«земля общественная—ежели я полосу пашу, а другой возлѣ съ сохой станетъ—какъ я могу воспрепятствовать?»—«пока я пашу—я хозяинъ, бросилъ пахать—земля общественная», и т. п. Но тутъ же вы узнаете, что добрая половина общественной земли вошла въ составъ нѣсколькихъ крупныхъ заимокъ и совершенно недоступна для массы общинниковъ. Получается такимъ образомъ, какъ будто бы, явное противорѣчіе, въ которомъ именно и отражается борьба между представителями заимочнаго принципа—богачами, и заинтересованною въ отмѣнѣ заимочнаго порядка массою населенія. Бываютъ, правда, и такіе случаи, когда существованіе заимокъ не встрѣчаетъ никакихъ препятствій и не вызываетъ никакого неудовольствія; это бываетъ именно тогда, когда въ сферу землепользованія данной общины входятъ дальнія земли, на которыя бѣднякамъ, да и среднесостоятельнымъ хозяевамъ, засѣвающимъ по 5—10 десятинъ, «не изъ-за чего ѣхать»; напротивъ, богачи, гонющіеся за свѣжестью земель и не боящіеся разстоянія, охотно берутъ такія дальнія земли и устраиваютъ себѣ на нихъ заимки; не привлекая вниманія массы общинниковъ, такія заимки остаются нетронутыми и не вызываютъ никакихъ притязаній и тогда, когда на ближайшихъ урочищахъ заимки уже совершенно уничтожены. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ фактическое существованіе заимокъ, вопреки установившемуся въ общинѣ чисто трудовому принципу вольнаго пользованія, является результатомъ успѣшнаго сопротивленія заимщиковъ всякимъ попыткамъ вторженія въ предѣлы ихъ землепользованія. Орудіе для такого сопротивленія заимщики находятъ въ самомъ принципѣ вольнаго пользованія: «подъѣзжай къ нему (богачу) на одной сохѣ,—жалуются бѣдняки,—а онъ на четырехъ, а то и на шести сохахъ выѣдетъ, да вокругъ тебя опашетъ и заборонитъ—такъ ты на одной лѣхѣ[1]) и остался; хоть бы они-то къ намъ не лѣзли, а намъ, бѣднотѣ, гдѣ ужъ у нихъ отбивать пашню!» Заимщикъ, такимъ образомъ, какъ бы не отрицаетъ за другими общинниками права пахать въ чертѣ его заимки; но стоитъ кому-либо попытаться осуществить это право,—и онъ также «осуществляетъ свое право» описаннымъ только что способомъ и такимъ образомъ, оставаясь на легальной почвѣ, фактически «выживаетъ» всякаго пришельца изъ сферы притя-

[1]) Лѣха—загонъ, полоса, распахиваемая сохой съ постояннымъ отваломъ.

женія своей заимки. Этотъ пріемъ усвоенъ, какъ бы по безмолвному соглашенію, богачами-заимщиками во всей посѣщенной авторомъ настоящаго очерка части Томской губерніи. Онъ оказался настолько дѣйствительнымъ, что бѣдняки, пашущіе «въ одну соху», обыкновенно не рѣшаются и подступаться къ заимкамъ. Если же и этотъ пріемъ не помогаетъ, то заимщики не останавливаются и передъ болѣе энергичными мѣрами: въ книгахъ волостныхъ судовъ есть не мало указаній на драки, ложные доносы «по злобѣ», насильственные захваты запаханной земли и т. п. поступки заимщиковъ, вызванные стремленіемъ ихъ оградить неприкосновенность своихъ заимокъ,—а иногда имъ удается найти охрану своихъ притязаній на исключительное владѣніе заимками и со стороны волостного суда.

Въ результатѣ всего сказаннаго, фактически существующій во многихъ мѣстностяхъ порядокъ пользованія землею имѣетъ двойственный характеръ: съ одной стороны, «богатѣи» удерживаютъ въ своемъ исключительномъ пользованіи обширныя «заимки», съ другой—бо́льшая часть общинной земли, занятая запашками бѣдныхъ и среднесостоятельныхъ крестьянъ, и фактически вышла изъ-подъ господства заимочнаго начала и состоитъ въ «вольномъ» пользованіи. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что окончательная побѣда этого послѣдняго порядка и исчезновеніе заимочной формы пользованія, если только она не получитъ искусственной поддержки, является вопросомъ времени. Но и само вольное пользованіе—явленіе не болѣе, какъ переходнаго характера; оно частью уже вытѣснено или вытѣсняется, частью имѣетъ уступить мѣсто наиболѣе соотвѣтствующей общинному началу душевой формѣ пользованія,—передѣламъ земли по душамъ. Процессъ этого вытѣсненія наблюдается въ настоящее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Иркутской, главнымъ же образомъ—въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи,—а во многихъ общинахъ Иркутской губерніи переходъ къ душевому пользованію происходитъ и непосредственно отъ захватнаго владѣнія, минуя только что описанную переходную форму вольнаго пользованія.

Самый процессъ перехода къ душевому пользованію происходитъ двоякимъ порядкомъ. Гдѣ—какъ это и бывало во многихъ общинахъ южной части Тобольской губерніи—переходъ этотъ вызванъ былъ какимъ-либо внѣшнимъ толчкомъ, въ родѣ давленія со стороны мѣстной администраціи,—тамъ онъ происходилъ сразу, безъ какихъ-либо дальнѣйшихъ переходныхъ ступеней; община, еще наканунѣ не затрогивавшая существовавшаго порядка вольнаго пользованія, постановляла приговоръ «передѣлить землю по душамъ», и передѣлъ производился тѣмъ или другимъ, болѣе или менѣе совершеннымъ способомъ. Гдѣ такого внѣшняго толчка не было, а переходъ происходилъ подъ

вліяніемъ, такъ сказать, естественно-исторической необходимости, тамъ, напротивъ, онъ совершался медленно и постепенно. Дѣло начиналось съ отдѣльныхъ случаевъ отрѣзокъ земли отъ тѣхъ хозяевъ, которые «держали» ея, по мнѣнію общины, слишкомъ много; отрѣзанные куски отводились совершенно безземельнымъ или тѣмъ, у кого земли было слишкомъ мало. Отрѣзки вначалѣ дѣлались не на основаніи какихъ-либо точныхъ измѣреній, а «глазомѣрно», на основаніи близкаго знакомства общины съ размѣрами хозяйства каждаго общинника. Община въ подобныхъ случаяхъ рѣдко приступаетъ къ отрѣзкѣ по собственной иниціативѣ: она ждетъ просьбы отдѣльныхъ хозяевъ, нуждающихся или вообще имѣющихъ виды на такія отрѣзки; «просящій указываетъ большею частью на такой-то участокъ, который онъ просилъ бы отрѣзать для него отъ другого, приводитъ свои соображенія, почему этотъ участокъ ему такъ необходимъ и почему, съ его точки зрѣнія, для нынѣшняго владѣльца онъ лишній, ненужный, безъ котораго тотъ обойтись навѣрное можетъ и т. д. Тотъ, у кого хотятъ произвести отрѣзку, обыкновенно возражаетъ, что у него земли совсѣмъ не такъ много или даже очень, по его мнѣнію, мало, что она ему не лишняя, а напротивъ— очень нужна, и проч.». Рѣшеніе вопроса на основаніи столь противорѣчивыхъ заявленій нерѣдко зависитъ отъ чисто случайныхъ обстоятельствъ, а иногда и отъ «угощенія». Не удивительно, поэтому, что на практикѣ такія случайныя отрѣзки нерѣдко дѣлаются очень несправедливо и не только не уменьшаютъ, а иногда даже усиливаютъ неравномѣрность распредѣленія земли. Тѣмъ не менѣе уже и такія безпорядочныя отрѣзки имѣютъ важное принціальное значеніе, такъ какъ являются первыми фактическими проявленіями власти міра, какъ верховнаго распорядителя и распредѣлителя общинной земли.

Отрѣзки начинаются обыкновенно съ единичныхъ, болѣе или менѣе нерѣшительныхъ попытокъ: сначала отбираютъ землю отъ тѣхъ заимщиковъ-богатѣевъ, которые сосредоточили въ своихъ рукахъ наибольшее, явно-чрезмѣрное количество земли, а затѣмъ отрѣзки постепенно учащаются, распространяются на менѣе обширныя заимки и начинаютъ сглаживать и менѣе бросающіяся въ глаза неравномѣрности; дѣйствіе системы отрѣзковъ можетъ быть уподоблено работѣ струга, который сначала срѣзываетъ только самыя значительныя неровности, затѣмъ начинаетъ захватывать и болѣе мелкія и постепенно обращаетъ неровную прежде поверхность въ совершенно гладкую. Когда отрѣзки, такимъ образомъ, изъ первоначально экстроординарной мѣры перешли въ обычный порядокъ вещей, то лежащее въ основаніи формы вольнаго пользованія право труда совершенно отходитъ на задній планъ, и на сцену выступаетъ исключительно право общины, какъ распредѣлителя мірскихъ земель; мало-

по-малу отрѣзки пріобрѣтаютъ болѣе совершенный характеръ: вмѣсто первоначальныхъ «глазомѣрныхъ» отводовъ, прибылыя души начинаютъ надѣлять землею въ опредѣленномъ числѣ десятинъ, малоземельнымъ добавляютъ недостающее до этой нормы количество земли, а отрѣзки, хотя и продолжаютъ производиться по прежнему—«глазомѣрнымъ» порядкомъ, постепенно подгоняютъ къ той же нормѣ и землепользованіе прежде многоземельныхъ домохозяевъ. Такимъ образомъ постепенно, безъ рѣзкаго скачка, происходитъ процессъ приведенія землепользованія въ соотвѣтствіе съ распредѣленіемъ платежей; процессъ этотъ дѣлаетъ, наконецъ, такіе успѣхи, что окончательно устраняетъ всякій *явный* избытокъ или недостатокъ въ землѣ. Когда наступило такое положеніе дѣлъ, производство правильнаго передѣла является уже только вопросомъ времени, такъ какъ передѣлъ, не внося ничего новаго по существу, является только болѣе совершеннымъ пріемомъ для болѣе полнаго достиженія той же цѣли, которая уже въ значительной мѣрѣ достигнута дѣйствіемъ системы постепенныхъ отрѣзокъ. Но и тогда, когда община, наконецъ, начинаетъ производить правильные передѣлы, еще долго даетъ себя чувствовать вліяніе захватнаго, «давностнаго» и трудового началъ, которыя лежали въ основаніи уже исчезнувшихъ первоначальныхъ формъ землепользованія: захватное, давностное начало выражается въ томъ, что при передѣлахъ каждый общинникъ остается на «старинѣ»,—на своемъ насиженномъ мѣстѣ, и только отдаетъ оказавшуюся излишнею по «новому расчисленію» землю; трудовое—въ чрезвычайно бережномъ отношеніи общины къ производимымъ отдѣльными общинниками расчисткамъ новыхъ земель; такія расчистки исключаются изъ числа передѣляемыхъ пашенъ на все то время, какое община считаетъ достаточнымъ, чтобы вполнѣ окупить затраченный при расчисткѣ трудъ.

IV.

Переходимъ затѣмъ къ сѣнокоснымъ угодьямъ и лѣсамъ. Какимъ путемъ происходитъ переходъ къ душевому владѣнію по отношенію къ поёмнымъ лугамъ, мы, къ сожалѣнію, не можемъ сказать: вездѣ, гдѣ заливные луга передѣляются по душамъ, первый передѣлъ произошелъ уже давно, и о предшествовавшихъ послѣднему обстоятельствахъ мы не имѣемъ свѣдѣній. Что касается до суходольныхъ, главнымъ образомъ лѣсныхъ сѣнокосовъ, то въ эпоху господства первобытныхъ формъ землевладѣнія главная масса ихъ состояла въ заимочномъ пользованіи: одни—потому, что входили въ сферу притяженія заимокъ, какъ совокупности всѣхъ угодій, принадлежащихъ одному двору; другіе—въ силу затраченнаго на ихъ расчистку труда,—и только

небольшая часть лѣсныхъ покосовъ эксплоатировалась въ порядкѣ ежегоднаго вольнаго захвата, иногда «съ закосомъ», иногда—и безъ закоса.

Переходъ къ душевому пользованію во многихъ мѣстностяхъ—главнымъ образомъ въ ближайшихъ къ Томску волостяхъ томскаго округа—произошелъ непосредственно отъ заимочнаго, тѣмъ же путемъ постепенныхъ отрѣзокъ, сущность котораго мы только что очертили по отношенію къ пахотнымъ землямъ. Начинается дѣло съ того, что община начинаетъ отводить «прибылымъ душамъ» сѣнокосы изъ пустолежащихъ и выморочныхъ участковъ; община тутъ какъ-будто не вноситъ еще ничего новаго,—она только санкціонируетъ своею властью ранѣе существовавшій порядокъ завладѣнія покосами. Но, разъ сдѣлавъ этотъ шагъ, община уже не можетъ на немъ остановиться: съ одной стороны, для отвода прибылой души не всегда оказывается въ наличности выморочная сѣнокосная земля, съ другой—прибылыя души скоро перестаютъ довольствоваться отводомъ сѣнокоснаго участка изъ «пустопорожнихъ»—всегда болѣе плохихъ или удаленныхъ мѣстъ. Въ то же время прибылая душа, «малолѣтъ», видѣвшій, какъ другимъ прибылымъ душамъ отводили хорошій покосъ, и для себя начинаетъ уже требовать такого отвода,—и община оказывается вынужденною сдѣлать дальнѣйшій шагъ: она начинаетъ отбирать, путемъ «глазомѣрныхъ» отрѣзокъ, часть захваченныхъ покосовъ у тѣхъ изъ общинниковъ, «занятія» которыхъ особенно обширны: «Выѣдемъ въ Петровъ день,—разсказываютъ крестьяне,—увидимъ, у кого покосовъ больно много, ну и скажемъ: ты, братъ, отдай сколько-нибудь, а то крестьянину косить негдѣ,—да такъ и назначимъ: по сю сторону луга ты коси, а онъ по ту сторону». Первые шаги общины на этомъ пути очень нелегки: владѣльцы покосовъ нерѣдко отказываются отдать свою «отцовщину», свои «чищобы», ссылаясь то на право давности, то на затраченный на расчистку трудъ; они «галдятъ» на сходахъ и нерѣдко, благодаря своей зажиточности и вліянію, успѣваютъ воспрепятствовать постановленію невыгоднаго для нихъ рѣшенія; если такое рѣшеніе состоялось, они обращаются къ начальству, жалуются въ волостной судъ, наконецъ нерѣдко прибѣгаютъ и къ насилію, чтобы не допустить лица, получившаго отводный приговоръ на ихъ прежній покосъ, до пользованія отрѣзаннымъ ему кускомъ — и лишь мало-по-малу заимщики отказываются отъ сопротивленія и примиряются съ невыгодными для нихъ новыми порядками. Сначала рѣдкія, отрѣзки, какъ и по отношенію къ пахотнымъ землямъ, постепенно учащаются и въ концѣ концовъ приводятъ къ приблизительно равномѣрному (приблизительно—благодаря глазомѣрности отрѣзокъ) распредѣленію сѣнокосовъ. Когда эта цѣль достигнута, задача общины снова затрудняется: при

появленіи новыхъ подлежащихъ надѣленію сѣнокосомъ душъ, она ни у кого не находитъ уже явнаго излишка, изъ котораго можно было бы сдѣлать нужныя для того надѣленія отрѣзки; она должна поэтому прибѣгать, для отвода прибылой душѣ надѣла, къ равномѣрнымъ отрѣзкамъ отъ принадлежащихъ *всѣмъ* общинникамъ сѣнокосныхъ площадей, и такимъ образомъ наступаетъ уже необходимость *общаго передѣла* сѣнокосныхъ угодій. Само собою разумѣется, что способъ передѣла вначалѣ весьма неудовлетворителенъ: отрѣзки дѣлаются опять-таки «глазомѣрно»—на «стожо̀къ», на «полстожка», распредѣленія на сорта нѣтъ. Не удивительно, что при передѣлахъ господствуетъ изрядный безпорядокъ: «старыя» души увѣряютъ, что у нихъ нѣтъ никакого излишка, «прибылыя» считаютъ себя обдѣленными; отсюда масса споровъ и «галдѣнія»,—передѣлъ ежегодно затягивается на нѣсколько недѣль; «дѣлятъ съ Петрова и до Ильина дня,—говорятъ крестьяне,—каждый реветъ: мнѣ мало,—а начнутъ косить, у всѣхъ остается...». Но, конечно, важенъ только первый шагъ, и переходъ отъ этого несовершеннаго способа передѣла къ болѣе точнымъ и уравнительнымъ пріемамъ совершается уже впослѣдствіи безъ всякихъ затрудненій.

Въ другихъ мѣстностяхъ, напримѣръ, въ маріинскомъ округѣ и на крайнемъ востокѣ томскаго округа (Томской губерніи), въ ишимскомъ округѣ (Тобольской губерніи), переходъ отъ заимочнаго къ душевому пользованію покосами совершается чрезъ промежуточную ступень ежегоднаго вольнаго захвата[1]); при этомъ сначала, пока покосовъ еще относительно много, существуетъ упоминавшійся уже выше обычай «закоса»: въ назначенный общиною день каждому общиннику предоставляется «окосить» кругомъ такое пространство, какое онъ, со своими семейными и наемными работниками, можетъ обойти въ теченіе дня,—и «окошенное» пространство на данное лѣто поступаетъ въ исключительное пользованіе «закосившаго». Такой порядокъ еще недавно господствовалъ и посейчасъ встрѣчается въ нѣсколькихъ общинахъ названныхъ мѣстностей Томской губерніи; въ Тобольской онъ уже совершенно исчезъ и уступилъ мѣсто порядку, вполнѣ подходящему подъ чистый типъ вольнаго пользованія: каждый общинникъ коситъ, гдѣ ему угодно, но имѣетъ право только на тотъ кусокъ земли, который онъ уже выкосилъ или который въ данную минуту коситъ; онъ не можетъ никому помѣшать начать косить хотя бы непосредственно рядомъ, «коса о косу», и если ему становится тѣсно, то долженъ самъ уйти и искать себѣ другого, болѣе просторнаго мѣста. Эта форма,

---

[1]) Это указаніе невѣрно и въ позднѣйшихъ работахъ автора исправлено: заимочная форма и вольный захватъ существуютъ по отношенію къ р а з н ы м ъ видамъ покосовъ (см. слѣдующую статью).

очевидно, существенно отличается отъ заимочной: она основывается уже *исключительно* на трудовомъ началѣ и совершенно отрицаетъ начала захвата, воплощеніемъ котораго являлся еще порядокъ «закоса». Какъ и по отношенію къ пашнямъ, вольное вользованіе по отношенію къ покосамъ далеко не всегда оказывается столь выгоднымъ для массы общинниковъ, какъ оно должно быть по своей идеѣ: богачи нерѣдко пользуются принципомъ вольнаго пользованія для того, чтобы «окашивать» бѣдняковъ и такимъ образомъ «выживать» ихъ изъ лучшихъ сѣнокосныхъ урочищъ. Переходъ отъ вольнаго порядка пользованія къ душевому, наблюдаемый въ настоящее время во многихъ общинахъ ишимскаго округа, совершается чрезъ рядъ столь незамѣтныхъ переходныхъ ступеней, что точно опредѣлить моментъ, когда кончается вольное пользованіе и начинается душевое, совершенно невозможно. Начинается дѣло съ того, что общинники, чтобы не сталкиваться на однихъ урочищахъ и не терять времени на поиски свободныхъ мѣстъ, предъ выѣздомъ на покосъ начинаютъ уговариваться, кому куда ѣхать косить: «ты здѣсь коси, а я туда поѣду»; если затѣмъ нѣсколько человѣкъ сошлись на одномъ урочищѣ, то опять-таки условливаются: одному косить одинъ уголъ, другому—другой. На дальнѣйшей ступени всѣ общинники въ опредѣленный день выѣзжаютъ для осмотра покосовъ; каждый намѣчаетъ себя мѣсто, гдѣ онъ намѣренъ косить, и сообщаетъ объ этомъ остальнымъ; если кому при такой разбивкѣ досталось слишкомъ мало, «общество» дѣлаетъ ему прирѣзку отъ сосѣдей. Очевидно, что разница между такимъ порядкомъ, котораго собственно еще нельзя назвать передѣломъ, и настоящимъ передѣломъ, уже совершенно ничтожна и сводится больше къ формѣ, нежели къ содержанію,—а слѣдующею ступенью является формальный передѣлъ однимъ изъ оригинальныхъ способовъ, созданныхъ сибирскою и въ частности тобольскою общиной и основанныхъ не на пространственномъ равенствѣ, а на качественной равноцѣнности душевыхъ надѣловъ.

Порядки пользованія пастбищными угодьями, вообще говоря, нигдѣ не пошли дальше ступени вольнаго пользованія; что̀ касается до заимочнаго права на пастбища, то исчезновеніе его шло и идетъ параллельно съ исчезновеніемъ заимочнаго владѣнія всѣми прочими угодьями. Заимочныя поскòтины разгораживаются въ силу прямыхъ распоряженій общинъ, которыя иногда, въ случаѣ упорства заимочниковъ, приводятся въ исполненіе принудительнымъ путемъ. Что̀ касается до остальныхъ входящихъ въ составъ заимки земель—жнивъ, сѣнокосныхъ отавъ и пустопорожнихъ мѣстъ, исключительное право выпаса на которыхъ при полномъ господствѣ заимочнаго порядка принадлежитъ владѣльцу заимки,—то онѣ поступаютъ въ число

общинныхъ пастбищъ не въ силу какихъ-либо опредѣленныхъ распоряженій или приговоровъ, а чисто фактическимъ путемъ: общинные пастухи начинаютъ гонять скотъ на заимочныя земли; владѣльцы заимокъ сначала «не пускаютъ» ихъ, нерѣдко проняютъ силой, но впослѣдствіи уступаютъ и отказываются и въ этомъ отношеніи отъ своихъ исключительныхъ притязаній

Лѣса, какъ мы говорили въ началѣ настоящаго очерка, во время господства заимочнаго владѣнія не входили въ сферу послѣдняго: каждый общинникъ могъ свободно рубить лѣсъ на всемъ протяженіи общинной территоріи, въ томъ числѣ и на участкахъ, вошедшихъ въ составъ тѣхъ или другихъ заимокъ; заимщики были только благодарны каждому за вырубку на лѣса ихъ землѣ, такъ какъ такая вырубка облегчала имъ трудъ по расчисткѣ земли. Нѣчто похожее на заимочное право владѣнія лѣсомъ можно усмотрѣть только въ одномъ явленіи позднѣйшаго происхожденія, отмѣченномъ во многихъ общинахъ, по преимуществу сѣверной части, ишимскаго округа (Тобольской губ.): каждый общинникъ можетъ рубить здѣсь лѣсъ, гдѣ ему угодно и сколько ему угодно; но вмѣстѣ съ тѣмъ всякому общиннику предоставляется изъять нѣкоторую часть лѣса изъ такого неограниченнаго общаго пользованія, сдѣлать ее своимъ «садочкомъ», «рощею» и такимъ образомъ обратить ее въ свое потомственное пользованіе. Для этого достаточно заявить «обществу» о своемъ желаніи «ростить лѣсъ про себя», окопать его и затѣмъ весной, во время опалки покосовъ, принимать мѣры къ охраненію его отъ огня; роща, охранявшаяся такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ, остается въ пользованіи охранявшаго даже и въ томъ случаѣ, если онъ прекращаетъ всякія заботы объ ея цѣлости. Установленный исключительно въ интересахъ лѣсоохраненія, описанный порядокъ, повидимому, нигдѣ, кромѣ ишимскаго округа, не существуетъ. Что касается до вольнаго способа пользованія лѣсами, то онъ продолжаетъ безраздѣльно господствовать во всей Иркутской, въ большей части Томской губерніи, въ сѣверной и средней части Тобольской,—словомъ, вездѣ, гдѣ лѣсъ имѣется въ изобиліи и по отсутствію сбыта имѣетъ ничтожную цѣнность. Гдѣ лѣса мало, какъ въ южной части Тобольской губерніи, или гдѣ, какъ въ окрестностяхъ Томска, онъ имѣетъ хорошій сбытъ и болѣе значительную цѣнность, тамъ община принимаетъ мѣры къ урегулированію пользованія лѣсомъ и къ предохраненію его отъ чрезмѣрнаго истребленія. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробнѣе разсмотрѣть направленныя къ указаннымъ цѣлямъ мѣры; мы можемъ только вкратцѣ сказать, что община дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ двоякимъ способомъ: или передѣломъ лѣсныхъ зарослей на душевые участки, или періодическими «запрещеніями» рубки лѣса на той или другой части

общинной территоріи. Эти два способа примѣняются либо порознь, либо совмѣстно, а мѣстами къ нимъ присоединяются еще прямыя постановленія, запрещающія вырубку мелкой лѣсной поросли и тѣмъ гарантирующія своевременное возобновленіе лѣсныхъ насажденій.

Таковы тѣ факты, которые мы встрѣчаемъ въ исторіи развитія земельныхъ порядковъ сибирской общины. Смыслъ этихъ фактовъ вполнѣ ясенъ: они показываютъ, что землевладѣніе сибирскихъ крестьянъ, облекаясь при первоначальномъ заселеніи края и въ эпоху рѣдкой его населенности въ форму, въ которой дѣйствіе общиннаго начала по отношенію къ большинству угодій совершенно замаскировано дѣйствіемъ начала личнаго и въ частности—принциповъ захватнаго и трудового, затѣмъ, по мѣрѣ сгущенія населенія и сокращенія земельнаго простора, само собой, безъ какихъ-либо внѣшнихъ вліяній, путемъ долгаго, постепеннаго процесса переходитъ въ такія формы, которыя знаменуютъ полный перевѣсъ общиннаго начала.

Къ вопросу о первоначальныхъ формахъ общиннаго землевладѣнія [1]).

Изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ, произведенныя въ Сибири, обогатили науку богатѣйшимъ фактическимъ матеріаломъ по вопросу о формахъ общиннаго землевладѣнія вообще и объ его первоначальныхъ формахъ въ частности; они позволили изучить эти формы не только статически, но и динамически; они дали возможность не только изобразить цѣлый рядъ одновременно существующихъ въ разныхъ мѣстностяхъ формъ пользованія землею, но и показать, какимъ образомъ эти формы смѣняютъ одна другую, какимъ образомъ. подъ вліяніемъ, преимущественно, прироста населенія и сокращенія земельнаго простора, первоначальныя, несовершенныя формы общиннаго землевладѣнія постепенно измѣняются, соотвѣтственно измѣняющимся экономическимъ условіямъ, и въ концѣ концовъ окончательно исчезаютъ, вытѣсняясь болѣе совершенными формами—душевымъ владѣніемъ съ передѣлами.

Понятна высокая научная важность такого рода изученія преемственной смѣны формъ землепользованія,—изученія не по мертвымъ историческимъ документамъ, нерѣдко заключающимъ въ себѣ лишь отрывочныя указанія, а по живому матеріалу, собранному непосредственными наблюденіями; изученіе *современной* общины въ Сибири даетъ, въ значительной мѣрѣ, возможность возстановить первоначальную *исторію* ея развитія, поставленную внѣ вліянія тѣхъ случайныхъ причинъ, которыя въ исторіи нерѣдко могли совершенно замаскировать вліяніе основной причины,—измѣненій въ густотѣ населенія и въ степени обезпеченности послѣдняго землей, дѣйствующихъ на фонѣ присущаго народу правосознанія.

Два года тому назадъ пишущимъ эти строки сдѣлана была на страницахъ «Вѣстника Европы», преимущественно на основаніи западно-сибирскаго, главнымъ образомъ, лично собраннаго, матеріала, дополненнаго данными по Иркутской губерніи, попытка охарактеризовать первоначальныя формы общиннаго

---

[1]) Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній, т. VI, (1893 г.)

землевладѣнія, предшествующія владѣнію душевому, и намѣтить процессъ ихъ перерожденія и исчезновенія. Въ литературѣ вопроса эта попытка, какъ кажется, не встрѣтила серьезныхъ возраженій, а тѣ, которыя были сдѣланы, не могли убѣдить автора въ ошибочности его построенія[1]). Но полная провѣрка послѣдняго, способная возвести его на степень прочнаго пріобрѣтенія науки, могла явиться лишь результатомъ другой, самостоятельной работы, сдѣланной, по возможности, другими лицами и на основаніи другого фактическаго матеріала. Нынѣ такая провѣрка становится возможною: вышла въ свѣтъ обстоятельная работа о формахъ землепользованія въ Енисейской губерніи, составляющая часть превосходнаго коллективнаго труда «Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній» и принадлежащая перу завѣдовавшаго разработкой всего матеріала по Енисейской губерніи, М. М. Дубенскаго.

Съ содержаніемъ и главнѣйшими выводами этой работы я и намѣренъ познакомить читателей.

Въ моей статьѣ: «Застывшая исторія общины» были намѣчены три типичныя формы землепользованія, чрезъ которыя, рядомъ постепенныхъ переходовъ, проходитъ сибирская община: форма *заимочная*, гдѣ право на землю создается преимущественно моментомъ *завладѣнія, захвата;* форма «*вольная*», гдѣ правотворящимъ элементомъ является исключительно *трудъ*, и какъ вѣнецъ развитія—*общинно-уравнительная* форма съ передѣлами. «Смыслъ этихъ фактовъ,—такъ заключалъ я два года тому назадъ свое изложеніе,—вполнѣ ясенъ; они показываютъ, что землевладѣніе сибирскихъ крестьянъ, облекаясь при первоначальномъ заселеніи края и въ эпоху его рѣдкой населенности въ форму, въ которой дѣйствіе общиннаго начала по отношенію къ большинству угодій совершенно замаскировано дѣйствіемъ начала личнаго и въ частности—принциповъ захватнаго и трудового, затѣмъ, по мѣрѣ сгущенія населенія и сокращенія земельнаго простора, само собой, безъ какихъ-либо внѣшнихъ вліяній, путемъ долгаго, постепеннаго процесса переходитъ въ такія формы, которыя знаменуютъ полный перевѣсъ общиннаго начала».

Совершенно такъ же, по существу дѣла, резюмируетъ сущность процесса развитія общинныхъ порядковъ изслѣдователь Енисейской общины, г. Дубенскій, къ работѣ котораго мы теперь и переходимъ. «Неопредѣленность объекта владѣнія,—говоритъ г. Дубенскій,—какъ прямое послѣдствіе широкаго зе-

---

[1]) Здѣсь имѣются въ виду, главнымъ образомъ, возраженія Н. О. Осипова въ XXI выпускѣ «Матеріаловъ для изученія быта государственныхъ крестьянъ въ Западной Сибири», см. Русск. Богат. 1894 г. Май.

мельнаго простора, влечетъ за собой признаніе полной свободы въ землепользованіи отдѣльныхъ лицъ, а то обстоятельство, что субъектомъ владѣнія является не отдѣльное лицо, а общество, стѣсняетъ эту свободу, смотря по обстоятельствамъ, въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ. *Борьба этихъ двухъ началъ—личнаго и общиннаго—наблюдается въ изучаемомъ краѣ повсемѣстно; мѣстами она едва только началась, мѣстами она почти совершенно завершилась*, обыкновенно—торжествомъ общины; по отношенію къ нѣкоторымъ угодьямъ для предсказанія исхода этой борьбы нѣтъ еще никакихъ вполнѣ вѣроятныхъ данныхъ, по отношенію къ другимъ—не можетъ быть въ томъ или иномъ исходѣ никакого сомнѣнія».

Субъектомъ владѣнія является, такимъ образомъ, общество; но ставя это основное положеніе, г. Дубенскій дѣлаетъ весьма важную оговорку: онъ указываетъ на то, что относящіяся къ мѣстному землевладѣнію нормы обычнаго права изучаются имъ только *какъ фактъ*, безъ всякаго отношенія къ вопросу о соотвѣтствіи ихъ *писанному закону*. На основаніи этого послѣдняго,—говоритъ онъ далѣе,—въ Восточной Сибири права сельскаго населенія на занятыя имъ земли исчерпываются правомъ владѣнія и пользованія; распоряжаться же этими землями можетъ только казна, которая и является по закону ихъ исключительнымъ собственникомъ. Но мѣстное населеніе, осуществляя свое право владѣнія и пользованія, почти всегда расширяетъ его до права распоряженія, и хотя всѣ вытекающія изъ проявленія послѣдняго правоотношенія юридически должны быть признаны ничтожными, но фактически, опираясь на обычай, они играютъ въ вопросѣ о формахъ землевладѣнія нисколько не меньшую роль, чѣмъ тѣ, которыя возникаютъ на почвѣ строгаго закона».

Каждому фазису той борьбы личнаго начала съ общиннымъ, которая наполняетъ собой земельную жизнь населенія Енисейской губерніи, соотвѣтствуетъ опредѣленная форма пользованія землей. Г. Дубенскій классифицируетъ эти формы слѣдующимъ образомъ:

1) Форма *свободная* или *вольная*, существующая «по отношенію къ тѣмъ угодьямъ, которыя имѣются въ количествѣ настолько достаточномъ, что не можетъ быть и рѣчи о необходимости какихъ бы то ни было ограниченій въ совершенно свободномъ пользованіи ими, и которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, для эксплуатаціи своей не требуютъ никакихъ подготовительныхъ затратъ труда». Къ такимъ угодьямъ относятся чаще всего лѣса, затѣмъ пастбища и лишь сравнительно рѣдко—покосы.

2) Подъ *захватно-родовымъ* владѣніемъ г. Дубенскій разумѣетъ такую форму, «когда, во-первыхъ, источникомъ возникновенія владѣнія является захватъ (завладѣніе, «заимка»), а

во-вторыхъ, единицей, къ которой оно пріурочивается, или, правильнѣе, субъектомъ его—родъ, не въ томъ, однако, смыслѣ, что данной землей владѣютъ сообща всѣ сородичи, а въ томъ, что владѣніе, возникшее изъ захвата, передается затѣмъ по наслѣдству, изъ рода въ родъ». Эта форма владѣнія,—сущность которой ближе выяснится, впрочемъ, лишь изъ дальнѣйшаго изложенія,—возникаетъ преимущественно по отношенію къ усадебнымъ землямъ и къ пашнямъ.

3) *Подворно-наслѣдственное* владѣніе по содержанію своему вполнѣ аналогично захватно-родовому, существенно отличаясь отъ него «въ самомъ титулѣ или основаніи завладѣнія: въ первомъ случаѣ имъ является захватъ, во второмъ—наслѣдованіе; конечно, захватъ далеко не даетъ владѣнію такой прочной санкціи, какъ наслѣдованіе..., въ качествѣ его коренного юридическаго основанія. Наконецъ, подворно-наслѣдственная форма представляется формой законченной и настолько окрѣпшей, что переходъ отъ нея къ какому-либо иному виду владѣнія не можетъ осуществиться безъ болѣе или менѣе рѣшительнаго и рѣзко выраженнаго переворота, между тѣмъ какъ форма захватно-родовая является лишь переходною»,—и самый переходъ отъ нея къ любому виду владѣнія, не исключая общиннаго съ передѣлами, можетъ осуществиться быстро и легко.

4) *Захватно-общинная* форма, развивающаяся, по отношенію къ пашнямъ, изъ захватно-родовой, есть такая, «когда индивидуальное пользованіе хотя и возникаетъ также путемъ захвата, но юридическимъ субъектомъ владѣнія является уже не родъ или отдѣльное хозяйство, а все сельское общество. Переходъ на первыхъ же порахъ обнаруживается тѣмъ, что исключительное и безусловное право перваго заимщика на данный участокъ земли можетъ быть, при извѣстныхъ условіяхъ, нарушено, и участокъ можетъ быть освоенъ кѣмъ-либо изъ другихъ членовъ общины»; такое нарушеніе права заимки проявляется прежде всего по отношенію къ тѣмъ изъ захваченныхъ земель, которыя фактически остаются безъ обработки: «характернѣйшимъ признакомъ, знаменующимъ переходъ захватно-родовой формы въ захватно-общинную, служитъ то обстоятельство, что обычно-правовымъ титуломъ индивидуальнаго владѣнія является уже не захватъ, а фактическое, непосредственное пользованіе. Захватъ утрачиваетъ при захватно-общинной формѣ всякое самостоятельное значеніе и является лишь моментомъ, сопутствующимъ, или, правильнѣе, нѣсколько предшествующимъ приложенію къ данному участку труда по его эксплуатаціи. Естественно, что при такомъ значеніи захвата владѣніе, съ прекращеніемъ фактическаго пользованія, также должно прекратиться, и участокъ вновь становится свободнымъ для захвата любого изъ однообщественниковъ».

5) *Общинно-уравнительная* или *уравнительная душевая* форма владѣнія—терминъ, не требующій никакихъ объясненій.

Едва ли нужно подчеркивать тѣ пункты, въ которыхъ эта классификація совпадаетъ съ классификаціей формъ землепользованія, набросанной мною на основаніи, преимущественно, западно-сибирскаго матерьяла; захватно-родовая, захватно-общинная форма,—это тѣ же, которыя у меня обозначены были названіями заимочной и вольной формы пользованія. Различіе между двумя классификаціями оказывается, прежде всего, въ терминологіи, но затѣмъ—и въ болѣе существенномъ: къ намѣченнымъ пишущимъ эти строки двумъ формамъ, предшествующимъ формѣ общинно уравнительной, г. Дубенскій присоединяетъ еще третью форму, *вольную* или *свободную*, возникающую при крайнемъ земельномъ просторѣ по отношенію къ угодьямъ, не требующимъ для эксплуатаціи предварительной затраты труда. Въ проявленіяхъ своихъ эта форма представляетъ полное сходство съ тою формою, которую я называлъ вольною, а г. Дубенскій—захватно-общинною; «но внутреннее содержаніе ихъ,—говоритъ г. Дубенскій,—существенно различно»: въ то время, когда одна наблюдается при полномъ, неограниченномъ просторѣ въ земельныхъ угодьяхъ, когда на одинъ участокъ не бываетъ даже и двухъ претендентовъ, другая возникаетъ только тогда, когда земельный просторъ уже болѣе или менѣе ощутительно сократился, когда воспользоваться каждымъ освободившимся отъ эксплуатаціи участкомъ немедленно же находится нѣсколько желающихъ». Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ Западной Сибири существуютъ, при крайнемъ многоземельѣ, порядки пользованія, нетребующими, подготовительныхъ затратъ труда угодьями, вполнѣ сходные съ «вольною» формой г. Дубенскаго, но я не выдѣлялъ ихъ,—какъ дѣлаетъ г. Дубенскій,—въ особый типъ, отличный отъ типа «захватно-общиннаго» по своимъ основаніямъ, отъ «захватно-родового»—по своимъ проявленіямъ. Основанія для такого выдѣленія нельзя не признать, кажется мнѣ, вполнѣ достаточными: «вольная» форма (слѣдуя терминологіи г. Дубенскаго)—результатъ обусловленнаго многоземельемъ отсутствія какихъ бы то ни было столкновеній между интересами отдѣльныхъ общинниковъ; «захватно-общинная»—результатъ вызванной постоянными столкновеніями этихъ интересовъ регулирующей дѣятельности общины,—и такимъ образомъ эти двѣ формы, дѣйствительно, должны быть признаны существенно отличными другъ отъ друга. Едва ли возможно, однако, согласиться съ другимъ положеніемъ, которое г. Дубенскій выставляетъ относительно «вольной» формы пользованія: эта форма, по его мнѣнію, *предшествуетъ* «захватно-родовому» владѣнію и, при сокращеніи земельнаго простора, уступаетъ мѣсто этому послѣднему. Приводимыя въ

«Матеріалахъ» фактическія данныя не содержатъ никакихъ указаній, которыя подтверждали бы справедливость этой мысли; напротивъ, они ее скорѣй опровергаютъ: «вольная» форма,—говоритъ г. Дубенскій,—существуетъ по отношенію къ лѣсамъ, пастбищамъ и лишь изрѣдка—покосамъ, «захватно-родовая»—по отношенію къ усадьбамъ и пашнямъ; первая, слѣдовательно,—по отношенію къ угодьямъ, не требующимъ подготовительной затраты труда, вторая—къ угодьямъ, требующимъ, напротивъ, наиболѣе интенсивнаго приложенія этого послѣдняго. Трудно себѣ представить, при такихъ условіяхъ, возможность перехода отъ одной изъ нихъ къ другой. Вѣрнѣе будетъ признать эти двѣ формы *одновременно* существующими, при большомъ земельномъ просторѣ, по отношенію къ различнымъ категоріямъ общинныхъ угодій.

Перейдемъ теперь къ различіямъ въ терминологіи. Взамѣнъ предложенныхъ пишущимъ эти строки терминовъ «заимочное» и «вольное» пользованіе, г. Дубенскій предлагаетъ, соотвѣтственно, термины «захватно-родовое» и «захватно-общинное владѣніе». Первые два термина дѣйствительно едва ли могутъ быть сохранены: терминъ «заимочное» владѣніе—потому, что, благодаря множественности значеній слова «заимка», неоднократно вызывалъ уже разнообразныя недоразумѣнія; терминъ «вольное пользованіе», въ примѣненіи къ данной формѣ,—потому, что этотъ терминъ, дѣйствительно, гораздо болѣе соотвѣтствуетъ первоначальной формѣ, вновь установляемой г. Дубенскимъ. Терминъ «захватно-общинное» владѣніе, взамѣнъ термина «вольное пользованіе», кажется мнѣ вполнѣ удачнымъ: сущность четвертой изъ перечисленныхъ выше формъ, заключается, дѣйствительно, въ регулированномъ вмѣшательствомъ *общины захватъ;* желательно было бы, правда, изобрѣсти для обозначенія этой формы терминъ, въ которомъ содержалось бы и указаніе на характеристичный для нея элементъ *труда*,—но сдѣлать это едва ли удалось бы, не придавъ термину излишней длины и тяжеловѣсности. Что̀ касается до термина «захватно-родовое» владѣніе, то этотъ терминъ едва ли можно признать удачнымъ: подъ словомъ «родъ» принято разумѣть широкій союзъ лицъ, связанный кровнымъ родствомъ и представляющій собой одно хозяйственное цѣлое,—а въ этомъ смыслѣ родовое владѣніе въ Сибири не существуетъ; во избѣжаніе недоразумѣнія удобнѣе будетъ поэтому называть данную форму владѣнія, вторую по классификаціи г. Дубенскаго, просто̀ «захватною»; такой терминъ будетъ вполнѣ соотвѣтствовать ея сущности,которую составляетъ именно ничѣмъ нерегулированный захватъ пустолежащей земли.

На основаніи изложеннаго, получаемъ слѣдующую схему формъ землепользованія, предшествующихъ наступленію земельныхъ передѣловъ:

1) При наибольшемъ просторѣ: а) для угодій, требующихъ подготовительнаго труда—«захватное» пользованіе, b) для угодій, не требующихъ подготовительной затраты труда—«вольное» пользованіе.

2) Переходная форма—«захватно-общинное пользованіе».

3) Конечная форма—«общинно-уравнительное» владѣніе.

Этой терминологіи я и буду придерживаться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Остановимся теперь подробнѣе на вопросѣ о томъ, какимъ образомъ осуществляются перечисленныя формы по отношенію къ нѣкоторымъ важнѣйшимъ угодьямъ; это дастъ намъ возможность ближе ознакомиться съ самою сущностью, съ разновидностями этихъ формъ и съ отдѣльными моментами переходныхъ процессовъ. Начнемъ съ основного угодья—*пахотной земли*.

Изслѣдованіе констатируетъ, что форма пашневладѣнія въ Енисейской губерніи еще недавно была, повсемѣстно, либо захватною, въ ея чистомъ видѣ, либо, во всякомъ случаѣ, очень къ ней близкою. Типичные признаки этой формы таковы: «1) участокъ лѣса, какъ бы обширенъ онъ ни былъ, захваченный подъ пашню, разъ только лѣсъ уже зачерченъ, считается во владѣніи зачертившаго, хотя бы послѣдній не разработывалъ его многіе годы; 2) участокъ пашни, оставленный въ залежь, считается во владѣніи своего хозяина, и сколько бы времени онъ ни лежалъ безъ обработки, захватить его никто права не имѣетъ; 3) захватывать и разрабатывать земли подъ пашню можетъ всякій, даже посторонній, гдѣ и сколько ему угодно; 4) наконецъ, каждый владѣлецъ пашни можетъ распоряжаться ею по своему усмотрѣнію; онъ можетъ передавать ее въ чье-либо пользованіе на любой срокъ и можетъ продавать ее «на вѣчно», не только своимъ односельчанамъ, но и постороннимъ».

Въ настоящее время захватная форма, въ своемъ чистомъ видѣ, наблюдается лишь въ весьма немногихъ мѣстностяхъ Енисейской губерніи,—но и въ этихъ мѣстностяхъ изслѣдованіе считаетъ участь этой формы, въ принципѣ, рѣшенной. Съ другой стороны, въ Енисейской губерніи весьма немного и мѣстностей, гдѣ форма владѣнія пашнями являлась бы законченною захватно-общинной; въ большинствѣ же случаевъ переживанія болѣе ранней захватной формъ еще очень замѣтны. Поворотъ отъ захватной формы къ захватно-общинной «прежде всего начинается съ установленія сроковъ залежности... Обычаемъ устанавливается правило, что владѣть пашней можно только при условіи фактическаго пользованія ею, и такимъ образомъ на смѣну начала родового является начало трудовое. Затѣмъ, устанавливаются сроки владѣнія чертежами; тѣ и другіе сроки становятся все короче и короче, и, наконецъ, при захватно-общинной формѣ въ ея чистомъ видѣ всѣ сроки уничтожаются, и владѣніе, по-

являясь одновременно съ проявленіемъ непосредственнаго пользованія, прекращается одновременно съ его прекращеніемъ». Въ другомъ мѣстѣ изслѣдованіе резюмируетъ сущность переходнаго процесса еще яснѣе и нагляднѣе. «Внѣшняя форма выраженія захвата,—читаемъ мы здѣсь, — состоитъ въ томъ, что хозяинъ, избравъ никѣмъ незанятый участокъ земли, зачерчиваетъ, опахиваетъ или огораживаетъ его и, такимъ образомъ, становится къ этому участку въ отношенія фактическаго владѣльца. Естественно, что чѣмъ неограниченнѣе пространство свободныхъ и удобныхъ для культуры земель, тѣмъ менѣе основаній ограничивать дѣйствія отдѣльнаго лица различными условіями, необходимыми для закрѣпленія его права на данный участокъ, возникшаго путемъ завладѣнія послѣднимъ; огороженный участокъ можетъ стоять тогда долгіе годы незастроеннымъ, опаханная полоса—необработанной, зачерченный лѣсъ—невырубленнымъ, и тѣмъ не менѣе никто не станетъ оспаривать право на участокъ его первоначальнаго заимщика. Иное дѣло, если въ землѣ ощущается недостатокъ; тогда для возникновенія права владѣнія моментъ захвата считается уже недостаточнымъ, а требуется еще дѣйствительное пользованіе путемъ приложенія къ захваченному участку труда въ томъ или иномъ видѣ. Срокъ между внѣшнимъ выраженіемъ захвата и проявленіемъ фактическаго пользованія устанавливается обычаемъ самый короткій, обыкновенно едва только достаточный для того, чтобъ пользованіе осуществилось; въ противномъ же случаѣ участокъ становится свободнымъ, и захватить его можетъ всякій желающій. Въ настоящее время въ Енисейской губерніи только въ очень рѣдкихъ случаяхъ можно наблюдать, что правотворящимъ началомъ является моментъ завладѣнія; почти всюду, благодаря все возростающему спросу на пригодныя для культуры земли, этимъ началомъ являются моменты труда или фактическаго пользованія, захватъ же играетъ роль только внѣшняго признака, которымъ сопровождается возникновеніе владѣнія, имѣющаго своимъ основаніемъ трудъ». Мотивомъ къ установленію сроковъ залежности служатъ все учащающіеся, по мѣрѣ стѣсненія земельнаго простора, случаи запахиванія чужихъ полосъ. Вначалѣ община изыскиваетъ разные компромиссы: такъ, ограждая право на залежи, расчищенныя изъ-подъ лѣсу, она допускаетъ захватъ кѣмъ угодно степныхъ залежей, не требовавшихъ затраты труда; мѣстами она допускаетъ захватъ залежей, лежащихъ уединенно, но не допускаетъ такового по отношенію къ залежамъ, расположеннымъ вблизи «мягкихъ» пашенъ ихъ владѣльцевъ. Но мало-по-малу всѣ эти различія сглаживаются; въ то же самое время срокъ, по истеченіи котораго допускается вольный захватъ земель, постепенно сокращается отъ 15—20 до 3 лѣтъ. Если при этомъ залежь пригодна для сѣнокошенія,

то въ началѣ переходнаго процесса теченіе срока начинается лишь съ того момента, когда хозяинъ пересталъ ее косить; когда трудовой принципъ окончательно упрочился,—съ самаго момента оставленія въ залежь. Первые три года хозяину предоставляется исключительное право сѣнокошенія на залежи, по истеченіи же этого срока право распашки послѣдней принадлежитъ каждому желающему. Мало-по-малу, однако, и трехлѣтній срокъ начинаетъ нарушаться; онъ сокращается до двухъ, даже до одного года,—въ концѣ-концовъ всѣ сроки исчезаютъ, и пашня становится свободной для захвата, уже безъ всякихъ компромиссовъ, лишь только хозяинъ оставитъ ее безъ обработки. Аналогичнымъ путемъ идетъ установленіе сроковъ владѣнія чертежами: сначала право на вольный захватъ чужихъ чертежей возникаетъ при «долговременномъ»—безъ ближайшаго обозначенія—оставленіи ихъ безъ дальнѣйшей разработки; затѣмъ появляются опредѣленные, 15—20-лѣтніе сроки, мало-по-малу сокращающіеся до 5, 4, 3 лѣтъ; наконецъ, всякіе сроки исчезаютъ и зачерчиваніе само по себѣ совершенно перестаетъ обосновывать право на владѣніе землей: «на зачерчиваніе не глядятъ, другой смѣло заѣзжаетъ въ чужой чертежъ, ибо труда тутъ никакого не вложено».

Такимъ образомъ, заключаетъ изслѣдованіе, «въ изучаемомъ краѣ захватно-родовое (по нашей терминологіи «захватное») владѣніе пашнями уже всюду уступило или уступаетъ мѣсто захватно-общинному,—когда владѣніе возникаетъ одновременно съ проявленіемъ фактическаго пользованія и прекращается одновременно съ его прекращеніемъ». Этотъ переходъ связанъ съ глубокими измѣненіями, вообще, въ народномъ правосознаніи, которыя изслѣдованіе прослѣживаетъ на тщательно собранномъ матеріалѣ, извлеченномъ преимущественно изъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Наиболѣе крупное и существенное изъ нихъ относится къ измѣненію и повышенію, въ тяжебныхъ земельныхъ дѣлахъ, значенія трудового начала; что преимущество, въ случаѣ спора между лицомъ, первоначально захватившимъ землю, но не разработавшимъ ея, и лицомъ, вложившимъ въ землю свой трудъ, начинаетъ отдаваться этому послѣднему,—это ясно само собой изъ предыдущаго изложенія; «при захватно-родовой формѣ, говоритъ изслѣдованіе, если истецъ, отстаивая свое право на захваченный отвѣтчикомъ участокъ, сумѣетъ доказать, что этотъ послѣдній—его «родовой», что этимъ участкомъ владѣлъ его отецъ, или дѣдъ, то судъ всегда признаетъ искъ правильнымъ, а всѣ возраженія отвѣтчика въ томъ смыслѣ, что участокъ уже много лѣтъ лежитъ безъ всякой обработки,—незаслуживающими уваженія; при захватно-общинной формѣ состязаніе сторонъ имѣетъ единственною цѣлью уяснить, насколько отвѣтчикомъ, захватившимъ спорное угодье, дѣйствительно соблюденъ обыч-

ный срокъ», дѣйствительно ли истецъ не обрабатывалъ захваченной земли и тѣмъ сдѣлалъ ее доступною для захвата каждаго желающаго. Но независимо отъ этого совершенно измѣняется отношеніе крестьянскаго міра и его представителя, волостного суда, къ вопросу о вознагражденіи за затраченный на обработку спорнаго участка трудъ: пока господствуетъ чисто захватное начало,—«право отвѣтчика требовать отъ истца вознагражденія за обработку угодья, признаннаго судомъ принадлежащимъ послѣднему, ограничивается только тѣми случаями, когда отвѣтчику удастся доказать, что онъ обработалъ чужой участокъ по ошибкѣ или, при лучшихъ обстоятельствахъ, когда истцу не удастся доказать, что захватъ произведенъ отвѣтчикомъ съ явной злонамѣренностью»; когда захватная форма смѣняется захватно-общинною, когда трудъ, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ *юридическое* значеніе, какъ основаніе самаго права на владѣніе землей,—тогда дѣла о вознагражденіи начинаютъ рѣшаться по принципу: «никто не долженъ обогащаться на чужой счетъ», и волостной судъ вознаграждаетъ отвѣтчика за труды, независимо отъ того, началъ ли онъ обрабатывать спорное угодье по ошибкѣ или съ явною mala fides, съ несомнѣннымъ знаніемъ, что оно находится уже въ пользованіи другого лица. Дальнѣйшее существенное измѣненіе общественнаго правосознанія наблюдается по вопросу объ отчужденіи земель: при захватной формѣ владѣнія въ этомъ отношеніи предоставлялся полный просторъ индивидуальной волѣ, и право отчуждать захваченныя земли пользовалось безусловнымъ признаніемъ; въ настоящее время, какъ констатируетъ изслѣдованіе, случаи безусловнаго признанія волостнымъ судомъ права отчуждать землю встрѣчаются лишь въ видѣ очень рѣдкихъ исключеній. Преобладаютъ случаи, когда судъ совершенно игнорируетъ фактъ купли-продажи, считая такія сдѣлки, съ точки зрѣнія обычая, недѣйствительными. Но такъ какъ самый захватный принципъ не успѣлъ еще совершенно изгладиться изъ мірского сознанія, то еще нерѣдки случаи компромисса, когда судъ признаетъ отчужденіе дѣйствительнымъ при наличности нѣкоторыхъ такого рода условій, когда владѣніе можетъ быть пріобрѣтено и помимо купли-продажи,—такихъ условій, какъ согласіе общества, приложеніе труда и т. п.

Мы видѣли, такимъ образомъ, что захватная форма владѣнія почти на всемъ протяженіи Енисейской губерніи уступила свое мѣсто захватно-общинной. Но и эта послѣдняя, даже независимо отъ неизбѣжно вытекающей изъ нея неравномѣрности владѣнія, связана съ весьма ощутительными неудобствами. Неудобства эти заключаются въ слѣдующемъ: 1) разъ единственнымъ основаніемъ завладѣнія является трудъ, то естественно, что хозяева болѣе сильные и богатые начинаютъ стѣснять въ пользова-

ніи хозяевъ сравнительно слабыхъ и бѣдныхъ, отбираютъ у послѣднихъ случайно оставшіяся необработанными пашни или чертежи, и такимъ образомъ въ земельныя отношенія вносятся произволъ и безпорядокъ; 2) исчезновеніе существовавшихъ при захватной формѣ ограниченій права распашки пустопорожней земли, прилегающей къ распаханнымъ полосамъ, ведетъ къ учащенію и обострѣнію споровъ между владѣльцами сосѣднихъ пашенъ, и 3) возможность для каждаго захватывать пашню на первый же или второй годъ по оставленіи ея въ залежь ведетъ къ непрерывной, безъ отдыха, эксплуатаціи пашенъ, весьма вредной при мѣстной системѣ полеводства. Эти неудобства вызываютъ дальнѣйшія вмѣшательства міра въ земельныя отношенія его членовъ и постепенное вытѣсненіе идеи захвата, хотя бы и основаннаго на трудѣ, идеею *поравненія*, а вмѣстѣ съ тѣмъ—постепенный переходъ отъ захватно-общинной формы къ формѣ общинно-уравнительной или душевой. Переходнымъ моментомъ являются такъ называемые *отводы*.

Главные недостатки захватно-общинной формы можно свести, согласно сказанному, къ *непрочности* и *неравномѣрности* землевладѣнія. Соотвѣтственно этому и отводы имѣютъ двоякій характеръ, имѣя цѣлью: «съ одной стороны—сдѣлать данное владѣніе возможно прочнымъ и безспорнымъ, съ другой—по возможности урегулировать землепользованіе въ количественномъ, такъ сказать, отношеніи. Въ первомъ случаѣ приходится имѣть дѣло съ отводами земель, никѣмъ не занятыхъ, во второмъ—съ тѣмъ, что̀ принято называть отводами-отрѣзками».

Отводы перваго рода задолго предшествуютъ вторымъ. Общество сначала присваиваетъ себѣ только исключительное право распоряжаться такъ называемыми «безродными», выморочными пашнями; оно «ограничивается наложеніемъ своего veto на захватъ земель никѣмъ не занятыхъ, отводя ихъ, по своему усмотрѣнію, или въ пожизненное пользованіе, или на опредѣленный періодъ, или, наконецъ, до «новаго передѣла». При такихъ условіяхъ «воздѣйствіе общества на сравнительные размѣры землепользованія остается, такъ сказать, отрицательнымъ, ибо этимъ путемъ общество можетъ только препятствовать дальнѣйшему росту неравномѣрности, отнюдь не касаясь тѣхъ земель, которыя были захвачены раньше. Но разъ только обычай призналъ за обществомъ право распоряжаться хотя бы только пустующими землями, онъ неизбѣжно, съ теченіемъ времени, начинаетъ это право расширять и въ результатѣ распространяетъ его уже на всѣ земли безъ изъятія, какъ свободныя, такъ и занятыя; такимъ путемъ создаются отводы-отрѣзки», носящія уже характеръ *частнаго поравненія*.

Отъ частнаго поравненія недалеко и до *всеобщаго* передѣла угодій, но факты такого полнаго торжества общинно-уравни-

тельной формы въ Енисейской губерніи по отношенію къ пашнямъ пока еще единичны; изслѣдованіемъ констатировано пока только *три случая* общаго передѣла пахатныхъ земель. Въ большинствѣ случаевъ идея равномѣрности еще только вступила въ борьбу съ захватно-трудовымъ началомъ, и осуществляется она, преимущественно, въ видѣ единичныхъ случаевъ отводовъ-отрѣзокъ, рѣже—путемъ раздѣла земель, удобныхъ для полевой культуры, но еще никѣмъ не занятыхъ, иногда, наконецъ, путемъ перевода подъ пашню земель, имѣвшихъ ранѣе иное назначеніе и безспорно состоящихъ въ распоряженіи міра; къ этой послѣдней категоріи принадлежитъ рядъ отмѣченныхъ изслѣдованіемъ случаевъ (довольно частыхъ, замѣтимъ здѣсь-же, въ смежной съ Енисейскою частью Томской губерніи) раздѣла подъ пашню такъ называемыхъ «выгородокъ»—частей огороженнаго присельнаго выгона.

Таково содержаніе и смыслъ фактовъ, относящихся къ способамъ пользованія въ Енисейской губерніи пахатными землями. Не безполезно будетъ привести in extenso тотъ общій выводъ, который дѣлаетъ изслѣдованіе, на основаніи изученія формъ пашневладѣнія въ связи съ общимъ характеромъ хозяйственной жизни края: «Въ настоящее время,—читаемъ мы на стр. 198—199,—захватно-родовое владѣніе пашнями почти всюду смѣнилось владѣніемъ захватно-общиннымъ, а послѣднее, въ свою очередь, путемъ длиннаго ряда уступокъ и компромиссовъ постепенно приближается къ той формѣ владѣнія, когда на первый планъ выдвигается принципъ уравнительности... Неуклонный процессъ перехода къ такой именно формѣ наблюдается повсемѣстно и глубоко коренится не только въ обычно-правовыхъ воззрѣніяхъ мѣстнаго населенія, но и въ требованіяхъ хозяйственно-экономической дѣйствительности. Значительное большинство мѣстностей изучаемаго края, подъ вліяніемъ исторически сложившихся условій мѣстной жизни, приблизилось уже къ тому моменту, когда переходъ къ общинно-уравнительному владѣнію становится почти неизбѣжнымъ, какъ въ интересахъ упорядоченія поземельныхъ отношеній членовъ данной общины, такъ и въ интересахъ сельско-хозяйственнаго прогресса. Замѣна залежно-паровой системы полеводства болѣе совершенною и удовлетворяющею измѣнившимся хозяйственно-экономическимъ условіямъ, ограниченіе хищнической эксплуатаціи земель, повышеніе интенсивности обработки, введеніе одновременности и порядка въ сельско-хозяйственныхъ работахъ, устраненіе неравномѣрности и спорности владѣнія, устраненіе такихъ фактовъ, когда за обработку приходится приниматься тайкомъ и украдкой, чтобы кто-нибудь не помѣшалъ и не отнялъ,—все это такіе вопросы, серьезность которыхъ уяснилась въ сознаніи мѣстнаго населенія уже достаточно опредѣленно, но разрѣшить которые

не подъ силу отдѣльному лицу. Поэтому взоры огромнаго большинства членовъ сельскаго общества обращаются къ «міру», и отъ него ожидается существенная въ этомъ направленіи помощь. Въ нѣкоторыхъ, правда еще очень немногихъ общинахъ, какъ обнаружено изслѣдованіемъ, часть назрѣвшихъ требованій уравнительности и сельско-хозяйственнаго прогресса уже рѣшена, и притомъ довольно удовлетворительно. Судя по всѣмъ даннымъ, и въ другихъ общинахъ эти вопросы будутъ современемъ рѣшены въ томъ же направленіи и не менѣе удовлетворительно, но только при условіи, что на пути историческаго процесса развитія общинно-поземельныхъ отношеній не встрѣтятся какія-либо непредвидѣнныя серьезныя препятствія. Возможно, конечно,—заключаетъ изслѣдованіе,—что въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ, настанетъ въ Енисейской губерніи время, когда община, быть можетъ, окажется безсильною итти въ уровень съ вновь нарождающимися и осложнившимися требованіями сельско-хозяйственнаго прогресса,—и тогда, на смѣну ей, можетъ явиться иная форма владѣнія, болѣе соотвѣтствующая новымъ требованіямъ. Но при современныхъ идеалахъ мѣстнаго сельскаго хозяйства только поземельная община имѣетъ всѣ шансы вести послѣднее именно по намѣченному этими идеалами пути съ наибольшимъ успѣхомъ и скоростью».

Данныя о существующихъ въ Енисейской губерніи формахъ пользованія *сѣнокосными угодьями* представляются гораздо менѣе полными и интересными, нежели данныя о формахъ пашневладѣнія, почему мы лишь вкратцѣ изложимъ содержаніе этихъ данныхъ и затѣмъ перейдемъ къ формамъ пользованія усадебными землями.

Типы наблюдаемыхъ въ Енисейской губерніи формъ пользованія покосами слѣдующіе: 1) пользованіе «вольное», 2) пользованіе «захватное» и 3) пользованіе уравнительно-душевое: а) съ частными поравненіями, б) съ поравненіями всеобщими, в) съ поравненіями путемъ торговъ, и г) съ передѣлами.

Сущность *вольнаго* пользованія покосами состоитъ въ томъ, что «вольно косить ѣздитъ всякій: и крестьянинъ, и поселенецъ, и бѣдный, и богатый», или: «дѣлить намъ незачѣмъ—каждый хозяинъ можетъ накосить столько сѣна, сколько душѣ его угодно,—была бы сила». Въ итогѣ по губерніи селенія съ вольнымъ сѣнокошеніемъ составляютъ, по произведенному изслѣдованіемъ учету, 9% общаго числа. Распространенность этой формы находится въ прямой зависимости отъ степени изобилія покосовъ; такъ, въ наиболѣе богатомъ покосами Ачинскомъ округѣ общины съ вольнымъ сѣнокошеніемъ составляютъ 18,7%, въ наиболѣе бѣдномъ Красноярскомъ—всего 2,6% общаго числа селеній.

При абсолютной свободѣ сѣнокошенія, «каждый, однако, естественно стремится выкашивать участки, которые поближе къ его пашнямъ», и этимъ путемъ, «параллельно съ неизбѣжнымъ сокращеніемъ земельнаго простора, начинается, по мнѣнію изслѣдованія, поворотъ къ *захватному* пользованію, которое въ чистомъ видѣ наблюдается въ 7,9% селеній. Какъ мы указывали уже въ началѣ настоящаго очерка, происхожденіе захватнаго владѣнія, сѣнокосными угодьями изъ вольнаго не подтверждено ни малѣйшими фактическими данными, а по апріорнымъ соображеніямъ представляется совершенно неправдоподобнымъ. Едва ли не правильнѣе будетъ, поэтому, признать захватное и вольное пользованіе формами, параллельно существующими при большомъ земельномъ просторѣ, совершенно независимо одна отъ другой, по отношенію къ разнымъ видамъ сѣнокосныхъ угодій.

Захватное владѣніе покосами особенно распространено и особенно крѣпко у инородцевъ; изслѣдованіе объясняетъ это громадною ролью сѣнокосовъ въ жизни инородческаго населенія и, въ то же время, распространенностью у этого послѣдняго различныхъ работъ по расчисткѣ луговъ и искусственному ихъ орошенію. Пока захватное владѣніе держится крѣпко, разъ занятый сѣнокосный участокъ переходитъ «изъ рода въ родъ», хотя бы онъ многіе годы оставался внѣ дѣйствительнаго пользованія. По мѣрѣ исчезновенія земельнаго простора, этотъ порядокъ начинаетъ вызывать протесты и мало-по-малу смѣняется другимъ, болѣе близкимъ къ захватно-общинному типу, при которомъ право на участокъ сохраняется лишь при условіи дѣйствительнаго имъ пользованія (огораживаніе остожьевъ, выкашиваніе). Но, въ отличіе отъ пашенъ, захватно-общинная форма по отношенію къ покосамъ не имѣетъ времени утвердиться: одновременно съ появленіемъ признаковъ, характеризующихъ переходъ къ этой формѣ, начинается и болѣе дѣятельное вмѣшательство общества въ распредѣленіе сѣнокосныхъ угодій; «это вмѣшательство выражается на первыхъ порахъ въ частныхъ поравненіяхъ, сначала въ видѣ единичныхъ и сравнительно рѣдкихъ опытовъ, только съ теченіемъ времени переходящихъ въ постоянную практику; затѣмъ оно приводитъ къ поравненіямъ всеобщимъ и въ концѣ концовъ—къ періодическимъ кореннымъ передѣламъ.

3) *Частныя поравненія* по отношенію къ сѣнокосамъ входятъ въ обычай гораздо легче, нежели по отношенію къ пашнямъ; прежде всего—уже потому, что для культуры сѣнокосовъ не требуется либо никакихъ предварительныхъ затратъ труда, либо требуется лишь самая ничтожная затрата, окупаемая первыми же двумя-тремя сборами сѣна; съ другой стороны, изслѣдованіе указываетъ еще и на то обстоятельство, что удобныя

для сѣнокошенія мѣста почти всегда занимаетъ болѣе или менѣе сплошныя пространства, чѣмъ значительно облегчается, съ технической стороны, самое осуществленіе поравненій. Это послѣднее обстоятельство, впрочемъ, оставлено безъ какихъ-либо доказательствъ и, въ дѣйствительности, едва ли справедливо: лѣсные, степные и т. п. покосы едва ли менѣе, а скорѣй болѣе разбросаны и разнокачественны, нежели пахатныя земли, и *точное* ихъ измѣреніе было бы никакъ не легче, нежели измѣреніе этихъ послѣднихъ.

При возникновеніи частныхъ поравненій они распространяются, большею частью, на одни только лучшіе луга, и только мало-по-малу переходятъ и на остальные, худшіе. Сначала они выражаются исключительно въ формѣ прирѣзокъ, въ результатѣ которыхъ пользованіе покосами, мало-по-малу, изъ захватнаго становится уравнительно-душевымъ и пріурочивается уже не къ отдѣльному двору, а въ платежной душѣ. Но при отсутствіи точныхъ измѣреній, при разнокачественности покосовъ и непостоянствѣ ихъ урожайности, путемъ прирѣзокъ и отрѣзокъ можетъ быть достигнуто лишь далеко не полное уравненіе сѣнокосныхъ участокъ; въ дополненіе къ этому пріему общества, поэтому, прибѣгаютъ къ двумъ другимъ: 1) къ очень распространенному и почти всегда сопровождающему частныя поравненія способу обмѣна паями между отдѣльными домохозяевами: «будетъ тебѣ,—говорятъ въ такихъ случаяхъ,—насидѣлся на хорошемъ паѣ, посиди теперь на плохомъ»; 2) къ прирѣзкамъ и отрѣзкамъ, въ зависимости отъ колебаній урожаевъ травъ: за нѣсколько дней до начала сѣнокоса на сходѣ выясняютъ, примѣнительно къ урожаю, у кого будетъ травы сравнительно много, а у кого мало, а затѣмъ производятъ соотвѣтственныя прирѣзки и отрѣзки.

4) *Общія поравненія*, производимыя безъ предварительнаго измѣренія сѣнокосныхъ урочищъ, не какимъ-либо опредѣленнымъ способомъ, а путемъ неоформленныхъ обоюдныхъ соглашеній общественниковъ, представляютъ собой наиболѣе распространенную въ Енисейской губерніи форму пользованія покосами, такъ какъ находятся «въ полномъ соотвѣтствіи съ замѣтно сократившимся уже во многихъ мѣстностяхъ земельнымъ просторомъ, но сократившимся все-таки еще не настолько, чтобъ ощущалась настоятельная необходимость въ переходѣ къ правильнымъ передѣламъ, имѣющимъ цѣлью привести уравнительность къ возможному идеалу». Отъ этого способа пользованія лишь незамѣтный переходъ къ

5) поравненію или передѣлу путемъ *торговъ* или аукціона, заключающемуся въ томъ, что на каждое сѣнокосное урочище «садится» тѣмъ болѣе душъ, и слѣдовательно на душу достается тѣмъ меньшая площадь, чѣмъ выше стоитъ данное урочище по

урожайности, качеству травы, близости къ усадьбамъ и т. п.; такія поравненія отмѣчены въ 8,6% общинъ; и, наконецъ,

6) въ 12,5% общинъ покосы передѣляются путемъ *жеребьевки*.

Изъ сдѣланнаго краткаго обзора видно, что ходъ развитія формъ пользованія покосами въ Енисейской губерніи, въ общемъ, вполнѣ сходенъ съ намѣченнымъ мною въ «Застывшей исторіи общины», преимущественно на основаніи западно-сибирскихъ данныхъ, и что и здѣсь душевое пользованіе сдѣлало по отношенію къ покосамъ гораздо большіе успѣхи, нежели по отношенію къ пашнямъ.

Чтобъ покончить съ покосами, необходимо еще остановиться на орошаемыхъ покосахъ или «мочагахъ». Тѣ изъ нихъ, устройство которыхъ требуетъ крупныхъ затратъ, устраиваются, обыкновенно, цѣлою общиной, и къ пользованію ими прилагается въ полной мѣрѣ начало уравнительности Затѣмъ, отдѣльные участки «мочаговъ» нерѣдко устраиваются отдѣльными хозяевами; такіе участки оставляются въ пользованіи устроившаго «мочагъ» хозяина въ теченіе времени, достаточнаго, чтобъ окупить затраты, а затѣмъ обязательно поступаютъ въ пользованіе цѣлой общины и входятъ въ общій разсчетъ при уравненіи покосовъ по душамъ.

Не останавливаясь на вопросѣ о формѣ пользованія лѣсами и пастбищами, по которому работы Енисейской экспедиціи не прибавляютъ ничего къ тому, что извѣстно изъ работъ, произведенныхъ въ другихъ губерніяхъ Сибири, перейдемъ теперь непосредственно къ *усадебнымъ землямъ*, относительно которыхъ, напротивъ, въ трудахъ сказанной экспедиціи имѣется весьма богатый матеріалъ. Необходимо, прежде всего, провести здѣсь различіе между дворовыми мѣстами, съ одной стороны, и прочими видами усабедныхъ земель—огородами, огуменниками, телятниками и т. д.—съ другой. Земли второго рода почти повсемѣстно находятся въ типичномъ захватномъ владѣніи, и если общество иногда проявляетъ по отношенію къ нимъ свое коллективное право владѣльца-распорядителя, то единственно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда это требуется интересами регулированія пользованія *дворовыми* мѣстами. По отношенію къ этимъ послѣднимъ, напротивъ, захватное владѣніе въ его чистомъ видѣ почти исчезло подъ вліяніемъ, съ одной стороны, обычая, съ другой—вмѣшательства администраціи,—вліяніемъ, дѣйствовавшимъ отчасти въ интересахъ усадебнаго порядка, отчасти—въ интересахъ уравнительности. Въ настоящее время, какъ констатируетъ изслѣдованіе, такихъ селеній, гдѣ по отношенію къ дворовымъ мѣстамъ допускалось бы неограниченное право захвата и завладѣнія,—очень немного: «съ развитіемъ усадебной жизни, съ ростомъ каждаго даннаго селенія, неизбѣжно начи-

нали возникать различные споры изъ-за усадебъ», а вмѣстѣ съ тѣмъ—назрѣвала потребность въ регулированіи и ограниченіи размѣровъ индивидуальнаго владѣнія; эти ограниченія выражались сначала въ простыхъ отводахъ, а затѣмъ—въ отводахъ-отрѣзкахъ. Существенное, притомъ, отличіе хода развитія формъ пользованія усадебными землями отъ развитія формъ пользованія другими угодьями заключается въ томъ, что на развитіе первыхъ немаловажное вліяніе оказываетъ дѣятельность администраціи, направленная къ установленію планового порядка; эта дѣятельность сильно способствовала, по отношенію къ усадьбамъ, проведенію того взгляда, что пользованіе ими подчиняется такимъ же правиламъ общественнаго регулированія, какъ и пользованіе иными угодьями.

Дѣятельность администраціи направлена, какъ сказано, исключительно къ поддержанію плановаго порядка; въ интересахъ этого послѣдняго возникаютъ, первоначально, и самые отводы, усадебныхъ земель, практикующіеся съ этой цѣлью почти въ каждомъ селеніи, гдѣ усадебная жизнь развита болѣе или менѣе значительно. Но любопытно, что «тамъ, гдѣ усадебная утѣсненность не даетъ себя чувствовать, гдѣ пригодныхъ для застройки мѣстъ много,—тамъ всякія попытки придерживаться плана являются безрезультатными, и захватъ незастроенныхъ мѣстъ практикуется безъ всякихъ ограниченій. Такимъ образомъ, даже отводы въ интересахъ плановаго порядка являются уже результатомъ нѣкотораго «утѣсненія». Сначала такіе отводы направляются обыкновенно на мѣста, никѣмъ незанятыя,—затѣмъ уже, мало-по-малу, распространяются и на такія, которыя уже находятся въ чьемъ-либо пользованіи. «Строго придерживаясь плана и настаивая на точности его исполненія, общество начинаетъ отводить подъ дворовыя мѣста огороды, огуменники и телятники, если этого рода угодья находятся на мѣстахъ, назначенныхъ по плану для постройки. Но подобные отрѣзы общество, естественно, старается дѣлать лишь въ случаяхъ особой необходимости, и притомъ только отъ пріусадебныхъ мѣстъ наиболѣе просторныхъ. Вступивъ на путь отводовъ-отрѣзокъ, сначала, единственно въ интересахъ усадебнаго порядка, общество уже неизбѣжно должно считаться и съ фактомъ сравнительной обезпеченности усадебной землей какъ лица, получающаго отрѣзокъ, такъ и лица, изъ пользованія котораго послѣдній изымается»,—и такимъ образомъ начинаетъ проводиться въ жизнь и по отношенію къ усадьбамъ та же идея уравнительности, которая лежитъ въ основаніи процесса развитія формъ пользованія всѣми прочими угодьями.

Въ настоящее время, какъ констатируетъ изслѣдованіе, «отводы-отрѣзки въ интересахъ уравнительности получили полное признаніе и вошли въ практику только въ немногихъ селеніяхъ;

въ нѣкоторыхъ они находятся уже на пути къ такому признанію, въ нѣкоторыхъ—въ періодѣ зарожденія»); большему развитію отводовъ-отрѣзокъ, въ большинствѣ случаевъ, способствовали тѣ или иныя физико-географическія условія, способствующія быстрому образованію неравномѣрности и утѣсненности: расположеніе селенія на берегу, размываемомъ водой; непосредственнная близость къ усадьбамъ пахотныхъ земель или болотъ, не дающая селенію распространяться въ ширь; малочисленность мѣстъ, удобныхъ для копанія колодцевъ, и т. п.

Одновременно съ развитіемъ и упроченіемъ отводовъ измѣняется самая форма, въ которой они производятся: сначала отводъ облекается въ форму словеснаго указанія схода или старосты съ понятыми, но затѣмъ, мало-по-малу, прививается система писанныхъ отводныхъ приговоровъ; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ такіе приговоры имѣются уже у большинства хозяевъ. Несмотря на категоричность выраженій, въ которыхъ отводные приговоры установляютъ полное, «безспорное», «потомственное» владѣніе усадьбами, они ограждаютъ интересы владѣльцевъ усадебъ лишь противъ отдѣльныхъ лицъ, для міра же совершенно не имѣютъ обязательнаго значенія: «отведенными» усадебными землями міръ, при надобности, распоряжается не менѣе широко, нежели состоящими въ простомъ захватномъ пользованіи. Съ другой стороны, параллельно расширенію права распоряженія для общества идетъ сокращеніе того же права для отдѣльныхъ лицъ,—идутъ попытки общества, все болѣе и болѣе настойчивыя, ограничить право своихъ членовъ продавать усадебныя земли «навѣчно». Въ настоящее время «такихъ селеній, гдѣ бы самостоятельное право продажи усадебныхъ мѣстъ признавалось за отдѣльными хозяевами безусловно и безъ всякихъ ограниченій, весьма немного, но немного и такихъ селеній, гдѣ бы подобное право было уже совершенно уничтожено; въ значительномъ большинствѣ случаевъ наблюдаются только попытки его ограничить, сдѣлавшія болѣе или менѣе значительные успѣхи; всюду, заключаетъ изслѣдованіе, «развитіе усадебно-поземельныхъ отношеній приводитъ къ одинаковымъ результатамъ—къ тому именно, что право отдѣльныхъ лицъ распоряжаться усадебными землями путемъ отчужденія ограничивается все болѣе и болѣе и въ концѣ концовъ отрицается совершенно».

Итакъ, побѣда общиннаго начала надъ личнымъ, переходъ отъ такихъ формъ землепользованія, гдѣ первое остается какъ бы въ скрытомъ состояніи, къ такимъ, которыя знаменуютъ полный его перевѣсъ,—таковъ смыслъ исторіи развитія формъ землепользованія въ Енисейской губерніи, какъ и въ остальныхъ, изслѣдованныхъ ранѣе, частяхъ Сибири. Почему же, спраши-

вается, процессъ развитія получилъ такое, а не обратное направленіе? почему, въ частности, захватная форма,—«зародышъ», заключающій въ себѣ признаки и общиннаго, и подворнаго владѣнія, переходитъ именно въ первое, а не въ послѣднее?—Прежніе изслѣдователи не пытались дать рѣшенія этого труднаго вопроса; Енисейская экспедиція, въ лицѣ г. Дубенскаго, также касается его лишь мимоходомъ и находитъ отвѣтъ, по крайней мѣрѣ отчасти, «во вліяніи тѣхъ воззрѣній, которыя огромное большинство колонизаторовъ приноситъ съ собою съ мѣстъ своей родины, въ связи съ системою взиманія казенныхъ податей подъ круговымъ ручательствомъ всѣхъ членовъ податной общины». Это положеніе высказывается, повторяемъ, лишь мимоходомъ и не подтверждается какими-либо доказательствами, почему мы и считаемъ излишнимъ входить здѣсь въ подробный его разборъ. Замѣтимъ только въ заключеніе, что если едва ли возможно отрицать нѣкоторое, хотя и не особенно значительное вліяніе существующей системы взиманія казенныхъ платежей, то принесенныя колонизаторами «съ мѣстъ своей родины» воззрѣнія едва ли могли сыграть какую бы то ни было роль: прежде всего, развитіе формъ землепользованія происходитъ въ данномъ направленіи не только у крестьянъ, но и у аборигеновъ края—инородцевъ. Затѣмъ, главную массу населенія Енисейской губерніи составляютъ сторожилы, уже нѣсколько поколѣній прожившіе въ краѣ,—у такого населенія «принесенныя съ собой воззрѣнія» давнымъ давно могли бы уступить мѣсто воззрѣніямъ индивидуалистическимъ, сложившимся подъ вліяніемъ борьбы съ дикой природой и вошедшаго въ систему одиночнаго захвата. Наконецъ, можно указать на слѣдующее любопытное обстоятельство: изслѣдованіе переселенческихъ поселковъ, произведенное въ 1894 г. пишущимъ эти строки въ значительной части Томской губерніи, показало, что переселенцы—великороссы, малороссы, бѣлоруссы, литвины, латыши, чуваши, мордва, бывшіе общинники, четвертные владѣльцы, однодворцы и т. д., совершенно независимо отъ «принесенныхъ съ родины воззрѣній», принимаютъ либо одну изъ захватныхъ формъ пользованія, либо форму общинно-уравнительную,—въ зависимости отъ бо́льшаго или меньшаго изобилія, въ каждой данной мѣстности, культурныхъ и удобныхъ для культуры угодій. Дѣло, кажется намъ, не въ тѣхъ «принесенныхъ съ родины воззрѣніяхъ», которыя могли сложиться у каждаго отдѣльнаго лица или каждой отдѣльной группы подъ вліяніемъ того или иного существовавшаго на родинѣ склада земельныхъ отношеній; дѣло въ присущемъ, вообще, крестьянину-пахарю, независимо отъ его происхожденія, воззрѣніи на землю, какъ на «ничью», «Божью», «Государеву», какъ на фондъ, изъ котораго *каждый* имѣетъ равное съ другими право черпать себѣ средства для существованія; на

почвѣ *этого* воззрѣнія дѣйствуетъ, при отсутствіи направленныхъ на поддержку личнаго начала внѣшнихъ вліяній, основной двигатель—прогрессирующее «утѣсненіе», а затѣмъ процессъ развитія общинныхъ порядковъ можетъ найти себѣ подспорье и въ разныхъ случайныхъ вліяніяхъ, каковы—податная система или даже прямое вмѣшательство администраціи.

Къ вопросу о происхожденіи земельной русской общины[1]).

I.

Что̀ такое русская земельная община, со свойственными ей уравнительными формами? Исконная ли это характерная черта русскаго, вообще славянскаго племени, вытекающая изъ «первоначальной идеи единства общины и равенства права каждаго члена на соотвѣтственную долю земли?» Или же эта, нѣкогда существовавшая, первобытная община на Руси была безповоротно разрушена вторженіемъ постороннихъ индивидуалистическихъ элементовъ, современная же русская община «устроена правительствомъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ государственныхъ началъ?» Вотъ уже полвѣка, какъ длится этотъ споръ, и посейчасъ противоположные, взаимно исключающіе другъ друга, взгляды находятъ одинаково многочисленныхъ и авторитетныхъ сторонниковъ. Одни попрежнему думаютъ, что «происхожденіе крестьянской общины слѣдуетъ объяснять расширеніемъ круга родовыхъ отношеній», возникновеніе уравнительныхъ формъ—естественною эволюціей, при которой захватный способъ постепенно «превращался въ общинное землевладѣніе со свойственными ему краткосрочными и долгосрочными передѣлами» (Лаппо-Данилевскій); по убѣжденію другихъ «не только нѣтъ возможности вывести современную общину изъ какихъ-либо первобытныхъ общественныхъ формъ, но даже есть полная возможность показать ея позднее сравнительно происхожденіе и раскрыть создавшія ее причины»: современная русская община—не что иное, какъ навязанная крестьянству извнѣ «принудительная организація, связывающая своихъ членовъ круговымъ обязательствомъ въ исправности отбыванія платежей и повинностей, поздній и въ разныхъ мѣстностяхъ разновременный продуктъ владѣльческаго и правительственнаго вліянія» (Милюковъ).

Но на ряду съ этимъ, несомнѣнно основнымъ, вопросомъ приходится поставить еще и другой вопросъ: *что̀ такое, въ сущности, сама община*, и въ какомъ отношеніи она стоитъ къ об-

---

[1]) Русск. Мысль 1907 г.

щинному праву, въ частности—къ общинно-уравнительному землепользованію? На первый взглядъ тутъ нѣтъ и не можетъ быть никакого вопроса, а поскольку можетъ быть вопросъ, онъ разрѣшается съ безспорною ясностью: конечно, *общинное* право—это продуктъ *общины*, община есть нѣчто предшествующее общинному праву,—*она* творитъ и развиваетъ это право. И въ связи съ этимъ взглядомъ изслѣдователи, стоящіе на точкѣ зрѣнія самопроизвольнаго развитія общины и общиннаго землевладѣнія, стараются, во что бы то ни стало, найти доказательства существованія общины даже и тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ видимыхъ признаковъ существованія общиннаго права,—даже тамъ, гдѣ безраздѣльно царитъ первобытный захватъ. Даже и тамъ они констатируютъ «полное и всеобщее сознаніе и признаніе общиннаго права», объясняемое именно тѣмъ, что «лично захваченные участки представляютъ только островки среди обширнаго района захвата, общее, равное для всѣхъ общинниковъ право на который для всѣхъ безусловно и твердо»; уже при такомъ первобытномъ захватѣ «міръ», выступающій формально только въ качествѣ судьи при взаимныхъ столкновеніяхъ, въ дѣйствительности «фигурируетъ уже и хозяиномъ земли»[1]). Община, творящая общинное право, община, предшествующая этому послѣднему, имѣетъ свои корни въ сѣдой старинѣ. Первобытная форма общежитія—это родовая группа, въ основаніи которой лежала «кровная связь, вытекавшая изъ происхожденія данной группы лицъ отъ одного дѣйствительнаго или воображаемаго родоначальника»; современная община—продуктъ разложенія такого рода первобытныхъ формъ: этотъ процессъ разложенія «создавалъ въ однихъ случаяхъ такъ называемыя семейныя общины, въ другихъ—общины все менѣе и менѣе родовыя, все болѣе и болѣе территоріальныя,—путемъ созданія новыхъ дворовъ по сосѣдству съ стариннымъ получала начало обыкновенная сельская община»[2]). Процессъ разложенія, такимъ образомъ, переплетается съ процессомъ сложенія—но *какое мѣсто*, *какая роль* принадлежитъ тому и другому процессу, это остается темнымъ и загадочнымъ.

И нельзя не признать, что вопросъ о генезисѣ общины—разсматривать ли его съ точки зрѣнія взаимоотношенія между самопроизвольной эволюціей исконныхъ бытовыхъ формъ и внѣшними вліяніями, или съ точки зрѣнія самой сущности этой самопроизвольной эволюціи—представляетъ огромныя трудности для своего разрѣшенія; рѣшеніе его, можетъ-быть, никогда не послѣдуетъ въ окончательной формѣ, устраняющей

---

[1]) Качоровскій. «Русская община». Изд. 1-е, стр. 125—129.

[2]) И. Н. Миклашевскій, въ Энцикл. Словарѣ Брокгауза, полут. 47, стр. 186—187.

всѣ сомнѣнія и контроверзы. Въ чемъ коренной источникъ этой трудности и, можетъ быть, неразрѣшимости вопроса—на этомъ я имѣю въ виду остановиться въ концѣ предлагаемаго вниманію читателя очерка: въ данную минуту мнѣ достаточно констатировать эту огромную трудность вопроса, поскольку таковой не выходитъ изъ предѣловъ историческаго изученія: мы, несомнѣнно, стоимъ передъ наглухо закрытою дверью, пока изучаемъ далекое прошлое русскаго крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія, и если намъ и удается напасть на узкую трещину въ этой наглухо закрытой двери,—мы видимъ чрезъ нее только расплывчатыя, неясныя и сбивчивыя очертанія.

И вотъ, на помощь намъ, при установленіи генезиса русской земельной общины и русскаго общиннаго права, является «методъ переживаній»,—является «живая исторія общины», изученіе типовъ и эволюціи землевладѣнія и землепользованія, какъ эти типы могутъ быть наблюдаемы въ настоящее время, какъ эта эволюція происходитъ на нашихъ глазахъ. Я затрудняюсь сказать, дастъ ли эта «живая исторія» ключъ, при помощи котораго окажется возможнымъ настежь открыть закрытую наглухо дверь, или говоря проще—позволитъ ли она дать безспорный, неопровержимый отвѣтъ на вопросъ о генезисѣ русской земельной общины. Но не можетъ подлежать сомнѣнію, что она дастъ, или даже уже даетъ, возможность пріотворить закрытую дверь, заглянуть въ довольно широкую щелку и сформулировать болѣе или менѣе опредѣленныя догадки о томъ, какова историческая истина.

Но если изученіе «живой исторіи» общинныхъ формъ представляетъ огромный интересъ, то мы, русскіе, поставлены въ этомъ отношеніи въ особенно благопріятныя условія. То, зачѣмъ западно-европейскому изслѣдователю приходится отправляться къ индусамъ или американскимъ краснокожимъ, къ готтентотамъ или ботокудамъ; то, чего имъ приходится доискиваться въ первомъ вѣкѣ до или послѣ Рождества Христова,—то у насъ, въ Россіи, можетъ быть наблюдаемо воочію или изучаемо по свѣжимъ воспоминаніямъ. На необъятномъ пространствѣ нашей страны посейчасъ можно наблюдать всевозможные бытовые и хозяйственные типы, начиная отъ бродячихъ охотниковъ и рыболововъ или отъ типичныхъ скотоводовъ-кочевниковъ и переходя къ первобытному земледѣлію, отъ первобытнаго земледѣлія—къ тому типу земледѣльческаго и земледѣльческо-промысловаго хозяйства, который доживаетъ послѣдніе свои дни въ среднихъ губерніяхъ Европейской Россіи. У насъ, въ Россіи, и посейчасъ можно наблюдать всѣ степени густоты населенія, начиная отъ мѣстностей, гдѣ одна душа населенія приходится на десятки квадратныхъ верстъ, и кончая такими, гдѣ десятки людей приходятся на одну

квадратную версту. И въ связи съ этимъ у насъ можно наблюдать воочію или изучать по самымъ свѣжимъ слѣдамъ всѣ тѣ фазисы сложенія, по мнѣнію нѣкоторыхъ—и разложенія общины, всѣ тѣ моменты длиннаго процесса развитія общиннаго землевладѣнія и землепользованія, какіе западно-европейскому ученому приходится наблюдать среди первобытнаго населенія заморскихъ странъ или разыскивать въ преданіяхъ минувшихъ тысячелѣтій. Познакомить читателя съ тѣми указаніями, какія можно извлечь изъ этой нашей «живой исторіи» общины—такова задача настоящаго краткаго очерка.

Я начну съ неиспользованныхъ еще пока въ нашей спеціальной литературѣ данныхъ о землевладѣніи и землепользованіи у кочевого и полукочевого населенія, въ изобиліи добытыхъ, за послѣднія два десятилѣтія, мѣстными изслѣдованіями въ Сибири, въ средне-азіатскихъ степяхъ, отчасти въ Закавказскомъ краѣ; эти данныя—читатель увидитъ—представляютъ огромный интересъ, и ближайшее ихъ изученіе, несомнѣнно, должно сильно способствовать раскрытію какъ самаго процесса эволюціи общинныхъ формъ, такъ и движущихъ пружинъ этой эволюціи.

Я не могу, конечно, вдаваться здѣсь въ сколько-нибудь подробную характеристику кочевого быта и хозяйства—мимоходомъ замѣчу только, что и въ этомъ отношеніи новѣйшія русскія изслѣдованія даютъ неоцѣненный, по своему богатству и значенію, матеріалъ. *Чисто*-кочевой бытъ—это такой, гдѣ хозяйство зиждется исключительно на одномъ скотоводствѣ, гдѣ, притомъ, скотъ содержится круглый годъ на подножномъ корму, и, слѣдовательно, гдѣ не существуетъ не только земледѣлія, но даже и сѣнокошенія; а отсюда съ необходимостью вытекаетъ кочевой образъ жизни—правильныя періодическія передвиженія кочевниковъ и ихъ скота, въ зависимости отъ состоянія кормовъ въ разное время и въ разныхъ частяхъ используемой кочевниками территоріи; отсюда вытекаетъ и отсутствіе постоянныхъ жилищъ,—единственное обиталище типичнаго кочевника, идеально приспособленное къ этой цѣли,—это переносная, обыкновенно войлочная, юрта. Скотоводство, я сказалъ, единственный источникъ благосостоянія типичнаго кочевника; надзоръ и уходъ за скотомъ—единственный извѣстный ему видъ производительнаго труда,—трудъ, вопреки общепринятому мнѣнію, далеко не легкій и не простой; скотъ—единственный извѣстный ему видъ богатства, единственная форма капитала; на этой почвѣ среди кочевого населенія развивается рѣзко выраженное соціальное расчлененіе, облекающееся, въ

значительной мѣрѣ, въ формы родового быта, а по существу носящее въ себѣ ясно выраженные элементы феодально-крѣпостническихъ отношеній.

Таковы существеннѣйшія черты чисто-кочевого быта; но изучать его приходится въ настоящее время уже не столько по непосредственнымъ наблюденіямъ, сколько по свѣжимъ воспоминаніямъ. Отъ чисто-кочевого быта, въ настоящее время, сохранились лишь незначительные остатки. То, что мы можемъ непосредственно наблюдать въ настоящее время,—это разнообразнѣйшія переходныя, полукочевыя формы быта и хозяйства, характеризуемыя появленіемъ и болѣе или менѣе значительнымъ развитіемъ земледѣлія и сѣнокошенія, наличностью постоянныхъ зимнихъ жилищъ и сокращеніемъ какъ времени, такъ и размаха кочеванія; это—разнообразнѣйшіе моменты эволюціи, начиная отъ уже исчезающаго чисто-кочевого быта, отъ первыхъ зачатковъ земледѣлія и сѣнокошенія, отъ первыхъ зародышей постояннаго жилища, и кончая такими формами, гдѣ отъ кочевого быта сохранились едва лишь уловимые слѣды, или даже такими, которыя всецѣло могутъ быть подведены подъ понятіе осѣдло—земледѣльческаго быта и хозяйства, но въ то же время—безъ затрудненій могутъ быть прослѣжены, какъ конечный результатъ многовѣковой эволюціи полукочевыхъ формъ.

И параллельно съ этою эволюціей формъ быта и хозяйства наблюдается крайне постепенная эволюція формъ землевладѣнія и землепользованія; въ тѣсной связи съ появленіемъ и упроченіемъ хозяйственныхъ формъ, предполагающихъ болѣе или менѣе прочную, во всякомъ случаѣ длительную связь хозяйствующаго субъекта съ землею, происходитъ постепенный переходъ отъ свойственной чисто-кочевому быту безусловной неопредѣленности и общности землепользованія, отъ полнаго, можно сказать, *отсутствія землевладѣнія* къ все болѣе и болѣе ясно выраженному и строгому обособленію этого послѣдняго и къ все болѣе и болѣе выработаннымъ формамъ землепользованія, носящимъ все яснѣе выраженный общинно-уравнительный характеръ.

Типъ первобытнаго, чисто-кочевого землевладѣнія—это, повторяю, полное «отсутствіе землевладѣнія», полное отсутствіе какихъ-либо границъ: «Границъ спрашиваешь,—отвѣчали якуты на разспросы Сѣрошевскаго,—а кто ихъ знаетъ! а мы думаемъ такъ: наши земли тамъ, гдѣ наши люди...» Да и откуда было взяться, при чисто-кочевомъ хозяйствѣ, границамъ, когда самое пользованіе угодьями отличалось полною неустойчивостью: смотря по состоянію погоды, кочевники въ одинъ годъ двигались въ одномъ направленіи, въ другой годъ—въ другомъ, не стѣсняясь притомъ не только административными, но даже государственными границами; наши средне-азіатскіе кочевники нерѣдко

откочевываютъ въ хивинскія владѣнія, буряты—въ китайскую Монголію, а китайскіе кочевники, случалось, прикочевывали въ нашу киргизскую степь. Но и въ обыкновенные годы, при кочеваніи, такъ сказать, по нормальному маршруту, какъ остановки на тѣхъ или другихъ урочищахъ, такъ и время пребыванія на нихъ мѣняются, изъ года въ годъ въ зависимости отъ измѣненія въ разные годы условій погоды. «Въ одномъ году извѣстные кочевники стоятъ на урочищѣ, положимъ, Джалтыръкуль 2 мѣсяца,—въ слѣдующемъ году тѣ же кочевники могли простоять на томъ же урочищѣ только одинъ день, потому что они задержались въ другихъ мѣстахъ, или потому, что въ моментъ ихъ прихода сюда здѣсь скопилось много кочевниковъ и другимъ не было мѣста»; въ то же время урочище, на которомъ проводила лѣто одна кочевая группа, осенью или зимою сплошь и рядомъ служитъ мѣстомъ стоянки или пастбищемъ другой. При такихъ условіяхъ «въ этотъ періодъ кочевого хозяйства у населенія не возникало и не могло возникнуть понятія объ исключительномъ правѣ владѣнія. Въ древнія времена, когда китайцы требовали отъ киргизъ подати, они отвѣчали: «Небо производитъ траву и воду; скотъ есть даръ неба, пасемъ его и себя пропитываемъ сами, за что же будемъ давать другому?»[1]).

Итакъ, чисто-кочевому быту сопутствуетъ безусловная неопредѣленность и общность землепользованія; вся степь общая, каждый можетъ кочевать и дѣйствительно кочуетъ, гдѣ ему угодно и удобно. И такая общность и свобода кочеванія превосходно уживаются съ существованіемъ издавна установившихся, обычныхъ кочевыхъ путей и обычныхъ стоянокъ, которыхъ изъ года въ годъ придерживается каждая родовая группа, за исключеніемъ случаевъ исключительной безкормицы, вообще ненормальнаго распредѣленія урожая кормовъ по территоріи степи. Такіе обычные пути существуютъ не только у отдѣльныхъ, мельчайшихъ кочевыхъ группъ, но и у цѣлыхъ родовъ или болѣе обширныхъ родовыхъ подраздѣленій: вся степь какъ бы разбита на длинныя и узкія полосы, вытянувшіяся на сотни верстъ, въ направленіи въ равнинахъ съ юга на сѣверъ, въ горныхъ мѣстностяхъ отъ жаркихъ долинъ къ нагорнымъ лѣтнимъ пастбищамъ,—и каждая такая полоса представляетъ собою обычный кочевой путь или районъ кочевокъ той или иной родовой группы. Такое чисто фактическое, обычное обособленіе кочевыхъ путей и стоянокъ между родовыми группами, при безусловной юридической свободѣ пользованія, было дѣломъ чисто хозяйственной необходимости: «отдѣльные кочевые аулы, состоящіе обыкновенно изъ

[1]) «Матеріалы» экспедиціи по изслѣдов. Степной области, Кустанайскій уѣздъ, стр. 9—10.

2—5 кибитокъ и составляющіе въ сущности одну большую семью, путешествуя на протяженіи сотенъ верстъ по безлюднымъ и дикимъ мѣстностямъ, естественно должны были придерживаться тѣхъ путей, гдѣ они чаще могли встрѣтить или настигнуть своихъ родственниковъ, которые въ случаѣ какой-либо опасности—нападенія крупныхъ хищниковъ или грабителей изъ другихъ ордъ или племенъ, могли бы оказать помощь или защиту; при обширности пространствъ, находившихся нѣкогда въ пользованіи кочевого населенія, и при относительно ничтожной численности его, интересы всѣхъ и каждаго заставляли поддерживать родственныя связи, какъ единственное средство самозащиты»[1]).

Повторяю—обособленіе кочевыхъ путей и стоянокъ—первоначально чисто-фактическое, хозяйственное, безъ всякаго юридическаго значенія: каждая кочевая группа, въ виду своего же удобства, передвигается *своимъ* путемъ, но *можетъ* передвигаться и какимъ угодно другимъ, и эта теоретическая возможность претворяется въ дѣйствительность, когда къ тому вынуждаетъ, напримѣръ, мѣстная безкормица.

Болѣе опредѣленное обособленіе появляется, прежде всего, на зимнихъ стоянкахъ. Но и здѣсь обособленіе это, въ теченіе долгаго времени, сохраняетъ чисто-фактическій, хозяйственный характеръ; обособляется притомъ не какая-либо опредѣленная, отграниченная территорія, а только *стоянка*—пунктъ, на которомъ воздвигается юрта, и при ней «орысъ»—пространство, служащее для выпаса мелкаго скота. «Признакомъ принадлежности стоянки аулу служитъ пометъ зимовавшаго здѣсь скота, откуда и самое названіе такихъ зимнихъ стоянокъ—«коунъ», т. е. уплотненный, растоптанный пометъ; если киргизъ проведетъ на какомъ-либо мѣстѣ зиму со своимъ скотомъ, оставитъ тамъ «коунъ», такъ на будущую зиму онъ имѣетъ право считать эту стоянку своею. По величинѣ «коуна» можно судить о количествѣ спавшаго на немъ скота, а слѣдовательно можно приблизительно опредѣлить и пространство окружающихъ пастбищъ, которыя пользуются этимъ скотомъ («орысъ»), что въ свою очередь опредѣляетъ мѣстности, гдѣ могутъ быть основаны новыя стоянки («коуны») безъ стѣсненія скота перваго зимовщика и послѣдующихъ».

И уже такое, хотя бы и чисто фактическое, обособленіе зимнихъ стоянокъ является отклоненіемъ отъ первоначально господствовавшаго принципа безграничной свободы пользованія степью,—является слѣдствіемъ надвигающагося «утѣсненія»: «потребность въ такомъ регулированіи землепользованія явилась только тогда, когда значительно сократились зимнія ко-

[1]) Тамъ же, стр. 10.

чевки и многіе хозяева начали ежегодно приходить на одно и то же мѣсто и проводить на немъ нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ»; первый шагъ къ обособленію землевладѣнія сопутствуетъ, значитъ, первому шагу на длинномъ пути перехода къ осѣдлымъ формамъ быта и хозяйства; «ранѣе, когда зимнія кочевки были обычнымъ, господствующимъ явленіемъ, «коуны» не имѣли такого значенія...»

Но вотъ, на мѣстѣ, облюбованномъ для ежегодной зимней стоянки, появляется постоянное зимнее жилище. Вмѣстѣ съ нимъ появляется мелкая селидебная группа—у киргизъ аулъ, у бурятъ хоттонъ и т. п. Это—недѣлимое ни во время зимней стоянки, ни во время лѣтняго кочеванія, соединеніе нѣсколькихъ домохозяйствъ, совмѣстно проводящихъ зиму и совмѣстно совершающихъ кочевку; соединеніе, иногда носящее характеръ большой семьи, объединенной родственной связью, обычно—не дальше третьяго колѣна; иногда—скрѣпленное не столько родственною связью, сколько экономическою или соціальною,—нѣчто вродѣ патрона съ «состоящими при немъ» кліентами. Эти мелкія группы, я сказалъ, не раздробляются ни лѣтомъ, ни зимою; но лѣтомъ онѣ, въ видѣ правила, соединяются въ болѣе обширныя кочевыя группы, по нѣсколько ауловъ или хоттоновъ въ каждой—въ «лѣтніе аулы». «Большая величина лѣтнихъ ауловъ зависитъ прежде всего, конечно, отъ того, что совмѣстная пастьба большихъ стадъ, разумѣется до извѣстнаго предѣла, обходится дешевле; во-2-хъ, бо̀льшему числу людей легче уберечь свои стада какъ отъ звѣря, такъ и отъ человѣка; въ-3-хъ, при совмѣстномъ кочеваніи возможенъ обмѣнъ услугами, необходимыми для однихъ и полезными для другихъ; наконецъ, лѣтнее время является до извѣстной степени праздникомъ для киргизъ (и вообще для кочевниковъ. А. К.),—въ это время они дѣлаютъ разныя общественныя дѣла и къ нему пріурочиваютъ различныя торжества, почему и предпочитаютъ быть большими группами»[1]).

И зимнія жилища, и мелкія селидебныя группы появлялись иногда раньше, чѣмъ сѣнокошеніе, иногда, повидимому, одновременно съ послѣднимъ. И въ этомъ случаѣ, однако, еще очень долго сохранялъ и сохраняетъ свое значеніе зимній выпасъ скота—такъ называемое тебеневаніе, очень постепенно уступающее мѣсто содержанію на сѣнѣ все возрастающей части скота. Но разъ кочевникъ всю зиму проводитъ на одномъ мѣстѣ. и разъ при этомъ скотъ, въ томъ числѣ и мелкій, не могущій уходить далко отъ загоновъ, долженъ располагать подножнымъ кормомъ, то первенствующею заботою кочевника, на этихъ первоначальныхъ стадіяхъ его осѣданія, является—обезпечить

[1]) Усть-Каменогорскій уѣздъ, стр. 13.

мелкому скоту возможность тебеневанія на непосредственно-прилегающихъ къ зимовкѣ зимнихъ пастбищахъ. Это обстоятельство, прежде всего, отражается на разселеніи. Мелкій скотъ, я сказалъ, не можетъ уходить далеко отъ загоновъ; въ предѣлахъ же небольшого радіуса можетъ найтись кормъ лишь для небольшого количества скота, слѣдовательно—для скота, принадлежащаго очень небольшому числу домохозяйствъ; поэтому начинающимъ осѣдать кочевникамъ приходится разселяться по возможности мелкими группами, и лишь постепенно, когда тебеневаніе постепенно вытѣсняется сѣнокошеніемъ, становится возможнымъ образованіе болѣе крупныхъ селидебныхъ группъ. Цифры съ безусловною правильностью подтверждаютъ эту законосообразность: въ южной части, напримѣръ, Атбасарскаго уѣзда, гдѣ скотъ всю зиму проводитъ на подножномъ корму, зимній аулъ состоитъ, въ среднемъ, всего изъ 4-хъ хозяйствъ; въ сѣверной части того же уѣзда, гдѣ сѣнокошеніе сдѣлало значительные успѣхи, средній составъ аула—8, въ Актюбинскомъ уѣздѣ, очень далеко ушедшемъ по пути къ осѣдлымъ формамъ быта и хозяйства,—14 хозяйствъ: «когда мелкій скотъ зимою питается преимущественно сѣномъ, большія поселенія представляютъ извѣстныя преимущества передъ маленькими, и во всякомъ случаѣ нѣтъ необходимости селиться подальше другъ отъ друга», тогда какъ тамъ, «гдѣ скотъ и зимою находится на подножномъ корму, необходимо селиться пошире, чтобы не стѣснять пастьбу скота»[1]).

Важнѣе для насъ другое обстоятельство—обособленіе прилегающихъ непосредственно къ зимовкамъ овечьихъ пастбищъ,—у киргизъ корыковъ или кой-булюковъ: ихъ берегутъ, «какъ мясо въ сорумъ»—какъ мясо, оставляемое на зиму отъ осенней забойки скота; на нихъ вся надежда кочевника «на черный день»,—естественно, что каждый, занявшій зимовое стойбище и построившій себѣ на немъ зимовку, старается обезпечить за собой прилегающіе кой-булюки, стремится обратить ихъ въ свое исключительное достояніе. И въ соотвѣтствіи съ огромнымъ, на данной стадіи эволюціи кочевого хозяйства, значеніемъ угодій этого типа, по отношенію къ нимъ ранѣе всего появляется строгое обособленіе владѣній: кой-булюки смежныхъ ауловъ отдѣляются другъ отъ друга не только условными естественными (камень, сопка, дерево и т. п.), но даже искусственными граничными знаками, въ видѣ кучекъ камня, ямокъ и т. п.; мало того, кой-булюки обособляются даже внутри хозяйственнаго аула, является *подворное* пользованіе овечьими зимними пастбищами, появляются и попытки уравненія ихъ въ случаѣ слишкомъ рѣзко бросающейся въ глаза неравномѣрности ихъ рас-

[1]) Атбасарскій уѣздъ, стр. V.

предѣленія, или при необходимости надѣленія вновь образующихся и обстраивающихся домохозяйствъ. И что̀ крайне любопытно—при прогрессирующемъ «утѣсненіи» границы между хозяйствами и аулами сплошь и рядомъ исчезаютъ: перестаютъ дѣлить, потому что нечего становится дѣлить. Получается такая схема эволюціи пользованія пастбищами этого типа: «въ общинахъ съ земельнымъ просторомъ границы внутри общины не соблюдаются, хотя бы таковыя и имѣлись; съ ростомъ стадъ является необходимость выдѣлить хотя бы кой-булюки, затѣмъ вообще раздѣлить всю землю между аулами и, наконецъ, когда дѣлается еще тѣснѣе, приходится отказываться отъ соблюденія границъ и переходить къ совмѣстному использованію своихъ пастбищъ»[1]).

Не остаются безъ измѣненія также способы и порядки пользованія всею остальною массою пастбищъ, не вошедшею въ районы непосредственнаго притяженія зимовокъ. Съ появленіемъ постоянныхъ зимнихъ жилищъ, съ обособленіемъ прилегающихъ къ нимъ пастбищъ, съ развитіемъ сѣнокошенія, а затѣмъ и земледѣлія, область обособленнаго пользованія, иначе сказать—такъ называемыя призимовочныя площади, все болѣе и болѣе расширяется на счетъ свободно используемыхъ, по преимуществу лѣтнихъ пастбищъ. Происходитъ безостановочный процессъ захвата, подъ ту или другую категорію угодій обособленнаго пользованія, все новыхъ и новыхъ площадей, до того составлявшихъ вольное общее пастбище; возникаютъ все новыя зимовки, распахиваются все новыя пашни, захватываются все новые покосы. Новыя осѣдлости образуются по преимуществу при тѣхъ или другихъ, ранѣе использовавшихся во время лѣтняго кочеванія, водныхъ источникахъ—при доступныхъ для водопоя берегахъ рѣкъ, при озерахъ, колодцахъ и т. п. Но благодаря этому, сплошь и рядомъ, становятся недоступными для кочеванія, за безводностью, во много разъ болѣе обширныя пространства, чѣмъ сколько непосредственно занято подъ зимовки и призимовочныя угодья. Прежде единая и безраздѣльная, всѣми вольно использовавшаяся, степь испещряется безконечнымъ множествомъ площадей обособленнаго пользованія, закрытыхъ для кочеванія; для характеристики той степени интенсивности, которой, съ теченіемъ времени, достигаетъ этотъ процессъ, достаточно упомянуть о томъ, что при недавнихъ съемкахъ, производившихся на сѣверной окраинѣ Уральской области, оказалось совершенно невозможнымъ выдѣлить на планахъ общія лѣтовки,—до такой степени онѣ уже испещрены всякаго рода угодьями, вообще площадями, по тому или другому основанію изъятыми изъ свободнаго пользованія. Само собою по-

[1]) Каркарал. уѣздъ, стр. 25.

нятно, насколько такимъ способомъ сокращается просторъ для кочеванія: вмѣсто прежней, ничѣмъ, кромѣ собственной выгоды кочевниковъ, не ограниченной свободы кочеванія, для послѣдняго, въ районахъ осѣданія, остаются открытыми только строго опредѣленные, болѣе или менѣе узкіе кочевые пути; для лѣтнихъ стоянокъ остается доступнымъ все меньше пространствъ, и сплошь и рядомъ кочевники, въ одномъ году лѣтовавшіе со своимъ скотомъ на извѣстномъ урочищѣ, на слѣдующій годъ находятъ здѣсь вновь возникшія зимовки или вновь распаханныя пашни и видятъ себя вынужденными искать новаго мѣста для лѣтней стоянки. На этой почвѣ не могутъ не возникать и дѣйствительно возникаютъ постоянныя столкновенія между осѣдающимъ населеніемъ и тѣми, кто еще продолжаетъ кочевать. Кочевники—мало того, даже скотъ ихъ, не привыкли подчиняться, при пастьбѣ, какимъ-либо ограниченіямъ; удержать стада въ предѣлахъ площадей и проходовъ, оставшихся свободными для кочеванія, чрезвычайно трудно, да кочевники не всегда объ этомъ и заботятся; отсюда—постоянныя потравы, споры и иски изъ-за потравъ, захваты пойманнаго на потравѣ скота, вообще всевозможныя столкновенія, сплошь и рядомъ принимающія болѣе или менѣе острый характеръ. Даже у такого, въ общемъ, мирнаго народа, какъ киргизы, эти столкновенія, сплошь и рядомъ, ведутъ за собой побоища, угóнъ скота и т. п.,— нечего уже и говорить о такомъ краѣ, какъ Кавказъ, съ его всегда вооруженнымъ и привыкшимъ употреблять оружіе населеніемъ, съ его необузданными нравами и съ его традиціями кровной мести. Повидимому, не можетъ подлежать сомнѣнію, что именно столкновеніе осѣдлаго и кочевого быта создало ту почву, на которой такимъ пышнымъ цвѣтомъ распустились и столь прославившіе Кавказъ разбои, и не менѣе прославившая его племенная и вѣроисповѣдная вражда, въ значительной мѣрѣ сводящаяся къ враждѣ кочевниковъ къ стѣсняющимъ ихъ осѣдлымъ жителямъ и этихъ послѣднихъ—къ нерѣдко разоряющимъ ихъ кочевникамъ. Вѣками выработавшееся, въ условіяхъ чисто-кочевого быта, обычное право оказывается безсильнымъ разрѣшать вопросы, возникающіе на почвѣ столкновенія отжившихъ хозяйственныхъ формъ съ новыми, нарождающимися; отсюда неизбѣжность вмѣшательства административной власти, судъ которой, конечно, тоже далеко не всегда оказывается судомъ Соломона.

Параллельно съ такимъ, быстро прогрессирующимъ сокращеніемъ площади свободныхъ пастбищъ идетъ и постепенное ихъ обособленіе. Въ силу чисто хозяйственныхъ потребностей, изъ нерасчлененной прежде общей массы пастбищъ выдѣляются, прежде всего, осенне-весеннія пастбища—у киргизъ кузеу; это площади, гдѣ осѣдающіе кочевники проводятъ время поле-

выхъ работъ, сѣнокоса и уборки хлѣба,—значитъ площади, болѣе или менѣе непосредственно прилегающія къ зимовкамъ и культурнымъ угодьямъ. Но разъ это такъ, то отсюда само собою ясно, что съ возникновеніемъ кузеу они, тѣмъ самымъ, должны исключаться изъ общаго пользованія: кузеу, «по самому своему смыслу, должно быть менѣе свободно для пользованія, чѣмъ джайляу (лѣтнее пастбище), ибо оно должно удовлетворять такимъ требованіямъ, которыя исключаютъ возможность обращенія многихъ пастбищъ подъ кузеу: кузеу должно быть недалеко отъ призимовочныхъ пастбищъ, чтобы стоя на кузеу можно было заниматься приведеніемъ въ порядокъ построекъ на кстау (зимовкѣ), заготовить топливо, а въ иныхъ случаяхъ и сѣно накосить, и хлѣбъ убрать, если покосы и пашни расположены близко кстау; ясно, что далеко не всякое пастбище можетъ служить осеннимъ пастбищемъ»; ясно вмѣстѣ съ тѣмъ, что кузеу только тогда и имѣетъ смыслъ, когда оно становится исключительнымъ достояніемъ того или тѣхъ, къ чьимъ зимовкамъ и культурнымъ землямъ оно лежитъ достаточно близко; при этомъ «обычное явленіе, что водопои на кузеу—изъ колодцевъ, въ силу чего у каждой группы хозяйствъ, котана или аула, имѣется своя опредѣленная стоянка—джуртъ; отсюда уже недалеко и до разграниченія кузеу на части: ты паси свой скотъ до этихъ поръ, а я буду пасти до тѣхъ»[1]).

Тѣ же хозяйственныя условія съ необходимостью ведутъ и къ обособленію собственно лѣтнихъ пастбищъ—джайляу или (въ Закавказьѣ) эйлаговъ. Исконный порядокъ, характерный для чисто-кочевого быта, это—ничѣмъ неограниченное вольное пользованіе: во многихъ мѣстностяхъ лѣтовками и до сихъ поръ «пользуются вольно, безъ всякихъ ограниченій, кромѣ права вольнаго захвата: кто первый захватилъ мѣсто, тотъ ставитъ на немъ свою юрту, не спрашивая ничьего согласія, но на слѣдующее лѣто то же мѣсто можетъ быть захвачено и другимъ, также безъ спроса прежняго хозяина» [2]). Съ развитіемъ сѣнокошенія и земледѣлія такой порядокъ становится неудобнымъ: разъ, примѣрно, въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая приходится производить посѣвъ, съ конца іюня или съ начала іюля заниматься сѣнокосомъ и уборкой хлѣба, то ужъ и на лѣто нельзя откочевывать слишкомъ далеко отъ зимовыхъ стойбищъ; значитъ, такъ или иначе, ближайшія къ зимовкамъ пастбища должны, съ развитіемъ земледѣлія и сѣнокошенія, выдѣлиться изъ прежняго общаго пользованія и обособиться въ отдѣльное пользованіе владѣльцевъ зимовокъ. И дѣйствительно—въ рядѣ мѣстностей лѣтовки уже находятся въ обособленномъ

---

[1]) Каракалинск. у., стр. 36.
[2]) С. П. Швецовъ. «Горный Алтай», стр. 147,

пользованіи отдѣльныхъ родовъ и расположены противъ ихъ зимнихъ пастбищъ»; и хотя «лѣтовочныя площади не имѣютъ отмѣченныхъ живыми урочищами или искусственными знаками границъ, однако, каждый родъ изъ года въ годъ пользуется одними и тѣми же пастбищами, и пастухи стараются, чтобы скотъ разныхъ родовъ не смѣшивался»[1]). Это—одинъ путь, ведущій къ обособленію пользованія на лѣтовкахъ. Есть и другой путь, наблюдаемый преимущественно въ западной полосѣ киргизскихъ степей: это—распредѣленіе тѣхъ, мѣстами все еще обширныхъ, общихъ лѣтовокъ, которыми пользуется продолжающее совершать дальнія кочевки населеніе, какъ результатъ планомѣрной дѣятельности установленныхъ закономъ и дѣйствующихъ подъ непосредственнымъ надзоромъ и фактическимъ руководительствомъ администраціи съѣздовъ выборныхъ отъ населенія уѣздовъ и областей; но это—явленіе,лишь слабо связанное съ тѣми естественно-развивающимися, чисто бытовыми формами пользованія, которыя интересуютъ насъ, а потому на этомъ явленіи я здѣсь не буду останавливаться.

Перехожу затѣмъ къ формамъ владѣнія и пользованія культурными угодьями. Здѣсь приходится отмѣтить рѣзкую разницу между пахотными землями и сѣнокосными угодьями: по отношенію къ послѣднимъ формы и землевладѣнія, и землепользованія всегда достигали и сейчасъ достигаютъ несравненно большей напряженности, чѣмъ по отношенію къ первымъ,—разъ только у кочевниковъ появилось сѣнокошеніе, сѣнокосныя угодья обособляются скорѣе всего, и на нихъ главнымъ образомъ развиваются болѣе напряженныя формы землепользованія. И это совершенно понятно. *Самое появленіе* сѣнокошенія, правда, есть признакъ начавшаго обнаруживаться «утѣсненія» *въ пастбищахъ*. Но это утѣсненіе—въ высокой степени относительное: оно, въ видѣ правила, ощущается только по отношенію къ площадямъ, пригоднымъ для зимняго тебеневанія,—и эти послѣднія, какъ было упомянуто, также очень рано становятся объектомъ обособленнаго пользованія. Въ лѣтнихъ пастбищахъ еще очень долго не испытывается никакого недостатка. Земледѣліе, въ видѣ правила, появляется значительно позднѣе, чѣмъ сѣнокошеніе; значительно позднѣе, поэтому, начинаютъ интересоваться пашнями или, точнѣе, площадями, удобными для распашлики,—и притомъ въ силу чисто топографическихъ условій количество земель, удобныхъ для распашки, обыкновенно бываетъ во много разъ больше, нежели количество сѣнокосовъ. Эти послѣдніе въ засушливыхъ степяхъ киргизскаго или бурятскаго края сосредоточиваются въ сравнительно немногихъ и сравнительно необширныхъ урочищахъ,—ими, поэтому, чрез-

[1]) Каркаралинск. у., стр. 36.

вычайно дорожатъ, что, между прочимъ, находитъ себѣ ясное выраженіе въ существующей у всѣхъ кочевниковъ обычно-правовой нормѣ, запрещающей распахивать покосы; нормѣ, діаметрально противоположной обычному праву, напр., сибирскихъ крестьянъ, провозгласившему правило: «сохѣ препятствовать нельзя». Вотъ почему вмѣстѣ съ появленіемъ сѣнокошенія появляются и сѣнокосныя границы; сѣнокосы очень быстро осваиваются, смотря по размѣрамъ и мѣстоположенію каждаго отдѣльнаго сѣнокоснаго урочища: гдѣ отдѣльными домохозяйствами, гдѣ мелкими селидебными группами, гдѣ болѣе или менѣе обширными соединеніями такихъ группъ. Самое разселеніе осѣдающихъ кочевниковъ въ значительной мѣрѣ опредѣляется расположеніемъ покосовъ: мѣстами, гдѣ сѣнокосныя угодья разбросаны мелкими клочками среди неудобной для сѣнокошенія степи, при каждомъ такомъ урочищѣ возникаетъ отдѣльная зимовка, гдѣ урочище побольше—небольшая группа зимовокъ, и сѣнокосное урочище въ первомъ случаѣ сразу поступаетъ въ подворное владѣніе осѣвшаго при немъ домохозяйства. Если сѣнокосное урочище или группа близко лежащихъ урочищъ поступила въ общее владѣніе болѣе или менѣе значительной группы домохозяевъ, формы пользованія принимаютъ крайне разнообразный видъ. Гдѣ сѣнокосовъ сравнительно много, въ частности—гдѣ запасъ сѣнокосныхъ угодій при данномъ состояніи хозяйства осѣдающихъ кочевниковъ превышаетъ существующую въ нихъ потребность, тамъ пользованіе сѣнокосами вольное: каждый коситъ гдѣ и сколько хочетъ, Гдѣ становится тѣснѣе—это вольное пользованіе ограничивается опредѣленнымъ числомъ косцовъ, какое предоставляется выставлять каждому домохозяйству, при чемъ, въ видѣ правила, многоскотнымъ предоставляется выставлять лишнихъ косцовъ противъ малоскотной бѣдноты. Гдѣ «утѣсненіе» въ сѣнокосахъ стало болѣе ощутительнымъ, тамъ наблюдается либо «подворное» распредѣленіе сѣнокосовъ, либо ежегодный передѣлъ: и какъ передѣлъ, такъ и вольное сѣнокошеніе весьма часто комбинируется съ чрезвычайно распространенною у кочевого населенія формою кошенія сообща, съ распредѣленіемъ скошеннаго сѣна по числу выставленныхъ каждымъ участникомъ такой сѣнокосной артели косцовъ: гдѣ еще существуетъ вольное сѣнокошеніе, тамъ отдѣльныя урочища, въ видѣ правила, «занимаются» группами; гдѣ практикуется ежегодный передѣлъ—тамъ покосы распредѣляются, опять-таки, между группами домохозяевъ, по большей части связанныхъ между собою близкимъ кровнымъ родствомъ, и затѣмъ каждая такая группа коситъ сообща и распредѣляетъ между собой накошенное сѣно.

Къ сожалѣнію, данныя о формахъ пользованія сѣнокосными угодьями, добытыя при изслѣдованіи киргизъ (о которыхъ,

собственно, идетъ рѣчь въ данную минуту), не отличаются желательною отчетливостью, что̀, можетъ быть, было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ неотчетливости и расплывчатости самихъ формъ. Поэтому не только послѣдовательность смѣны разныхъ формъ, но даже сущность нѣкоторыхъ изъ нихъ не можетъ быть установлена съ совершенною достовѣрностью. Это приходится сказать, въ особенности, о той формѣ, которую мы, слѣдуя за Ф. А. Щербиной и его сотрудниками, обозначили названіемъ «подворной»: корень этой формы, несомнѣнно, въ первобытномъ захватѣ, возникающемъ на почвѣ значительнаго избытка угодій; въ томъ самомъ захватѣ, который составляетъ первичную форму пользованія и у крестьянъ; но мѣстами этимъ названіемъ обозначается форма, дѣйствительно носящая всѣ признаки типичнаго *подворнаго* владѣнія, съ неизмѣнными границами и съ рѣзко выраженнымъ неравенствомъ отдѣльныхъ подворныхъ участковъ; въ другихъ случаяхъ «подворное» пользованіе совмѣщается съ періодическими «поравненіями» участковъ отдѣльныхъ домохозяйствъ или съ такими явленіями переходнаго характера, какъ свободное кошеніе всѣми желающими остатковъ на «подворныхъ» участкахъ, или какъ временныя «поравненія» при неурожаяхъ травъ. Вообще, едва ли можно говорить о тождествѣ «подворнаго» пользованія сѣнокосами съ подворнымъ владѣніемъ, какъ правомъ собственности въ полномъ его объемѣ; «подворное пользованіе сѣнокосами представляетъ собою лишь извѣстный пріемъ, порядокъ землепользованія, чѣмъ только и могутъ быть объяснены переходы отъ подворнаго пользованія сѣнокосами къ общинно-артельному»[1]); это, повторяю, такой же пріемъ, такой же порядокъ землепользованія, какъ и тѣ разнообразныя формы захвата у крестьянъ, о которыхъ мнѣ придется говорить въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Какъ я сказалъ, весьма трудно уловить и послѣдовательность перехода отъ однѣхъ формъ пользованія покосами къ другимъ—имѣющіяся указанія довольно неясны и противорѣчивы. Съ извѣстною достовѣрностью можно, повидимому, сказать только одно: что подворное пользованіе, кромѣ случаевъ, когда оно связано съ подворнымъ разселеніемъ, не представляетъ собою первобытной формы пользованія покосами. Это и понятно, потому что, вѣдь, самое понятіе «двора», домохозяйства не существовало у чистыхъ кочевниковъ и развивалось лишь по мѣрѣ осѣданія; первоначальною формою было, повидимому, вольное сѣнокошеніе, изъ котораго затѣмъ, по мѣрѣ надвигавшагося «утѣсненія», развивались тѣ или другія, болѣе напряженныя формы пользованія. Но *въ какомъ порядкѣ* смѣняли другъ друга эти формы—на этотъ вопросъ не предста-

[1]) Омскій у., стр. 35.

вляется возможности дать опредѣленнаго, болѣе или менѣе общаго отвѣта: въ однѣхъ мѣстностяхъ подворное пользованіе смѣнялось ежегодными передѣлами съ кошеніемъ сообща, въ въ другихъ—смѣна формъ шла въ обратномъ порядкѣ. Очень можетъ быть, что такая пестрота и такое отсутствіе однообразія объясняются двойственностью тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ совершалась разсматриваемая смѣна формъ: съ одной стороны «утѣсненіе» толкало отъ захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ пользованія; съ другой—ослабленіе исконной родовой связи имѣло однимъ изъ своихъ послѣдствій исчезновеніе артельныхъ формъ эксплоатаціи угодій и обособленіе землепользованія. Въ однѣхъ мѣстностяхъ, можетъ быть, преобладающее вліяніе оказало первое изъ этихъ условій, въ другихъ второе. Есть, однако, факты, позволяющіе если не утверждать, то, во всякомъ случаѣ, предполагать, что *нормальнымъ* типомъ эволюціи была смѣна «подворныхъ» формъ уравнительными, въ видѣ ежегоднихъ передѣловъ: въ рядѣ случаевъ, именно, изслѣдованіе могло наблюдать послѣдствія событій, которыя съ полнымъ правомъ можно подвести подъ понятіе «соціальнаго опыта», хотя и непреднамѣреннаго,—именно отобранія болѣе или менѣе значительной части земель, состоявшихъ въ пользованіи извѣстныхъ группъ киргизовъ, съ цѣлью отвода отрѣзанныхъ земель переселенцамъ. Такія отрѣзки были, очевидно, равносильны внезапному сокращенію земельнаго простора въ такой мѣрѣ, которая при нормальномъ теченіи событій наступила бы лишь по истеченіи нѣсколькихъ, можетъ быть многихъ, десятилѣтій. И вотъ, за такимъ внезапнымъ сокращеніемъ земельнаго простора во всѣхъ отмѣченныхъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ случаяхъ слѣдовала замѣна подворной формы пользованія ежегоднымъ передѣломъ, что и позволяетъ именно въ такой замѣнѣ видѣть естественный типъ эволюціи порядковъ пользованія сѣнокосами.

Какъ я сказалъ, все сказанное относится къ формамъ пользованія сѣнокосами у киргизъ. Гораздо отчетливѣе эволюція отъ свободныхъ формъ пользованія сѣнокосными угодьями къ общинно-уравнительнымъ проявляется у бурятъ, что и естественно, потому что самое сѣнокошеніе, вообще осѣдлыя формы быта и хозяйства, сдѣлали у извѣстной части бурятъ далеко бо̀льшіе успѣхи нежели у киргизъ. Подробно описанная мѣстнымъ изслѣдованіемъ, эволюція сѣнокосныхъ порядковъ у бурятъ въ общемъ очень похожа на эволюцію порядковъ пользованія покосами у сибирскихъ крестьянъ, но только типы этой эволюціи у первыхъ еще разнообразнѣе, нежели у вторыхъ: Какъ у крестьянъ такъ и у бурятъ мы наблюдаемъ прочное захватное пользованіе сѣнокосными расчистками, по видимости представляющее много сходства съ подворнымъ владѣніемъ, и

постепенный переходъ отъ этой формы къ общинно-уравнительному пользованію. По отношенію къ «гладкимъ», степнымъ или луговымъ покосамъ первоначальная форма пользованія—вольный захватъ на одинъ сѣнокосный періодъ, и отсюда—опять-таки крайне постепенный переходъ къ ежегоднымъ передѣламъ; все формы и типы, о которыхъ мнѣ удобнѣе будетъ говорить, когда я перейду къ эволюціи формъ пользованія у крестьянъ. Но у забайкальскихъ бурятъ наблюдается и такой типъ эволюціи формъ пользованія «гладкими» покосами, который совершенно не встрѣчается у крестьянъ — типъ, стоящій, очевидно, въ связи съ чисто—хозяйственными и бытовыми условіями, вызвавшими развитіе у бурятъ также совершенно неизвѣстнаго крестьянамъ явленія—огораживанія сѣнокосовъ. Именно, переходъ отъ вольнаго пользованія къ ежегоднымъ передѣламъ происходитъ у бурятъ, въ видѣ правила, не непосредственно, а черезъ переходную форму поскòтинной (поскòтина—городьба) артели, сначала носящей характеръ совершенно свободнаго хозяйственнаго союза, во всякое время открытаго для доступа новыхъ участниковъ и, слѣдовательно, совершенно не имѣющаго характера замкнутой вовнѣ земельной единицы. Постепенно этотъ союзъ замыкается вовнѣ—вошедшія въ городьбу сѣнокосныя угодья становятся исключительнымъ достояніемъ участниковъ этой городьбы, и затѣмъ уже, подъ вліяніемъ прогрессирующаго «утѣсненія», внутри этой поскòтинной общины совершается переходъ отъ захватнаго къ уравнительному пользованію покосами, которое—мнѣ достаточно здѣсь краткаго о томъ упоминанія—достигло среди забайкальскихъ инородцевъ очень значительнаго распространенія: въ группѣ кочевыхъ инородцевъ передѣляется свыше половины общаго количества покосовъ, въ группѣ казаковъ-бурятъ—болѣе девяти десятыхъ: въ западномъ Забайкальѣ 94%, въ восточномъ—93% общаго количества покосовъ.

Порядки пользованія землями, удобными для распашки, остаются у инородцевъ, какъ, впрочемъ, и у крестьянъ, далеко позади порядковъ пользованія сѣнокосными угодьями: какъ я уже упоминалъ, самая потребность въ пашнѣ у кочевниковъ возникаетъ позднѣе, иногда значительно позднѣе, и въ то же время по отношенію къ пахотнымъ землямъ эта потребность встрѣчается съ несравненно бòльшимъ просторомъ. Вотъ почему и разграниченіе *владѣній* въ данномъ случаѣ обнаруживается гораздо позднѣе и слабѣе, и формы *пользованія* достигаютъ гораздо меньшаго развитія и напряженности. У киргизъ, у алтайскихъ инородцевъ, пользованіе пашнями исключительно вольное—каждый можетъ пахать гдѣ ему угодно и сколько угодно, но въ виду соображеній удобства, чтобы оберечь посѣвы отъ потравъ, обыкновенно пашутъ либо на ближайшихъ къ

зимовкамъ урочищахъ, либо на такихъ, лежащихъ гдѣ-нибудь на отлетѣ, куда скотъ не заходитъ, напр., по недостатку водопоевъ. Поскольку община вмѣшивается въ пахотные распорядки, ея вмѣшательство сводится къ указанію мѣстъ, гдѣ могутъ и гдѣ не могутъ производиться распашки; она выступаетъ, значитъ, не въ общинно-уравнительной, а въ чисто хозяйственной функціи, подобно тому, напр., какъ дѣйствуетъ союзъ подворныхъ владѣльцевъ въ районахъ съ трехпольнымъ или съ правильнымъ молочнымъ хозяйствомъ. Самый типъ вольнаго пользованія пахотными землями, повидимому, не можетъ быть признанъ вполнѣ установившимся; но преобладаетъ, опять-таки повидимому, такая форма захвата, при которой исключительное право на однажды распаханную землю сохраняется за распахавшимъ до тѣхъ поръ, пока сохранились какіе-либо слѣды влагавшагося въ обработку пашни труда. Даже когда пашня заброшена въ залежь, «какъ падалкой, такъ и ковылемъ на такихъ залежахъ могутъ пользоваться (жать и косить) только хозяева, впервые разработавшіе землю»,—и это до тѣхъ поръ, «пока залежь не сравняется совершенно со степью, а послѣ ее можетъ распахивать и косить любой изъ членовъ общины»[1])—той самой общины, которая, такъ или иначе, распоряжается еще нераспаханною, но годною для распашки и для сѣнокошенія степью. Въ этомъ отношеніи развитіе пашни и сѣнокошенія сопровождается, опять-таки, очень любопытными явленіями, въ смыслѣ обособленія землевладѣнія: пока степь служитъ только пастбищемъ, она не знаетъ, во многихъ еще мѣстностяхъ, никакихъ границъ; но когда ее начинаютъ распахивать, такія границы появляются—каждая группа домохозяйствъ или каждая группа группъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ, присваиваетъ своимъ членамъ исключительно право распашки земель, располагающихся между двумя «мысленными» линіями, которыя проводятся въ глубь степи, составляя продолженіе уже твердо установленныхъ границъ призимовочныхъ угодій; и такія же «мысленныя» границы появляются на ковыльныхъ степяхъ съ распространеніемъ сѣнокосилокъ, когда начинаетъ коситься не поддающійся простой ручной косѣ ковыль.

Сказанное относится, опять-таки, къ киргизамъ и частью къ алтайскимъ инородцамъ; у послѣднихъ на-ряду съ охарактеризованною формою пользованія, наблюдаемою по отношенію къ «гладкимъ» пашнямъ, существуетъ длительный захватъ по отношенію къ пашнямъ, расчищеннымъ изъ-подъ лѣса, слѣдовательно, потребовавшимъ болѣе или менѣе значительной предварительной затраты труда. У бурятъ эволюція и въ данномъ случаѣ пошла значительно дальше: у нихъ наблюдаются, опять-

[1]) Кустанайскій у., стр. 38.

таки, всѣ формы пользованія пашнями, начиная отъ разнообразныхъ формъ первобытнаго захвата и кончая самыми выработанными формами общинно-уравнительнаго пользованія. При этомъ въ крайне многоземельномъ—поскольку рѣчь идетъ о пахотныхъ степяхъ—восточномъ Забайкальѣ передѣлы и даже простыя «поравненія» пахотныхъ земель еще совершенно не встрѣчаются—эволюція не пошла здѣсь дальше тѣхъ или другихъ ограниченій первобытнаго захвата; въ гораздо болѣе малоземельномъ западномъ Забайкальѣ даже у кочевыхъ инородцевъ въ общинно-уравнительномъ пользованіи состоитъ уже свыше четверти общаго количества пашенъ, у казаковъ-бурятъ немногимъ менѣе половины; въ томъ и другомъ случаѣ, значитъ, эволюція формъ пользованія пашнями и здѣсь сдѣлала далеко меньшіе успѣхи, нежели эволюція формъ пользованія покосами.

Совершенно особое мѣсто занимаютъ, съ точки зрѣнія формъ землепользованія, орошаемыя пашни—замѣчу мимоходомъ, что среди осѣдающихъ кочевниковъ ирригація и въ Забайкальѣ, и въ другихъ сибирскихъ полукочевыхъ районахъ, и въ киргизскомъ краѣ пользуется очень большимъ распространеніемъ, что, конечно, стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ естественными условіями и въ частности—съ засушливымъ климатомъ большей части тѣхъ районовъ, гдѣ сосредоточивается кочевое и полукочевое населеніе. Вездѣ, гдѣ только существуетъ искусственное орошеніе, вода въ хозяйственномъ отношеніи доминируетъ надъ землей: степенью изобилія и характеромъ водныхъ источниковъ, могущихъ быть использованными для ирригаціи, опредѣляется система полеводства, выборъ растеній, входящихъ въ обычные сѣвообороты и т. п. То же самое преобладаніе воды надъ землею съ полною ясностью обозначается и въ области формъ землепользованія. По дѣйствующему во всѣхъ районахъ ирригаціоннаго хозяйства обычному праву, а также по мусульманскому праву, дѣйствующему среди осѣдлаго и осѣдающаго населенія средней Азіи и Закавказья, вода, разъ она выведена изъ естественнаго состоянія посредствомъ какихъ-либо оросительныхъ сооруженій, принадлежитъ тому, кто ее вывелъ, а земля принадлежитъ ея «оживителю» въ такомъ количествѣ, какое можетъ быть орошено за счетъ выведеннаго количества воды. Формы, въ которыя облекается и въ которыхъ воплощается этотъ общій принципъ, крайне разнообразны, въ зависимости опять-таки отъ чисто хозяйственныхъ условій и на первомъ мѣстѣ—отъ размѣровъ и характера тѣхъ водныхъ источниковъ, которые используются для цѣлей орошенія. Гдѣ такимъ источникомъ является, напримѣръ, небольшой горный ключикъ, изъ котораго вывести воду подъ силу одной семьѣ и который можетъ дать воды не больше, чѣмъ на нужды одной семьи, или гдѣ выводъ воды изъ рѣки или озера производится водоподъемными

колесами, такъ называемыми «чигирями» (система орошенія, опять-таки, доступная отдѣльной семьѣ и обслуживающая, въ каждомъ случаѣ, лишь очень ограниченное количество земли),— тамъ возникаетъ подворное пользованіе или даже, вѣрнѣе, подворное владѣніе водою и землею. Гдѣ ирригаціонныя сооруженія требуются нѣсколько болѣе крупныя, тамъ для устройства ихъ составляются небольшія артели, въ двѣ-три семьи, по большей части связанныхъ между собой родственными отношеніями; распредѣленіе пользованія водою и землею, при указанныхъ особенностяхъ состава такихъ артелей, по большей части не подчиняется никакимъ опредѣленнымъ правиламъ и происходитъ въ каждомъ случаѣ по простому, ничѣмъ не оформленному соглашенію. Гдѣ требуются болѣе крупныя магистральныя канавы или распредѣлители отъ издавна существующихъ большихъ магистральныхъ каналовъ,—тамъ единицей владѣнія и пользованія водою и землею является болѣе или менѣе многолюдная община-артель, обнимающая всѣхъ участниковъ въ сооруженіи даннаго канала или ихъ потомковъ. Характерный примѣръ этого рода представляетъ побережье рѣки Чу, отдѣляющей сѣверныя киргизскія области отъ южныхъ, туркестанскихъ; по этой рѣкѣ располагается многочисленное полуосѣвшее населеніе, ведущее исключительно поливное земледѣльческое хозяйство; въ предѣлахъ одного Каркаралинскаго уѣзда населеніе это группируется въ 18 общинъ, по числу «тогановъ»— магистральныхъ ирригаціонныхъ каналовъ, выведенныхъ непосредственно изъ рѣки; каждая такая община имѣетъ свой каналъ, и она же имѣетъ исключительное право пользованія землею на всемъ пространствѣ *ниже* этого канала, до слѣдующаго канала, выведеннаго изъ рѣки, ниже по ея теченію. Затѣмъ, внутри каждой изъ такихъ общинъ-артелей распредѣляется, главнымъ образомъ, *вода:* каждый участникъ артели имѣетъ равное съ другими право на воду, которою и пользуется въ установленной, общей для всѣхъ очереди—по суткамъ, полусуткамъ и т. п. Способъ пользованія *землею* въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ характера хозяйства: гдѣ недостатокъ воды, по сравненію съ поддающеюся орошенію площадью, заставляетъ вести переложное хозяйство съ правильнымъ чередованіемъ смѣнъ, тамъ, повидимому, поступающая подъ распашку смѣна разбирается участниками общины-артели на началахъ вольнаго захвата. Гдѣ воды довольно и хозяйство поэтому ведется постоянное,—тамъ преобладаетъ прочное захватное, на первый взглядъ близкое къ подворному, пользованіе, фактически ограничиваемое однако количествомъ отпускаемой каждому домохозяину воды; въ предѣлахъ этого количества каждый можетъ и расширять свою запашку, удлиняя свою оросительную канаву и захватывая этимъ путемъ свободную степь; гдѣ

орошенію поддается, по условіямъ рельефа, строго органиченное пространство и потому такое расширеніе запашекъ за счетъ свободной степи не можетъ имѣть мѣста,—тамъ бываютъ случаи отрѣзки излишней земли отъ захватившихъ больше другихъ, съ цѣлью отвода ея малоземельнымъ или прибылымъ дворамъ—отау; но такіе случаи, повидимому, встрѣчаются рѣдко, господствующею же формою остается, пока, прочный захватъ, ограничиваемый только количествомъ воды, отпускаемой каждому общественнику, члену ирригаціонной артели.

Вотъ болѣе или менѣе все существенное, что̀ даютъ намъ произведенныя, главнымъ образомъ, за послѣднее десятилѣтіе мѣстныя изслѣдованія для характеристики формъ землевладѣнія и землепользованія у кочевого и постепенно осѣдающаго, полукочевого населенія. Нельзя скрывать отъ себя, что многіе изъ отдѣльныхъ моментовъ происходящей въ этой области эволюціи обрисованы въ нашихъ источникахъ далеко не со всею желательною отчетливостью, что сущность отдѣльныхъ формъ и послѣдовательность хода эволюціи нерѣдко остается въ большей или меньшей мѣрѣ неясною. Но если свести въ одну общую картину весь тотъ очень обширный фактическій матеріалъ, съ сущностью котораго мы, конечно, только въ самыхъ общихъ чертахъ могли познакомить читателя, — если въ особенности удѣлить надлежащее мѣсто въ этой общей картинѣ иркутскимъ и забайкальскимъ бурятамъ, то общій смыслъ этой картины—это, несомнѣнно, постепенная эволюція отъ существующихъ при безпредѣльномъ просторѣ неопредѣленныхъ и расплывчатыхъ формъ владѣнія и свободныхъ формъ пользованія угодьями къ развивающемуся, по мѣрѣ прогрессирующаго «утѣсненія», общинно-уравнительному пользованію.

Важное значеніе тѣхъ фактовъ, которые очерчены мною на предшествующихъ страницахъ—въ частности, ихъ значеніе для всякаго, кто интересуется вопросомъ о генезисѣ земельной общины и общинно-уравнительныхъ формъ землепользованія, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Прежде всего—замѣчу мимоходомъ—при изученіи формъ владѣнія и пользованія землею у кочевого и постепенно осѣдающаго полукочевого населенія съ особенною отчетливостью бросается въ глаза та тѣсная зависимость этихъ формъ отъ чисто-хозяйственныхъ условій, которая съ далеко меньшею ясностью можетъ быть наблюдаема у крестьянскаго населенія, и которая, можетъ-быть, стала бы еще гораздо болѣе наглядною и очевидною для читателя, если бы я имѣлъ возможность войти здѣсь въ большія детали и слѣдовательно—ближе прослѣдить параллельную эволюцію хозяйства отъ чисто-кочевого къ осѣдлому, земледѣльческо-скотовод-

ческому типу, и земельныхъ отношеній—отъ отсутствія землевладѣнія и полной свободы землепользованія къ ясно выраженнымъ формамъ общиннаго землевладѣнія и землепользованія. Замѣчу только кратко: изучая шагъ за шагомъ эту эволюцію, я на каждомъ шагу убѣждался въ правильности, для занимающей насъ сферы человѣческихъ отношеній, того принципа, въ силу котораго правовыя, въ частности—обычно-правовыя отношенія являются лишь надстройкою, воздвигающеюся на фундаментѣ чисто производственныхъ отношеній.

Сказаннымъ, однако, въ значительной мѣрѣ предрѣшается вопросъ о роли, въ эволюціи земельныхъ отношеній у кочевого и осѣдающаго населенія, разнаго рода внѣшнихъ вліяній и въ частности—о роли правительственнаго воздѣйствія, податной системы и т. п. Если эволюція формъ землевладѣнія и землепользованія происходитъ въ тѣснѣйшей связи съ эволюціей формъ хозяйства,—если каждый шагъ, въ медленномъ ходѣ развитія формъ землевладѣнія и землепользованія, является необходимымъ слѣдствіемъ чисто-хозяйственныхъ отношеній, то этимъ самымъ устраняется необходимость искать объясненія этой эволюціи въ какихъ бы то ни было внѣшнихъ вліяніяхъ, какъ-то въ давленіи закона, въ административныхъ воздѣйствіяхъ, во вліяніи податной системы и т. п. И справедливость этого апріорнаго заключенія вполнѣ подтверждается положительнымъ матеріаломъ, касающимся эволюціи кочевого и полукочевого землевладѣнія и землепользованія. Въ самомъ дѣлѣ—законъ? Но поскольку рѣчь идетъ о формахъ *землепользованія*, законъ ограничивается немногими, крайне расплывчатыми постановленіями, которыя—если бы даже и предполагать ихъ достаточно извѣстными населенію—не могли ни въ ту, ни въ другую сторону повліять на дѣйствительную, жизненную эволюцію. Такъ, сибирскіе кочевые инородцы, въ томъ числѣ буряты, по закону (пол. инор., ст. 34) «для каждаго поколѣнія имѣютъ назначенныя во владѣніе земли; подробное раздѣленіе участковъ сихъ земель зависитъ отъ самихъ кочующихъ по жеребью или другимъ ихъ обыкновеніямъ». У киргизъ собственно формы землепользованія регулируются двумя статьями—ст. 122 и 127 степн. пол.; согласно одной изъ нихъ, «лѣтнія кочевья остаются въ пользованіи кочевниковъ по обычаямъ»,—согласно другой, «земли обрабатываемыя, а равно занятыя постройками и насажденіями, переходятъ по наслѣдству, доколѣ земля воздѣлывается или существуютъ постройки и насажденія». Едва ли нужно доказывать, что *такого* рода законодательныя постановленія не могли въ какомъ бы то ни было направленіи предрѣшить эволюцію кочевого землепользованія. Попытка такого предрѣшенія сдѣлана законодателемъ по отношенію къ *землевладѣнію* одной изъ группъ нашего кочевого населенія—кирги-

замъ: законъ пріурочилъ владѣніе зимовыми стойбищами и обрабатываемыми землями къ созданнымъ русскимъ правительствомъ административнымъ дѣленіямъ—волостямъ и аульнымъ обществамъ или административнымъ ауламъ —и сдѣлалъ это съ опредѣленною политическою цѣлью—уничтожить исконную родовую связь кочевого населенія. Но достигнувъ, до нѣкоторой степени, успѣха въ этомъ чисто отрицательномъ смыслѣ, законъ не сдѣлалъ изъ киргизской волости и административнаго аула дѣйствительныхъ земельныхъ единицъ: владѣніе разнаго рода угодьями, въ дѣйствительности, продолжаетъ пріурочиваться къ разнообразнѣйшимъ бытовымъ единицамъ и группамъ, начиная отъ отдѣльнаго домохозяйства и кончая болѣе или менѣе обширными и сложными соединеніями селидебныхъ группъ; лишь въ видѣ исключенія административныя, въ частности аульныя границы совпадаютъ съ границами землевладѣнія —такое совпаденіе имѣетъ мѣсто только тамъ, гдѣ эти границы, въ изъятіе изъ общаго правила, были проведены въ соотвѣтствіи со старинными родовыми подраздѣленіями.

Что касается, затѣмъ, административнаго давленія, то въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ уже окончательно просто: во всемъ богатомъ фактическомъ матеріалѣ, касающемся генезиса и эволюціи формъ землевладѣнія и землепользованія у кочевниковъ, нѣтъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы администрація гдѣ-либо и когда-либо вмѣшивалась во внутреннія земельныя отношенія инородческаго населенія, и тѣмъ болѣе—чтобы она гдѣ-либо и когда-либо задавалась цѣлью повести эволюцію этихъ отношеній въ какомъ-либо опредѣленномъ направленіи. Единственное исключеніе составляетъ распредѣленіе общихъ лѣтовокъ у киргизовъ—дѣло, гдѣ дѣйствующій законъ предоставилъ активную роль органамъ мѣстной администраціи; но это вопросъ совершенно особый и стоящій внѣ всякой связи съ общею эволюціею кочевого землевладѣнія и землепользованія: сущность дѣла сводится здѣсь не къ установленію формъ землевладѣнія и землепользованія, а къ «разграниченію сферъ» пользованія осѣдающаго населенія и приходящихъ со стороны кочевниковъ. Во всемъ остальномъ, повторяю, данныя мѣстныхъ изслѣдованій не даютъ никакого основанія предполагать какое бы то ни было административное воздѣйствіе на эволюцію формъ кочевого землевладѣнія и землепользованія.

Нельзя установить какой-либо связи также и между этой эволюціей и установленными дѣйствующимъ закономъ порядками податного обложенія кочевниковъ. Киргизы, напримѣръ, платятъ кибиточную подать, исчисляемую, въ опредѣленномъ закономъ размѣрѣ, съ каждой «кибитки» по послѣднему учету и распредѣляемую «по благосостоянію каждаго кибитковладѣльца» волостными и аульными съѣздами. Прежде всего:

можно ли предполагать причинную зависимость между организаціею податного обложенія и формами землепользованія, если полное однообразіе первой уживается съ крайнимъ разнообразіемъ вторыхъ; если *распредѣляемая по благосостоянію* кибиточная подать свободно мирится и съ безграничною свободою пользованія чистыхъ кочевниковъ, и съ разнообразными формами, носящими болѣе или менѣе рѣзко выраженный уравнительный характеръ, и съ болѣе или менѣе типичнымъ подворнымъ, если не владѣніемъ, то во всякомъ случаѣ пользованіемъ? Далѣе: вѣдь податное обложеніе и разверстка платежей пріурочены, и на этотъ разъ не только номинально, но и *фактически*, къ административнымъ дѣленіямъ, волостямъ и аульнымъ обществамъ; между тѣмъ земельными угодьями владѣютъ и распоряжаются и отдѣльныя домохозяйства, и селидебныя группы, и безконечно разнообразныя соединенія этихъ группъ—,но только *не* тѣ административныя соединенія, которыя являются объектами и субъектами податного обложенія; очевидно отсюда, что земельная связь, поскольку таковая существуетъ, создана чѣмъ угодно, но только не податною связью. Нѣкоторой зависимости между податными и земельными порядками можно искать только въ одномъ отношеніи: можно предполагать, что принципъ раскладки платежей «по благосостоянію», провозглашенный закономъ, не остался безъ вліянія на принятые у кочевниковъ порядки разверстки земли, при которыхъ «благосостояніе» играетъ не малую роль, и состоятельные, многоскотные домохозяева обыкновенно пользуются значительными преимуществами передъ бѣднотою. Но и въ данномъ случаѣ въ первомъ изъ отмѣченныхъ обстоятельствъ едва ли можно видѣть *причину* второго,—вѣрнѣе и въ томъ, и въ другомъ видѣть слѣдствія *одной общей причины:* той рѣзкой соціальной дифференціаціи, которая является неразрывнымъ спутникомъ исконнаго родового строя кочевниковъ; эта дифференціація, несмотря на постепенное, констатируемое всѣми изслѣдователями, ослабленіе основъ родового быта, до сихъ поръ продолжаетъ отражаться на способахъ распредѣленія угодій, и этою же дифференціаціей воспользовалось русское правительство для организаціи податной части у кочевниковъ. Не подлежитъ сомнѣнію одно: что принципъ раскладки по благосостоянію оказался очень выгоднымъ верхнему слою кочевого населенія, создавъ новую опору для его исконнаго преобладанія.

Наконецъ, является вопросъ о значеніи подражанія, заимствованія у крестьянъ. Но и на этотъ вопросъ можно дать, не обинуясь, отрицательный отвѣтъ. У киргизъ эволюція землепользованія въ опредѣленномъ направленіи идетъ уже издавна; она начиналась и шла впередъ, когда киргизы совершенно не соприкасались съ русскими,—да и теперь такое соприкосновеніе

имѣетъ мѣсто далеко не вездѣ, а только по сѣверной и западной границамъ необъятнаго пространства киргизскихъ степей и въ тѣхъ сравнительно немногихъ районахъ, гдѣ расположились болѣе или менѣе значительныя группы русскихъ переселенческихъ поселковъ; а между тѣмъ, изслѣдованіе не даетъ рѣшительно никакихъ основаній предполагать большую, въ такихъ мѣстностяхъ, распространенность уравнительныхъ формъ пользованія, чѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ киргизы совершенно не соприкасались съ русскимъ элементомъ; независимо отъ этого, если эволюція идетъ, въ общихъ чертахъ, въ томъ самомъ направленіи, какъ и у крестьянъ—отъ неограниченной общности владѣнія и отъ безгранично-свободнаго пользованія къ уравнительному, то самыя формы, въ которыя облекаются эти основные принципы, настолько своеобразны и стоятъ въ такой тѣсной связи съ мѣстными естественными и хозяйственными условіями, что о какомъ-либо заимствованіи не можетъ быть и рѣчи.

Не такъ просто разрѣшается данный вопросъ по отношенію къ бурятамъ: они, съ одной стороны, издавна находятся въ тѣсномъ соприкосновеніи съ крестьянскимъ населеніемъ, а съ другой—формы землепользованія у бурятъ и послѣдовательность ихъ эволюціи представляютъ очень много сходнаго съ соотвѣтственными явленіями у крестьянъ, притомъ не только въ общихъ принципахъ, но и въ тѣхъ формахъ, въ которыя выливаются эти принципы. Поэтому возможность заимствованія бурятами тѣхъ или другихъ формъ, возможность нѣкотораго вліянія примѣра русскихъ на эволюцію землепользованія у бурятъ не можетъ считаться ичключенною, и компетентный изслѣдователь формъ землепользованія въ Забайкальѣ, М. А. Кроль, опредѣленно указываетъ на существованіе зависимости этого рода. Однако, придавать этому обстоятельству сколько-нибудь рѣшающее значеніе было бы и въ данномъ случаѣ неправильно. У бурятъ наблюдаются, съ одной стороны, такія формы и такіе типы эволюціи, какіе совершенно не существуютъ у крестьянъ—достаточно напомнить объ охарактеризованной выше поскотинной общинѣ, объ ирригаціонныхъ артеляхъ, о переходѣ отъ вольнаго пользованія сѣнокосами къ уравнительному черезъ промежуточную форму прочнаго захвата. Съ другой стороны, распространенность уравнительныхъ формъ у забайкальскихъ бурятъ, хотя въ общемъ, несомнѣнно, значительно меньшая, чѣмъ у крестьянъ, стоитъ въ строгой зависимости отъ степени земельнаго простора вообще и въ частности—отъ степени избытка или недостатка (конечно, относительнаго) въ угодьяхъ; и что большая или меньшая распространенность уравнительнаго землепользованія зависитъ не отъ условій этнографическаго характера, а именно отъ степени испытываемаго «утѣсненія»,—это доказывается хотя бы уже тѣмъ, что у крайне

многоземельныхъ казаковъ русскаго происхожденія уравнительное пользованіе не только не болѣе, но даже менѣе распространено, чѣмъ у поставленныхъ въ приблизительно одинаковыя съ ними условія земельнаго простора казаковъ-бурятъ; въ западномъ Забайкальѣ, напримѣръ, у казаковъ-бурятъ передѣляется до 46% пашенъ и до 93% покосовъ, у казаковъ русскаго происхожденія—25% первыхъ и 86% вторыхъ. Наконецъ, эволюція землепользованія у бурятъ—совершенно такъ же, какъ и у крестьянъ—идетъ съ такою постепенностью, неограниченный захватъ такъ незамѣтно переходитъ въ тѣ или другія ограниченно-захватныя формы, а отъ этихъ послѣднихъ такъ постепенно и незамѣтно происходитъ переходъ сначала къ зачаточнымъ, потомъ къ болѣе совершеннымъ формамъ уравнительнаго пользованія, что для заимствованія, вообще для какихъ-либо внѣшнихъ вліяній, въ качествѣ рѣшающаго (возможность случайныхъ воздѣйствій, повторяю, не исключена) фактора эволюціи землепользованія у бурятъ рѣшительно не остается мѣста.

И конечный выводъ изъ всего изложеннаго: общинно-уравнительныя формы, поскольку онѣ существуютъ у кочевого и полукочевого населенія Азіатской Россіи, являются продуктомъ естественной эволюціи, обусловленной не какими-либо внѣшними воздѣйствіями, а причинами, коренящимися во всей совокупности условій быта и хозяйства и идущей строго параллельно эволюціи хозяйственныхъ формъ: параллельно переходу отъ чисто-кочевого къ полукочевому и отъ этого послѣдняго—къ осѣдло-земледѣльческому быту.

Но такой выводъ имѣетъ не малое значеніе и для выясненія вопроса о генезисѣ русской крестьянской земельной общины. Съ одной стороны, при *такихъ* условіяхъ нельзя, конечно, видѣть въ русской общинѣ, какъ видѣли славянофилы, продуктъ какихъ-то специфическихъ особенностей *русскаго* народнаго духа. Но съ другой—наличность свободно развивающихся общинно-уравнительныхъ формъ у киргизъ, бурятъ, алтайцевъ, у туземнаго населенія Закавказья и т. п. не можетъ не усиливать тѣхъ сомнѣній, которыя возбуждаетъ «государственная» теорія происхожденія русской общины: если община у некрестьянскаго населенія является продуктомъ естественной эволюціи, то какія основанія предполагать, что русскимъ крестьянамъ она была навязана болѣе или менѣе насильственно, во всякомъ случаѣ извнѣ? если естественная эволюція общинно-уравнительныхъ формъ представляетъ собою общее явленіе, то почему *крестьянская* земельная община явилась бы единственнымъ въ своемъ родѣ исключеніемъ?..

Однако, для насъ остался пока совершенно неразрѣшеннымъ вопросъ: *что же такое община* у кочевого и постепенно

осѣдающаго, полукочевого населенія? Я намѣренно обходилъ до сихъ поръ этотъ коренной вопросъ; я старался избѣгать, по возможности, даже самого слова «община», и говорилъ только о тѣхъ или другихъ формахъ общинно-уравнительнаго пользованія. Что же такое, однако, *сама община* у кочевого и полукочевого населенія?

У типичныхъ кочевниковъ этого понятія совершенно не существуетъ: у нихъ есть кочевыя группы, состоящія либо изъ очень близкихъ родственниковъ, либо изъ богача-патрона съ бѣдняками-кліентами, и связанныя не какою-либо общностью землевладѣнія (о такой общности, очевидно, не могло быть рѣчи, разъ не существовало вообще земле*владѣнія*!), а только родственными и хозяйственными отношеніями; и есть разнообразные по объему и по степени взаимной близости родовые союзы восходящаго порядка, играющіе, какъ выше было отмѣчено, серьезную роль, между прочимъ, при кочевыхъ группировкахъ и при выборѣ направленія кочевокъ, но также не имѣющіе характера земельныхъ единицъ.

Земельными единицами или земельными союзами родовыя группы не являются также и у осѣдающаго или полуосѣдлаго населенія. Родовая связь и теперь сохраняетъ огромное значеніе: если не безусловно всегда, то въ видѣ правила, знающаго, повидимому, лишь немного исключеній, всѣ группировки какъ территоріальныя, начиная отъ мелкой селидебной группы, такъ и артельныя, слагаются *внутри* болѣе или менѣе крупныхъ родовыхъ группъ,—это все соединенія родственниковъ или родовичей; но всѣ такія соединенія—это *не родовыя группы, какъ таковыя,* и не родъ, не родовая связь является ихъ объединяющимъ началомъ. Не родовая связь, въ частности, является началомъ, формирующимъ и связывающимъ общину у осѣдающаго, полукочевого населенія; напротивъ, мѣстное изслѣдованіе многократно констатируетъ, что развивающіяся общинныя формы и отношенія становятся на смѣну отмирающихъ родовыхъ.

Но что же, въ такомъ случаѣ, представляетъ собою община у полукочевого, находящагося на пути къ осѣдлости населенія?.. Мѣстные изслѣдователи напрягли не мало силъ и стараній, чтобы установить, фиксировать это понятіе,—но это не удалось имъ и, какъ мы сейчасъ увидимъ, *не могло* удаться. Изслѣдователямъ Забайкалья пришлось взять за исходный пунктъ подраздѣленіе на булуки, введенные бурятскими властями для совмѣстнаго отбыванія натуральныхъ повинностей, и нѣкоторые изъ нихъ готовы были видѣть въ булукахъ «подраздѣленіе на территоріальныя общины»[1]); однако, какъ выяснилось при ближайшемъ изученіи собраннаго матеріала, бурятскій булукъ

[1]) «Матеріалы» по забайк. обл., т. VI, стр. 112.

лишь болѣе или менѣе случайно совпадаетъ съ земельною общиною: не говоря уже о совершенно безформенномъ, если можно такъ выразиться, пользованіи покосами, гдѣ эти послѣдніе не огораживаются,—«даже въ булукахъ, въ которыхъ покосы находятся въ общей городьбѣ, земельной общины въ общепринятомъ смыслѣ не существуетъ»; булукъ, въ концѣ концовъ, оказывается не болѣе, какъ простымъ географическимъ терминомъ, земельная же и въ частности покосная община у бурятъ «является нерѣдко понятіемъ неопредѣленнымъ и въ значительной степени формальнымъ»[1]). Ф. А. Щербина и его сотрудники по изслѣдованію киргизъ установили понятіе общинно-аульной или общинно-земельной группы, какъ союза, объединяемаго общностью владѣнія и пользованія призимовочными угодьями и, въ видѣ правила, состоящаго изъ нѣсколькихъ селидебныхъ группъ—хозяйственныхъ ауловъ. Но ближайшее ознакомленіе съ матеріаломъ приводитъ къ заключенію, что общинно-земельная группа, какъ она установлена экспедиціею Ф. А. Щербины, не имѣетъ ни одного изъ двухъ основныхъ признаковъ, характеризующихъ общину, какъ единицу землевладѣнія и землепользованія: ни обособленности во-внѣ, ни единства внутри: владѣнія одной группы сплошь и рядомъ не отграничены не только искусственными, но даже условными границами отъ владѣній другихъ, сосѣднихъ, а внутри такого рода группъ, скорѣе въ видѣ общаго правила, чѣмъ въ видѣ исключенія, встрѣчается раздѣльность пользованія всѣми или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыми угодьями. «Киргизская земельно-родовая группа,—говоритъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Ф. А. Щербины, Л. К. Чермакъ, въ одномъ изъ позднѣйшихъ сборниковъ «Матеріаловъ»,—имѣетъ много общаго съ сибирскою сложною общиной: какъ эта послѣдняя, будучи связана общностью владѣнія извѣстною территоріей, представляетъ въ своихъ внутреннихъ поземельныхъ отношеніяхъ самыя разнообразныя комбинаціи, такъ точно и киргизское землепользованіе можно разсматривать, какъ рядъ сложныхъ общинъ, объединенныхъ общностью пользованія лѣтовочными угодьями»[2]).

Всѣ попытки установить, фиксировать понятіе киргизской или бурятской общины, вообще общины у осѣдающихъ кочевниковъ, оказываются такимъ образомъ неудачными,—и это совершенно понятно, потому что общины, какъ замкнутаго во-внѣ и объединеннаго внутри земельнаго союза, у бурятъ и у киргизъ, въ дѣйствительности, еще вовсе не существуетъ. Киргизская или бурятская община—это явленіе еще слагающееся, параллельно съ переходомъ отъ не знавшаго общины чисто-

---

[1]) Томъ X, стр. 8—11.
[2]) Каракарал. у., стр. 4.

кочевого быта къ осѣдлому, связанному съ развитіемъ сѣнокошенія и хлѣбопашества; сѣнокосныя и пахотныя общины, какъ и сами пашни и сѣнокосы, сравнительно недавняго происхожденія: естественно, что община у кочевниковъ, въ частности, напр., бурятская сѣнокосная община, «является нерѣдко понятіемъ весьма неопредѣленнымъ и въ значительной степени формальнымъ». И факторомъ, создающимъ бурятскую покосную общину, является не родовая и не сосѣдская связь; такимъ факторомъ, по свидѣтельству того же М. А. Кроля, «является огораживаніе угодій: моментъ возникновенія городьбы — это моментъ появленія на свѣтъ бурятской земельной общины»[1]).

Такимъ образомъ, зародышъ бурятской общины—это свободно составляющаяся поскотинная артель, та самая, о которой мнѣ пришлось уже говорить немного раньше въ нѣсколько другой связи; форма, въ началѣ тоже болѣе или менѣе аморфная, не создающая опредѣленнаго разграниченія между связанными общею городьбою группами населенія: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и посейчасъ «каждому предоставляется право вступить въ одну изъ имѣющихся сѣнокосныхъ общинъ, безразлично, на земляхъ своего или чужого булука эта община имѣетъ покосы»; а это, какъ и существующій еще мѣстами обычай «удѣлять покосы и членамъ чужой сосѣдней общины, если на покосахъ послѣдней трава не уродилась или уродилась плохо», показываетъ, что «поскотинная община образовалась не затѣмъ, чтобы отмежеваться отъ другихъ и захватить въ свое исключительное пользованіе извѣстныя сѣнокосныя мѣста, а совершенно для другихъ цѣлей»; что поскотинная община—скорѣе артель, чѣмъ община, скорѣе свободный союзъ, заключаемый съ чисто-хозяйственными цѣлями, чѣмъ единица общаго владѣнія и пользованія землей[2]). И лишь мало-по-малу, съ большою постепенностью, эта свободная поскотинная община или артель переходитъ въ законченную форму замкнутой территоріальной общины, въ извѣстныхъ случаяхъ совпадающей съ булукомъ и имѣющей своимъ органомъ булучный сугланъ. Переходный процессъ прослѣженъ изслѣдованіемъ не съ тою ясностью, какая была бы желательна; но уже самый фактъ постепеннаго развитія типичной территоріальной общины изъ свободно составляющагося, чисто хозяйственнаго союза имѣетъ немаловажное общее значеніе и бросаетъ яркій свѣтъ на общій вопросъ о происхожденіи земельной общины.

Это—одинъ частный случай; другой, аналогичный по существу, представляютъ собою охарактеризованныя выше ирригаціонныя артели у тѣхъ же бурятъ и въ особенности у средне-

---

[1]) «Матер.» по Забайк. обл., т. X, стр. 11.
[2]) Тамъ же, стр. 14.

азіатскихъ киргизъ: и здѣсь первоначально образуется свободный союзъ, задающійся опредѣленною чисто-хозяйственною цѣлью—устроить извѣстное оросительное сооруженіе; и уже этотъ союзъ становится замкнутою единицею землевладѣнія и водовладѣнія, внутри которой, такъ или иначе, осуществляются общинно-уравнительныя функціи. И то, и другое—частные случаи и проявленія того общаго правила, что *не община вырабатываетъ изъ себя и внутри себя общинно-уравнительные порядки землепользованія*, а наоборотъ: совмѣстное жительство и въ особенности совмѣстное пользованіе угодьями, вообще соприкосновеніе на почвѣ пользованія тѣми или иными угодьями, заставляетъ людей вырабатывать тѣ или другіе *земельные распорядки*, которые и *являются началомъ, создающимъ общину изъ разрозненныхъ единицъ или мелкихъ селидебныхъ группъ*.

Мы пришли, такимъ образомъ, къ довольно парадоксальному, на первый взглядъ, выводу: значитъ, возможно существованіе общинно-уравнительныхъ порядковъ землепользованія, при отсутствіи чего-либо такого, что можно было бы назвать общиной? значитъ, не община творитъ, вырабатываетъ уравнительныя формы пользованія землею?... Данныя объ инородческомъ землевладѣніи и землепользованіи заставляютъ признать правильнымъ именно этотъ парадоксальный выводъ, который—мы увидимъ ниже—всецѣло согласуется съ тѣмъ, что намъ извѣстно объ эволюціи землепользованія у крестьянъ: *не община создаетъ уравнительные порядки землепользованія*, не община творитъ общинное обычное право, а наоборотъ, *на общинно-уравнительныхъ порядкахъ слагается и спаивается земельная община*. Совмѣстная жизнь и совмѣстное использованіе угодій создаютъ извѣстныя общія хозяйственныя потребности, создаютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, потребность въ примиреніи сталкивающихся между собой и конкурирующихъ интересовъ, въ урегулированіи пользованія тѣмъ или другимъ угодьемъ или всѣми угодьями вообще; эта потребность связываетъ, объединяетъ ту или иную, иногда болѣе узкую, иногда болѣе широкую группу, и эта группа беретъ на себя выполненіе извѣстныхъ хозяйственныхъ и землеуравнительныхъ функцій. Какъ различны эти функціи по объему и содержанію, такъ различны могутъ быть и слагающіяся для ихъ выполненія группы: для разныхъ цѣлей возникаютъ самыя разнообразныя группировки—разнообразныя не только по задачамъ, но также по размѣрамъ и составу,—группировки не только концентрическія, но и эксцентрическія, взаимно пересѣкающіяся и скрещивающіяся, такъ что каждый индивидъ или каждая мелкая селидебная группа можетъ принадлежать, по разнымъ основаніямъ, къ весьма разнообразнымъ по размѣрамъ и составу группировкамъ. *Не органъ, община, создаетъ функцію*—общинно-уравнительные порядки; наоборотъ, *функція*

создаетъ для себя соотвѣтственный органъ. И какъ самыя функціи у полукочевого населенія не отличаются еще полною выработанностью и опредѣленностью, такъ не вполнѣ выработанъ и дифференцированъ осуществляющій эти функціи органъ: мы имѣемъ у нихъ дѣло *не съ готовою*, законченною въ своемъ формированіи *общиною*, а *съ разнообразными*, крайне пестрыми по объему, составу и задачамъ зародышевыми *общинными группировками*.

Между тѣмъ этотъ выводъ, который намъ предстоитъ еще провѣрить на данныхъ, касающихся генезиса земельной общины у крестьянъ, имѣетъ весьма существенное общее значеніе: если онъ окажется правильнымъ,—значитъ община не есть нѣчто изначала данное, она не есть и продуктъ непосредственной эволюціи или разложенія какихъ-либо первоначальныхъ бытовыхъ общественныхъ соединеній; напротивъ, она представляетъ собой продуктъ *сложенія*—результатъ новыхъ, появляющихся съ развитіемъ осѣдлаго быта и земледѣльческаго хозяйства, потребностей. Первоначальною основою общиннаго права является нѣкоторое, гораздо болѣе широкое, общее право пользованія землею; на почвѣ этого права между людьми возникаютъ извѣстныя отношенія и столкновенія; для регулированія первыхъ и для устраненія вторыхъ возникаютъ извѣстныя группировки, берущія на себя тѣ или другія конкретныя задачи, и изъ этихъ группировокъ, въ концѣ-концовъ, вырабатывается законченная земельная община.

II.

Въ первой части этого очерка мы прослѣдили процессъ сложенія общины и развитія формъ землепользованія у кочевого и полукочевого, или что въ данномъ случаѣ до нѣкоторой степени синонимъ, у нерусскаго населенія Азіатской Россіи. Теперь мы должны перейти къ эволюціи землевладѣнія и землепользованія у *крестьянъ*, изобразить процессъ сложенія *русской*, крестьянской земельной общины. Кой-какими данными по этому вопросу мы располагаемъ для окраинныхъ областей Европейской Россіи, главнымъ образомъ для казачьихъ, отчасти—для сѣверныхъ ея губерній, а также для нѣкоторыхъ изъ мѣстностей, вошедшихъ въ границы обширнаго района земскихъ статистическихъ изслѣдованій. Но, несомнѣнно, главнымъ источникомъ свѣдѣній о процессѣ сложенія крестьянской земельной общины въ настоящее время являются и, можно съ извѣстною увѣренностью сказать, навсегда останутся данныя мѣстныхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ въ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ, нѣсколько позднѣе, въ 1897 году—въ Забайкальской области. Этотъ матеріалъ представляется единственнымъ въ своемъ родѣ

по своему изобилію и сравнительной полнотѣ,—и въ то же самое время установленные сибирскимъ изслѣдованіемъ факты представляютъ исключительный интересъ по самому существу дѣла; это, съ одной стороны потому, что въ Сибири могутъ быть наблюдаемы въ настоящее время тѣ процессы, которые въ бо́льшей части Европейской Россіи уже отошли въ область преданій; съ другой—еще и потому, что процессъ эволюціи землевладѣнія и землепользованія въ Сибири происходилъ въ наибольшей мѣрѣ независимо отъ административнаго и вообще правительственнаго воздѣйствія, которое, напр., на сѣверѣ и въ казачьихъ областяхъ Европейской Россіи успѣло наложить специфическую окраску на многія явленія.

Изъ тѣхъ двухъ частныхъ вопросовъ, на которые распадается вопросъ о процессѣ сложенія крестьянской общины, я намѣренъ подробнѣе остановиться на одномъ: на вопросѣ объ эволюціи формъ *землевладѣнія*, иначе сказать—о *генезисѣ общины*, какъ союза, владѣющаго и распоряжающагося землей. На другомъ вопросѣ—объ эволюціи формъ пользованія землею, въ частности—о развитіи уравнительнаго землепользованія изъ первоначальныхъ захватныхъ формъ, я остановлюсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ: *этого* вопроса мнѣ неоднократно случалось касаться въ періодической печати, этому вопросу я десять лѣтъ тому назадъ посвятилъ спеціальную монографію, и въ настоящее время я могъ бы прибавить лишь немного новаго къ тому, что̀ было сказано частью мною въ упомянутой монографіи, частью—К. Р. Качоровскимъ въ I-мъ и, къ сожалѣнію, пока единственномъ томѣ его «Русской общины», С. П. Швецовымъ въ его работахъ по алтайской общинѣ, М. А. Кролемъ въ его работѣ о формахъ землепользованія въ Забайкальѣ и А. А. Чупровымъ въ его изданной на нѣмецкомъ языкѣ монографіи о земельной общинѣ.

Начну съ нѣсколькихъ словъ о ходѣ заселенія страны,—именно только съ нѣсколькихъ словъ, поскольку этотъ вопросъ непосредственно связанъ съ занимающимъ насъ вопросомъ о генезисѣ общины и объ эволюціи формъ землевладѣнія и землепользованія.

Типичный процессъ разселенія—единственный, который можетъ насъ интересовать въ настоящую минуту,—это процессъ образованія заимокъ—сибирскій синонимъ малороссійскаго хутора или вологодскаго починка; на заимки выселяются крестьяне ранѣе существовавшихъ селеній той же мѣстности—губерніи, уѣзда или волости; заимками садятся, точнѣе садились, и выходцы изъ Европейской Россіи, которые по тѣмъ или другимъ основаніямъ предпочитали идти въ невѣдомую тайгу. Такъ или иначе возникшая заимка мало-по-малу разрасталась въ болѣе или менѣе значительный поселокъ, село или деревню,—во

многихъ мѣстностяхъ Сибири и по сейчасъ можно найти селенія, иногда громадныя села, сохранившія названіе «заимки» съ тѣмъ или другимъ къ нему прилагательнымъ; и эти селенія, разросшіяся изъ заимокъ, въ свою очередь выдѣляютъ изъ себя новыя заимки. Ростъ заимокъ и превращеніе ихъ въ селенія происходилъ двоякимъ путемъ: иногда—исключительно путемъ естественнаго размноженія той семьи или тѣхъ двухъ-трехъ семей, которыя основали заимку; чаще заимка разрасталась, главнымъ образомъ, путемъ постепеннаго приселенія другихъ семей,—иногда односельчанъ первыхъ заимщиковъ, иногда крестьянъ постороннихъ селеній, нерѣдко выходцевъ изъ другихъ уѣздовъ или губерній. Въ первомъ случаѣ получалась «однопородная деревня»; въ лѣсной полосѣ Тобольской губерніи—назову, напр., лично мною изслѣдованный Туринскій уѣздъ—имѣются десятки селеній, нерѣдко въ 20, 30, даже до 50 дворовъ, гдѣ всѣ жители носятъ одну или двѣ фамиліи,—изрѣдка такія «однопородныя» селенія встрѣчаются и въ степныхъ мѣстностяхъ. Во второмъ, далеко болѣе обычномъ случаѣ, получается «разнопородная» деревня или село, безъ всякой, даже номинальной родственной связи между односельчанами, кромѣ развѣ только родства между небольшими группами послѣднихъ. Замѣчу теперь же, что мѣстное изслѣдованіе, поскольку ему приходилось встрѣчаться съ «однопородными» селеніями, не даетъ никакихъ указаній на наличность какой-либо разницы въ эволюціи формъ землевладѣнія и землепользованія между «однопородными» и «разнопородными» селеніями».

Въ тѣснѣйшей связи съ такимъ порядкомъ разселенія стоятъ и первоначальныя формы землепользованія, въ значительной мѣрѣ—и землевладѣнія.

Проще всего дѣло обстоитъ, очевидно, тогда, когда въ глухомъ лѣсу или въ дикой степи, вдали отъ всякаго другого поселенія, возникаетъ одиночная заимка. Въ лѣсу просторно, сосѣдей нѣтъ, ни съ кѣмъ сталкиваться не приходится,—и вотъ, образованіе «заимки», этой первичной формы поселенія, сопровождается «вольною заимкою», «занятіемъ» угодій, этою первичною формой землевладѣнія и землепользованія; земля вольная—паши гдѣ хочешь и сколько хочешь; владѣй, «куда топоръ, соха и коса ходятъ». Но то же самое—пока просторно!—продолжается и тогда, когда заимка разрастается въ селеніе: въ селеніи уже не одинъ, а нѣсколько или много дворовъ—но къ чему регулировать землепользованіе, къ чему стѣснять свободу «заимки» угодій, когда всѣмъ просторно, когда никто никого не стѣсняетъ, когда земли хватаетъ всѣмъ?... И вотъ, на этой почвѣ развивается неограниченный захватъ, какъ первоначальная, зачаточная форма пользованія землею. Его проявленія, его типы вырабатываются въ строгомъ соотвѣтствіи съ чисто хозяй-

ственными условіями эксплоатаціи отдѣльныхъ угодій и видовъ угодій.

Я говорилъ, что селеніе, возникшее изъ заимки, опять даетъ отъ себя заимки—разница только въ томъ, что эти новыя заимки возникаютъ уже не въ глухомъ «казенномъ лѣсу», а на территоріи, освоенной извѣстнымъ селеніемъ или группою селеній—не на «порожней», а на «нашей», крестьянской землѣ. Но разница чисто принципіальная — существо дѣла, пока есть налицо достаточный просторъ, остается то же: каждый можетъ выселиться на заимку, или устроить себѣ временную, наѣздную заимку, можетъ огородить вокругъ нея поскотину; этому не только никто «не препятствуетъ»—обычное право, олицетворяемое волостнымъ судомъ, защищаетъ права заимщика, воспрещая постороннимъ лицамъ даже «подпахиваться» къ его усадьбѣ, его городьбѣ и пашнямъ.

По отношенію къ пашнямъ первобытная «заимка» облекается чаще всего въ форму самаго неограниченнаго захвата. Захватъ, хотя и имѣетъ, можетъ быть (на этомъ особенно настаиваетъ К.Р. Качоровскій), *принципіальное* основаніе въ затрачиваемомъ на разработку земли трудѣ, но фактически обосновываетъ исключительное право владѣнія и пользованія землею независимо отъ *дѣйствительной* затраты труда: достаточно «очертить» растущій на извѣстномъ пространствѣ лѣсъ,—мало того, достаточно положить мѣтки на граничныя деревья,—и «чертежъ» на неопредѣленное время поступаетъ въ исключительное владѣніе и распоряженіе зачертившаго или положившаго мѣтки; мало и этого—достаточно распахать нѣсколько полосъ, и все пространство пустолежащихъ земель, лежащее между этими полосами, становится исключительнымъ достояніемъ, «занятіемъ» распахавшаго. Если затѣмъ пашня послѣ нѣсколькихъ хлѣбовъ заброшена—залежь, опять-таки на неопредѣленное время, остается въ исключительномъ распоряженіи перваго заимщика: только онъ можетъ косить растущую на ней траву, только онъ имѣетъ право распахать ее вновь, когда залежь отдохнетъ и «задернѣетъ». Это, повидимому, преобладающая по отношенію къ пахотнымъ землямъ форма первобытнаго захвата. Мѣстами, однако, напр. въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Алтайскаго округа и въ Забайкальѣ, такой типъ захватнаго владѣнія, гдѣ захватъ самъ по себѣ является правотворящимъ факторомъ, складывается лишь по отношенію къ лѣснымъ пашнямъ, требующимъ предварительной расчистки; по отношенію къ «гладкимъ» пашнямъ, распахиваемымъ безъ предварительной расчистки, наблюдается та же форма захватнаго пользованія, какую мы уже наблюдали у переходящихъ къ осѣдлости кочевниковъ: распаханная пашня остается достояніемъ распахавшаго только до тѣхъ поръ, пока она не заброшена и пока отдохнувшая залежь не сравняется съ окружающею цѣлинною степью.

Приблизительно такіе же или во всякомъ случаѣ аналогичные порядки складываются по отношенію къ расчищеннымъ изъ-подъ лѣса сѣнокосамъ, по отношенію къ пасѣкамъ, къ окопаннымъ и забереженнымъ лѣснымъ рощамъ («сады») и т. п,— и такимъ образомъ первоначальною формой пользованія по отношенію къ ряду угодій является прочный захватъ, опирающійся на длящіяся отношенія человѣка къ застроенной, расчищенной или распаханной землѣ; право заимщика на его «занятіе» настолько широко и прочно, что занятыя земли передаются по наслѣдству и переуступаются—«продаются» по единоличному усмотрѣнію заимщика, безъ всякаго съ чьей-либо стороны контроля

Иначе складывается первобытный захватъ по отношенію къ такимъ угодьямъ, типичнѣйшимъ представителемъ которыхъ являются степные или луговые, вообще не требовавшіе предварительной расчистки, сѣнокосы. По отношенію къ угодьямъ *этого* типа нѣтъ почвы для образованія длящихся захватныхъ формъ пользованія,—они въ этомъ отношеніи рѣзко отличаются отъ угодій того типа, которымъ мы занимались до сихъ поръ. Если, въ самомъ дѣлѣ, я распахалъ цѣлинную степь и, по заведенному въ Сибири порядку, продержалъ ее годъ подъ паромъ, то очевидно, что я имѣю въ виду произвести на распаханной цѣлинѣ *нѣсколько* посѣвовъ—иначе не окупится мой трудъ по подъему цѣлины; тѣмъ болѣе должно быть мнѣ гарантировано продолжительное пользованіе, если я затратилъ трудъ на предварительную расчистку пашни изъ-подъ лѣса. Но если я въ данномъ году выкосилъ извѣстный участокъ луга или степи, то изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы я непремѣнно и въ будущемъ году долженъ былъ косить тотъ же участокъ: въ будущемъ году, можетъ быть, мнѣ вздумается косить другой, а мой нынѣшній покосъ, можетъ-быть, вздумается косить кому-нибудь другому; можетъ быть и то, что на моемъ нынѣшнемъ покосѣ и вовсе не уродится трава. Поэтому по отношенію къ луговымъ и степнымъ сѣнокосамъ не можетъ сложиться и дѣйствительно не складывается длящихся захватныхъ формъ: первобытною формою пользованія такими сѣнокосами является иногда просто свободное пользованіе—коси гдѣ хочешь и сколько хочешь; иногда—захватъ *на данный сѣнокосный періодъ*,—та форма, которая у уральскихъ казаковъ носитъ названіе «ударнаго» сѣнокошенія. Въ условленный заранѣе моментъ, въ Уральской общинѣ обозначаемый «ударомъ» въ церковный колоколъ, всѣ бросаются вразсыпную, кто верхомъ, кто на телѣгѣ,—каждый старается какъ можно скорѣе доскакать до заранѣе облюбованнаго урочища и окосить здѣсь, однимъ прокосомъ, возможно болѣе обширное пространство; все, что ему удастся окосить въ теченіе назначеннаго для «закоса» дня, поступаетъ на весь дан-

ный сѣнокосный періодъ въ исключительное распоряженіе закосившаго; на слѣдующій годъ «закосъ» производится заново и можетъ, очевидно, привести къ совершенно другому распредѣленію сѣнокосовъ.

Таковы формы первобытнаго захвата. Само собою разумѣется, что о какой-либо уравнительности распредѣленія угодій здѣсь не можетъ быть и рѣчи,—какъ разъ наоборотъ: каждый зачерчиваетъ, распахиваетъ, закашиваетъ, огораживаетъ по своей силѣ,—а сила эта, вѣдь, не только физическая, но и экономическая, сила не только труда, но и капитала; наряду съ «занятіями», обнимающими сотни десятинъ однихъ только пашенъ и сѣнокосовъ, у очень многихъ хватаетъ «силы» на какихъ-нибудь двѣ-три десятины пашни и нѣсколько десятковъ копенъ покоса, а значительная часть населенія въ районахъ первобытнаго захвата и вовсе не имѣетъ пашни и покоса, слѣдовательно, фактически вовсе не осуществляетъ своего права пользованія землею. Но это ни для кого не можетъ быть «обидно», ибо самый послѣдній бѣднякъ *можетъ* занять подъ пашню и сѣнокосъ столько же земли, сколько занято у перваго богача, и обширныя «занятія» послѣдняго никому не мѣшаютъ и никого не ограничиваютъ въ возможности пользованія землею.

Но вотъ постепенно надвигается «утѣсненіе»; оно надвигается тѣмъ быстрѣе, что, кромѣ простого, естественнаго прироста населенія, послѣднее увеличивается и путемъ принятія въ общества переселенцевъ, и—въ Сибири до недавняго времени—путемъ причисленія ссыльныхъ; что, съ другой стороны, параллельно съ естественнымъ и механическимъ приростомъ населенія идутъ правительственныя мѣропріятія, направленныя къ «урегулированію» землепользованія, проще сказать къ тому, чтобы ввести послѣднее въ опредѣленныя рамки, а остающіяся внѣ этихъ рамокъ земли использовать для водворенія переселенцевъ или для какихъ-нибудь другихъ государственныхъ цѣлей: какъ бы ни были широки нормы, по которымъ опредѣлялось количество земли, оставлявшееся въ распоряженіи мѣстнаго населенія,—по сравненіи съ прежнимъ, безграничнымъ просторомъ оно представляло собой уже болѣе или менѣе рѣзко выраженное «утѣсненіе».

Но при такомъ положеніи дѣлъ неограниченно-свободный захватъ, попрежнему выгодный для наиболѣе сильныхъ элементовъ крестьянства, начинаетъ становиться стѣснительнымъ для другихъ: наступаетъ такой моментъ, когда если не вся земля, то во всякомъ случаѣ—вся лучшая по качеству и наиболѣе доступная для обращенія подъ культуру, оказывается, такъ или иначе, захваченною въ «занятія» болѣе состоятельныхъ дворовъ, и какъ приросту населенія, такъ и тѣмъ дворамъ, которые почему-либо начинаютъ испытывать потребность въ расширеніи

своихъ запашекъ, оказывается уже неоткуда взять подходящей для этого земли: все занято, осталось одно только «неудобіе»— земля съ плохою почвою или покрытая лѣсомъ, требующимъ слишкомъ много труда для разработки въ угодья.

И вотъ начинаетъ формироваться *новое* обычное право— шагъ за шагомъ входятъ въ обычай тѣ или другія, все болѣе и болѣе ощутительныя ограниченія первобытной свободной заимки угодій; входя въ систему и постепенно налагаясь, такъ сказать, одно на другое, они постепенно приводятъ къ все болѣе и болѣе ясно выраженнымъ, все болѣе и болѣе выработаннымъ формамъ уравнительнаго землепользованія.

Однимъ изъ первыхъ симптомовъ этой эволюціи является борьба селъ и деревень съ остающеюся въ нихъ, по большей части, бѣднотою противъ заимокъ и хуторовъ—явленіе, повсемѣстно наблюдаемое въ данной стадіи эволюціи, но особенно рѣзко проявлявшееся у кубанскихъ казаковъ. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ эта борьба составляла у нихъ, повидимому, главное содержаніе и во всякомъ случаѣ—наиболѣе рѣзко бросавшееся въ глаза явленіе въ области земельныхъ отношеній: загороженныя при заимкахъ поскотины занимаютъ обширныя пространства земли—ихъ, въ концѣ-концовъ, ломаютъ и заставляютъ ихъ владѣльцевъ подчиняться общимъ для всѣхъ, никого не стѣсняющимъ порядкамъ выпаса скота въ деревенской поскотинѣ и на другихъ пространствахъ, предназначаемыхъ «обществомъ» для выпаса скота; заимщики уклоняются отъ участія въ деревенскихъ натуральныхъ повинностяхъ—ихъ заставляютъ бросать заимки и переѣзжать на жительство въ деревню; прежнее запрещеніе «подпахиваться» къ заимкѣ постепенно исчезаетъ, и волостные суды начинаютъ исходить и въ этомъ случаѣ изъ принципа «сохѣ препятствовать нельзя». Въ концѣ-концовъ заимка, какъ форма землепользованія, исчезаетъ,—она остается только какъ способъ разселенія, какъ простой пріемъ веденія хозяйства: остается жилищемъ и помѣщеніемъ для скота, которое, по соображеніямъ хозяйственнаго удобства, используется владѣльцемъ въ теченіе той или другой части лѣтняго періода.

Параллельно съ этимъ идутъ и другія ограниченія первобытнаго захвата. Это, мы знаемъ, былъ именно *захватъ*; если, можетъ быть, онъ и имѣлъ, какъ на этомъ настаиваетъ К. Р. Качоровскій, трудовые корни, то на практикѣ онъ имѣлъ силу и независимо отъ дѣйствительной затраты труда. Постепенно отсѣкаются эти чисто-захватные элементы: установляются, постепенно сокращаются и въ концѣ-концовъ исчезаютъ сроки исключительнаго владѣнія «чертежами» и исключительнаго пользованія залежью,—въ концѣ-концовъ остается *чистое трудовое* право на обрабатываемую землю, возникающее съ моментомъ

первой затраты труда на обработку и прекращающееся съ ея прекращеніемъ; первобытный захватъ переходитъ этимъ способомъ въ ограниченный захватъ, при которомъ, напр., пашня, разъ она брошена кѣмъ-либо въ залежь, можетъ быть вновь распахана всякимъ другимъ, и только чисто хозяйственныя соображенія ведутъ на практикѣ къ тому, что выпаханная и потомъ брошенная кѣмъ-либо пашня ранѣе истеченія нѣсколькихъ лѣтъ не захватывается и не распахивается никѣмъ другимъ.

На нѣкоторое время маломощная масса населенія успокаивается на этомъ: она получаетъ возможность расширять свое пользованіе за счетъ обширныхъ пространствъ «чертежей» и отдохнувшихъ залежей, и этого запаса хватаетъ на болѣе или менѣе продолжительное время.

Но, такъ или иначе, населеніе продолжаетъ расти; такъ или иначе, «утѣсненіе» обостряется сильнѣе и сильнѣе: конечно— это надо всемѣрно подчеркивать—сибирское, *относительное* утѣсненіе, которое было бы такимъ же широкимъ просторолъ для средне-русскаго трехпольнаго крестьянина, какимъ среднерусское «малоземелье» покызалось бы, напр., вестфальскому или бельгійскому земледѣльцу. Мало-по-малу оказываются занятыми и распаханными всѣ сколько-нибудь отдохнувшія залежи— свободными отъ трудового пользованія остаются либо мало привлекательныя, по плохой почвѣ или по трудности расчистки, «пустыя» земли, либо залежи, еще не успѣвшія отдохнуть. Начинаются споры и столкновенія изъ-за распашки залежей; за разрѣшеніемъ споровъ начинаютъ обращаться къ «обществу», «міру», къ «старикамъ», — въ результатѣ появляются *отводы*. Это, сначала, простая санкція трудового захвата, простое засвидѣтельствованіе захватнаго права или разрѣшеніе возникшаго спора: начавшій пахать извѣстное «польцо» просить отвода, чтобы устранить уже заявленныя или могущія возникнуть притязанія другихъ на то же «польцо». Но разъ ставъ на этотъ путь, эволюція на немъ не останавливается; проявляющіяся въ первыхъ отводахъ функціи «общества», какъ нотаріуса, частью судьи, постепенно становятся функціями *распоряженія* землею,— изъ практики отводовъ постепенно вырабатываются *отводы-отрѣзки*. Разъ больше не осталось свободныхъ земель, которыя стоило бы распахивать, вниманіе тѣхъ Ивановъ, Петровъ и Сидоровъ, у которыхъ занято и распахано особенно мало, или которые по той или иной причинѣ вовсе не имѣютъ запашки, обращается на тѣхъ Сидоровъ, Петровъ и Ивановъ, у которыхъ захвачено особенно много, у которыхъ одна запашка сплошь и рядомъ занимаетъ по пятидесяти, по сту и болѣе десятинъ. Начинаются распри: какъ мѣтко формулировалъ тотъ же К. Р. Качоровскій, одни ссылаются на *право затраченнаго труда*, «мы разработали землю, такъ неужто ее у насъ отнять?...» другіе

исходятъ изъ своего *права на трудъ*—«не вамъ однимъ надо питаться и работать, мы такіе же крестьяне, намъ тоже нужно, на чемъ работать». Въ концѣ-концовъ какой-нибудь особенно ретивый и настойчивый Иванъ, очень часто изъ ссыльно-поселенцевъ, добивается того, что «старики» вмѣшиваются въ дѣло и отводятъ ему десятинку-другую пашни, отобравъ ее у какого-нибудь особенно широко распахавшагося Петра. Но лиха бѣда начать—труденъ только первый шагъ: за первою отрѣзкою слѣдуетъ другая, тамъ третья, въ концѣ-концовъ въ практику входятъ *частныя поравненія*—отрѣзка земли у однихъ, имѣющихъ явный избытокъ, для отвода ее другимъ, ощущающимъ столь же явный недостатокъ въ землѣ. Эти частныя поравненія дѣйствуютъ какъ стругъ—они срѣзаютъ слишкомъ грубыя неровности. Разъ онѣ срѣзаны, уже легко выстрогать ровную поверхность: разъ путемъ частныхъ поравненій устранена слишкомъ рѣзко бросающаяся въ глаза неравномѣрность въ распредѣленіи пашенъ, разъ, такимъ образомъ, сломлено сопротивленіе тѣхъ, кто наиболѣе былъ заинтересованъ въ сохраненіи стараго порядка пользованія «по силѣ», то сравнительно легко проходитъ и *общее поравненіе*—грубая форма передѣла: если въ обществѣ еще и остались лица, которымъ это поравненіе невыгодно, то ихъ мало, заинтересованность ихъ уже не такъ сильна,—а въ то же время *всѣ* заинтересованы въ томъ, чтобы установить какія-нибудь общія основанія распредѣленія земли и этимъ способомъ устранить тѣ постоянныя столкновенія и распри, которыми сопровождается каждый случай частнаго передѣла; общее поравненіе и передѣлъ особенно легко проходятъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ предварительно была проведена, въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ, раскладка платежей и повинностей по запашкѣ и скоту: тогда у болѣе состоятельныхъ элементовъ отпадаетъ главный стимулъ отстаивать старые порядки—возможность безплатнаго пользованія значительными количествами земли. Въ свою очередь, отъ общаго поравненія, этой грубой формы коренного передѣла, уже не труденъ переходъ къ болѣе тонкимъ формамъ, къ настоящему «дѣлежу земли», связанному съ точнымъ ея измѣреніемъ и, почти безъ исключенія, съ распредѣленіемъ ея на сорта.

Это—одинъ путь эволюціи отъ захватныхъ формъ къ уравнительному пользованію пашнями. Очень часто, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ какъ общее правило, встрѣчается нѣсколько иной путь: къ общему передѣлу подходятъ не съ такою осторожностью и постепенностью, но сначала подвергаютъ такому передѣлу только *извѣстную часть* пашенъ, оставляя другія въ свободномъ, захватномъ пользованіи. Иногда основаніемъ для такой, такъ сказать, бифуркаціи пользованія служитъ достоинство, цѣнность разныхъ видовъ пашенъ: дѣлятъ, напримѣръ, лучшія по почвѣ

«гривы»—«первый грунтъ», или поддворныя пашни,—а болѣе слабыми или болѣе отдаленными, «отъѣзжими», продолжаютъ пользоваться «по силѣ»; это, между прочимъ, потому, что настаивающая на передѣлѣ бѣднота, всегда стремящаяся пахать какъ можно ближе къ деревнѣ, значитъ получить свою долю поддворныхъ пашенъ, мало заинтересована въ отъѣзжихъ пашняхъ, куда ей нѣтъ разсчета забираться изъ-за какихъ-нибудь нѣсколькихъ десятинъ посѣва, тогда какъ для «заможныхъ» хозяевъ, имѣющихъ или могущихъ устроить себѣ заимки, эти отъѣзжія пашни представляются нерѣдко особенно привлекательными. Иногда эволюція слѣдуетъ по линіи наименьшаго сопротивленія: въ передѣлъ поступаютъ въ первую голову такія пашни, по отношенію къ которымъ не приходится или сравнительно мало приходится считаться съ захватными правами, со ссылками на право затраченнаго труда: въ общій передѣлъ пускаютъ какую-нибудь «выгородку»—площадь, прежде входившую въ черту присельнаго выгона и, въ виду «утѣсненія», предназначенную подъ распашку; либо подвергаютъ передѣлу «гладкія» пашни, не требовавшія предварительной расчистки, и оставляютъ въ захватномъ пользованіи лѣсныя, на расчистку которыхъ былъ затраченъ значительный трудъ. И даже когда общіе передѣлы уже вошли въ обычный порядокъ, въ передѣлъ нигдѣ не включаются расчистки, не успѣвшія, по приблизительному разсчету, окупить затраченнаго на корчевку труда; онѣ оставляются заинтересованнымъ домохозяевамъ сверхъ душевой нормы, на время, сообразованное съ трудностью расчистки.

Аналогично по существу идетъ эволюція пользованія тѣми угодьями, по отношенію къ которымъ первоначальной формой пользованія былъ не длящійся, а кратковременный захватъ, въ частности естественными сѣнокосами. Дѣло начинается съ того, что исчезаетъ обычай закоса: разъ стало «тѣсно», онъ становится крайне стѣснительнымъ для бѣдноты—богачи въ полдня могутъ закосить всѣ сѣнокосы, какіе только есть, и бѣднотѣ, въ такомъ случаѣ, «некуда дѣваться». Облеченный въ форму закоса захватъ сѣнокосныхъ угодій на весь данный сѣнокосный періодъ смѣняется абсолютно свободнымъ пользованіемъ: каждый можетъ косить гдѣ и сколько ему вздумается, но никто не можетъ помѣшать другому косить хотя бы «коса о косу», непосредственно рядомъ съ собою. Параллельно съ этимъ, иногда даже раньше, устанавливаются тѣ или иныя ограниченія, преслѣдующія все ту же цѣль—оградить «бѣдноту» отъ стѣсненія со стороны «заможныхъ» домохозяевъ: устанавливается день начала сѣнокоса; появляется запрещеніе выходить на вольный покосъ съ поденщиками-косцами, и такимъ образомъ достигается нѣкоторая пропорціональность пользованія поко-

сами съ рабочимъ составомъ каждой данной семьи. Иногда прямо опредѣляется число косцовъ, какое можетъ высылать на вольные покосы каждая платежная или вообще разверсточная душа, причемъ, въ частности, въ казачьихъ общинахъ урядникамъ и офицерамъ, въ соотвѣтствіи съ чиномъ, предоставляется право на увеличенное число косцовъ; получается такимъ образомъ форма, которую можно назвать регулированнымъ захватомъ и при которой въ значительной мѣрѣ достигается уже пропорціональность распредѣленія сѣнокосовъ. Въ Сибири эволюція идетъ нѣсколько инымъ путемъ,—изъ вольнаго сѣнокошенія, путемъ едва замѣтныхъ, крайне трудно уловимыхъ переходовъ, развивается ежегодный передѣлъ однимъ изъ обычныхъ въ Сибири способовъ, въ основѣ которыхъ лежитъ не точное измѣреніе, а принципъ «субъективнаго равенства» или равноцѣнности отдѣльныхъ сѣнокосныхъ долей. Дѣло начинается съ простого уговора: «ты здѣсь коси, а я тамъ буду»; такъ какъ каждый при этомъ старается оставить за собой такое мѣсто, гдѣ бы ему не было слишкомъ тѣсно, то этимъ путемъ достигается нѣкоторая, грубо приблизительная равномѣрность распредѣленія покосовъ; если нѣсколько человѣкъ сговорились косить на одномъ сѣнокосномъ урочищѣ, они, опять-таки, уговариваются между собой: «одному одинъ уголъ косить, другому—другой». На нѣсколько позднѣйшей ступени начинаютъ выѣзжать «всѣмъ обществомъ» для осмотра покосовъ, и при этомъ осмотрѣ опять-таки условливаются — кому гдѣ косить; если кто-нибудь прогадаетъ при такомъ распредѣленіи, тому «старики» прирѣжутъ отъ сосѣда, которому удалось оставить за собой несозрамѣрно большой участокъ. Отсюда уже совсѣмъ незамѣтный переходъ къ передѣлу «набоемъ» или «съ торговъ»—настолько незамѣтный, что крестьяне, въ видѣ правила, не могутъ даже указать времени, когда у нихъ начали «дѣлить покосы»; и уловить моментъ окончательнаго перехода къ уравнительному пользованію особенно трудно тамъ, гдѣ въ теченіе извѣстнаго времени держится двойственный порядокъ пользованія: когда трава уродилась хорошо—косятъ вольно, при плохомъ урожаѣ травъ передѣляютъ покосы.

Вотъ въ какихъ общихъ чертахъ рисуется, по отношенію къ основнымъ видамъ и категоріямъ угодій, процессъ перехода отъ первобытныхъ захватныхъ формъ къ общинно-уравнительному пользованію. И это долгій и трудный процессъ, при которомъ и съ той, и съ другой стороны дѣйствуютъ не только аргументы правоваго и нравственнаго порядка, но кромѣ того и, можетъ быть, главнымъ образомъ—сила: и притомъ не только та «сила», то вліяніе, которымъ пользуются въ «обществѣ» богачи-заимщики, или та сила, которую представляетъ собою большинство, но и простое, грубое, физическое насиліе, не

останавливающееся передъ употребленіемъ кольевъ и оглобель, а иногда и настоящаго оружія. Въ этой борьбѣ богачи-заимщики нерѣдко дѣйствуютъ пріемами, какъ бы доводящими до абсурда именно тѣ ограниченія захвата, съ которыми они хотятъ бороться. Упраздняется, напримѣръ, запрещеніе «подпахиваться» къ заимкамъ; бѣднякъ со своею сохой подъѣдетъ близко къ заимкѣ богача, а тотъ выѣдетъ съ тремя-четырьмя сабанами и кругомъ опашетъ бѣдняка, такъ что тому «некуда и пошевелиться». Устраняется право «закоса»; къ мѣсту, гдѣ расположился косить богачъ, слишкомъ близко становится какой-нибудь однодушный, вообще слабый однообщественникъ, а богачъ со своимъ десяткомъ косцовъ окоситъ бѣдняка кругомъ, такъ что тому негдѣ накосить сѣна и на самый маленькій зародъ...

Аналогичный въ существѣ процессъ наблюдается и по отношенію ко всѣмъ другимъ угодьямъ: вездѣ тотъ же самый переходъ отъ первобытнаго вольнаго захвата къ тѣмъ или другимъ формамъ регулированнаго, уравнительнаго пользованія—только эти формы варьируютъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ характеромъ хозяйственной эксплоатаціи тѣхъ или другихъ угодій. По отношенію къ выгонамъ дѣло начинается—какъ я упоминалъ—съ уничтоженія заимочныхъ поскотинъ; на мѣсто захвата становится неограниченное свободное пользованіе общественными выгонами и пастбищами—свободное въ смыслѣ количества выпасаемаго скота, но подчиняющееся въ хозяйственномъ отношеніи установляемымъ «міромъ» или установленнымъ традиціею общимъ распорядкамъ; мѣстами дѣло дошло уже и до уравнительныхъ формъ, конечно, не въ видѣ раздѣла выгоновъ въ натурѣ, совершенно несовмѣстимаго съ экстенсивнымъ характеромъ скотоводства, а въ формѣ «расположки скотскаго выпуска»—особой системы пропорціональнаго обложенія выпасаемаго скота. По отношенію къ лѣсамъ дѣло осложняется вліяніемъ лѣсоохранительныхъ мотивовъ, вступающихъ въ конфликтъ и съ абсолютною свободою пользованія, и съ строгопроводимымъ принципомъ уравнительнаго распредѣленія. Дѣло начинается, конечно, съ абсолютной свободы рубки лѣса, и притомъ не только на собственныя нужды, но и на продажу; но параллельно съ этимъ во многихъ мѣстностяхъ появляется нѣчто вродѣ «заимочнаго права» по отношенію къ «садамъ»—лѣснымъ рощамъ, заберегаемымъ отдѣльными домохозяевами. Когда прежній избытокъ лѣсовъ, избытокъ, при которомъ лѣсъ разсматривался скорѣе какъ врагъ, подлежащій уничтоженію, уступаетъ мѣсто «стѣсненію», тогда появляются въ однѣхъ мѣстностяхъ «заказы» общественнаго лѣса—запрещеніе рубки на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго отпускъ лѣса изъ подросшихъ насажденій производится въ установленномъ «міромъ» порядкѣ, съ уравнительнымъ распредѣленіемъ его между

общественниками; въ другихъ мѣстностяхъ на мѣсто свободнаго становится душевое пользованіе общественными лѣсами: послѣдніе подвергаются передѣлу на продолжительные сроки, причемъ самыя формы передѣла лѣсовъ носятъ сильный отпечатокъ вліянія лѣсоохранительнаго начала. Я не буду уже говорить о рядѣ угодій третьестепеннаго, въ общемъ, значенія, вродѣ кедровниковъ, конопляниковъ, пасѣкъ и т. п.,—коснусь вкратцѣ еще только рыболовныхъ угодій, пользованіе которыми—гдѣ рыболовство имѣетъ существенное значеніе для крестьянъ—облекается въ очень своеобразныя формы, крайне интересныя, между прочимъ, въ виду тѣсной, проявляющейся въ нихъ связи между общиною, какъ земельнымъ союзомъ, и простою хозяйственною артелью. Рыболовство «мелкою снастью», повидимому безъ исключенія, остается вольнымъ и не подчиняется никакимъ ограниченіямъ. Гдѣ для рыболовства требуется затрата болѣе или менѣе значительнаго капитала или устройство крупныхъ сооруженій, вродѣ заколовъ, перегораживающихъ теченіе рѣки, тамъ промыселъ ведется въ артельной формѣ. Въ мѣстностяхъ съ большими запасами рыбы наблюдаются разнообразныя въ частностяхъ, но однородныя по существу формы артели-общины, гдѣ право участія въ промысловыхъ артеляхъ принадлежитъ только членамъ общины и притомъ пропорціонально числу, у каждаго, разверсточныхъ, земельноплатежныхъ единицъ, а равномѣрное распредѣленіе труда и продукта достигается путемъ остроумныхъ комбинацій «пая», какъ трудовой или производственной единицы, съ «душою»—единицею распредѣленія продукта. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ истощенія запасовъ рыбы, эта артель-община уступаетъ мѣсто вольной артели,—такому порядку, когда право рыболовства по прежнему принадлежитъ, правда, только членамъ земельной общины, но каждая изъ нихъ можетъ самостоятельно заниматься промысломъ или входить для этой цѣли въ артельныя соединенія съ другими, совершенно независимо отъ какихъ-либо общинныхъ распорядковъ. Здѣсь, такимъ образомъ, постепенность эволюціи *обратная* той, какую мы наблюдали по отношенію ко всѣмъ другимъ угодьямъ: не вольное пользованіе смѣняется уравнительнымъ, а наоборотъ. Но это исключеніе только подтверждаетъ правило: уравнительное пользованіе пашнями, покосами, лѣсомъ и т. п. является на смѣну вольному по мѣрѣ того, какъ надвигающееся «утѣсненіе» создаетъ усиленный спросъ на угодья и сообщаетъ послѣднимъ болѣе значительную цѣнность, создавая ранѣе отсутствовавшую рентную доходность угодій. По отношенію къ рыболовнымъ угодьямъ дѣло обстоитъ иначе: пока запасы рыбы велики, рыболовство даетъ болѣе или менѣе значительный чистый доходъ, сверхъ оплаты затрачиваемаго труда; задачей артели-общины является

распредѣленіе именно этого дохода, носящаго несомнѣнный рентный характеръ; съ истощеніемъ запасовъ рыбы цѣна «водной души»—права на участіе въ общественномъ рыболовствѣ, постепенно падаетъ до нуля: при такомъ положеніи дѣлъ у «общества» отпадаетъ интересъ входить въ рыболовные распорядки, и исчезаетъ смыслъ существованія уравнительнаго порядка пользованія общественными рыбными ловлями.

Какой же, спрашивается теперь, общій смыслъ набросанной на предыдущихъ страницахъ картины? Смыслъ этотъ ясенъ: неопредѣленныя, расплывчатыя формы абсолютно-свободнаго захвата, гдѣ только при очень большомъ желаніи можно найти признаки существованія общины и общиннаго права,—и постепенный переходъ отъ этихъ первобытныхъ формъ пользованія къ совершенно опредѣленнымъ, ясно выраженнымъ общинно-уравнительнымъ формамъ; переходъ, идущій въ самомъ строгомъ соотвѣтствіи съ постепенно обостряющимся «утѣсненіемъ».

Почему же, спрашивается теперь, эволюція формъ пользованія идетъ именно въ такомъ, а не въ какомъ-либо иномъ направленіи, въ частности—не въ направленіи укрѣпленія первобытнаго захвата и выработки прочнаго подворнаго владѣнія? Играли ли при этомъ роль, и какую именно, такія обстоятельства, какъ законодательство, регулирующее крестьянскіе земельные распорядки, какъ административное давленіе, какъ податная система съ подушною податью во главѣ,—этимъ вопросомъ намъ удобнѣе будетъ заняться въ послѣдующей, заключительной части настоящаго очерка; предвосхищая то, что будетъ говориться тамъ болѣе или менѣе подробно, я замѣчу здѣсь только въ двухъ словахъ, что данныя мѣстнаго изслѣдованія позволяютъ дать на этотъ вопросъ, въ общемъ, отрицательный отвѣтъ. Такой же отвѣтъ приходится дать и на вопросъ о значеніи этнографическаго момента, о значеніи общинныхъ традицій, которыя населеніе многоземельныхъ окраинъ, въ частности Сибири, могло принести съ собою съ родины, или которыя могли быть принесены впослѣдствіи подселившимися къ сторожилому населенію переселенцами. О вліяніи чисто этнографическаго элемента,—иначе сказать, объ общинныхъ формахъ, какъ о какомъ-то *специфически-русскомъ* явленіи—мы уже знаемъ—говорить не приходится: вѣдь не менѣе выработанныя формы общинно-уравнительнаго пользованія встрѣчаются хотя бы у забайкальскихъ бурятъ; съ несомнѣннымъ, хотя и очень своеобразнымъ по формамъ, общиннымъ владѣніемъ и пользованіемъ мы встрѣчаемся у туземнаго населенія Закавказья, гдѣ о вліяніи русскаго примѣра не можетъ быть и рѣчи. Нельзя придавать сколько-нибудь серьезнаго значенія и вліянію «общинныхъ традицій»: вѣдь старожилое населеніе, напримѣръ,

Сибири—это потомки людей, уходившихъ изъ Европейской и главнымъ образомъ изъ сѣверной Россіи въ такія времена, когда и здѣсь, какъ можно съ извѣстною увѣренностью думать, еще не существовало передѣловъ; если эти первые насельники Сибири и передѣляли на родинѣ тѣ или другія угодья—можетъ быть, сѣнокосы,—то они, конечно, не поддерживали передѣльныхъ традицій, когда селились разрозненными заимками на необъятномъ сибирскомъ просторѣ; если они и приходили съ такими традиціями,—это не мѣшало тому, что у нихъ вырабатывалось не уравнительное, а какъ разъ наоборотъ—исключающее всякую уравнительность захватное пользованіе. А тѣ ихъ отдаленные потомки, которые, послѣ длинной эволюціи, въ концѣ-концовъ принимались передѣлять землю, конечно не сохранили въ своей памяти какихъ бы то ни было общинныхъ традицій. И сейчасъ переселенцы изъ Европейской Россіи,—безразлично притомъ, общинники-великороссы или подворники-малороссы,—и не думаютъ передѣлять землю, разъ они располагаютъ необходимыми угодьями въ избыткѣ; мнѣ лично приходилось наблюдать у уссурійскихъ переселенцевъ типичный первобытный захватъ, причемъ захваченныя площади даже не зачерчивались, а просто опахивались кругомъ одною бороздою; и наоборотъ—при наличности «утѣсненія», наступающаго раньше всего по отношенію къ покосамъ, переселенцы, опять-таки безразлично—великороссы или малороссы, установляютъ у себя душевое пользованіе угодьями. При такихъ обстоятельствахъ, очевидно, не приходится говорить и о заносѣ общинныхъ формъ переселенцами; тѣмъ болѣе объ этомъ не приходится говорить потому, что наиболѣе напряженныя и выработанныя формы общинно-уравнительнаго пользованія господствуютъ какъ разъ въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ переселенческій элементъ безусловно отсутствуетъ или по крайней мѣрѣ отсутствовалъ въ то время, когда производилось мѣстное изслѣдованіе (Туринскій и Тобольскій уѣзды, Тобольской губерніи и т. п.); эти формы успѣли сложиться здѣсь, конечно, и не въ силу какихъ-либо особыхъ мѣстныхъ традицій, а просто въ силу природныхъ условій, создававшихъ, при кажущемся безграничномъ просторѣ, острый недостатокъ въ важнѣйшихъ для крестьянскаго хозяйства культурныхъ угодьяхъ. Если уже искать какихъ-либо постороннихъ вліяній, то въ Сибири, несомнѣнно, нѣкоторую роль въ данномъ отношеніи сыграли причислявшіеся къ обществамъ крестьяне изъ ссыльныхъ и ссыльно-поселенцы,—сыграли, конечно, не потому, чтобы *они* являлись носителями общинныхъ традицій, а по другой, гораздо болѣе простой и прозаической причинѣ: въ громадной массѣ ссыльные представляли собой не-трудовой элементъ; для нихъ, поэтому, не могло имѣть никакого реальнаго значенія то право свободнаго пользованія,

которымъ, до извѣстнаго момента, вполнѣ довольствовались старожилы; ссыльный не могъ ничего извлечь изъ этого «права»; ему нужно было получить нѣчто реальное—земельный пай, который можно было бы сейчасъ же сдать въ аренду, хотя бы за самую незначительную сумму. Вотъ почему ссыльный элементъ всегда становился на сторону тѣхъ, кто требовалъ передѣла; и такъ какъ это былъ элементъ очень безпокойный, то его настоянія нерѣдко являлись немаловажнымъ факторомъ, ускорявшимъ наступленіе передѣла.

Но, конечно и это обстоятельство могло именно только *ускорить* эволюцію но не могло ея *создать*. Въ основѣ своей эволюція формъ землепользованія на нашихъ многоземельныхъ окраинахъ, въ частности въ Сибири, представляетъ собою совершенно естественный процессъ, главнымъ двигателемъ котораго является прогрессировавшее утѣсненіе: по мѣрѣ обостренія послѣдняго первоначальныя свободныя, захватныя формы пользованія становились все болѣе стѣснительными для большинства, и настоянія послѣдняго имѣли своимъ послѣдствіемъ переходъ къ урегулированному пользованію съ все болѣе и болѣе ясно выраженнымъ уравнительнымъ характеромъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ входить въ ближайшій разборъ вопроса, что̀ такое это «утѣсненіе»,—замѣчу только, что это—понятіе далеко не столь простое, какъ можетъ показаться на первый взглядъ,—что степень утѣсненія не можетъ быть измѣрена, напримѣръ, цифрами, показывающими отношеніе населенія къ территоріи губерніи, уѣзда, даже волости: прежде всего, абсолютный избытокъ пространствъ нерѣдко совмѣщается съ недостаткомъ тѣхъ собственно угодій, какія необходимы для крестьянскаго хозяйства; а съ другой стороны и самая потребность въ тѣхъ или другихъ угодьяхъ, въ частности—въ пашняхъ или сѣнокосахъ, зависитъ, въ значительной степени, отъ выработавшагося въ извѣстной мѣстности типа крестьянскаго хозяйства—отъ относительнаго значенія хлѣбопашества и скотоводства и т. п. обстоятельствъ; даже такое обстоятельство, какъ процвѣтаніе или упадокъ неземледѣльческихъ промысловъ, можетъ задерживающимъ или ускоряющимъ образомъ повліять на эволюцію формъ пользованія: въ частности, упадокъ промысловъ заставляетъ населеніе расширять запашки,—отсюда обостреніе «утѣсненія», отсюда—ускоренный переходъ къ уравнительному пользованію.

Но все-таки, почему прогрессирующее «утѣсненіе» приводило *именно къ такой*, а не къ обратной эволюціи—къ развитію уравнительнаго пользованія, а не къ фиксаціи подворнаго владѣнія?... Это, можетъ-быть, возможно объяснить вліяніемъ «права на трудъ?» Но почему это право повліяло въ данномъ направленіи въ Сибири, вѣроятно повліяло такъ въ велико-

россійскихъ губерніяхъ, и не помѣшало фиксаціи подворнаго владѣнія на Украйнѣ? *Это*, мнѣ думается, вопросъ, выходящій изъ области научнаго познанія,—вопросъ, на который каждый будетъ отвѣчать согласно своимъ личнымъ вкусамъ и своей симпатіи къ тому или другому общественному идеалу; это—вопросъ, отвѣтъ на который едва ли когда-нибудь можно будетъ вывести изъ области гаданій. И оставаясь въ области гаданій, я лично склоненъ думать, что переходъ отъ захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ землепользованія былъ именно *нормальнымъ*, *естественнымъ* ходомъ эволюціи; вмѣстѣ съ К. Р. Качоровскимъ я думаю, что для того, чтобы эволюція приняла *именно такой*, а не обратный видъ, было достаточно *простого невмѣшательства*, *нейтралитета* государственной власти. Обратное—фиксація подворнаго владѣнія—могло наступить *только* при ея активномъ воздѣйствіи.

Но опять-таки, *что такое община* въ районахъ сложенія общинно-уравнительныхъ формъ пользованія землею? Я и теперь намѣренно избѣгалъ употреблять это выраженіе—я говорилъ о «старикахъ», о мірѣ, «обществѣ» и т. п.; ибо, мнѣ кажется, *общины*, какъ замкнутаго во-внѣ и объединеннаго внутри союза лицъ, владѣющаго землей и ею распоряжающагося, въ въ этихъ районахъ еще нѣтъ: земельная община *слагается* параллельно съ эволюціею формъ землепользованія, параллельно съ исчезновеніемъ первобытнаго захвата и съ выработкою общинно-уравнительнаго землепользованія.

Какъ извѣстно, споръ о происхожденіи земельной общины въ значительной мѣрѣ сводится къ вопросу: родовая—или сосѣдская община? Мы видѣли, что на нашихъ окраинахъ, въ частности въ Сибири, встрѣчаются «однопородныя» селенія,—но преобладающій типъ представляютъ селенія «разнопородныя»; немало встрѣчается такихъ селеній, населеніе которыхъ трудно назвать иначе, какъ случайнымъ сбродомъ—сбродомъ со всѣхъ концовъ Россіи,—достаточно упомянуть о деревняхъ, сплошь или почти сплошь состоящихъ изъ ссыльныхъ и «посельскихъ дѣтей». И прежде всего необходимо подчеркнуть то уже мимоходомъ отмѣчавшееся обстоятельство, что мѣстныя изслѣдованія не даютъ ни малѣйшихъ указаній на то, чтобы «однопородность», «разнопородность» или простая сбродность населенія какъ-либо отражалась на эволюціи формъ землевладѣнія, на послѣдовательности перехода отъ захвата къ уравнительному пользованію. Отсюда, мнѣ кажется, законный выводъ: «однопородность», если она мѣстами и наблюдается, отнюдь не представляетъ собою *необходимаго* признака, не является существенною предпосылкой установленнаго на предыдущихъ страницахъ хода

эволюціи землепользованія. Если, значитъ, выбирать то и другое изъ обычныхъ рѣшеній вопроса, то община, какъ таковая, оказывается никакъ *не родовою*, а скорѣе *сосѣдскою* группой. А существованіе селеній сброднаго состава, ничѣмъ не отличающихся отъ другихъ въ интересующемъ насъ направленіи, является не лишеннымъ значенія противупоказаніемъ противъ мнѣнія, усматривающаго въ общинѣ того или другого типа продуктъ разложенія первобытныхъ родовыхъ союзовъ: и чисто сбродная, и даже просто «разнопородная» община, преобладающая въ Сибири, возникли внѣ всякаго отношенія къ родовымъ союзамъ.

Но на этомъ отвѣтѣ мы не можемъ остановиться: въ дѣйствительности ни однопородное, ни разнопородное селеніе, какъ таковое, еще не представляетъ собой *общины*,—тѣ землераспредѣлительныя функціи, въ которыхъ нельзя не видѣть *суть* общины, до наступленія извѣстной степени «утѣсненія» совершенно отсутствуютъ, а затѣмъ, позже, онѣ самымъ причудливымъ образомъ распыляются между волостью, группами селеній самаго разнообразнаго объема и отдѣльнымъ селеніямъ.

Мы наблюдаемъ прежде всего типичную *волостную общину* съ равномѣрнымъ распредѣленіемъ передѣляемыхъ угодій между всѣми входящими въ составъ волости селеніями; распредѣленіе это производится иногда путемъ двухстепеннаго или даже трехстепеннаго передѣла—волость сначала уравниваетъ пользованіе даннымъ угодьемъ, по тому или другому основанію, между селѣніями, а затѣмъ каждое селеніе отдѣльно производитъ передѣлъ между своими общественниками, для котораго установляетъ самостоятельно и самыя основанія; иногда волостная община дѣйствуетъ какъ простая деревенская и производитъ передѣлъ угодій непосредственно между отдѣльными дворами или домохозяйствами. Въ Сибири такая волостная община встрѣчается вездѣ, гдѣ существуетъ развитое общинно-уравнительное пользованіе—и въ западной Сибири, именно въ Тобольской губерніи, и въ средней—въ Иркутской губерніи и въ Забайкальѣ.

Въ чемъ же теперь, спрашивается, источникъ, корень этого волостного единства владѣнія и пользованія землею? Отвѣтъ на этотъ вопросъ едва ли можно дать съ достаточной степенью достовѣрности. Мнѣ извѣстенъ одинъ—но только одинъ случай (Туринская волость, Тобольской губ.), гдѣ волость представляетъ собою не что иное, какъ громадное село съ выселками, изъ которыхъ нѣкоторые успѣли уже разрости въ крупныя селенія,—гдѣ, значитъ, волостная община имѣетъ свой корень въ исторіи заселенія волости. Въ рядѣ другихъ случаевъ, преимущественно на сѣверѣ Тобольской губерніи, волостное земельное единство, можно думать, является естественнымъ слѣдствіемъ своеобразнаго расположенія угодій, которое до край-

ности затруднило бы обособленіе селенныхъ владѣній: селенія расположены «кучей» при большой рѣкѣ, тутъ же располагаются заливные луга, отъ нихъ тянется полоса удобряемыхъ трехпольныхъ пашенъ, затѣмъ—широкая полоса лѣсныхъ пространствъ, болѣе или менѣе пригодныхъ для распашки и усѣянныхъ болѣе или менѣе крупными сѣнокосными участками; разбить такую волостную дачу на поселенные участки, иначе сказать уничтожить волостную общину, было бы возможно—разъ придерживаться крестьянскихъ понятій о равномѣрности распредѣленія земли—не иначе, какъ при условіи крайней чрезполосицы и мелкополосицы: каждому селенію пришлось бы отвести, можетъ быть, десятки клочковъ угодій разнаго рода и качества, лежащихъ въ различномъ разстояніи отъ селеній; такая разбивка сдѣлала бы, притомъ, если не невозможнымъ, то во всякомъ случаѣ крайне затруднительнымъ тотъ процессъ разселенія «на волока», который до сихъ поръ происходилъ и сейчасъ происходитъ безпрепятственно и безъ котораго, при достигнутой уже въ данной мѣстности степени населенности, очень скоро настанетъ острое малоземелье—въ смыслѣ недостатка въ пахотныхъ земляхъ, доступныхъ для хозяйства съ удобреніемъ. Во многихъ случаяхъ, затѣмъ, повидимому въ большинствѣ, уловить какія-либо внутреннія основанія волостного единства владѣнія и пользованія землею, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ добытаго мѣстнымъ изслѣдованіемъ матеріала, не представляется возможности. Но во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, гдѣ существуютъ или существовали волостныя общины, въ точномъ смыслѣ этого слова, или вообще замкнутыя сложныя общины, обнимающія болѣе или менѣе многочисленныя группы селеній, имѣется налицо *одно* условіе, *одинъ* общій признакъ: *общая межевая* или юридическая *дача:* волостныя или многоселенныя общины, въ строгомъ смыслѣ этого слова, встрѣчаются *только* тамъ, гдѣ было какое-либо межеваніе, и гдѣ земля при этомъ межеваніи была отведена или «приведена въ извѣстность» въ видѣ волостныхъ или многоселенныхъ дачъ. И очень можетъ быть—наши источники и въ данномъ случаѣ не даютъ возможности пойти далѣе предположеній, что въ условіяхъ межеванія нужно видѣть—не единственную, конечно, причину,—но во всякомъ случаѣ одну изъ причинъ, одно изъ существенныхъ условій возникновенія волостныхъ или многоселенныхъ общинъ. Межеваніе—это не подлежитъ сомнѣнію—не создало волостной общины изъ ничего; оно не объединило въ пользованіи землею такихъ селеній, которыя ранѣе составляли вполнѣ замкнутыя и обособленныя общины; но явившись въ такой моментъ, когда община находилась еще въ фазисѣ сложенія, когда въ той безформенной картинѣ, какую представляло изъ себя землевладѣніе извѣстной волости или

группы селеній, были еще очень сильны элементы общности владѣнія и до извѣстной степени—пользованія землею, оно дало перевѣсъ этимъ элементамъ общности, послужило толчкомъ къ наступленію общихъ волостныхъ передѣловъ и надолго задержало естественный процессъ обособленія землевладѣнія и землепользованія. Но именно *только* задержало: вездѣ, повидимому безъ исключенія, мы наблюдаемъ процессъ разложенія волостныхъ, вообще многоселенныхъ, общинъ и постепеннаго распаденія ихъ на общины односеленныя, иногда на мелкія группы, состоящія изъ двухъ, рѣдко изъ трехъ селеній, расположенныхъ по близости и почему-либо тѣснѣе связанныхъ между собой въ земельно-хозяйственномъ отношеніи. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ—по крайней мѣрѣ въ западной Сибири—эти былыя волостныя общины уже окончательно распались, и ихъ распаденіе зафиксировано либо размежеваніемъ при участіи правительственныхъ землемѣровъ, либо общимъ соглашеніемъ всѣхъ заинтересованныхъ селенныхъ обществъ, установившимъ навсегда междуселенныя границы. Въ другихъ мы наблюдаемъ еще самый процессъ такого распаденія, успѣхи котораго въ отдѣльныхъ случаяхъ весьма различны: данныя мѣстныхъ изслѣдованій даютъ намъ цѣлую гамму ступеней, начиная отъ такихъ волостей, гдѣ селенія, болѣе или менѣе во всемъ, уже совершенно обособились, и волостное единство либо уже стало совершенно номинальнымъ, либо выражается лишь въ общности пользованія какимъ-нибудь дальнимъ покосомъ, лѣсорубомъ и т. п.,—и кончая такими, гдѣ распаденіе можно скорѣе еще только предвидѣть, чѣмъ констатировать какъ фактъ,—гдѣ, напримѣръ, симптомомъ распаденія являются пока еще только затрудненія, встрѣчаемыя при производствѣ общеволостного передѣла. И какъ единодушно констатируютъ очень многіе изъ тѣхъ, кто въ послѣднее время трудился надъ научною разработкой вопроса о волостной общинѣ и о процессѣ ея разложенія, напримѣръ, К. Р. Качоровскій, А. А. Чупровъ, В. В. и др.,—распаденіе *волостныхъ общинъ* отнюдь не равносильно распаденію *общиннаго землевладѣнія*. Наоборотъ—распаденіе волостного землевладѣнія и формированіе селенныхъ общинъ идетъ въ общемъ *параллельно* съ развитіемъ и усложненіемъ тѣхъ уравнительныхъ формъ пользованія, которыя составляютъ вѣдь высшее изъ до сихъ поръ извѣстныхъ проявленій принципа общиннаго землевладѣнія. И это понятно: волость, вообще многочисленная группа селеній—это единица слишкомъ слабо спаянная, интересы различныхъ селеній слишкомъ часто взаимно противорѣчивы, въ частности—мелкія селенія слишкомъ часто подвергаются притѣсненіямъ со стороны большихъ; волостной передѣльный механизмъ слишкомъ громоздокъ, производство волостныхъ

передѣловъ, поэтому, требуетъ слишкомъ большихъ затратъ времени и труда, и, сплошь и рядомъ, попытки произвести такого рода передѣлъ разбиваются о связанныя съ ними чисто техническія затрудненія. И вотъ волостное единство держится, пока преобладаютъ захватныя формы, но становится неудобнымъ и стѣснительнымъ, когда настанетъ необходимость въ передѣлѣ,— и потому переходъ къ уравнительному пользованію имѣетъ своимъ естественнымъ послѣдствіемъ распаденіе волостной общины на деревенскія. «На извѣстной ступени густоты населенія,—правильно замѣчаетъ К. Р. Качоровскій[1]),—она почти всегда (особенно въ Сибири) становится крайне нецѣлесообразной, уже хотя бы по одному тому, что охватываетъ пространства въ десятки верстъ совершенно разнокачественныхъ угодій, требующихъ огромнаго количества труда для періодическаго равномѣрнаго распредѣленія,—и поэтому разложеніе ея на общины-селенія представляетъ шагъ къ развитію, а не къ упадку общинной организаціи, такъ какъ въ этомъ случаѣ общинная форма, переставшая соотвѣтствовать уравнительному распредѣленію, замѣняется формою, болѣе къ тому приспособленною».

Для насъ, впрочемъ, въ данное время этотъ собственно вопросъ представляетъ лишь второстепенный интересъ; самое важное для насъ—это то, что получающаяся въ результатѣ распаденія волостной общины селенная община представляетъ собою, очевидно, *не продуктъ разложенія* какихъ-либо первобытныхъ, родовыхъ соединеній, *не исконную или во всякомъ случаѣ издавнюю земельную ячейку*, вырабатывающую въ себѣ и изъ себя общинное право; поскольку она является продуктомъ разложенія—она продуктъ разложенія гораздо болѣе обширнаго, чисто-земельнаго союза, въ которомъ было бы совершенно безполезно искать элементовъ какой-либо первобытной родовой связи и который, въ свою очередь, создался исключительно на почвѣ общихъ земельныхъ интересовъ и столкновеній этихъ интересовъ; и не менѣе ясно, что выдѣлившаяся изъ волостной *селенная община не предшествуетъ общинно-уравнительнымъ формамъ, не творитъ ихъ*,—напротивъ, *она слѣдуетъ за ними и слагается подъ вліяніемъ потребностей этихъ уже сложившихся или слагающихся общинно-уравнительныхъ формъ*.

Вотъ, значитъ, одинъ изъ путей образованія крестьянской деревенской общины, какъ замкнутаго вовнѣ и объединеннаго внутри земельнаго союза; въ этомъ случаѣ, очевидно, она является не первичною, а вторичною формою землевладѣнія, не творящимъ началомъ, а слѣдствіемъ эволюціи общинно-уравнительнаго землепользованія.

---

[1]) «Русск. община», т. I, стр. 105 (цитирую по 1-му изд.).

Болѣе обычнымъ является, повидимому, другой путь, иной процессъ сложенія селенной общины. Въ этомъ случаѣ первичною формой является та, которую К. Р. Качоровскій не совсѣмъ удачно называетъ «путаницей границъ»—не совсѣмъ удачно потому, что эта форма существуетъ именно тамъ, гдѣ нѣтъ *никакихъ* границъ, и гдѣ, значитъ, можетъ быть рѣчь только о *путаницѣ владѣній*[1]). По совершенно справедливому замѣчанію того же автора, «эта форма, столь распространенная и едва ли не преобладающая (несомнѣнно преобладающая! А. К.) въ Сибири, до сихъ поръ извѣстна сравнительно гораздо меньше волостной общины, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ представляетъ гораздо большій интересъ[2]), въ частности въ томъ отношеніи, что, въ противоположность волостной общинѣ, въ которой «и границы, и форма даны извнѣ, административнымъ дѣленіемъ населенія», интересующій насъ теперь типъ «путаницы владѣній» «всецѣло вытекъ изъ иниціативы самихъ крестьямъ, и потому въ немъ наиболѣе чисто и ясно проявилось приспособленіе границъ къ условіямъ разселенія и земледѣльческаго производства»)[3].

Само собою разумѣется, что *селеніе* существуетъ и при такой путаницѣ владѣній,—и оно представляетъ собою прежде всего селидебную, затѣмъ административную, податную, до нѣкоторой степени хозяйственную единицу (общая городьба, «деревенскіе» пастухи и т. п.),—хотя, надо замѣтить, нерѣдко и для чисто-хозяйственныхъ цѣлей соединяется по нѣсколько селеній, если напр. имъ удобнѣе имѣть общую городьбу, нанимать общихъ пастуховъ и т. п.

Но играетъ ли селеніе, въ данномъ случаѣ, роль *земельной общины*, и въ какой мѣрѣ можно вообще говорить о земельной общинѣ въ періодъ чисто-захватныхъ формъ или въ эпоху сложенія общинно-уравнительнаго землепользованія?

---

[1]) Качоровскій, назв. соч., стр. 101—102; для пишущаго эти строки не совсѣмъ ясно, приходится ли констатировать у этого превосходнаго изслѣдователя только неточность выраженій, или нѣчто болѣе серьезное—недоразумѣніе по существу. Когда г. Качоровскій на стр 101 говоритъ о «появленіи и развитіи границъ», при которомъ «селенія группируются вокругъ данныхъ отдѣльныхъ угодій»,—то легко допустить, что онъ совершенно правильно представляетъ себѣ сущность дѣла, и что слово «границы» употреблено просто въ не совсѣмъ обычномъ смыслѣ; но на стр. 102 г Качоровскій уже прямо говоритъ о «*размежеваніи* по населеннымъ единицамъ или по угодьямъ» и констатируетъ, напримѣръ, что въ Иркутской губерніи преобладаетъ размежеваніе по угодьямъ; это повидимому, уже недоразумѣніе по существу—ни о какомъ *размежеваніи* по угодьямъ ни въ Иркутской, ни въ какой бы то ни было другой губерніи не можетъ быть и рѣчи.

[2]) «Русская община», стр. 103

[3]) Стр. 104.

Вотъ картина землевладѣнія въ сѣверо-западной части Томской губерніи, въ районѣ съ преобладаніемъ захватныхъ формъ и съ зарождающимися еще только общинно-уравнительными порядками: «право пользованія лѣсомъ и неогороженными пастбищами принадлежитъ безраздѣльно крестьянамъ всѣхъ селеній волости; пашни и покосы фактически разбились на участки, состоящіе въ пользованіи отдѣльныхъ селеній; это распредѣленіе... установилось само собой, какъ естественный результатъ тяготѣнія крестьянъ каждаго селенія къ усадьбамъ этого послѣдняго, какъ результатъ сознанія неудобствъ, связанныхъ съ чрезмѣрнымъ удаленіемъ пашенъ и покосовъ отъ усадебъ и особенно съ приближеніемъ ихъ къ сферѣ пользованія крестьянъ другого селенія. Каждое селеніе эксплоатируетъ, такимъ образомъ, ближайшія урочища земельныхъ угодій въ количествѣ, приблизительно соотвѣтствующемъ численности его населенія, и такое распредѣленіе угодій настолько упрочилось въ сознаніи населенія, что отдѣльныя селенныя общины совершенно не стѣсняются передѣлять, когда признаютъ это нужнымъ, входящія въ сферу ихъ захватнаго владѣнія угодья (преимущественно сѣнокосы) по душамъ». Или вотъ аналогичная картина, какую намъ рисуютъ изслѣдователи общинныхъ порядковъ въ Иркутской губерніи. И здѣсь черезполосица и общее владѣніе представляютъ собой, можно сказать, общее правило: «когда земля считается «Божьей», «ничьей», или что все равно, общей... хозяева отдѣльныхъ сосѣднихъ селеній, пользуясь одинаковымъ правомъ разработки, выбираютъ участки въ перемежку другъ съ другомъ, вслѣдствіе чего оказывается черезполосица»; совмѣстное владѣніе разныхъ селеній замѣчается по отношенію къ выпускамъ, лѣсамъ (въ смыслѣ пользованія ими для заготовки лѣсного матеріала, а также и разработки въ нихъ земель), и главное—къ сѣнокосамъ. Обыкновенно такое совпаденіе устанавливалось весьма просто: былъ просторъ—рубили лѣсъ кто хотѣлъ изъ окрестныхъ селеній—значитъ лѣсъ считался общимъ ихъ достояніемъ; облюбовали пустое мѣсто, стали выгонять туда скотъ—опять изъ всѣхъ деревень, благо мѣсто ничье, общее, всѣмъ удобно, никто «не препятствуетъ» и не имѣетъ ни права, ни нужды воспрепятствовать. Нашли у рѣчки гладкое травянистое мѣсто,—травы «вволю», «хватитъ для всѣхъ», а въ окрестности болѣе удобныхъ покосныхъ мѣстъ нѣтъ,—вотъ и стали ѣздить туда на косьбу изъ всѣхъ окрестныхъ селеній,—такъ и сталъ покосъ общимъ для всѣхъ». Совмѣстное владѣніе, очевидно, устанавливается въ зависимости отъ степени изобилія и отъ расположенія каждаго отдѣльнаго рода угодій,—значитъ, отъ обстоятельствъ, складывающихся своеобразно въ каждой данной мѣстности и обыкновенно—для каждаго отдѣльнаго вида угодій, а потому оно можетъ суще-

ствовать или не существовать по отношенію къ одному, и къ нѣсколькимъ, и ко всѣмъ угодьямъ; при этомъ по отношенію напримѣръ, къ пашнямъ возможно совмѣстное владѣніе съ одними, по отношенію къ покосамъ или къ извѣстной части покосовъ—съ другими селеніями, а потому установленіе границъ общины въ такого рода случаяхъ является задачею болѣе чѣмъ затруднительною.

Обособленіе владѣній—мы только что видѣли—сопутствуетъ недостатку въ тѣхъ или другихъ угодьяхъ, вообще «утѣсненію»; но «утѣсненіе» является вѣдь главнымъ двигателемъ эволюціи отъ свободныхъ къ уравнительнымъ вормамъ землепользованія. Весьма естественно, что обособленіе владѣній идетъ параллельно съ развитіемъ уравнительнаго землепользованія. Въ той же, напримѣръ, Иркутской губерніи покосныя угодья, имѣющіяся далеко не въ такомъ избыткѣ, какъ земли, пригодныя для распашки, а потому весьма цѣнныя, притомъ не требующія для своей эксплоатаціи предварительныхъ затратъ труда, почти вездѣ передѣляются по душамъ; въ соотвѣтствіи съ этимъ «покосныя общины» представляютъ собой нѣчто легко уловимое,—онѣ болѣе или менѣе рѣзко обособлены одна отъ другой. Обособленіе владѣнія пашнями наблюдается только въ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ дѣло дошло уже до поравненій; въ области господства захватнаго пользованія пашнями «особыхъ пахотныхъ общинъ не существуетъ вовсе»; взамѣнъ вопроса объ общемъ или раздѣльномъ *владѣніи* пашнями выступаетъ вопросъ объ относительной скученности или чрезполосности пахотныхъ полей крестьянъ отдѣльныхъ селеній, и «понятно, что при правѣ свободнаго захвата незанятыхъ земель въ любомъ мѣстѣ, чрезполосность пахотныхъ земель встрѣчается несравненно чаще, нежели ихъ обособленность». И общій выводъ изъ анализа данныхъ о складѣ землевладѣнія въ районѣ преобладанія захватныхъ формъ, какъ я уже формулировалъ его десять лѣтъ тому назадъ, сводится къ тому, что община въ такихъ мѣстностяхъ существуетъ только въ зародышѣ, почему и внѣшнія ея границы являются болѣе или менѣе неуловимыми; она облекается въ плоть и въ кровь только тамъ, гдѣ появляется душевое пользованіе, но и здѣсь границы ея въ теченіе долгаго времени лишены опредѣленности,—онѣ сливаются и переплетаются между собой.

И дѣйствительно: такая полная спутанность и неопредѣленность границъ земельной общины, такая полная неопредѣленность, если можно такъ выразиться, субъекта землевладѣнія наблюдается даже въ мѣстностяхъ съ вполнѣ развитымъ общинно-уравнительнымъ пользованіемъ, мало того—въ мѣстностяхъ съ очень напряженными и тонко выработанными формами послѣдняго, напримѣръ, въ сѣверной, лѣсной части земледѣль-

ческой полосы Тобольской губерніи. Здѣсь въ общемъ пользованіи, повсемѣстно, состоятъ еще лѣса, а затѣмъ «границы единицъ фактическаго землевладѣнія—земельныхъ общинъ совершенно не могутъ быть опредѣленно очерчены. По отношенію къ каждаго рода угодьямъ населеніе разбивается на совершенно отдѣльныя группы; такою группой является иногда отдѣльное селеніе, иногда состоящее изъ нѣсколькихъ селеній сельское общество, иногда нѣсколько селеній, не составляющихъ цѣлаго сельскаго общества или принадлежащихъ къ разнымъ обществамъ, иногда нѣсколько сельскихъ обществъ, иногда, наконецъ, цѣлая волость—и община-волость, община-сельское общество и община-селеніе переплетаются и пересѣкаются между собой въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ, такъ что каждое селеніе и каждый отдѣльный крестьянинъ въ отношеніи владѣнія разными видами земельныхъ и промысловыхъ угодій принадлежитъ къ нѣсколькимъ разнообразнымъ по объему бытовымъ союзамъ». Въ безконечномъ разнообразіи комбинацій можно, однако, усмотрѣть одну господствующую тенденцію—преобладаніе общины-«сотни», сельскаго общества, надъ общиною-селеніемъ и общиною-волостью,—преобладаніе, особенно рельефно сказывающееся по отношенію къ сѣнокосамъ и къ промысловымъ угодьямъ; по отношенію къ первымъ единство «сотни» является въ данной мѣстности правиломъ, не знающимъ исключенія. Напротивъ, распоряженіе пашнями сосредоточивается по преимуществу въ отдѣльномъ селеніи, «десяткѣ»—явленіе, лишній разъ свидѣтельствующее о той тѣснѣйшей зависимости, какая существуетъ между формами землевладѣнія и характеромъ хозяйства: въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь, издавна ведется хозяйство съ удобреніемъ, при которомъ земля лишь постольку цѣнится крестьянами, поскольку она доступна, по своему мѣстоположенію, для вывозки навоза; между тѣмъ, если бы производились «поравненія» между различными селеніями извѣстной «сотни», обыкновенно, отстоящими другъ отъ друга болѣе или менѣе далеко, прирѣзки къ «десяткамъ», у которыхъ оказалась недостача земли, приходилось бы производить въ пахотныхъ «перемѣнахъ» другихъ «десятковъ»; въ прирѣзку поступали бы, значитъ, такія полосы, которыхъ, за отдаленностью, не было бы возможности удобрять, а потому обдѣленные землей «десятки» обыкновенно и не настаиваютъ на междуселенномъ, «сотенномъ» поравненіи.

Это, конечно, частности. Основная же сущность дѣла въ томъ, что и при наличности ясно выраженныхъ и детально разработанныхъ формъ общинно-уравнительнаго пользованія общины, какъ замкнутаго вовнѣ и объединеннаго внутри союза, совмѣстно владѣющаго и распоряжающагося землей, еще не существуетъ, что общинно-уравнительныя функціи остаются

распыленными между самыми разнообразными по объему, взаимно-перекрещивающимися группами населенія.

Такимъ образомъ, у крестьянъ въ районѣ слагающагося общинно-уравнительнаго пользованія наблюдается, только въ болѣе полномъ объемѣ и въ яснѣе выраженномъ видѣ, тотъ же самый процессъ эволюціи землевладѣнія, какой мы наблюдали у переходящихъ къ осѣдлости кочевниковъ. *Не въ общинѣ слагаются общинные порядки—сама община слагается вмѣстѣ съ этими послѣдними;* не община творитъ общинное земельное право,—она является *продуктомъ извѣстной эволюціи, а не средою,* въ которой эта эволюція совершается; не органъ вырабатываетъ функцію, а функція создаетъ приспособленный для ея выполненія органъ [1]). Отдѣльные индивиды (заимщики!) и отдѣльныя селенія вступаютъ между собой въ извѣстныя отношенія на почвѣ пользованія тѣми или другими угодьями. Пока запасъ этихъ угодій значительно превышаетъ наличную потребность, пользованіе каждаго не подвергается никакимъ ограниченіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не существуетъ никакихъ границъ. Надвигающееся «утѣсненіе» вызываетъ необходимость въ регулированіи землепользованія, и за это дѣло берется каждая изъ тѣхъ безконечно пестрыхъ по объему и составу волостныхъ, многоселенныхъ или односеленныхъ, «однопородныхъ», «разнопородныхъ» или просто сбродныхъ группъ, въ которыя населеніе объединяется по чисто-хозяйственнымъ мотивамъ,—каждая изъ тѣхъ пестрыхъ группъ, внутри которыхъ индивиды соприкасаются и сталкиваются между собой на почвѣ пользованія тѣмъ или другимъ угодьемъ, тѣмъ или другимъ видомъ даннаго угодья, можетъ быть даже просто тѣмъ или инымъ пахотнымъ или сѣнокоснымъ урочищемъ. Но по мѣрѣ того какъ вырабатываются и одерживаютъ верхъ общинно-уравнительныя формы, выясняется неудобство такихъ большихъ соединеній, какъ волость или многоселенная группа, выступаетъ на первый планъ та тѣсная сосѣдская связь, которая объединяетъ каждое данное селеніе и противопоставляетъ его, съ его объединенными интересами, интересамъ всѣмъ другихъ селеній, и изъ пестрой «путаницы владѣній» постепенно выкристаллизовывается община-селеніе, замкнутая вовнѣ и объединенная внутри, совмѣстно владѣющая и распоряжающаяся

---

[1]) Сходную по существу мысль высказываетъ С. П. Швецовъ въ своей статьѣ «Крестьянская община. Схема ея возникновенія и развитія» (издана отдѣльной брошюрой. Спб, 1906). «*Общинному землевладѣнію*—говоритъ онъ—въ смыслѣ совокупности отношеній общины въ ея цѣломъ къ землѣ, *должно было предшествовать* (курс. мой. *А. К*) *общинное землепользованіе*, т.-е. установленіе опредѣленныхъ отношеній къ землѣ ея составныхъ единицъ—хозяйствъ: другими словами, *общинное землевладѣніе должно опираться на общинное землепользованіе*».

всѣми видами угодій,—выкристаллизовывается земельная община въ точномъ смыслѣ этого слова.

III.

На предыдущихъ страницахъ сведены—конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ—данныя нашей «живой исторіи», касающіяся вопроса о генезисѣ и эволюціи земельной общины и общинно-уравнительныхъ формъ пользованія землею. Мнѣ остается теперь попытаться выяснить связь между этою «живою» исторіей и тою исторіей болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго, которая является объктомъ историческаго, въ собственномъ смыслѣ слова, изученія. Я и на этомъ вопросѣ остановлюсь лишь въ самыхъ общихъ чертахъ—подробнѣе мнѣ пришлось коснуться его на страницахъ одного спеціальнаго изданія, куда я и отсылаю читателя, который захотѣлъ бы ближе познакомиться съ мотивировкой изложенныхъ ниже соображеній[1]).

Мнѣ уже не приходится напоминать о томъ, въ чемъ суть полувѣковой исторической контроверзы по вопросу о генезисѣ русской земельной общины—въ чемъ суть спора между сторонниками естественной и государственной, если можно такъ ихъ обозначить, теоріями ея происхожденія. Я обращусь поэтому непосредственно къ вопросу объ *источникѣ*, *первопричинѣ* этой контроверзы. Мнѣ представляется, что этотъ первоисточникъ—въ самомъ свойствѣ тѣхъ матеріаловъ, на которыхъ историкамъ, по самому существу дѣла, приходится строить свои заключенія; что вопросъ о причинахъ данной частной контроверзы представляетъ собой не болѣе, какъ частный случай важнаго общаго историко-методологическаго вопроса: о значеніи разныхъ категорій источниковъ, какъ основы историческаго познанія.

Попытки реконструировать генезисъ и историческій ходъ развитія русской земельной общины строятся, какъ извѣстно, всецѣло на разнаго рода актахъ, вообще на документальномъ, архивномъ матеріалѣ. Сторонники теоріи естественнаго зарожденія и развитія общиннаго владѣнія и пользованія землею ищутъ въ немъ доказательствъ нѣкогда происходившихъ передѣловъ; сторонники государственно-фискальной теоріи ищутъ въ немъ же доказательства тому, что община создана правительственными распоряженіями и произволомъ помѣщиковъ-душевладѣльцевъ. Но и тѣ, и другіе знаютъ лишь тѣ факты, которые оставили слѣдъ въ какомъ-нибудь актѣ или документѣ, и отвергаютъ или точнѣе—не знаютъ и не имѣютъ способа знать тѣхъ

---

[1]) См мой очеркъ «Документы и живая исторія общины» — *Журн. Мин. Нар. Просв.* за 1904 г. и отдѣльная брошюра.

фактовъ, которые не оставили достаточно яснаго и достовѣрнаго документальнаго слѣда.

А между тѣмъ, значеніе и цѣнность документальнаго матеріала, какъ единственной основы и источника историческаго познанія, подвержены существеннымъ сомнѣніямъ. Подлинность документа—не безъ основанія констатируютъ Ланглуа и Сеньобосъ въ своемъ «Введеніи въ изученіи исторіи»—«вызываетъ къ нему уваженіе и побуждаетъ безъ разсужденій принимать и его содержаніе», а между тѣмъ, «выраженіе *подлинный* относится, въ сущности, только къ происхожденію, а не къ содержанію документа; назвать документъ подлиннымъ значитъ только сказать, что происхожденіе его не подлежитъ сомнѣнію,—но отсюда еще не слѣдуетъ, что и содержаніе его заслуживаетъ довѣрія». И такое довѣріе, какъ на этомъ настаиваетъ Бернгеймъ, авторъ, какъ кажется, наиболѣе обстоятельнаго спеціальнаго труда по исторической методологіи, можетъ служить поводомъ для серьезныхъ ошибокъ: «въ документахъ событія довольно часто изображаются, по какимъ-либо побужденіямъ, иначе, чѣмъ происходили въ дѣйствительности»; съ другой стороны, «матеріалъ во многихъ случаяхъ сохранился въ столь неполномъ видѣ, что случайно сдѣлавшіеся намъ извѣстными документы даютъ одностороннее или даже совершенно невѣрное представленіе о дѣйствительныхъ событіяхъ»; даже при полной достовѣрности документы далеко не всегда свидѣтельствуютъ о фактѣ—«нерѣдко случается, что документы и акты были совершены въ законномъ порядкѣ, а между тѣмъ событія, къ которымъ они относятся или которыя должны были наступить, какъ ихъ послѣдствіе, въ дѣйствительности не наступили... Документы остаются несомнѣнными свидѣтельствами; но то заключеніе, которое я дѣлаю на основаніи этихъ документовъ, именно, что извѣстныя событія въ дѣйствительности наступили, будетъ преждевременнымъ, пока оно не подтверждено другими источниками, которые свидѣтельствовали бы, что данныя событія дѣйствительно имѣли мѣсто въ соотвѣтствіи съ указаніями документовъ». Сами документы «очень часто только тогда становятся понятными, когда мы ихъ интерпретируемъ при помощи историческаго преданія»: возникнувъ для тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ практическихъ цѣлей, документы въ самомъ своемъ изложеніи согласованы именно только съ этими ближайшими цѣлями, а не съ задачами послѣдующаго историческаго изученія: «возникнувъ изъ извѣстныхъ отношеній, документы по большей части вовсе и не преслѣдуютъ цѣли быть понятными во всѣ времена и предназначаются для пониманія лишь непосредственно-заинтересованныхъ лицъ»; самая редакція документа, поэтому, весьма часто даетъ поводъ для самыхъ разнообразныхъ толкованій, для самаго разнообразнаго пониманія событій, не

только какъ *они въ* дѣйствительности *наступили*, но даже *какъ они изображаются* въ данномъ актѣ или документѣ или во всей совокупности сохранившихся актовъ и документовъ.

Историкъ, изучающій отдаленное прошлое русской земельной общины, лишенъ, повидимому, возможности интерпретировать сохранившіеся отъ прошлыхъ вѣковъ акты и документы при помощи свидѣтельствъ историческаго преданія—земельная община, какъ таковая, и происходившія въ ея внутренней жизни событія въ тѣ времена, разумѣется, никѣмъ не описывались и не изучались. Но то, что я позволю себѣ называть живою ея исторіей, иначе сказать, изученіе современныхъ или весьма недавнихъ явленій эволюціи формъ землевладѣнія на нашихъ окраинахъ, значитъ непосредственное наблюденіе картины хозяйственныхъ и земельныхъ отношеній или возстановленіе ея по свѣжимъ воспоминаніямъ людей, непосредственно переживавшихъ эти отношенія,—такое изученіе, очевидно, даетъ полную возможность подобнаго рода интерпретаціи, такъ какъ располагаетъ, кромѣ весьма отрывочнаго и, нерѣдко, также «не предназначеннаго для пониманія во всѣ будущія времена», документальнаго матеріала, еще и весьма обширнымъ описательнымъ матеріаломъ мѣстныхъ экспедиціонныхъ изслѣдованій; *этотъ* матеріалъ, по существу обладающій, только въ потенцированной степени, всѣми свойствами историческаго преданія, можетъ служить превосходною провѣркою показаній документовъ, и такая провѣрка проливаетъ яркій свѣтъ, вообще, на ихъ значеніе и на степень ихъ достовѣрности, какъ свидѣтельства о фактахъ. И такого рода провѣрка имѣетъ важное значеніе не только для тѣхъ, кто работаетъ въ области современныхъ земельныхъ отношеній, но и для тѣхъ, кто изучаетъ отдаленное прошлое: она способна *въ принципѣ* выяснить степень достовѣрности сужденій, основанныхъ на документальномъ матеріалѣ, и потому она поможетъ намъ разобраться и въ общемъ вопросѣ о внутренней достовѣрности документовъ, какъ источника изученія отдаленнаго прошлаго русской земельной общины, а въ извѣстной степени и въ болѣе общемъ историко-методологическомъ вопросѣ—о значеніи документовъ, какъ источника историческаго познанія.

Начну съ примѣра изъ нѣсколько иной сферы.

Въ 1896 году мнѣ довелось изслѣдовать арендныя отношенія русскихъ поселенцевъ въ одной изъ киргизскихъ областей. Въ основѣ этихъ отношеній лежала любопытная юридическая аномалія, созданная попыткою законодателя разрушить бытовыя земельныя отношенія у киргизъ и на мѣстостарыхъ, исторически сложившихся родовыхъ союзовъ поставить волость и административное «аульное общество», въ качествѣ не только административныхъ, но и земельныхъ единицъ. Законъ предоставляетъ право сдачи земли въ аренду исключительно этимъ, искусственно-созданнымъ,

соединеніямъ. Между тѣмъ, фактически киргизская волость и аульное общество остались исключительно административными, а не земельными единицами; владѣніе землей пріурочивается къ разнообразнѣйшимъ другимъ, бытовымъ соединеніямъ, нерѣдко даже къ отдѣльнымъ дворамъ. Получалось такое положеніе, что лица и соединенія лицъ, дѣйствительно владѣющія землею, не имѣли законнаго способа сдавать ее въ аренду, и такіе способы были предоставлены административному соединенію, не обладающему ни пядью земли. Между тѣмъ, въ киргизской степи сидѣли и съ каждымъ годомъ подходили многія тысячи русскихъ поселенцевъ, и въ теченіе долгаго времени они не имѣли другого способа устраиваться, какъ на арендованной землѣ. Естественно, что жизнь должна была оказаться и дѣйствительно оказалась сильнѣе закона: при молчаливомъ согласіи администраціи, нерѣдко при дѣятельномъ ея сочувствіи, выработались разнообразнѣйшіе обходы послѣдняго—разнообразнѣйшія юридическія фикціи, вродѣ сдачи по фиктивнымъ приговорамъ не владѣющихъ ни пядью земли волостныхъ съѣздовъ, вродѣ столь же фиктивныхъ испольныхъ сдѣлокъ, подъ покровомъ которыхъ совершалась самая обыкновенная аренда, и т. п.; очень обычны были и прямыя нарушенія закона—аренда по простымъ словеснымъ соглашеніямъ или даже по распискамъ, которыя, однако, какъ лишенныя всякой законной силы, нигдѣ не регистрировались и, по большей части, уничтожались по истеченіи срока аренды.

Всѣ эти фиктивныя и нефиктивныя арендныя отношенія были подробно описаны въ одной моей спеціальной работѣ, нѣсколько позже—и въ трудахъ статистической экспедиціи Ф. А. Щербины. Предположимъ, однако, что и эти труды, и моя работа не существовали или утратились, и что историкъ, напр., XXII вѣка пишетъ исторію русско-киргизскихъ арендныхъ отношеній на основаніи однихъ только тѣхъ документовъ, какіе ему удастся найти въ разныхъ архивахъ; этотъ историкъ—если ему, притомъ, не посчастливится напасть на тѣ немногія бумаги, гдѣ имѣются *прямыя* указанія на фиктивный характеръ извѣстныхъ категорій сдѣлокъ—написалъ бы совершенно вѣрную документамъ, но безусловно невѣрную дѣйствительности, картину: для него волость оказалась бы, дѣйствительно, земельною единицей, сдающей землю въ аренду, а дѣйствительныя, бытовыя земельныя единицы остались бы ему совершенно неизвѣстными; онъ получилъ бы совершенно превратное представленіе о роли испольнаго найма во взаимныхъ отношеніяхъ русскихъ и киргизъ; не менѣе невѣрными оказались бы его заключенія относительно арендныхъ цѣнъ, и т. п. Отъ всѣхъ этихъ ошибокъ можетъ избавить его только интерпретація документовъ при помощи указаній историческаго преданія,

олицетворяемаго, въ данномъ случаѣ, статистическими «сборниками».

Нѣчто аналогичное окажется и въ непосредственно занимающей насъ области эволюціи формъ общинно-уравнительнаго пользованія.

Чтобы сдѣлать послѣдующее болѣе понятнымъ, я долженъ отмѣтить нѣкоторыя подробности, которыхъ я не касался въ предыдущемъ изложеніи; я долженъ именно упомянуть о томъ, что въ Сибири, какъ и среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ Европейской Россіи, переверстки платежей и передѣлы пахотныхъ земель,—гдѣ эти послѣдніе имѣли мѣсто!—пріурочивались къ ревизіямъ. Ревизская разверстка осталась дѣйствовать и послѣ X ревизіи,—она дѣйствовала и по истеченіи 15, 20, 25 лѣтъ, несмотря на все болѣе обострявшіяся съ каждымъ годомъ ея неудобства: она держалась потому, что среди крестьянъ, а въ значительной мѣрѣ и среди мѣстной администраціи, существовала увѣренность въ томъ, что установленная ревизіей раскладка можетъ быть измѣнена только другою ревизіею. Потребовалось вмѣшательство сената, который въ 1884 году разъяснилъ право крестьянъ, не ожидая новой ревизіи, измѣнять внутреннюю разверстку платежей, а соотвѣтственно этому—и распредѣленіе земли. Разъясненіе это, переходя отъ губернатора къ исправнику или крестьянскому чиновнику, отъ чиновника къ волостному писарю и т. д., почти вездѣ дошло до населенія въ такой формѣ, которая гораздо болѣе напоминала предписаніе, чѣмъ разъясненіе, причемъ администрація нерѣдко считала себя въ правѣ «рекомендовать» крестьянамъ даже тѣ или другіе способы разверстки и основанія передѣла. Имѣется не мало указаній и на частные случаи административнаго воздѣйствія, вызванные то желаніемъ начальства выдѣлить землю для причислявшихся къ сибирскимъ деревнямъ ссыльныхъ, то какъ-нибудь уладить внутри-общинныя распри или обезпечить болѣе исправное поступленіе податей. И не подлежитъ сомнѣнію—за разъясненіями 1884 года почти вездѣ послѣдовали новыя разверстки податей, во многихъ мѣстностяхъ—и коренные передѣлы. Мало того—можетъ считаться установленнымъ, что во многихъ случаяхъ такого рода вмѣшательство правительственной власти непосредственно вызвало наступленіе или повтореніе передѣла тамъ, гдѣ для этого въ данное время еще не было внутренней необходимости: въ этомъ убѣждаютъ, независимо отъ анкетныхъ данныхъ мѣстнаго изслѣдованія, хотя бы приговоры о передѣлахъ, мотивированные исключительно ссылкою на «предписаніе г. чиновника по крестьянскимъ дѣламъ, въ которомъ сказано раздѣлить землю по душамъ»,—приговоры, притомъ, нерѣдко написанные по одной формѣ въ цѣлой волости или мировомъ участкѣ, иногда—даже одной рукою; а тѣмъ

болѣе—документы вродѣ приговора, гдѣ находятся ,между прочимъ, слѣдующія строки: «намъ было *повторено черезъ прочтеніе* предписаніе г. чиновника... относительно уравненія между собою надѣлами пахотной земли; согласно предложенію старосты и распоряженію г. чиновника, *по долгомъ между собою разсужденіи*, единогласно (sic) приговорили: нынѣ же раздѣлить пахотную землю по душамъ».

Мѣстное изслѣдованіе даетъ, однако, факты и другого рода: бывали случаи, когда крестьяне, несмотря на всѣ «повторныя прочтенія», оставались при своемъ отказѣ; когда крестьяне, хотя и постановляли приговоры, но въ дѣйствительности оставались при прежнихъ, свободныхъ формахъ пользованія; когда навязанный крестьянамъ передѣлъ послѣ немногихъ лѣтъ терялъ свое значеніе, и на мѣсто предписаннаго начальствомъ уравнительнаго пользованія вновь водворялся прежній захватъ и т. п..

Гораздо краснорѣчивѣе, однако, *количественныя* данныя о степени распространенности передѣловъ въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири. Сенатское разъясненіе 1884 г. съ послѣдовавшими за нимъ «циркулярами» и «предписаніями» распространялось на всѣ четыре сибирскія губерніи и Забайкальскую область. Если бы *въ немъ* была causa efficiens, вызвавшая появленіе передѣловъ, то и послѣдствія его должны бы были быть болѣе или менѣе одинаковы на всемъ огромномъ протяженіи коренной Сибири. Въ дѣйствительности оказывается совсѣмъ не то. На западной, густо населенной и малоземельной окраинѣ Сибири (западъ Тобольской губерніи) за сенатскимъ разъясненіемъ вездѣ послѣдовали передѣлы—но въ громадномъ большинствѣ случаевъ это были *не первые*, а вторые, третьи и четвертые передѣлы, и только въ незначительномъ числѣ случаевъ «разъясненіе» ускорило наступленіе перваго передѣла—окончательный переходъ къ уравнительному пользованію. Въ очень многоземельныхъ, Томской и Енисейской губерніяхъ передѣловъ какъ не было до «разъясненія», такъ не было и послѣ. Въ Иркутской губерніи изъ 20 зарегистрированныхъ мѣстнымъ изслѣдованіемъ случаевъ общаго поравненія 15, дѣйствительно, послѣдовало подъ непосредственнымъ вліяніемъ сенатскаго разъясненія; но всѣ эти 15 случаевъ относятся къ одной мѣстности, самой малоземельной во всей губерніи: здѣсь и до «разъясненія» шли толки о передѣлѣ, но крестьяне «не знали своихъ правовъ»,— значитъ «разъясненіе» только устранило препятствія, задерживавшія осуществленіе уже назрѣвшей мысли о передѣлѣ. Что̀ касается, наконецъ, до Забайкальской области, то въ восточной ея половинѣ уравнительное пользованіе пахотными землями почти не встрѣчается—въ такомъ пользованіи даже у крестьянъ, не говоря о казакахъ, по даннымъ мѣстнаго изслѣдованія ока-

залось всего 4% пахотныхъ земель; напротивъ, у крестьянъ гораздо гуще населеннаго западнаго Забайкалья передѣляется уже четыре пятыхъ—79,8% всего количества пахотныхъ земель.

Мы знаемъ изъ предыдущаго изложенія, и только что приведенныя данныя о степени распространенности передѣловъ всецѣло это подтверждаютъ, что основной моментъ, лежащій въ основѣ эволюціи формъ пользованія землею отъ захвата къ передѣламъ,—это приростъ населенія и связанное съ нимъ «утѣсненіе», сокращеніе земельнаго простора. Воздѣйствіе администраціи, справедливо замѣчаетъ А. А. Чупровъ, «отражается только на темпѣ эволюціи: тамъ, гдѣ внутренній процессъ развитія формъ землепользованія не успѣлъ подготовить почвы для перехода къ душевому пользованію, тамъ администрація, несмотря на всѣ свои старанія, не могла добиться никакого результата». Распоряженія администраціи—развиваетъ ту же мысль изслѣдователь Забайскальской общины, М. А. Кроль—«въ иныхъ мѣстахъ являются послѣднимъ толчкомъ къ осуществленію давно назрѣвшей потребности въ поравненіи, и тогда, сыгравъ скромную роль такого толчка, начальственное предписаніе перестаетъ имѣть какое бы то ни было значеніе; тамъ же, гдѣ потребности въ уравнительномъ пользованіи еще нѣтъ, циркуляры очень рѣдко приводятъ къ дѣйствительнымъ поравненіямъ: передѣлы и поравненія наступаютъ только тогда, когда въ поравненіи заинтересовано значительное большинство членовъ общины, которые при раздѣлахъ земли ревниво слѣдятъ, чтобы всѣ малоземельные были удовлетворены по справедливости».

Далѣе, административное воздѣйствіе, гдѣ оно явилось не послѣднимъ толчкомъ, а самостоятельнымъ, творческимъ моментомъ, на много лѣтъ ускорившимъ наступленіе передѣла, неизбѣжно должно было бы выразиться въ какомъ-нибудь рѣзкомъ скачкѣ, въ какомъ-либо переломѣ въ ходѣ развитія формъ пользованія, въ появленіи формъ, чуждыхъ общепринятымъ порядкамъ и привычкамъ населенія. Такъ, дѣйствительно, и происходило дѣло тамъ, гдѣ «предписаніе», въ самомъ дѣлѣ, на десятилѣтія ускорило естественную эволюцію: въ *такихъ* случаяхъ переходъ отъ чистаго захвата къ общему передѣлу совершался безъ всякой постепенности, и самыя формы передѣла нерѣдко не имѣли для себя никакихъ прецедентовъ въ мѣстныхъ порядкахъ уравнительнаго пользованія; въ одной мѣстности Тобольской губерніи, напр., производившіе передѣлъ наемные мѣрщики вели что-то вродѣ планшетной съемки самодѣльными «стрелябіями», разбивая весь надѣлъ, иногда не исключая выгоновъ, на сѣть правильныхъ квадратовъ!.. Въ видѣ общаго правила—мы знаемъ—дѣло шло совершенно иначе: первобытное захватное пользованіе смѣнялось ограниченнымъ захватомъ, затѣмъ по-

явились отводы, постепенно принимавшіе форму отводовъ-отрѣзокъ; достигавшееся такимъ путемъ «частное поравненіе» приводило въ концѣ-концовъ къ «общему поравненію», за которымъ уже слѣдовалъ передѣлъ, по техникѣ имѣвшій много сходнаго съ простымъ «общимъ поравненіемъ»; переходъ съ одной ступени этой постепенной эволюціи на другую совершался такъ просто и естественно, этотъ переходъ такъ легко объясняется дѣйствіемъ внутреннихъ силъ, двигавшихъ эволюцію формъ пользованія и въ то же время создававшихъ земельную общину, что для объясненія этого перехода нѣтъ надобности и вводить въ учетъ такой искусственный факторъ, какъ административное давленіе. А главное—нѣтъ никакой возможности *уловить того момента*, когда административное воздѣйствіе могло бы сыграть приписываемую ему роль: *что*, въ самомъ дѣлѣ, было послѣдствіемъ предписаній? Первое ограниченіе срока залежности? или первый отводъ? или первая отрѣзка? или общее поравненіе, послѣдовавшее за десятками частныхъ поравненій?..

И если это вѣрно по отношенію къ пахотнымъ землямъ, относительно которыхъ все-таки еще можно говорить о «*первомъ* передѣлѣ», то тѣмъ справедливѣе это по отношенію къ угодьямъ другихъ категорій, хотя бы, напр., къ покосамъ. Переходъ отъ первобытнаго вольнаго сѣнокошенія къ обычнымъ сибирскимъ формамъ ежегоднаго передѣла совершается, мы видѣли, черезъ рядъ столь неопредѣленныхъ промежуточныхъ формъ, что самое опредѣленіе момента, когда прекратилось вольное пользованіе и началось душевое, значитъ того момента, когда можно было бы предполагать административное вмѣшательство, становится окончательно невозможнымъ.

Весьма любопытныя данныя, могущія служить къ выясненію занимающаго насъ вопроса, добыты изслѣдованіемъ Забайкальской области: здѣсь зафиксированъ рядъ случаевъ, гдѣ возможность административнаго воздѣйствія исключалась самимъ существомъ вещей, или гдѣ уравнительное пользованіе установлялось *вопреки* закону и распоряженіямъ администраціи: какая власть, въ самомъ дѣлѣ, могла заставить забайкальскихъ бурятъ «уравнивать» между собою тѣ покосы, которыми они пользуются на китайской территоріи? или могла требовать отъ крестьянъ передѣла тѣхъ угодій, которыя ими самовольно захвачены въ казенныхъ либо чужихъ межевыхъ дачахъ? Можно ли говорить объ уравнительномъ пользованіи, какъ продуктѣ административнаго воздѣйствія, когда надѣленные землей *подворно* нерчинскіе горнозаводскіе крестьяне, въ отвѣтъ на предложеніе *подворно* же арендовать кабинетскія земли, ходатайствуютъ о сдачѣ имъ земли въ общее пользованіе подъ круговою порукою, причемъ «распредѣленіе земли между домохозяевами обязыва-

лись произвести по усмотрѣнію сельскаго схода?» И напротивъ—уравнительное пользованіе менѣе всего распространено у казаковъ, т. е. какъ разъ у того разряда населенія Забайкальской области, которому законъ *предписываетъ* такое пользованіе: законъ, какъ и административныя велѣнія, оказался безсильнымъ навязать населенію передѣлъ, гдѣ земельный просторъ благопріятствовалъ сохраненію захватныхъ формъ, и наоборотъ, общинно-уравнительныя формы слагались безъ всякаго внѣшняго воздѣйствія, даже вопреки ему (передѣлы лѣсовъ въ западной Сибири прямо *запрещались* лѣснымъ вѣдомствомъ, какъ якобы вредные съ лѣсохозяйственной точки зрѣнія!), гдѣ находили благопріятную для себя почву въ общихъ условіяхъ землевладѣнія и хозяйства.

Я приглашаю опять читателя поставить себя въ положеніе историка XXII вѣка, которому пришлось бы возсоздавать эволюцію землевладѣнія и землепользованія въ Сибири на основаніи одного только архивнаго матеріала. Онъ опять-таки далъ бы, быть можетъ, совершенно вѣрную документамъ, но совершенно невѣрную дѣйствительности картину: онъ неизбѣжно запутался бы въ разныхъ формахъ первобытнаго захвата, а допускаемыя при этомъ переуступки земли, слѣды которыхъ разыскалъ бы въ документахъ, онъ неизбѣжно принялъ бы за доказательство существованія строго-подворнаго владѣнія: отъ него осталась бы скрытою вся та медленная эволюція формъ пользованія угодьями, которая не находила себѣ выраженія въ письменныхъ приговорахъ и не вызывала ни жалобъ, ни тяжбъ, ни вмѣшательствъ правительственной власти; онъ ничего не зналъ бы ни о случаяхъ категорическаго отказа населенія исполнить предписанія о передѣлѣ, ни о тѣхъ, когда постановлявшіеся приговоры оставались на бумагѣ. И для историка XXII вѣка, работающаго надъ однимъ архивнымъ матеріаломъ, было бы совершенно неизбѣжно видѣть въ исторіи общинно-уравнительнаго пользованія въ Сибири только рядъ административныхъ воздѣйствій, помощью которыхъ правительству удалось въ концѣ-концовъ внѣдрить въ Сибири, несмотря на явное, мѣстами, нежеланіе и даже сопротивленіе населенія, совершенно чуждыя ему и не вытекавшія ни изъ какой внутренней необходимости формы пользованія землею. Изъ изложеннаго на предшествующихъ страницахъ ясно, какъ безконечно далеко отъ дѣйствительности было бы такое представленіе.

Между тѣмъ, именно это получается, когда мы обращаемся въ область *настоящей* исторіи,—исторіи крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія въ отдаленномъ прошломъ. Просматривая книгу В. В. «Къ исторіи общины въ Россіи», содержащую богатый архивный матеріалъ по исторіи формъ землепользованія у удѣльныхъ крестьянъ, или посвященныя данному вопросу

главы «Крестьянъ при Екатеринѣ II» В. И. Семевскаго, невольно испытываешь такое впечатлѣніе, что это—не исторія *общины*, а исторія *административныхъ мѣропріятій*, направленныхъ къ ея «насажденію». Аналогичные факты въизобиліи даетъ намъ и исторія четвертныхъ крестьянъ, какъ ее изображаетъ, напр., Н. А. Благовѣщенскій: и здѣсь, на первый взглядъ, все дѣло сводится къ фантазіямъ и степени энергіи тѣхъ или другихъ представителей мѣстной администраціи, гдѣ «насаждавшихъ» общину, а гдѣ—ее искоренявшихъ.

Но даже и оставаясь въ предѣлахъ того же документальнаго матеріала (другимъ мы, въ данномъ случаѣ, уже не располагаемъ), нельзя не усомниться въ нашемъ правѣ обобщать не подлежащіе сомнѣнію факты административнаго воздѣйствія и тѣмъ болѣе—придавать имъ самостоятельно-творческое значеніе.

Прежде всего: въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ правительства нельзя усмотрѣть ничего похожаго на сколько-нибудь опредѣленную, планомѣрно-проводимую политику, направленную къ внѣдренію общиннаго землевладѣнія. Къ 1766 году относятся знаменитыя межевыя инструкціи, которымъ приписывается такая важная роль въ дѣлѣ созданія общины у государственныхъ крестьянъ,—а въ 1767 году главная дворцовая канцелярія предписываетъ: «пашенною землею и угодьями, впредь до разсмотрѣнія канцеляріею, владѣть какъ до сего владѣли, и собою другъ у друга не отнимали бы и во владѣніе не вступали»; генералъ-губернаторъ Тутолминъ предписываетъ произвести поравненіе земель въ Олонецкой губерніи, а губернаторъ Державинъ отмѣняетъ его предписаніе и приказываетъ отбирать у крестьянъ приказы о передѣлѣ; въ Шенкурскомъ уѣздѣ приказъ дворцовой канцеляріи о производствѣ передѣла не приводится въ исполненіе въ виду распоряженія мѣстнаго губернатора «о неотниманіи отъ большетяглыхъ нынѣ имѣющихся за ними земель и о неотдачѣ малотяглымъ и нерадивымъ крестьянамъ.»

И едва ли не съ еще большею яркостью эта невыдержанность и непослѣдовательность правительственной политики по занимающему насъ вопросу проявляется въ дѣятельности удѣльнаго вѣдомства, какъ она изображается въ работѣ г. В. В.: въ 1799 году департаментъ удѣловъ предписываетъ произвести передѣлъ, «включая въ сей общій раздѣлъ и тѣ земли, которыми нѣкоторые поселяне владѣютъ по купчимъ и закладнымъ, какъ по документамъ, уничтожающимся по закону»,—а въ 1802 году признаетъ себя «не въ правѣ уничтожать законно-совершенныя крѣпости и закладныя»; по одному представленію своихъ мѣстныхъ органовъ департаментъ отмѣняетъ начатый передѣлъ, по другому возстановляетъ его; удѣльная администрація «первоначально многократно повторяетъ свои приказы къ производству уравнительнаго раздѣла земель, а впослѣдствіи не только терпимо

относится къ приговорамъ крестьянъ о сохраненіи за селеніями (рѣчь идетъ здѣсь о междуселенныхъ передѣлахъ! А. К.) прежнихъ владѣній, но даже сама поощряетъ ихъ къ этому»; одинъ и тотъ же удѣльный чиновникъ по одному и тому же дѣлу даетъ три совершенно противорѣчащихъ другъ другу предписанія. Въ документахъ г. В. В. имѣется немало указаній на «многократныя понужденія» къ передѣлу, на «угрозы, насилія и притѣсненія», даже на «битье и сажанье на цѣпь несогласныхъ»,— но приводятся и случаи, когда низшіе чиновники удѣльнаго вѣдомства собственною властью предписывали «начатый, но не оконченный раздѣлъ во всѣхъ частяхъ оставить», и т. п.

По справедливому замѣчанію А. Я. Ефименко, какъ во внутренней жизни крестьянъ, такъ и въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ центральнаго правительства и его мѣстныхъ органовъ «постоянно сталкиваются два правовыхъ принципа, не имѣющихъ между собой ничего общаго и другъ друга взаимно исключающихъ: съ одной стороны, право, держащееся на старинныхъ документахъ и другихъ законныхъ (точнѣе—облеченныхъ въ законныя формы. А. К.) основаніяхъ; съ другой стороны, тоже признанное закономъ право каждой ревизской души на извѣстное земельное обезпеченіе»,—отсюда и постоянныя колебанія правительственной политики, и разнообразнѣйшія злоупотребленія мѣстныхъ органовъ администраціи,—отсюда, въ частности, и та видная роль, какую играетъ «денежная» или «золотая молитва» въ исторіи отношеній органовъ администраціи къ вопросу о передѣлахъ: эта «золотая молитва» приносилась то сторонниками передѣла, то его противниками, то тѣми и другими одновременно, и была, несомнѣнно, одною изъ существенныхъ причинъ, обусловливавшихъ иногда чрезмѣрно активное сочувствіе, иногда рѣшительное противодѣйствіе мѣстныхъ органовъ администраціи уравнительному движенію.

Но нельзя не замѣтить здѣсь прежде всего, что по части «денежной молитвы» широкодачники—зажиточные противники передѣла всегда имѣли перевѣсъ передъ добивавшеюся послѣдняго бѣднотой. А главное: вѣдь, даже эта борьба взятками, — не что иное, какъ проявленіе во-внѣ борьбы за передѣлъ, происходившей издавна внутри общинъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ. И даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о взяткѣ: постоянныя колебанія во взглядахъ правительственной власти въ вопросѣ о передѣлахъ въ значительной мѣрѣ вытекали изъ того обстоятельства, что правительственное вмѣшательство въ ту или другую сторону было не болѣе, какъ откликомъ на издавнюю борьбу между сторонниками и противниками передѣла. Уже наказы крестьянъ въ Екатерининской комиссіи, обработанные В. И. Семевскимъ, свидѣтельствуютъ о томъ, что «начиная съ 60-хъ годовъ XVIII вѣка, малоземельные крестьяне

сѣверной Россіи добивались передѣловъ земли, и что правительственныя мѣры были лишь отвѣтомъ на настоятельныя просьбы крестьянъ, нуждающихся въ болѣе уравнительномъ пользованіи землею. Администрація въ принудительномъ введеніи передѣла видѣла единственный способъ «для отвращенія неустройствъ и взаимныхъ распрей», для «пресѣченія буйствъ и дальнѣйшихъ опасныхъ непріятностей». Но «распри» и «непріятности» исходили и отъ сторонниковъ, и отъ противниковъ передѣла. Въ центральныя и мѣстныя учрежденія поступали то прошенія малоземельныхъ, весьма убѣдительно доказывавшихъ необходимость передѣла,—за такими прошеніями слѣдовали распоряженія и настоянія о производствѣ поравненія; то обставленныя также весьма существенными аргументами и формальнаго, и хозяйственнаго характера (право труда!) жалобы широкодачниковъ на нарушеніе ихъ исконныхъ правъ на разработанныя ими угодья,—и сдѣланное распоряженіе о передѣлѣ ограничивалось или уничтожалось новымъ распоряженіемъ, отмѣнявшимъ передѣлъ или исключавшимъ изъ него расчистки и крѣпостныя земли.

Далѣе: самое содержаніе правительственныхъ распоряженій, если не всегда, то во многихъ случаяхъ, несомнѣнно заимствовалось изъ жизни, изъ дѣйствительно практиковавшихся порядковъ уравнительнаго пользованія. «Циркуляръ 29 февраля 1812 года объ уравненіи землепользованія,—читаемъ мы въ офиціальной «Исторіи удѣловъ»,—исходилъ изъ того положенія, что крестьяне, *какъ извѣстно по опыту* (курс. мой. *А. К.*), сами знали качество состоявшихъ въ ихъ пользованіи угодій и при помощи простыхъ пріемовъ уравнительно разверстывали ихъ между собой, не нуждаясь въ этомъ отношеніи въ руководительствѣ чиновниковъ». И достаточно взять, напр., напечатанное въ работѣ г. В. В. наставленіе о порядкѣ производства передѣловъ, составленное Вельскимъ нижнимъ земскимъ судомъ, чтобы увидѣть, что изложенныя здѣсь подробнѣйшія указанія касательно техники передѣловъ были не теоретическимъ измышленіемъ его полуграмотныхъ канцеляристовъ, а точнымъ сколкомъ съ пріемовъ уравненія земли, уже фактически примѣнявшихся въ данной мѣстности крестьянами. Или еще одна любопытная категорія свидѣтельствъ—правительственныя распоряженія, направленныя къ *запрещенію* или *ограниченію* передѣловъ: въ одномъ, также приводимомъ у В. В., циркулярѣ департамента удѣловъ говорится объ обычныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ежегодныхъ передѣлахъ, практикуемыхъ «не по какой-либо необходимости, но безъ всякой цѣли, единственно токмо по *укоренившемуся издавна обычаю*, съ явнымъ ущербомъ для успѣховъ земледѣлія вообще и для крестьянъ въ частности», и предписывается на будущее время допускать передѣлы только

при ревизіяхъ. Можно допустить, что «издавна установившіеся обычаи» изобрѣтались принципіальными сторонниками передѣла; но уже никакъ нельзя предположить, чтобы такіе обычаи сочинялись спеціально только для того, чтобы запретить примѣненіе сочиненнаго обычая; *такого* рода свидѣтельства, поэтому, могутъ быть признаны за несомнѣнное доказательство того, что передѣлы въ извѣстномъ районѣ *дѣйствительно* существовали,—существовали притомъ не только внѣ зависимости отъ какого-либо административнаго воздѣйствія, но даже вопреки послѣднему.

Я коснусь теперь еще, мимоходомъ, вопроса о роли системы податного обложенія въ числѣ факторовъ, направившихъ въ извѣстную сторону эволюцію формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія. Извѣстно, какая роль приписывается въ этомъ отношеніи подушной подати. «Спрашивается, однако,—справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. В. В.,—есть ли это единственный или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе легкій способъ обезпеченія исправнаго поступленія податей? Не было ли бы умѣстнѣе, не производя радикальной ломки порядковъ частновладѣльческаго владѣнія землей, настоять на томъ, чтобы раскладка государственныхъ податей производилась внутри общины (тяглой) не по числу душъ, а по количеству владѣемой каждымъ земли,—система, извѣстная населенію по прежней практикѣ»; это было бы не только проще, но съ чисто финансовой точки зрѣнія и гораздо цѣлесообразнѣе: въ этомъ случаѣ получилась бы разверстка платежей по дѣйствительной платежеспособности, тогда какъ, навязывая передѣлъ, правительство тѣмъ самымъ ослабляло лучшихъ плательщиковъ и перелагало платежи на новыхъ плательщиковъ, съ болѣе или менѣе сомнительною или, по крайней мѣрѣ, проблематическою платежною способностью. «И если,—продолжаетъ г. В. В.,—государство громадно усложнило дѣло,потребовавъ, чтобы вмѣстѣ съ переложеніемъ платежей было произведено и уравненіе крестьянскихъ земельныхъ участковъ,—то не произошло ли это потому, что идея уравненія находилась въ согласіи съ желаніями массы крестьянъ? Что, предписывая передѣлы, правительство удовлетворяло не только (и даже не столько! *А. К.*) требованіямъ фиска, но и уяснившимся экономическимъ нуждамъ населенія», шло навстрѣчу господствовавшему въ средѣ его теченію? И справедливость этихъ теоретическихъ соображеній всецѣло подтверждается данными мѣстныхъ изслѣдованій въ Сибири: въ такихъ многоземельныхъ мѣстностяхъ, какъ Томская или Енисейская губерніи, стремленіе крестьянскихъ общинъ привести податное бремя въ соотвѣтствіе съ размѣрами пользованія землей выразилось не въ распредѣленіи угодій соразмѣрно платежамъ, а въ раскладкѣ платежей пропорціонально посѣвамъ, скотовод-

ству,—вообще размѣрамъ землепользованія и благосостоянію; въ частности, «разъясненія» 1884 года привели въ Енисейской губерніи не къ земельнымъ передѣламъ, а къ поимущественно-поземельной раскладкѣ платежей. Переходъ же къ уравнительному землепользованію совершался только тамъ, гдѣ того требовали общія условія землевладѣнія и, главнымъ образомъ, наступившее земельное «утѣсненіе».

Поставимъ, однако, вопросъ нѣсколько болѣе принципіально: попытаемся выяснить, каковы *могли быть* практическія послѣдствія правительственнаго воздѣйствія, какъ оно имѣло мѣсто въ XVIII или началѣ XIX вѣка, не говоря уже о болѣе раннихъ временахъ, на формы крестьянскаго землепользованія? *Могло ли* такое воздѣйствіе, въ условіяхъ русскаго прошлаго, привести къ *дѣйствительной* ломкѣ? Былъ ли, иначе сказать, правительственный аппаратъ XVIII или начала XIX вѣка достаточно силенъ, чтобы навязать крестьянской жизни новыя и чуждыя ей формы? Вѣдь извѣстно, что еще и въ настоящее время, несмотря на сравнительное совершенство современнаго правительственнаго механизма, правительство безсильно бороться съ вытекающими изъ хозяйственной необходимости процессами народной жизни,—достаточно напомнить о тщетной борьбѣ правительства, въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ, съ переселенческимъ движеніемъ, о фіаско закона о семейныхъ раздѣлахъ и т. п., наконецъ, о крайне слабомъ, какъ мы видѣли, вліяніи административнаго воздѣйствія на поземельно-платежные порядки въ Сибири. Тѣмъ менѣе была мыслима какая-либо существенная ломка въ XVIII вѣкѣ, съ его слабою по составу, невѣжественною и продажною администраціею, которой высшіе представители откровенно признавались въ совершенномъ незнакомствѣ съ тѣми явленіями, которыя будто бы складывались и видоизмѣнялись по ихъ иниціативѣ, и которой мѣстные агенты за «золотую молитву» съ одинаковымъ усердіемъ поддерживали и сторонниковъ, и противниковъ передѣла. И въ особенности немыслима была такая ломка въ сѣверныхъ губерніяхъ, съ ихъ крайне рѣдкимъ населеніемъ, самая изолированность котораго, среди дремучихъ лѣсовъ и болотъ, отнимала у правительственныхъ «воздѣйствій» почти всякое практическое значеніе. И дѣйствительно—въ той же работѣ В. В. приводятся десятки фактовъ, когда крестьяне, несмотря на всѣ воздѣйствія, оставались при старыхъ, захватныхъ формахъ, и ихъ упорное сопротивленіе заставляло администрацію, въ концѣ-концовъ, отмѣнять свои распоряженія и санкціонировать сохраненіе старыхъ, захватныхъ формъ. А изъ исторіи четвертныхъ крестьянъ извѣстны случаи, когда «настоянія» начальства оказывали воздѣйствіе, противоположное тому, какое ожидалось: четвертные владѣльцы, сами собой дошедшіе до передѣла сѣнокосовъ, прекращали этотъ передѣлъ и принимались снова косить

«по дворамъ», «убоявшись» не въ мѣру горячей пропаганды душевого раздѣла присланнымъ къ нимъ для того чиновникомъ. И это въ то время, когда въ другой мѣстности несочувствовавшій передѣлу, всесильный, по тѣмъ временамъ, окружной начальникъ оказался безсильнымъ пріостановить дѣйствіе циркуляра, разъяснявшаго право четвертныхъ владѣльцевъ переходить къ душевому пользованію.

Почему же, спрашивается, правительственное воздѣйствіе въ однихъ случаяхъ дѣйствительно приводило къ передѣламъ, въ другихъ разбивалось объ упорное сопротивленіе крестьянъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ ясенъ: передѣлы осуществлялись тамъ, гдѣ среди общины, или точнѣе—среди достаточно сильной группы общинниковъ, «выработалось міровоззрѣніе, что вся земля принадлежитъ міру, что міръ имѣетъ право раздѣлить ее какъ угодно»,—гдѣ поэтому «достаточно было незначительнаго толчка, чтобы ветхое зданіе прежней формы землевладѣнія рухнуло и замѣнилось душевымъ поравненіемъ», гдѣ «бумага» сыграла только роль «искры, упавшей на порохъ», гдѣ на осуществленіи передѣла настаивали малоземельные крестьяне, осаждавшіе своими жалобами начальство. И всѣ приказы, циркуляры и настоянія, до битья и сажанья на цѣпь включительно, оставались мертвою буквой, когда «община не доразвилась до извѣстной степени, такъ сказать предусмотрѣнной законами эволюціи», когда «идея уравнительнаго раздѣла земель еще не достаточно назрѣла», когда сторонники передѣла «подчинялись общему рѣшенію» (очевидно, рѣшенію противниковъ. *А. К.*), чтобы избѣжать «одного на другого вчиняемыхъ исковъ»[1]),—другими словами, когда нужда въ землѣ была еще не достаточно остра, и потому сторонники передѣла готовы были ради устраненія распрей и тяжбъ пожертвовать своими притязаніями. И уже Б. Н. Чичеринъ, въ которомъ по нѣкоторому, какъ мнѣ кажется, недоразумѣнію видятъ родоначальника «государственной» теоріи происхожденія русской земельной общины, опредѣленно указалъ на первопричину, обусловливающую въ однихъ случаяхъ одну, въ другихъ—другую судьбу вопроса о передѣлѣ: «передѣлъ земли,—говорилъ Чичеринъ,—можетъ установиться только тогда, когда земли становится мало, а люди не могутъ уходить съ мѣста и искать новыхъ поселеній». Этихъ условій не было налицо въ XVI вѣкѣ, а потому, «гдѣ же тутъ было образоваться передѣлу?» Но «съ умноженіемъ населенія въ общинѣ, при невозможности перехода, должно было неизбѣжно установиться неравенство,—слѣдовательно, для возстановленія первоначальнаго нормальнаго отношенія необходимъ былъ передѣлъ земель».

---

[1]) Слова въ ковычкахъ принадлежатъ гг. В. В. и Благовѣщенскому.

Вопросъ, такимъ образомъ, только въ томъ, существовала ли на сѣверѣ Европейской Россіи въ эпоху межевыхъ инструкцій и послѣдовавшихъ за ними мѣропріятій, направленныхъ къ «насажденію» общинно-уравнительной разверстки земли, готовая почва для развитія этихъ формъ? Имѣлась ли здѣсь налицо та степень населенности и земельнаго утѣсненія, на которой возникшее неравенство въ землепользованіи можетъ быть устранено лишь посредствомъ передѣла? Повидимому, нѣтъ. При необъятномъ просторѣ русскаго сѣвера каждый, у кого не хватало земли, могъ свободно расширять свое землепользованіе путемъ простой заимки, свободнаго захвата и расчистки угодій. Правда, этотъ необъятный, пока мы говоримъ о«пространствахъ», просторъ сопровождался весьма ощутительнымъ «утѣсненіемъ» въ отношеніи культурныхъ угодій—готовыхъ пашенъ и покосовъ; все, что оставалось и остается свободнымъ для заимки,—это лѣса, требовавшіе громаднаго труда для расчистки и обращенія подъ угодья. Но населеніе русскаго сѣвера получило въ этомъ отношеніи, если можно такъ выразиться, совсѣмъ особое воспитаніе, въ основѣ котораго лежали вѣковыя традиціи подсѣчнаго хозяйства: оно не боится никакого лѣса, не останавливается ни передъ какою трудностью расчистки,—и благодаря этому здѣсь получалась нѣсколько своеобразная комбинація условій,—для захватнаго пользованія уже разработанными угодьями затраченный трудъ создавалъ прочную обычно-правовую основу, а между тѣмъ трудность расчистки новыхъ угодій утрачивала свое значеніе рѣшающаго аргумента въ пользу притязаній сторонниковъ «поравненія».

Справедливо это, конечно, гипотетическое объясненіе или нѣтъ, но фактъ едва ли можетъ подлежать сомнѣнію: готовой почвы для дѣйствительнаго укорененія уравнительнаго пользованія въ то время не было; какъ констатируетъ г. В. В., сѣверная община «оказалась не въ силахъ сама справиться со всѣми затрудненіями нравственнаго, юридическаго и экономическаго характера, стоявшими на пути введенія общихъ передѣловъ земли». Не оказалось въ силахъ этого сдѣлать и правительственное вмѣшательство: въ данномъ районѣ и въ данную эпоху оно было, несомнѣнно, преждевременнымъ, ибо существовалъ еще полный просторъ для расчистокъ, для образованія новыхъ починковъ, вообще для разселенія,—тотъ самый просторъ, который Б. Н. Чичеринъ совершенно правильно считаетъ рѣшительнымъ противопоказаніемъ противъ передѣла,—и потому захватныя формы пользованія еще сохраняли законное право на существованіе. Если поэтому исторія землевладѣнія на русскомъ сѣверѣ что-нибудь доказываетъ въ занимающемъ насъ вопросѣ, то *не творческую роль* административнаго воздѣйствія, а наоборотъ, *его безсиліе* тамъ, гдѣ оно не находило для себя подготовленной

почвы, гдѣ оно не шло навстрѣчу естественной эволюціи формъ пользованія землею. Вѣдь, даже и по настоящее время, по истеченіи столѣтія со времени межевыхъ инструкцій и послѣдовавшихъ за ними правительственныхъ мѣропріятій въ данномъ направленіи, захватныя формы еще весьма распространены, если не господствуютъ, на сѣверѣ Россіи; еще въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія сѣнокосныя расчистки въ Вологодской губерніи, какъ извѣстно изъ работъ Соколовскаго, Щепотьева, Лалоша и т. п., вводились въ надѣлы въ качествѣ участковъ подворнаго владѣнія, и потребовался извѣстный Трироговскій циркуляръ, чтобы измѣнить дѣйствовавшій въ этомъ отношеніи порядокъ; а на сѣверо-востокѣ той же губерніи захватное пользованіе, мѣстами, и до нашихъ дней сохранилось въ совершенно чистомъ видѣ. На сѣверѣ Россіи, поэтому, межевыя инструкціи и послѣдовавшія за ними дальнѣйшія мѣропріятія дѣйствительно были—употребляя выраженіе А. Я. Ефименко—«декретами конвента», ломавшими жизнь и навязывавшими ей такія формы, для которыхъ не было еще въ наличности соотвѣтствующихъ условій. Но *именно потому* они и остались, въ значительной мѣрѣ, безрезультатными. А если въ извѣстномъ числѣ частныхъ случаевъ «декреты конвента» и произвели насиліе надъ жизнью, если они, дѣйствительно, вызвали преждевременное наступленіе передѣловъ, то отсюда еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы *русская земельная община*, какъ таковая, была продуктомъ такихъ «декретовъ».

Въ той же работѣ г. В. В. мы находимъ и чрезвычайно цѣнныя указанія на основной источникъ очень распространеннаго въ данномъ отношеніи ошибочнаго взгляда: «крайній недостатокъ относящагося сюда фактическаго матеріала», и мало того—неизбѣжную, вытекающую изъ самаго существа вещей, его односторонность. «Наши свѣдѣнія,—говоритъ, напримѣръ, г. В. В.,—о ходѣ перваго уравненія земли среди удѣльныхъ крестьянъ Вологодской губерніи, заимствованныя изъ дѣлъ центральнаго учрежденія удѣловъ, заканчиваются приблизительно серединой перваго десятилѣтія восьмисотыхъ годовъ. Это значитъ, что возникавшія позже этого времени недоразумѣнія при раздѣлѣ разрѣшались на мѣстахъ и не восходили на разсмотрѣніе департамента удѣловъ». Иначе сказать: г. В. В. удалось найти матеріалъ лишь для тѣхъ моментовъ въ исторіи вопроса о поравненіи, гдѣ возникали недоразумѣнія и гдѣ эти недоразумѣнія восходили до центра; о тѣхъ случаяхъ, гдѣ недоразумѣній не было, изслѣдователь, работавшій въ архивахъ, никакими свѣдѣніями не располагаетъ. Въ другомъ мѣстѣ г. В. В. указываетъ на то, что его матеріалы, изобилуя данными о междуселенныхъ передѣлахъ, «весьма бѣдны свѣдѣніями относительно разверстки земли между хозяевами одного селенія; причины

сказаннаго,—говоритъ г. В. В.,—надлежитъ видѣть въ мирномъ характерѣ этого акта, въ отсутствіи такихъ споровъ и недоразумѣній, которые требовали бы вмѣшательства администраціи»; значитъ, изслѣдователь знаетъ о тѣхъ фактахъ, гдѣ имѣло мѣсто вмѣшательство администраціи, и ничего не знаетъ о тѣхъ, которые протекали при отсутствіи споровъ и недоразумѣній. Или, обобщая сказанное: *при мирномъ, спокойномъ теченіи эволюціи формъ крестьянскаго землевладѣнія, отдѣльные моменты этой эволюціи остаются неизвѣстными изслѣдователю, работающему надъ архивнымъ матеріаломъ, потому что отъ нихъ не остается никакихъ документальныхъ слѣдовъ;* документъ возникаетъ лишь тогда,—слѣдовательно, работающій въ архивѣ историкъ только тогда можетъ установить наличность того или иного факта, когда возникли распри, затрудненія или недоразумѣнія, когда, такъ или иначе, имѣли мѣсто судьбища, обращенія къ начальству или его вмѣшательство въ крестьянскіе земельные распорядки.

Въ самомъ дѣлѣ: даже и въ настоящее время—мы видѣли—документальный матеріалъ далъ бы совершенно превратное представленіе о той «живой исторіи общины», которой посвящена главная часть настоящаго очерка. Лишь интерполируя весьма неполныя и далеко не всегда ясныя указанія документовъ въ богатые ряды фактовъ, установленныхъ описательнымъ путемъ, изслѣдователь этой «живой исторіи» получаетъ возможность построить болѣе или менѣе полную и—надо думать—достаточно близкую дѣйствительности картину эволюціи формъ землевладѣнія и землепользованія, совершенно непохожую на тѣ карикатурные контуры, какіе могли бы быть очерчены, если бы исходить изъ одного только документальнаго матеріала. И это—въ концѣ XIX вѣка, при сравнительно большомъ распространеніи грамотности, при наличности опредѣленныхъ требованій закона относительно записи приговоровъ, при существованіи сравнительно интенсивнаго правительственнаго надзора, гораздо чаще вмѣшивающагося въ крестьянскую жизнь, гораздо чаще реагирующаго на нее и притомъ—всегда въ письменной формѣ. Что же сказать о *настоящей* исторіи общины, какъ она разыгралась въ XVIII, XVI или XIV вѣкѣ? Я оставлю совершенно въ сторонѣ вопросъ, были ли, или нѣтъ передѣлы пахотныхъ земель въ XVI или XVII столѣтіи,—я лично считаю болѣе вѣроятнымъ, что ихъ не было; или какъ происходилъ, въ дѣйствительности, переходъ отъ захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ пользованія. Меня интересуетъ въ данную минуту чисто методологическій вопросъ, *можно ли надѣяться возстановить по документальнымъ матеріаламъ дѣйствительный складъ и дѣйствительный ходъ эволюціи формъ землепользованія* въ XVI, XVII или XVIII столѣтіи? По моему разумѣнію

на этотъ вопросъ приходится дать категорически-отрицательный отвѣтъ. При отсутствіи какихъ-либо опредѣленныхъ требованій закона, при болѣе или менѣе поголовной безграмотности, даже коренной передѣлъ далеко не всегда или вѣрнѣе—очень рѣдко могъ оставить за собой какой-нибудь документальный слѣдъ—чаще всего онъ долженъ былъ происходить (какъ иногда происходитъ и по сейчасъ * , по простому, ничѣмъ не оформленному соглашенію; и уже окончательно—*это* можно утверждать съ полною увѣренностью!—не могли оставить никакого документальнаго слѣда такіе факты внутриобщинной жизни, какъ ежегодный передѣлъ покосовъ, какъ, въ особенности, тѣ ограниченія захвата, тѣ отводы, отрѣзки и прирѣзки, помощью которыхъ происходитъ естественный переходъ отъ чистаго захвата къ уравнительному пользованію, а тѣмъ болѣе—какъ неуловимыя переходныя ступени отъ вольнаго пользованія къ ежегодному передѣлу сѣнокосовъ,—явленія, которыя и въ настоящее время протекаютъ, не оставляя за собою никакого документальнаго слѣда. Если возникали документы, касающіеся того или другого момента въ ходѣ занимающей насъ эволюціи, то это именно потому, что данный моментъ вызвалъ споръ или жалобу, что данный моментъ обусловленъ вмѣшательствомъ начальства; документы являются и останутся характерными *только* для такихъ ненормальныхъ моментовъ, и не даютъ права на какія бы то ни было заключенія относительно того, что происходило, такъ сказать, въ промежуткахъ между жалобами, спорами и вмѣшательствами правительственной власти.

Приведу авторитетное свидѣтельство изъ нѣсколько иной области. «Старинные кодексы,—говоритъ М. М. Ковалевскій, разбирая вопросъ о происхожденіи индійской общины,—являются скорѣе сборниками религіозныхъ и нравственныхъ правилъ, нежели сводомъ всѣхъ дѣйствующихъ у извѣстнаго народа обычаевъ и формъ. Ихъ цѣль—*не столько кодифицировать обычное право, сколько свести воедино массу измѣненій, внесенныхъ въ него верховною властью* (курс. мой. А. К.) подъ вліяніемъ требованій, предъявляемыхъ ей привилегированными сословіями и прежде всего—духовенствомъ. При такихъ условіяхъ,—заключаетъ г. Ковалевскій,—не удивительно, если повседневныя явленія обыденной жизни менѣе всего останавливаютъ на себѣ вниманіе законодателей, и регулирующіе ихъ обычаи не входятъ вовсе въ составляемые ими своды, продолжая жить попрежнему во внутреннихъ распорядкахъ отдѣльныхъ общинъ и родовъ». То же, въ существѣ, можно сказать и о документахъ. по которыхъ приходится изучать древнюю исторію русской общины. Нормальная жизнь протекала, въ видѣ правила, въ установленномъ тѣмъ или другимъ, старымъ или вновь вырабатываемымъ, обычаемъ порядкѣ, въ видѣ правила не

оставляя за собою никакихъ письменныхъ слѣдовъ. Документъ возникалъ именно тогда и, въ видѣ правила, *только* тогда, когда нормальное развитіе «внутреннихъ распорядковъ отдѣльныхъ общинъ» осложнялось тѣмъ или инымъ вмѣшательствомъ правительственной власти,—вмѣшательствомъ, и здѣсь весьма часто вытекавшимъ изъ «требованій, предъявляемыхъ привилегированными сословіями»: правительственная власть вмѣшивалась либо чтобы оградить обширные захваты зажиточнаго меньшинства, либо чтобы отстоять права и интересы представителей городского класса, церквей и монастырей, пріобрѣвшихъ освоенную отдѣльными общественниками землю. Письменный документъ—этотъ единственный источникъ, надъ которымъ приходится оперировать историку, только потому и существуетъ, что въ извѣстномъ случаѣ имѣло мѣсто вмѣшательство правительственной власти или обращеніе къ этой власти; происходили ли, или нѣтъ, какія-нибудь событія, не связанныя съ такимъ вмѣшательствомъ ни какъ съ причиною, ни какъ со слѣдствіемъ,—во всякомъ случаѣ такія событія, въ видѣ правила, не могли оставить за собой документальнаго слѣда, а потому отсутствіе такихъ слѣдовъ не можетъ доказывать ни существованія, ни несуществованія событій; эти послѣднія остаются не доказанными, но и не опровергнутыми отсутствіемъ документовъ. Эти событія, въ занимающемъ насъ случаѣ проявленія естественной эволюціи формъ землепользованія, могли бы быть изучаемы лишь по даннымъ исторической традиціи. Но если не считать единичныхъ, крайне отрывочныхъ и не всегда ясныхъ показаній, исторія формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія такими данными не располагаетъ и, надо думать, не будетъ располагать. А пока она ими не располагаетъ, всякія дальнѣйшія изслѣдованія, сколько бы ни удалось еще разыскать документовъ, будутъ давать *неизбѣжно* неполные и *неизбѣжно* односторонніе, въ выясненномъ выше направленіи, результаты.

На этомъ заканчиваются тѣ историко-методологическія соображенія, которыми мнѣ хотѣлось заключить эти краткіе очерки. Цѣль ихъ была—ближе выяснить значеніе «живой исторіи» современности для освѣщенія явленій давняго прошлаго, показать, что, изучая «живую исторію», мы пріобрѣтаемъ ключъ къ уясненію гораздо болѣе широко поставленныхъ общихъ вопросовъ, мы уясняемъ себѣ путь къ гораздо болѣе широкимъ обобщеніямъ. Изучая «живую исторію», мы примѣняемъ къ изученію исторіи давняго прошлаго тотъ самый «методъ переживаній», который рекомендуется М. М. Ковалевскимъ: чтобы пополнить пробѣлы, оставляемые документальными источниками, «мы обращаемся къ изученію дѣйствующихъ въ наше время обычаевъ и обрядовъ съ цѣлью найти въ нихъ какіе-нибудь слѣды исторической старины». Но *предѣлы убѣдительности*

тѣхъ заключеній, къ которымъ приводитъ пользованіе этимъ методомъ, приходится признать довольно ограниченными. Изучая живую исторію, примѣняя методъ переживаній, мы можемъ съ достаточною—мнѣ кажется—научною объективностью придти къ тому заключенію, что эволюція формъ крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія и въ прошломъ не могла быть продуктомъ административнаго воздѣйствія,—что это послѣднее могло играть и здѣсь лишь болѣе или менѣе случайную, болѣе или менѣе побочную роль, что оно могло, въ извѣстныхъ случаяхъ, только ускорять естественную эволюцію, но не въ состояніи было навязать крестьянской жизни чуждыя и нежелательныя ей формы. Но наше положеніе станетъ гораздо болѣе рискованнымъ, если мы пойдемъ дельше этого чисто отрицательнаго заключенія, если мы захотимъ путемъ приложенія метода переживанія достигнуть и положительныхъ заключеній, если, въ частности, мы будемъ пытаться этимъ способомъ реконструировать картину дѣйствительной эволюціи крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія въ нашемъ отдаленномъ прошломъ, а тѣмъ болѣе если мы этимъ методомъ захотимъ выяснять причины интересующей насъ эволюціи. Я лично думаю, что, при полномъ тожествѣ условій, эволюція крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія въ Европейской Россіи должна была идти, въ общихъ чертахъ, тѣмъ же путемъ, какимъ она еще и въ настоящее время идетъ на нашихъ многоземельныхъ окраинъ. Но я не могу не сознавать, что такого рода основанное на аналогіи заключеніе будетъ убѣдительно только для того, кто такъ или иначе предрасположенъ къ теоріи самопрозвольнаго зарожденія и развитія формъ общиннаго землевладѣнія и землепользованія.

Община и успѣхи сельскаго хозяйства въ Сибири *).

Вопросъ о вліяніи общиннаго землевладѣнія на сельскохозяйственную культуру является однимъ изъ вопросовъ, всегда особенно интересовавшихъ изслѣдователей русской жизни вообще и крестьянскаго быта въ частности. Оставаясь на почвѣ фактовъ, добытыхъ изученіемъ крестьянской жизни и крестьянскаго хозяйства Европейской Россіи, едва ли можно было бы прибавить что-либо новое къ тому, что уже говорилось и писалось по вопросу о вліяніи общины на сельское хозяйство. Въ настоящее время появились, однако, въ свѣтъ обширныя изслѣдованія по сибирскимъ губерніямъ—Иркутской, Тобольской и Томской; изслѣдованія эти обнаружили массу явленій и формъ хозяйственно-общинной жизни, многимъ изъ которыхъ можно найти лишь слабыя аналогіи въ современномъ бытѣ крестьянства Европейской Россіи, и которыя во многомъ, можно сказать, возстановляютъ передъ нами далекое прошлое русскаго крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства. Крайне интересное въ другихъ отношеніяхъ, изученіе этихъ формъ не представляетъ почти никакого интереса съ точки зрѣнія вопроса объ отношеніи общины къ сельско-хозяйственному прогрессу. Тѣмъ изобильнѣе и интереснѣе относящіяся сюда данныя, собранныя въ самой западной изъ сибирскихъ губерній,—Тобольской, гдѣ общинное владѣніе съ передѣлами установилось уже почти повсемѣстно; эти-то данныя я и намѣренъ представить вниманію читателей; при этомъ, однако, мнѣ придется отдѣльно говорить о южной, большей, и о сѣверной, меньшей части Тобольской губерніи; необходимость такой группировки изложенія вытекаетъ изъ коренного различія во всемъ складѣ общинныхъ порядковъ юга и сѣвера губерніи, не позволяющаго подводить эти порядки подъ какія-либо общія мѣрки или описывать ихъ въ одномъ общемъ очеркѣ [1]).

*) «Русское Богатство», 1893.

[1]) Фактическія данныя для настоящаго очерка извлечены изъ «Матеріаловъ для изуч быта гос. крест. въ Зап. Сиб.», гл. обр вып. V и XIII, а также отчасти вып. I, III, VIII, IX, X.

I.

Всѣмъ извѣстны важнѣйшіе упреки, которые дѣлаются общинному землевладѣнію его противниками: говорятъ, что общинно-душевое владѣніе пахатными землями необходимо связано съ дѣленіемъ общинныхъ пашенъ на смѣны и съ существованіемъ принудительнаго сѣвооборота, благодаря чему препятствуетъ переходу къ болѣе совершеннымъ хозяйственнымъ порядкамъ; что оно неминуемо ведетъ къ дробленію полей на чрезмѣрно мелкія и узкія полосы, не допускающія правильной обработки земледѣльческими орудіями; что, наконецъ, благодаря преобладанію на сходахъ болѣе или менѣе безхозяйной части крестьянства, община всегда имѣетъ тенденцію къ производству передѣловъ черезъ слишкомъ краткіе сроки и способами, ведущими къ постоянному переходу полосъ изъ однѣхъ рукъ въ другія,—а это, очевидно, не можетъ не отнимать у хорошихъ хозяевъ охоту тщательно обрабатывать и удобрять землю, а тѣмъ болѣе—предпринимать какія-либо коренныя улучшенія послѣдней.

Ни одинъ изъ этихъ упрековъ не можетъ быть сдѣланъ тѣмъ формамъ душевого пользованія землею, которыя выработала община южныхъ округовъ Тобольской губерніи. Характернѣйшею чертою установившихся здѣсь общинныхъ порядковъ является именно полная свобода, предоставляемая общиною отдѣльнымъ хозяевамъ въ эксплуатаціи отводимой въ ихъ пользованіе земли. Съ доставшимися ему въ душевой надѣлъ пашнями всякій воленъ дѣлать все, что ему заблагоразсудится: онъ можетъ засѣвать ихъ сколько угодно лѣтъ подъ-рядъ; можетъ забрасывать ихъ въ залежь и эксплуатировать какъ сѣнокосъ или заращивать лѣсомъ; можетъ, по усмотрѣнію, сѣять яровой или озимый хлѣбъ, а если желаетъ предохранить послѣдній отъ вытаптыванія скотомъ, то и огородить любую часть своей душевой пашни, лишь бы только такая загородка не препятствовала свободному прогону скота. Словомъ, каждый крестьянинъ на все время отъ передѣла до передѣла является полнымъ хозяиномъ доставшейся ему въ надѣлъ пашни, и это обстоятельство проявляется въ безконечномъ разнообразіи сѣвооборотовъ, которое нерѣдко можно наблюдать на земляхъ, состоящихъ въ пользованіи какой-нибудь одной общины.

Другою характерною для общины южныхъ округовъ Тобольской губерніи чертою является крайнее отвращеніе ея къ дробленію пашенъ на мелкія полосы: душевой надѣлъ пахатной земли въ огромномъ большинствѣ общинъ распредѣляется здѣсь на три сорта, въ очень немногихъ—на четыре, а общины, распредѣляющія пашни на пять или на шесть сортовъ, насчи-

тываются немногими единицами. Такъ какъ здѣсь, при этомъ, нѣтъ и дробленія пашенъ по смѣнамъ, а размѣры душевого надѣла пахатной земли лишь въ немногихъ общинахъ падаютъ до четырехъ десятинъ или ниже, въ большинствѣ же общинъ колеблются между 5 и 8 десятинами, то ясно, что нормальный размѣръ душевой полосы въ каждомъ сортѣ рѣдко и лишь случайно можетъ быть ниже десятины, а чаще долженъ доходить до двухъ десятинъ и выше. И, дѣйствительно, изслѣдованіе констатировало, что полосъ менѣе четверти десятины на югѣ Тобольской губерніи совершенно не встрѣчается, и что большою рѣдкостью являются полосы менѣе полудесятины и даже цѣлой десятины. Довольно многія общины (напр., въ Малышенской и Голышмановской вол., Ишимскаго окр.) совершенно не допускаютъ дробленія пашенъ на полосы менѣе десятины. Въ разсматриваемой мѣстности, при этомъ, нельзя встрѣтить ничего похожаго на узенькія «ленты», столь характерныя для общины среднихъ губерній Европейской Россіи,—здѣсь не бываетъ полосъ уже двадцати—тридцати сажень, такъ что пахота и бороньба пашни всегда бываютъ возможны во всѣхъ направленіяхъ.

Итакъ, повторяемъ, о чрезмѣрномъ дробленіи пашенъ и проистекающихъ отсюда вредныхъ послѣдствіяхъ въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи не можетъ быть и рѣчи. Не можетъ быть здѣсь рѣчи и о другомъ важномъ неудобствѣ, обыкновенно связываемомъ съ общиннымъ землевладѣніемъ—о такъ называемой спеціальной чрезполосности и о вытекающихъ изъ послѣдней вопросахъ—о правѣ проѣзда на пашню и о правѣ заворота сохи на чужой полосѣ. Въ значительной части общинъ, въ которыхъ земля не успѣла еще сильно вздорожать, всякая полоса со всѣхъ сторонъ окружена широкими межниками, чрезъ которые каждый можетъ проѣзжать и на которыхъ каждый можетъ поворачивать соху; гдѣ цѣнность земли сравнительно высока, межники успѣли, правда, уже значительно съузиться, но всетаки они еще достаточно широки для заворота сохи; проѣздъ же къ полосамъ всегда свободенъ, такъ какъ онѣ которымъ-нибудь концомъ непремѣнно примыкаютъ къ полевымъ дорогамъ, къ нарочно оставляемымъ для проѣзда широкимъ межникамъ или къ непахатнымъ участкамъ.

Что касается до *срока* передѣловъ, то о столь зловредныхъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи ежегодныхъ передѣлахъ или переверсткахъ въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи совершенно нѣтъ и помина. Въ прежнее время передѣлъ всегда производился при ревизіяхъ, на время до слѣдующей ревизіи; отступленія отъ этого правила бывали только въ случаяхъ массоваго приселенія ссыльныхъ или свободныхъ переселенцевъ, отрѣзки изъ крестьянскаго пользованія болѣе или менѣе значительныхъ участковъ земли,—вообще въ такихъ случаяхъ,

когда коренным образомъ измѣнялось отношеніе между количествомъ надѣльныхъ угодій и числомъ развероточныхъ единицъ. Послѣ 1858 года ревизіи, какъ *извѣстно*, не было; до 1884—1885 годовъ нигдѣ не было, за упомянутыми только что исключеніями, и коренныхъ передѣловъ, такъ какъ крестьяне считали установленное на основаніи ревизскихъ записей распредѣленіе платежей и земли между семьями неприкосновеннымъ и не подлежащимъ измѣненію иначе, какъ при новой ревизіи. Только въ серединѣ 80-хъ годовъ повсемѣстно произведены были коренныя измѣненія платежныхъ раскладокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и коренные передѣлы пахотныхъ земель. На этотъ разъ громадное большинство общинъ закрѣпило установленное при передѣлѣ распредѣленіе платежей и земли между домохозяевами на десять или на пятнадцать лѣтъ. Случаи назначенія болѣе короткихъ сроковъ были очень рѣдки; такъ, во всемъ Ишимскомъ округѣ оказалось 8 общинъ, назначившихъ до слѣдующаго передѣла шестилѣтній срокъ, одна община—пятилѣтній и одна—даже трехлѣтній.

Установленіе опредѣленнаго срока дѣйствительности передѣла обращаетъ на себя особенное вниманіе мѣстной общины: очень рѣдко входя въ записанныхъ приговорахъ въ какія-либо подробности относительно порядка производства передѣла, община, однако, почти всегда вноситъ въ приговоръ постановленіе о срокѣ передѣла. Иногда особо оговаривается неизмѣнность, въ теченіе этого срока, установленнаго передѣломъ распредѣленія земли; такъ, въ приговорѣ Мелехинскаго сельскаго схода (Локтинск. вол.) 10 іюня 1885 года оговорено: «раздѣлили срокомъ на 10 лѣтъ, считая таковой срокъ съ сего 1885 года и по 1895 годъ, чтобы не было между нами передѣла»; по приговору Ново-Егорьевскаго (Ильинск. вол.) с. схода 15 апрѣля 1887 года «должны пользоваться безъ новаго передѣла втеченіе 10 лѣтъ, за исключеніемъ лишь могущихъ произойти втеченіе этого времени перемѣнъ въ пользованіи нами землею отъ высшаго начальства», и т. д. До наступленія установленнаго срока передѣлъ допускался только въ одномъ случаѣ—въ случаѣ, если будетъ произведена XI ревизія. Въ большинствѣ общинъ, при этомъ, не допускаются въ теченіе установленнаго срока не только коренные передѣлы, но даже и частичныя переверстки земельноподатныхъ душъ: всякая семья до истеченія этого срока обязана держать землю и нести платежи за всѣхъ своихъ членовъ, вписанныхъ въ передѣльный реестръ, хотя бы они послѣ того умерли, разорились и т. п.; только платежи, лежавшіе на окончательно вымершихъ семьяхъ,—такъ называемыя «упалыя души», «принимаются на общество» и вызываютъ частичную переверстку. Другія общины, *съ согласія заинтересованныхъ лицъ*, снимаютъ надѣлы и платежи съ умирающахъ или утрачивающихъ пла-

тежную способность общинниковъ и верстаютъ на ихъ мѣсто подростковъ, не дожидаясь наступленія общаго передѣла; но и въ этихъ случаяхъ община въ промежутки между двумя передѣлами распоряжается лишь освобождающимися душевыми надѣлами и *никогда не отбираетъ земли ни у одного состоятельнаго хозяина и исправнаго плательщика.*

Хозяинъ, получающій по передѣлу землю, можетъ, такимъ образомъ, на 10 или 15 лѣтъ впередъ строить свои хозяйственные разсчеты. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что перспектива быть, хотя бы даже послѣ 10 или 15 лѣтъ спокойнаго пользованія, согнаннымъ съ хорошо раздѣланной земли и посаженнымъ на запущенную и заросшую сорными травами пашню можетъ представлять для исправнаго хозяина лишь мало привлекательнаго; интересъ «добрыхъ пахарей»,—крестьянъ, хорошо обработавшихъ свои надѣльныя пашни, искоренившихъ на нихъ сорныя травы, предупредившихъ своевременною и тщательною паровою обработкою или отдыхомъ слишкомъ сильное истощеніе производительной силы земли, всегда въ нѣкоторой мѣрѣ пострадаетъ, если передѣлъ будетъ связанъ съ обмѣномъ полосъ, котораго, очевидно, требуетъ идея полнаго уравненія душевыхъ надѣловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—требуютъ и интересы, далеко не всегда законные, бѣдной и плохо ведущей свое хозяйство части общинниковъ; «худымъ пахарямъ», несомнѣнно, присуще стремленіе сойти при передѣлѣ со своихъ дурно раздѣланныхъ полосъ, занять полосы, прежде принадлежавшія хорошимъ хозяевамъ, и такимъ образомъ воспользоваться вложеннымъ въ землю трудомъ этихъ послѣднихъ. Борьба зажиточныхъ хозяевъ, требующихъ, во имя интересовъ хозяйства и права затраченнаго труда, чтобы ихъ не трогали съ насиженныхъ мѣстъ, съ элементами, во имя принципа равенства требующими обмѣна полосъ,—эта борьба предшествуетъ передѣлу рѣшительно во всякой общинѣ; она еще обостряется благодаря тому, что иногда весьма трудно бываетъ разграничить прирожденную производительность пашни отъ ея, такъ сказать, «благопріобрѣтенныхъ» качествъ; если, напр., уголъ пашни, издавна принадлежавшій «доброму пахарю», выдается по своей значительной производительности, то это, конечно, побуждаетъ большинство общинниковъ требовать, чтобы этотъ уголъ былъ пущенъ въ общій передѣлъ, какъ земля высшей «доброты» сравнительно съ окружающими пашнями; напротивъ, владѣлецъ будетъ, и, можетъ быть, совершенно правильно, утверждать, что спорный уголъ по природнымъ свойствамъ вовсе не лучше прилегающихъ пашенъ, а даетъ лучшіе урожаи только благодаря лучшей обработкѣ. Исходъ вытекающей отсюда борьбы интересовъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ качественнаго однообразія или разнообразія передѣляемыхъ пашенъ. Гдѣ пашни представляются, такъ ска-

зать, «пестрыми», гдѣ часто на одной полосѣ встрѣчаются разнокачественные участки, тамъ «доброму пахарю» гораздо труднѣе увѣрить общину въ томъ, что хорошіе урожаи, даваемые его полосами, объясняются не естественными поеимуществами послѣднихъ, а лучшею обработкою,—тамъ, слѣдовательно, требованія «бѣдноты» гораздо легче могутъ взять перевѣсъ. Гдѣ, напротивъ, обширныя пространства пахотной земли совершенно или почти совершенно однокачественны, тамъ вліяніе лучшей обработки высказывается гораздо болѣе явственно,—тамъ, слѣдовательно, «бѣднотѣ» гораздо труднѣе возвести различія въ размѣрахъ урожаевъ, обусловливаемыя разницею въ обработкѣ, на степень естественныхъ преимуществъ, и потому «доброму пахарю» гораздо легче отстоять свои интересы. Въ изслѣдованномъ мною Ишимскомъ округѣ соотвѣтствіе между свойствами пахотныхъ земель и способами передѣла ихъ оказывается проведеннымъ съ безусловною послѣдовательностью, причемъ, однако, въ значительномъ большинствѣ общинъ приняты по отношенію къ пашнямъ способы передѣла, вполнѣ обезпечивающіе интересы «добрыхъ пахарей» и совершенно не связанные съ обмѣномъ полосъ.

Прежде всего, довольно длинный рядъ общинъ вовсе не производилъ въ 1884—1887 годахъ общаго коренного передѣла, а ограничился простою частною переверсткою или точнѣе—передачею полныхъ душевыхъ надѣловъ, числившихся за исключенными изъ раскладки «мертвыми душами», вновь поверстаннымъ въ окладъ «малолѣткамъ»; здѣсь все дѣло свелось къ замѣнѣ однѣхъ душъ другими, вступающими во всѣ права первыхъ по владѣнію землею; землепользованіе «старыхъ душъ»—лицъ, бывшихъ записанными въ сказки десятой ревизіи, осталось совершенно безъ всякаго измѣненія. Такой порядокъ, вполнѣ согласный съ интересами «добрыхъ пахарей», такъ какъ даетъ имъ полную возможность сохранить за собою всѣ плоды вложеннаго въ обработку пашни труда, вмѣстѣ съ тѣмъ представляется очень удобнымъ и для «заревизныхъ»: послѣдніе получаютъ полные надѣлы, случайно освободившіеся и потому, по естественнымъ свойствамъ, во всѣхъ отношеніяхъ одинаковые съ надѣлами «старыхъ» душъ. Порядокъ этотъ возможенъ, собственно говоря, только въ томъ случаѣ, когда число вновь надѣляемыхъ душъ равно числу освободившихся полныхъ душевыхъ надѣловъ. Но указанныя удобства этого порядка привели къ распространенію его и за его, такъ сказать, естественные предѣлы: такъ, къ этому порядку прибѣгло нѣсколько общинъ (напр., Катковская и Шипуновская Абатск. вол.), гдѣ число «малолѣтовъ» оказалось менѣе числа освободившихся надѣловъ; надѣлы, оставшіеся нерозданными, сдаются обществомъ въ аренду въ пользу мірскихъ суммъ; въ деревнѣ Бобыльской (той же вол.)

свободныхъ душевыхъ надѣловъ не хватило; тѣмъ не менѣе община не произвела коренного передѣла, а тѣмъ малолѣткамъ, для которыхъ не хватило свободныхъ надѣловъ, нарѣзала цѣлинную землю изъ общественной поскотины.

Гораздо болѣе распространеннымъ, нежели разсмотрѣнныя частныя переверстки, представляется способъ передѣла, соотвѣтствующій нормальному случаю превышенія числа подлежащихъ надѣленію подростковъ надъ числомъ убылыхъ душъ,—способъ, который можно назвать способомъ передѣла «*по старшинству*» или «*отрѣзкою излишковъ*». Сущность этого способа заключается въ томъ, что каждый хозяинъ удерживаетъ на свои «старыя души», въ любомъ мѣстѣ, столько изъ прежде состоявшей въ его пользованіи земли, сколько ему слѣдуетъ получить на эти души по новому душевому разсчету, а оказавшуюся излишнею сверхъ нормы землю «отдаетъ въ общество». Что касается до «малолѣтовъ», то они надѣляются общиною, во-первыхъ, изъ надѣловъ, принадлежавшихъ «мертвымъ» душамъ, и во-вторыхъ—изъ произведенныхъ отъ надѣловъ «старыхъ» душъ отрѣзковъ. При этомъ замѣчается стремленіе къ надѣленію «малолѣтковъ» землею, прежде состоявшею въ пользованіи ихъ ближайшихъ родственниковъ (отсюда выраженіе «по отчеству»): если, напр., подлежитъ надѣленію «малолѣтъ», котораго отецъ умеръ, то ему передается надѣлъ послѣдняго; если домохозяинъ держалъ землю, кромѣ своей души, еще на душу умершаго своего отца, то сынъ этого домохозяина будетъ надѣленъ, за должными отрѣзками, именно этою, «дѣдовскою» землею. Подлежащія надѣленію души, для которыхъ нѣтъ свободныхъ «отеческихъ» надѣловъ, получаютъ землю изъ отрѣзковъ и изъ надѣловъ такихъ лицъ, которыя умерли, не оставивъ послѣ себя никакихъ близкихъ родственниковъ.

Ясно, что сущность и цѣль описаннаго порядка передѣла пахотныхъ земель заключаются исключительно въ обезпеченіи интересовъ «старыхъ» душъ; на эту цѣль совершенно опредѣленно указываютъ внесенныя во многіе приговоры оговорки «старыя души съ мѣста не сживать», «со старинки не шевелить» и т. п. Порядокъ этотъ въ высшей степени соотвѣтствуетъ интересамъ улучшенія хозяйства, такъ какъ обезпечиваетъ не только самимъ хорошимъ хозяевамъ, но и ихъ дѣтямъ возможность пользоваться плодами вложеннаго въ землю труда, а за плохое хозяйство караетъ не только самихъ нерадивыхъ хозяевъ, но и ихъ дѣтей. Но, не говоря уже о дѣтяхъ нерадивыхъ хозяевъ,—передѣлъ «по старшинству» неблагопріятно отражается на интересахъ и тѣхъ изъ «малолѣтовъ», которые получаютъ душевые надѣлы, составленные изъ обрѣзковъ. Прежде всего, какъ ни старается община подгонять обрѣзки къ однимъ мѣстамъ, все же составленные изъ нихъ «малолѣтскіе»

надѣлы почти всегда оказываются гораздо болѣе разбросанными, нежели надѣлы «старыхъ» душъ; но этого мало: какъ было указано выше, община въ разсматриваемой области избѣгаетъ дробленія пашенъ на большое число сортовъ; внутри каждаго сорта, поэтому, земля рѣдко бываетъ вполнѣ однокачественна; а такъ какъ «старожительнымъ» душамъ предоставляется удерживать за собою слѣдующее имъ по разсчету количество земли въ *любомъ* мѣстѣ ихъ прежняго пользованія, то онѣ, конечно, всегда удерживаютъ за собою лучшіе куски, а для включенія въ составъ «малолѣтскихъ» надѣловъ отдаютъ отрѣзки худшаго качества, благодаря чему «малолѣтскіе» надѣлы обычно и по качеству уступаютъ надѣламъ «старыхъ душъ».

Въ большинствѣ общинъ Ишимскаго округа, благодаря господству очерченныхъ только что порядковъ передѣла, пребываніе земель въ рукахъ однѣхъ и тѣхъ же семей можетъ считаться обезпеченнымъ до тѣхъ поръ, пока сокращеніе состава семьи не сдѣлаетъ сохраненіе за нею прежняго количества земли противнымъ требованіямъ уравнительной справедливости. Въ другихъ, тоже очень многочисленныхъ общинахъ, главнымъ образомъ, въ юго-западной части Ишимскаго округа, а также, повидимому, и въ прилегающемъ къ ней Курганскомъ округѣ, порядки передѣла пахотныхъ земель въ значительно большей мѣрѣ опредѣляются требованіями идеи равенства. Однако, и здѣсь мы не встрѣчаемъ обязательныхъ «передвижекъ», какія практикуются мѣстами въ Европейской Россіи; очень рѣдко встрѣчаемся и съ жеребьевками, которыя въ Европейской Россіи являются излюбленнымъ при передѣлахъ пріемомъ и къ которымъ сибирскій крестьянинъ напротивъ относится, вообще говоря, очень неодобрительно. Типическими для передѣловъ пахатныхъ земель представляются въ только что названныхъ мѣстностяхъ тѣ формы передѣла, которыя крестьяне обозначаютъ названіемъ «*набоя*» или «*перебоя*»; сущность ихъ заключается въ томъ, что община какъ бы устраиваетъ аукціонъ на каждый душевой надѣлъ, предоставляя его въ пользованіе тому изъ общинниковъ, кто въ обмѣнъ за обязанность платить полный душевой окладъ согласится взять въ надѣлъ наименьшее количество угодій или, хотя и то же количество, но наихудшаго качества.

Аукціонная форма передѣла пашенъ представляетъ двѣ главныхъ разновидности: передѣлъ въ «*надорожку*» и передѣлъ «*на сбавокъ*»; при первомъ общинники, перебивающіе другъ у друга полосу, *повышаютъ* «на перебой» ея оцѣнку, т. е. соглашаются принять землю худшаго качества за землю лучшаго сорта; при передѣлѣ «на сбавокъ» земля не выходитъ изъ того сорта, въ которой она зачислена по общественной расцѣнкѣ, но общинники, «на перебой», дѣлаютъ сбавки съ ея *размѣра*, т. е. соглашаются брать *меньшее количество* земли за большее.

Первая разновидность по отношенію къ пахотнымъ землямъ представляется гораздо болѣе распространенною, нежели вторая.

Аукціонные способы передѣла, если не необходимо, то въ видѣ общаго правила, связаны съ переходомъ полосъ отъ однихъ хозяевъ къ другимъ; въ этомъ ихъ несомнѣнный недостатокъ: они даютъ несостоятельной и нерадивой части крестьянства возможность «садиться» на хорошо воздѣланныя полосы «исправныхъ» хозяевъ и такимъ образомъ получать, со сравнительно небольшою затратою труда, нѣсколько хорошихъ урожаевъ. Но съ другой стороны, этотъ порядокъ имѣетъ весьма много и за себя, такъ какъ имъ достигается полная уравнительность распредѣленія угодій безъ дробленія послѣднихъ на большое число мелкихъ полосъ. Надо, далѣе, замѣтить, что при аукціонныхъ способахъ передѣла интересы прежнихъ владѣльцевъ полосъ далеко не вполнѣ игнорируются. При самомъ аукціонѣ прежнему владѣльцу полосы всегда предоставляются преимущества передъ другими общественниками; такъ, до начала «торга» на какую-либо полосу, общество прежде всего спрашиваетъ прежняго ея хозяина, желаетъ ли онъ оставить полосу за собою; если онъ изъявляетъ желаніе, то другія лица могутъ претендовать на полосу лишь въ томъ случаѣ, если они согласятся «повысить» ее, т. е. принять всю полосу или часть ея за высшій противъ прежней оцѣнки сортъ, или, при передѣлѣ «на сбавокъ», взять часть десятины за цѣлую десятину. Разъ такіе желающіе нашлись и «торгъ» начался, то многія общины затѣмъ не представляютъ уже прежнему владѣльцу полосы никакихъ преимуществъ, а позволяютъ ему только «торговаться» наравнѣ съ прочими; но чаще (при аукціонѣ въ «надорожку») встрѣчались случаи, гдѣ прежнему владѣльцу полосы предоставлялось важное право «соглашаться» съ чужою оцѣнкою: въ то время, какъ постороннее лицо можетъ оставить за собой полосу лишь при *высшей* противъ другихъ конкурентовъ оцѣнкѣ, прежнему владѣльцу достаточно для этого пойти на *равную* съ другими оцѣнку.

Во всякомъ случаѣ, переходъ полосъ отъ однихъ хозяевъ къ другимъ, въ частности—отъ старательныхъ къ нерадивымъ, представляетъ при аукціонныхъ способахъ передѣла заурядное явленіе, и такимъ образомъ, несомнѣнно, страдаютъ права хозяевъ, вложившихъ въ землю свой трудъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ страдаютъ и интересы сельскаго хозяйства. Это—зло несомнѣнное; но интересно, *какъ велико* это зло и въ какой мѣрѣ оно можетъ вредно отражаться на прогрессѣ сельскаго хозяйства. Отвѣтъ на этотъ вопросъ получится самъ собою, если вспомнить, какіе хозяйственные порядки господствуютъ въ районѣ преобладанія аукціонныхъ формъ передѣла: хозяйство ведется частью по залежно-паровой системѣ, частью по паровой зерно-

вой системѣ безъ залежей и удобренія. Унавоживаніе не примѣняется, не встрѣчается и спеціальныхъ многолѣтнихъ сѣвооборотовъ или улучшеній, при коихъ единовременная значительная затрата капитала требовала бы для своего возмѣщенія длиннаго ряда лѣтъ,—не встрѣчается потому, что такіе сѣвообороты или улучшенія, какъ и унавоживаніе, не вызываются общими экономическими условіями края. Преимущество хозяйства зажиточнаго или старательнаго крестьянина передъ хозяйствомъ бѣднаго или нерадиваго, а, слѣдовательно, излишекъ вложеннаго въ землю труда, котораго первый лишается при передачѣ его полосы второму, сводятся при такихъ условіяхъ къ болѣе частой и болѣе глубокой пахотѣ, къ болѣе тщательной бороньбѣ, къ болѣе своевременному посѣву и лучшему качеству сѣмянъ, и т. д.,—словомъ—къ *текущимъ* работамъ, которыя зажиточный и старательный хозяинъ исполняетъ лучше, а бѣдный—хуже. Это обстоятельство имѣетъ, очевидно, важное значеніе: если бы разница была въ какихъ-либо *капитальныхъ* затратахъ, напр., дренажѣ, удобреніи, известкованіи, то, конечно, такія затраты не успѣли бы окупиться въ какіе-нибудь два-три года; отнятіе земли черезъ два-три года послѣ затраты капитала причинило бы потерпѣвшему весьма значительный убытокъ, а перспектива такого убытка, по всей вѣроятности, заставила бы лучшую часть крестьянства воздержаться отъ всякихъ подобныхъ улучшеній и остаться при старомъ, несовершенномъ способѣ хозяйства. Въ разсматриваемой мѣстности ничего подобнаго нѣтъ: если зажиточный или старательный хозяинъ лучше другихъ вспахалъ, заборонилъ, засѣялъ землю и т. п., то излишекъ затраченнаго имъ труда съ избыткомъ окупится излишкомъ перваго же собраннаго съ лучше обработанной земли урожая; вообще—излишекъ *текущей* затраты труда или капитала будетъ немедленно же вознаграждаться излишкомъ *текущаго* продукта земледѣльческаго производства. Конечно, длящаяся хорошая обработка земли ведетъ къ еще болѣе длящемуся повышенію ея производительности. Если поэтому хорошо обработанная земля переходитъ къ нерадивому хозяину, то этотъ послѣдній, конечно, въ извѣстной мѣрѣ пользуется плодами чужого труда; хозяинъ, отъ котораго отходитъ такая земля, лишается части избыточнаго продукта послѣдней. Но *убытка* онъ не терпитъ, такъ какъ излишне затраченный трудъ уже оплаченъ полученными урожаями; выражаясь языкомъ римскаго права, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ lucrum cessans, а не съ damnum emergens. И, конечно, ни одинъ хозяинъ не сталъ хуже пахать или боронить, запаздывать посѣвомъ или сѣять плохія сѣмена ради того, чтобы уберечь себя отъ возможнаго при будущемъ передѣлѣ убытка, и перспектива такого убытка, конечно, не понизила достоинства обработки земли. Такимъ образомъ, свя-

занная съ аукціонными способами передѣла возможность перехода полосъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, при существующихъ въ настоящее время въ южной части Тобольской губерніи условіяхъ, грозитъ лишь самымъ незначительнымъ ущербомъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ и совершенно неспособна имѣть какое-либо неблагопріятное вліяніе на общій уровень сельскаго хозяйства этой мѣстности.

Что касается до вложеннаго въ землю труда, еще не успѣвшаго окупиться до момента передѣла, то община и въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи относится къ нему съ большимъ вниманіемъ. Такъ, вопросъ о судьбѣ приготовленныхъ паровъ является однимъ изъ тѣхъ вопросовъ, правильнымъ разрѣшеніемъ которыхъ община при передѣлахъ наиболѣе интересовалась. Большинство общинъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что предоставляетъ хозяину, заготовившему до передѣла пары на имѣющей отойти отъ него пашнѣ, снять съ такой пашни одинъ посѣвъ, безъ всякаго вознагражденія въ пользу новаго владѣльца; послѣдній, принимая такую землю въ надѣлъ, долженъ уже имѣть это обстоятельство въ виду. Напротивъ, жнива тотчасъ же переходятъ къ новому владѣльцу; если прежній владѣлецъ успѣлъ засѣять паровое жниво раньше, то онъ долженъ уплатить новому «за подожданье». Другія общины поступаютъ нѣсколько иначе: предоставляя старому владѣльцу пашни воспользоваться плодами вложеннаго въ паровую обработку ея труда, они находятъ, однако, несправедливымъ предоставить ему лишній годъ безплатно пользоваться вошедшею по передѣлу въ составъ чужого надѣла *землею*. Чтобы удовлетворить законнымъ притязаніямъ стараго владѣльца, ему разрѣшаютъ поэтому посѣять на отходящей отъ него землѣ одинъ хлѣбъ, но взамѣнъ занятой такимъ посѣвомъ земли заставляютъ его уступить новому владѣльцу послѣдней, на одинъ посѣвъ, такое же количество того же качества жнивъ, или взамѣнъ того вознаградить его деньгами.

Вопросъ о судьбѣ свѣже-распаханныхъ земель въ южной полосѣ Тобольской губерніи не имѣетъ важнаго значенія: на сѣверныхъ окраинахъ этой полосы, гдѣ некультурныя земли покрыты лѣсомъ, почему расчистка ихъ могла бы требовать болѣе значительныхъ затратъ труда, почвенныя условія этихъ земель, при отсутствіи унавоживанія, настолько неблагопріятны, что расчистки не могутъ окупить затраченнаго труда. Болѣе или менѣе значительное количество удобныхъ для обращенія въ пашню пустопорожнихъ земель имѣется только въ степяхъ самой южной окраины Тобольской губерніи; здѣсь, однако, нови распахиваются либо на чистой степи, либо на мѣстахъ, поросшихъ мелкимъ кустарникомъ, почему не требуютъ предварительнаго корчеванія и т. п. трудныхъ работъ; для хозяина,

имѣющаго хорошихъ лошадей (съ худыми лошадьми нови вовсе нельзя поднять), лишняя затрата труда при распашкѣ новей здѣсь, поэтому, настолько незначительна, что при высокой урожайности свѣжей земли вполнѣ окупается первымъ же, или въ худшемъ случаѣ—первыми двумя посѣвами. Сказаннымъ вполнѣ опредѣляется судьба новей при передѣлахъ: нови, уже приготовленныя къ посѣву, включались въ число передѣляемыхъ угодій, и въ случаѣ перехода въ другія руки оставлялись прежнему владѣльцу на съемъ лишь одного хлѣба; но въ виду сравнительной трудности распашки новей, подобная же привиллегія давалась и лицамъ, уже успѣвшимъ снять съ послѣднихъ одинъ хлѣбъ. При этомъ однѣ общины находили излишнимъ давать новымъ владѣльцамъ подобныхъ пашенъ вознагражденіе за «подожданье»,—другія возлагали на старыхъ хозяевъ обязанность вознаградить ихъ соотвѣтствующимъ количествомъ старопахотныхъ жнивъ. Свѣжія пашни, давшія два хлѣба и болѣе, шли въ передѣлъ и немедленно переходили въ пользованіе новыхъ владѣльцевъ. Понятно, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ распахиваются лѣсные «залоги», затраты труда, вызываемыя такими распашками, могутъ окупиться лишь при значительно большемъ числѣ посѣвовъ,—но на югѣ Тобольской губерніи, какъ уже было сказано, подобныя расчистки почти вовсе прекратились или производятся въ совершенно ничтожныхъ размѣрахъ, когда же онѣ случаются, то нови оставляются за хозяиномъ въ теченіе гораздо болѣе продолжительнаго времени; такъ, приговоръ Шабуровскаго (Ишимск. окр.) сельскаго схода 12 іюня 1887 года опредѣляетъ: «Кто возьметъ землю подъ лѣсомъ или пеньки... и выкопаетъ, то у него не отбирать 20 лѣтъ»; въ Гайдуковскомъ обществѣ (того же округа) лѣсныя расчистки, не успѣвшія дать пяти хлѣбовъ, совершенно исключались изъ передѣла и прямо засчитывались распахавшимъ въ число соотвѣтствующаго сорта пашенъ.

Вотъ все, что даютъ результаты произведенныхъ въ южной части Тобольской губерніи изслѣдованій по вопросу объ отношеніи общинной формы пользованія пахатными землями вообще и передѣловъ въ частности къ затрачиваемому хозяевами на обработку земли труду. Въ общемъ нельзя не признать это отношеніе въ высокой степени бережнымъ: предыдущій обзоръ, исчерпывающій, сколько намъ извѣстно, весь относящійся къ занимающему насъ вопросу фактическій матеріалъ, не обнаружилъ не одного случая, когда передѣлъ лишилъ бы кого нибудь вознагражденія за затраченный имъ трудъ, когда перспектива лишиться плодовъ послѣдняго могла удержать кого-нибудь отъ дѣйствій, направленныхъ къ улучшенію земледѣльческой культуры. И если, при этомъ, вспомнить, что община южной части Тобольской губерніи не стѣсняетъ своихъ членовъ принудитель-

ными сѣвооборотами и т. п., а предоставляетъ имъ неограниченную свободу въ избраніи способовъ и пріемовъ хозяйства, то ясно станетъ, что общинная форма владѣнія землею въ разсматриваемой мѣстности ни въ какомъ случаѣ не могла имѣть задерживающаго вліянія на прогрессъ земледѣльческой культуры. Въ частности, не порядки пользованія землею помѣшали здѣсь распространенію хозяйства съ удобреніемъ,—отрывочныя, разрозненныя попытки унавоживанія пашенъ происходили и продолжаютъ происходить въ весьма многихъ мѣстностяхъ западной, сравнительно малоземельной части степной полосы Тобольской губерніи—округовъ Ишимскаго, Курганскаго и Ялуторовскаго; и если эти попытки не принимаютъ здѣсь болѣе систематическаго вида и находятъ мало подражателей, то это главнымъ образомъ потому, что потребность въ измѣненіи основъ полевого хозяйства въ этой мѣстности, до послѣднихъ лѣтъ, не успѣла достаточно обостриться.

Совсѣмъ другія условія представляетъ прилегающая къ этому району съ сѣвера мѣстность, которую можно обозначить названіемъ переходной—сѣверо-западная окраина Ишимскаго округа и прилегающіе къ ней участки округовъ Тобольскаго и Ялуторовскаго. Эта мѣстность представляетъ картину постепеннаго упроченія и развитія хозяйства съ удобреніемъ: ближе къ югу попытки удобренія пашенъ дѣлаются лишь отдѣльными зажиточными домохозяевами—чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ число такихъ домохозяевъ становится больше, примѣняемые къ удобреннымъ пашнямъ сѣвообороты—однообразнѣе, и, наконецъ, начиная отъ сѣверной окраины Ишимскаго округа, удобреніе ближнихъ къ усадьбамъ пашенъ становится обычнымъ порядкомъ вещей. Какъ отдѣльные хозяева лишь постепенно убѣждаются въ необходимости унавоживанія пашенъ и лишь мало-по-малу начинаютъ проводить это убѣжденіе въ жизнь, такъ и община не сразу начинаетъ считаться съ новыми способами хозяйства. Почти во всей разсматриваемой переходной мѣстности, а тѣмъ болѣе—въ южной полосѣ, община совершенно игнорируетъ попытки удобренія пашенъ: при передѣлахъ судьба участковъ, на которыхъ было испробовано удобреніе, не опредѣляется никакими особыми постановленіями, такъ что, повидимому, эгоизму нерадивыхъ общинниковъ, всегда готовыхъ воспользоваться плодами чужого труда, предоставляется полный просторъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности, какъ показало изслѣдованіе, случаевъ «сживанія» съ удобренныхъ пашенъ совершенно не бывало, такъ что интересы крестьянъ, удобрившихъ землю, не будучи охраняемы никакими опредѣленными постановленіями, фактически не нарушаются; изслѣдованіе объясняетъ это, на первый взглядъ, странное явленіе именно тѣмъ, что полезность удобренія еще не окончательно выяснилась въ сознаніи крестьянъ, что

худшіе элементы въ общинѣ еще не успѣли понять выгоды, которую они могли бы извлечь, садясь на чужія удобренныя пашни; а разъ не было попытокъ захвата послѣднихъ, то не было и повода для возникновенія постановленій, ограждающихъ интересы ихъ владѣльцевъ.

На сѣверной окраинѣ переходной полосы, гдѣ вопросъ о пользѣ унавоживанія успѣлъ уже вполнѣ выясниться для крестьянъ, гдѣ поэтому ближнія пашни удобряются большинствомъ общинниковъ, и община радикально измѣняетъ свое отношеніе къ судьбѣ удобряемыхъ пашенъ: ближнія пашни, удобныя для вывозки удобренія, начинаютъ выдѣляться при передѣлахъ въ особый пай или сортъ; дѣлается это отчасти ради огражденія интересовъ хозяевъ удобренныхъ пашенъ, главнымъ же образомъ, въ видахъ предоставленія каждому общиннику возможности удобрить часть своего душевого надѣла.

На этой ступени порядки пользованія пашнями стоятъ во всей средней части Тобольской губерніи, охватывающей южную половину Тобольскаго округа, весь Тюменскій округъ и двѣ ближайшія къ послѣднему волости Туринскаго—Кошукскую и Туринскую. Здѣсь удобряемыя пашни позсемѣстно передѣляются отдѣльно отъ неудобряемыхъ; къ сожалѣнію, неполнота собранныхъ изслѣдованіемъ по отношенію къ этой мѣстности данныхъ не позволяетъ намъ сказать, принимаются ли здѣсь при передѣлахъ мѣры, и какія именно, для предупрежденія перехода хорошо удобренныхъ земель въ руки лицъ, плохо удобрявшихъ свои земли; но есть полное основаніе предполагать, что подобные случаи предупреждаются, и именно посредствомъ примѣненія порядковъ передѣла, основанныхъ на принципѣ «старшинства»,—значитъ заставляющихъ каждаго оставаться на тѣхъ участкахъ земли, которые онъ ранѣе обрабатывалъ. Иначе невозможно было бы ожидать, чтобы хозяйство съ удобреніемъ успѣло настолько упрочиться, а унавоживаніе—достигнуть такой степени интенсивности, какую мы находимъ на сѣверѣ этого района и особенно въ слѣдующемъ, сѣверномъ районѣ Тобольской губерніи.

II.

Общинные порядки земледѣльческаго сѣвера Тобольской губерніи—округовъ Туринскаго и отчасти Тобольскаго—представляютъ, внѣшнимъ образомъ, гораздо болѣе сходства съ общинными порядками среднихъ губерній Европейской Россіи. Дѣленіе околодворныхъ удобряемыхъ пашенъ на смѣны («перемѣны»), на крайнемъ сѣверѣ на двѣ, южнѣе—на три, и существованіе обязательнаго для этихъ пашенъ двухпольнаго или трехпольнаго хозяйства съ выпасомъ скота по парамъ и

жнивьямъ, является характернѣйшею чертою, отличающею и сельское хозяйство и общинные порядки сѣвера Тобольской губерніи отъ общинныхъ порядковъ и хозяйства южной и средней части этой послѣдней. Очень можетъ быть, что впослѣдствіи, когда обнаружится необходимость перехода отъ двухпольнаго или трехпольнаго зернового хозяйства къ болѣе интенсивнымъ хозяйственнымъ порядкамъ, дѣленіе общинныхъ пашенъ на загороженныя смѣны съ обязательнымъ сѣвооборотомъ и послужитъ для такого перехода нѣкоторою задержкою,—хотя приводимые ниже факты и позволяютъ усомниться въ томъ, чтобы эта задержка могла быть очень серьезна. Но во всякомъ случаѣ въ настоящее время трехпольное и двухпольное хозяйство съ дѣленіемъ полей на смѣны и выпасомъ въ этихъ послѣднихъ скота является не проявленіемъ косности и рутины, а, напротивъ, сознательно-прогрессивною хозяйственною формою сравнительно съ неорганизованнымъ вольнымъ навознымъ хозяйствомъ; загораживаніе смѣнъ осенью и весной предохраняетъ всходы отъ потравъ, а утолачиваніе парового поля скотомъ мѣшаетъ росту сорныхъ травъ, дѣлаетъ посѣвы менѣе чувствительными къ вліянію заморозковъ и т. п. случайностей и вообще повышаетъ урожайность пашенъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ вольное хозяйство можетъ быть наблюдаемо въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ обязательнымъ трехпольемъ, хлѣба въ разгороженныхъ смѣнахъ всегда даютъ лучшіе урожаи, нежели при вольномъ хозяйствѣ, и разница обозначается тѣмъ рѣзче, чѣмъ болѣе посѣвы подвергались неблагопріятнымъ атмосферическимъ вліяніямъ; въ то время, поэтому, какъ при вольномъ хозяйствѣ случаются, несмотря на унавоживаніе, болѣе или менѣе полные неурожаи, при обязательномъ трехпольѣ урожай, по крайней мѣрѣ для озимаго хлѣба, никогда не спускается ниже извѣстнаго, сравнительно довольно высокаго минимума. Въ виду такихъ явныхъ преимуществъ обязательнаго трехполья передъ вольнымъ хозяйствомъ, крестьяне въ цѣломъ рядѣ мѣстностей вполнѣ сознательно переходятъ къ смѣнному хозяйству отъ послѣдняго къ первому. Такой переходъ наблюдается нынѣ, напримѣръ, въ южной части Табаринской волости и въ сѣверо-западныхъ селеніяхъ Туринской; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ этой послѣдней община, въ видѣ опыта, разгородила ближнія пашни на двѣ смѣны, въ каждой изъ которыхъ хозяйство ведется по трехпольной системѣ; а въ остальной части Туринской волости и въ Кошукской, равно какъ, по всей вѣроятности, въ ближайшей къ нимъ части Тюменскаго округа, раздѣленіе ближайшихъ пашенъ на смѣны несомнѣнно состоится въ близкомъ будущемъ. Нѣкоторыя общества Пушкаревской волости, желая доставить преимущества утолачиванія и такимъ пашнямъ, которыя по отдаленности отъ усадебъ не-

доступны для вывозки навоза, раздѣлили на три или на двѣ смѣны лучшія урочища отъѣзжихъ пашенъ и установили и для нихъ обязательный трехпольный или двухпольный сѣвооборотъ.

Совершенно необходимымъ слѣдствіемъ всего склада хозяйственныхъ порядковъ и общиннаго строя сѣвера Тобольской губерніи является другая характерная черта—дробленіе пашенъ на мелкія и узкія полоски. Въ южныхъ округахъ, какъ мы видѣли, душевой надѣлъ пахотной земли, состоящій изъ 5—7 и болѣе десятинъ, отводится въ трехъ, много въ четырехъ мѣстахъ, и потому здѣсь преобладаютъ полосы величиною въ десятину, двѣ десятины и болѣе. На сѣверѣ на душу приходится всего двѣ-три, много четыре десятины пашни; между тѣмъ въ составъ такого душевого надѣла у каждаго общинника должны войти какъ ближнія, удобряемыя, такъ и дальнія, неудобряемыя пашни; далѣе, удобряемыя пашни разбиты на 3 поля, и каждый общинникъ, конечно, долженъ получить землю въ каждомъ изъ этихъ трехъ полей; затѣмъ, какъ на запольныхъ, неудобряемыхъ участкахъ, такъ и въ каждомъ изъ трехъ полей удобряемыхъ пашенъ должно быть произведено уравненіе по почвеннымъ условіямъ и вообще по качеству; наконецъ, при господствѣ хозяйства съ удобреніемъ крайне важную роль играетъ разстояніе пашенъ отъ усадебъ; а такъ какъ различія въ разстояніи могутъ быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше каждая данная община и чѣмъ менѣе округленную форму имѣютъ пахотныя смѣны, то въ большихъ селеніяхъ одни только эти различія иногда требуютъ разбивки земли въ одной смѣнѣ на четыре и на пять сортовъ. Не удивительно, при такихъ условіяхъ, что внѣшній видъ полей на сѣверѣ Тобольской губерніи представляетъ большое сходство съ видомъ полей въ великороссійскихъ малоземельныхъ общинахъ: каждая «перемѣна» изрѣзана на узкія лентообразныя полосы, ширина которыхъ нерѣдко падаетъ до 5—3 саженъ и даже ниже. Дробность полосъ стараются, правда, устранить путемъ обмѣновъ, но такіе обмѣны, далеко не всегда возможные, лишь въ незначительной мѣрѣ устраняютъ указанный недостатокъ. Это обстоятельство, какъ констатировало изслѣдованіе, не остается безъ вліянія на обработку пашенъ и въ частности—на бороньбу ихъ: для вполнѣ удовлетворительной раздѣлки пашни необходимо, какъ сознаютъ и крестьяне, боронить ее накрестъ, вдоль и поперекъ; между тѣмъ уже пяти-саженную полосу можно «запоперечить» лишь съ большимъ трудомъ, и то не иначе, какъ одною бороною; удобно и на двухъ боронахъ можно «запоперечить» полосу не уже 8—9 саженъ; а такъ какъ ширина душевыхъ полосъ довольно часто опускается до 5 саженъ и ниже, то часто приходится ограничиваться «доленіемъ»—бороньбою

вдоль направленія пахоты, и для болѣе или менѣе удовлетворительной раздѣлки земли затрачивать двойное количество труда.

Обратимся теперь къ вопросу о порядкахъ передѣловъ пахатныхъ земель въ разсматриваемой мѣстности. Предварительно, однако, намъ кажется необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ общемъ характерѣ населенія земледѣльческаго сѣвера Тобольской губерніи. Сравнительно съ южными округами той же губерніи сѣверъ отличается, прежде всего, весьма незначительною численностью ссыльнаго элемента и полнымъ отсутствіемъ какого-либо вліянія его на общинныя дѣла. Другою характерною чертою сѣвера является гораздо болѣе равномѣрное распредѣленіе благосостоянія между отдѣльными домохозяйствами: здѣсь очень мало богачей, но за то очень незначителенъ и процентъ совершенно бѣдныхъ, а тѣмъ болѣе—безхозяйныхъ дворовъ. Такимъ образомъ здѣсь очень слабы оба элемента, которые всегда, изъ чисто эгоистическихъ соображеній, являются проводниками способовъ и пріемовъ распредѣленія угодій, мало считающихся съ вложеннымъ въ землю трудомъ и потому стоящихъ въ противорѣчіи съ интересами сельскаго хозяйства. И соотвѣтственно этому сѣверная община относится къ вложенному въ землю труду еще гораздо бережнѣе, нежели община въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи.

Въ прежнее время на сѣверѣ Тобольской губерніи, какъ и на югѣ, земельно-податныя раскладки были пріурочены исключительно къ ревизіямъ. Каждая ревизія, значительно увеличивая число земельно-платежныхъ раскладочныхъ единицъ, необходимо вела къ коренному передѣлу; въ промежуткахъ между ревизіями распредѣленіе пахотныхъ земель оставалось, въ видѣ общаго правила, совершенно неизмѣннымъ. Такимъ же образомъ,—впредь до «новой ревизіи»,—повсемѣстно произведены были передѣлы и въ 1859 году. Но новая ревизія не наступила и до настоящаго времени. И вотъ, пересмотрѣвъ данныя, добытыя изслѣдованіемъ Туринскаго округа, гдѣ вопросъ о формахъ пользованія пахотными землями былъ подробно изученъ, мы находимъ, что въ южной половинѣ этого округа населеніе трехъ ближайшихъ къ границѣ Тюменскаго округа волостей послѣ X ревизіи совершенно не измѣняло платежныхъ раскладокъ и не производило никакихъ передѣловъ пахотныхъ земель; напротивъ, въ остальныхъ пяти волостяхъ, лежащихъ выше по теченію Туры, и платежныя раскладки, и распредѣленіе земли были подвергнуты болѣе или менѣе коренному измѣненію. Такая разница между двумя смежными мѣстностями объясняется двоякаго рода причинами: съ одной стороны—относящимися къ области обложенія, съ другой—особенностями земледѣльческаго хозяйства. Обстоятельства перваго рода для насъ

не имѣютъ значенія. Причины другой, болѣе интересной для насъ категоріи, сводятся къ различіямъ въ степени распространенности и въ самихъ способахъ унавоживанія. Въ западныхъ волостяхъ унавоживаніе пашенъ вошло во всеобщее употребленіе; хозяинъ, не имѣющій возможности унавоживать своихъ пашенъ, вовсе не можетъ вести хозяйства и долженъ сдавать свою землю въ аренду; поэтому при связанномъ иногда съ передѣломъ переходѣ со старыхъ полосъ на новыя весь рискъ сводится только къ полученію нѣсколько хуже удобренныхъ полосъ, а никакъ не къ переходу съ удобренныхъ на вовсе неудобренныя. Съ другой стороны, передѣлы всегда производятся весной, когда навозъ, вывезенный въ предыдущемъ году, успѣлъ уже дать отплату на одномъ урожаѣ, а навозъ текущего года еще не вывезенъ; а такъ какъ въ названныхъ выше мѣстностяхъ принята система не изобильной, но часто повторяемой вывозки навоза, то, слѣдовательно, при переходѣ унавоженной полосы въ другія руки теряется лишь небольшая часть отплаты удобренія. Совсѣмъ другія условія существуютъ въ трехъ восточныхъ волостяхъ; здѣсь, прежде всего, удобреніе лишь въ самое послѣднее время начало входить во всеобщее употребленіе, а затѣмъ, при господствующей системѣ чрезвычайно густого, но рѣдко повторяемаго унавоживанія, это послѣднее оплачивается лишь болѣе или менѣе длиннымъ рядомъ урожаевъ; поэтому, во-первыхъ, здѣсь владѣлецъ удобренной пашни легко можетъ при обмѣнѣ полосъ, получить вмѣсто нея пашню, никогда не удобрявшуюся, а во-вторыхъ,—отнятіе пашни, съ которой послѣ вывозки навоза снято 1, 2, 3 хлѣба, можетъ лишить ея владѣльца весьма значительной части отплаты удобренія. Здѣсь, значитъ, обмѣнъ полосъ при передѣлѣ могъ бы причинить весьма существенный вредъ какъ отдѣльнымъ владѣльцамъ удобренныхъ пашенъ, такъ и общему прогрессу хозяйства. Въ этихъ-то обстоятельствахъ и надо искать главную причину того, почему въ восточныхъ волостяхъ южной полосы Туринскаго округа передѣлы не возобновлялись со времени X ревизіи; но и въ западныхъ волостяхъ лишь въ меньшинствѣ общинъ въ 80-хъ годахъ произведены были *коренные* передѣлы; бо́льшая часть общинъ этой мѣстности возстановила соотвѣтствіе между распредѣленіемъ земли и потребительнымъ составомъ домохозяйствъ посредствомъ пріема, который можно назвать разверсткой «по ѣдокамъ»; сущность этого пріема состоитъ въ томъ, что община, удерживая въ принципѣ разверстку по ревизскимъ душамъ, отбираетъ часть душевыхъ надѣловъ у тѣхъ дворовъ, наличный потребительный составъ которыхъ малъ сравнительно съ числомъ закрѣпленныхъ за ними ревизіей платежно-земельныхъ единицъ, и передаетъ ихъ тѣмъ дворамъ, которые при большомъ потребительномъ составѣ имѣютъ мало ревизскихъ душъ. Глав-

ное преимущество этого пріема въ томъ, что при немъ не измѣняется число разверсточныхъ единицъ, а потому устраняется необходимость коренного передѣла со всѣми связанными съ нимъ несомнѣнными неудобствами: дворы, составъ которыхъ остался пропорціональнымъ числу ревизскихъ душъ, сохраняютъ всю прежнюю землю; тѣ, составъ которыхъ уменьшился, отдаютъ цѣлый душевой надѣлъ или часть надѣла и затѣмъ также остаются на прежде обрабатывавшейся ими землѣ.

Однако, не мало общинъ въ этой мѣстности, равно какъ и всѣ общины сѣверной, при-Тавдинской половины Туринскаго округа, въ серединѣ 80-хъ годовъ произвели коренные передѣлы. Любопытно при этомъ, что въ южной части округа и въ двухъ изъ волостей сѣверной части—Кошукской и Табаринской—коренные передѣлы произведены были на неопредѣленный срокъ—до тѣхъ поръ, пока община не почувствуетъ необходимости въ новомъ коренномъ измѣненіи земельно-податной раскладки, а, слѣдовательно,—въ новомъ коренномъ передѣлѣ. При извѣстныхъ условіяхъ такая неопредѣленность срока, очевидно, могла бы привести къ столь вредному въ сельскохозяйственномъ отношеніи слишкомъ частому повторенію передѣловъ. Но зная консерватизмъ Туринской общины въ этомъ отношеніи, зная слабость въ ней тѣхъ нехозяйственныхъ элементовъ, для которыхъ были бы выгодны слишкомъ частые передѣлы, этого неудобства, какъ констатировало изслѣдованіе, совершенно нельзя опасаться: отсутствіе опредѣленнаго срока въ Туринскомъ округѣ приведетъ скорѣе къ слишкомъ рѣдкому, чѣмъ къ слишкомъ частому повторенію передѣловъ. Затѣмъ, во всѣхъ общинахъ Гаринской и Пелымской волостей и въ нѣкоторыхъ общинахъ остальной части округа передѣлъ произведенъ былъ на опредѣленный срокъ; и весьма любопытно, что въ Гаринской волости, гдѣ земледѣліе находится въ превосходномъ состояніи, во всѣхъ общинахъ былъ установленъ продолжительный, 15-лѣтній срокъ; въ Пелымской, гдѣ земледѣліе стоитъ гораздо ниже и гдѣ гораздо многочисленнѣе нехозяйственные элементы, срокъ нигдѣ не превышаетъ 10, а въ большинствѣ «обществъ» падаетъ до 6 и даже 5 лѣтъ.

Самые способы, которыми на сѣверѣ Тобольской губерніи производятся коренные передѣлы, въ огромномъ большинствѣ общинъ, по коимъ изслѣдованіемъ добыты свѣдѣнія, основываются на комбинаціи двухъ основаній. Первое и главнѣйшее изъ этихъ основаній—это уже извѣстный намъ принципъ «старшинства», «вотчины»; сущность его въ томъ, что каждый домохозяинъ, по мѣрѣ возможности, остается на обрабатывавшихся имъ ранѣе полосахъ и лишь въ такой мѣрѣ смѣщается съ этихъ полосъ, въ какой это необходимо для количественнаго и качественнаго уравненія его землепользованія, пропорціо-

нально числу раскладочно-земельныхъ единицъ, съ землепользованіемъ другихъ общинниковъ. Принципъ этотъ имѣетъ ясно сознаваемое крестьянами трудовое основаніе; «съ гоенной (обработанной) пашни не сживаемъ»; «каждаго у своихъ назьмовъ оставляли»; «кто какую пашню уважилъ, тотъ ту и держитъ» и т. д.—всѣ подобныя записанныя изслѣдователемъ изреченія разными словами выражаютъ, въ сущности, одну и ту же мысль: каждый домохозяинъ, по мѣрѣ возможности, продолжаетъ пользоваться плодами вложеннаго имъ въ землю труда, или же плодами своего прежняго нерадѣнія и безпечности. Въ этомъ—важное достоинство принципа «старшинства»; но принципъ этотъ, въ чистомъ его видѣ, можетъ привести и къ существеннымъ неудобствамъ: при невозможности достигнуть безусловной равноцѣнности, внутри каждаго сорта, всѣхъ душевыхъ полосъ, принципъ «старшинства», проведенный безъ всякихъ ограниченій, могъ бы повести къ тому, что одни домохозяйства постоянно сидѣли бы на лучшихъ, другія—на худшихъ душевыхъ надѣлахъ. Для устраненія такой несправедливости принципъ «старшинства» въ сѣверныхъ общинахъ обыкновенно комбинируется съ принципомъ «нелюбой половины»: община отводитъ полосы съ такимъ разсчетомъ, чтобы недостатки полосъ одного сорта уравновѣшивались преимуществами полосъ другихъ сортовъ и обратно. Въ большинствѣ общинъ эта цѣль достигается слѣдующимъ образомъ: каждый общинникъ беретъ полосы перваго сорта тамъ, гдѣ ему угодно, если же на одну полосу оказывается нѣсколько желающихъ, то преимущество всегда предоставляется ея прежнему владѣльцу. Когда разобраны полосы перваго сорта, община приступаетъ къ отводу «нелюбыхъ» половинъ — назначаетъ каждому общиннику полосы второго и слѣдующихъ сортовъ, при чемъ получившимъ лучшія полосы въ первомъ сортѣ даетъ худшія во второмъ и третьемъ, и наоборотъ, но при этомъ, насколько это совмѣстимо съ достиженіемъ намѣченной только что цѣли, старается оставлять хозяевъ на «старинѣ»—на обработанныхъ ими пашняхъ.

Порядки передѣла, основанные на изложенныхъ принципахъ, съ разнообразными, преимущественно формальными, варіаціями, господствовали во всемъ Туринскомъ округѣ при произведенныхъ въ 80-хъ годахъ передѣлахъ. Какъ и на югѣ Тобольской губерніи, крестьянство и здѣсь весьма мало склонно къ жеребьевкамъ; по отношенію къ пахатнымъ землямъ жеребій примѣненъ былъ только въ нѣсколькихъ случаяхъ, и то лишь въ дополненіе къ способамъ разверстки, основаннымъ на принципахъ «старшинства» и «нелюбой половины». Но затѣмъ, въ отличіе отъ юга Тобольской губерніи, здѣсь почти совершенно не примѣняется къ пахотнымъ землямъ и аукціонный способъ передѣла. Оба эти способа несомнѣнно пользуются здѣсь малою

распространенностью именно потому, что по существу своему возводятъ въ систему обмѣнъ полосъ, котораго община сѣвера Тобольской губерніи избѣгаетъ еще въ гораздо большей мѣрѣ, нежели въ южныхъ округахъ, и избѣгаетъ именно потому, что возведенный въ принципъ, такой обмѣнъ въ мѣстности, гдѣ господствуетъ хозяйство съ удобреніемъ, несомнѣнно дурно отразился бы на состояніи земледѣльческой культуры.

При господствующихъ на сѣверѣ Тобольской губерніи способахъ передѣла случаи перехода пахотной земли изъ рукъ въ руки несомнѣнно сведены къ минимуму, за которымъ исчезаетъ всякая возможность уравнительнаго распредѣленія пользованія землею. Тѣмъ не менѣе, случаи такого перехода несомнѣнно бываютъ и здѣсь, а разъ они бываютъ, то неминуемо возникаетъ вопросъ о судьбѣ, при такихъ переходахъ, вложеннаго въ землю, преимущественно путемъ унавоживанія ея, и еще не успѣвшаго окупиться труда. Изслѣдованіе констатируетъ, что община и на сѣверѣ Тобольской губерніи не регулировала этого вопроса какими-либо опредѣленными постановленіями; правда, при передѣлахъ обращалось особенное вниманіе на то, чтобы по возможности «не сживать» никого со свѣже удобренныхъ пашенъ; однако, и такія пашни отбирались, если того требовала равномѣрность надѣленія, и это не вызывало со стороны ихъ владѣльцевъ никакихъ особенныхъ протестовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознаніе возможности отобранія свѣже-удобренныхъ полосъ не мѣшаетъ очень интенсивному унавоживанію пашенъ. Изслѣдованіе объясняетъ это приведенными уже выше характерными особенностями хозяйства и экономическаго строя тѣхъ мѣстностей, гдѣ въ 80-хъ годахъ произведены были передѣлы: при весьма равномѣрномъ распредѣленіи здѣсь благосостоянія, выражающемся, между прочимъ, въ болѣе или менѣе равномѣрномъ унавоживаніи пашенъ; при господствѣ системы не очень густого, но часто повторяемаго и, слѣдовательно, скоро окупающагося унавоживанія, владѣлецъ свѣже-удобренной полосы, даже при переходѣ ея въ другія руки, теряетъ лишь весьма малую долю отплаты удобренія, и во всякомъ случаѣ не несетъ положительнаго убытка. Совсѣмъ другія условія, какъ было уже упомянуто, представляютъ мѣстности въ родѣ юго-восточныхъ волостей Туринскаго округа, гдѣ унавоживаніе далеко не настолько успѣло войти во всеобщее употребленіе, и гдѣ притомъ господствуетъ система весьма сильнаго, но повторяемаго черезъ продолжительные промежутки времени удобренія. Здѣсь отобраніе свѣже-удобренной полосы наносило бы ея владѣльцу весьма существенный убытокъ, и потому община при передѣлахъ необходимо должна была бы обставлять владѣльцевъ свѣже-удобренныхъ полосъ вполнѣ опредѣленными гарантіями. Но во всей этой мѣстности передѣловъ не бывало

съ самой X ревизіи, а сохранившіяся съ того времени воспоминанія крестьянъ слишкомъ смутны для того, чтобы дать на этотъ существенный вопросъ опредѣленный отвѣтъ. Въ 80-хъ годахъ въ этой мѣстности передѣлъ произведенъ былъ только въ одной общинѣ (Сладковской, Пушкаревской вол.); здѣсь особымъ приговоромъ было постановлено—ни подъ какимъ видомъ «не сживать» хозяевъ съ полосъ, если послѣднія не достаточно вознаградили за труды по ихъ удобренію; на этомъ основанія ближнія пашни оставлялись за прежними владѣльцами, если съ нихъ послѣ вывозки навоза было снято менѣе четырехъ, дальнія—если было снято менѣе шести или даже семи хлѣбовъ.

III.

Намъ предстоитъ теперь коснуться одной весьма важной стороны хозяйственной жизни земледѣльческаго населенія сѣвера Тобольской губерніи—дѣятельности какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ общинъ, направленной, съ одной стороны, къ увеличенію культурной площади, съ другой—къ улучшенію этой послѣдней и къ усовершенствованію способовъ и пріемовъ хозяйства.

Прежде всего необходимо остановиться на вопросѣ о расчисткахъ пустопорожнихъ земель въ видахъ обращенія ихъ подъ земледѣльческую культуру. Вопросъ этотъ имѣетъ для земледѣльческаго сѣвера Тобольской губерніи весьма большое значеніе, такъ какъ здѣсь съ каждымъ годомъ создаются, путемъ расчистки, сотни десятинъ пашни, а за 30 лѣтъ, протекшихъ со времени X ревизіи, количество вновь созданной такимъ образомъ пахотной земли исчисляется многими тысячами десятинъ. Организація пахотныхъ расчистокъ, взаимное отношеніе въ этомъ дѣлѣ общины и отдѣльныхъ хозяевъ представляются весьма разнообразными, въ зависимости отъ различныхъ условій,—главнымъ образомъ степени изобилія и цѣнности расчищаемыхъ пустопорожнихъ мѣстъ.

На крайнемъ земледѣльческомъ сѣверѣ, къ которому принадлежатъ, напр., четыре при-Тавдинскія волости Туринскаго округа, населеніе чрезвычайно рѣдко; къ селеніямъ прилегаютъ лишь небольшіе клочки разработанной земли, за которыми на обширныя пространства тянутся дремучіе лѣса и болота, а среди послѣднихъ почти вездѣ попадается немало удобныхъ для расчистки площадей; съ другой стороны, расчистка крупнаго лѣса требуетъ здѣсь такой значительной затраты труда, а природная производительность почвы настолько ничтожна, что удобная для разработки, но еще не расчищенная земля совершенно не имѣетъ цѣнности. И вотъ община повсемѣстно предо-

ставляетъ здѣсь дѣло расчистки лѣсныхъ земель иниціативѣ отдѣльныхъ своихъ членовъ: пустопорожнія мѣста составляютъ въ этомъ смыслѣ res nullius, и каждому общиннику предоставляется расчищать землю въ любомъ мѣстѣ и въ любомъ количествѣ. При общихъ передѣлахъ вопросъ о судьбѣ «новинныхъ» пашенъ нерѣдко вызывалъ ожесточенную борьбу между различными группами общественниковъ,—борьбу, которая въ отдѣльныхъ случаяхъ приводила къ крайне несправедливымъ рѣшеніямъ. Такъ, въ селеніяхъ Еременскаго общества (Пелымской вол.), при произведенномъ въ 1886 г. передѣлѣ, были пущены въ раздѣлъ всѣ «новинныя» пашни, хотя бы съ нихъ не было еще снято ни одного хлѣба; въ этомъ же смыслѣ былъ составленъ приговоръ Петровскимъ обществомъ (Гаринской вол.), но здѣсь этотъ приговоръ не былъ исполненъ и въ дѣйствительности «новинныя» пашни были, наоборотъ, совершенно изъяты изъ передѣла. Однако, въ огромномъ большинствѣ общинъ разсматриваемой мѣстности не было ничего похожаго на такія явныя несправедливости. Многія общины, правда (главнымъ образомъ въ Гаринской и въ Пелымской волостяхъ), включили въ число передѣляемыхъ пашенъ часть «новинныхъ» земель, но только земли уже давно расчищенныя и успѣвшія оплатить затраченный на расчистку трудъ; за лицами, расчистившими «новины», признавалось право на сверхъ-надѣльное пользованіе послѣдними въ теченіе 30—40-лѣтняго срока, и только «новины», прослужившія такой льготный срокъ, включались въ число передѣляемыхъ угодій. Во многихъ другихъ общинахъ (главн. обр. въ Кошукской вол.) всѣ безъ исключенія «новинныя» пашни, когда бы онѣ ни были расчищены, были исключены изъ передѣла и оставлены въ сверхъ-надѣльномъ пользованіи лицъ, которыя ихъ расчищали.

Во всей при-Тавдинской мѣстности, такимъ образомъ, община чрезвычайно бережно относится къ интересамъ владѣльцевъ «новинныхъ» пашенъ; это и понятно: расчистка «новинъ» изъ-подъ густого хвойнаго лѣса требуетъ большой затраты труда, распредѣляемой обыкновенно на длинный рядъ лѣтъ; съ другой стороны, тощая почва тотчасъ же послѣ расчистки требуетъ значительной текущей затраты труда на удобреніе, и потому лишь весьма медленно окупаетъ предварительныя затраты по расчисткѣ. Въ виду этихъ условій, расчистка можетъ оплатиться не какими-нибудь двумя-тремя, а—смотря по условіямъ—пятнадцатью, двадцатью, тридцатью посѣвами, и община, не рискуя сдѣлать крупной несправедливости, не можетъ «замѣрить» въ число передѣляемыхъ пашенъ «новины», не прослужившей соотвѣтственнаго числа десятковъ лѣтъ.

Совсѣмъ другія условія представляетъ въ разсматриваемомъ отношеніи южная половина Туринскаго округа. Здѣсь, прежде

всего, расчистки производятся изъ-подъ мелкаго лѣса и потому не требуютъ сколько-нибудь значительной затраты труда; вмѣстѣ съ тѣмъ «новина» всегда даетъ безъ удобренія нѣсколько болѣе или менѣе хорошихъ, смотря по почвѣ, урожаевъ, которые обыкновенно въ два-три года вполнѣ вознаграждаютъ за весь затраченный на расчистку небольшой трудъ. Въ дальнѣйшемъ, однако, замѣчается существенная разница между западными волостями, ближайшими къ границѣ Верхотурскаго уѣзда, и восточными волостями, расположенными ближе къ границѣ Тюменскаго округа. Въ этихъ послѣднихъ осталось еще довольно много удобныхъ для расчистки пустопорожнихъ земель; но и здѣсь такія земли расположены, по преимуществу, въ отдаленныхъ отъ селеній и поэтому недоступныхъ для унавоживанія урочищахъ, почему представляютъ для крестьянъ лишь весьма незначительную цѣнность; соотвѣтственно этому такія мѣста и здѣсь состоятъ въ неограниченномъ вольномъ пользованіи: каждому общиннику предоставляется расчищать землю въ любомъ мѣстѣ, не входящемъ въ число передѣляемыхъ сѣнокосныхъ участковъ, или гдѣ покосы передѣлены на долгій срокъ—и на своемъ собственномъ сѣнокосномъ участкѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ расчищенная площадь при послѣдующихъ передѣлахъ оставляется въ пользованіи расчистившаго, но зачисляется ему въ счетъ душевой пропорціи *сѣнокосной* земли. Что касается до «новинъ», расчищенныхъ изъ пустопорожнихъ лѣсныхъ земель, то онѣ остаются въ пользованіи расчистившихъ ихъ домохозяевъ, сверхъ душевого надѣла, до наступленія общаго передѣла. Если община рѣшаетъ приступить къ послѣднему, то всѣ «новины», съ которыхъ былъ снятъ хотя бы одинъ хлѣбъ, поступаютъ въ число передѣляемыхъ пашенъ, но при развертскѣ душевыхъ полосъ остаются, въ зачетъ «душевой пашни», въ пользованіи тѣхъ именно хозяевъ, которые ихъ расчищали и которые взамѣнъ того уступаютъ «въ общество» соотвѣтствующее количество старой земли того же сорта: община, такимъ образомъ, уравниваетъ землепользованіе количественно, но въ то же время предоставляетъ общинникамъ, расчищавшимъ пашни, и впредь пользоваться присущимъ «новиннымъ» землямъ избыткомъ производительной силы. Что касается до удобныхъ для расчистки пустопорожнихъ мѣстъ, близкихъ къ селеніямъ и потому пригодныхъ для хозяйства съ удобреніемъ, то ими очень дорожатъ, какъ въ виду ихъ малочисленности, такъ и вслѣдствіе выгодности обращенія ихъ въ пашню. По отношенію къ *такимъ* мѣстамъ община, поэтому, беретъ на себя иниціативу производства расчистокъ: найдя возможнымъ обратить въ пашню часть поскотины или иной ближній участокъ, она дѣлитъ его на душевыя полосы, при чемъ каждый общинникъ не только имѣетъ *право*, но даже, какъ мы сейчасъ увидимъ, косвеннымъ образомъ

принуждается расчистить всю отведенную ему полосу. При наступленіи общаго передѣла участки, «подѣленные въ распашку», тоже передѣляются, но всегда выдѣляются въ особый «пай» или сортъ; самый передѣлъ ихъ всегда производится «по старшинству», при чемъ общинникъ, не успѣвшій расчистить всего отведеннаго ему въ распашку пространства, какъ бы въ наказаніе оставляется именно на нерасчищенной части и отдаетъ «на общество», если это слѣдуетъ «по новому расчисленію», часть уже разработанной земли.

Что касается, наконецъ, до юго-западныхъ волостей Туринскаго округа, то здѣсь количество удобныхъ для распашки пустопорожнихъ земель уже совершенно ничтожно: въ мѣстахъ, расположенныхъ вблизи отъ селеній и пригодныхъ для хозяйства съ удобреніемъ, удобной для распашки земли нѣтъ, обыкновенно, ни одного клочка, въ удаленныхъ же отъ усадебъ урочищахъ, при плохихъ почвенныхъ условіяхъ и невозможности унавоживанія, огромное большинство пустопорожнихъ мѣстъ не стоитъ расчистки, и лишь небольшіе клочки обладаютъ болѣе плодородной почвой. Расчистки въ удаленныхъ отъ усадебъ урочищахъ, поэтому, производятся здѣсь въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ; если притомъ расчищенное мѣсто обладаетъ сколько-нибудь удовлетворительною почвою, то община не позволяетъ пользоваться имъ больше, чѣмъ на три-четыре, а то и на два хлѣба, которые при легкости расчистки успѣваютъ вполнѣ вознаградить за затраченный трудъ; затѣмъ расчищенная земля отбирается, не ожидая общаго передѣла, и либо отводится въ надѣлъ причисляемымъ ссыльнымъ, либо сдается въ аренду въ пользу мірскихъ суммъ. До общаго передѣла, по усмотрѣнію общины, въ пользованіи расчистившихъ оставляются лишь участки съ самою плохою почвою,—оставляются потому, что тощая почва лишь по истеченіи ряда лѣтъ можетъ успѣть окупить затраченный на расчистку трудъ. Кто хочетъ упрочить за собою пользованіе расчисткою на болѣе опредѣленное и продолжительное время, тотъ долженъ облюбованное имъ для расчистки мѣсто арендовать у общества; при такого рода арендѣ плата колеблется въ прямомъ соотношеніи съ качествомъ почвы и въ обратномъ—съ густотою лѣса (и, слѣд., съ трудностью расчистки), продолжительность срока аренды (обыкновенно 10—15 лѣтъ)—въ прямомъ отношеніи съ послѣднимъ факторомъ и въ обратномъ—съ первымъ. По истеченіи срока земля поступаетъ въ полное владѣніе и распоряженіе общины, но зато до истеченія срока община не можетъ отобрать ее даже при наступленіи общаго передѣла. Нѣкоторыя общины и въ этой мѣстности брали на себя, когда оказывалась возможность, иниціативу производства расчистокъ путемъ раздѣла по душамъ предназначавшихся для обращенія въ пашню пустопорожнихъ

мѣстъ. Въ двухъ общинахъ, наконецъ (Санкинской и Новоселовской Жуковск. вол.), пустопорожнія мѣста отводились подъ расчистку, въ видѣ дополненія къ душевымъ надѣламъ, отдѣльнымъ домохозяевамъ, «не могущимъ», по выраженію постановлявшихся на этомъ предметѣ приговоровъ, «пропитать семьи на надѣльной землѣ», въ сорокалѣтнее безплатное пользованіе,—при чемъ размѣръ отводимаго въ распашку участка колебался, въ зависимости отъ степени несоотвѣтствія количества надѣльной земли съ размѣромъ семьи, между 3 осьминниками (0,75 дес.) и 3 десятинами.

Мы должны теперь остановиться на рядѣ случаевъ, хотя и не играющихъ никакой роли въ общей экономіи края, но весьма интересныхъ съ точки зрѣнія задачи настоящаго очерка,—на случаяхъ осушки и обращенія въ пашню небольшихъ участковъ болотной земли. Случаи такого рода были констатированы изслѣдованіемъ въ пяти селеніяхъ весьма малоземельной юго-западной окраины Туринскаго округа; въ четырехъ изъ этихъ случаевъ иниціатива осушительныхъ работъ принадлежала отдѣльнымъ общинникамъ,—община только давала, на тѣхъ или другихъ условіяхъ, свое разрѣшеніе и иногда оказывала осушительнымъ работамъ нѣкоторое содѣйствіе. Такъ, въ д. Ленской отдѣльными лицами и небольшими артелями, безъ всякаго содѣйствія общины, было осушено и обращено въ пашню пять небольшихъ болотецъ, пространствомъ, въ общей сложности, до 7 десятинъ; за позволеніе произвести осушку и расчистку и затѣмъ пользоваться осушенною землею во всѣхъ случаяхъ вносилась въ общинныя суммы нѣкоторая плата. Въ д. Даньковой (той же волости) одинъ крестьянинъ, В. Васьковъ, арендовалъ отъ общества на 30-лѣтній срокъ участокъ въ 10 десятинъ топкаго болота, съ платой за весь срокъ 50 рублей. Чтобы слѣдать для Василькова возможнымъ проведеніе отводныхъ канавъ, Даньковская община отвела ему въ составъ душевого надѣла всѣ тѣ полосы, черезъ которыя, по его расчетамъ, предстояло вести канавы. Въ д. Неймышевой (Благовѣщ. вол.) одинъ хозяинъ взялся осушить поросшее мелкимъ березнякомъ болотце, пространствомъ всего около 0,75 дес.; община предоставила ему право пользованія разрабатываемою землею и кромѣ того еще участкомъ въ 0,75 дес. пахотной земли, на одиннадцатилѣтній срокъ, всего за 35 рублей серебромъ. Въ д. Урусовой (Усениновской вол.) одинъ крестьянинъ снялъ отъ общества, на 15-лѣтній срокъ, десятину болота за 35 рублей. Наконецъ, въ пятомъ изъ констатированныхъ изслѣдованіемъ случаевъ община взяла на себя болѣе активную роль; именно въ д. Шишкиной (Жуковской вол.) «общество» соединеннымъ трудомъ осушило и обратило въ пашню болотистую ложбину, пространствомъ въ 4 десятины, при чемъ работы по осушкѣ и расчисткѣ продолжались въ теченіе 5 лѣтъ.

Таковы данныя, собранныя изслѣдованіемъ по вопросу о дѣятельности крестьянства, направленной къ расширенію площади земледѣльческой культуры. Данныя эти показываютъ, что община въ довольно значительномъ числѣ случаевъ беретъ на себя иниціативу, побуждаетъ отдѣльныхъ своихъ членовъ къ обращенію некультурныхъ земель въ удобное для земледѣлія состояніе. Но въ массѣ случаевъ иниціатива принадлежитъ отдѣльнымъ лицамъ; роль общины сводится къ тому, что она при передѣлахъ обставляетъ расчистки извѣстными гарантіями, въ огромномъ большинствѣ случаевъ вполнѣ обезпечивающими права упомянутыхъ лицъ на оплату затрачиваемаго на расчистку труда.

Дѣятельность крестьянъ, направленная къ капитальному улучшенію естественныхъ свойствъ пахотныхъ земель и къ предохраненію посѣвовъ отъ вредныхъ вліяній, на сѣверѣ Тобольской губерніи имѣетъ двоякій видъ. Въ Тобольскомъ округѣ почти повсемѣстно встрѣчаются общины, сооружающія земляные валы или плотины для защиты полей отъ весеннихъ рѣчныхъ разливовъ. Общая длина валовъ въ отдѣльныхъ селеніяхъ доходитъ до 2—3 верстъ, при вышинѣ 1—2 аршина и ширинѣ въ 1—1,5 сажени, при чемъ для большей прочности земля съ обѣихъ сторонъ укрѣпляется, иногда, рядами вбитыхъ въ землю кольевъ. Изслѣдованіе, къ сожалѣнію, не даетъ намъ болѣе подробнаго описанія организаціи этого рода работъ; оно говоритъ по этому поводу лишь слѣдующее: «Въ виду того, что всѣ въ одинаковой степени заинтересованы въ охраненіи полей, работа предпринимается цѣлымъ обществомъ, при чемъ въ большихъ селеніяхъ одновременно трудится 50—100 чел. и валъ бываетъ готовъ въ нѣсколько дней или недѣлю». Въ 1886 году, при умѣренно большомъ разливѣ, валы почти всюду спасли поля отъ наводненія, но для большихъ разливовъ, бывшихъ въ 1887 и 1888 годахъ, плотины оказались недостаточно высокими, такъ что во многихъ мѣстахъ вода перелилась черезъ нихъ и уничтожила озимые всходы.

Въ Туринскомъ округѣ, во многихъ мѣстностяхъ котораго наводненія тоже причиняютъ много зла, устройство для защиты отъ нихъ плотинъ, повидимому, не практикуется. Но зато въ сѣверной части этого округа, въ волостяхъ Пелымской и Гаринской , крестьянство не безуспѣшно борется съ другимъ очень опаснымъ здѣсь врагомъ—съ вымочками, для чего устраиваются осушительныя канавы. Организація и порядокъ производства осушительныхъ работъ различны: мѣстами, гдѣ отъ вымочекъ страдаютъ лишь отдѣльныя полосы, община не вмѣшивается въ дѣло осушки, предоставляя прорытіе новыхъ и поддержку старыхъ канавъ иниціативѣ тѣхъ хозяевъ, полосы которыхъ страдаютъ отъ вымочекъ; община только оставляетъ въ томъ напра-

вленіи, гдѣ должны пройти канавы, широкія борозды, которыя исключаются изъ счета передѣляемой пашни. Но въ большинствѣ случаевъ община признаетъ осушительныя работы своимъ общимъ дѣломъ, беретъ на себя иниціативу и руководство ими. Гдѣ количество и протяженіе канавъ незначительно (100—200 саженъ длины), тамъ копаютъ и прочищаютъ ихъ соединеннымъ трудомъ, «артелью»—всѣми взрослыми или очередными работниками. Гдѣ для осушки приходится поддерживать цѣлую большую сѣть канавъ, тамъ мы встрѣчаемся съ душевымъ порядкомъ: все протяженіе канавъ измѣряется, дѣлится на общее число въ селеніи платежныхъ душъ, и затѣмъ на каждаго хозяина возлагается поддержка канавъ на протяженіи, пропорціональномъ числу его платежныхъ душъ. Подобнымъ образомъ раздѣлено:

Въ д.	Хайдуковой	. на	душу	по	25 саж.
» »	Пономаревой	. »	»	»	10 »
» »	Новоселовой	. »	»	»	40 »
» »	Лапотковой	. . »	»	»	60 »
» »	Рѣчешной	. . . »	»	»	24 »
» »	Пантелѣевой	. »	»	»	20 »

Наконецъ, мѣстами (напр., въ д. Карагаевой и Хайдуковой Пелымск. вол., Куреневой Табаринской вол. и др.) мы встрѣчаемся со смѣшаннымъ порядкомъ содержанія отводныхъ канавъ: магистральныя канавы поддерживаются общиною и прочищаются «артелью», мелкія же канавки, отводящія воду съ отдѣльныхъ полосъ, прорываются и прочищаются самими заинтересованными домохозяевами. Осушительныя работы во многихъ мѣстностяхъ привели къ весьма благопріятнымъ результатамъ, совершенно устранивъ всякій вредъ отъ вымочекъ; въ другихъ селеніяхъ, гдѣ условія оказались менѣе благопріятными и совершенно устранить вымочки оказалось невозможнымъ, водоотводныя канавы все же принесли значительную пользу: не устранивъ, онѣ значительно уменьшили вредныя послѣдствія вымочекъ, и только въ нѣсколькихъ случаяхъ, гдѣ вода имѣла слишкомъ сильный естественный стокъ, попытки устройства сѣти водоотводныхъ канавъ окончились совершенною неудачею.

Остановимся, въ заключеніе, на нѣкоторыхъ фактахъ, могущихъ служить къ характеристикѣ отношенія крестьянской общины сѣвера Тобольской губерніи къ самимъ основамъ принятыхъ въ этой мѣстности хозяйственныхъ порядковъ. Извѣстно, что дѣленіе общинныхъ полей на смѣны съ установленнымъ обязательнымъ сѣвооборотомъ признается многими за почти непреодолимый тормозъ для перехода къ болѣе прогрессивнымъ хозяйственнымъ порядкамъ; полагаютъ, что община, разъ уста-

новивъ обязательный сѣвооборотъ, сковываетъ этимъ не только отдѣльныхъ своихъ участниковъ, но и самое себя. Изслѣдованію пришлось наблюдать рядъ фактовъ, противорѣчащихъ подобному взгляду,—свидѣтельствующихъ, что община, при сознанной необходимости, вполнѣ способна коренным образомъ измѣнять ранѣе установленную ею обязательную систему полеводства, мало того—даже дѣлать опыты примѣненія другихъ системъ, связанные съ измѣненіемъ распредѣленія общинныхъ полей на смѣны.

На крайнемъ сѣверѣ Тобольской губерніи, главнымъ образомъ, въ Пелымской волости Туринскаго округа, хозяйство ведется по двухпольной системѣ, и общинныя пашни распредѣлены на двѣ смѣны. Такая система представляется, повидимому, болѣе соотвѣтствующею суровому климату и почвеннымъ условіямъ, нежели преобладающее нѣсколько южнѣе трехполье. И вотъ, на границѣ трехпольной и двухпольной полосъ констатированъ рядъ случаевъ, когда общины, ранѣе державшіяся обязательнаго трехполья, послѣ ряда опытовъ, произведенныхъ отдѣльными хозяевами на «новинныхъ земляхъ», не вошедшихъ въ разгороженныя смѣны, оставляли трехполье, распредѣляли поля на двѣ смѣны и установляли обязательное двухпольное хозяйство. Такъ, на сѣверной окраинѣ Пелымской волости, въ д. Рублевой (Зыковской сотни, въ остальныхъ селеніяхъ которой пашни и теперь разбиты на 3 поля), крестьяне перешли къ двухпольному хозяйству всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ какъ убѣдились, что при трехпольномъ хозяйствѣ земля «не давала отворота»; въ селеніяхъ Чернавскаго сельскаго общества (Табар. вол.) къ двухполью перешли около 50 лѣтъ, въ д. Томской—около 40 лѣтъ тому назадъ. Съ другой стороны, тамъ, гдѣ уже издавна установилось принудительное двухпольное хозяйство, крестьянство въ значительной мѣрѣ тяготится необходимостью оставлять незасѣянною половину всей пахотной земли; и вотъ, отдѣльные хозяева почти всюду дѣлали на «новинныхъ» пашняхъ опыты трехпольнаго хозяйства; особенно любопытенъ коллективный опытъ, произведенный въ д. Карагаевой (Пелымск. вол.): здѣсь, именно, община разбила отдѣльный небольшой участокъ пашни, въ которомъ каждая душа надѣлена была въ особомъ паю, на три «перемѣны», и нѣсколько лѣтъ подрядъ вела здѣсь трехпольное хозяйство; черезъ нѣсколько лѣтъ, однако, выяснилось, что такое измѣненіе системы хозяйства повело къ значительному пониженію урожайности,—опытъ былъ оставленъ и земля возвращена къ двухпольному сѣвообороту.

Выше мы указывали на то, что трехпольное (или двухпольное) хозяйство съ удобреніемъ и обязательнымъ сѣвооборотомъ является для Тобольской губерніи не пережиткомъ, сохраняемымъ

по косности и инерціи, а, напротивъ,—прогрессивнымъ шагомъ; къ установленію этого типа хозяйства, безъ всякаго сомнѣнія, направленъ весь ходъ развитія сибирскихъ хозяйственныхъ порядковъ[1]): вольное, залежное и паровое зерновое, хозяйство мало-по-малу смѣняются вольнымъ же хозяйствомъ съ удобреніемъ; разнообразные сначала сѣвообороты постепенно замѣняются трехпольнымъ сѣвооборотомъ, къ которому «исправные» хозяева переходятъ совершенно свободно, по сознанію его большей выгодности въ сравненіи съ другими зерновыми сѣвооборотами; а разъ большинство хозяевъ добровольно перешло къ трехполью, стремленіе соединить утолачиваніе съ унавоживаніемъ побуждаетъ общину ввести дѣленіе полей на смѣны и установить обязательный трехпольный сѣвооборотъ. Когда на той или иной части общинныхъ земель установилось трехпольное хозяйство съ удобреніемъ, преимущества его передъ залежнымъ хозяйствомъ бросаются каждому въ глаза; при первомъ получаются высокіе и постоянные урожаи, при второмъ—неурожаи составляютъ заурядное явленіе; хозяйство съ удобреніемъ даетъ весьма высокій чистый доходъ, составляющій до 100 и болѣе процентовъ текущихъ затратъ,—залежное хозяйство почти нигдѣ не оплачиваетъ затрачиваемаго труда. Отсюда—стремленіе къ возможному расширенію площади трехпольнаго хозяйства съ удобреніемъ. Но стремленіе это встрѣчаетъ препятствіе, и, можно было бы думать, препятствіе непреодолимое при общинномъ землевладѣніи и разселеніи деревнями: навозъ возможно и выгодно вывозить за двѣ-три, много четыре версты, а, напр., въ южной части Туринскаго округа рѣдкое селеніе не имѣетъ значительной части пашенъ въ разстояніи 6, 10, 15 и болѣе верстъ отъ усадебъ, и для хозяйства съ удобреніемъ оказывается доступною половина, треть, а то и четвертая часть принадлежащихъ общинѣ пашенъ. И вотъ, для устраненія этого препятствія, крестьянство названной только что мѣстности прибѣгаетъ къ радикальной мѣрѣ,—къ образованію выселковъ на дальнихъ и недоступныхъ для вывозки удобренія участкахъ общественныхъ земель. Первоначально все населеніе этой мѣстности жило исключительно по неширокой полосѣ у береговъ Туры; такъ называемый «волокъ», т. е. примыкающая къ границѣ Ирбитскаго уѣзда междурѣчная полоса, шириною въ 25—30 верстъ былъ совершенно необитаемъ, а удобные участки его служили отъѣзжими пашнями и сѣнокосами для крестьянъ при-Туринскихъ селеній; пока хозяйство съ удобреніемъ не возникало или существовало лишь въ видѣ болѣе или менѣе разрозненныхъ

---

[1]) Сводъ данныхъ новѣйшихъ изслѣдованій по этому вопросу см. въ моей статьѣ «Очеркъ способовъ хозяйства и сѣвооборотовъ въ Западной Сибири»—Сельск. хозяйство и лѣсоводство. 1893, іюнь.

опытовъ, такое разселеніе не представляло существенныхъ неудобствъ; иначе стало съ тѣхъ поръ, какъ хозяйство съ удобреніемъ окончательно упрочилось и доказало крестьянамъ свое превосходство надъ залежнымъ хозяйствомъ: въ послѣдніе 30 лѣтъ началось заселеніе «волока», вызванное желаніемъ крестьянъ удобрять удаленныя отъ коренныхъ селеній пашни. Такъ, д. Комарова, Усениновской волости, выдѣлила изъ себя въ 1862 году выселокъ—д. Продольную; въ Шухруповской волости выходцы изъ д. Неждановой и Леонтьевой образовали д. Устиновку; выходцами изъ тѣхъ же деревень, съ приселеніемъ нѣсколькихъ дворовъ изъ д. Колесовой (Жуковск. вол.), образована д. Новая Выселка (Крутая), а въ 1889 году долженъ былъ образоваться выселокъ изъ д. Оргучинской. Въ Коркинской волости выходцы изъ с. Коркинскаго образовали д. Гаринскую (нынѣ перечисленную въ составъ Пушкаревской волости); Въ Пушкаревской волости с. Липовское и д. Рыгачева выдѣлили изъ себя отселокъ—д. Евсееву, а выходцами изъ разныхъ селеній образована д. Новая (нынѣ перечисленная въ Коркинскую волость); наконецъ, въ Кошукской волости д. Тагильская выдѣлила изъ себя д. Ашмарку. Разговоры о необходимости образованія выселковъ «на волоку» идутъ и во многихъ другихъ селеніяхъ, имѣющихъ много отъѣзжихъ пашенъ, и едва ли подлежитъ сомнѣнію, что въ будущемъ, по мѣрѣ прироста населенія, предстоитъ образованіе еще значительнаго числа подобныхъ выселковъ, что̀ при существованіи волостныхъ общинъ можетъ осуществиться безъ всякихъ неудобствъ.

IV.

Резюмируемъ теперь въ нѣсколькихъ словахъ сущность тѣхъ фактовъ, которые мы изложили на предыдущихъ страницахъ, вмѣстѣ съ тѣми выводами, на которые эти факты, какъ намъ кажется, даютъ намъ право. Мы нашли, что на югѣ и въ средней полосѣ Тобольской губерніи община не связываетъ иниціативу отдѣльнаго хозяина дѣленіемъ пашенъ на смѣны и принудительными сѣвооборотами, а предоставляетъ ему въ веденіи хозяйства почти неограниченную свободу; что она свободна здѣсь и отъ такихъ недостатковъ, какъ дробленіе пашенъ на мелкія полоски и спеціальная черезполосность; что въ сѣверныхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ Тобольской губерніи, хотя и существуетъ принудительное трехпольное (или двухпольное) хозяйство, но оно представляется здѣсь явленіемъ не застоя, а сельско-хозяйственнаго прогресса,—трехполье установляется крестьянствомъ вполнѣ сознательно, въ виду значительныхъ преимуществъ его передъ прежними хозяйственными

порядками; мы привели, далѣе, рядъ фактовъ, показывающихъ, что самое трехполье далеко не связываетъ здѣсь крестьянскаго хозяйства неразрывными узами—что у общины хватаетъ иниціативы, при сознанной надобности, на ломку смѣнъ и коренное измѣненіе системы хозяйства, даже на образованіе выселковъ въ видахъ возможнаго расширенія доступной унавоживанію площади; мы видѣли затѣмъ, что община не только даетъ полный просторъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, но даже нерѣдко беретъ на себя починъ и руководство такими работами, какъ расчистка неудобныхъ земель и обращеніе ихъ въ пашню, осушка пахотныхъ земель канавами, постройка плотинъ для защиты пашенъ отъ наводненій. Что касается, наконецъ, до передѣловъ, то послѣдніе во всей Тобольской губерніи совершаются, за рѣдкими исключеніями, на сроки не менѣе 10 лѣтъ, а въ области господства хозяйства съ удобреніемъ—и на неопредѣленно продолжительное время; обмѣнъ полосъ практикуется въ видѣ нормальнаго порядка вещей лишь тамъ, гдѣ такой обмѣнъ не можетъ причинить вреда съ точки зрѣнія сельскаго хозяйства,—господствующимъ же является порядокъ передѣла «отрѣзкой излишковъ», обезпечивающій настолько продолжительное пребываніе полосъ въ однѣхъ рукахъ, насколько это допускается наличнымъ составомъ семьи; при передѣлахъ проявляется, при этомъ, крайне бережное отношеніе къ труду, вложенному въ расчистку, обработку и унавоживаніе земель,—эти послѣднія переходятъ въ другія руки лишь тогда, когда вложенный въ нихъ трудъ успѣлъ вполнѣ достаточно оплатиться. Для общины Тобольской губерніи не былъ бы такимъ образомъ, новостью ни двѣнадцатилѣтній срокъ, установленный 5 статьею закона 1893 г. о передѣлахъ, ни устанавляемое 9 статьею того же закона правило—предоставлять надѣлъ «по возможности въ прежнемъ мѣстѣ». Сибирская община издавна пошла въ этомъ отношеніи гораздо дальше, нежели того требуетъ упомянутый законъ: ст. 9 этого послѣдняго касается только надѣловъ крестьянъ, «*улучшившихъ качества* своего надѣла посредствомъ удобренія земли, осушенія ея, устройства орошенія или инымъ способомъ»; сибирская община ограждаетъ не только подобныя капитальныя улучшенія, но и вообще *всякій* вложенный въ землю трудъ, такъ какъ оставляетъ «по возможности въ прежнемъ мѣстѣ» всѣхъ вообще домохозяевъ.

Приведенные факты позволяютъ намъ, такимъ образомъ, утверждать, что общинное землевладѣніе въ Тобольской губерніи нигдѣ не проявило какого-либо вреднаго для успѣховъ сельскаго хозяйства вліянія; факты эти, однако, едва ли будутъ въ состояніи вполнѣ обезоружить убѣжденнаго противника общинной формы пользованія землею: всѣ они имѣютъ болѣе или менѣе детальный характеръ, а основной упрекъ, который

дѣлаютъ общинному землевладѣнію его противники, имѣетъ характеръ болѣе общій; общину обвиняютъ въ томъ, что она мѣшаетъ вообще развитію индивидуальности, пригнетая всякую выходящую изъ ряда вонъ личность подъ одинъ общій уровень посредственности и поглощая жизнь индивида въ жизни общественной группы или союза. Между тѣмъ прогрессъ, говорятъ далѣе противники общины, не можетъ быть продуктомъ интеллектуальной и волевой дѣятельности массы; прогрессъ всегда создается усиліями и попытками отдѣльныхъ индивидовъ и, мѣшая развитію индивидуальности, община тѣмъ самымъ осуждаетъ крестьянскую массу на неподвижность и застой. Весьма распространенное, это мнѣніе, въ силу самой своей общности и отвлеченности, не можетъ быть положительно ни доказано, ни опровергнуто. Но разъ стоять на этой точкѣ зрѣнія, то противники общины, конечно, совершенно правы, когда привѣтствуютъ всякую попытку личности выбиться изъ-подъ общиннаго гнета, когда сочувствуютъ всякому крестьянину, которому тѣсно въ общинѣ, который тѣми или другими способами рвется изъ нея на просторъ. И Сибирь съ этой точки зрѣнія представляетъ одно весьма отрадное явленіе, на которымъ мы считаемъ необходимымъ остановиться въ заключеніе настоящаго очерка. Это именно такъ называемое «*заимочное*», иначе сказать, хуторское хозяйство, весьма развитое въ болѣе многоземельныхъ мѣстностяхъ земледѣльческой полосы Сибири

Типичная «заимка» представляетъ, на первый взглядъ, полное сходство съ частно-владѣльческимъ имѣніемъ или хуторомъ: владѣлецъ «заимки» имѣетъ по отношенію къ ней право владѣнія, пользованія и распоряженія; онъ воленъ пахать и косить на «своей» землѣ, пасти на ней скотъ, оставлять ее безъ всякаго хозяйственнаго употребленія,—но, во всякомъ случаѣ, ни одинъ посторонній человѣкъ, хотя бы и членъ того же сельскаго общества, не можетъ вторгнуться въ предѣлы заимки; заимщикъ не допуститъ его до этого, и притязанія его на исключительное владѣніе землей найдутъ себѣ охрану со стороны волостного суда. Казалось бы, что хозяйство въ мѣстностяхъ съ развитымъ заимочнымъ владѣніемъ, гдѣ личная иниціатива можетъ свободно проявляться, будетъ представлять отрадную для глазъ сельскаго хозяина картину сравнительно съ хозяйствомъ тѣхъ частей Сибири, гдѣ личность уже успѣла попасть подъ гнетъ общины съ ея передѣлами и т. п. неудобствами. Между тѣмъ, дѣйствительность показываетъ намъ совершенно другое. Всякій, кто бывалъ въ средней и восточной Сибири, знаетъ, правда, что крупные заимщики ведутъ свое хозяйство *лучше*, нежели представители недостаточной и бѣдной массы населенія: на крупныхъ заимкахъ пашня глубже и ровнѣе вспахана, сорныя травы искоренены, посѣвъ произведенъ своевременно и хоро-

шими сѣменами; мало того, богачъ-заимщикъ соблюдаетъ извѣстную смѣну растеній въ сѣвооборотѣ, подвергаетъ землю паровой обработкѣ чрезъ болѣе короткіе промежутки времени, никогда не доводитъ ее до слишкомъ сильной степени истощенія. Ничего удивительнаго, при такихъ условіяхъ, если пашня, принадлежащая богатому заимщику, и служитъ дольше, нежели пашня бѣдняка, и даетъ несравненно лучшіе урожаи; бѣдняки, посѣявшіе поздно и плохія сѣмена, нерѣдко остаются совершенно безъ хлѣба въ то время, какъ богачи, благодаря лучшей обработкѣ и лучшимъ сѣменамъ, все же успѣваютъ собрать болѣе или менѣе удовлетворительный урожай. Все это несомнѣнно; несомнѣнно также, что, благодаря, съ одной стороны, большей урожайности, а съ другой—благодаря возможности дорого продавать свой хлѣбъ и пользоваться дешевымъ трудомъ своихъ должниковъ, богачи-заимщики могутъ вести хозяйство съ выгодою для себя при такихъ условіяхъ, при которыхъ хозяйства бѣдняковъ, въ сущности, не окупаютъ затрачиваемаго труда. Но другой вопросъ, въ какой мѣрѣ богачи-заимщики, хозяйствуя съ выгодой для самихъ себя, являются проводниками улучшенныхъ способовъ полеводства, усовершенствованныхъ орудій, разныхъ спеціальныхъ культуръ и т. п.? Изслѣдованія хозяйственнаго быта крестьянъ сибирскихъ губерній позволяютъ, не обинуясь отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Система полеводства, которой держатся богачи-заимщики, — это та же комбинація переложнаго хозяйства съ зеленымъ паромъ, которой держится въ многоземельныхъ мѣстностяхъ Сибири вся масса населенія; о переходѣ къ хозяйству съ удобреніемъ заимщики думаютъ такъ же мало, какъ и бѣднѣйшіе изъ ихъ сосѣдей; какъ и всѣ прочіе, богачи-заимщики сосредоточиваютъ культуру исключительно на зерновыхъ хлѣбахъ, не думая ни о какомъ плодосмѣнѣ; не замѣчается никакихъ различій въ орудіяхъ и пріемахъ обработки земли, и если пашни крупнаго заимщика обработаны лучше пашенъ бѣдняковъ, то только потому, что первый имѣетъ больше лошадей и больше свободныхъ рабочихъ рукъ. Единственное нововведеніе, которое можно мѣстами встрѣтить у отдѣльныхъ богатѣйшихъ заимщиковъ — это конныя, частью выписныя, частью самодѣльныя молотилки. Но едва ли, конечно, это нововведеніе можно признать имѣющимъ особенно большое значеніе въ общей экономіи края.

Превосходство хозяйствъ крупныхъ заимщиковъ надъ хозяйствами бѣдняковъ основывается, такимъ образомъ, *не на большемъ знаніи, опытности, иниціативѣ* и т. п. качествахъ, свободное проявленіе которыхъ могло бы привести къ общеполезнымъ результатамъ, а *исключительно на ихъ большемъ богатствѣ*. Превосходство это, весьма выгодное для самихъ богачей, представляется, однако, совершенно безразличнымъ для

массы населенія, въ которую богачи не вносятъ рѣшительно никакихъ прогрессивныхъ началъ. Но надо оговориться: *безразличными* эти преимущества являются только тамъ, гдѣ еще очень великъ земельный просторъ; въ *такихъ* мѣстностяхъ богачъ можетъ пользоваться преимуществами, которыя ему доставляетъ богатство, никого не стѣсняя и никому не причиняя вреда; гдѣ земельный просторъ не такъ великъ, тамъ нѣсколько заимщиковъ нерѣдко захватываютъ въ свои руки чуть не всѣ пригодныя для хозяйства угодья и, такимъ образомъ, являются положительно вредными для массы.

Еще легче отвѣтить на второй поставленный нами вопросъ: можетъ ли хозяйство тѣхъ мѣстностей Сибири, гдѣ существуетъ заимочное владѣніе, быть признано прогрессивнымъ сравнительно съ хозяйствомъ мѣстностей, гдѣ успѣлъ водвориться душевой способъ пользованія угодьями? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ самъ собою бросается въ глаза: въ самомъ дѣлѣ, область господства заимочнаго владѣнія есть въ то же самое время и область господства наиболѣе экстенсивныхъ видовъ залежно-парового хозяйства; первыя попытки перехода къ хозяйству съ удобреніемъ появляются только въ средней части Тобольской губерніи, гдѣ заимочное владѣніе уже давно уступило мѣсто переходной формѣ—такъ называемому вольному пользованію, и гдѣ это послѣднее въ свою очередь уже начало вытѣсняться формами душевого пользованія. А вполнѣ упрочившееся трехпольное и двухпольное хозяйство съ удобреніемъ—очевидно, представляющее гораздо высшую форму, нежели залежное—мы встрѣчаемъ только въ сѣверной земледѣльческой полосѣ Тобольской губерніи, гдѣ душевое пользованіе установилось издавна и вылилось въ формы, очень сходныя съ господствующими въ среднихъ губерніяхъ Европейской Россіи. Это и понятно: *формы землевладѣнія и пріемы земледѣльческой культуры опредѣляются, въ конечномъ счетѣ, одною и тою же основною причиною—населенностью данной мѣстности въ сравненіи съ количествомъ въ ней удобныхъ для сельско-хозяйственной культуры земель.* Гдѣ земельный просторъ еще очень великъ, тамъ неограниченный захватъ угодій со стороны богатой части населенія не сопряженъ съ неудобствами для массы послѣдняго; тамъ, въ то же время, населеніе имѣетъ возможность давать истощеннымъ культурою землямъ отдыхъ до полнаго возстановленія ихъ производительной силы. Въ такихъ богатыхъ землею мѣстностяхъ, поэтому, съ полнымъ удобствомъ могутъ существовать и заимочная форма землевладѣнія, и залежно-паровая система полеводства. По мѣрѣ сокращенія земельнаго простора условія измѣняются и въ томъ, и въ другомъ отношеніи: съ одной стороны, существованіе большихъ заимокъ становится стѣснительнымъ для массы населенія, съ другой стороны, от-

дыхъ, благодаря сокращенію его продолжительности и удлиненію періодовъ обработки, не успѣваетъ возстановлять истощаемыхъ культурою производительныхъ силъ земли. Отсюда, съ одной стороны, необходимость паденія заимочной формы пользованія и замѣны ея душевою, съ другой — потребность въ изысканіи новыхъ способовъ для возстановленія производительности земли, слѣдовательно, переходъ къ хозяйству съ удобреніемъ. Такимъ образомъ, упроченіе и развитіе душевой формы пользованія и распространеніе хозяйства съ удобреніемъ являются, при существующихъ въ Сибири условіяхъ, явленіями, необходимо сопутствующими другъ другу. И можно думать, что мѣры, направленныя къ пріостановкѣ естественнаго хода развитія формъ землепользованія, къ закрѣпленію крупныхъ заимокъ за ихъ нынѣшними владѣльцами, не только не способствовали бы сельско-хозяйственному прогрессу, а, напротивъ, во многихъ случаяхъ задержали бы его. Этотъ выводъ, кажущійся, послѣ только что сказаннаго, довольно парадоксальнымъ, однако, нетрудно обосновать: гдѣ сокращеніе земельнаго простора подвигается болѣе или менѣе равномѣрно у всѣхъ группъ населенія, тамъ наиболѣе зажиточные крестьяне, именно въ силу своей зажиточности, первые пойдутъ навстрѣчу измѣняющимся обстоятельствамъ, первые испробуютъ болѣе интенсивные способы культуры, и ихъ примѣру мало-по-малу послѣдуетъ и крестьянская масса. Напротивъ, если закрѣпить крупныя заимки за ихъ нынѣшними владѣльцами, то эти послѣдніе еще очень долго будутъ имѣть возможность продолжать вести залежное хозяйство. Такимъ образомъ, наиболѣе способный быть иниціаторомъ перехода къ болѣе интенсивной культурѣ элементъ населенія не будетъ испытывать необходимости въ подобномъ переходѣ; бѣдная же масса, на которой, благодаря изъятію заимокъ изъ сферы воздѣйствія общины, «утѣсненіе» отразится съ удвоенной силой, въ силу своей бѣдности окажется неспособною взять на себя иниціативу необходимой реформы способовъ культуры, и будетъ только нищать, оставаясь при тѣхъ же, уже отжившихъ свой вѣкъ хозяйственныхъ порядкахъ.

II.

Переселеніе.

Переселеніе и колонизація.

(Рѣчь на диспутѣ.) [1])

Мм. гг.! Работа, которую я имѣю честь защищать въ этомъ собраніи, была задумана не какъ ученый трудъ, и авторъ ея былъ безконечно далекъ отъ мысли видѣть въ ней академическую диссертацію. Я писалъ не для ученаго ареопага, а для широкой публики; писалъ не какъ историкъ, а «какъ свидѣтель, показаніями котораго воспользуется будущій историкъ» [2]). Подготовительная, черная работа, изъ которой, въ концѣ концовъ, выросла моя книга, дѣлалась не въ тиши кабинета и не въ лабораторіи; она дѣлалась въ сибирской тайгѣ и въ туркестанской пустынѣ, въ киргизской юртѣ и въ землянкѣ переселенца.

Отсюда, прежде всего—по крайней мѣрѣ до извѣстной степени—тѣ превосходно сознаваемые мною недостатки моей книги съ точки зрѣнія ученой техники, которые, вѣроятно, будутъ отмѣчены моими уважаемыми оппонентами и которые я отмѣтилъ бы самъ, если бы былъ своимъ собственнымъ офиціальнымъ оппонентомъ. Литература у меня использована не съ совершенною полнотой; далеко не полностью использованъ и имѣющійся статистическій матеріалъ. Нѣкоторые изъ моихъ положеній и выводовъ, быть можетъ, недостаточно подкрѣплены ссылками на объективные факты,—они основываются, въ значительной мѣрѣ, на накоплявшихся впечатлѣніяхъ, на «внутреннемъ опытѣ», вынесенномъ изъ почти двадцатилѣтнихъ наблюденій и десятилѣтней практической дѣятельности.

Отсюда, далѣе, тотъ общій тусклый тонъ, который окрашиваетъ мою книгу—та печать скептицизма и разочарованія, которая на ней лежитъ: жизнь разсѣяла слишкомъ много изъ тѣхъ иллюзій, съ которыми я приступалъ, двадцать лѣтъ тому назадъ, къ своей работѣ.

---

[1]) «Русск. Мысль» 1903, іюнь.

[2]) Всѣ неоговоренныя цитаты—изъ моей книги «Переселеніе и колонизація».

Я вступалъ въ жизнь и входилъ въ свою работу съ глубокою и прямолинейной вѣрой въ спасающую силу *земли:* дайте крестьянину земли—думалъ я—какъ можно больше земли, и все прочее приложится само собой. И я увидѣлъ, что необъятный сибирскій просторъ не мѣшаетъ развитію многочисленнаго сельскаго пролетаріата, развитію массовыхъ отхожихъ заработковъ и массоваго нищенства; что голодовки въ просторныхъ степяхъ западной Сибири и киргизскаго края столь же часты, какъ въ любой изъ мѣстностей нашего малоземельнаго центра. На огромномъ просторѣ мнѣ пришлось констатировать всѣ признаки земельной тѣсноты.

Входя въ свою работу, я глубоко вѣрилъ въ колонизаціонные таланты русскаго мужика: дайте только мужику земли—и онъ съумѣетъ побѣдить негостепріимную пустыню и дикую тайгу; онъ лучше всякаго агронома разберется въ томъ, что ему годно и что—нѣтъ. Увы—все то, что я теперь знаю и что я отчасти выразилъ въ своей книгѣ, говоритъ скорѣе о колонизаціонномъ безсиліи, нежели о колонизаціонныхъ талантахъ: «малодѣятельный и труднодоступный для новизны, переселенецъ и въ Сибири ищетъ тѣхъ условій, къ которымъ онъ привыкъ на родинѣ; если онъ ихъ не находитъ, у него не хватаетъ знанія, рѣшимости, выдержки, наконецъ, и матеріальныхъ средствъ, чтобы преодолѣть встрѣченныя затрудненія; онъ очень скоро теряетъ терпѣніе и покидаетъ только что полученную землю, къ которой его ничто не привязываетъ, на которой ему нечего терять». Это—слова наблюдательнаго иностранца (Виденфельда), подъ которыми я—увы!—долженъ всецѣло подписаться.

Входя въ свою работу, я вѣрилъ, что переселеніе—продуктъ малоземелья: сжатый въ тиски условіями своего землеустройства, крестьянинъ жадно стремится на просторъ; дайте ему только этотъ просторъ,—и переселеніе станетъ однимъ изъ важнѣйшихъ и благодѣтельнѣйшихъ элементовъ аграрной политики, сообразованной съ интересами народа.

Но дѣйствительность не дала себя втиснуть въ рамки столь простого построенія. Переселяются отнюдь не одни только тѣ, кого можно, въ самомъ дѣлѣ, назвать малоземельными: не одни дарственники, не одни, вообще, обдѣленные землею бывшіе господскіе крестьяне; массами переселяются и хорошо надѣленные бывшіе государственные крестьяне—ихъ больше среди переселенцевъ, чѣмъ помѣщичьихъ крестьянъ. Тысячами и десятками тысячъ переселяются и изъ сибирскихъ губерній, гдѣ, казалось бы, о «малоземельѣ» не можетъ быть и рѣчи. Въ рядѣ мѣстностей, откуда прежде шло очень сильное переселеніе, оно прекратилось или сократилось до послѣдней степени: тѣснота стала больше, благодаря приросту населенія—а переселеніе стало меньше. И вотъ, я не нашелъ иного способа

объяснить всѣ эти кажущіяся несообразности, какъ развить мелькавшую у нѣкоторыхъ болѣе раннихъ изслѣдователей (В. Н. Григорьева, Н. Н. Романова, И. А. Гурвича) идею *относительно малоземелья*, какъ основной причины переселенія; *относительнаго* малоземелья, т. е. внѣшняго, субъективно-ощущаемаго *проявленія кризиса существующей системы крестьянскаго земледѣлія:* «переселеніе растетъ именно тамъ, гдѣ крестьянство переживаетъ критическій моментъ замѣны залежнаго и безнавознаго парового хозяйства навознымъ трехпольемъ,—и оно останавливается по минованіи этого кризиса». Конечно, самый кризисъ «есть результатъ перенаселенія и недостатка въ землѣ,—но перенаселенія *не абсолютнаго*, а *относительнаго*, и *относительнаго* же, а не *абсолютнаго* малоземелья; и дальнѣйшее сокращеніе земельнаго простора, заставляя населеніе найти выходъ изъ кризиса, тѣмъ самымъ способствуетъ прекращенію переселенія». Вотъ почему переселяются государственные и не переселяются господскіе крестьяне; вотъ почему ушли тысячи и десятки тысячъ изъ многоземельной южной части Тобольской губерніи, и нѣтъ переселенія съ малоземельнаго ея сѣвера: при старомъ, изжившемъ себя типѣ хозяйства не хватаетъ и большого количества земли; отсюда—«утѣсненіе», отсюда переселеніе.

Но это, въ свою очередь, бросаетъ совершенно новый свѣтъ на вопросъ о *возможныхъ послѣдствіяхъ* переселенія. Очень опредѣленные намеки на ту точку зрѣнія, которую я высказываю и мотивирую въ своей книгѣ, можно найти у одного изъ старѣйшихъ земскихъ статистиковъ—Н. Н. Романова, въ его работѣ о переселеніяхъ крестьянъ Вятской губерніи: «такъ какъ не въ малоземельѣ заключаются основныя причины переселенія крестьянъ, то не въ увеличеніи землевладѣнія нужно видѣть дѣйствительное улучшеніе ихъ быта,—выселенія только увеличиваютъ крестьянскіе надѣлы, но не измѣняютъ ихъ состава, *и потому отъ нихъ нѣтъ никакихъ выгодныхъ послѣдствій*». Я иду еще нѣсколько дальше: я думаю, что въ типичномъ случаѣ *относительнаго* малоземелья переселеніе скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Вѣдь радикальное средство противъ относительнаго малоземелья—*только* въ улучшеніи крестьянскаго хозяйства, въ переходѣ отъ изжившихъ себя старыхъ хозяйственныхъ порядковъ къ новымъ, болѣе соотвѣтствующимъ современнымъ условіямъ населенности и рынка; но «для улучшенія хозяйства недостаточно знаній и матеріальныхъ средствъ,—необходимо еще и давленіе *фактора нужды*, малоземелья, безъ котораго ни знанія, ни матеріальныя средства не будутъ направлены въ сторону качественнаго улучшенія крестьянскаго хозяйства». Переселеніе, разрѣжая населеніе, затягиваетъ возможность вести хозяйство издавна принятыми, теперь

устарѣлыми способами; отсрочиваетъ наступленіе неизбѣжной необходимости преодолѣть вѣками выработанный хозяйственный консерватизмъ и направить всю энергію не на исканіе новыхъ мѣстъ и вольныхъ земель, а на коренное улучшеніе крестьянскаго хозяйства.

Такая точка зрѣнія—я не могу этого отъ себя скрывать—не можетъ разсчитывать на всеобщее признаніе: она слишкомъ рѣзко расходится съ общепринятыми представленіями о благодѣтельномъ вліяніи многоземелья. Въ то же время—это какъ разъ тотъ пунктъ въ моемъ построеніи, гдѣ особенно сильную роль играетъ внутреннее убѣжденіе, котораго я не имѣю достаточной возможности обосновать на цитатахъ и цифрахъ.

Но оставимъ ее въ сторонѣ и спросимъ себя: *при какихъ условіяхъ* переселеніе могло бы оказать *существенное* воздѣйствіе на условія крестьянскаго хозяйства?.. Очевидно, здѣсь все зависитъ отъ *размѣровъ* переселенія. До самаго послѣдняго времени переселеніе въ Сибирь никогда не достигало двухсотъ тысячъ въ годъ. Въ 1907 году оно впервые достигло четырехсотъ съ лишнимъ тысячъ душъ. Даже 400 тысячъ—это менѣе четверти годичнаго прироста населенія. Но что можетъ дать удаленіе четверти, трети, даже половины годичнаго прироста? Ничего. Я, конечно, не говорю объ *отдѣльныхъ мѣстностяхъ*, селеніяхъ, волостяхъ, даже уѣздахъ—въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ вызванное переселеніемъ разрѣженіе населенія можетъ оказать замѣтное вліяніе на условія арендованія, на заработную плату, можетъ возстановить исчезнувшій, было, просторъ, напримѣръ, для залежнаго хозяйства. Но *въ общей массѣ* такое выселеніе не можетъ имѣть существеннаго значенія. Вѣдь въ чемъ суть нашего аграрнаго кризиса, поскольку онъ разыгрывается «на землѣ»? Въ томъ, что трехполье въ однѣхъ мѣстностяхъ, залежное хозяйство въ другихъ не можетъ уже больше прокормить переросшаго ёмкость территоріи населенія: залежное хозяйство—потому что земля не получаетъ достаточнаго отдыха; трехполье—потому что земля не удобряется или удобряется слишкомъ слабо; а не отдыхаетъ земля и не удобряется потому, что сгущеніе населенія заставило распахать все, что только возможно было распахать. Можетъ ли выселеніе трети или половины годичнаго прироста возвратить нужный отдыхъ выпаханной землѣ? Можетъ ли оно возвратить трехпольному хозяйству необходимые ему покосы? Конечно, нѣтъ. Возстановленіе правильнаго отношенія посѣва къ залежи, пашни къ сѣнокосу, было бы возможно лишь при настоящемъ «великомъ переселеніи народовъ»—при такомъ огромномъ выселеніи, которое *сразу* разрѣдило бы населеніе вдвое или втрое; потому что «благосостояніе, которое принято считать спутникомъ многоземелья и экстенсивнаго хозяйства, въ дѣйствительности наблюдается

лишь при томъ безграничномъ просторѣ, который, въ настоящее время, даже въ Сибири отошелъ въ область преданій». *Для этого* должны были бы выселиться даже не милліоны, а десятки милліоновъ. Пока этого нѣтъ, переселеніе—*только* жалкій палліативъ, способный развѣ лишь на нѣкоторое время поддержать крестьянское благосостояніе на томъ уровнѣ, котораго симптомы: поразительно низкая урожайность, сокращеніе скотоводства, хроническое недоѣданіе и періодическія—теперь, увы, тоже уже почти хроническія!—голодовки.

Вопросъ о практическомъ значеніи переселенія сводится, такимъ образомъ, къ вопросу о его возможныхъ размѣрахъ. Когда я писалъ мою книгу, максимумъ переселенія въ Сибирь не достигалъ 200 тысячъ; переселеніе шло на убыль, и я высказывалъ увѣренность, что 200 тысячъ — кульминаціонный пунктъ. Въ 1907 году переселилось, включая ходоковъ, свыше полумилліона. Всѣ основанія думать, что это результатъ—новѣйшей, ошибочной политики пропаганды переселенія; что за внезапнымъ рѣзкимъ приливомъ послѣдуетъ не менѣе рѣзкій отливъ; что за усиленнымъ переселеніемъ послѣдуютъ неисчислимыя бѣды и затрудненія. Но пусть я въ данномъ случаѣ ошибаюсь—я былъ бы счастливъ, если бы меня опровергла жизнь. Важно то, что полмилліона—это непереходимый максимумъ, даже въ глазахъ нынѣшнихъ руководителей переселенческой политики. А разъ это такъ, переселеніе никогда не перестанетъ быть тѣмъ жалкимъ палліативомъ, какимъ оно было до настоящаго времени.

Поэтому, на тему о пресловутой колонизаціонной «ёмкости» Сибири только нѣсколько словъ. Я не берусь *вычислить* эту емкость; я настаиваю на томъ, что этого *и нельзя* сдѣлать: колонизаціонная ёмкость страны—это производная не только отъ площади земель, но и отъ ихъ качества, отъ ихъ соотвѣтствія хозяйственнымъ привычкамъ и хозяйственнымъ способностямъ переселенцевъ; производная какъ отъ всей совокупности культурныхъ и экономическихъ условій водворенія, такъ и отъ всей совокупности свойствъ тѣхъ элементовъ, которые питаютъ переселенческое движеніе; колонизаціонная ёмкость будетъ одна для американскихъ піонеровъ, другая для насъ; одна для вятичей или раскольниковъ—«семейскихъ», другая для *современнаго, массоваго, черноземнаго* переселенца. *Вычислить* ёмкость нельзя, и вычисленія этого рода—лишенное смысла ариѳметическое упражненіе. Можно только намѣтить тѣ основныя условія, которыя ставятъ извѣстные предѣлы колонизаціонной ёмкости нашего Зауралья. И вотъ, трагизмъ нашего переселенческаго вопроса въ томъ, что современный, массовый, черноземный переселенецъ требуетъ *черноземныхъ, степныхъ* земель, а между тѣмъ запасы *такихъ* земель на исходѣ: въ Си-

бири—нешироκая, сплошь заселенная полоса, упирающаяся въ необъятную тайгу; въ киргизскомъ краѣ—небольшіе оазисы, теряющіеся на фонѣ милліоновъ квадратныхъ верстъ и сотенъ милліоновъ десятинъ безводныхъ, а потому и безплодныхъ пустынь. По части степныхъ земель наша колонизація добираетъ послѣднія крохи. Необъятная сибирская тайга, гостепріимная—я *всегда* подчеркивалъ и теперь подчеркиваю это—для сибирскаго старожила или для переселенца-піонера, не годится для современнаго массоваго, черноземнаго переселенца. *Такой* переселенецъ не идетъ въ тайгу, и бѣжитъ, если случайно заберется въ таежныя дерби. И не напрасно избѣгаетъ тайги подавляющая масса переселенцевъ: по новѣйшимъ даннымъ, дворы безъ запашки составляютъ въ степныхъ районахъ 2,7%, въ лѣсныхъ 10,6%; средній размѣръ запашки въ степяхъ 7, въ тайгѣ 2,6 дес.; «ищущихъ новыхъ мѣстъ» зарегистровано въ степныхъ мѣстностяхъ 7,7%, въ подтаежныхъ 17,7%, въ тайгѣ 30,4%; «уйти изъ тайги—говоритъ оффиціальный источникъ—стремятся переселенцы изъ южныхъ губерній, попавшіе на мѣста только по недостатку участковъ на югѣ и въ степи». Но *переселенцы изъ южныхъ губерній*—это и есть современный, типичный, массовый переселенецъ; а недостатокъ участковъ на югѣ и въ степи—это фактъ, отъ котораго нельзя отговориться и отдѣлаться никакими изворотами.

И еще трагизмъ нашего переселенческаго вопроса. Если бы свободныхъ земель наилучшаго качества было сколько угодно, все-таки переселеніе не можетъ расти дальше извѣстныхъ, узкихъ предѣловъ. Важна не только земля—важны экономическія условія устройства переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. «Цѣны разныхъ предметовъ обихода, а съ другой стороны—цѣны на работу у старожиловъ, которыя при наплывѣ переселенцевъ, конечно, падаютъ, входятъ въ составъ понятія о колонизаціонной ёмкости страны» (Беркенгеймъ). Или говоря общѣе: переселеніе въ каждый данный колонизаціонный районъ—будетъ ли это уѣздъ, губернія или вся Сибирь—должно быть сообразовано *съ широтой того колонизаціоннаго базиса*, на который должна опираться дальнѣйшая колонизація. Одно дѣло—иммиграція въ Соединенные Штаты, опирающаяся на цвѣтущее сельское хозяйство и быстро растущую обрабатывающую промышленность; одно дѣло—сибирское переселеніе до начала 90-хъ годовъ, когда немногочисленные переселенцы вкрапливались среди зажиточнаго старожильскаго населенія. И другое дѣло—теперешнее, массовое, сибирское переселеніе, направляющееся въ совершенно пустынные или, во всякомъ случаѣ, лишенные достаточно крѣпкаго колонизаціоннаго ядра районы. Уже въ серединѣ 90-хъ годовъ приходилось констатировать исчезновеніе заработковъ, страшное вздорожаніе пред-

метовъ обзаведенія, и чѣмъ далѣе, тѣмъ больше всѣ условія будутъ измѣняться въ благопріятную для колонизаціи сторону.

Но сказанное только что приводитъ насъ къ вопросу о *матеріальныхъ средствахъ*, въ связи съ этимъ—о подборѣ переселенцевъ и о государственной ихъ поддержкѣ. Если все становится дороже, если заработковъ меньше,—значитъ, надо, чтобы шли болѣе состоятельные, болѣе сильные элементы; а если идутъ несостоятельные, надо, чтобы имъ помогало государство изъ народныхъ средствъ. Государственная помощь—она, конечно, неизбѣжна, разъ фактически переселяется, по преимуществу, бѣднота; но надо при этомъ твердо помнить, что государственная помощь, въ нашихъ условіяхъ, неизбѣжно превращается въ «способіе», или, во всякомъ случаѣ, понимается какъ «способіе»; а расчеты на «способіе» до послѣдней степени ослабляютъ ту самодѣятельность и ту энергію переселенцевъ, которыя являются однимъ изъ необходимѣйшихъ условій успѣха всякой колонизаціи. Надо, значитъ, чтобы переселялись болѣе состоятельные и сильные элементы. Но болѣе состоятельные и сильные элементы *не идутъ* на новыя мѣста; и они правы, что не идутъ, ибо имъ итти нѣтъ расчета. Это хорошо извѣстно самимъ крестьянамъ; это неопровержимо доказывается и статистическими данными—сопоставленіемъ цифръ, характеризующихъ благосостояніе разныхъ группъ переселенцевъ на родинѣ и благосостояніе, достигнутое ими на новыхъ мѣстахъ. Приведу здѣсь только нѣсколько цифръ, которыхъ я, по случайнымъ обстоятельствамъ, не могъ использовать въ своей книгѣ,—именно, цифры, извлеченныя изъ таблицъ произведеннаго экспедиціею Ф. А. Щербины подворнаго обслѣдованія переселенческихъ поселковъ степного края. Если взять сначала дворы, бывшіе на родинѣ безземельными или имѣвшіе земли не свыше 5 десятинъ, то оказывается, что на родинѣ переселенцы каждой изъ этихъ двухъ группъ имѣли, въ среднемъ, по 4,5 и по 4,8 дес. пашни (включая паръ),—на новыхъ мѣстахъ они показали посѣвной площади 8,8—8,4 десятины; безлошадные и однолошадные въ этихъ группахъ составляли на родинѣ 41 и 49%, на новыхъ мѣстахъ всего 21 и 30%. Естественный выводъ, что переселенцы этихъ двухъ группъ въ общемъ выиграли отъ переселенія, хотя этотъ выводъ, въ виду различій въ «смыслѣ» цифръ, тоже долженъ быть принимаемъ съ извѣстною осторожностью. Совсѣмъ другое—двѣ высшія группы—имѣвшіе 11—15 и свыше 15 дес. земли: первая изъ этихъ высшихъ группъ на родинѣ имѣла въ среднемъ по 20 дес. пашни, на новомъ мѣстѣ имѣетъ всего 15 дес. посѣва,—вторая вмѣсто 30 дес. пашни имѣетъ уже всего только 18 дес. посѣва; безлошадные и однолошадные въ первой группѣ вмѣсто 9 составляютъ 21%, во второй вмѣсто 4,6—цѣлыхъ 16%. Въ среднемъ, значитъ, болѣе состоятельные пере-

селенцы теряютъ очень много и подвергаются притомъ громадному риску попасть въ положеніе болѣе или менѣе полныхъ пролетаріевъ. Естественно, при такихъ условіяхъ, что болѣе состоятельные неохотно идутъ на переселеніе: оно слишкомъ рискованно для нихъ, и въ среднемъ даетъ имъ не выигрышъ, а чистый убытокъ.

Но еще важнѣе другая сторона дѣла. Рѣшающее значеніе имѣетъ, значитъ, не состоятельность переселенцевъ, если они имѣютъ свои средства; если, тѣмъ болѣе, эти средства имъ откуданибудь даны,—этимъ далеко еще не разрѣшается вопросъ о результатахъ переселенія. Успѣхъ или неуспѣхъ послѣдняго зависитъ отъ неуловимой, не поддающейся учету совокупности условій, среди которыхъ особенно видную роль играютъ *личныя качества, индивидуальный характеръ* переселенца. И, къ сожалѣнію, здѣсь опять приходится констатировать несомнѣнное ухудшеніе: рѣзкое пониженіе средняго типа переселенца. Еще недавно правительство не помогало переселенію, а всячески его задерживало; передвиженіе въ Сибирь, требовало долгихъ недѣль и мѣсяцевъ, было связано съ громадными опасностями для здоровья и самой жизни; отпугивала самая репутація Сибири, страны каторги и ссылки. Естественно что на переселеніе рѣшались только наиболѣе сильные, предпріимчивые элементы. Типъ тогдашняго переселенца—это переселенецъ-піонеръ, надѣявшійся только на Бога и на самого себя. Теперь совсѣмъ другое: трудности переселенія во много разъ меньше; Сибирь изъ страны ссылки стала въ представленіи народныхъ массъ обѣтованною землею; правительство не задерживаетъ переселенія, а помогаетъ переселенцамъ, въ послѣднее время пропагандируетъ переселеніе. Въ результатѣ «пришли въ движеніе даже наименѣе состоятельные и наименѣе рѣшительные, раньше никогда не помышлявшіе о переселеніи» (Новомбергскій). Вмѣсто переселенца-піонера двинулась сѣрая переселенческая масса; вмѣсто переселенца, полагавшаго всѣ свои расчеты на Бога и на самого себя, пошелъ переселенецъ, который всего ждетъ отъ милости начальства.

Это—что̀ касается фактора *воли*, энергіи. Нечего уже говорить о не менѣе важномъ факторѣ *знанія* и *умѣнія*. Вѣдь, крестьянинъ, въ типичномъ случаѣ относительнаго малоземелья, переселяется *именно потому*, что онъ не можетъ и не умѣетъ подвергнуть своего традиціоннаго хозяйства той радикальной ломкѣ, какой требуютъ современныя условія населенности и рынка. Но тѣмъ труднѣе ему приспособиться къ совершенно чуждымъ ему условіямъ сибирской тайги или киргизскихъ степей, гдѣ онъ не можетъ опереться и на тотъ вѣковой опытъ, который на родинѣ былъ его единственнымъ союзникомъ. И еще во много разъ труднѣе приспособиться къ условіямъ такихъ

окраинъ, какъ Туркестанъ, Закавказье, къ условіямъ, требующимъ въ корнѣ иного хозяйства. И въ концѣ-концовъ: вѣдь, если ужъ крестьянину ломать привычное хозяйство, то *зачѣмъ переселяться* тому, наиболѣе типичному, переселенцу, который уходитъ *именно затѣмъ, чтобы избѣжать ломки* привычныхъ и кажущихся ему единственно возможными способовъ хозяйства?... Ужъ если крестьянинъ преодолѣетъ вѣковую инерцію и рѣшится на такую ломку, ему легче и проще сдѣлать это на родинѣ, не подвергаясь колоссальному риску переселенія: на родинѣ у него есть хоть эмпирическое знакомство съ мѣстными условіями хозяйства; ему не надо разорять своего обзаведенія, да и самое приспособленіе здѣсь будетъ эволюціею, а не ломкою хозяйства.

И мой конечный выводъ—тотъ самый, которымъ я закончилъ свою книгу; я не имѣю ничего ни прибавить существеннаго къ этому выводу, ни взять изъ него назадъ.

Переселеніе, вполнѣ раціональное для тѣхъ абсолютно-малоземельныхъ элементовъ, которые еще не порвали своей связи съ земледѣліемъ, не можетъ быть признано для относительно-малоземельныхъ не только радикальнымъ рѣшеніемъ вопроса, но и сколько-нибудь раціональнымъ палліативомъ. Разоряя сложившееся хозяйство переселенца, ставя его лицомъ къ лицу съ неизбѣжнымъ рискомъ и случайностью, оно предъявляетъ, при данныхъ конкретныхъ условіяхъ, не меньшія, а скорѣе бо̀льшія требованія и къ спеціально сельско-хозяйственной, и къ общей культурности крестьянина, и къ его матеріальнымъ средствамъ. Переселеніе, поэтому, должно быть вычеркнуто изъ числа средствъ разумнаго *воздѣйствія* на крестьянское землепользованіе и хозяйство. Переселеніе слѣдуетъ разсматривать исключительно *какъ фактъ*, и вся переселенческая политика должна быть направлена, съ одной стороны, къ тому, чтобы облегчить переселеніе тѣмъ, кто еще не желаетъ отказаться отъ мысли выселенія, а съ другой—чтобы по возможности уменьшить число такихъ желающихъ выселяться. Для этой цѣли хороши *всѣ* способы, кромѣ запрещеній и принужденій: ходачество, распространеніе среди народа правильныхъ свѣдѣній объ условіяхъ устройства и обзаведенія на новыхъ мѣстахъ, но главное—положительныя мѣры къ улучшенію условій крестьянскаго землепользованія и хозяйства на мѣстахъ. И во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ твердо помнить, что переселеніе не можетъ ни на одну іоту ослабить переживаемый нашимъ крестьянствомъ кризисъ; что поэтому заботы о переселеніи не должны ни на одну минуту отвлекать отъ болѣе коренныхъ, но, конечно, болѣе трудныхъ заботъ о повышеніи крестьянскаго благосостоянія и крестьянской культуры.

Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній.

(Отрывокъ [1]).

Въ переселеніяхъ крестьянъ многіе склонны видѣть одну изъ характернѣйшихъ отличительныхъ особенностей русскаго народнаго быта; одни—оптимисты—видятъ въ нихъ проявленіе особо-присущихъ русскому народу колонизаторскихъ способностей, помогшихъ русскому сѣрому зипуну пріобщить къ культурѣ такія разнообразныя мѣстности, какъ архангельскій сѣверъ и кубанскія степи, какъ амурская тайга и предгорья Тянь-Шаня. Другіе—пессимисты—считаютъ переселеніе отрицательнымъ явленіемъ, продуктомъ некультурности и инертности нашей земледѣльческой массы, мало того—даже какихъ-то особенныхъ, характеризующихъ русскаго мужика бродяжескихъ инстинктовъ. И тотъ, и другой взглядъ погрѣшаетъ противъ истины, такъ какъ въ массовыхъ передвиженіяхъ населенія вовсе нельзя видѣть какой-то специфически-русской особенности. Мы не располагаемъ точными и полными данными, которыя позволили бы намъ учесть размѣры русскихъ переселеній, хотя бы за послѣднія 10—15 лѣтъ, такъ какъ переселеніе направляется въ очень разнообразные районы, и для многихъ изъ послѣднихъ не существуетъ никакой, хотя бы приблизительной регистраціи переселенцевъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что главный потокъ переселеній за послѣднія 12—15 лѣтъ направлялся въ Сибирь, а сибирское переселеніе, которому, главнымъ образомъ, и будетъ посвященъ настоящій очеркъ, можетъ быть учтено, если не съ безусловною точностью, то во всякомъ случаѣ съ достаточнымъ приближеніемъ: съ 1880 по 1897 годъ въ Сибирь переселилось немногимъ болѣе милліона человѣкъ, при чемъ до 1890 года годичная цифра переселенцевъ колебалась между 25 и 50 тысячами, а съ 1891 года въ Сибирь ежегодно переселя-

---

[1]) Сборникъ Правовѣдѣнія, т. VIII, 1898. Перепечатывается только часть статьи, касающаяся вопроса о *причинахъ* переселенія. Вопросу о «вѣроятной будущности» посвящена перепечатываемая въ этомъ сборникѣ, болѣе новая статья «Переселеніе и его роль въ аграрной программѣ».

лось не менѣе 60 тысячъ; въ голодные 1891 и 1892 года числ переселенцевъ доходило до 90 тысячъ, въ 1895 г.—до 120 тысячъ, и только въ 1896 г., благодаря особой комбинаціи обстоятельствъ, оно достигло 200 тысячъ. Итакъ, за 18 лѣтъ въ Сибирь ушло всего съ небольшимъ милліонъ переселенцевъ или, въ среднемъ, около 60 тысячъ въ годъ! Переселеніе во всѣ остальные районы, взятые вмѣстѣ,—Новороссію, Предкавказье, оренбургскія степи, Туркестанъ,—дало бы, за тѣ же 18 лѣтъ, гораздо меньшую цифру; но даже если предположить, что въ эти районы ушелъ еще милліонъ переселенцевъ, — все же средняя годовая цифра послѣднихъ не превыситъ 120.000, т. е. составитъ около $^1/_8$% въ годъ, за всѣ же 18 лѣтъ — около 2% стомилліоннаго населенія Россіи. Между тѣмъ, за 24 года, съ 1871 по 1894, въ одни только Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты переселилось изъ Великобританіи съ Ирландіею 3.272 тыс., изъ Германіи—2.441 тыс., изъ маленькой Швеціи—590 тыс. человѣкъ, что составляетъ: для первой—около 8%, для второй—около 5%, для третьей—почти 12% всего населенія!

Такимъ образомъ, массовыя передвиженія населенія отнюдь не представляютъ собою чего-либо специфически-русскаго. Но русскія переселенія представляютъ существенное отличіе отъ аналогичныхъ движеній въ Западной Европѣ: колонизація въ Европѣ, какъ было отмѣчено еще кн. Васильчиковымъ, «имѣетъ характеръ *эмиграціи*, т. е. выхода, которому соотвѣтствуютъ въ Америкѣ и въ Австраліи *иммиграція*, т. е. водвореніе, поселеніе, а въ Россіи *переселенія были издревле и остаются до сихъ поръ явленіемъ внутренняго народнаго быта*, имѣющимъ значеніе простого перехода изъ однихъ мѣстъ жительства въ другія». Переселенцы изъ Западной Европы направляются либо въ чужестранныя государства, либо въ отдаленныя колоніи, неизбѣжно стремящіяся порвать связь съ метрополіею,—Россія, говоря словами Ѳ. Г. Тернера, «обладаетъ въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ свободными землями, на которыя могутъ изливаться избытки сельскаго населенія, не только не разрывая связи со своимъ отечествомъ, но служа, напротивъ того, бо̀льшему сплоченію этихъ дальнихъ странъ съ Россіею». Въ Западной Европѣ, другими словами, колонизаціонное движеніе принимаетъ форму *выселенія* изъ государства, въ Россіи—форму *разселенія* по государственной территоріи; западно-европейская эмиграція есть явленіе сравнительно новое,—русское переселеніе есть не что иное, какъ послѣдній, современный намъ актъ того процесса колонизаціи русской государственной территоріи, который составляетъ такую существенную, коренную черту внутренней исторіи Россіи.

Переселеніе изъ Европейской Россіи, въ частности изъ ея средней, гуще всего населенной части, началось въ то время

когда еще не закончилась или только что завершалась ея собственная колонизація; такъ, В. Н. Григорьевъ, одинъ изъ первыхъ точныхъ изслѣдователей переселенческаго движенія, отмѣчаетъ, что переселенія изъ Рязанской губерніи начались въ то время, когда многія изъ селеній еще не имѣли здѣсь вполнѣ устойчиваго вида, когда, вообще, крестьяне далеко непрочно осѣли на мѣстахъ своей осѣдлости; переселенія изъ Курской губерніи, по свидѣтельству земскаго своднаго статистическаго сборника, начались «какъ разъ съ того времени, когда закончился здѣсь процессъ колонизаціи». Въ южныхъ, юго-восточныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи колонизаціонный процессъ въ настоящее время только что закончился или еще продолжается,—и, однако, многія изъ этихъ губерній занимаютъ не послѣднія мѣста въ числѣ мѣстностей, откуда выходятъ переселенцы. Такъ, по официальнымъ даннымъ, новороссійскія губерніи, въ продолженіе 70-хъ годовъ принявшія до 50 тысячъ душъ переселенцевъ, за тѣ же годы отпустили «на новыя мѣста» до 35 тысячъ душъ; изъ губерній Самарской и Астраханской за то же десятилѣтіе выселилось до 18 тыс., вновь водворилось въ нихъ 14 тысячъ душъ; изъ Уфимской и Оренбургской губерній, которыя въ 70-хъ годахъ приняли до 120 тыс. душъ новыхъ поселенцевъ, выселилось за то же время 36 тысячъ, и т. д. Явленіе это, на первый взглядъ непонятное, объясняется весьма просто, если разобраться въ вопросѣ о причинахъ переселеній.

Ходячій въ обществѣ, а отчасти и въ литературѣ, взглядъ усматриваетъ причину переселеній въ абсолютномъ безземельѣ или малоземельѣ, которое гонитъ крестьянина съ насиженнаго мѣста съ неизбѣжною, почти физическою необходимостью. «Недостатокъ земли и безпрерывно прогрессирующее развитіе арендныхъ цѣнъ на землю,—говоритъ, напр., извѣстный мѣстный изслѣдователь переселенческаго дѣла, г. Чудновскій,—вотъ основной мотивъ переселеній. Малоземелье, недостаточность душевого надѣла—всеобщій, повсемѣстный фактъ, и фактъ, прежде всего и главнымъ образомъ вызывающій переселенія». Какъ сложилось такое представленіе о причинахъ,—это, какъ мнѣ кажется, вполнѣ понятно. И это представленіе, господствующее и въ обществѣ, и въ литературѣ вопроса, является лишь отраженіемъ взгляда на дѣло, преобладающаго, если не въ сознаніи, то во всякомъ случаѣ—въ показаніяхъ самихъ переселенцевъ,—показаніяхъ, которыя не могли не произвести извѣстнаго впечатлѣнія на наблюдателя переселенческаго движенія; если спросить переселенца, откуда бы онъ ни былъ родомъ, отчего онъ пошелъ «на новыя мѣста», отвѣтъ—конечно, съ разнообразными варіаціями!—будетъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ одинъ: «жить не съ чего было», «земли мало было»; изъ 3.708 зарегистрованныхъ мною

лично въ образовавшихся на казенныхъ земляхъ поселкахъ Томской губерніи переселенческихъ дворовъ, давшихъ опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о причинахъ оставленія родины, болѣе двухъ третей—2.624 семьи—указали, какъ на такія причины, на недостаточность общаго размѣра земельнаго надѣла, дурное качество почвы, односторонній составъ угодій, дороговизну и трудность арендованія земли; еще 542 семьи указали на «невозможность существованія» на родинѣ, не входя въ болѣе подробныя объясненія, но, очевидно, подразумѣвая ту же основную причину «невозможности существованія»—безземелье или недостатокъ земли.—И тѣмъ не менѣе, представленіе о безземельѣ и малоземельѣ, какъ объ основной причинѣ переселеній, не выдерживаетъ критики фактовъ,—является невѣрнымъ или во всякомъ случаѣ одностороннимъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на цифровыя данныя о распредѣленіи переселенцевъ по мѣстамъ выхода; изъ этихъ данныхъ видно, напр., что изъ 67 тысячъ семей переселенцевъ, зарегистрованныхъ въ теченіе 1884—1893 гг., такъ сказать, при самомъ вступленіи въ границы Сибири, болѣе $10^1/_2$ тысячъ семей—выходцы изъ Курской губерніи; за нею слѣдуютъ: Тамбовская съ $6^1/_2$, Воронежская съ $5^1/_2$, Вятская, Самарская и Пермская, давшія отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ тысячъ, Полтавская и Рязанская—отъ 3 до $3^1/_2$ тыс., Саратовская, Казанская, Пензенская, Харьковская, Черниговская—съ 2—$2^1/_2$ тысячами семей каждая; затѣмъ слѣдуютъ 3 губерніи, давшія отъ 1.000 до 2.000, четыре, выпустившія отъ 500 до 1.000, десять—отъ 100 до 500 семей, и 14 губерній, представленныя менѣе, нежели сотнею семействъ каждая. Если взять аналогичныя данныя изъ регистраціи, произведенной въ Алтайскомъ горномъ округѣ—мѣстности, за послѣднія 12—13 лѣтъ принявшія около 60% всего сибирскаго переселенія,—то первыя два мѣста удержатъ за собою тѣ же Курская и Тамбовская губерніи, давшія Алтаю, за время до 1892 г., одна—35 тыс., другая—37 тыс. душъ переселенцевъ; но непосредственно за ними слѣдуетъ Тобольская губернія съ 20 тысячами душъ; рядомъ съ Воронежскою губерніей стоитъ Пермская, за Рязанскою губерніей слѣдуютъ Вятская и Самарская, и т. д. По регистраціи томскаго переселенческаго пункта за десятилѣтіе 1884—1893 гг., первыя девять мѣстъ по числу выпущенныхъ переселенцевъ занимаютъ слѣдующія губерніи: Курская, Тамбовская, Полтавская, Вятская, Пермская, Черниговская, Самарская, Харьковская и Казанская. Всѣ источники единодушно свидѣтельствуютъ, такимъ образомъ, что переселенцевъ выпускаютъ не однѣ только мѣстности, страдающія болѣе или менѣе несомнѣннымъ малоземельемъ или избыткомъ рабочихъ рукъ, но и такія губерніи, какъ Вятская, Пермская, Тобольская, Самарская, Саратовская и т. д.,—губерніи, гдѣ объ избыткѣ

рабочихъ рукъ и малоземельѣ, повидимому, не можетъ быть и рѣчи; гдѣ, наоборотъ, значительная часть удобной площади остается еще неразработанною; гдѣ количество земли, казалось бы, далеко превышаетъ потребности и рабочую способность наличнаго населенія, и земледѣліе страдаетъ скорѣе отъ недостатка въ рабочихъ рукахъ, чѣмъ отъ ихъ избытка.

Если прослѣдить по картѣ мѣстности, отпускающія переселенцевъ, то онѣ сгруппируются въ два крупныхъ района: одинъ изъ нихъ, почти совпадающій съ райономъ выселеній, намѣченнымъ кн. Васильчиковымъ еще въ 1876 г. въ первомъ изданіи его книги «Землевладѣніе и земледѣліе»[1]), это—среднерусскій районъ, сравнительно малоземельный и густо населенный; онъ охватываетъ всю черноземную нестепную область, протянувшись на сѣверо-востокъ до Симбирской губерніи и захватывая на югѣ губерніи малороссійскія; другой районъ, въ общемъ богатый землею и рѣдко населенный, обнимаетъ заволжскія—восточныя и особенно сѣверо-восточныя губерніи Европейской Россіи и прилегающую къ нимъ съ востока Тобольскую губернію. Если для перваго изъ этихъ двухъ районовъ еще можно было говорить о малоземельѣ, о недостаточности земельныхъ надѣловъ, какъ объ основной причинѣ выселеній, то говорить о малоземельѣ Тобольской, Самарской, Уфимской, Вятской губерній было бы болѣе нежели рискованно. Вопросъ о причинахъ выселеній для одной изъ этихъ губерній—Вятской—еще въ 1881 году былъ подробно разработанъ мѣстнымъ изслѣдователемъ переселеній, извѣстнымъ земскимъ статистикомъ г. Романовымъ, и всѣ собранныя имъ данныя «не даютъ основанія заключать, что въ Вятской губерніи гдѣ-либо составляетъ причину совершающихся крестьянскихъ переселеній собственно малая величина земельныхъ надѣловъ»,—что, другими словами, «собственно то или другое число десятинъ крестьянскаго надѣла не имѣетъ прямого вліянія на переселенія»... «Величина посѣва на душевой надѣлъ,—говоритъ далѣе г. Романовъ,—отнюдь не меньше въ мѣстностяхъ выселеній, чѣмъ у старожиловъ (не говоря уже о новыхъ поселенцахъ. *А. К.*) тѣхъ мѣстностей, въ которыя водворяются переселенцы; въ особенности трудно сказать относительно хотя какой-либо небольшой мѣстности Вятской губерніи изъ которой крестьяне выселяются, что въ ней у переселенцевъ посѣвы были малы по недостатку земли»[2]). Причины выселеній по мнѣнію г. Романова нельзя искать и въ дурномъ качествѣ земли —напротивъ, «мѣстности водворенія переселенцевъ въ Вятской губерніи представляютъ вообще низшія достоинствомъ почвы, чѣмъ мѣстности выселеній». Причина эта

---

[1]) Стр. 977—979

[2]) *Романовъ*, «Переселеніе крестьянъ Вятской губ.», стр. 179—180.

говоря словами г. Романова, коренится въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: «покидаемыя переселенцами земли болѣе или менѣе хороши, но урожаи съ нихъ стали уже гораздо хуже прежнихъ и часто бываютъ плохи. Земли эти потеряли значительную часть своей цѣнности отъ вѣковой дурной обработки и очень недостаточнаго удобренія; постепенно, введеніемъ улучшенной системы хозяйства или хотя бы только усиленнымъ удобреніемъ, плодородіе ихъ могло бы быть возстановлено. Но крестьяне для этого средствъ не имѣютъ и потому выселяются». Все сказанное въ приведенной цитатѣ въ полной мѣрѣ примѣнимо и къ другимъ губерніямъ восточной полосы—Самарской, Уфимской, Тобольской и т. д. И здѣсь не можетъ быть рѣчи ни о маломъ количествѣ, ни о безплодіи надѣльныхъ земель,—все дѣло, несомнѣнно, въ невозможности продолжать вести хозяйство старыми, экстенсивными способами, уже успѣвшими проявить свое истощающее вліяніе на почву. И вотъ въ литературѣ вопроса появляются попытки противопоставить, въ отношеніи причинъ переселенія, восточную полосу выселеній средне-русскому переселенческому району. Такую попытку дѣлаетъ, напр., г. Гурвичъ въ своей книгѣ «Переселенія крестьянъ въ Сибирь»[1]). Объясняя выселеніе изъ средне-русскихъ губерній «вліяніемъ недостаточности крестьянскаго надѣла» и его послѣдствіями—преобладаніемъ пашни надъ другими угодьями и въ частности—недостаткомъ покосовъ и выгоновъ, отнимающимъ у крестьянъ возможность правильно удобрять пашню; недостаточностью аренднаго фонда и дороговизною арендъ; необходимостью для крестьянъ расходовать часть своего труда, на все болѣе и болѣе невыгодныхъ условіяхъ, внѣ собственнаго земледѣльческаго хозяйства и т. п. обстоятельствами,—названный авторъ видитъ основную причину выселеній изъ восточнаго района въ совершенно иномъ обстоятельствѣ—«въ кризисѣ экстенсивной земледѣльческой культуры»,—въ невозможности продолжать вести хозяйство усвоенными прежде, при безпредѣльномъ просторѣ, способами и пріемами: еще недавно крестьянинъ не имѣлъ здѣсь надобности удобрять земли,—онъ пахалъ плодородныя цѣлины или залежи, успѣвшія возстановить свои силы продолжительнымъ отдыхомъ; сократившійся, отчасти въ силу естественнаго сгущенія населенія, отчасти вслѣдствіе правительственныхъ мѣръ по урегулированію землевладѣнія, просторъ дѣлаетъ такое хозяйство невозможнымъ: цѣлины распаханы, залежи отдыхаютъ слишкомъ мало времени и не успѣваютъ возстановить своихъ производительныхъ силъ, урожаи падаютъ—и земледѣлецъ долженъ либо перейти къ хозяйству съ удобре-

---

[1]) Тамъ же, стр. 186—187.
[1]) Стр. 11—17, 38—40, 53—59.

ніемъ либо искать новыхъ, болѣе привольныхъ мѣстъ. «Для всякой земледѣльческой мѣстности—говоритъ г. Гурвичъ,—рано или поздно наступаетъ моментъ, дѣлающій необходимымъ переходъ отъ болѣе легкихъ формъ хозяйства къ болѣе сложнымъ и менѣе выгоднымъ. При подобныхъ обстоятельствахъ переселенія составляютъ вполнѣ разумное проявленіе народнаго культурнаго консерватизма, побуждающаго крестьянина, покуда есть возможность, крѣпко держаться привычныхъ способовъ веденія хозяйства. Невозможность удерживать цхъ дольше на старомъ мѣстѣ заставляетъ крестьянина подаваться далѣе въ ширь, на свободныя территоріи, еще не знающія земледѣльческой культуры». И такимъ образомъ, заключаетъ нашъ авторъ, «*если для россійскаго* (т. е. средне-русскаго) *крестьянина переселеніе является выходомъ изъ крайне ненормальнаго экономическаго положенія,—въ переселеніяхъ изъ зауральской полосы* мы видимъ, напротивъ, *проявленіе подмѣченнаго изслѣдователями закона народнаго разселенія*»[1]).

Такое противоположеніе, однако, едва ли можно признать правильнымъ: *послѣдней* причиной культурнаго кризиса въ восточныхъ губерніяхъ является все же, какъ признаетъ и г. Гурвичъ, *сократившійся просторъ*, другими словами—недостатокъ земли; недостатокъ, конечно, *относительный*, недостатокъ, ощущаемый *при данной системѣ хозяйства*. Если надѣлъ въ 8, 12, 15 десятинъ и очень великъ, по сравненію даже съ высшею нормою надѣла бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ среднихъ губерній, то такой надѣлъ представляется уже весьма ограниченнымъ и создаетъ очень чувствительное «утѣсненіе», если его сравнивать съ тѣмъ, почти безграничнымъ просторомъ, при которомъ складывалось залежное хозяйство юго-восточныхъ и сибирскихъ степей или подсѣчное хозяйство русскаго сѣвера; именно это «утѣсненіе», это относительное малоземелье запрещаетъ крестьянину оставаться при прежней экстенсивной культурѣ,—именно оно заставляетъ его либо переходить къ высшей культурѣ, либо переселяться. Съ другой стороны, и по отношенію къ выходцамъ изъ средне-русскаго района лишь въ меньшинствѣ случаевъ можно говорить объ *абсолютномъ* безземельѣ или малоземельѣ: абсолютная нужда въ землѣ, дѣйствительно, гонитъ на переселеніе бывшихъ дворовыхъ, освобожденныхъ безъ земли; она гонитъ «на новыя мѣста» безземельные дворы изъ мѣстностей съ подворнымъ владѣніемъ и бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, получившихъ при освобожденіи дарственный, иначе—«нищенскій» надѣлъ; абсолютный недостатокъ въ землѣ гонитъ съ родины тѣ семьи, которыя уходятъ изъ-за невозможности добиться передѣла и привести свое землевладѣніе въ соотвѣт-

[1]) Курсивъ мой *А. К.*

ствіе со своимъ возросшимъ рабочимъ и потребительнымъ составомъ; объ абсолютной «тѣснотѣ» можно говорить въ тѣхъ случаяхъ, когда причиною выселенія является невозможная конфигурація отведеннаго при освобожденіи надѣла, создающая безконечныя потравы, судбища и т. д. Точныхъ и достаточно полныхъ данныхъ относительно численности среди переселенцевъ такихъ абсолютно-безземельныхъ или малоземельныхъ дворовъ мы не имѣемъ; я могу сослаться только на лично собранный мною въ поселкахъ Томской губерніи, путемъ подворной описи, матеріалъ, изъ котораго видно, что безземельные и семьи съ надѣломъ менѣе десятины составляли всего 21,9%, семьи съ надѣломъ отъ 1 до 3 десятинъ—30,6% общаго числа зарегистрованныхъ переселенцевъ; что почти треть послѣднихъ имѣла свыше 5 десятинъ, 13,8% свыше 10 десятинъ земли на семью,—въ среднемъ же на семью переселенцы имѣли на родинѣ почти по 6 десятинъ надѣльной земли[1]).

Между тѣмъ, изъ поземельной статистики извѣстно, что во Франціи 84,7% всѣхъ землевладѣльцевъ имѣютъ не свыше 10 гектаровъ, или 9,15 десятинъ каждый, въ среднемъ же у этихъ 84,7% приходится по 2,6 гект., или 2 4 десятины земли на хозяйство; почти половина этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ—38% общаго числа послѣднихъ—имѣетъ не свыше одного гектара, или 0,9 десятины на семью. Въ Баденѣ 72% всѣхъ землевладѣльцевъ имѣютъ не свыше 3,6 гект., 17,5%—отъ 3,6 до 7,2 гект. каждый; въ Бельгіи почти двѣ трети—65% всѣхъ землевладѣльцевъ—имѣютъ не болѣе одного гектара, а въ Даніи 64,3% имѣютъ не свыше 0,55 гект. на семью. Можно ли при такихъ условіяхъ говорить объ абсолютномъ малоземельѣ, какъ объ основномъ мотивѣ, толкающемъ «на новыя мѣста» средне-русскихъ переселенцевъ? Едва ли! Если мѣстности средней Россіи, выпускающія переселенцевъ, кажутся намъ, особенно по сравненію съ нашими окраинами, малоземельными, то съ точки зрѣнія французскаго, баденскаго или фландрскаго поселянина, ведущаго, при помощи искусственныхъ удобреній, крайне интенсивное хозяйство съ плодосмѣннымъ сѣвооборотомъ и стойловымъ содержаніемъ скота, тѣ же средне-русскія губерніи показались бы столь же богатыми землею, какъ богаты землею, на взглядъ нашего переселенца, сибирскія губерніи! И въ средней Россіи, такимъ образомъ, малоземелье, говоря вообще, является только относительнымъ: какъ для тобольскаго или самарскаго крестьянина не было бы рѣчи объ «утѣсненіи», если бы онъ промѣнялъ свое залежное хозяйство на правильное, даже безнавозное трехполье, или хотя бы началъ чередовать

---

[1]) Итоги этого изслѣдованія см. въ статьѣ «Томскіе переселенцы».

посѣвы съ чернымъ паромъ, такъ и крестьянинъ средней полосы могъ бы безбѣдно существовать на своемъ надѣлѣ, если бы имѣлъ возможность и сумѣлъ перейти отъ пестрополья или отъ трехполья безъ навоза къ навозному трехполью, или если бы тамъ, гдѣ чрезмѣрное расширеніе запашекъ создало недостатокъ въ естественныхъ покосахъ и выгонахъ, обратился къ травосѣянію и стойловому содержанію скота. И здѣсь, такимъ образомъ, дѣло въ назрѣвшей необходимости измѣнить систему хозяйства, уже непригодную при данной степени населенности страны и данной обезпеченности крестьянства землею.

Авторъ одного изъ самыхъ раннихъ и едва ли не самаго лучшаго изъ точныхъ мѣстныхъ изслѣдованій переселенческаго движенія, В. Н. Григорьевъ, разбирая вопросъ о причинахъ выселенія изъ южныхъ, черноземныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи, говоритъ: «Непремѣннымъ, почти не имѣющимъ исключенія условіемъ выхода на новыя земли является (въ изслѣдуемомъ районѣ) несоотвѣтствіе количества надѣльной земли съ рабочими силами переселенцевъ»[1]). Формулировка, позволяющая предположить, что рѣчь идетъ объ абсолютномъ малоземельѣ. Но тотъ же авторъ останавливается далѣе передъ тѣмъ противорѣчащимъ приведенному объясненію фактомъ, что переселенческое движеніе, принявшее въ южныхъ уѣздахъ такіе широкіе размѣры, почти не существуетъ въ сѣверныхъ уѣздахъ той же Рязанской губреніи, которые характеризуются и нѣсколько меньшимъ, чѣмъ въ южныхъ количествомъ надѣльной земли, и далеко худшимъ ея качествомъ,—для которыхъ, слѣдовательно, гораздо скорѣе могла бы быть рѣчь о малоземельѣ, нежели для южныхъ, черноземныхъ уѣздовъ. Вотъ какимъ образомъ объясняетъ г. Григорьевъ это явленіе: «Крестьянинъ юга губерніи,—говоритъ онъ,—почти исключительно земледѣлецъ; поселившись на привольныхъ пространствахъ прекраснаго чернозема,—эти слова, по моему мнѣнію, заслуживаютъ особаго вниманія,—онъ привыкъ видѣть въ землѣ единственный источникъ существованія; всякое сокращеніе въ его земельныхъ владѣніяхъ сильно отражается на его благосостояніи». На сѣверѣ «незначительное количество земли давно уже выработало для крестьянина иной типъ занятій»,—типъ полупромыслового крестьянина, занимающагося плотничествомъ и другими заработками на мѣстѣ и на сторонѣ[2]). «Еще важнѣе другая сторона дѣла: въ южныхъ уѣздахъ обработка надѣльной земли и самая система полеводства *гораздо ближе стоятъ къ первобытнымъ способамъ веденія хозяйства* (курсивъ мой); тогда какъ въ Рязанскомъ уѣздѣ крестьянская пашня вездѣ разбита на три поля, на югѣ Раненбург-

---

[1]) *Григорьевъ*, «Переселеніе крестьянъ Рязанской губерніи», стр. 61.
[2]) Тамъ же, стр. 103—104.

скаго уѣзда до послѣдняго времени много пестрополья, которое въ нѣкоторыхъ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ занимаетъ значительныя пространства; въ Рязанскомъ уѣздѣ весь навозъ идетъ на поля, въ южныхъ уѣздахъ хотя уже и чувствуется потребность унавоживанія, но масса паровыхъ полей остается безъ удобренія... Въ Рязанскомъ уѣздѣ дѣлаютъ двѣ или три вспашки при посѣвѣ овса, три вспашки для озимого хлѣба и 4—5 разъ перепахиваютъ просо; въ южныхъ уѣздахъ вспашка просяного поля рѣдко производится болѣе трехъ разъ, ржанаго и ярового—обыкновенно только два раза, а иногда овесъ разбрасываютъ прямо по ржищу, запахивая его лишь послѣ посѣва». «Понятно, заключаетъ уважаемый изслѣдователь, что плохая (въ южныхъ уѣздахъ) обработка почвы, плохое удобреніе полей, пестрополье и *переживаемый или только что пережитый сельско-хозяйственный моментъ замѣны его трехпольемъ*,—все это не можетъ не отразиться на мѣстномъ крестьянинѣ; быстро падающіе урожаи и временное сокращеніе посѣвовъ (при замѣнѣ пестрополья трехпольемъ) должны усиливать переселенческое движеніе въ страну, изобилующую хлѣбородными землями. *Для Рязанскаго и другихъ уѣздовъ сѣвера губерніи пора такого кризиса миновала*»[1]). (Курсивъ мой).

Трудъ г. Григорьева пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностью и уваженіемъ; данныя и выводы его многократно цитировались и комментировались въ спеціальной литературѣ; но никто, сколько я знаю, не обратилъ должнаго вниманія на тѣ соображенія, которыя я процитировалъ здѣсь въ краткомъ извлеченіи. Между тѣмъ, именно въ этихъ соображеніяхъ—наиболѣе глубокое рѣшеніе вопроса объ *основной* причинѣ переселеній изъ средне-русскаго района: причина эта—*кризисъ существующей системы хозяйства;* переселеніе—какъ ясно видно если прослѣдить по картѣ тѣ губерніи, которыя отпускаютъ наибольшее число переселенцевъ—растетъ именно тамъ, гдѣ крестьянство переживаетъ критическій моментъ замѣны пестрополья или безнавознаго парового хозяйства навознымъ трехпольемъ, или гдѣ чрезмѣрное сокращеніе площади покосовъ и выгоновъ требуетъ введенія травосѣянія; оно останавливается по минованіи этого кризиса. Конечно, самый кризисъ есть результатъ перенаселенія и недостатка въ землѣ,—но перенаселенія *не абсолютнаго, а относительнаго*, и относительнаго же, а не абсолютнаго малоземелья. «Излишекъ или недостатокъ населенія данной мѣстности, справедливо замѣтилъ еще г. Романовъ[2]), можно правильно опредѣлять только въ отношеніи со всѣми существующими условіями народнаго хозяйства».

---

[1]) Стр. 105—106.
[2]) Назв. соч., стр. 162,

Такимъ образомъ, противополагать другъ другу въ отношеніи причинъ переселенія средне-русскій и восточный, заволжскій переселенческій районъ нѣтъ достаточнаго основанія. И въ томъ, и въ другомъ районѣ переселеніе—результатъ одной и той же основной причины: *относительнаго, при данной системѣ хозяйства и полеводстеа, перенаселенія и проистекающаго изъ него малоземелья, и кризиса существующей въ той или другой мѣстности системы хозяйства и полеводства;* будетъ ли относительное малоземелье выражаться въ цифрахъ 15, 10, 5 или 2 десятины на душу, будетъ ли переживающая кризисъ система залежною, пестропольною, паровою безъ удобренія или даже навознымъ трехпольемъ,—это уже частности, не измѣняющія *существеннаго* характера указываемой мною основной причины переселеній; данная густота населенія не позволяетъ продолжать вести, въ данной мѣстности, хозяйства на установившихся издавна основаніяхъ; населеніе должно либо перейти къ болѣе интенсивной культурѣ, соотвѣтствующей данной степени густоты населенія, либо искать бо̀льшаго простора и возможности продолжать вести хозяйство на прежнихъ основаніяхъ. Переселенцы выбираютъ послѣдній исходъ—и, говоря вообще, тотъ «культурный консерватизмъ», который ихъ къ этому побуждаетъ, представляется вполнѣ естественнымъ и законнымъ: для того, чтобы перейти къ болѣе высокой культурѣ, недостаточно одной *необходимости* въ такомъ переходѣ,—нужно еще *сознаніе* этой необходимости, нужна и *возможность* произвести необходимую реформу въ своемъ хозяйствѣ—другими словами, нужны соотвѣтствующія знанія и капиталъ. Не обладая ни тѣмъ, ни другимъ, крестьянинъ видитъ передъ собою, въ сущности, одинъ исходъ—переселеніе; а съ другой стороны—какъ частному, такъ и народному хозяйству свойственно стремленіе, прежде нежели перейти къ новымъ, болѣе совершеннымъ, но зато требующимъ большихъ затратъ труда и капитала, способамъ земледѣльческаго хозяйства, использовать при помощи старыхъ, менѣе интенсивныхъ способовъ культуры всю удобную площадь: въ одномъ случаѣ—площадь имѣнія, въ другомъ—страны[1]).

Установивъ, такимъ образомъ, основную причину переселеній—относительное малоземелье и кризисъ существующей системы земледѣльческаго хозяйства, намъ нетрудно будетъ объяснить себѣ тотъ, на первый взглядъ, парадоксальный фактъ, подтверждаемый, однако, всѣми источниками, что среди переселенцевъ преобладаютъ не наиболѣе обездоленные элементы крестьянства, не бывшіе помѣщичьи, а наоборотъ—сравнительно гораздо болѣе обезпеченные землею бывшіе государственные крестьяне. По даннымъ томскаго переселенческаго пункта за

[1]) *Исаевъ*, «Переселенія въ русскомъ народн. хозяйствѣ», стр. 131.

1884—1893 гг. въ числѣ прошедшихъ черезъ Томскъ переселенцевъ значится бывшихъ государственныхъ 10.078 семей, бывшихъ помѣщичьихъ—5.489, другихъ наименованій—2.524 семьи; въ изслѣдованныхъ мною поселкахъ Томской губерніи оказалось бывшихъ государственныхъ 2.121 семья, бывшихъ помѣщичьихъ—1.850, удѣльныхъ—170 семей. До извѣстной степени объясняется это явленіе значительнымъ участіемъ въ переселеніи сѣверо-восточныхъ губерній, гдѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ нѣтъ или очень мало. Но преобладаніе бывшихъ государственныхъ крестьянъ не исчезаетъ и въ томъ случаѣ, если разсматривать опубликованныя данныя о переселенцахъ изъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ мѣстностей Европейской Россіи. Такъ, по даннымъ земскихъ изслѣдованій выселилось:

	Изъ Рязанской губ.		Изъ Курской губ.	
	Число душъ.	% всего населенія дан. разр.	Число семей.	% всего населенія дан. разр.
Бывшихъ государств. четвертн.	4569	13%	7702	8,4%
» » душевыхъ	11143	7%	3661	4,8%
» помѣщичьихъ . . .	6726	4%	6819	5,5%

а г. Романовъ указываетъ на то, что среди бывшихъ государственныхъ крестьянъ Вятской губерніи, имѣющихъ вдвое бо̀льшіе земельные надѣлы, нежели живущіе въ однихъ съ ними условіяхъ бывшіе удѣльные, переселенія достигаютъ значительнаго развитія, тогда какъ, напротивъ, у бывшихъ удѣльныхъ выселенія были, въ общемъ, очень незначительны.

Преобладаніе среди переселенцевъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ можетъ быть, до извѣстной степени, сведено къ дѣйствію ряда побочныхъ обстоятельствъ, отмѣченныхъ, напр., г. Григорьевымъ и другими изслѣдователями: бо̀льшаго у бывшихъ государственныхъ крестьянъ прироста населенія, менѣе развитыхъ мѣстныхъ заработковъ и меньшей возможности арендованія внѣнадѣльной земли—слѣдствій отдаленности ихъ селеній отъ частныхъ имѣній, бо̀льшей ихъ состоятельности, открывающей имъ бо̀льшую возможность предпринимать переселеніе. Но всѣ эти обстоятельства едва ли могли бы замаскировать дѣйствіе *основной* причины переселеній, если бы эта причина дѣйствительно заключалась въ абсолютно-недостаточномъ размѣрѣ земельныхъ надѣловъ: среди переселенцевъ все-таки должны были бы преобладать не *болѣе*, а *менѣе* обезпеченные землею группы крестьянъ. Разсматриваемое явленіе сразу утрачиваетъ, однако, свой парадоксальный характеръ, если свести, какъ мы это сдѣлали, основную причину переселеній къ *относительному* перенаселенію и къ создаваемому имъ

сельско-хозяйственному кризису: тогда окажется, что бывшіе помѣщичьи крестьяне менѣе выселяются *именно оттого*, что они получили меньшіе земельные надѣлы, и что критическая эпоха, благодаря этому, для нихъ наступила раньше, нежели для бывшихъ государственныхъ крестьянъ; раньше начавшись, эта эпоха у нихъ уже въ бо̀льшей или меньшей степени закончилась, и переходъ къ сравнительно болѣе интенсивному хозяйству болѣе или менѣе завершился,—тогда какъ у бывшихъ государственныхъ крестьянъ кризисъ начался, благодаря болѣе щедрому надѣленію землею, значительно позже, а потому не пережитъ и по настоящее время; бывшіе государственные продолжаютъ, поэтому, страдать отъ относительнаго перенаселенія въ то время, какъ у ихъ сосѣдей—бывшихъ помѣщичьихъ—хозяйство успѣло уже приспособиться къ данной степени населенности, и, слѣдовательно, относительное перенаселеніе успѣло исчезнуть.

Исходя изъ той же основной причины переселеній—относительнаго перенаселенія и кризиса существующей системы хозяйства, намъ, далѣе, нетрудно будетъ объяснить себѣ и то двойное переселенческое движеніе, которое, какъ я уже упоминалъ, наблюдается въ довольно многихъ мѣстностяхъ Россіи: если переселенцы двигаются изъ губерній Уфимской, Самарской, Тобольской и т. п., гдѣ земли приходится по 8, 12, 15 и болѣе десятинъ на душу,—то это потому, что наступившее въ этихъ мѣстностяхъ относительное малоземелье вызвало кризисъ укоренившагося здѣсь издавна экстенсивнаго залежнаго хозяйства; но тѣ же 15, 12, 8 десятинъ на душу—огромный просторъ для бывшаго помѣщичьяго крестьянина среднихъ губерній, для котораго высшій надѣлъ—$2^3/_4$ десятины на ревизскую душу, и который уже давно приспособилъ свое хозяйство къ этому небольшому размѣру надѣла,—а потому этотъ крестьянинъ охотно водворяется въ такихъ мѣстностяхъ, откуда уже началось выселеніе ихъ коренного населенія.

Во избѣжаніе недоразумѣнія, я долженъ нѣсколько уклониться здѣсь въ сторону отъ нити моего изложенія и сказать нѣсколько словъ на тему, лишь косвенно относящуюся къ предмету настоящаго очерка. Дѣло въ томъ, что изъ сказаннаго только что легко можно было бы сдѣлать выводъ, что переселенцы изъ среднихъ, сравнительно малоземельныхъ губерній переносятъ на новыя мѣста усвоенные ими на родинѣ сравнительно интенсивные способы хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ: если крестьянинъ среднихъ губерній переселяется, чтобы имѣть возможность продолжать вести хозяйство издавна-усвоенными способами и пріемами, чтобы избѣжать тяжелой и непосильной для него ломки хозяйственнаго строя, то естественно было бы предполагать, что онъ и на новомъ мѣстѣ будетъ держаться

именно этихъ, привычныхъ ему способовъ и пріемовъ; и это—тѣмъ болѣе, что на новомъ мѣстѣ переселенецъ нерѣдко воочію видитъ если не наступившій уже кризисъ, то симптомы приближающагося кризиса мѣстныхъ, болѣе экстенсивныхъ хозяйственныхъ порядковъ. Подобное предположеніе, дѣйствительно, высказывали многіе изъ числа авторитетнѣйшихъ писателей и изслѣдователей переселенческаго дѣла,—назову только Ядринцева, профессора Исаева, В. Н. Григорьева; всѣ они высказывали увѣренность въ томъ, что переселенцы привьютъ «на новыхъ мѣстахъ» сравнительно высокую средне-русскую культуру, и видѣли поэтому въ переселеніи важный двигатель культурнаго прогресса тѣхъ многоземельныхъ странъ, куда направляется переселеніе. Сами переселенцы, направляясь въ Сибирь, всегда разсчитываютъ примѣнять на «новомъ мѣстѣ» свои, «россійскіе» порядки, свои, «россійскія орудія»; они строго осуждаютъ, по началу, экстенсивное хозяйство старожилаго населенія многоземельныхъ районовъ и постоянно впадаютъ въ невинное хвастовство, обѣщаясь «выучить» старожиловъ работать, «показать имъ, какъ надо вести хозяйство», и т. д. И однако, изложенное предположеніе не выдерживаетъ критики фактовъ: занося съ собою «на новое мѣсто» и сохраняя кой-какія хозяйственныя мелочи, входившія на родинѣ въ ихъ хозяйственный обиходъ, переселенцы въ томъ, что составляетъ сущность хозяйственнаго строя, *не учатъ* старожиловъ, а наоборотъ, *учатся* у нихъ; оставивъ родину, чтобы избѣжать, такъ сказать, *прогрессивной ломки* своего хозяйственнаго строя и своихъ хозяйственныхъ привычекъ, они безъ всякихъ затрудненій совершаютъ на новомъ мѣстѣ *регрессивную* ломку: какъ единодушно свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ для Сибири, мѣстныя изслѣдованія, переселенцы—безразлично, вышли ли они съ сѣверо-востока, изъ Малороссіи или изъ средне-русскихъ губерній,—почти безъ исключенія усваиваютъ выработавшіеся у старожилаго населенія сибирскихъ многоземельныхъ районовъ порядки захватнаго землевладѣнія и залежнаго хозяйства, забывая, до поры—до времени, и о трехпольѣ, и объ унавоживаніи пашенъ, и о передѣлахъ полей. «Власть земли», которая на родинѣ оказалась безсильною одолѣть установившіеся хозяйственные порядки и привычки, эта власть «на новомъ мѣстѣ» легко беретъ верхъ надъ этими порядками и привычками. И это понятно: на родинѣ, чтобы побудить населеніе перейти къ высшей культурѣ,—этой власти нужно было бы опираться на союзниковъ въ лицѣ знанія и капитала; чтобы сдѣлать шагъ *назадъ*, вернуться къ экстенсивному, залежному хозяйству, нѣтъ нужды ни въ томъ, ни въ другомъ, а потому *этотъ* шагъ совершается безъ всякаго затрудненія.

Повторяю еще разъ: основною причиной переселенія какъ

изъ среднихъ губерній, такъ и сѣверо-восточныхъ окраинъ является, вообще говоря, относительное малоземелье и обусловливаемый имъ кризисъ данной системы земледѣльческаго хозяйства. *Рядомъ* съ этою основною причиной, несомнѣнно, играетъ роль, по отношенію къ болѣе или менѣе значительнымъ группамъ переселенцевъ, и абсолютное безземелье или *абсолютная* нужда въ землѣ, причемъ подъ этимъ послѣднимъ выраженіемъ слѣдуетъ разумѣть обезпеченность землею въ значительно меньшемъ противъ нормально-необходимаго въ данной мѣстности, при существующей системѣ хозяйства, размѣрѣ; и опять-таки—случаи подобнаго абсолютнаго малоземелья встрѣчаются не только среди выходцевъ изъ среднихъ губерній, но, хотя и рѣже, также и среди переселенцевъ изъ богатаго землею восточнаго района. Обыкновенно дѣйствіе этихъ общихъ причинъ—абсолютнаго и относительнаго малоземелья—обостряется и осложняется затѣмъ еще тѣми или другими частными обстоятельствами: иногда—одностороннимъ составомъ угодій, именно отсутствіемъ или недостаткомъ естественныхъ покосовъ, выгоновъ, лѣса, или безплодностью и вообще плохимъ качествомъ почвы, размываніемъ удобной площади надѣла оврагами, занесеніемъ ея песками, недостаточностью водоснабженія; иногда—особенно у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—неудобною конфигураціею, рястянутостью или чрезполосностью надѣловъ и проистекающими отсюда столкновеніями изъ-за потравъ, затруднительностью унавоживанія дальнихъ пашенъ, трудностью правильной механической обработки почвы; иногда—отсутствіемъ по близости земель, способныхъ служить для крестьянъ арендным фондомъ, и вытекающею отсюда дороговизною и вообще стѣснительностью условій арендованія. А на фонѣ, образуемомъ этими причинами, дѣйствуетъ цѣлый рядъ второстепенныхъ нерѣдко болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ, иногда дающихъ лишь послѣдній поводъ, толчокъ уже давно назрѣвавшему выселенію. Въ числѣ такихъ обстоятельствъ на первомъ мѣстѣ стоятъ неурожаи; «въ бѣдственные годы неурожаевъ,—писалъ еще 15 лѣтъ тому назадъ г. Григорьевъ[1]),—всѣ хроническія неудобства особенно обостряются, сильнѣе ощущаются всѣми, а тѣмъ болѣе—чисто земледѣльческими мѣстностями. Въ такіе годы вѣсти, доходящія изъ хлѣбородной и просторной стороны, особенно привлекательны: всякій, кого подкосило или въ конецъ разорило нахлынувшее несчастье, кто въ силахъ еще устроиться на новомъ мѣстѣ или кому нечего терять, стремится туда. Зажиточный мужикъ, проѣвши въ голодный годъ кой-какія запасенныя средства, продаетъ остальное, надѣясь въ хлѣбородной сторонѣ

[1]) «Переселенія крестьянъ Рязанской губерніи», ст. 75.

прочнѣе обставить себя и дѣтей на случай такого несчастья; хозяйство средняго крестьянина сильно расшатано неурожаемъ,—онъ также спѣшитъ въ мѣста, гдѣ дешевъ хлѣбъ, гдѣ трудъ, прилагаясь къ плодородной почвѣ, болѣе производителенъ; замотавшійся бѣднякъ и безысходная нужда идутъ туда же—«хуже не будетъ»,—въ концѣ концовъ каждый неурожай сопровождается рѣзкимъ увеличеніемъ числа переселенцевъ. Затѣмъ, такую же роль играютъ разныя случайныя бѣдствія въ родѣ пожара, наводненія, продажи имущества за недоимки; разныя обстоятельства, ведущія къ сокращенію аренднаго фонда,—напр., появленіе въ какой-либо мѣстности сахарныхъ заводовъ, переходъ помѣщиковъ отъ арендаторскаго хозяйства къ собственной запашкѣ,—или сокращающія подспорные заработки крестьянъ; сильно разросшіяся послѣ ревизіи семьи, нерѣдко, уходятъ съ родины изъ-за невозможности добиться передѣла и, такимъ образомъ, привести надѣльное землевладѣніе въ соотвѣтствіе съ возросшимъ потребительнымъ или рабочимъ составомъ семьи,—въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, толчекъ выселенію даетъ отобраніе, при состоявшемся передѣлѣ, части земли, ранѣе состоявшейся во владѣніи даннаго домохозяина. Есть среди переселенцевъ и такіе, которые вовсе не испытывали никакого недостатка въ землѣ, а оставляютъ родину въ предвидѣніи еще только могущаго наступить «утѣсненія», или чаще для того, чтобы на просторѣ амурскаго края или киргизскихъ степей полнѣе развернуть рабочія силы семьи и найти болѣе выгодное приложеніе для капитала. Иногда переселеніе принимаетъ въ извѣстной мѣстности стихійный, почти эпидемическій характеръ, и тогда, вмѣстѣ съ дѣйствительно нуждающимися въ переселеніи, «за людьми» тянутся «на новыя мѣста» сотни и тысячи такихъ семей, для которыхъ переселеніе въ сущности не вызывается никакою разумною необходимостью; сильнѣйшимъ стимуломъ къ переселенію являются въ подобныхъ случаяхъ слухи о выдаваемыхъ переселенцамъ денежныхъ «способіяхъ» и иныхъ видахъ правительственной помощи,—слухи, передающіе дѣйствительность, обыкновенно, въ крайне преувеличенномъ, нерѣдко даже въ совершенно извращенномъ видѣ. Такъ, преувеличенными слухами о помощи, щенно оказываемой переселенцамъ на средства Комитета Сибирской желѣзной дороги, и о предоставляемыхъ имъ льготахъ въ значительной мѣрѣ объясняются тѣ сравнительно огромные размѣры (210 тысячъ вмѣсто прежнихъ 60—80 тысячъ въ годъ), которыхъ достигло въ 1896 г. сибирское переселеніе. Здѣсь, впрочемъ, вызвавшіе усиленное переселеніе слухи лишь преувеличивали *дѣйствительные* факты; въ другихъ случаяхъ поводомъ къ выселенію являлись факты, измышленные или извращенные до неузнаваемости. Такъ, переселеніе въ Донскую

область, достигшее въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ довольно значительныхъ размѣровъ, было вызвано отобраніемъ земель у донскихъ (Сальскаго округа) калмыковъ въ казачій войсковой запасъ,—мѣрою, которая была понята крестьянами какъ «накликъ» на переселеніе въ эту мѣстность; въ числѣ сибирскихъ переселенцевъ 80-хъ годовъ многіе, какъ мнѣ приходилось слышать и при личномъ опросѣ, ссылались на выставленную въ волостныхъ правленіяхъ «бумагу», на какой-то «царскій указъ», приглашавшій къ переселенію въ Сибирь; по повѣркѣ эта «бумага» оказалась циркуляромъ, имѣвшимъ цѣлью, напротивъ, удержать крестьянъ отъ переселенія и разъяснить имъ тѣ ограничительныя условія, которыми обставлено послѣднее по закону.

Наконецъ, нельзя не остановиться еще на одномъ обстоятельствѣ, въ которомъ многіе склонны видѣть чуть ли не основную причину переселеній,—на свойственныхъ, якобы, русскому крестьянину бродячихъ инстинктахъ и на отсутствіи у него крѣпкой связи съ землей и деревней. Въ такой общей формулировкѣ, встрѣчающейся преимущественно, какъ кажется, въ органахъ реакціонной печати, взглядъ этотъ не имѣетъ за себя никакихъ фактическихъ доказательствъ, и еще покойный Янсонъ справедливо высказалъ, что искать «коренной причины переселеній въ какомъ-то бродяжничествѣ, какъ принадлежности народнаго характера», значитъ проявлять полное «непризнаніе естественныхъ законовъ общественнаго развитія[1]). Но если остановиться на одномъ только «вторичномъ» переселеніи, т. е. на переходѣ на новое мѣстожительство крестьянъ, уже разъ переселившихся со своей родины на «новое мѣсто», а тѣмъ болѣе на переселеніи въ третій, въ четвертый разъ и т. д., то оно въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что крестьянинъ, разъ порвавъ связь съ родиной, не привязывается достаточно крѣпко къ «новоселью» и потому, при случаѣ, безъ особенныхъ колебаній рѣшается на вторичное переселеніе. Съ другой стороны, въ переселенцѣ, разъ оставившемъ родину, нерѣдко развивается крайняя притязательность, можно сказать даже—прихотливость; угодить переселенцу въ смыслѣ качества отводимаго ему участка весьма трудно,—водворившись на хорошемъ мѣстѣ, онъ не перестаетъ мечтать о «мѣстахъ получше»; въ поискахъ за этимъ лучшимъ переселенецъ нерѣдко оставляетъ хорошее и очень часто только теряетъ.

---

[1]) *Янсонъ*, «Опытъ статистич. изслѣдованія о крест. надѣл. и платежахъ» (изд. 2-е), приложеніе, стр. 51.

Земельная тѣснота и „законъ уменьшающейся производительности земли“ [1]).

I.

Что̀ такое малоземелье, и вездѣ ли, гдѣ крестьянамъ «тѣсно», гдѣ даже эта тѣснота выражается самыми реальными и печальными симптомами, можно говорить о дѣйствительномъ «малоземельѣ»? Что̀ можетъ дать трудящемуся населенію, при тѣхъ или другихъ условіяхъ, расширеніе крестьянскаго землевладѣнія, въ формѣ дополнительнаго надѣленія или выселенія части населенія на свободныя земли нашихъ окраинъ? Всегда ли и вездѣ можно говорить о необходимости такого расширенія, всегда ли и вездѣ оно можетъ дать ожидаемые отъ него полезные результаты?..

На всѣ эти сложные и—скажу прямо—тяжелые вопросы натолкнуло меня изученіе нашего переселенческаго движенія, и я пытался разобраться въ нихъ въ книгѣ «Переселеніе и колонизація», въ которой я подвелъ итоги своей почти 15-лѣтней работѣ по переселенческому дѣлу. Для меня стало совершенно ясно, что, говоря о «малоземельѣ», и крестьяне и интеллигенція сваливаютъ въ одну кучу двѣ существенно-различныхъ категоріи явленій, конечно, не поддающіяся (какъ болѣе или менѣе все въ соціальной жизни!) точному и рѣзкому разграниченію: *абсолютное* и *относительное* малоземелье. «Подъ *абсолютнымъ* малоземельемъ—такъ дефинировалъ я эти понятія — мы будемъ разумѣть обезпеченность землею, *значительно меньшую противъ существующаго въ данной мѣстности средняго размѣра* землевладѣнія,—такое положеніе крестьянскаго землевладѣнія, при которомъ ничтожные его размѣры исключаютъ самую возможность перехода къ высшимъ пріемамъ хозяйства, при которомъ надѣлы могли бы стать достаточными лишь при столь высокихъ и интенсивныхъ культурахъ, которыя совершенно не отвѣчаютъ современнымъ или возможнымъ въ ближайшемъ будущемъ экономическимъ и культурнымъ условіямъ страны. Абсолютно-малоземельныя общества, слѣдовательно, это тѣ,

---

[1]) «Моск. Еженедѣльникъ» 1906 г., № № 21—23.

которыхъ экономическое положеніе не можетъ быть улучшено никакими другими способами, кромѣ увеличенія размѣровъ ихъ землевладѣнія. Подъ *относительнымъ* малоземельемъ мы разумѣемъ, такъ сказать, *субъективную форму, въ которой ощущается населеніемъ кризисъ выработавшагося при извѣстной густотѣ населенія и при извѣстныхъ среднихъ размѣрахъ землевладѣнія хозяйственнаго строя*», въ частности, кризисъ господствующихъ способовъ сельскохозяйственной эксплуатаціи земли—«кризисъ, который самъ собою минуетъ, когда устарѣлые способы и пріемы хозяйства уступятъ мѣсто другимъ, требуемымъ данными условіями населенности и землевладѣнія, который устранится съ переходомъ, такъ сказать, на слѣдующую по порядку ступень культурнаго и хозяйственнаго развитія». Какъ различно самое существо явленія, такъ различны и способы борьбы съ относительнымъ и съ абсолютнымъ малоземельемъ,—въ частности, такъ различно возможное значеніе мѣръ, направленныхъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія. «*Для устраненія абсолютнаго малоземелья есть только одинъ количественный путь:* либо увеличить площадь земельнаго надѣла, либо удалить съ него избыточную часть населенія и такимъ образомъ довести до приблизительно достаточнаго уровня надѣльное обезпеченіе той части крестьянъ, которая останется на старомъ мѣстѣ и не порветъ своей связи съ землей»; въ частности переселеніе, «какъ выходъ изъ такихъ условій землевладѣнія, приходится признать вполнѣ нормальнымъ, какъ *нормальны вообще самыя широкія мѣры къ расширенію надѣльнаго землевладѣнія*». Совершенно иначе обстоитъ дѣло при малоземельѣ *относительномъ*. Ни переселеніе, ни вообще какія бы то ни было реально-мыслимыя мѣры, направленныя къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, не въ состояніи возстановить того былого простора, при которомъ устарѣлые методы хозяйствованія сдѣлались бы снова раціональными. Всѣ такого рода мѣры, въ лучшемъ случаѣ, позволятъ лишь «еще въ теченіе нѣкотораго времени держаться за существующій типъ хозяйства, негодность котораго—напоминаю, при *относительномъ* малоземельѣ!—является коренною причиною переселеній». Не устраняя этой коренной причины, «переселеніе не можетъ сколько-нибудь замѣтно поднять и благосостояніе крестьянъ. Въ лучшемъ случаѣ оно можетъ на короткое время задержать дальнѣйшій упадокъ крестьянскаго благосостоянія и поддержать послѣднее на нѣкоторомъ стаціонарномъ уровнѣ. Но что̀ такое, въ концѣ-концовъ, то крестьянское благосостояніе, которое можетъ быть временно поддержано при помощи переселеній? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ поразительно низкая урожайность пахотныхъ земель, хроническое недоѣданіе и періодическія голодовки, вообще вся слишкомъ хорошо из-

вѣстная совокупность признаковъ, въ которыхъ находитъ себѣ выраженіе экономическое разстройство русскаго крестьянства». *О переселеніи, вообще о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, какъ о радикальномъ способѣ устраненія нашего аграрнаго кризиса, не приходится*, такимъ образомъ, *и говорить*. Но правильно ли видѣть въ переселеніи хотя бы только разумный палліативъ, надѣяться на то, что переселеніе, смягчая остроту нашего земельнаго вопроса, создастъ болѣе благопріятныя условія для примѣненія другихъ, болѣе радикальныхъ мѣръ,— для реорганизаціи крестьянскаго хозяйства на началахъ, болѣе соотвѣтствующихъ условіямъ современности? Увы, и на этотъ вопросъ я долженъ былъ дать отрицательный отвѣтъ, конечно (я это усиленно подчеркиваю!), опять-таки только для случаевъ относительнаго малоземелья. «Расширеніе землевладѣнія,—писалъ я,—путемъ, между прочимъ, переселенія и воздѣйствія на крестьянскую культуру разсматриваются какъ два ряда *параллельныхъ* мѣръ, направленныхъ къ достиженію единой цѣли. Въ дѣйствительности *расширеніе размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія и улучшеніе крестьянской культуры*, если только имѣть въ виду случаи относительнаго малоземелья, не только не могутъ быть разсматриваемы какъ явленія параллельно дѣйствующія, а тѣмъ болѣе какъ другъ друга обусловливающія,— это скорѣе *явленія полярныя другъ другу*. Азбучная истина, что... коренное измѣненіе системы хозяйства наступаетъ исключительно при увеличеніи населенія и при связанномъ съ нимъ стѣсненіи въ земляхъ... *Для улучшенія хозяйства* недостаточно знанія и матеріальныхъ средствъ—*необходимо еще и давленіе фактора нужды*, фактора малоземелья, безъ котораго ни знанія, ни матеріальныя средства не будутъ направлены въ сторону качественнаго улучшенія крестьянскаго хозяйства. Пока крестьянинъ будетъ имѣть какую-либо возможность—а возможность эту и даетъ переселеніе—продолжать вести хозяйство издавна принятыми первобытными или вообще экстенсивными путями, до тѣхъ поръ онъ не пожелаетъ пріобрѣтать тѣхъ знаній, которыя помогли бы ему улучшить свое хозяйство; мало того, онъ будетъ относиться къ улучшеніямъ съ недовѣріемъ и сомнѣніемъ, а средства, какія попадутся ему въ руки, онъ направитъ *не на улучшеніе*, а исключительно *на расширеніе* своего хозяйства. Только когда ему будетъ «некуда податься», «некуда пошириться», только тогда онъ направитъ всю свою энергію въ другую сторону—въ сторону коренного улучшенія своего хозяйства! И, въ концѣ-концовъ,—таковъ былъ конечный выводъ изъ изложенныхъ соображеній, какъ я формулировалъ его въ написанной нѣсколько позже статьѣ—«*увеличеніе надѣловъ въ случаяхъ относительнаго малоземелья не только не будетъ необходимою предпосылкою агрикультурнаго прогресса, но, напро-*

тивъ, оно только задержитъ и оттянетъ узкое болѣе или менѣе назрѣвшее улучшеніе крестьянскаго хозяйства».

Очерченная въ изложенныхъ выдержкахъ постановка вопроса о малоземельѣ и о возможномъ значеніи мѣръ, направленныхъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, вызвала обширную критическую статью А. А. Чупрова, напечатанную въ 1-й книгѣ журнала «Современность». Г. Чупровъ принимаетъ безъ возраженій проводимое мною различіе между абсолютнымъ и относительнымъ малоземельемъ, какъ причинами переселенческаго движенія; онъ присоединяется и къ моей оцѣнкѣ значенія переселеній при условіяхъ относительнаго малоземелья, поскольку я признаю переселеніе безсильнымъ повести за собою коренное улучшеніе условій крестьянскаго хозяйства. «Если бы г. Кауфманъ,—говоритъ А. А. Чупровъ,—остановился на этомъ выводѣ, то мы не могли бы не присоединиться къ нему, разъ мы принимаемъ основной тезисъ его теоріи—противопоставленіе малоземелья абсолютнаго и малоземелья относительнаго». Но мой критикъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ всего того, что является у меня выводомъ изъ выдвигаемаго мною положенія о «полярности» расширенія крестьянскаго землевладѣнія и улучшенія крестьянской культуры, о «давленіи фактора малоземелья», какъ необходимомъ условіи коренного улучшенія крестьянскаго хозяйства. «Унылая теорія сельскохозяйственнаго прогресса!—восклицаетъ онъ.—Хорошо, что самъ авторъ (т. е. я. *А. К.*), хотя и выдвигаетъ ее противъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія при относительномъ малоземельѣ «путемъ, между прочимъ, переселеній», но на вытекающихъ изъ нея слѣдствіяхъ не настаиваетъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, эта точка зрѣнія, если проводить ее послѣдовательно, приводитъ къ необходимости отбросить изъ системы мѣръ борьбы съ аграрнымъ кризисомъ не одни лишь переселенія. Если даже не доводить ея ad absurdum, не требовать, напр., обостренія малоземелья, въ видахъ поощренія интенсификаціи, то все же неминуемо приходится принципіально осудить всѣ стремленія, направленныя на передачу частновладѣльческой земли въ крестьянскія руки».

Прежде всего, ни въ какомъ случаѣ, *не всѣ* стремленія: вѣдь, тѣ мои положенія и тѣ выводы изъ нихъ, противъ которыхъ возстаетъ мой уважаемый критикъ, касаются *исключительно* случаевъ *относительнаго* малоземелья; при малоземельѣ абсолютномъ я не только не имѣю возраженій ни противъ переселенія, ни вообще противъ увеличенія размѣровъ землевладѣнія крестьянъ, но, напротивъ, считаю такое расширеніе безусловно необходимою предпосылкою всѣхъ другихъ мѣръ, направленныхъ къ подъему ихъ благосостоянія.

Въ случаяхъ относительнаго малоземелья я, дѣйствительно «принципіально осуждаю» всѣ стремленія къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія; я, дѣйствительно, не ожидаю отъ ихъ осуществленія особенно полезныхъ результатовъ. И если, тѣмъ не менѣе, я и для этихъ случаевъ высказывался за широкое дополнительное надѣленіе и принималъ активное участіе въ разработкѣ ряда проектовъ такого надѣленія, основанныхъ на принципѣ принудительнаго отчужденія; если я, въ частности, въ свое время тѣсно связалъ свою судьбу съ судьбой извѣстнаго Кутлеровскаго проекта, то только потому, что мы слишкомъ долго медлили съ болѣе коренными мѣрами для улучшенія крестьянскаго хозяйства и для повышенія благосостоянія крестьянъ и этимъ сдѣлали увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ, какъ временный палліативъ, безусловно неизбѣжнымъ.

«Несомнѣнно,—говоритъ А. А. Чупровъ,—эта точка зрѣнія, если проводить ее послѣдовательно, приводитъ къ необходимости. .» Мой критикъ, такимъ образомъ, какъ бы договариваетъ за меня то, чего я самъ не рѣшился досказать. И дѣйствительно, въ моей книгѣ о переселеніи я не довелъ своей мысли до конца, не поставилъ точки надъ і; это, во-первыхъ, потому, что я писалъ вѣдь книгу *о переселеніяхъ*, а не вообще объ аграрномъ вопросѣ, но, во-вторыхъ, еще и потому, что мнѣ не хотѣлось,—мнѣ было страшно додумать до конца всѣ выводы изъ казавшихся (и кажущихся) мнѣ неоспоримо вѣрными положеній: я бы дорого далъ за то, чтобы быть въ состояніи и сейчасъ оставаться такимъ же убѣжденнымъ и послѣдовательнымъ сторонникомъ расширенія, во что бы то ни стало, крестьянскаго землевладѣнія, какимъ я былъ еще немного лѣтъ тому назадъ, пока работа надъ моей книгой не заставила меня подвести итоги моихъ многолѣтнихъ наблюденій и размышленій. Но уже въ той статьѣ, появившейся на полгода позже, которую цитируетъ А. А. Чупровъ, я, какъ видѣлъ читатель, не останавливаюсь передъ послѣдовательнымъ проведеніемъ своей точки зрѣнія и говорю вообще объ «увеличеніи надѣловъ», которое, по моему убѣжденію, въ случаяхъ относительнаго малоземелья «только задержитъ и оттянетъ уже болѣе или менѣе назрѣвшее улучшеніе крестьянскаго хозяйства». Мало того: я не останавливаюсь даже передъ тѣмъ, что А. А. Чупрову кажется доведеніемъ моей точки зрѣнія ad absurdum: еще въ 1903 году, въ спеціальной работѣ, посвященной вопросу о колонизаціи свободныхъ государственныхъ земель заволжскихъ губерній, я высказывалъ и обосновывалъ убѣжденіе, что заселеніе этихъ земель переселенцами изъ малоземельнаго центра будетъ не только не вредно, но напротивъ—полезно для мѣстныхъ заволжскихъ крестьянъ, такъ какъ связанное съ этимъ «обостреніе малоземелья» (опять напоминаю, читатель, относительнаго!) заставитъ ихъ, наконецъ,

разстаться съ уже давно отжившими свой вѣкъ хозяйственными порядками, возможность существованія которыхъ пока искусственно поддерживается дешевою арендою казенныхъ земель. Это убѣжденіе, помимо личныхъ наблюденій, основывалось на свидѣтельствахъ ряда мѣстныхъ дѣятелей; и еще недавно мнѣ пришлось цитировать на столбцахъ «Московскаго Еженедѣльника» отзывы двухъ такихъ дѣятелей—гг. Колесникова и Диго, писавшихъ—одинъ изъ самарскаго заволжья, другой изъ вологодскаго полѣсья, и въ почти тождественныхъ выраженіяхъ проводившихъ ту же самую, по мнѣнію А. А. Чупрова абсурдную, мысль: *о сокращеніи земельнаго простора, какъ необходимомъ условіи перехода населенія къ улучшенному хозяйству*, а, слѣдовательно, и для повышенія его благосостоянія.

Суть дѣла, однако, не въ этомъ, а въ томъ, что А. А. Чупровъ подвергаетъ подробной теоретической критикѣ кажущееся мнѣ «азбучною истиной» основное положеніе, что «коренное измѣненіе системы хозяйства наступаетъ исключительно при увеличеніи населенія и при связанномъ съ нимъ стѣсненіи въ земляхъ». «Если обратиться,—говоритъ г. Чупровъ,—къ тѣмъ «азбукамъ», изъ которыхъ г. Кауфманъ могъ почерпнуть эту «азбучную» истину, то придется направить свои поиски довольно далеко вглубь временъ. Представленіе, что коренныя перемѣны въ системѣ хозяйства могутъ наступить лишь при приростѣ населенія и при связанномъ съ нимъ стѣсненіи въ земляхъ, создалось и укрѣпилось въ экономической наукѣ подъ вліяніемъ того пониманія такъ называемаго закона убывающаго плодородія почвы, которое лежитъ въ основѣ экономическаго ученія Рикардо и Тюненовскаго ученія о связи системъ хозяйства съ рыночными цѣнами на продукты земледѣлія. Рикардо допускалъ, что въ условіяхъ сельско-хозяйственнаго производства всякая дальнѣйшая затрата труда и капитала приноситъ неизмѣнно все меньшее и меньшее повышеніе производительности хозяйства и, слѣдовательно, чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже себя окупаетъ. Отсюда логическій выводъ: *лишь съ поднятіемъ цѣнъ можно увеличить издержки, не рискуя терпѣть убытокъ...* (Курсивъ мой. *А. К.*). Но цѣны на хлѣбъ зависятъ отъ количества сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, которое требуется рынкомъ, и не могутъ измѣняться иначе, какъ въ связи съ перемѣнами въ численности населенія и въ спросѣ; онѣ могутъ повышаться лишь въ томъ случаѣ, если населеніе предъявляетъ повышенный спросъ, заставляя привлекать къ обработкѣ худшіе участки земли или затрачивать на лучшихъ больше труда и капитала въ менѣе выгодныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, дѣйствительно, лишь, ростъ населенія оказываетъ способнымъ, въ этой схемѣ, вести къ увеличенію интенсивности и производительности сельско-хозяйственнаго промысла». Въ эту, построенную Рикардо,

общую схему Тюненъ ввелъ «фактъ связи выручки съ разстояніемъ предпріятія отъ мѣста сбыта», и, такимъ образомъ, «положилъ основу раціональному объясненію правильностей въ географическомъ распредѣленіи разныхъ системъ хозяйства», благодаря чему отвлеченныя формулы Рикардо получили яркую жизненную окраску. Въ такомъ видѣ онѣ были восприняты Рошеромъ, авторомъ одной изъ популярнѣйшихъ политико-экономическихъ «азбукъ», который «положилъ представленіе о *связи системъ земледѣлія съ размѣрами спроса на земледѣльческіе продукты и съ уровнемъ цѣнъ* (курсивъ мой, *А. К.*) въ основу всей теоріи экономіи сельскаго хозяйства». Къ этой теоріи «примыкаетъ большинство русскихъ экономистовъ; предносится она, несомнѣнно, и г. Кауфману», что̀, по мнѣнію моего критика, доказывается введеннымъ въ мое построеніе понятіемъ «лѣствицы системъ полеводства».

Усмотрѣвъ, такимъ образомъ, основу и первоисточникъ моей «унылой теоріи сельско-хозяйственнаго прогресса» въ условіяхъ сбыта с.-х. продуктовъ и въ «законѣ убывающаго плодородія почвы», г. Чупровъ направляетъ затѣмъ всю силу своей критики противъ этого закона, подвергая его разбору съ точки зрѣнія троякаго его содержанія: техническаго, экономическаго и соціологическаго. Я позволю себѣ не излагать здѣсь сущности возраженій А. А. Чупрова, поскольку они направлены противъ Рикардіанскаго закона,—читатель сейчасъ увидитъ почему. Конечный выводъ г. Чупрова сводится къ тому, что «для того, чтобы замѣнить старый невыгодный пріемъ новымъ, хотя бы даже требующимъ большихъ издержекъ, но зато и приносящимъ болѣе, чѣмъ пропорціональное повышеніе урожая, требуется не подъемъ цѣнъ на сельско-хозяйственные продукты, а лишь пониманіе дѣла... Для того, чтобы движеніе шло быстро, необходима не тѣснота, не нужда, не голодъ, а организація систематическаго распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній. Если мы сумѣемъ разбудить въ населеніи сознаніе цѣлесообразности и выгодности новыхъ пріемовъ, то ихъ примѣнитъ и тотъ, кто страдаетъ отъ малоземелья, и еще легче тотъ, у кого много земли»...

Какъ я не излагалъ существа возраженій, предъявляемыхъ А. А. Чупровымъ къ закону уменьшающейся производительности земли, такъ тѣмъ болѣе я не буду входить и въ критику этихъ возраженій. Въ общемъ я вполнѣ присоединяюсь къ нимъ; въ частности, мнѣ давно и хорошо извѣстно, что въ силу условій новѣйшаго развитія транспорта и современнаго товарообмѣна, а съ другой стороны благодаря широкому примѣненію науки къ усовершенствованію сельскаго хозяйства, исключенія

изъ дѣйствія закона Рикардо стали общимъ правиломъ, а осуществленіе этого закона въ дѣйствительной жизни—болѣе или менѣе рѣдкимъ исключеніемъ. Вся бѣда въ томъ, что я вынужденъ предъявить отводъ противъ этихъ возраженій, какъ совершенно не относящихся къ моей «концепціи агрикультурнаго прогресса».

Дѣло въ томъ, что я не только никогда ни прямо, ни косвенно, не связывалъ вопроса объ улучшеніи крестьянскаго хозяйства съ вопросомъ о цѣнахъ и о рыночныхъ конъюнктурахъ, но, напротивъ,—я всегда испытывалъ величайшее недоумѣніе, когда мнѣ приходилось слышать или читать о какихъ-то условіяхъ рынка, якобы дѣлающихъ «невыгоднымъ» для крестьянъ переходъ къ улучшеннымъ способамъ эксплуатаціи земли и заставляющихъ населеніе оставаться при старомъ, отжившемъ свой вѣкъ хозяйствѣ. Я никогда не могъ понять, какъ могутъ сторонники этого взгляда забыть, что у крестьянъ «измѣненіе способа производства вынуждалось необходимостью снабженія семьи хозяина продуктами земледѣлія въ натуральномъ видѣ», въ рѣзкое отличіе отъ крупныхъ владѣльцевъ, которые только одни могутъ руководствоваться исключительно «соображеніями о бо̀льшей выгодности новаго способа хозяйничанья ставнительно со старымъ»[1]); что «крестьянское хозяйство не работаетъ исключительно для рынка, а до сихъ поръ имѣетъ полупотребительскій характеръ» (Бажаевъ). Я еще менѣе могъ понять, какъ можно разсуждать о «невыгодности» для крестьянина тѣхъ или другихъ улучшенныхъ способовъ обработки земли, значитъ какъ бы противополагать ихъ принимаемымъ за «выгодные», за «соотвѣтствующіе рыночной конъюнктурѣ» способамъ, примѣняемымъ крестьянами сейчасъ,—тѣмъ способамъ, которые даютъ крестьянамъ 40, 30 и 25-пудовые средніе урожаи, періодическіе полные неурожаи и періодическія же голодовки. Нигдѣ, ни въ моей книгѣ, ни въ какой бы то ни было изъ моихъ статей, читатель не найдетъ ни намека, ни тѣни намека ни на законъ Рикардо, ни на схему Тюнена, ни на повышеніе цѣнъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, какъ на то посредствующее звено, черезъ которое передается вліяніе на культуру возрастающей густоты населенія. И я рѣшаюсь положительно утверждать: доискиваясь корня, принципіальной основы моихъ заблужденій, мой уважаемый критикъ напалъ на совершенно невѣрный слѣдъ. Мало того, я думаю, что даже и взгляды Рошера, автора одной изъ тѣхъ «азбукъ», изъ которыхъ я, по мнѣнію А. А. Чупрова, почерпнулъ или могъ почерпнуть свою «азбучную истину», г. Чупровъ представляетъ себѣ если не невѣрно, то во всякомъ случаѣ,

---

[1]) А. И. Скворцовъ, «Основы экономики земледѣлія», ч. II, вып. 1 стр. 17.

односторонне: «разсматриваемое какъ цѣлое,—говоритъ Рошеръ въ заключеніе той главы своего общеизвѣстнаго курса экономики сельскаго хозяйства, которая посвящена «экстенсивному и интенсивному земледѣлію»,—народное хозяйство лишь тогда перейдетъ къ тѣмъ болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія, которыя требуютъ болѣе значительныхъ издержекъ, *когда оно будетъ вынуждено это сдѣлать* (курс. мой, *А. К.*); другими словами, *если иначе нельзя будетъ удовлетворить потребностей* (тоже, *А. К.*) сильно сгустившагося населенія, пріобрѣтшаго привычку къ роскоши, подъ вліяніемъ просвѣщенія и зажиточности»[1]). И здѣсь, значитъ, нѣтъ рѣчи ни о повышеніи цѣнъ, ни о законѣ уменьшающейся производительности земли,—рѣчь идетъ только *о необходимости удовлетворить возросшимъ потребностямъ* возросшаго населенія.

Г. Чупровъ—прежде всего ученый теоретикъ. Встрѣтивъ у меня ссылку на «азбучную», по моему мнѣнію, истину, мой уважаемый критикъ сейчасъ же направился на поиски за тою «азбукой»—за тѣми основными научными монографіями или общеизвѣстными учебниками, изъ которыхъ я могъ вычитать эту истину. Между тѣмъ я—прежде всего и больше всего наблюдатель, изслѣдователь дѣйствительной русской жизни; мои взгляды, какъ они у меня сложились, и тѣ «азбучныя» истины, на которыхъ покоятся эти взгляды, я черпалъ не изъ теоретическихъ построеній, а изъ жизни, какъ она рисуется мнѣ частью по личнымъ наблюденіямъ, частью по свидѣтельствамъ другихъ наблюдателей дѣйствительной русской жизни. Самую формулировку той, для меня «азбучной» истины, что «увеличеніе населенія и связанное съ нимъ стѣсненіе въ земляхъ всегда вынуждаетъ переходъ къ новой системѣ хозяйства», я заимствовалъ не у Рошера, Тюнена или Рикардо, а у такого же изслѣдователя русской жизни, какъ я, Чаславскаго, и только добавилъ отъ себя, что «коренное измѣненіе системы хозяйства наступаетъ *исключительно* при увеличеніи населенія и при связанномъ съ нимъ стѣсненіи въ земляхъ»[2]). И правильность этого положенія я доказывалъ не теоретическими построеніями, а ссылками на дѣйствительные факты, ссылками на то, что «въ одной и той же мѣстности, при несомнѣнно равныхъ условіяхъ умственнаго и культурнаго развитія и при отсутствіи разницы въ матеріальной обезпеченности, сплошь и рядомъ наблюдаются существенныя различія въ способахъ и пріемахъ крестьянскаго хозяйства, въ зависимости исключительно отъ размѣровъ земельнаго обезпеченія». Такъ, еще тотъ же Чаславскій въ 70-хъ годахъ прошлаго

---

[1]) «Roscher, N-oeck-des Ackerbaus», изд. 12 стр. 108.

[2]) Я не дѣлаю ссылокъ—читатель найдетъ ихъ, если пожелаетъ, въ моей книгѣ.

столѣтія отмѣчалъ, что «въ центральной полосѣ Самарской губерніи, на ю.-в. Екатеринославской у государственныхъ крестьянъ можно найти перелоги, между тѣмъ, какъ у помѣщичьихъ крестьянъ уже трехпольное хозяйство; у колонистовъ-болгаръ на берегу Азовскаго моря, близъ Бердянска, при большомъ надѣлѣ, хозяйство переложное, между тѣмъ какъ рядомъ, у помѣщичьихъ крестьянъ, трехпольное». По свидѣтельству одного изъ авторитетнѣйшихъ земскихъ статистиковъ, В. Н. Григорьева, въ южныхъ уѣздахъ Рязанской губерніи, отличающихся большими надѣлами и черноземной почвой, «обработка земли и самая система полеводства ближе стоитъ къ первобытнымъ системамъ хозяйства», нежели въ сѣверныхъ, съ малыми надѣлами и плохою почвой. По наблюденіямъ самарскихъ земскихъ статистиковъ, «существованіе того или иного способа обработки парового поля обусловливается въ общинахъ, главнымъ образомъ, величиной надѣла, истощеніемъ полей (т. е. функціей той же величины надѣла! *А. К.*) и удобствомъ положенія усадьбы»; поэтому, напр., въ Ставропольскомъ уѣздѣ «всѣ крестьянскія общины на четвертномъ даровомъ надѣлѣ и бывшіе помѣщичьи на выкупѣ пашутъ паровое поле по три раза, между тѣмъ, какъ государственные и удѣльные, имѣющіе сравнительно большой надѣлъ, обработку парового поля ведутъ двойною вспашкою». Въ Курской губерніи, по свидѣтельству составителей своднаго земско-статистическаго сборника, наблюдается «какъ бы обратное отношеніе между рабочей дѣятельностью крестьянъ и выгодностью окружающихъ условій земледѣлія—чѣмъ богаче почва и благопріятнѣе климатъ, чѣмъ щедрѣе награждаетъ земля приложенный къ ней трудъ, тѣмъ крестьяне меньше затрачиваютъ этого труда». И справедливость этого положенія подтверждается параллелью между наиболѣе обезпеченными землею, четвертными крестьянами, съ одной стороны, и крестьянами-собственниками и дарственными—съ другой. «Первые имѣютъ вдвое больше земли, слѣдовательно, плохой урожай доставляетъ имъ столько же продуктовъ, сколько снимаютъ бывшіе помѣщичьи крестьяне при лучшемъ урожаѣ; въ то же время четвертные крестьяне рѣже бывшихъ помѣщичьихъ унавоживаютъ свои поля, обрабатываютъ ихъ небрежнѣе и вообще прилагаютъ несравненно меньше труда къ землѣ». Въ южныхъ, по большей части черноземныхъ, изобилующихъ непосредственно пригодными для культуры землями уѣздахъ Вятской, Пермской, Тобольской губерній еще и посейчасъ господствуютъ гдѣ разныя формы залежнаго хозяйства, гдѣ неправильное паровое зерновое хозяйство безъ унаваживанія, тогда какъ въ сѣверныхъ уѣздахъ, гдѣ преобладаніе лѣсовъ и трудность ихъ расчистки препятствовали распространенію хозяйства вширь и создавали условія очень ощутительной земельной тѣсноты, уже давно упрочилось трехполье

съ интенсивнымъ удобреніемъ; въ частности, въ Тобольской губерніи, да и во всей земледѣльческой полосѣ Сибири, различные моменты перехода отъ залежнаго къ трехпольному хозяйству, детально мною изученные, укладываются и территоріально и хронологически въ правильный рядъ, въ настоящую, мелкоступенчатую «лѣствицу», въ тѣснѣйшей зависимости отъ измѣненій въ густотѣ населенія и въ обусловленной ею степени «утѣсненія». Не умножая ссылокъ и цитатъ, сошлюсь еще только на любопытнѣйшія цифры, приводимыя проф. Бажаевымъ въ его уже цитированной статьѣ[1]) и дающія ясное представленіе о томъ, какъ отражается размѣръ земельнаго обезпеченія на конечномъ результатѣ эксплуатаціи надѣльной земли. По правильному замѣчанію г. Бажаева, чтобы составить себѣ ясное и вѣрное представленіе о вліяніи размѣровъ земельнаго обезпеченія на эксплуатацію надѣльной земли, надо сравнивать между собою, по возможности, разнонадѣльныя группы внутри небольшихъ территоріальныхъ единицъ, слѣдовательно, при несомнѣнной наличности «прочихъ равныхъ условій». И вотъ, изъ данныхъ повторнаго изслѣдованія Московской губерніи оказывается, что средняя урожайность ржи у крестьянъ съ наименьшимъ размѣромъ надѣла достигаетъ 47 мѣръ, въ остальныхъ же группахъ, съ возрастающими размѣрами земельнаго надѣла, убываетъ въ такомъ порядкѣ: 46,5, 43,2 и 42,4 мѣры. Еще краснорѣчивѣе аналогичныя данныя по тремъ уѣздамъ Тверской губерніи, заимствованныя В. Г. Бажаевымъ у г. Красноперова: при распредѣленіи всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ этихъ уѣздовъ на три группы—съ посѣвомъ до 10, отъ 10 до 20 и болѣе 20 мѣръ, оказывается, что количество головъ скота на десятину пара, достигающее въ первой, малоземельной группѣ 3,5, въ остальныхъ двухъ группахъ падаетъ до 2,6 и 2,0, а урожайгость ржи у каждой изъ тѣхъ же трехъ группъ выражается въ цифрахъ: самъ 4,5, 3,9 и 3,3.

Всѣ приведенные факты — количество ихъ, несомнѣнно, могло бы быть произвольно умножено—не оставляютъ мѣста сомнѣнію въ томъ, что прогрессъ крестьянскаго хозяйства находится въ прямомъ отношеніи съ густотою населенія и земельнымъ «утѣсненіемъ» и въ обратномъ отношеніи къ степени обезпеченности надѣльною землею. Но русская дѣйствительность даетъ намъ факты, еще прямѣе отвѣчающіе на непосредственно интересующій насъ вопросъ—можетъ ли вредно повліять на способы эксплуатаціи крестьянами земли рѣзкое увеличеніе ихъ земельнаго обезпеченія: это именно хозяйство нашихъ переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ». Я не могу вдаваться

---

[1]) «Св. и Культ.», № 1, стр. 38—39. Аналогичныя данныя см. у А. Ф. Фортунатова—«Урожай ржи», стр. 154.

здѣсь въ подробную его характеристику—сошлюсь въ этомъ отношеніи на факты, собранные въ послѣдней главѣ моей книги о переселеніи; мнѣ достаточно отмѣтить здѣсь, что переселенцы, вышли ли они изъ сѣверо-восточныхъ губерній, изъ великорусскаго центра или изъ Украины, селятся ли они въ тобольскихъ урманахъ, въ уссурійской тайгѣ, въ киргизскихъ степяхъ или въ предгорьяхъ Туркестана, совершенно забываютъ о тѣхъ, сравнительно интенсивныхъ, способахъ эксплуатаціи земли, которыхъ они держались у себя на родинѣ, и дѣлаютъ скачокъ назадъ на цѣлые вѣка,—возвращаются къ такому первобытному и, приходится прямо сказать, хищническому хозяйству, по сравненію съ которымъ даже хозяйство воспитанныхъ на вѣковомъ просторѣ сибирскихъ старожиловъ кажется еще очень совершеннымъ. «Власть земли,—объясняю я этотъ разительный фактъ культурно-хозяйственнаго регресса,—которая на родинѣ была безсильна преодолѣть устарѣвшіе пріемы и привычки, на новомъ мѣстѣ легко беретъ верхъ надъ ними. И это понятно: на родинѣ этой «власти» было бы необходимо опираться на союзниковъ, въ лицѣ знанія и капитала; чтобы вернуться къ первобытнымъ формамъ залежного хозяйства, нѣтъ нужды ни въ томъ, ни въ другомъ, а потому этотъ прыжокъ назадъ совершается безъ всякаго затрудненія»...

Приводимые мною факты, дающіе, по моему крайнему разумѣнію, достаточное основаніе настаивать на томъ, что я признаю за «азбучную» истину, стоятъ какъ будто бы въ противорѣчіи съ указаніями фактическаго характера, приводимыми А. А. Чупровымъ, и съ выводимыми имъ отсюда общими положеніями. «Достаточно приглядѣться къ тому, какъ идетъ у насъ распространеніе усовершенствованныхъ пріемовъ хозяйства къ крестьянской средѣ, и факты покажутъ, что обостреніе земельной нужды способно скорѣе задерживать прогрессъ, нежели способствовать ему. Въ Московской губерніи, напр., первыми перешли къ правильному травосѣянію не деревни съ *особенно малыми* (курсивъ мой, *А. К.*) надѣлами, а, напротивъ, деревни, обезпеченныя землею выше средняго». «Если площадь земли *очень мала* (тоже, *А. К.*), думаетъ г. Чупровъ вмѣстѣ съ А. В. Пѣшехоновымъ, то нуженъ очень быстрый и потому, быть можетъ, неосуществимый подъемъ культуры, чтобы достигнуть сколько-нибудь замѣтнаго эффекта; увеличьте эту площадь хотя бы въ ограниченныхъ предѣлахъ, и тогда нужны будутъ несравненно меньшія усилія, чтобы обезпечить экономическое положеніе крестьянства и тѣмъ открыть его хозяйству путь безграничнаго совершенствованія»...

Не трудно, однако, убѣдиться въ томъ, что противорѣчіе это—въ значительной мѣрѣ кажущееся. «*Особенно* малые» надѣлы, «*очень* малая» площадь надѣльной земли—это уже *не*

относительное, а *абсолютное* малоземелье, т. е. та категорія случаевъ, относительно которой у насъ нѣтъ разногласія съ А. А. Чупровымъ, для которой и я признаю расширеніе землевладѣнія дѣломъ безусловной необходимости. Если въ Московской губерніи къ правильному травосѣянію первыми перешли деревни, обезпеченныя землею «выше средняго», то вѣдь это отнюдь не многоземельныя селенія, а именно такія, которыя, по предложенной мною и принимаемой А. А. Чупровымъ въ принципѣ классификаціи, придется отнести къ «относительно-малоземельнымъ»; и я позволю себѣ спросить моего уважаемаго оппонента: перешли ли бы эти селенія къ правильному травосѣянію, если бы они не испытывали остраго недостатка въ сѣнокосахъ? Ускорился ли бы такой переходъ, если бы они получили въ дополнительный надѣлъ, скажемъ, половину нехватающей имъ до нормы сѣнокосной площади?... Весь вопросъ, конечно, въ томъ, гдѣ проводить границу между относительнымъ и абсолютнымъ малоземельемъ... Но въ *этомъ* случаѣ намъ, дѣйствительно, придется остаться при разногласіи. Даже ссылка А. А. Чупрова на авторитетъ департамента земледѣлія не убѣдитъ меня въ томъ, что надѣлъ въ 9 десятинъ «исключаетъ, для Курской губерніи, всзможность сколько-нибудь правильной полевой культуры»,—что такой надѣлъ исключаетъ хозяйство «изъ сферы прямого агрономическаго воздѣйствія»,—что, значитъ, хозяйства, имѣющія, примѣрно, вдвое больше земли, чѣмъ имѣютъ въ среднемъ бывшіе помѣщичьи крестьяне на полномъ высшемъ надѣлѣ, нужно отнести въ разрядъ *абсолютно*-малоземельныхъ. Къ чему же хлопотать о земельной реформѣ, если даже и удвоенный (а вѣдь о бо̀льшемъ и г. Чупровъ едва ли рѣшится мечтать!) надѣлъ все еще не будетъ допускать «прямого агрономическаго воздѣйствія», не создастъ условій «сколько-нибудь правильной полевой культуры»?! И можно ли серьезно говорить о томъ, чтобы надѣлъ въ 9 дес. «исключалъ возможность правильной полевой культуры», когда 5 гектаровъ или 4,5 десятины—это, по принятой въ нѣмецкой сельско-хозяйственной статистикѣ классификаціи, предѣлъ, на которомъ кончаются мелко-крестьянскія и за которымъ начинаются средне-крестьянскія хозяйства; а между тѣмъ вѣдь уже нѣмецкій Kleinbauer—это хозяинъ, прибѣгающій, хотя и въ видѣ исключенія, къ наемному труду, и его землевладѣніе «достаточно, чтобы доставить ему и его семьѣ средства къ жизни»[1])...

Впрочемъ, вопросъ о предѣлахъ малоземелья, абсолютнаго и относительнаго,—это сложный и трудный вопросъ, не относящійся непосредственно къ настоящей моей контроверзѣ съ А. А. Чупровымъ. Мнѣ важно подчеркнуть только одно: что

[1]) v. d. Goltz, Agrarwesen und Agrarpolitik, 82.

трудность или даже невозможность улучшенія способовъ эксплуатаціи крестьянской надѣльной земли при «*особенно*» или «*очень* маломъ» надѣлѣ ни въ коемъ случаѣ не можетъ служить доводомъ противъ существованія, въ случаяхъ *относительнаго* малоземелья, непосредственной зависимости между густотою населенія и «утѣсненіемъ», съ одной стороны, и агрикультурнымъ прогрессомъ, съ другой. Пусть въ Московской, или въ какой угодно другой, губерніи дворы съ «*особенно* малымъ» надѣломъ не въ состояніи воспринимать улучшенныхъ способовъ хозяйства,—это отнюдь не опровергаетъ того положенія, что у значительной, относительно малоземельной и вовсе безземельной массы населенія коренное улучшеніе способовъ и пріемовъ эксплуатаціи земли наступаетъ лишь при сгущеніи населенія и при сокращеніи земельнаго простора—недаромъ В. Г. Бажаевъ, такъ усиленно подчеркивающій, что «наиболѣе обдѣленные землей остаются надолго совершенно внѣ сферы вліянія агрономической помощи»,—не только не отвергаетъ «опасенія, что крестьяне, перейдя къ обработкѣ болѣе крупныхъ надѣловъ съ прежними пріемами техники и съ прежними размѣрами капитала, поведутъ хозяйство еще болѣе экстенсивное, а, сдѣловательно, и еще менѣе производительное»,—но, напротивъ, подкрѣпляетъ это опасеніе уже приведенными мною выше, дѣйствительно очень многозначительными данными урожайной статистики [1]).

Какъ я уже говорилъ, я почерпнулъ ту «азбучную истину», которая лежитъ въ основѣ моей «концепціи агрикультурнаго прогресса», не изъ ученыхъ монографій или руководствъ, а изъ русской жизни, какъ она представляется мнѣ на основаніи своихъ и чужихъ наблюденій. Я и не скрою—эта истина казалась мнѣ настолько самоочевидною, что для провѣрки ея мнѣ даже въ голову не пришло, когда я писалъ мою книгу, обратиться къ ученой, экономической или агрономической литературѣ. Критическія замѣчанія А. А. Чупрова заставили меня сдѣлать это, и наведенныя мною литературныя справки убѣдили меня въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, въ томъ (въ чемъ я, впрочемъ, не сомнѣвался и безъ особыхъ справокъ ad hoc!), что основное положеніе, лежащее въ основѣ моей «концепціи агрикультурнаго прогресса», отнюдь не представляетъ собою какого-либо моего личнаго открытія, не является чѣмъ-либо новымъ и способнымъ возбудить недоумѣніе, а во-вторыхъ, еще и въ томъ, что для теоретическаго обоснованія этого положенія вовсе нѣтъ надобности исходить ни изъ закона уменьшающейся производительно-

[1]) «Свобода и Культура», № 1, стр. 38—39.

сти земли, ни вообще изъ какихъ бы то ни было построеній, опирающихся на движеніе цѣнъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Обратимся хотя бы къ той главѣ курса сельско-хозяйственной экономіи покойнаго К. А. Вернера, которая посвящена сѣвооборотамъ и системамъ полеводства[1]). Мы узнаемъ изъ нея, напр., что подсѣчно-лядинное хозяйство «возможно *только при многоземельѣ* (курсивъ вездѣ мой. *А. К.*) и ничтожной цѣнности лѣсовъ», которая вѣдь въ свою очередь есть прямое слѣдствіе слабой населенности; что залежная система «можетъ существовать *только при многоземельѣ*—на Западѣ она уже отжила свой вѣкъ, но у насъ, въ многоземельныхъ степныхъ областяхъ, она еще значительно распространена»; что, безпорядочная вначалѣ, эта система «*по мѣрѣ возрастанія народонаселенія* и стремленія къ увеличенію размѣровъ культурной площади, пріобрѣтаетъ видъ болѣе или менѣе опредѣленной системы»; кризисъ трехполья объясняется тѣмъ, что «въ паровой системѣ удобреніе доставляютъ исключительно одни луга», а такъ какъ увеличеніе населенія заставляетъ ихъ распахивать, «то для всякой страны, когда она держится трехпольной системы, наступаетъ рано или поздно стѣсненіе въ лугахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ограниченіе парового удобренія». Совершенно тождественныя указанія мы находимъ въ «Основахъ экономики земледѣлія» А. И. Скворцова, въоставшемся незаконченнымъ курсѣ Н. А. Карышева—одного изъ лучшихъ знатоковъ русскаго крестьянскаго хозяйства и др., и вліяніе населенности въ данномъ направленіи разсматривается лишь какъ частное проявленіе того общаго закона, что «населенность страны, густота населенія въ ней является однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ экономической эволюціи: чѣмъ гуще населеніе страны, тѣмъ больше должно быть общественное раздѣленіе труда, тѣмъ, говоря вообще, выше должна быть производительность труда каждаго отдѣльнаго члена общества, ибо тѣмъ дробнѣе спеціализація функцій; а такъ какъ спеціализація является одною изъ важнѣйшихъ предпосылокъ для совершенствованія въ отправленіи данной функціи, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой спеціализаціи заключается и элементъ прогресса»[2]).

Впрочемъ, для моей цѣли вовсе нѣтъ надобности вдаваться въ общія соціологическія и даже экономическія соображенія—я могу не сходить съ узко-агрикультурной сельско-хозяйственной точки зрѣнія. Когда я наблюдалъ на мѣстахъ и изучалъ на основаніи указаній русской статистической литературы вліяніе «утѣсненія» на прогрессъ крестьянскаго хозяйства, когда

[1]) См. особенно стр. 210, 218, 234. См. также Ермоловъ. Организація пол хозяйства, изд. IV, стр. 52, Шишкинъ. Сел.-хоз. экономія, т. II, стр. 8, 9

[2]) Скворцовъ, «Основы экон. земледѣлія», част I, стр. 299.

я дѣлалъ изъ своихъ и чужихъ наблюденій тотъ общій выводъ, который кажется мнѣ «азбучною истиной», а моему критику представляется кореннымъ заблужденіемъ, у меня не было и тѣни мысли опираться на рыночныя конъюнктуры и на законъ уменьшающейся производительности земли. Ходъ дѣла рисовался и рисуется мнѣ чрезвычайно просто: всякая система полеводства, изъ числа господствующихъ на пространствѣ нашей страны, хороша лишь при опредѣленномъ обусловленномъ извѣстною степенью земельнаго простора, соотношеніи угодій: залежная—лишь пока распахивается и засѣвается небольшая часть удобной площади страны, пока поэтому есть возможность забрасывать пашни при первыхъ признакахъ истощенія и оставлять ихъ отдыхать до полнаго возстановленія ихъ производительности; трехпольная—пока существуетъ достаточно благопріятное соотношеніе между пашнею и сѣнокосомъ, и потому первая получаетъ за счетъ второго достаточное удобреніе. Сгущеніе населенія дѣйствуетъ, поэтому, самымъ непосредственнымъ, элементарнымъ образомъ, совершенно независимо отъ рыночныхъ конъюнктуръ, въ частности отъ движенія цѣнъ на продукты: удвоившееся, скажемъ для примѣра, населеніе требуетъ вдвое бо̀льшаго продукта; чтобы получить его, при неизмѣнныхъ пріемахъ эксплуатаціи земли, нужно по меньшей мѣрѣ удвоить запашки; расширеніе послѣднихъ измѣняетъ въ неблагопріятную сторону отношеніе пашни къ залежи или пашни къ сѣнокосу; въ результатѣ—пониженіе урожайности, заставляющее, въ концѣ-концовъ, перейти къ другимъ способамъ эксплуатаціи земли, при которыхъ данная площадь могла бы прокормить болѣе многочисленное населеніе и снабдить его необходимыми денежными средствами. И такъ же точно рисуется процессъ вырожденія первобытныхъ формъ хозяйства, ведущій за собою необходимость замѣны ихъ новыми, съ точки зрѣнія теоріи сельско-хозяйственной экономіи. «Многолѣтнія залежи,—говоритъ К. А. Вернеръ[1]),—возможны при обиліи дешевой земли; при такихъ условіяхъ залежная система даетъ прекрасные результаты. Но при невозможности имѣть многолѣтнюю залежь получаются совершенно другіе результаты: почва, при такихъ условіяхъ, не успѣваетъ возстановить своихъ производительныхъ силъ въ сколько-нибудь значительной мѣрѣ; на молодой, малопроизводительной залежи скоту также нечего взять; при такихъ условіяхъ залежное хозяйство теряетъ разумныя основанія для своего существованія и держится только въ силу рутины», при чемъ получается «такой строй хозяйства», при которомъ «урожай культурныхъ растеній яв-

---

[1]) Назв. соч., стр. 224, 232.

ляется дѣломъ случайнымъ, вполнѣ зависящимъ отъ погоды». Не менѣе непосредственно вліяетъ сгущеніе населенія на переходъ отъ двухполья къ трехполью: «возросшее населеніе требовало болѣе хлѣба, чѣмъ могло производить двухполье, а потому ничего больше не оставалось, какъ ограничить до послѣдней возможности площадь пара, т. е. съ половины уменьшить ее до одной трети». Совершенно аналогичными условіями вызывается, по объясненію А. И. Скворцова, исчезновеніе пастбищной системы хозяйства, при которой «пашня была разбросана клочками по всему пространству, занятому тою или другою группою населенія. «Крайняя экстенсивность такой системы,—говоритъ г. Скворцовъ,—явилась ближайшею причиною ея прекращенія, когда съ возрастаніемъ населенія потребовалось съ того же пространства добывать большее количество продуктовъ». (Курсивъ мой. *А. К.*).

Однимъ изъ доводовъ противъ выставленной мною «азбучной истины» является у А. А. Чупрова ссылка на эволюцію владѣльческаго хозяйства. «Не изъ-за земельной же тѣсноты,—говоритъ г. Чупровъ,—хозяйничаютъ раціонально и стремятся совершенствовать свое хозяйство большія экономіи!»... Съ удовольствіемъ отмѣчу прежде всего, что мой оппонентъ признаетъ, значитъ, болѣе раціональный и прогрессивный характеръ хозяйства въ большихъ экономіяхъ и, слѣдовательно, не становится на сторону тѣхъ, кто въ уничтоженіи крупныхъ экономій видятъ—не говоря уже о всемъ прочемъ—«требованіе культурнаго прогресса». Но дѣло не въ этомъ, а вотъ въ чемъ: если бы даже тѣснота, сгущеніе населенія, и дѣйствительно не вліяли на хозяйство экономій,—это не позволяло бы утверждать того же относительно крестьянскаго хозяйства. Экономика того и другого, какъ я уже упоминалъ, существенно различна: у крестьянъ «измѣненіе способа производства вынуждается необходимостью снабженія семьи хозяина продуктами въ натуральномъ видѣ», у владѣльцевъ—съ соображеніями о бо́льшей выгодности новаго способа хозяйничанья сравнительно со старымъ». А между тѣмъ, я рѣшаюсь утверждать: сгущеніе населенія, земельная тѣснота не менѣе сильно вліяютъ на владѣльческое, нежели на крестьянское хозяйство. Вліяніе это проявляется только въ разныхъ формахъ, въ соотвѣтствіи съ рыночнымъ характеромъ одного и потребительнымъ, по преимуществу, характеромъ другого; общее тому и другому случаю только одно: что и здѣсь и тамъ сгущеніе населенія и тѣснота вліяютъ или, во всякомъ случаѣ, *могутъ* вліять внѣ всякаго отношенія къ движенію цѣнъ продукта и къ закону уменьшающейся производительности земли. Вѣдь на ряду съ измѣненіями цѣнъ продукта, выборъ той или другой системы хозяйства опредѣляется измѣненіями въ стоимости отдѣльныхъ факторовъ производства. «Чтобы рѣшить,—говоритъ

проф. А. И. Чупровъ[1]),—вопросъ о выборѣ системы хозяйства, или, что то же—опредѣлить, какой изъ факторовъ производства долженъ быть примѣненъ въ бо̀льшемъ и какой въ меньшемъ количествѣ, нужно сравнить между собою эквивалентныя по дѣйствію на валовой доходъ количества земли, труда и капитала, т. е. такія количества отдѣльныхъ факторовъ производства, которыя даютъ одинаковый валовой доходъ; факторъ, эквивалентъ котораго сто̀итъ дороже, долженъ быть замѣненъ другимъ, и наоборотъ». Сгущеніе населенія и связанное съ нимъ утѣсненіе въ земляхъ съ необходимостью ведетъ за собою *вздорожаніе основного фактора экстенсивнаго хозяйства—земли*, а при извѣстной совокупности условій имѣетъ своимъ послѣдствіемъ и *пониженіе цѣнъ на рабочія руки*; отсюда и вытекаетъ для коммерческаго хозяйства *выгодность «замѣны даровыхъ»*, но пріобрѣтающихъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе высокую рыночную цѣну *«силъ и продуктовъ природы усиленнымъ приложеніемъ труда и капитала»*[2]), иначе сказать, выгодность и экономическая необходимость перехода отъ первобытныхъ, экстенсивныхъ, къ болѣе совершеннымъ и, въ видѣ правила, болѣе интенсивнымъ способамъ эксплуатаціи земли. Цѣнность земли, говоритъ проф. Шишкинъ въ своемъ курсѣ сельско-хоз. экономіи[3]), сравнительно съ другими факторами, возвышается съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе, отчего и «становится необходимымъ все болѣе замѣнять землю *трудомъ и капиталомъ*». Въ частности, «обиліе дешевой земли» (Вернеръ), а затѣмъ постепенно обостряющійся недостатокъ въ ней обусловливаютъ и эволюцію *крестьянскаго хозяйства*; разница въ томъ, что послѣднее преобразуется не подъ вліяніемъ точнаго коммерческаго учета выгодъ и убытковъ, а подъ вліяніемъ *простой физической невозможности* при отжившихъ свое время пріемахъ обработки земли обезпечить «снабженіе семьи продуктами въ натуральномъ видѣ». А отсюда вытекаетъ и другое различіе, имѣющее важное практическое значеніе: владѣльческое хозяйство, точно учитывающее прибыли и убытки, будетъ вестись старыми пріемами лишь до того момента, когда плюсъ перестанетъ покрывать минусъ; какъ только наступитъ этотъ моментъ, крупная экономія, располагающая необходимыми агрономическими знаніями или, во всякомъ случаѣ, имѣющая возможность воспользоваться помощью научно-подготовленныхъ спеціалистовъ, сразу приступитъ къ реорганизаціи своего хозяйства въ соотвѣтствіи съ установившимся новымъ соотношеніемъ цѣнности отдѣльныхъ факторовъ производства. Крестьянское

---

[1]) «Политическая экономія». Лекціи, изд. 1892 г., стр 169—172.
[2]) Тамъ же, стр. 173.
[3]) Т. II. стр. 7.

хозяйство, *направленное не на полученіе прибыли, а прежде всего на удовлетвореніе потребительныхъ нуждъ, лишенное доступа научныхъ знаній и въ тѣсной связи съ этимъ—въ гораздо большей степени испытывающее вліяніе момента инерціи, будетъ еще долго держаться старыхъ способовъ хозяйства*, хотя бы въ данное время уже *явно убыточныхъ*, хотя бы уже весьма плохо удовлетворяющихъ потребительнымъ нуждамъ населенія; по *вѣками укоренившейся привычкѣ—стремиться вширь*, оно будетъ *попрежнему арендовать*, по какой бы то ни было цѣнѣ, внѣнадѣльныя земли, хотя бы такая аренда не окупала труда и расходовъ или, во всякомъ случаѣ, давала гораздо меньшую выгоду, чѣмъ дала бы затрата того же труда и тѣхъ средствъ на улучшеніе эксплуатаціи надѣльной земли. Сказанное—не отвлеченная теорія. Оно вполнѣ подтверждается фактами, сведенными въ моей работѣ «Къ вопросу о культурно-хозяйственномъ значеніи частнаго землевладѣнія»[1]). Для этой работы мнѣ пришлось перебрать довольно обширный матеріалъ, касающійся способовъ эксплуатаціи и крестьянскихъ и частновладѣльческихъ земель. И этотъ матеріалъ, въ самомъ дѣлѣ, показываетъ, что *владѣльческія экономіи, располагая обширными владѣніями, въ общемъ иногда даже дольше, чѣмъ крестьяне, остаются при чистыхъ формахъ первобытнаго экстенсивнаго хозяйства*; но затѣмъ, когда наступаетъ соотвѣтственный экономическій моментъ, *онѣ весьма быстро реорганизуются и переходятъ къ новымъ, раціональнымъ при новыхъ условіяхъ, способамъ эксплуатаціи земли*. Крестьянское хозяйство, на которое факторъ «утѣсненія» начинаетъ *давить гораздо раньше* и давитъ гораздо болѣе непосредственно, *раньше обнаруживаетъ симптомы кризиса* экстенсивныхъ способовъ эксплуатаціи земли и признаки перехода къ чему-то новому, другому; но этотъ *переходъ затягивается на продолжительное время*, облекается въ крайне болѣзненныя формы; старые, отжившіе способы хозяйства вырождаются въ совершенно ненормальныя и нераціональныя переходныя формы (въ родѣ, напримѣръ, пестрополья нашей черноземной полосы!), которыя держатся еще очень долго послѣ того, какъ совершенно закончилась, въ данной мѣстности, реорганизація владѣльческихъ хозяйствъ.

Мнѣ необходимо остановиться въ заключеніе на вопросѣ о томъ, каково вліяніе и какъ велико значеніе того момента инерціи, о которомъ я только что упоминалъ. *Этотъ* моментъ—*дѣйствительно необходимое звено* въ моей «концепціи агрикультурнаго прогресса» и въ моихъ соображеніяхъ относительно

---

[1]) Сборн «Аграрн. вопросъ», изд. И. П Петрункевича и кн. Долгорукова, т. II.

вѣроятнаго вліянія массоваго переселенія и вообще мѣръ, направленныхъ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія, на прогрессъ крестьянскаго хозяйства. Мужикъ не помѣщикъ,— такъ, приблизительно вѣрно, формулируетъ А. А. Чупровъ значеніе этого момента въ моей схемѣ: «инертность его, въ частности—инертность русскаго мужика слишкомъ велика, и безъ крайней нужды, изъ одной выгоды, онъ не станетъ ломать своего хозяйства». Мой уважаемый критикъ смотритъ на дѣло иначе. По его мнѣнію, «здѣсь нѣтъ возможности выбиться изъ сферы субъективныхъ догадокъ. Насколько сильна инертность нашего мужика? Дѣйствительно ли онъ не способенъ оцѣнить очевидной выгоды новыхъ способовъ культуры, пока есть физическая возможность держаться старыхъ пріемовъ хозяйства, не рискуя окончательно подохнуть съ голода? Точно установленныхъ, массовыхъ, научно-провѣренныхъ наблюденій у насъ нѣтъ. Случайныя же личныя впечатлѣнія, естественно, приводятъ одного изслѣдователя къ одному выводу прямо противоположному». И выводы самого А. А. Чупрова, дѣйствительно, прямо противоположны моимъ: приписываемая мною русскому крестьянину «упрощенная психологія», по его мнѣнію, «врядъ ли отвѣчаетъ фактамъ». Напротивъ, тѣ факты, которые сведены, между прочимъ, въ работѣ проф. А. И. Чупрова о «мелкомъ землевладѣніи и его основныхъ нуждахъ», убѣждаютъ моего оппонента въ томъ, что «какъ ни велика пресловутая власть земли, но выгоды своей и нашъ мужикъ упускать не любитъ. Быть-можетъ, онъ нѣсколько тугъ на ея пониманіе, когда дѣло идетъ о перемѣнахъ въ хозяйствѣ, о новшествахъ, но противъ этого нужда плохо помогаетъ. Здѣсь нужно умѣнье расшевелить мужика, необходима та тройная сѣть учрежденій—по распространенію знаній, по организаціи кредита и доставкѣ средствъ производства, которая дала такіе блестящіе результаты въ передовыхъ странахъ западной Европы». И «если мы сумѣемъ разбудить въ населеніи сознаніе цѣлесообразности и выгодности новыхъ пріемовъ, то ихъ, въ концѣ-концовъ, примѣнитъ и тотъ, кто страдаетъ отъ малоземелья, и еще легче тотъ, у кого земли много».

Само собою разумѣется, что я ничего не имѣю возразить противъ «тройной сѣти учрежденій», вообще противъ всякаго рода мѣръ, направленныхъ къ распространенію въ народныхъ массахъ сельскохозяйственныхъ знаній и къ доставленію крестьянамъ, гдѣ нужно, матеріальной возможности примѣненія учучшенныхъ пріемовъ эксплуатаціи земли: читатель знаетъ, что я уже давно не перестаю настаивать, при всякомъ случаѣ, на необходимости самой широкой агрономической помощи крестьянскому хозяйству въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Но этимъ далеко не разрѣшается вопросъ о значеніи инерціи,

о необходимости фактора нужды, чтобы преодолѣть ея сопротивленіе...

Мой уважаемый критикъ лишь отчасти правъ, когда выводитъ мою «концепцію агрикультурнаго прогресса» изъ психическихъ «*особенностей русскаго крестьянина*» (курсивъ мой. А. К.) Инертность народныхъ массъ, когда дѣло идетъ о коренномъ измѣненіи вѣками укоренившихся методовъ эксплуатаціи земли, есть *фактъ несравненно болѣе общаго и широкаго значенія.* Недаромъ агрономы-теоретики, какъ К. А. Вернеръ, говорятъ о томъ, что тотъ или иной типъ хозяйства, потерявъ, при наступленіи извѣстныхъ условій, разумныя основанія для существованія, «*держится только въ силу рутины*»... «Чтобы совершилась перемѣна въ интенсивности труда цѣлаго народа,—говоритъ проф. А. И. Чупровъ[1]) въ уже цитированномъ мною курсѣ,—долженъ пройти извѣстный, болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени. Если нація въ теченіе долгаго времени находилась *подъ вліяніемъ причинъ, не благопріятствовавшихъ энергичной работѣ, то вялость въ трудѣ сохранится долго даже послѣ того, какъ устранятся условія, ее производившія*». Говоря общѣе: *массовая народная психологія обладаетъ способностью надолго переживать создавшія ее условія,* тѣ условія, при которыхъ эта психологія только и была нормальной. Въ частности, сложившіяся при быломъ просторѣ трудовыя привычки, въ особенности же *стремленіе* во что бы то ни стало *расширять и несклонность углублять свое хозяйство,* надолго переживаютъ этотъ просторъ и остаются укорененными въ народныхъ массахъ даже и тогда, когда это стремленіе вширь уже не приводитъ ни къ чему, кромѣ неурожаевъ и голодовокъ, и не даетъ ничего, кромѣ чистаго убытка. *Бороться съ этими отжившими свой вѣкъ, но все еще крѣпкими привычками чрезвычайно трудно, и одно распространеніе знаній, одно убѣжденіе едва ли можетъ привести къ желательнымъ результатамъ,* пока «авось» еще иногда вывозитъ, пока есть, говоря словами А. А. Чупрова, «физическая возможность держаться старыхъ способовъ хозяйства, не рискуя окончательно подохнуть съ голода». Насколько же труднѣе будетъ бороться съ этими укоренившимися, хотя и пережившими себя, хозяйственными привычками, разъ дополнительное надѣленіе временно возстановитъ эту сомнительную «физическую возможность», отодвинетъ въ нѣкоторую даль опасность «подохнуть съ голода», вновь откроетъ нѣсколько большій, чѣмъ теперь, просторъ для того «авось», на которомъ покоится современное крестьянское хозяйство, особенно въ черноземной полосѣ?![2]).

[1]) Стр. 101.

[2]) Когда эта статья была уже совершенно подготовлена къ печати, мнѣ попалась въ руки серія интересныхъ статей г-на Олейника, подъ

Повторяю, эта устойчивость хозяйственныхъ привычекъ—не специфически русская, а *общечеловѣческая черта*. Но эта устойчивость, эта *инертность народныхъ массъ*, конечно, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ *ниже культурный ихъ уровень*, и наоборотъ: воспріимчивость ихъ къ кореннымъ измѣненіямъ основъ и пріемовъ ихъ хозяйственной дѣятельности тѣмъ больше, чѣмъ этотъ уровень выше. Нужно ли, къ несчастью, доказывать, что культурный уровень русскаго народа стоитъ очень низко, ниже, нежели уровень какого бы то ни было изъ народовъ западной Европы, и что поэтому русскій народъ и его главная масса—крестьяне, *должны отличаться далеко большею инертностью*, нежели крестьянство западно-европейскихъ странъ?.. Опять-таки, и *недостатокъ просвѣщенія не можетъ быть устраненъ по щучьему велѣнію:* для этого недостаточно не только провозгласить, но даже осуществить принципъ всеобщаго обученія; нужно еще, чтобы это обученіе успѣло дать плоды и оставить прочный осадокъ въ народной душѣ. Пока это не достигнуто, *съ инерціей у насъ приходится больше считаться, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ западной Европѣ*. Это не значитъ, конечно, чтобы русскій крестьянинъ былъ совершенно не способенъ къ воспріятію хозяйственныхъ улучшеній, и мой уважаемый критикъ, выдвигая противъ меня факты, собранные проф. А. И. Чупровымъ, обращается совершенно не по адресу: и въ своей книгѣ и въ рядѣ статей я постоянно выступалъ и выступаю противъ тѣхъ не въ мѣру усердныхъ «друзей народа», которые, чтобы убѣдительнѣе доказать необходимость и неизбѣжность расширенія крестьянскаго землевладѣнія, такъ настаиваютъ на неспо-

---

заглавіемъ «Техника крестьянскаго хозяйства», напечатанныхъ въ № 21—23 «Вѣстника сельскаго хозяйства». Авторъ останавливается. между прочимъ, на вопросѣ о причинахъ, тормозившихъ техническій прогрессъ крестьянскаго хозяйства въ промышленномъ районѣ, и видитъ главную причину въ томъ, что «уходъ на фабрики и заработки вмѣстѣ съ развитіемъ кустарныхъ промысловъ до сихъ поръ оказываетъ вліяніе на земельный бытъ крестьянъ и во многихъ случаяхъ смягчаетъ характеръ земельной нужды». «Въ хозяйственной жизни нашего крестьянства.—говоритъ г. Олейникъ—не только необходимость, но и возможность внѣземледѣльческихъ заработковъ сыграли извѣстную задерживающую роль въ развитіи земледѣльческой техники. *При отсутствіи этого условія желѣзная необходимость давно вынудила бы крестьянъ, хотя бы цѣной сильныхъ экономическихъ потрясеній, перейти къ формамъ земледѣльческаго хозяйства, обезпечивающимъ существованіе.* («В. с. х», 1906, № 21, стр. 4 и 5).

Можно ли ярче и рельефнѣе выразить ту мысль, которая лежитъ въ основѣ моего построенія и которая отвергается А. А. Чупровымъ: что только настоятельная нужда вынуждаетъ народныя массы къ кореннымъ измѣненіямъ способовъ эксплоатаціи земли, и что всякаго рода условія, смягчающія эту нужду, отсрочивающія опасность «подохнуть съ голода», вмѣстѣ съ тѣмъ отсрочиваютъ и переходъ къ новымъ формамъ земледѣльческаго производства?.

собности нашего крестьянина къ воспріятію улучшенныхъ способовъ и пріемовъ хозяйства; которые, требуя увеличенія, во что бы то ни стало и безотлагательно, расширенія крестьянскаго землевладѣнія, отодвигаютъ въ невѣдомое «послѣ» заботы объ улучшеніи техники крестьянскаго хозяйства. При этомъ мнѣ постоянно приходилось и приходится ссылаться на авторитетъ проф. А. И. Чупрова и на собранные и сведенные имъ факты—факты, свидѣтельствующіе, напротивъ, о возможности разсчитывать на весьма быстрое распространеніе улучшенныхъ способовъ и пріемовъ эксплуатаціи земли. Но *это имѣетъ мѣсто* лишь постольку, *поскольку новые хозяйственные пріемы не стоятъ въ противорѣчіи все съ тою же основной чертой хозяйственной психологіи русскаго крестьянина*—со стремленіемъ его *вширь*, при чемъ съ особенною легкостью и быстротою распространяются, нерѣдко внѣ всякой связи или въ самой слабой связи съ общимъ прогрессомъ хозяйства, либо *такія улучшенія*, которыя позволяютъ *еще сильнѣе расширять и экстенсифицировать* хозяйство и, въ концѣ-концовъ, являются, употребляя выраженіе покойнаго С. И. Коржинскаго, лишь орудіями *усовершенствованнаго хищничества* (буккера, уборочныя машины!), либо такія, которыя обѣщаютъ *непосредственный денежный барышъ* (сибирское маслодѣліе, въ значительной мѣрѣ и московское травосѣяніе!). Но *коренная* перестройка крестьянскаго хозяйства, связанная съ углубленіемъ его, вмѣсто расширенія, требующая усиленныхъ затратъ труда и капитала на данную площадь земли, основанная не на ожиданіи немедленнаго барыша, а на многолѣтнемъ хозяйственномъ планѣ, должна будетъ, пока населеніе стоитъ на данной степени хозяйственной сознательности, преодолѣть сопротивленіе крестьянской инерціи и наступитъ только тогда, когда, дѣйствительно, не будетъ «физической возможности» продолжать вести отжившее свой вѣкъ экстенсивное хозяйство.

Я только что упоминалъ о томъ, что эта трудность коренной перестройки крестьянскаго хозяйства, трудность усвоенія новыхъ пріемовъ и способовъ эксплуатаціи земли,—трудность, многими преувеличиваемая и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ обобщаемая, обычно выставляется какъ одинъ изъ главныхъ доводовъ въ пользу широко-поставленныхъ и всеобщихъ мѣръ къ расширенію крестьянскаго землевладѣнія. Для меня именно въ этомъ рѣшающій доводъ для всей обширной категоріи случаевъ относительнаго малоземелья. Существующіе надѣлы, у значительнаго большинства, были бы совершенно достаточны при повышенной земледѣльческой культурѣ; но наши народныя массы пока слишкомъ темны, а потому инертны, имъ слишкомъ трудно усвоить тѣ коренныя хозяйственныя улучшенія, которыя, при данныхъ условіяхъ, были бы раціональны, а потому необходимо увеличить площадь крестьянскаго землевладѣнія.

Но при этомъ я не могу забывать о серьезной опасности, что такое увеличеніе, на нѣкоторое время ослабивъ давленіе фактора земельной тѣсноты, откроетъ новый просторъ вліянію фактора инерціи и всѣхъ связанныхъ съ нимъ моментовъ, тормозящихъ качественное улучшеніе крестьянскаго хозяйства. Средство противъ этого я вижу только одно,—и здѣсь мы, очевидно, сойдемся съ моимъ уважаемымъ оппонентомъ: это средство—поднятіе общей культурности народныхъ массъ, и на этой почвѣ—самое широкое распространеніе и свѣдѣній объ улучшенныхъ пріемахъ эксплуатаціи земли, и главное—сознанія, что *только въ повышеніи этой эксплуатаціи—дѣйствительный выходъ изъ современнаго кризиса, дѣйствительное разрѣшеніе нашего аграрнаго вопроса*, безъ котораго безполезны всякіе дополнительные надѣлы.

Переселеніе и его роль въ аграрной программѣ [1]).

Вопросъ о переселеніяхъ и о возможномъ ихъ вліяніи на крестьянское хозяйство и благосостояніе принадлежитъ къ числу наиболѣе спорныхъ вопросовъ нашей народной экономіи. Одни отводятъ переселенію одно изъ первыхъ мѣстъ въ числѣ тѣхъ мѣръ количественнаго воздѣйствія на крестьянское землевладѣніе, «при условіи планомѣрнаго и послѣдовательнаго осуществленія которыхъ можно съ успѣхомъ устранить недостаточность крестьянскихъ надѣловъ». Другіе, сознавая, что коренное улучшеніе современнаго печальнаго положенія русской деревни можетъ быть достигнуто лишь путемъ совокупности культурныхъ мѣръ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ не менѣе признаютъ необходимымъ широкое развитіе переселеній на то болѣе или менѣе долгое переходное время, которое необходимо для осуществленія этихъ мѣръ, и думаютъ, «что оставшееся на мѣстѣ населеніе неминуемо станетъ въ лучшія условія для благодѣтельнаго культурнаго воздѣйствія». Третьи отрицаютъ необходимость въ переселеніи и наличность дѣйствительнаго малоземелья, какъ его коренной причины, полагая, что «при раціональной, правильной и своевременной обработкѣ имѣющагося количества нынѣ запущенной земли плоды ея могутъ удовлетворить нуждѣ въ пять разъ большаго населенія и обезпечить ему полное благосостояніе»; что наше переселеніе, будучи «движеніемъ толпы, вызываемымъ главнымъ образомъ не экономическими причинами», «вовсе не приноситъ пользы остающимся малоземельнымъ: малоземелье нисколько не ослабляется, а лишь усиливается экономическое неравенство разныхъ группъ крестьянства»; мало того—что «переселеніе имѣетъ за собой и невыгодную сторону, такъ какъ большая густота населенія содѣйствуетъ промышленному и культурному развитію страны, составляющему необходимое условіе для прогресса земледѣлія», а значительное выселеніе «тормозитъ техническое дѣло по улучшенію земледѣльческаго промысла въ смыслѣ интенсированія земле-

[1]) Сборн. «Аграрн. вопросъ», изд. И. И. Петрункевича и кн. П. Д. Долгорукова, т. I, М. 1906. Статья эта—докладъ, читанный съ небольшими сокращеніями, въ апрѣлѣ 1905 г. на съѣздѣ земскихъ дѣятелей по аграрному вопросу.

дѣльческаго труда». Я уже не буду говорить о тѣхъ, кто ограничивается краткимъ, но вразумительнымъ заявленіемъ: «мы (мы!..) вовсе не желаемъ поощрять переселеніе»... Замѣчу только что «классовая некрестьянская точка зрѣнія», употребляя выраженіе А. В. Пѣшехонова, встрѣчается далеко не у однихъ только противниковъ переселенія; нѣкоторые изъ сторонниковъ его тоже подчеркиваютъ, что при развитіи переселенія крестьянскія общества и помѣщики «избавились бы отъ возмущенія, самоправія, воровства и поджоговъ, а также отъ политическихъ возмущеній»...[1])

Я не буду развивать здѣсь своихъ личныхъ взглядовъ по вопросу о томъ, каково *можетъ* быть дѣйствительное вліяніе переселенія на крестьянское хозяйство и благосостояніе. Вопросъ этотъ—въ высшей степени трудный и тяжелый, и мнѣ едва ли удастся убѣдить въ правильности моего взгляда многихъ изъ тѣхъ, кто не подходитъ къ вопросу уже съ готовымъ, болѣе или менѣе сходнымъ взглядомъ. Но важно одно: какъ ни смотрѣть на возможныя послѣдствія переселеній,—видѣть ли въ нихъ радикальную цѣлебную мѣру, или палліативъ, способный лишь смягчить симптомы переживаемаго кризиса,—во всякомъ случаѣ переселенія, чтобы имѣть *какое-нибудь* вліяніе, должны происходить въ огромныхъ размѣрахъ, въ нѣсколько разъ большихъ, нежели какихъ они достигали до сихъ поръ, даже въ годы ихъ наибольшаго развитія. «Если бы необходимое для упроченія крестьянскаго хозяйства количество земли,—говоритъ А. В. Пѣшехоновъ въ «Нуждахъ деревни»,—нарѣзать на окраинахъ, то для этого пришлось бы переселить туда громадную часть крестьянства, т. е. произвести полную пертурбацію въ размѣщеніи населенія». *Такой* планъ г. Пѣшехоновъ признаетъ «нецѣлесообразнымъ до нелѣпости»; онъ желаетъ переселенія «лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ коихъ это необходимо чтобы устроить избыточную часть населенія и регулировать земельныя отношенія въ мѣстахъ выселенія». Но чтобы устроить избыточную часть населенія, надо переселять, во всякомъ случаѣ, *больше*, нежели ежегодный его приростъ. До сихъ поръ переселеніе, даже въ годы своего наибольшаго развитія, не достигало 200 тысячъ въ годъ, изъ которыхъ значительный процентъ возвращался назадъ. Годичный приростъ для Европейской Россіи достигаетъ двухъ милліоновъ; если взять даже одну только черноземную полосу, то, чтобы уравновѣсить приростъ, пришлось бы ежегодно выселять, по официальному

[1]) Всѣ приведенныя цитаты заимствованы изъ трудовъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Но всѣ тѣ же типы мнѣній, въ самыхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ, находятъ представителей и въ литературѣ вопроса, и въ ходатайствахъ и отзывахъ земствъ, и въ правительственныхъ сферахъ.

расчету, не менѣе 73 тысячъ семей, или 450000 душъ; и это, повторяю, только для того, чтобы *задержать дальнѣйшій ростъ* избыточнаго населенія... Неудивительно, если послѣдовательные сторонники переселеній требуютъ «широкаго развитія» переселенческаго движенія. Не умножая примѣровъ, назову только недавно скончавшагося Н. А. Карышева, который вычислялъ размѣры необходимаго переселенія изъ черноземной полосы, по меньшей мѣрѣ, въ 20 милліоновъ, и, конечно, въ самый короткій срокъ, потому что, растянутое на многіе годы, переселеніе даже двадцати милліоновъ было бы парализовано естественнымъ приростомъ.

Посмотримъ же теперь, мыслимо ли въ дѣйствительности такое широкое развитіе переселеній? Допускается ли оно тѣми земельными запасами, которые имѣются въ распоряженіи государства и которые могли бы быть утилизированы для цѣлей переселенія и разселенія.

Я заранѣе прошу читателя не ждать отъ меня какого-нибудь точнаго, выраженнаго въ числахъ отвѣта на поставленный вопросъ. Заранѣе говорю, — *я не знаю*, можно ли переселить милліонъ, три или десять милліоновъ. Подсчетъ тѣхъ земельныхъ запасовъ, которые могли бы быть использованы для цѣлей переселенія,—это обычный пріемъ тѣхъ, кто желаетъ доказать возможность безпредѣльнаго роста переселеній: берутъ изъ какого-нибудь источника цифру милліоновъ квадратныхъ верстъ или сотенъ милліоновъ десятинъ предполагаемаго годнымъ для колонизаціи пространства Сибири или средне-азіатскихъ степей, сопоставляютъ эту величину съ наличнымъ населеніемъ, получаютъ какую-нибудь до смѣшного ничтожную цифру плотности населенія; подсчитываютъ, сколько народу, при обычной нормѣ переселенческаго надѣла или при густотѣ населенія Европейской Россіи, могло бы помѣститься на незанятой наличнымъ населеніемъ землѣ, и въ результатѣ получаются десятки и сотни милліоновъ возможнаго переселенія. Едва ли стоитъ доказывать совершенную безплодность подобныхъ вычисленій; она достаточно доказывается уже крайнею пестротою конечныхъ выводовъ, къ которымъ приходятъ различные авторы, а иногда и одинъ и тотъ же авторъ, въ разныхъ мѣстахъ одной и той же книги... И такой ариѳметическій пріемъ не только безполезенъ, но и вреденъ: при помощи его только поддерживаются въ обществѣ уже давно осужденныя самою жизнью иллюзіи; а проникая всякими путями въ народную среду, эти иллюзіи могутъ лишь способствовать дальнѣйшему росту той массы горя и разоренія, которую ведетъ за собой переселеніе для огромнаго процента переселяющихся.

Для приблизительнаго хотя бы, но выраженнаго въ числахъ, рѣшенія вопроса о возможныхъ размѣрахъ, а, слѣдовательно,

и о возможномъ значеніи переселенческаго движенія ни у меня, ни—это я утверждаю категорически—*ни у кого* нѣтъ необходимыхъ данныхъ. Мы можемъ *не исчислить*, а только *приблизительно оцѣнить* тѣ земельные запасы, на счетъ которыхъ можетъ развиваться наше переселенческое движеніе; мы можемъ оперировать лишь съ такими опредѣленіями, какъ «много» «мало» или «неизвѣстно». Притомъ вѣдь самое важное — не *сколько*, а *что* можетъ быть использовано для переселенія и разселенія. Прежде всего, далеко не всякая земля, которая могла бы быть заселена при нѣкоторыхъ теоретически мыслимыхъ хозяйственныхъ пріемахъ и при нѣкоторыхъ затратахъ на приведеніе ея въ культурное состояніе можетъ быть введена въ учетъ нашего переселенческаго земельнаго фонда. Такъ, солонцы при употребленіи извѣстныхъ техническихъ пріемовъ могутъ быть сдѣланы очень плодородными; болота могутъ быть осушены и обращены, нерѣдко, въ очень плодородныя земли, а безплодныя пустыни—орошены и сдѣланы пригодными, при извѣстныхъ климатическихъ условіяхъ, для самыхъ интенсивныхъ и доходныхъ культуръ. Но разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія практической аграрной политики, приходится признать, что при томъ хозяйствѣ, какое ведетъ и, въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ, *будетъ вести* нашъ переселенецъ, солонцы должны быть признаны или безусловно неудобными, или годными исключительно подъ выпасъ. А что касается до орошенія и осушки, то приходится задать себѣ вопросъ: *есть ли разсчетъ* дѣлать тѣ огромныя затраты, которыхъ требуютъ такого рода меліораціи, и не выгоднѣе ли затрачивать средства на улучшеніе условій крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства на мѣстахъ выхода переселенцевъ? При оцѣнкѣ нашего колонизаціоннаго земельнаго фонда приходится, такимъ образомъ, ставить вопросъ гораздо уже и опредѣленнѣе; приходится выяснять, что̀ годно для заселенія *при данномъ подборѣ переселенцевъ, при данной степени ихъ благосостоянія, при данномъ ихъ культурномъ уровнѣ*. И исторія сибирской колонизаціи совершенно опредѣленно выяснила, что вполнѣ доброкачественныя земли остаются пустовать, если онѣ не соотвѣтствуютъ потребностямъ и хозяйственнымъ привычкамъ переселенцевъ. А разъ поставить вопросъ о *конкретной* колонизаціонной годности имѣющагося въ распоряженіи государства земельнаго фонда, то приходится считаться прежде всего съ тѣмъ фактомъ, что наше переселенческое движеніе—это, главнымъ образомъ, переселеніе изъ *южной, черноземной* полосы Европейской Россіи; за шестнадцать лѣтъ, съ 1885 по 1900, изъ черноземной полосы переселилось въ Сибирь, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, 980 тыс., или 81,3%, изъ нечерноземной—226 тыс., или 18,7%; и достаточно пересмотрѣть хотя бы труды сельско-хозяйственныхъ

комитетовъ, чтобы увидѣть, что переселенческій вопросъ острѣе всего ставится *именно въ черноземной* полосѣ и почти не имѣетъ значенія за ея предѣлами. Чтобы *конкретно* рѣшить вопросъ о возможномъ ростѣ нашего переселенческаго движенія, приходится поэтому разсматривать наши земельные запасы, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія потребностей выходцевъ изъ черноземной полосы,—а въ такомъ случаѣ мы придемъ къ совершенно инымъ заключеніямъ, чѣмъ если бы имѣли въ виду, такъ сказать, абстрактную пригодность свободныхъ для колонизаціи земель.

Другое существенно важное обстоятельство, котораго нельзя ни на одну минуту упускать изъ виду при рѣшеніи вопроса о возможныхъ размѣрахъ переселенческаго движенія, это—*права и интересы населенія* мѣстностей, призванныхъ играть извѣстную роль въ нашемъ переселенческомъ или колонизаціонномъ движеніи. Совсѣмъ свободныхъ, никому не нужныхъ и никого не интересующихъ земель не такъ ужъ много—таковы, пожалуй, развѣ только сибирскіе и въ особенности амурскіе лѣса,—да и то далеко не вездѣ и отнюдь не безусловно. Когда мы будемъ говорить о земельныхъ запасахъ Европейской Россіи и коренной Сибири, намъ придется встрѣтиться съ интересами мѣстныхъ крестьянъ, для которыхъ тѣ же земельные запасы являются арендным фондомъ. Когда мы будемъ оцѣнивать возможную колонизаціонную вмѣстимость Степного края, Туркестана, Закавказья, — намъ придется считаться съ правами и интересами туземцевъ; придется исходить изъ того же совершенно правильнаго по существу принципа, который и нынѣ лежитъ въ основѣ русской колонизаціонной политики: именно, что подъ русскую колонизацію могутъ быть использованы только тѣ *свободные излишки*, которые могутъ быть изъяты изъ пользованія туземнаго населенія, хотя и съ нѣкоторымъ стѣсненіемъ, но безъ существеннаго для него ущерба; иначе сказать, что отводъ земель подъ русскую колонизацію не долженъ не только стѣснять туземцевъ въ веденіи хозяйства существующихъ размѣровъ и существующаго типа, но не долженъ закрывать передъ ними и возможности дальнѣйшаго экономическаго и культурнаго прогресса. Принявъ этотъ принципъ, мы тѣмъ самымъ ояпть-таки значительно сокращаемъ количество земель, которыя могли бы быть использованы подъ переселеніе; и это тѣмъ болѣе, что киргизъ или бурятъ, чтобы продолжать вести привычное хозяйство, нуждается вѣдь не въ пяти и даже не въ пятнадцати десятинахъ на душу, какъ русскій крестьянинъ или переселенецъ, а въ гораздо бо́льшемъ количествѣ земли. Многіе сомнѣваются въ правильности такой постановки вопроса и думаютъ, что какіе-нибудь киргизы или буряты не могутъ претендовать на бо́льшее количество земли, нежели сколько получаетъ русскій переселенецъ, и что въ инте-

ресахъ поддержанія кочевого быта не приходится отказывать въ удовлетвореніи гораздо болѣе острой земельной нужды нашего крестьянскаго населенія: «интересы киргизскаго барана,— разсуждаютъ эти многіе,—нельзя ставить выше нуждъ голодающаго и нищающаго крестьянина». Въ этомъ много вѣрнаго, пока рѣчь идетъ о тѣхъ мѣстныхъ патріотахъ изъ туземцевъ или изъ представителей администраціи, которые хотѣли бы провозгласить принципъ «киргизія для киргизъ» или «бурятія для бурятъ», и совершенно закрыть инородческіе районы для русской колонизаціи. Я лично тоже не вижу основанія признавать за туземнымъ населеніемъ *бо́льшихъ* правъ, нежели за русскими переселенцами; но разъ мы всѣ—граждане одной страны, то нѣтъ основанія признавать за первыми и *меньшихъ* правъ. А если такъ, то кочевое или полукочевое хозяйство киргизовъ или бурятъ, требующее, очевидно, гораздо бо́льшаго земельнаго простора, имѣетъ такія же права на вниманіе, какъ залежное или трехпольное хозяйство русскаго крестьянина-переселенца; киргизу или буряту, хотя бы уже и познакомившемуся съ зачатками земледѣлія, не легче перескочить къ чисто земледѣльческому хозяйству, при которомъ онъ дѣйствительно могъ бы удовольствоваться 15-ю десятинами, нежели крестьянину-переселенцу— перейти къ какому-нибудь плодосмѣнному хозяйству, при которомъ онъ отлично могъ бы существовать на полутора десятинахъ и не испытывалъ бы надобности въ переселеніи.

Посмотримъ же теперь, каковы тѣ земельные запасы, на которые дѣйствительно можетъ разсчитывать наше переселеніе. Начнемъ съ *казенныхъ земель Европейской Россіи*, которыя въ послѣднее время привлекаютъ особенное вниманіе мѣстныхъ дѣятелей, интересующихся переселеніемъ и вообще улучшеніемъ условій крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства: «правительству,—полагаютъ многіе,—прежде чѣмъ заботиться о переселеніи прироста населенія въ Сибирь, слѣдовало бы принять мѣры къ равномѣрному разселенію внутри Европейской Россіи, гдѣ тоже еще много негусто населенныхъ мѣстъ и продается много разныхъ земель». Вопросъ о продажныхъ земляхъ выходитъ изъ рамокъ настоящаго очерка. Что касается до казенныхъ земель, то общеизвѣстный фактъ, что въ распоряженіи государства въ Европейской Россіи имѣются колоссальныя пространства. Общая площадь однихъ только казенныхъ лѣсовъ достигаетъ, по послѣднимъ даннымъ, 107 милліоновъ десятинъ. Но изъ нихъ 43 милліона десятинъ приходятся на Архангельскую губернію, 51 милліонъ—на другія пять сѣверныхъ губерній Европейской Россіи. Не мало милліоновъ десятинъ въ этихъ губерніяхъ могло бы быть обращено подъ заселеніе безъ ущерба для лѣсохозяйственныхъ интересовъ страны, и значительныя площади лѣсныхъ земель по почвеннымъ и т. п. условіямъ удобны

для заселенія и культуры. Но ясно, что эти милліоны десятинъ могутъ быть использованы лишь для цѣлей разселенія мѣстныхъ крестьянъ, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ разсматриваться какъ колонизаціонный фондъ для выходцевъ изъ южной и средней, вообще изъ черноземной Россіи: суровый климатъ, бѣдныя почвы, а въ особенности—необходимость расчистки угодій изъподъ крупнаго хвойнаго лѣса дѣлаютъ лѣсныя земли сѣверныхъ губерній совершенно непригодными для этой цѣли. На всѣ остальныя губерніи Европейской Россіи, взятыя вмѣстѣ, приходится 13 милліоновъ десятинъ казенныхъ лѣсовъ; возможно, что при тщательномъ обслѣдованіи и здѣсь нашлись бы площади, годныя для заселенія и не имѣющія существеннаго значенія, какъ лѣсъ; но къ использованію этихъ площадей придется отнестись съ крайней осторожностью, такъ какъ интересы страны настоятельно требуютъ болѣе бережнаго, нежели до сихъ поръ, отношенія къ ея лѣснымъ богатствамъ.

Несравненно бо̀льшее значеніе могла бы имѣть другая категорія государственныхъ земель Европейской Россіи—такъ называемыя казенныя оброчныя статьи, т. е. земельныя угодья, эксплуатируемыя казною путемъ сдачи въ аренду подъ тѣ или другіе виды сельско-хозяйственнаго пользованія. Общая площадь ихъ—4.176.000 дес., въ томъ числѣ 3.886.000 дес. въ двѣнадцати южныхъ и юго-восточныхъ губерніяхъ: Самарской (1.320 тыс.), Астраханской (799 тыс.), Херсонской (315 тыс.), Пермской (306 тыс.), Оренбургской, Саратовской, Таврической, Уфимской, Екатеринославской, Харьковской, Бессарабской и Тамбовской. Такимъ образомъ, главная масса оброчныхъ статей располагается какъ разъ въ мѣстностяхъ, наиболѣе соотвѣтствующихъ потребностямъ и хозяйственнымъ привычкамъ той массы переселенцевъ изъ черноземной полосы, которая,—какъ мы увидимъ ниже,—съ каждымъ годомъ труднѣе находитъ себѣ мѣсто въ Азіатской Россіи. А въ виду еще и близости этихъ земель къ районамъ выселенія станетъ совершенно понятно, почему общественное мнѣніе, какъ оно выразилось въ трудахъ сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, съ особеннымъ интересомъ и вниманіемъ относится къ вопросу объ использованіи казенныхъ оброчныхъ статей Европейской Россіи для надобностей переселенія и разселенія. Но, прежде всего, еще не выяснено, какая доля общаго пространства этихъ статей *дѣйствительно годна* для образованія постоянныхъ поселеній. Сравнительно проще и, повидимому, благопріятнѣе разрѣшается вопросъ о почвенныхъ условіяхъ, вообще о годности *земель* этой категоріи для сельско-хозяйственнаго пользованія: правда, мѣстными дѣятелями и въ этомъ отношеніи высказывается не мало серьезныхъ сомнѣній; тѣмъ не менѣе можно быть увѣреннымъ въ томъ, что очень большая часть оброчныхъ статей по почвѣ и по составу

угодій была бы вполнѣ годна для заселенія. Гораздо труднѣе вопросъ о водоснабженіи. Первыя работы, предпринятыя въ 1904 году въ средней части Самарской губерніи въ цѣляхъ точнаго выясненія вопроса, выяснили, что въ этомъ отношеніи придется бороться съ огромными трудностями: не говоря уже о совершенно отсутствующихъ, въ границахъ казенныхъ земель обслѣдованнаго района, естественныхъ водныхъ источникахъ, въ видѣ правила здѣсь нельзя надѣяться даже на надежное колодезное водоснабженіе; единственный способъ обезпечить водою будущіе переселенческіе поселки—это, бо̀льшею частью, устройство запрудъ, которыя, даже и независимо отъ своей дороговизны, представляютъ въ роли *основного* источника водоснабженія немаловажныя хозяйственныя неудобства. Правда, изслѣдована пока лишь очень небольшая площадь; но дальше на югъ, на крайнемъ югѣ Самарской и въ Астраханской губерніи, гдѣ располагается почти треть общаго количества казенныхъ оброчныхъ земель Европейской Россіи, условія водоснабженія несомнѣнно еще гораздо хуже, и потому возможность широкой колонизаціи этихъ мѣстностей подвержена весьма серьезному сомнѣнію.

Конечно, только детальныя мѣстныя изслѣдованія, теперь еще только начинающіяся, могутъ точно выяснить, *какая часть* оброчныхъ земель годна для заселенія. Предположительно можно однако высказать, что эта часть будетъ все-таки значительна. Но бѣда опять-таки въ томъ, что использовать для заселенія удастся далеко не все, что по естественнымъ условіямъ годно для этой цѣли. Я уже не буду останавливаться на томъ, что въ каждой изъ тѣхъ губерній, гдѣ есть оброчныя земли, есть мѣстное безземельное или малоземельное населеніе,— въ Самарской губерніи однихъ безземельныхъ и дарственниковъ насчитывается, напр., не менѣе 60 тыс. душъ, въ Уфимской и Оренбургской число малоземельныхъ далеко больше, нежели можно устроить на счетъ всего вообще запаса казенныхъ земель этихъ губерній,—и законъ 1904 года совершенно правильно призналъ за этими мѣстными безземельными и малоземельными преимущественное право водворенія на имѣющихъ быть образованными изъ оброчныхъ земель переселенческихъ участкахъ. Но главное—казенныя оброчныя статьи являются вѣдь *арендным̀ъ фондомъ* для мѣстнаго крестьянства. Когда арендаторами являются *малоземельные* крестьяне, вопросъ не представляетъ затрудненій: ясно, что нельзя отнять арендный участокъ у мѣстнаго, чтобы отдать его пришлому малоземельному крестьянину. Но казенныя земли весьма часто, въ юго-восточныхъ губерніяхъ даже въ видѣ общаго правила, арендуютъ не *хуже*, а *лучше* обезпеченные землею элементы мѣстнаго крестьянства; это потому, что казенныя земли, какъ правило, располагаются

около селеній бывшихъ государственныхъ и по своему мѣстоположенію недоступны для аренды наиболѣе нуждающихся въ землѣ—бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. И вотъ интересы арендаторовъ повсемѣстно вступаютъ въ серьезный конфликтъ съ интересами переселенческаго дѣла. Съ той основной точки зрѣнія, которую мнѣ придется развивать немного ниже, вопросъ разрѣшается просто: разъ земля нужна для переселенія безземельныхъ или абсолютно малоземельныхъ крестьянъ, т. е. такихъ, которыхъ положеніе не можетъ быть улучшено иначе, какъ переселеніемъ, то интересы переселенія, конечно, должны быть поставлены впереди интересовъ тѣхъ хорошо обезпеченныхъ землею арендаторовъ, которымъ аренда нужна для поддержанія залежнаго хозяйства или для развитія экстенсивнаго скотоводства. Но обычная точка зрѣнія, которую прекрасно формулировалъ А. В. Пѣшехоновъ, заключается въ томъ, что «малоземелье—понятіе условное, и острыя послѣдствія его могутъ сказываться не только въ густо населенныхъ районахъ, но и въ малолюдныхъ мѣстностяхъ». Съ этой точки зрѣнія, конечно, нѣтъ основанія предпочесть, напр., курянина, переселяющагося съ полуторадесятиннаго надѣла, самарцу, которому его пять или семь десятинъ, при залежномъ хозяйствѣ, даютъ гораздо меньше, чѣмъ полторы или двѣ десятины при трехпольѣ.

Какъ бы то ни было, но трудно разрѣшимый конфликтъ между интересами переселенія и нуждами землеустройства мѣстныхъ крестьянъ, безъ всякаго сомнѣнія, сильно сократитъ возможность использованія казенныхъ земель Европейской Россіи для цѣлей переселенія. Недаромъ, напр., еще въ 1880 году комиссія херсонскаго земства, вырабатывавшая инструкцію вызванному на совѣщаніе «свѣдущихъ людей» предсѣдателю губернской управы Ф. П. Никитину, а затѣмъ губернское собраніе 1885 года, считали своимъ долгомъ настаивать на томъ, «чтобы казенныя земли губерніи были оставлены для нуждъ ея и чтобы ихъ не заселяли переселенцами изъ другихъ губерній», а новоузенскій уѣздный земскій экономическій совѣтъ, при участіи представителей крестьянскихъ обществъ, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ постановилъ ходатайствовать о «воспрещеніи переселенія въ уѣздъ крестьянамъ изъ другихъ губерній»; между тѣмъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ, по расчету губернскаго экономическаго совѣта, число малоземельныхъ не превышаетъ 24.718 душъ, которымъ недостаетъ до нормы всего 63.094 дес.,—площадь же казенныхъ земель уѣзда достигаетъ 587.062 десятинъ!.. И съ тѣмъ настроеніемъ мѣстныхъ дѣятелей, которое нашло себѣ до абсурда рѣзкое выраженіе въ приведенномъ только что ходатайствѣ, несомнѣнно, придется серьезно считаться при рѣшеніи на практикѣ конкретнаго вопроса: можно ли, или нельзя отдать извѣстную площадь казенныхъ земель для водворенія переселенцевъ...

Довольно серьезный по своимъ абсолютнымъ размѣрамъ земельный фондъ представляютъ собою затѣмъ удѣльныя земли. Общая площадь ихъ въ 49 губерніяхъ—7.367 тыс. дес. Но почти двѣ трети ея, именно 4.540 тыс., располагаются въ семи сѣверныхъ губерніяхъ, изъ нихъ 3.508 тыс. десятинъ—въ Архангельской, Вологодской и Новгородской; если бы и было въ принципѣ допущено переселеніе на удѣльныя земли, эти двѣ трети, очевидно, не могли бы служить колонизаціоннымъ фондомъ для выходцевъ изъ черноземной полосы. Въ предѣлахъ южной половины Европейской Россіи болѣе значительныя пространства удѣльныхъ земель имѣются только въ Самарской губерніи—1.045 тыс. дес. и въ Симбирской—816 тыс. дес.; затѣмъ въ губерніяхъ: Нижегородской, Орловской, Уфимской, Кіевской и Подольской, во владѣніи удѣла состоитъ, въ каждой, отъ 60 до 127 тыс. десятинъ; во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ—ничтожные клочки. Значительная часть удѣльныхъ земель, какъ и казенныхъ, занята лѣсами, сохраненіе которыхъ, какъ правило, безусловно необходимо; сельско-хозяйственныя угодья, какъ и казенныя оброчныя статьи, являются арендным фондомъ для мѣстнаго населенія, и въ конечномъ результатѣ лишь ничтожная доля удѣльныхъ земель, даже при принципіально утвердительномъ разрѣшеніи вопроса, могла бы фактически поступить для нуждъ переселенія.

Переходимъ теперь къ Азіатской Россіи и начнемъ съ Закавказскаго края,—Предкавказье теперь уже настолько переполнено «иногородними», что для устройства ихъ едва ли хватило бы всѣхъ наличныхъ земельныхъ запасовъ края, даже при урегулированіи землепользованія мѣстнаго казачьяго и частью инородческаго населенія. Уже абсолютныхъ цифръ государственнаго землевладѣнія въ Закавказскомъ краѣ достаточно, чтобы видѣть, что этотъ край, даже при наиболѣе благопріятной комбинаціи условій, не можетъ дать сколько-нибудь значительнаго запаса земель, годныхъ для переселенія. По новѣйшимъ офиціальнымъ даннымъ, колонизаціонный фондъ Закавказскаго края составляли: 153.000 дес. земель, уже отведенныхъ подъ русскія поселенія; 180 тыс. дес. земель, предназначенныхъ къ заселенію въ ближайшее время; 372 тыс.—изслѣдованныхъ, но пригодныхъ для заселенія лишь послѣ извѣстныхъ мелиоративныхъ работъ; до полутора милліона десятинъ казенныхъ зимнихъ пастбищъ и 240 тыс. десятинъ казенныхъ оброчныхъ статей; всего, значитъ, до 2,5 милліоновъ десятинъ. Но этотъ колонизаціонный фондъ, какъ тоже офиціально признается, требуетъ весьма значительной уцѣнки съ точки зрѣнія соотвѣтствія его потребностямъ русскаго переселенія. Кубанскіе иногородніе, которыхъ, естественно, прежде всего стремились направить въ Закавказскій край, «находятъ участки Закавказья

для себя неподходящими»—явленіе, вытекающее изъ «несоотвѣтствія привычнаго для упомянутыхъ крестьянъ способа веденія хозяйства на черноземныхъ степяхъ Кубани (а этотъ способъ — это вѣдь съ извѣстными частичными измѣненіями, обычный способъ веденія хозяйства въ черноземной полосѣ!) съ совершенно новыми хозяйственными условіями орошаемыхъ низменностей и горныхъ районовъ Закавказья». Въ концѣ-концовъ, по официальному опять-таки признанію, «50% наличнаго колонизаціоннаго запаса не могутъ служить текущимъ потребностямъ переселенческаго дѣла и окажутся (если окажутся! *А. К.*) пригодными лишь въ будущемъ». А зимнія пастбища—это не что иное, какъ совершенно безплодныя въ лѣтнее время степи въ низменной, жаркой полосѣ края, годныя для культуры лишь при искусственномъ орошеніи, условія развитія котораго въ Закавказьѣ гораздо менѣе благопріятны, нежели, напр., въ сосѣднемъ Туркестанѣ[1]).

Но главное—казенныя земли Закавказья *вовсе не могутъ разсматриваться, какъ земельный фондъ для водворенія русскихъ переселенцевъ* или вообще какого бы то ни было пришлаго населенія. По официальному подсчету, основанному на данныхъ, собранныхъ двадцать лѣтъ тому назадъ, число безземельныхъ и малоземельныхъ среди однихъ только государственныхъ крестьянъ четырехъ губерній восточнаго Закавказья достигаетъ 46%; въ Кутаисской губерніи, по подсчету мѣстнаго сельскохозяйственнаго комитета, малоземельные составляютъ 60—70% всего населенія, при чемъ надо замѣтить, что въ учетъ малоземельныхъ вводились только тѣ, чье землевладѣніе ниже низшей нормы, установленной для русскихъ переселенцевъ; а та картина арендныхъ отношеній, какая обрисовывается въ трудахъ, напр., того же кутаисскаго комитета, свидѣтельствуетъ о наличности отнюдь не менѣе, если не болѣе рѣзкаго аграрнаго кризиса, нежели какой гонитъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи. И если, тѣмъ не менѣе, только одинъ кутаисскій комитетъ рѣшился требовать «предоставленія земледѣльцамъ Кутаисской губерніи права разселяться на свободныя казенныя земли въ предѣлахъ всего Закавказскаго края», остальные же комитеты либо обошли вопросъ молчаніемъ, либо даже рѣшались утверждать, что «стремленія къ переселенію не замѣчается», что переселенческій вопросъ въ краѣ «недостаточно назрѣлъ», то въ этомъ слѣдуетъ видѣть лишь выраженіе той специфической, господствовавшей до самыхъ послѣднихъ дней «кавказской политики», которая принципіально смотрѣла на свободныя земли края исключительно, какъ на способъ «усилить на Кавказѣ русскую народность». Какъ извѣстно, однимъ изъ первыхъ

[1]) Это положеніе оказалось опровергнутымъ дѣйствительностью. А. К.

шаговъ новаго намѣстника, гр. Воронцова-Дашкова, было обѣщаніе допустить разселеніе на казенныхъ земляхъ мѣстнаго малоземельнаго населенія. Для устройства этого послѣдняго не хватитъ, несомнѣнно, даже и всего того земельнаго фонда, какимъ еще располагаетъ государство въ Закавказьѣ, и потому послѣднее приходится совершенно исключить изъ числа тѣхъ мѣстностей, гдѣ возможна русская колонизація.

Иную картину представляетъ Туркестанъ. Общее пространство пяти областей края превышаетъ 1.485.000 кв. верстъ, населеніе—5.260.000 человѣкъ, плотность населенія—всего 3,6 на кв. версту. Осѣдлое и полуосѣдлое населеніе края густо заняло незначительные по пространству оазисы, протянувшіеся нешироками полосами по теченіямъ нѣкоторыхъ рѣкъ и вдоль предгорій туркестанскаго горнаго массива. Необъятныя пространства остаются ненаселенными и только служатъ: одни весною или осенью, другія зимой или лѣтомъ, пастбищемъ для киргизскихъ и туркменскихъ табуновъ. И это отнюдь не потому, чтобы почвенныя условія исключали здѣсь возможность заселенія и земледѣльческой культуры. Почва многихъ изъ «голодныхъ пустынь» Туркестана—знаменитый средне-азіатскій лёссъ, отличающійся, при достаточномъ орошеніи, высокимъ плодородіемъ. Но вопросъ именно въ орошеніи; возможность дальнѣйшей—русской или какой бы то ни было—колонизаціи Туркестана зависитъ не столько отъ запасовъ *земли*, сколько отъ запасовъ *воды*, могущей быть использованною для искусственнаго орошенія. Правда, въ предгорныхъ районахъ производятся безъ полива такъ называемые «богарные» посѣвы, и земледѣліе подъ дождь способно давать гораздо болѣе надежные результаты, нежели обычно принято думать: урожайность богарныхъ посѣвовъ во многихъ мѣстахъ даже въ худшіе годы не падаетъ ниже самъ 4—5, а средній урожай—не ниже самъ 7—8, о какомъ и не мечтаетъ земледѣлецъ южной или средней Россіи. Но годныхъ для богарной культуры земель не такъ много, а главное, богарныя земли, гдѣ онѣ и есть,—недостаточно надежная опора для колонизаціи безъ комбинаціи съ поливными землями, отъ наличности которыхъ, такимъ образомъ, и зависитъ возможность водворенія въ краѣ русскихъ переселенцевъ. Вопроса о наличности *земель*, годныхъ для орошенія, не стоитъ даже ставить: достаточно пересѣчь край въ любомъ направленіи, чтобы видѣть развалины множества заброшенныхъ сотни лѣтъ тому назадъ селеній и городовъ, окруженныхъ, нерѣдко на десятки квадратныхъ верстъ, сѣтями когда-то дѣйствовавшихъ оросительныхъ каналовъ и канавокъ, и общая площадь лёссовыхъ пустынь, ожидающихъ искусственнаго орошенія, исчисляется, несомнѣнно, очень многими милліонами десятинъ. Менѣе благопріятно разрѣшается вопросъ о свободныхъ запасахъ *ороси-*

тельной воды. По примѣрному подсчету, сдѣланному въ трудахъ сыръ-дарьинскаго сельско-хозяйственнаго комитета, однѣ только двѣ главныя водныя артеріи края—Сыръ и Аму-Дарья—могли бы оросить еще до двухъ милліоновъ десятинъ; по даннымъ инженера-гидравлика Петрова, общій запасъ еще могущихъ быть использованными водъ въ этихъ рѣкахъ достаточенъ не болѣе, нежели на одинъ милліонъ десятинъ, изъ которыхъ въ Ферганской области могло бы быть орошено 246 тыс., въ Голодной степи, Самаркандской области, 375 тыс., въ Сыръ-Дарьинской области 244 тыс. десятинъ, въ низовьяхъ Аму, въ предѣлахъ Хивинскаго и Бухарскаго ханствъ и частью Аму-Дарьинскаго отдѣла, 130 тыс. десятинъ. Въ Семирѣчьѣ запасъ земель, «при орошеніи наиболѣе удобныхъ для земледѣлія», исчисляется мѣстнымъ сельско-хозяйственнымъ комитетомъ въ 4.846.000 десятинъ, при чемъ, однако, остается не выясненнымъ, выведена ли эта цифра изъ точнаго учета запасовъ воды или просто изъ наличности слѣдовъ древнихъ поселеній и оросительныхъ системъ. Какъ ни шатки всѣ эти и подобныя указанія, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что неиспользованныя воды Туркестана тоже позволили бы оросить не одинъ милліонъ десятинъ, и площадь орошенной земли могла бы быть еще значительно расширена, если бы удалось урегулировать водопользованіе и установить правильныя нормы расхода поливной воды.

Но орошеніе милліоновъ десятинъ—это, прежде всего, огромное техническое дѣло, требующее затраты сотенъ милліоновъ рублей; въ среднемъ на переселенческую семью орошеніе обойдется отъ 500 до 1.500 рублей, и громадной важности, какъ я сказалъ, вопросъ: не выгоднѣе ли истратить эти деньги на улучшеніе крестьянскаго хозяйства и на подъемъ крестьянской культуры на мѣстахъ... Далеко не доказано затѣмъ, чтобы такая задача, какъ орошеніе милліоновъ десятинъ, оказалась посильною для русской ирригаціонной техники—до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, она не доказала своей способности осуществлять подобныя грандіозныя предпріятія[1]). Но и при наилучшей техникѣ такія грандіозныя оросительныя работы потребовали бы десятковъ лѣтъ, и, слѣдовательно, на десятки лѣтъ пришлось бы растянуть заселеніе могущихъ быть орошенными земель. А главное—далеко не всѣ неиспользованныя въ данное время воды Туркестана могутъ быть признаны *свободными* водами и, слѣдовательно, использованы для русской колонизаціи. Основной принципъ нашей колонизаціонной политики—использовать для этой цѣли лишь *излишнія* земли, не только не нарушая суще-

---

[1]) Успѣхи ирригаціонныхъ работъ въ послѣдніе годы даютъ основаніе для менѣе пессимистическаго прогноза. *А. К.*

ствующаго хозяйства туземнаго населенія,но и не преграждая ему возможности хозяйственнаго и культурнаго развитія; этотъ принципъ остается справедливымъ и по отношенію къ оросительной водѣ, которая въ Туркестанѣ вѣдь дороже, нежели земля. Между тѣмъ, даже осѣдлое населеніе Туркестана далеко не вездѣ достаточно обезпечено оросительною водою. А затѣмъ—нельзя забывать о двухмилліонномъ кочевомъ населеніи Туркестана, киргизахъ и туркменахъ, которое уже давно находится въ фазисѣ перехода къ осѣдлости и къ земледѣльческому хозяйству, но въ большинствѣ еще не вышло изъ начальныхъ стадій этого перехода, а потому использовало пока лишь ничтожную часть той оросительной воды, которая потребуется ему для окончательнаго перехода къ осѣдлости и земледѣльческому хозяйству. Эта будущая потребность постепенно осѣдающаго кочевого населенія не можетъ быть оставлена безъ вниманія при рѣшеніи вопроса о количествѣ свободныхъ водъ, могущихъ быть использованными для русскихъ переселенцевъ. А разъ это такъ, то изъ тѣхъ нѣсколькихъ милліоновъ десятинъ, которыя еще возможно оросить свободными водами Туркестана, подъ русскія поселенія удастся отвести лишь небольшую часть, и, слѣдовательно, возможность переселенія въ Туркестанъ—какъ разъ одинъ изъ тѣхъ колонизаціонныхъ районовъ, которые особенно привлекательны для выходцевъ изъ черноземной полосы—будетъ поставлена въ тѣсные предѣлы.

Переходимъ теперь къ кореннымъ, если можно такъ выразиться, нашимъ колонизаціоннымъ районамъ—къ Сибири и Степному краю. Почти прекратившееся въ первыя десятилѣтія пореформеннаго періода, переселеніе въ началѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія хлынуло въ Сибирь неудержимою волною. И забытые въ то время Богомъ и людьми переселенцы, послѣ 4—5 лѣтъ жизни на новомъ мѣстѣ, «достигали, въ среднемъ, такого уровня благосостоянія, о которомъ даже и не могли мечтать на родинѣ» (Качоровскій). «Колонизація,—писалъ въ то время Ядринцевъ,—имѣетъ такое же врачующее и исцѣляющее значеніе, какъ имѣетъ воздухъ съ перемѣной климата для больного, съ тою разницей, что здѣсь истощенныя экономическія силы народа возстановляются многоземельемъ, просторомъ и плодородіемъ почвы»... Еще недавно писавшіе о переселеніи смѣло говорили о многихъ десяткахъ и сотняхъ милліоновъ переселенцевъ, которыхъ Сибирь способна принять въ самое ближайшее время. И дѣйствительно: организовавъ съ 1893 года систематическія землеотводныя работы, правительство въ первые же два-три года, съ ничтожными сравнительно затратами, могло нарѣзать нѣсколько милліоновъ десятинъ такихъ земель, которыя если не были безукоризненно хороши, то во всякомъ случаѣ по доступности мѣстоположенія, легкости разработки,

обилію заработковъ удовлетворяли всѣмъ требованіямъ переселенцевъ; оно могло притомъ сдѣлать это, не выходя за предѣлы нѣсколькихъ прорѣзанныхъ линіею Сибирской желѣзной дороги уѣздовъ трехъ сибирскихъ губерній и Акмолинской области. Этотъ первый успѣхъ окрылялъ надежды и подтверждалъ, казалось, основанное на апріорныхъ соображеніяхъ убѣжденіе въ безпредѣльной колонизаціонной емкости Сибири, и правительство, съ того времени проявляющее живой интересъ къ сибирскому переселенію, считало возможнымъ развивать его во всю ширину и открыть ему возможную свободу. Но скоро наступило разочарованіе. Многозначителенъ уже тотъ фактъ, что такое же въ среднемъ, какъ и въ первые годы, количество земли кругомъ 1.100.000 десятинъ въ годъ) теперь удается заготовлять лишь при вчетверо или впятеро бо̀льшихъ затратахъ; а главное, для этого пришлось разбросать землеотводныя работы по всей необъятной Сибири и Пріамурью до Тихаго океана, по пяти киргизскимъ областямъ и по четыремъ губерніямъ восточной полосы Европейской Россіи; районъ землеотводныхъ работъ распространился на 15 губерній и областей, и, несмотря на это, нѣтъ никакой надежды на то, чтобы количество земель, заготовленныхъ подъ заселеніе, удалось не только увеличить, но даже хотя бы поддержать на томъ же уровнѣ, который былъ такъ легко достигнутъ въ первой половинѣ 90-хъ годовъ[1]). Не менѣе многозначительны и тѣ перемѣны въ переселенческой политикѣ, которыя были вызваны наступившимъ во второй половинѣ 90-хъ годовъ разочарованіемъ въ безпредѣльности земельныхъ запасовъ Сибири. Правительство продолжало съ живѣйшимъ интересомъ относиться къ дѣлу колонизаціи «района Сибирской желѣзной дороги». И тѣмъ не менѣе, начиная съ 1897 года, оно вновь вступаетъ на путь мѣръ, направленныхъ къ задержанію дальнѣйшаго роста переселенческаго движенія. По мысли центральнаго правительства, эти мѣры должны были состоять въ сокращеніи ссудной помощи, расчетъ на которую являлся существенною приманкою для переселенцевъ; въ распространеніи разными способами болѣе правильныхъ представленій о дѣйствительныхъ условіяхъ сибирской колонизаціи, при чемъ наибольшее значеніе приписывалось организаціи ходачества. На практикѣ онѣ скоро выродились въ систему запретительныхъ мѣръ, направленныхъ какъ вообще къ тому, чтобы задержать переселенческій потокъ, такъ и къ тому, чтобы удержать отъ переселенія бѣднѣйшіе элементы, которымъ при современныхъ условіяхъ слишкомъ трудно устраиваться въ Сибири.

---

[1]) Событія 1907—1910 гг. заставляетъ войти нѣкоторыя поправки въ его утвержденіе *А К.*

Тотъ обильный, хотя далеко и не безукоризненный въ качественномъ смыслѣ фактическій матеріалъ, который добытъ за десять слишкомъ лѣтъ систематическихъ изслѣдованій и землеотводныхъ работъ, равно какъ исторія сибирскаго переселенія за тотъ же приблизительно періодъ, устраняютъ всякую возможность сомнѣваться въ томъ, что Сибирь со Степнымъ краемъ дѣйствительно не можетъ уже играть серьезной роли, какъ пріемникъ для нашего переселенческаго движенія [1]). Если отвлечься отъ различій второстепеннаго характера, то такъ называемая коренная Сибирь, т. е. четыре предбайкальскія губерніи вмѣстѣ съ Пріамурьемъ, можетъ быть охарактеризована, какъ районъ *лѣсной* колонизаціи, и противопоставлена киргизскому краю, какъ району съ землями рѣзко выраженнаго *степного* типа. На первый взглядъ такое противопоставленіе можетъ показаться противорѣчащимъ дѣйствительности—достаточно самаго поверхностнаго представленія о Сибири, чтобы знать, что ея естественно-географическія условія въ высшей степени пестры, представляя всѣ переходы отъ совершенно безлѣсныхъ степей нѣкоторыхъ мѣстностей юго-западной Сибири или Пріамурья и кончая глухою «черною» тайгою. Но процессъ заселенія степныхъ и даже полустепныхъ районовъ Сибири можетъ считаться приблизительно законченнымъ: въ такихъ районахъ—если говорить сначала о коренной Сибири—гуще всего осѣло старожилое населеніе, а все, что было возможно изъять изъ его свободнаго еще недавно пользованія, было изъято и заселено въ серединѣ 90-хъ годовъ, въ первые же годы систематическихъ землеотводныхъ работъ и массовой колонизаціи; кое-что освободится еще по мѣрѣ хода поземельнаго устройства старожилаго населенія,—но только вънѣкоторыхъ уѣздахъ Алтая этимъ путемъ можно будетъ получить еще сколько-нибудь значительныя площади земель степного или полустепного типа. Въ Пріамурскомъ краѣ земли такого рода располагаются почти исключительно въ двухъ ограниченныхъ по пространству районахъ: Ханкайскомъ, въ Приморской области, и Зейско-Буреинскомъ, въ Амурской; но оба эти района также уже почти сплошь заселены, и въ настоящее время здѣсь добираютъ послѣднія сотни тысячъ десятинъ. Все остальное, на что можно разсчитывать въ Сибири и въ Пріамурьѣ, это лишь лѣсныя земли, необъятная сибирская тайга. Правда, дѣйствительный ея характеръ не соотвѣтствуетъ тому представленію о дремучихъ, первобытныхъ лѣсахъ, которое привыкли соединять съ этимъ названіемъ. Въ перемѣшку съ первобытною «черною», елово-пихтовою и кедровою тайгою и обширными борами съ песчаною почвой, изслѣдованія и рекогносцировки ряда послѣднихъ лѣтъ обнаружили обширныя площади «бѣльниковъ», «дубровъ» и «еланей», подъ вліяніемъ послѣдовательныхъ лѣсныхъ пожаровъ совершенно измѣнившихъ

[1]) Тоже. А. К.

свою первобытную физіономію; хвойный лѣсъ смѣнился лиственнымъ или даже совершенно исчезъ, оставивъ послѣ себя безлѣсныя поляны; получившіе доступъ къ почвѣ солнечные лучи устранили избыточную сырость, ускорили процессы созрѣванія почвы, переродили травяной покровъ, измѣнили къ лучшему даже климатическія условія, и, такимъ образомъ, явились обширныя пространства земель, годныхъ для земледѣльческой колонизаціи. Много ли такихъ пространствъ, сказать нельзя: рекогносцировки захватили пока лишь небольшую часть необъятной тайги, и можно почти съ увѣренностью ожидать, что въ невѣдомыхъ ея дебряхъ кроется еще много милліоновъ десятинъ культуроспособныхъ земель; притомъ процессъ освѣтлѣнія тайги далеко не закончился, и съ каждымъ десятилѣтіемъ будутъ созрѣвать для культуры новыя сотни тысячъ, а, можетъ быть, и милліоны десятинъ. Говорить о близкомъ концѣ таежной колонизаціи, поэтому, не приходится. Но, прежде всего, какъ по чисто техническимъ условіямъ разработки лѣсныхъ земель, такъ и въ особенности по экономическимъ соображеніямъ, заселеніе таежныхъ пространствъ какъ до сихъ поръ шло, такъ и впредь должно итти лишь медленно и постепенно, чтобы каждая послѣдующая линія поселеній могла найти себѣ прочный колонизаціонный базисъ въ уже окрѣпшихъ селеніяхъ предыдущей линіи. А главное, вѣдь лѣсныя и въ особенности таежныя земли—это *не то, что нужно* для нашего переселенія. Ничѣмъ инымъ нельзя объяснить тотъ парадоксальный фактъ что правительство, крайне заинтересованное въ возможномъ расширеніи сибирскаго переселенія, тѣмъ не менѣе почти прекратило въ послѣдніе годы заготовленіе переселенческихъ участковъ въ губерніяхъ коренной Сибири. Вполнѣ пригодныя для заселенія, если смотрѣть безотносительно, сибирскія лѣсныя земли совершенно не соотвѣтствуютъ требованіямъ выходцевъ изъ черноземной полосы, а слѣдовательно могутъ имѣть, съ точки зрѣнія общей переселенческой политики, лишь самое ограниченное значеніе. Уже во второй половинѣ 90-хъ годовъ, когда лѣсные участки нарѣзались въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ надѣлами старожильскихъ селеній, на такіе участки садилось всего 3% переселенцевъ изъ южныхъ и малороссійскихъ, 7% переселенцевъ изъ сѣверно-черноземныхъ и юго-восточныхъ губерній; о водвореніи переселенцевъ изъ черноземной полосы въ глухой тайгѣ не можетъ быть и рѣчи,—недаромъ сельско-хозяйственные комитеты такъ усиленно подчеркиваютъ, что «въ Сибири въ настоящее время остается все менѣе и менѣе запаса такихъ переселенческихъ земель, обработка которыхъ была бы подъ силу свыкнувшимся съ мѣстными пріемами и обычаями» выходцамъ изъ черноземной полосы; недаромъ лица, стоящія близко къ дѣлу водворенія переселенцевъ въ Сибири, констатируютъ, что «крестьяне черно-

земной полосы мало-по-малу уступаютъ мѣсто переселенцамъ изъ нечерноземныхъ и лѣсныхъ губерній»; что вообще «доминирующее значеніе черноземной полосы должно въ ближайшемъ будущемъ перейти къ нечерноземнымъ губерніямъ; и что особенно характерно—даже пермяки и вятичи, и тѣ теперь избѣгаютъ итти въ лѣсныя мѣстности Сибири и несравненно охотнѣе водворяются въ степныхъ и полустепныхъ мѣстностяхъ Алтайскаго округа.

Итакъ, если смотрѣть на вопросъ съ чисто количественной стороны, земель въ коренной Сибири много. Но это—*не тѣ земли, какія нужны* нашему реальному, конкретному переселенческому движенію, и ихъ несоотвѣтствіе потребностямъ послѣдняго хотя и можетъ быть нѣсколько смягчено, но не можетъ быть устранено ни съ проложеніемъ дорогъ, ни какими бы то ни было другими мѣрами экономическаго или попечительнаго характера: тайга всегда останется тайгою и, въ предѣлахъ возможнаго предвидѣнія, не будетъ привлекать переселенца изъ черноземной полосы.

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о киргизскомъ краѣ. Какъ велика его притягательная сила для переселенцевъ и вообще и въ частности для выходцевъ изъ черноземной полосы, объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія колонизаціи степей: въ то время, какъ въ сибирскихъ лѣсахъ изъ года въ годъ пустуетъ много десятковъ тысячъ душевыхъ долей, наплывъ переселенцевъ въ степи постоянно опережаетъ нарѣзку земель, ведя за собою хроническое «закрытіе» степныхъ областей для переселенія и порождая неустранимую земельную неурядицу...

Общее пространство четырехъ киргизскихъ областей[1]) достигаетъ 1.630.000 кв. верстъ, населеніе—2.700.000 душъ, средняя плотность населенія—1,6, если же считать только киргизовъ и ихъ землевладѣніе—1,2 на кв. версту. Какое, казалось бы, сомнѣніе въ томъ, что въ киргизскихъ степяхъ можно поселить еще массу народа безъ замѣтнаго стѣсненія для туземцевъ—киргизовъ!... Но естественныя условія степей, какъ мы сейчасъ увидимъ; крайне пестры постепенно переходящіе къ осѣдлости киргизы, естественно, заняли своими зимовками, покосами, пашнями какъ разъ тѣ самыя мѣстности, которыя по условіямъ почвы, травяному покрову, водоснабженію были бы наиболѣе удобны для русской колонизаціи, а потому въ такихъ мѣстностяхъ можно использовать для переселенія лишь сравнительно небольшіе излишки; гдѣ степь, напротивъ, лишь крайне слабо используется или вовсе не используется киргизами, гдѣ поэтому можно было бы поселить безъ всякаго для нихъ ущерба многія сотни тысячъ крестьянъ,—тамъ, въ видѣ правила, есте-

[1]) Безъ Семирѣчья, котораго мы касались, говоря о Туркестанѣ.

ственныя условія исключаютъ возможность русской колонизаціи.

Сказанное справедливо даже и по отношенію къ сѣверной (примѣрно до 50-й параллели) полосѣ киргизскихъ степей, составляющей естественное продолженіе восточно-русской и западно-сибирской черноземной степи, а потому особенно привлекательной для переселенцевъ. Русскія поселенія группируются здѣсь болѣе или менѣе густо въ такихъ мѣстностяхъ, какъ сѣверная часть Омскаго, средняя часть Петропавловскаго, средняя и юго-западная часть Кокчетавскаго, сѣверная часть Кустанайскаго, сѣверныя окраины Акмолинскаго и Атбасарскаго уѣздовъ; за 11 лѣтъ, съ 1893 по 1903, здѣсь отведено подъ заселеніе и бо́льшею частью заселено до трехъ милліоновъ десятинъ; здѣсь же и сейчасъ нарѣзываются новые участки. Огромныя пространства, рѣзко бросающіяся въ глаза на картѣ, совершенно лишены, и, насколько возможно предвидѣть, и впредь будутъ лишены русскихъ, вообще осѣдлыхъ поселеній, возможность устройства которыхъ исключается преобладаніемъ солонцеватыхъ и вообще неудобныхъ для культуры почвъ, недостаточностью водоснабженія или же обѣими этими причинами въ совокупности. Еще гораздо хуже обстоитъ дѣло въ южной, несравненно болѣе обширной полосѣ киргизскихъ степей, протянувшейся отъ 50—49-й параллели до предгорій туркестанскаго горнаго массива и въ географическомъ смыслѣ принадлежащей къ Арало-Каспійскому бассейну. Здѣсь крайне сомнительны уже и почвенныя условія: черноземъ сѣверныхъ степей уступаетъ мѣсто солонцеватымъ, каменистымъ, песчанымъ, глинистымъ, далѣе на югъ—лёссовымъ почвамъ, весьма мало пригоднымъ для земледѣльческаго хозяйства нашихъ переселенцевъ. Крайне неудовлетворительно водоснабженіе, но еще хуже климатическія условія, въ особенности по количеству осадковъ: уже въ Акмолинскѣ оно не превышаетъ 219 мм., въ Иргизѣ (на 48°)—174 мм. Крайне рискованное уже на широтѣ Акмолинска, земледѣліе подъ дождь верстъ на сто южнѣе становится окончательно невозможнымъ; здѣсь требовалось бы искусственное орошеніе, но возможность сколько-нибудь широкаго его развитія безусловно исключается крайнею недостаточностью запасовъ годной для полива воды, которой далеко не хватило бы даже для мѣстныхъ киргизовъ. Не удивительно, если всѣ предпринимавшіяся до сихъ поръ въ южной полосѣ изслѣдованія и рекогносцировки давали крайне неудовлетворительные результаты: изъ сотенъ тысячъ десятинъ удавалось находить небольшіе клочки, по характеру почвы годные для земледѣльческой культуры; въ Семипалатинской области, за 1901—1903 гг., было обслѣдовано свыше семи милліоновъ десятинъ, а найдено годныхъ для заселенія 360 тыс., да и на этихъ клочкахъ шансы

будущей русской колонизаціи, въ виду крайне засушливаго климата, нельзя признать благопріятными. Очевидно, что серьезно говорить о южныхъ киргизскихъ степяхъ, какъ о колонизаціонномъ фондѣ, не приходится; наше переселеніе можетъ разсчитывать, въ сущности, только на сѣверную полосу, и здѣсь—только на тѣ районы, которые колонизировались до настоящаго времени. Но эти районы—тѣ самые, гдѣ сосредоточивается главная масса осѣдающаго киргизскаго населенія, и потому можно съ увѣренностью сказать, что другихъ трехъ милліоновъ десятинъ свободныхъ и годныхъ для заселенія земель въ киргизской степи не найдется уже ни въ какомъ случаѣ [1]).

Итакъ, съ одной стороны, сибирская тайга съ довольно большими, повидимому, запасами годныхъ для заселенія земель,—но земель, не соотвѣтствующихъ конкретнымъ потребностямъ переселенія; съ другой—киргизскія степи, естественныя условія которыхъ въ общемъ гораздо болѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ господствующаго типа переселенцевъ, но которыхъ земельные запасы уже очень близки къ окончательному истощенію... Практическій результатъ въ обоихъ случаяхъ одинъ: *переселенцамъ все труднѣе и труднѣе находить себѣ подходящія земли, вообще устраиваться въ Сибири.* Объ этомъ неопровержимо свидѣтельствуютъ, прежде всего, статистическія данныя о результатахъ ходаческаго движенія. Еще въ 1895 году 55% ходоковъ нашли себѣ землю въ Сибири; въ 1899—1903 гг. процентъ нашедшихъ землю колеблется между 31,9 и 19,9%,—т. е. отъ двухъ третей до четырехъ пятыхъ ежегодно возвращается домой съ пустыми руками. Особенно рѣзкое паденіе процента ходоковъ, нашедшихъ землю, наблюдается какъ разъ въ самыхъ излюбленныхъ переселенческихъ районахъ—Алтайскомъ округѣ и Акмолинской области. Крайне характерны при этомъ данныя о причинахъ безуспѣшнаго ходачества: въ Акмолинской области до 80% всѣхъ случаевъ обусловливалось «неимѣніемъ разрѣшенія» или «несвободностью участка»; по Алтаю 77% всѣхъ случаевъ были вызваны чрезмѣрною высотою платы за пріемные приговоры, — все это различныя проявленія уже наступившаго переполненія переселенцами этихъ излюбленныхъ колонизаціонныхъ районовъ. Довольно высокій процентъ случаевъ безуспѣшности ходачества былъ вызванъ причинами той же категоріи и въ западной, и даже въ средней Сибири: и здѣсь въ каждой губерніи есть мѣстности, гдѣ переселенцы охотно стали бы селиться, но эти мѣстности также уже переполнены переселенцами. Затѣмъ, въ 9,4% случаевъ для Тобольской и въ 12,8% случаевъ для Томской губерніи безуспѣшность

[1]) Въ періодъ послѣ 1906 г. здѣсь нарѣзано гораздо больше, что объясняется измѣнившимся отношеніемъ правительства къ земельнымъ правамъ и интересамъ туземцевъ. А. К.

ходачества была вызвана «плохою почвой» или «суровымъ климатомъ»; въ двухъ средне-сибирскихъ губерніяхъ «плохая почва» даетъ уже 27—29%, а «суровымъ климатомъ, мошкой, лѣсистымъ характеромъ мѣстности» было обусловлено по Енисейской губерніи 10,2%, по Иркутской 45% всѣхъ случаевъ безрезультатнаго ходачества. Чѣмъ, слѣдовательно, дальше на востокъ, тѣмъ рѣзче проявляется несоотвѣтствіе естественныхъ условій тѣхъ земель, которыя предлагаются переселенцамъ, съ потребностями даже тѣхъ изъ нихъ, которые рѣшаются итти искать земель въ сибирскіе лѣса.

Рѣзко возрастающая трудность устраиваться въ Сибири ясно доказывается и данными объ обратномъ переселеніи. Еще въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ оно не превышало 3,6%—процентъ, внушавшій тѣмъ менѣе опасеній, что до трехъ четвертей тогдашнихъ обратныхъ возвращались въ Россію, проживъ въ Сибири менѣе года, слѣдовательно, не сдѣлавъ серьезной попытки обзавестись «на новомъ мѣстѣ». За пятилѣтіе 1894—1898 гг. обратное переселеніе поднимается до 13,8%, за пятилѣтіе 1899—1903 гг. оно достигаетъ огромной цифры 18,8%, при чемъ три четверти обратныхъ изъ Акмолинской области и половина—изъ Алтайскаго округа и остальной западной Сибири прожили въ Сибири болѣе года, слѣдовательно, претерпѣли неудачу въ болѣе или менѣе серьезной попыткѣ обосноваться. И въ то время какъ обратное переселеніе изъ Алтайскаго округа и киргизской степи въ значительномъ большинствѣ случаевъ, было вызвано, какъ и безуспѣшное ходачество, разными симптомами пресыщенія этихъ районовъ переселенцами, для западной Сибири треть, для Енисейской половина, для Иркутской четыре пятыхъ случаевъ обратнаго переселенія были вызваны «плохою почвой», «суровымъ климатомъ» и тому подобными причинами; новое доказательство того, что естественныя условія коренной Сибири чѣмъ далѣе на востокъ тѣмъ менѣе соотвѣтствуютъ потребностямъ переселенцевъ.

А между тѣмъ обратными переселенцами далеко не исчерпываются тѣ, кому переселеніе не дало ничего, кромѣ горя и разоренія: чтобы возвратиться на родину, все-таки нужны нѣкоторыя средства и извѣстная энергія, которыхъ нѣтъ у очень многихъ изъ переселенцевъ-неудачниковъ. И тѣмъ болѣе устрашающее значеніе пріобрѣтаетъ такая цифра, какъ 18,8%, или въ абсолютныхъ числахъ за пятилѣтіе 1899—1903 гг. почти 100.000 душъ обратныхъ переселенцевъ.

Уже a priori было ясно, что высокій процентъ безуспѣшнаго ходачества, а тѣмъ болѣе громадное обратное переселеніе, будетъ способствовать распространенію въ народныхъ массахъ болѣе трезвыхъ представленій о переселеніи въ Сибирь и тѣмъ самымъ поведетъ къ сокращенію переселенческаго движенія.

И дѣйствительно, цифра 186.000 (безъ ходоковъ), достигнутая сибирскимъ переселеніемъ въ 1896 году, уже не повторялась: въ 1898—1900 гг. размѣры сибирскаго переселенія колебались между 144 и 165 тысячами; въ 1901 г. переселилось уже всего только 86 тысячъ, въ слѣдующіе два года—по 77 тысячъ, не говоря уже о несчастномъ 1904 годѣ, когда вліяніе военныхъ событій понизило размѣръ переселенія до 27,000. Съ увѣренностью можно сказать, что сибирское переселеніе, при естественномъ ходѣ вещей, уже не вернется къ прежнему размѣру; если же оно будетъ искусственно вздуто путемъ новыхъ мѣръ, направленныхъ къ его «широкому развитію», то за этимъ неизбѣжно послѣдуетъ такое обратное переселеніе, какого еще не бывало, и о которомъ страшно даже и подумать...[1]).

Крайне характерны и измѣненія въ составѣ переселяющихся въ Сибирь. Еще въ 1891—1895 гг. 88,8% переселенцевъ шли изъ черноземной полосы, въ томъ числѣ 76,8% изъ двухъ районовъ: сѣверно- и средне-черноземнаго (классификаціи Н. Х. Бунге). Въ 1901—1903 гг. эти два района даютъ уже только 37,5%, вся вообще черноземная полоса—62% всего переселенческаго движенія. Еще характернѣе абсолютныя цифры: изъ сѣверо- и средне-черноземнаго районовъ въ Сибирь съ Степнымъ краемъ переселялось, въ среднихъ погодныхъ цифрахъ, за пятилѣтіе 1891—1895 гг. по 54.000, въ 1896—1900 гг. по 85.000, въ 1901—1903 гг. уже только по 30.000; соотвѣтственныя цифры для юго-восточнаго степного района 8.000, 17.000 и 3.600, для сѣверо-восточныхъ губерній, которыя до недавняго времени давали Сибири ея лучшихъ піонеровъ,—7.500, 6.000 и 3.000. Такимъ образомъ, размѣры переселенія въ Сибирь рѣзко сокращаются во всѣхъ старыхъ, коренныхъ переселенческихъ районахъ: безрезультатное ходачество и обратное переселеніе уже въ достаточной степени распространили среди населенія этихъ мѣстностей сознаніе, что въ Сибири слишкомъ трудно найти то, чего ищутъ переселенцы. Правда, въ серединѣ 90-хъ годовъ въ черноземной Россіи появляются два новыхъ переселенческихъ района, юго-западный и южный степной; изъ перваго переселялось въ 1896—1900 гг. въ среднемъ въ годъ по 4.000, въ 1901—1903 гг. по 6.000; изъ второго, въ тѣ же періоды, по 8.500 и по 11.000 душъ. Но условія сибирской колонизаціи слишкомъ мало соотвѣтствуютъ потребностямъ выходцевъ изъ этихъ двухъ районовъ; уже въ виду хронологическаго совпаденія едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что переселеніе здѣсь возникло, въ значительной мѣрѣ, искусственно, подъ вліяніемъ преувеличенныхъ слуховъ о той помощи, которую въ серединѣ 90-хъ годовъ начали оказывать

[1]) Эти предвидѣнія оправдались лишь до извѣстной степени. *А. К.*

переселенцамъ; и переселеніе изъ этихъ мѣстностей затихнетъ, какъ только безрезультатные ходоки и обратные переселенцы отрезвляющимъ образомъ повліяютъ на распаленное народное воображеніе. Извѣстную будущность имѣетъ только возникшее около того же времени и дающее въ среднемъ на годъ до 21.000 человѣкъ переселеніе изъ западныхъ—литовскихъ и главнымъ образомъ бѣлорусскихъ губерній: бѣлоруссы охотнѣе, нежели кто-либо, осѣдаютъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Сибири и, повидимому, не тяготятся ни суровымъ климатомъ, ни «гнусомъ», ни расчисткой земли изъ-подъ лѣса. Но какъ бы ни развилось переселеніе изъ этого и изъ другихъ нечерноземныхъ районовъ, это нисколько не поможетъ рѣшенію аграрнаго вопроса тамъ, гдѣ онъ стоитъ острѣе всего, именно въ черноземной полосѣ. Не напрасно, повторяю, сельско-хозяйственные комитеты такъ усиленно подчеркивали необходимость направить переселеніе въ какіе-нибудь другіе, болѣе подходящіе районы. Но мы уже видѣли, что ни одинъ изъ такихъ районовъ не обѣщаетъ сколько-нибудь широкаго простора для переселенія.

Мы доказали—думается намъ—что о «широкой» постановкѣ переселеній, такой широкой, при которой они могли бы послужить если не коренною мѣрой общаго значенія, то хотя бы сколько-нибудь серьезнымъ палліативомъ, не приходится даже и мечтать. Въ надеждѣ на переселенія нельзя поэтому ни на одинъ день откладывать той болѣе серьезной, органической работы, которая могла бы повести къ дѣйствительному коренному разрѣшенію аграрнаго кризиса, а, слѣдовательно, къ прочному улучшенію хозяйственнаго положенія нашего крестьянства. И въ высшей степени важно, чтобы общество, литература и правящія сферы перестали игнорировать тѣ указанія жизни, которыя я, можетъ быть, слишкомъ слабо и неумѣло сгруппировалъ на предыдущихъ страницахъ. *Жизнь не позволитъ игнорировать себя*, и она жестоко накажетъ тѣхъ, кто будетъ пренебрегать ея уроками,—накажетъ разореніемъ тѣхъ лишнихъ десятковъ тысячъ людей, кого основанная на тщетныхъ иллюзіяхъ переселенческая политика натолкнетъ на переселеніе или хотя бы только не удержитъ отъ него. А съ другой стороны, такія тщетныя иллюзіи отвлекаютъ и общество, и правительство, и, что важнѣе всего, само населеніе отъ той болѣе серьезной, органической работы, о которой я только что упоминалъ. Какова должна быть эта работа въ чисто аграрной области,—этотъ вопросъ выходитъ изъ рамокъ настоящей статьи. Но я считаю своею обязанностью высказать убѣжденіе, что эта работа должна быть вмѣстѣ съ тѣмъ и *культурною* работой, притомъ не только въ болѣе общемъ смыслѣ—уширенія и углу-

бленія умственной и духовной культуры нашего народа, но и въ болѣе тѣсномъ смыслѣ—*повышенія нашей сельско-хозяйственной культуры*. Этой культурной работы нельзя откладывать, и съ нею нѣтъ надобности ждать. *Нельзя откладывать* потому, что мы совершенно не готовы встрѣтить тотъ моментъ—хотя бы его и удалось на десятокъ лѣтъ оттянуть разными палліативами,—когда придется *во что бы то ни стало* повышать производительность крестьянской надѣльной земли; наша общественная агрономія—для многихъ, по крайней мѣрѣ, мѣстностей—даже не намѣтила еще тѣхъ путей, которыми можетъ быть интенсировано крестьянское хозяйство, и она не будетъ знать, что отвѣчать на тѣ серьезные запросы, которые предъявитъ къ ней тогда крестьянство. *Нѣтъ надобности ждать*, пока расширится крестьянское землевладѣніе, потому что вѣдь *не все же* наше крестьянство стоитъ въ условіяхъ такого крайняго малоземелья, которое исключаетъ возможность подъема сельско-хозяйственной культуры и повышенія производительности земли: уже сейчасъ *возможно* и, не теряя времени, *нужно* улучшать хозяйство лучше обезпеченныхъ землею группъ населенія, а затѣмъ постепенно переходить къ самымъ малоземельнымъ, параллельно съ увеличеніемъ размѣровъ ихъ землевладѣнія. Не приходится ждать и того, чтобы подъемъ народнаго образованія и улучшеніе общихъ условій жизни деревни подняли общій культурный уровень населенія. Повышеніе этого уровня, конечно, окажетъ свое вліяніе и на сельскохозяйственную культуру. Но, съ одной стороны, опытъ въ достаточной мѣрѣ доказалъ, что наше крестьянство и такъ, какъ оно есть сейчасъ, быстро усваиваетъ весьма существенныя хозяйственныя улучшенія, разъ оно получаетъ для этого серьезный толчекъ извнѣ и убѣждается въ полезности и выгодности такихъ улучшеній; съ другой стороны, крестьянская масса, даже и при повышенномъ уровнѣ культуры, вѣдь не сама будетъ вырабатывать новые пріемы и способы хозяйства; она потребуетъ ихъ отъ общественной агрономіи, и послѣдняя, какъ я сказалъ, уже сейчасъ должна начать серьезно готовиться къ тому, чтобы отвѣчать на эти требованія. И какъ ни страннымъ можетъ показаться читателю, *серьезная культурная работа необходима даже и въ непосредственныхъ интересахъ переселенія*. При своемъ нынѣшнемъ культурномъ безсиліи нашъ переселенецъ мало-мальски прочно и хорошо устраивается только тамъ, гдѣ попадаетъ въ привычныя ему природныя условія и гдѣ, притомъ, онъ можетъ опереться на культурный опытъ старожилаго населенія,—да и въ такихъ мѣстностяхъ благосостояніе его гораздо болѣе кажущееся, нежели настоящее; и онъ оказывается совершенно безпомощнымъ, если попадаетъ въ такія естественныя и хозяйственныя условія, при которыхъ

нельзя вести хозяйство способами, принесенными съ собою съ родины или цѣликомъ отъ кого-нибудь перенятыми, а необходимо разумное приспособленіе и самостоятельная выработка новыхъ способовъ и пріемовъ хозяйства. И въ результатѣ—огромное обратное переселеніе, многочисленный контингентъ бродячихъ переселенцевъ, громадный процентъ безлошадныхъ или—что «на новыхъ мѣстахъ» тоже самое—однолошадныхъ, обрабатывающихъ землю супрягою или наймомъ, вообще въ большей или меньшей мѣрѣ утратившихъ хозяйственную самостоятельность. Въ результатѣ въ киргизскомъ степномъ районѣ, при громадныхъ надѣлахъ и неограниченной возможности дешевой аренды у киргизовъ, хроническіе неурожаи и голодовки, громадныя продовольственныя и всякія иныя недоимки, постепенно слагаемыя по манифестамъ, словомъ, *все то же, отъ чего ушли* переселенцы. Въ результатѣ—полный крахъ русской колонизаціи Черноморья, тщетно ограждаемой отъ иностранной и иноплеменной конкуренціи; полное внутреннее безсиліе русской колонизаціи Уссурійскаго края, гдѣ переселенцы, неспособные приноровить свое хозяйство къ своеобразнымъ мѣстнымъ условіямъ, постепенно превращаются въ тунеядцевъ, живущихъ сдачею надѣловъ въ аренду желтому—китайскому и корейскому—населенію; такое же безсиліе въ Туркестанѣ, гдѣ русскіе переселенцы, кое-какъ усвоивъ технику полива, остались, однако, при совершенно несоотвѣтствующемъ мѣстнымъ условіямъ экстенсивномъ, истощающемъ землю зерновомъ хозяйствѣ, а потому хлопочутъ о прирѣзкахъ, арендуютъ землю и, въ кондѣ-концовъ, уходятъ при надѣлѣ, впятеро и вшестеро превосходящемъ средній размѣръ землевладѣнія осѣдлыхъ туземцевъ. И серьезнѣйшій грѣхъ переселенческой политики послѣднихъ 10—12 лѣтъ (не говоря уже о болѣе раннемъ времени, когда вообще можетъ быть рѣчь не столько о переселенческой, сколько о противопереселенческой политикѣ), по моему глубокому убѣжденію, не въ томъ, гдѣ его обычно ищетъ общественное мнѣніе—не въ недостаточности матеріальной помощи переселенцамъ, не въ плохомъ качествѣ отводимыхъ земель: вопросъ о матеріальной помощи, какъ мы сейчасъ увидимъ,—очень обоюдоострый вопросъ, а земли отводились плохія, потому что неоткуда было взять хорошихъ[1]). Этотъ грѣхъ—въ *совершенномъ отсутствіи культурной помощи переселенцамъ*: переселенецъ, который изъ-подъ опеки земскаго начальника въ Европейской Россіи попадалъ подъ опеку крестьянскаго начальника въ Сибири, былъ предоставленъ самому себѣ въ дѣлѣ выработки способовъ и пріемовъ земледѣльческаго хозяй-

[1]) Конечно, этимъ я не хочу отрицать наличности частныхъ, иногда весьма серьезныхъ ошибокъ.

ства; предполагалось, что мужикъ самъ все разберетъ и во всемъ разберется; мало того, что онъ внесетъ свѣточъ русской культуры и къ сибирскимъ старожиламъ, и къ туземному населенію такихъ колоній, какъ Туркестанъ или Пріамурье. Жизнь показала, что это была такая же неосновательная и вредная иллюзія, какъ вѣра въ безпредѣльность нашего колонизаціоннаго земельнаго фонда. И первое, на что должно быть обращено вниманіе, ежели желать хотя и не «*широкой*», но *цѣлесообразной* постановки переселенія, если хотѣть какъ слѣдуетъ использовать тѣ сравнительно ограниченные земельные запасы, которыми можно располагать для колонизаціонныхъ цѣлей, это—*правильно и широко поставленная культурно-агрономическая помощь переселенцамъ*. До сихъ поръ въ этомъ направленіи *ничего* не сдѣлано, и это тѣмъ болѣе жаль, что не только въ такихъ колонизаціонныхъ районахъ, какъ Туркестанъ или Пріамурье, но даже въ акмолинскихъ или самарскихъ степяхъ научной агрономіи придется еще вырабатывать такіе основы и пріемы хозяйства, которые, соотвѣтствуя мѣстнымъ естественнымъ условіямъ, въ то же время не противорѣчили бы бытовой и экономической обстановкѣ русскаго крестьянскаго хозяйства...

Ограниченность колонизаціоннаго земельнаго фонда—это, такъ сказать, трагизмъ переселенческой политики послѣднихъ лѣтъ и корень ея неподлежащей сомнѣнію невыдержанности и непослѣдовательности. Извѣстно, что то «сдержанно—недружелюбное», подсказанное, главнымъ образомъ, интересами землевладѣльческаго класса отношеніе къ переселенію, которое господствовало первыя 30 лѣтъ послѣ освобожденія крестьянъ, начиная съ 1893 г. уступило мѣсто совершенно инымъ взглядамъ и настроеніямъ. Постройка Сибирской желѣзной дороги выдвинула на первый планъ интересы сибирской колонизаціи, которая со времени учрежденія Сибирскаго комитета включается въ число серьезныхъ государственныхъ задачъ; вмѣстѣ съ тѣмъ выясненное жизнью безсиліе прежней политики запрещеній и ограниченій заставило признать желательною полную свободу переселеній. А между тѣмъ правительству, начиная съ конца 1896 года, пришлось, какъ мы уже упоминали, принять рядъ мѣръ къ тому, чтобы уменьшить начавшее, было, уже слишкомъ быстро расти сибирское переселеніе: сокращается ссудная помощь, организуется ходачество, какъ способъ распространенія среди населенія болѣе трезвыхъ и правильныхъ понятій о Сибири, и провозглашенная закономъ свобода переселенія при условіи предварительной посылки ходоковъ подвергается, въ путяхъ административной практики, разнообразнымъ ограни-

ченіямъ. И все это потому, что въ дѣйствительности не нашлось тѣхъ огромныхъ земельныхъ запасовъ, на счетъ которыхъ могло бы развиваться дѣйствительно широкое и дѣйствительно свободное переселеніе.

Въ первыхъ годахъ настоящаго столѣтія, въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ крестьянскихъ волненій 1902 года, покойный В. К. Плеве выдвинулъ на первый планъ аграрныя задачи переселенія и провелъ новый переселенческій законъ 6 іюня 1904 года. Основная идея этого закона, какъ она офиціально формулируется, это «улучшеніе при помощи переселенія условій землепользованія и хозяйства крестьянскаго населенія внутреннихъ губерній»; переселеніе разсматривается, «какъ одно изъ средствъ для улучшенія быта коренного малоземельнаго населенія». Но вопросъ, *какое* населеніе признать малоземельнымъ и *какое* малоземелье устранять путемъ переселенія? Поставить этотъ вопросъ было необходимо, потому что лишь при дѣйствительно-безпредѣльномъ земельномъ колонизаціонномъ фондѣ было бы возможно одинаково относиться къ переселенію каждаго, кто самъ считаетъ себя малоземельнымъ и потому желаетъ переселяться; чтобы разобраться въ немъ, составители новаго закона останавливаются на впервые намѣченномъ, если я не ошибаюсь, И. А. Гурвичемъ и опредѣленнѣе формулированномъ мною въ 1897 году[1]) противоположеніи абсолютнаго малоземелья малоземелью относительному. Основная идея новаго закона, впрочемъ, въ самомъ его текстѣ ясно не выраженная,—обратить переселеніе въ средство улучшенія быта *абсолютно* малоземельной части крестьянскаго населенія; переселеніе *относительно* малоземельныхъ элементовъ признается—и совершенно, на мой взглядъ, правильно—нежелательнымъ явленіемъ. Однако, новый законъ, опять-таки по своей идеѣ, отнюдь не имѣетъ въ виду возвращаться «къ осужденной жизнью» системѣ запретительныхъ мѣръ и искусственныхъ стѣсненій. «Какъ ни мало стѣснительны,—читаемъ мы въ мотивахъ закона,—требованія дѣйствующихъ узаконеній, тѣмъ не менѣе значительная часть переселяющихся не выполняетъ и ихъ и предпочитаетъ уходить даже и нынѣ въ качествѣ самовольныхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и въ будущемъ запретительныя мѣры не удержатъ отъ переселенія, а только заставятъ уходить тайкомъ, распродавъ за безцѣнокъ имущество и землю». Установленное этими узаконеніями «дѣленіе переселенцевъ на законныхъ и самовольныхъ, не отвѣчая требованіямъ жизни и существу дѣла, никогда не достигало и не достигнетъ цѣли. Правительство въ дѣлѣ переселенія можетъ только различать, насколько послѣд-

[1]) См. выше—«Къ вопросу о причинахъ и вѣроятн. будущности русскихъ переселенцевъ».

нее отвѣчаетъ государственнымъ цѣлямъ, и сообразно съ этимъ устанавливать размѣры оказываемаго переселяющимся содѣйствія и поощренія». А отсюда слѣдующая схема: «установленіе такого порядка, при которомъ никому не возбранялось бы на свой счетъ и рискъ переселяться въ свободно избираемыя мѣстности, но правительственная помощь оказывалась бы не всѣмъ вообще переселенцамъ, а только тѣмъ изъ нихъ, переселеніе которыхъ представляется желательнымъ либо въ интересахъ землеустроительнаго дѣла во внутреннихъ губерніяхъ», либо въ государственныхъ видахъ заселенія тѣхъ или иныхъ важныхъ въ политическомъ отношеніи окраинъ.

Таковы мотивы новаго закона. Совсѣмъ не то мы находимъ въ самомъ его текстѣ. Законъ 6 іюня 1904 года, правда, не требуетъ разрѣшенія *на переселеніе*, но требуетъ «*разрѣшенія на переселеніе съ содѣйствіемъ правительства*» (ст. 3), которое выдается переселенцамъ, идущимъ *въ* мѣстности, «заселеніе коихъ вызывается видами правительства», или *изъ* мѣстностей и обществъ, добровольное выселеніе изъ которыхъ признается вслѣдствіе особо неблагопріятныхъ мѣстныхъ хозяйственныхъ условій, желательнымъ», и ставитъ выдачу такого разрѣшенія въ зависимость отъ усмотрѣнія уѣздныхъ съѣздовъ. Разрѣшенія на переселеніе, значитъ, какъ будто не требуется, а требуется только что-то въ родѣ свидѣтельства на право пользоваться при переселеніи содѣйствіемъ правительства. Но въ то время, какъ законы 7 декабря и 15 апрѣля 1896 г. предоставляли каждому желающему право послать въ Сибирь ходока, а каждому ходоку, зачислившему за собою землю, право обмѣнять ходаческое свидѣтельство на проходное переселенческое, значитъ дѣлали переселеніе свободнымъ, подъ однимъ лишь условіемъ посылки ходока, новый законъ предоставляетъ право посылки ходока лишь тѣмъ, кто уже получилъ «разрѣшеніе на переселеніе съ содѣйствіемъ правительства»; неполучившіе такого разрѣшенія хотя и не именуются самовольными, но подчиняются дѣйствію всѣхъ тѣхъ ограниченій, которыя установлены были закономъ 15 апрѣля 1896 года для самовольныхъ; да и при соблюденіи такихъ ограниченій они могутъ быть устроены только въ сибирскихъ губерніяхъ и въ степномъ генералъ-губернаторствѣ. Разъ переселенецъ, не хлопотавшій о правѣ на «содѣйствіе правительства» или лишенный этого права по усмотрѣнію уѣзднаго съѣзда, попалъ, положимъ, въ Тургайскую область или въ Пріамурскій край, онъ уже ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть устроенъ и, такимъ образомъ, оказывается въ гораздо худшемъ положеніи, нежели прежніе «самовольные» переселенцы.

Такимъ образомъ, новый законъ, исходя изъ принципа свободы переселенія, значительно сузилъ даже и ту свободу, которая, по крайней мѣрѣ на бумагѣ, существовала по закону

7 декабря 1896 года; и задавшись цѣлью устранить дѣленіе переселенцевъ на законныхъ и самовольныхъ, онъ создалъ категорію переселенцевъ, которыхъ положеніе хуже, нежели положеніе прежнихъ самовольныхъ. Независимо отъ всякихъ случайныхъ вліяній и причинъ, такое противорѣчіе закона съ его мотивами вытекло опять-таки изъ ограниченности земельнаго фонда, годнаго для переселенцевъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ переселеніе, какъ аграрно-политическая мѣра, имѣло бы наибольшее значеніе. Вѣдь свобода переселенія у насъ не есть простое право свободнаго передвиженія и выбора занятій; это *свобода полученія земельнаго надѣла* изъ незанятыхъ государственныхъ земель. Если бы запасы послѣднихъ были неограничены, дѣло было бы очень просто: предоставить каждому свободу переселенія и полученія государственной земли, а поощряемымъ переселенцамъ, кромѣ того, оказывать нѣкоторыя экстренныя льготы и пособія. Но разъ запасы земли крайне ограничены, неизбѣжно возникаетъ такая диллема: *или* надо предоставить переселенію дѣйствительную свободу—тогда наряду съ дѣйствительно малоземельными двинутся и такіе, переселеніе которыхъ вовсе не вызывается дѣйствительною необходимостью и не соотвѣтствуетъ аграрно-политическимъ видамъ, и этотъ массовый наплывъ не оставитъ ничего для громаднаго большинства дѣйствительно малоземельныхъ; *или* надо поставить на первый планъ задачу устройства наиболѣе малоземельныхъ, и въ такомъ случаѣ отказаться отъ послѣдовательнаго проведенія принципа свободы переселенія. Законъ 6 іюня 1904 года пошелъ послѣднимъ путемъ. Теоретически и противъ этого, пожалуй, трудно возражать: разъ запасы земли ограничены, то естественно давать ее наиболѣе нуждающимся и отказывать въ ней тѣмъ, кто можетъ устроиться какъ-нибудь иначе Но за такое рѣшеніе вопроса можно было бы высказаться, прежде всего, только въ томъ случаѣ, если бы существовалъ механизмъ, способный безукоризненно сортировать болѣе нуждающихся отъ менѣе нуждающихся въ землѣ. Нечего уже говорить о томъ, что не уѣздные съѣзды земскихъ начальниковъ могутъ сыграть роль такого механизма, что земство гораздо компетентнѣе въ такого рода вопросахъ. Но задача отсортировать наиболѣе нуждающіеся въ землѣ элементы, разъ желающихъ будетъ много, а возможность переселяться будетъ для немногихъ, и по существу своему безконечно трудна. Вѣдь и понятіе *абсолютнаго* малоземелья есть все-таки понятіе *относительное:* что въ одной мѣстности будетъ абсолютнымъ, то въ другой не будетъ даже относительнымъ малоземельемъ; при одной совокупности условій данный размѣръ надѣла будетъ безусловно требовать, при другой—онъ вовсе не будетъ требовать переселенія. А если къ этому еще прибавить, что всякое земство, даже идеально хорошо организованное, будетъ

все-таки отражать субъективные взгляды и интересы своихъ довѣрителей, то возможность выработки сколько-нибудь удовлетворительныхъ основаній и методовъ отбора тѣхъ, кто дѣйствительно имѣетъ право на переселеніе и отводъ земли, придется признать болѣе нежели сомнительною. И еще одно чисто практическое соображеніе: кто и какъ бы ни рѣшилъ вопросъ о томъ, что такіе-то *имѣютъ*, а такіе-то *не имѣютъ* права на переселеніе съ отводомъ государственной земли, фактически переселяться будутъ и такіе, за кѣмъ *не* будетъ признано такого права. А разъ они переселятся, ликвидировавъ на родинѣ все свое хозяйство, ни у какого правительства не хватитъ, какъ не хватало до сихъ поръ, холодной жестокости рѣшительно и безповоротно отказать имъ въ надѣленіи землею и обречь ихъ на участь безземельныхъ пролетаріевъ; слѣдовательно, вся крайне сложная система отбора переселенцевъ останется, въ большей или меньшей мѣрѣ, на бумагѣ. Если же такъ, то правильнѣе всего, быть можетъ, принципіально отказаться отъ стремленія заставить переселеніе служить аграрно-политическимъ видамъ и возвратиться къ переселенческой политикѣ Сибирскаго комитета—политикѣ, которая, впрочемъ, находила защитниковъ и въ литературѣ, и въ сельскохозяйственныхъ комитетахъ 1902 года: *считаться съ переселеніемъ, какъ съ фактомъ народной жизни*, предоставивъ ему полную свободу, и заботиться, съ одной стороны, о томъ, чтобы размѣры переселенія не разрастались выше возможнаго по состоянію земельныхъ запасовъ предѣла, а съ другой—чтобы этотъ, несомнѣнно, тяжелый и болѣзненный фактъ приносилъ тѣмъ, кого будетъ увлекать переселенческая волна, возможно меньше бѣдъ и страданій. Для достиженія первой цѣли необходимо дѣлать все, что только возможно, чтобы распространить въ народныхъ массахъ болѣе правильныя и трезвыя представленія о возможныхъ размѣрахъ и дѣйствительныхъ условіяхъ переселенія и устройства на новыхъ мѣстахъ, широко пользуясь и печатнымъ словомъ, и, можетъ быть, школьнымъ и внѣшкольнымъ обученіемъ; но первостепенное значеніе при существующемъ культурномъ уровнѣ населенія должно все-таки сохранить ходачество, если не обязательное, то, во всякомъ случаѣ, всемѣрно поощряемое и обставленное такъ, чтобы свести до возможнаго минимума тотъ элементъ случайности, который играетъ все-таки еще слишкомъ видную роль при современной постановкѣ ходачества. Совокупнымъ дѣйствіемъ всѣхъ этихъ способовъ возможно будетъ достигнуть соотвѣтствія размѣровъ переселенческаго движенія съ дѣйствительными размѣрами и дѣйствительнымъ характеромъ наличныхъ земельныхъ запасовъ. Этимъ же путемъ, можетъ быть, удастся достигнуть и того, чтобы переселялись, въ видѣ правила, именно тѣ малоземельные элементы, которые дѣйствительно наиболѣе нуждаются въ переселеніи: для другихъ,

кому есть возможность устроиться какъ-нибудь иначе, переселеніе, въ концѣ-концовъ,—слишкомъ невыгодная и рискованная операція; эта истина чѣмъ дальше, тѣмъ больше проникаетъ въ народныя массы, и необходимо всѣми способами содѣйствовать дальнѣйшему внѣдренію ея въ народное сознаніе.

Для достиженія второй цѣли необходимы, само собою разумѣется, возможно широко поставленныя *общія*—я подчеркиваю слово общія—мѣры помощи и попеченія о переселенцахъ. Теперь уже прошло то время,—если вообще такое время когда-либо было,—когда можно было забросить переселенца куда-нибудь въ Сибирь, дать ему участокъ земли и предотсавить его собственной участи; это было кое-какъ мыслимо, пока переселенцыводворялись въ районахъ старой крестьянской колонизаціи, опираясь на послѣднюю, какъ на свою естественную базу. Теперь переселенцы водворяются въ дремучихъ лѣсахъ и въ глухой степи, не имѣя,—какъ имѣли прежніе переселенцы,—опоры въ старожильскихъ селеніяхъ; водворяются притомъ, по большей части, въ совершенно чуждыхъ и не имѣющихъ за собою колонизаціоннаго опыта естественныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ. Поэтому теперь для успѣшнаго хода колонизаціи требуется цѣлая система мѣръ экономическаго и культурнаго порядка, начиная съ дальнѣйшаго улучшенія условій передвиженія переселенцевъ и продолжая широко развитою, связною и планомѣрною системою экономическихъ, культурныхъ и попечительныхъ мѣръ на мѣстахъ ихъ водворенія. Назову изъ нихъ только заблаговременное устройство колесныхъ дорогъ—мѣра самаго первостепеннаго значенія, даже съ точки зрѣнія нѣкотораго расширенія земельнаго колонизаціоннаго фонда; устройство въ пустынныхъ районахъ водворенія временныхъ жилищъ или бараковъ, гдѣ переселенцы могли бы помѣщаться со своими семьями на время до устройства собственныхъ жилищъ; устройство въ такихъ районахъ складовъ, гдѣ они могли бы по дешевой цѣнѣ пріобрѣтать доброкачественные продукты, предметы домообзаводства и хозяйственный инвентарь, въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ—еще и лѣсные матеріалы; широкую организацію медицинской помощи, особенно необходимую при тѣхъ тяжелыхъ гигіеническихъ условіяхъ, въ которыхъ переселенцы живутъ первые мѣсяцы и годы водворенія «на новыхъ мѣстахъ»; устройство школъ и, конечно, церквей—не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что церковь является одною изъ первыхъ и самыхъ насущныхъ потребностей переселенца; и last not least—самая широкая и правильная организація агрономической помощи переселенцамъ. Замѣчу еще только въ дополненіе къ сказанному выше, что организація эта не должна быть шаблонною и должна какъ по своей структурѣ, такъ и по направленію соотвѣтствовать всей совокупности естественныхъ и хозяйственныхъ условій каждаго даннаго коло-

низаціоннаго района. Въ области передвиженія переселенцевъ въ періодъ дѣятельности Сибирскаго комитета сдѣлано очень много, здѣсь остается только кое-что додѣлать и кое-что усовершенствовать. Въ области попеченія о переселенцахъ на мѣстахъ новаго водворенія сдѣлано, напротивъ, крайне мало, а то, что сдѣлано, носитъ слишкомъ отрывочный и случайный характеръ и не увязывается въ связную и планомѣрную систему. Въ этомъ отношеніи придется начинать почти что за-ново, и въ области этихъ общихъ мѣръ не приходится, очевидно, останавливаться передъ какими бы то ни было затратами.

Гораздо сложнѣе и труднѣе вопросъ о помощи, индивидуально оказываемой отдѣльнымъ переселенцамъ. Останавливаться на тѣхъ доводахъ, которые говорили бы въ пользу возможно болѣе широкой постановки такого рода помощи, конечно, нѣтъ надобности: эти доводы слишкомъ просты и общеизвѣстны. Но вопросъ имѣетъ и свою обратную сторону. Прежде всего, широкая матеріальная помощь этого типа, особенно если она будетъ (принципіально или фактически) безвозвратною, будетъ новымъ стимуломъ къ увеличенію размѣровъ переселенческаго движенія; о такомъ ея вліяніи убѣдительно свидѣтельствуетъ практическій жизненный опытъ,—да и не можетъ быть иначе, разъ только считать переселенцевъ способными къ самому простому хозяйственному расчету. И въ этомъ отношеніи едва ли можно будетъ отступить отъ политики Сибирскаго комитета, который всегда разсматривалъ размѣры ссудъ, какъ наиболѣе дѣйствительный способъ воздѣйствія на размѣры переселенческаго движенія. Но еще важнѣе другая сторона дѣла. Матеріальная помощь, будетъ ли она выражаться въ денежной формѣ, или въ расчисткѣ на казенный счетъ отводимыхъ переселенцамъ лѣсныхъ земель, или въ орошеніи ихъ, можетъ оказываться либо въ ссудной формѣ, либо безвозвратно. Первая форма—чисто дѣловой кредитъ—возможна только въ Пріамурскомъ краѣ, гдѣ, по крайней мѣрѣ при недавно существовавшей совокупности экономическихъ условій, хозяйство переселенцевъ давало достаточный доходъ и могло вынести даже и довольно высокіе ссудные платежи. Но такіе платежи при размѣрѣ ссудъ, достаточномъ, скажемъ, для обзаведенія совершенно неимущей семьи, будутъ совершенно непосильны для переселенцевъ въ предбайкальской Сибири, а тѣмъ болѣе въ Степномъ краѣ, гдѣ крестьянское хозяйство даетъ лишь очень мало чистаго дохода или вовсе не даетъ его. Совершенно правильно полагаетъ г. Пѣшехоновъ, что при ссудной формѣ помощи «на землю были бы опять возложены непосильныя обязательства», и единственный отсюда выходъ, если желать сдѣлать казенную матеріальную помощь главною основою обзаведенія переселенцевъ на «новыхъ мѣстахъ», именно тотъ, къ которому приходитъ тотъ же писатель:

«необходимо итти сразу на безвозвратные расходы»... Но *этотъ* способъ ведетъ за собой другую и чрезвычайно серьезную опасность: казеннокоштность, даровщина, облегчая переселенцамъ первое обзаведеніе на новыхъ мѣстахъ, неизбѣжно ослабляетъ тѣ духовные стимулы, которые являются необходимымъ условіемъ успѣха всякой колонизаціи, именно энергію и трудоспособность переселенца. И въ этомъ отношеніи опять-таки не слѣдуетъ обольщать себя иллюзіями. Между тѣмъ, никакое казеннокоштное переселеніе не обезпечитъ переселенцевъ *навсегда*: неизбѣжно наступитъ моментъ, когда имъ придется перейти на собственное иждивеніе; для этого придется работать энергично и упорно,—тѣмъ энергичнѣе, чѣмъ дальше колонизація проникаетъ вглубь тайги или глухихъ степей, чѣмъ болѣе приходится приспособляться къ чуждымъ и непривычнымъ условіямъ природы и хозяйства, и казеннокоштность, ослабляя стимулы къ такому энергичному и упорному труду, въ концѣ-концовъ лишь самымъ вреднымъ образомъ отражается на благосостояніи новоселовъ. И въ этомъ отношеніи я тоже считаю наиболѣе цѣлесообразнымъ продолжать политику Сибирскаго комитета: оказывать помощь лишь въ нѣкоторомъ умѣренномъ размѣрѣ, разсчитанномъ не на бѣднѣйшаго, а на среднесостоятельнаго переселенца, обставляя ее самыми льготными условіями возврата, но во всякомъ случаѣ *требуя* возврата. Уже и теперь среди переселенцевъ преобладаютъ не бѣднѣйшіе, а именно среднесостоятельные элементы, и разъ въ отношеніи ссудъ будутъ сохранены приблизительно тѣ же принципы, что нынѣ, это будетъ способствовать дальнѣйшему подбору переселенцевъ въ томъ же направленіи, несомнѣнно наиболѣе соотвѣтствующемъ жизненнымъ потребностямъ и дѣйствительной обстановкѣ переселенія.

Въ заключеніе нѣсколько словъ по вопросу о томъ, на комъ должны лежать заботы объ осуществленіи всей той сложной системы мѣръ, которой требуетъ правильная постановка переселенческаго дѣла. Легче всего на этотъ вопросъ отвѣтить въ отрицательной формѣ; во всякомъ случаѣ *не* на институтѣ земскихъ и крестьянскихъ начальниковъ съ ихъ съѣздами, который, какъ даже офиціально признается, и въ этомъ случаѣ доказалъ свою совершенную негодность и безсиліе. На мѣстахъ выхода переселенцевъ наиболѣе подходящимъ органомъ для веденія переселенческаго дѣла является, безъ сомнѣнія, земство; но и здѣсь дѣятельность земскихъ учрежденій должна быть поставлена въ непосредственную связь и взаимодѣйствіе съ дѣятельностью органовъ центральнаго переселенческаго управленія: земство, какова бы ни была его организація, всегда останется представителемъ *мѣстныхъ* взглядовъ и *мѣстныхъ* интересовъ; взгляды и интересы разныхъ земствъ могутъ быть не только не

согласны, но даже взаимно противорѣчивы, особенно при такомъ положеніи дѣлъ, когда земельные запасы ограничены, а потребность въ переселеніи огромна; и согласованіе хода переселенческаго дѣла, съ одной стороны, съ мѣстными интересами, а съ другой—съ видами общей переселенческой политики, только и можетъ быть достигнуто на почвѣ совмѣстной дѣятельности земства и центральнаго переселенческаго управленія. Заботы о переселенцахъ въ пути и «на новыхъ мѣстахъ» должны всецѣло лежать на обязанности центральнаго переселенческаго управленія и его спеціальныхъ мѣстныхъ органовъ; роль земства здѣсь если и возможна, то во всякомъ случаѣ будетъ ограничена. Если говорить о земствѣ тѣхъ мѣстностей, *откуда* идутъ переселенцы, то его представители или служащіе будутъ на «новыхъ мѣстахъ» не менѣе, а скорѣе болѣе чужими нежели спеціальные мѣстные органы переселенческаго управленія. Притомъ попеченіе о переселенцахъ не можетъ вѣдь ограничиваться моментомъ первоначальнаго водворенія, оно должно продолжаться въ теченіе ряда лѣтъ, пока хозяйство новоселовъ не окрѣпнетъ и не приспособится къ мѣстнымъ условіямъ. Едва ли можно разсчитывать для такой многолѣтней работы на выборные органы земства мѣстъ выхода переселенцевъ; земскіе же служащіе, какъ таковые, не будутъ представлять уже окончательно никакихъ преимуществъ передъ служащими переселенческаго управленія. Если говорить о земствѣ тѣхъ мѣстностей, *куда* идутъ переселенцы, то не надо забывать, что для будущаго земства какого-нибудь киргизскаго или бурятскаго уѣзда, да и вообще для всякаго земства мѣстностей, гдѣ водворяются переселенцы, послѣдніе будутъ *не своими*, а *чужими*. Земство, какъ представитель дѣйствительныхъ или мнимыхъ *интересовъ мѣстнаго населенія*, въ видѣ правила, относится къ приливу переселенцевъ болѣе или менѣе недружелюбно; достаточно вспомнить о начавшихся издавна и повторяющихся до нашихъ дней ходатайствахъ различныхъ земствъ о закрытіи ихъ губерній и уѣздовъ для переселенія извнѣ... Конечно, слѣдуетъ съ распростертыми объятіями принимать помощь мѣстныхъ земствъ, или хотя бы просто свободныхъ общественныхъ силъ, въ дѣлѣ устройства переселенцевъ, гдѣ такая помощь будетъ предлазаться отъ чистаго сердца; но слишкомъ разсчитывать на нее не приходится, и дѣло попеченія о переселенцахъ на мѣстахъ новаго водворенія должно быть поэтому сосредоточено въ рукахъ центральнаго переселенческаго управленія и разнообразныхъ, соотвѣтственно сложности дѣла попеченія о переселенцахъ, его мѣстныхъ органовъ.

На этомъ я заканчиваю свой не въ мѣру затянувшійся и все-таки, я боюсь, слишкомъ сжатый и недостаточно подкрѣпленный конкретными фактическими данными очеркъ[1]). Еще разъ повторяю: думать о *широкомъ развитіи* переселеній, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ мѣстностей, которыя до сихъ поръ признавались наиболѣе нуждающимися въ разрѣженіи населенія, безусловно не приходится. Въ тѣхъ размѣрахъ, какъ оно идетъ сейчасъ, даже какъ оно шло въ эпоху своего максимальнаго развитія, оно можетъ, пожалуй, имѣть серьезное значеніе для отдѣльныхъ группъ населенія, для отдѣльныхъ мѣстностей, откуда выселится разомъ значительная часть населенія; но въ общей аграрной программѣ оно способно играть лишь третьестепенную роль и не можетъ ни на одинъ моментъ отсрочить необходимости въ болѣе конкретныхъ мѣрахъ къ улучшенію и подъему крестьянскаго хозяйства. Но если переселеніе, такимъ образомъ, не можетъ претендовать на серьезное значеніе въ числѣ *мѣръ воздѣйствія* на крестьянское землевладѣніе и хозяйство и въ числѣ способовъ устраненія тяготѣющаго надъ нами аграрно-хозяйственнаго кризиса, то оно остается все-таки весьма серьезнымъ *фактомъ* народной жизни и, какъ таковой, заслуживаетъ самой теплой заботливости и самаго серьезнаго вниманія.

---

[1]) Фактическія данныя и болѣе мотивированныя соображенія читатель найдетъ въ моей книгѣ «Переселеніе и колонизація».

Нашъ Дальній Востокъ и его колонизація [1]).

Передъ нами—огромный, изящно отпечатанный томъ, носящій заглавіе: «*Пріамурье. Факты, цифры, наблюденія. Собраны на Дальнемъ Востокѣ сотрудниками общеземской организаціи*». Книга эта—приложеніе къ отчету организаціи за 1908 годъ: общеземская управа «желала рядомъ съ отчетомъ о помощи переселенцамъ дать, по возможности, и очеркъ самого края, собрать попутно матеріалъ для уясненія тѣхъ жизненныхъ и экономическихъ условій, которыя встрѣчаютъ русскаго крестьянина на нашей далекой окраинѣ. Это казалось совершенно необходимымъ для правильной и цѣлесообразной постановки въ будущемъ общественной помощи переселенцамъ». Замѣтимъ, однако, здѣсь же, чтобы затѣмъ уже не возвращаться къ этой сторонѣ дѣла: заглавіе изданной общеземскою организаціею книги не вполнѣ соотвѣтствуетъ ея содержанію; мы имѣемъ здѣсь дѣло не только съ «фактами, цифрами, наблюденіями, собранными на Дальнемъ Востокѣ»,—значитъ *лично* собранными сотрудниками организаціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и съ попыткою свести имѣющійся налицо литературный матеріалъ, касающійся Пріамурскаго края и его колонизаціи. Это, конечно, не понижаетъ, а, напротивъ, повышаетъ цѣнность изданной общеземскою организаціею работы. Съ извѣстнымъ сожалѣніемъ приходится зато отмѣтить другую, впрочемъ, можетъ быть, при данныхъ обстоятельствахъ неизбѣжную особенность, характеризующую работу сотрудниковъ организаціи на мѣстахъ: при этой работѣ «каждый долженъ былъ самостоятельно наладить подборъ источниковъ и ознакомленіе съ живыми матеріалами», что, очевидно, должно было имѣть послѣдствіемъ нѣкоторую разнокалиберность собраннаго матеріала. Не знаю, въ какой мѣрѣ была неизбѣжна другая его особенность—«спѣшность работы» въ фазисѣ сводки и литературной обработки матеріала. Но послѣдствія понятны: «если бы,—такъ заканчивается предисловіе къ изданію общеземской организаціи,—въ распоряженіи нашемъ было больше времени, мы сумѣли бы сжать текстъ и

---

[1]) «Русская Мысль», 1909, декабрь. Здѣсь можно найти и всѣ постраничныя ссылки.

представить книгу меньшихъ размѣровъ, но большого удѣльнаго вѣса». Благодаря спѣшности, въ изданіи общеземской организаціи, несмотря на его громадный объемъ, остался совершенно незатронутымъ рядъ вопросовъ, для освѣщенія которыхъ былъ собранъ обильный матеріалъ,—и наряду съ этимъ книга изобилуетъ длиннотами, которыя могли бы быть избѣгнуты при болѣе тщательной редакціи. Результатомъ той же спѣшности, по всей вѣроятности, являются и тѣ противорѣчія въ характеристикѣ тѣхъ или другихъ сторонъ жизни и колонизаціи нашего Дальняго Востока, которыя намъ придется отмѣчать въ дальнѣйшемъ изложеніи. Во всякомъ случаѣ, однако, и такъ, какъ она есть, изданная общеземскою организаціею коллективная работа представляетъ собой цѣнный вкладъ въ небогатую литературу нашего Дальняго Востока и его колонизаціи, и знакомство съ нею обязательно для всякаго, кто хочетъ оріентироваться въ вопросахъ нашей дальневосточной колонизаціи.

Попытаемся теперь познакомить читателя съ главнѣйшими положеніями и выводами, къ которымъ приходятъ авторы коллективнаго труда.

Прежде всего, что̀ дало переселеніе въ Пріамурскій край уже обжившимся въ немъ переселенцамъ,—тѣмъ, которыхъ авторы, слѣдуя установившемуся словоупотребленію, называютъ «старожилами»? Наблюденія сотрудниковъ общеземской организаціи привели ихъ къ весьма разнорѣчивымъ заключеніямъ. Разнорѣчіе обнаруживается уже въ основномъ вопросѣ: *гдѣ основа* благосостоянія амурскихъ старожиловъ? Въ промысловой дѣятельности или въ земледѣліи? Авторъ главы о промыслахъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ путемъ—конечно въ корнѣ ошибочнаго!—пріема сопоставленія цифръ валовой доходности. Валовая доходность промысловъ выражается въ цифрѣ 25—30 милліоновъ рублей въ годъ; а «такъ какъ валовой доходъ отъ земледѣлія, по приблизительному же подсчету, не превышаетъ 18 милліоновъ рублей, то, очевидно, промышленность имѣетъ здѣсь въ настоящее время бо̀льшее значеніе, чѣмъ земледѣліе». Напротивъ, по убѣжденію автора главы о «бытѣ пріамурскихъ крестьянъ», «для массы сельскаго населенія промыслы и теперь еще не имѣютъ существеннаго значенія; ими занимаются отдѣльныя лица, рѣдко цѣлые поселки, и только въ исключительныхъ случаяхъ промыслы заслоняютъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ»; земледѣліе—«основа здѣшней деревни, а промыслы являются побочнымъ дѣломъ». Такое убѣжденіе автора, вынесеннаго имъ изъ всей «суммы впечатлѣній», подкрѣпляется анализомъ собранныхъ сотрудниками экспедиціи монографическихъ бюджетовъ: «не можетъ быть никакого сомнѣнія,—говоритъ нашъ авторъ,—что описанныя хозяйства

живутъ земледѣліемъ и лишь незначительную часть своего бюджета пополняютъ промыслами и личными заработками». Правда, описано монографически всего 21 хозяйство,—но разъ эти домохозяйства сплошь принадлежатъ къ числу достаточно состоятельныхъ, разъ «хозяйство ихъ базируется исключительно на сельскомъ хозя ствѣ», то, «стало быть, возможно и на Дальнемъ Востокѣ сравнительное благосостояніе, зависящее отъ земледѣлія и почти вовсе не связанное съ промыслами». И авторъ «отмѣчаетъ и подчеркиваетъ» этотъ выводъ. Отмѣтимъ и подчеркнемъ его и мы,—но какъ образчикъ вывода, отличающагося весьма малою убѣдительностью: да, бюджеты неопровержимо доказали, что отдѣльныя болѣе или менѣе зажиточныя семьи *могутъ обосновать* свое благосостояніе на земледѣліи. Но развѣ изъ этого въ какой-либо мѣрѣ слѣдуетъ, что на земледѣліи *дѣйствительно обосновывается* благосостояніе массъ?...

Почти столь же рѣзкое разногласіе мы находимъ и по вопросу о степени достигнутаго пріамурскими старожилами благосостоянія. Составитель главы о сельскомъ хозяйствѣ, «въ силу несомнѣнной и яркой очевидности», констатируетъ, что «старожилы въ большинствѣ живутъ такъ, какъ нашъ крестьянинъ въ Европейской Россіи можетъ жить лишь въ мечтахъ». Заключенія автора главы о «бытѣ пріамурскихъ крестьянъ» носятъ несравненно болѣе пессимистическій характеръ. Анализъ тѣхъ же монографическихъ бюджетовъ даетъ весьма высокія, по сравненію съ Европейскою Россіею, цифры инвентаря и приходо-расхода. Но какъ справедливо подчеркиваетъ нашъ авторъ, «прямое сравненіе не даетъ въ это области ровно ничего, ибо общія условія земледѣльческой дѣятельности слишкомъ различны». Приходится произвести рядъ уцѣнокъ и скидокъ, которыя совершенно измѣняютъ результатъ сравненія. «Пышныя цифры блекнутъ, испаряются и для правильной постановки сравненія должны быть сокращены болѣе, нежели наполовину»; затѣмъ, «особый строй мѣстнаго земледѣльческаго промысла беретъ болѣе половины всего бюджета на обязательные хозяйственные расходы». Правда, и «остальная половина все же составляетъ весьма высокую заработную плату не только по своей рыночной стоимости, но и по количеству представляющихъ ее цѣнностей». Но плохое качество продуктовъ «вынуждаетъ увеличивать количество потребляемыхъ продуктовъ», въ виду чего «приходится съ большою осторожностью переходить къ заключеніямъ о благосостояніи отъ размѣровъ расхода не только въ денежномъ, но и въ количественномъ его выраженіи». Даже и послѣ всего этого приходится, правда, признать, что «здѣшнее среднее хозяйство поставлено шире, трудъ хозяина вознаграждается лучше, личныя потребности его удовлетворяются полнѣе, чѣмъ въ центральной Россіи»; однако—*немногимъ* полнѣе:

ближайшій анализъ тратъ на личныя потребности «приводитъ насъ къ первобытнымъ условіямъ воронежскихъ крестьянъ», и «въ культурномъ отношеніи средній пріамурскій крестьянинъ мало отличается отъ крестьянина Европейской Россіи».

Мнѣ лично думается, что почтенный авторъ, въ данномъ случаѣ, идетъ слишкомъ далеко въ своемъ пессимизмѣ, и что, какъ далеко ни итти въ уцѣнкахъ и скидкахъ, онѣ не могутъ устранить «несомнѣнной и яркой очевидности» такого благосостоянія пріамурскихъ старожиловъ, о которыхъ хронически голодающій воронежецъ не смѣетъ даже и мечтать. Но практически, съ точки зрѣнія колонизаціонныхъ перспективъ, это не имѣетъ существеннаго значенія: какъ бы ни оцѣнивать уровень благосостоянія старожиловъ, *такого* уровня современные и тѣмъ болѣе будущіе переселенцы *не* достигнутъ. Благосостояніе старожиловъ—результатъ такой, исключительно благопріятной, комбинаціи обстоятельствъ, на какую не могутъ разсчитывать нынѣшніе и тѣмъ болѣе будущіе переселенцы. Прежде всего: старожилы осѣли въ очень необширныхъ по пространству, лучшихъ по естественнымъ и экономическимъ условіямъ районахъ края; крайне благопріятствовали имъ такого рода условія, какъ земельный просторъ, захватное право, послѣдующее приселеніе новоселовъ,—изъ этихъ условій вытекали «широкія перспективы для обогащенія: вольная, безпредѣльная почти распашка лучшихъ земель, пользованіе новоселами, какъ рабочимъ элементомъ и какъ покупателями хлѣба и другихъ продуктовъ по вольной, большею частью повышенной цѣнѣ. Старожилы, словомъ, неукоснительно «снимаютъ сливки», обогащеніе ихъ «совершенно случайно и мало стоитъ въ зависимости отъ собственно естественныхъ богатствъ края». По мѣрѣ дальнѣйшаго заселенія края, «приходится вводить въ обработку все худшія и худшія земли, съ естественной и экономической точки зрѣнія»; и почвы, и трудность разработки земли, и условія сбыта продуктовъ—всѣ эти условія рѣзко ухудшаются «по мѣрѣ удаленія отъ центровъ къ периферіи и особенно въ таежныя мѣста, куда, волей-неволей, должно направляться въ настоящее время заселеніе». «Обольщаться, что гдѣ-либо создадутся столь счастливыя комбинаціи чрезвычайно благопріятныхъ для земледѣлія условій», какъ около Благовѣщенска или въ Ханкайскомъ районѣ, «простительно только ходокамъ русскихъ крестьянъ, на которыхъ кричащее подчасъ благосостояніе старожиловъ, несомнѣнно, оказываетъ впечатлѣніе». Высокое благосостояніе старожиловъ проистекаетъ еще и изъ обстоятельствъ другого порядка, которыя не могутъ остаться въ томъ же видѣ съ болѣе интенсивнымъ заселеніемъ края: на Пріамурскій край «изливалась и продолжаетъ изливаться, какъ изъ рога изобилія, особая благодать въ качествѣ, уже не подлежащаго никакому сомнѣнію, богат-

ства—богатства казенными деньгами»; эти казенные милліоны играли огромную роль, пока ими пользовалось крайне малочисленное населеніе, и эта роль будетъ неизбѣжно уменьшаться по мѣрѣ возрастанія этого населенія. Наконецъ, правительство оказывало крестьянству и болѣе непосредственную поддержку, въ формѣ интендантскихъ закупокъ хлѣба по искусственно повышеннымъ цѣнамъ; «рано или поздно придется это оставить, если имѣть въ виду увеличеніе населенія путемъ земледѣльческой колонизаціи; рано или поздно производство хлѣба обгонитъ потребность въ немъ интендантства, признаки чего имѣются уже налицо и въ настоящее время».

Такимъ образомъ, блестящее—если судить по степени достигнутаго благосостоянія—прошлое русской колонизаціи Пріамурья не даетъ права на благопріятныя заключенія относительно ея будущаго и даже настоящаго. Условія, въ которыхъ *совершается* и тѣмъ болѣе—*будетъ* совершаться водвореніе переселенцевъ, несравненно менѣе благопріятны, нежели были условія устройства въ краѣ старожиловъ,—соотвѣтственно менѣе благопріятными будутъ и результаты.

Но если въ высокомъ благосостояніи старожиловъ Пріамурскаго края такъ много объясняется случайнымъ, исключительно благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, то это благосостояніе, само по себѣ, перестаетъ быть доказательствомъ какихъ-либо особыхъ колонизаціонныхъ достоинствъ водворившагося и продолжающаго водворяться въ краѣ русскаго крестьянства. Какія же, спрашивается, прямыя указанія, въ данномъ направленіи, мы находимъ въ коллективномъ трудѣ сотрудниковъ общеземской организаціи? Указанія эти неутѣшительны. Правда, авторъ одной изъ главъ коллективнаго труда, очень мѣтко охарактеризовавъ тѣ трудности, съ которыми пришлось бороться колонизаторамъ Пріамурья, съ большою рѣшительностью «отдаетъ справедливость здѣшнему крестьянину — онъ вышелъ изъ этой борьбы побѣдителемъ». Но это, очевидно, не болѣе, какъ заученная фраза, извлеченная авторомъ изъ ультра-народническаго словаря,—фраза, опровергаемая даже собственными словами того же самаго автора. Колонизаторамъ Пріамурскаго края «нужно было какъ можно скорѣе и какъ можно основательнѣе забыть и то, что они знали; даже земледѣліе... требовало отрѣшенія отъ традиціонныхъ пріемовъ и навыковъ». Что же, русскій крестьянинъ, переселившись въ Пріамурье, въ самомъ дѣлѣ замѣнилъ эти пріемы и навыки чѣмъ-нибудь инымъ, лучшимъ? Инымъ—можетъ быть. Лучшимъ—этого не рѣшается утверждать даже мужиколюбивый сотрудникъ коллективнаго труда. Все хозяйничанье приамурскаго старожила сводится къ тому, что «онъ съ жадностью спѣшитъ воспользоваться всѣми окружающими дарами природы,

спѣшитъ захватить какъ можно больше земли, накосить какъ можно больше сѣна; онъ—быть можетъ, совсѣмъ не разсчетливо—вырубаетъ окружающій лѣсъ, чтобы урвать у тайги какъ можно больше земли подъ пашню»[1]). Крестьянское хозяйство въ Пріамурьѣ «носитъ захватно-хищническій характеръ; каждый старается выбрать все, что можно, ничуть не заботясь объ интересахъ другихъ, о будущемъ»,—даже о *собственномъ* будущемъ. Можетъ быть, такое хищничество психологически естественно; можетъ быть, нашъ авторъ правъ, возражая противъ тѣхъ упрековъ, которые по этому поводу дѣлаются амурскимъ старожиламъ. Но отъ *извинительнаго* даже хищничества до «побѣды»—дистанція огромнаго размѣра; это въ лучшемъ случаѣ пиррова побѣда. Впрочемъ, товарищи нашего автора безконечно далеки отъ того, чтобы торжествовать побѣду. Напротивъ: «добросовѣстное изслѣдованіе приводитъ» ихъ, какъ 15 лѣтъ тому назадъ привело Н. А. Крюкова, какъ 8 лѣтъ тому назадъ—пишущаго эти строки, «къ горестному сомнѣнію: да можемъ ли мы сдѣлать что-нибудь на той широкой исторической авансценѣ, куда роковое стеченіе обстоятельствъ выдвинуло насъ»... Это, правда, говорится о нашей дальневосточной колонизаціи вообще. А вотъ, въ частности, о земледѣліи—о побѣдоносномъ крестьянскомъ земледѣліи мы читаемъ: «если бы отнять политическую загородку въ краѣ и предоставить его самому себѣ.... русское земледѣліе не выжило бы здѣсь долго, какъ не выжили бы зубры въ Бѣловѣжской пущѣ, предоставленной самой себѣ». Русское земледѣліе «здѣсь совсѣмъ не ко двору по естественнымъ условіямъ», къ которымъ русскій земледѣлецъ не умѣетъ, да, въ сущности, и не старается приспособляться. Идеально приспособлено къ нимъ конкурирующее съ крестьянскимъ корейско-китайское хозяйство—какъ въ техническомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Самое естественное было бы «продолжить русскому земледѣлію китайскую систему». Но на это—плохи надежды: «для этого необходимо русскаго крестьянина перевоспитать на китайскій ладъ—привить ему соотвѣтственную трудоспособность, выносливость и нетребовательность въ жизненныхъ привычкахъ». Ну, а до тѣхъ поръ?...

Едва ли, однако, требуется лучшее доказательство колонизаціоннаго слабосилія русскаго крестьянства, какъ раздающіеся и на Дальнемъ Востокѣ разговоры о малоземельѣ... *малоземельѣ* на 100-десятинномъ надѣлѣ у однихъ и, приблизительно, 50-десятинномъ у другихъ. «Уже чувствуется «утѣсненіе» въ землѣ, идетъ глухая борьба за нее, слышатся странныя рѣчи о прирѣзкѣ—къ 100-десятинному надѣлу»; мало того—

---

[1]) Вѣрнѣе—просто на продажу; за лѣсныя расчистки амурскіе старожилы пока не брались или почти не брались (см. ниже),

«собранный общеземскою организаціей цифровой матеріалъ подтверждаетъ фактъ остраго малоземелья у нѣкоторыхъ группъ населенія»,—долженъ, впрочемъ, признаться, я такъ и не доискался, гдѣ и въ чемъ разработанныя сотрудниками организаціи цифры подтверждаютъ *этотъ* фактъ—фактъ *остраго* малоземелья. Наличность «утѣсненія» находитъ себѣ подтвержденіе и въ данныхъ о техникѣ хозяйства приамурскихъ старожиловъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и попытку объяснить, откуда берется это «утѣсненіе»: «1) климатъ не только чуждый русскому земледѣльцу, но и крайне неблагопріятный вообще для сельскаго хозяйства; 2) почвы сомнительнаго достоинства; 3) растительность, съ утилитарной точки зрѣнія, скудная». Ну, а какъ же справляются съ этою почвою и съ этимъ климатомъ корейцы и китайцы? Тотъ же компетентный авторъ свидѣтельствуетъ, что они справляются отлично; мы знаемъ, что тутъ же, переѣхавъ Амуръ, китайское правительство отводитъ своимъ переселенцамъ надѣлы отъ полудесятины (sic) до 4 дес. на душу,—очевидно, что *оно* при этомъ не боится «малоземелья». И оно право, что не боится: вѣдь «понятіе объ удобной для земледѣлія землѣ у корейцевъ не такое, какъ у русскихъ—корейцу вся та земля удобна, куда онъ можетъ пробраться съ мотыгою въ рукахъ, не стѣсняясь ни лѣсомъ, ни кручей». А если амурскіе старожилы говорятъ объ «утѣсненіи» и мечтаютъ о прирѣзкахъ,—такъ вѣдь, съ одной стороны, на «размахъ» амурскаго старожила, въ самомъ дѣлѣ, не можетъ хватить никакого надѣла. А съ другой—не въ томъ ли еще дѣло, что для амурскихъ старожиловъ только «наступило время приниматься за раздѣлку лѣсныхъ площадей»; иначе сказать—что до сихъ поръ пахали и косили только «готовенькую землю», не шевеля пальцемъ, чтобы расширять культурную площадь?

Сказанное приводитъ насъ къ первостепенно-важному вопросу о такъ называемой колонизаціонной емкости края—о размѣрахъ тѣхъ земельныхъ запасовъ, которые еще могутъ быть использованы подъ заселеніе. Вопросъ этотъ имѣетъ за собой цѣлую исторію. До первыхъ годовъ настоящаго столѣтія земельные запасы Пріамурья предполагались уже чуть-чуть что не исчерпанными, и колонизація его—чуть-чуть что не законченною. Въ 1901 году пишущимъ эти строки были предложены нѣкоторыя существенныя поправки къ такого рода чрезмѣрно пессимистической оцѣнкѣ колонизаціонной будущности края. Какъ свидѣтельствуютъ сотрудники общеземской организаціи, мои предсказанія оправдались—границы возможной колонизаціи раздвинулись значительно шире, чѣмъ предполагалось. Оправдались они, однако, далеко не въ полной мѣрѣ,—и, какъ это ни покажется страннымъ, я, несмотря на мою установившуюся репутацію чрезмѣрнаго пессимиста, дол-

женъ, кажется, принести покаяніе въ нѣсколько чрезмѣрномъ оптимизмѣ. Колонизаціонныя перспективы Пріамурскаго края, несомнѣнно, шире, нежели предполагалось раньше, но, повидимому, онѣ менѣе широки, чѣмъ представлялось мнѣ, на основаніи собранныхъ мною въ 1901 году данныхъ и наблюденій[1]). Въ частности, я, повидимому, переоцѣнилъ значеніе происходящихъ по мѣрѣ заселенія края процессовъ обсыханія мокрыхъ земель: такое обсыханіе, правда, происходитъ въ значительныхъ размѣрахъ; но, съ другой стороны, далеко не всякая обсохшая земля тѣмъ самымъ становится «удобной», а съ другой—параллельно съ процессами обсыханія идутъ и противоположные процессы заболачиванія, слѣдовательно, сокращенія культурной площади.

Не скрою: редакторы и авторы коллективнаго труда общеземской организаціи и сами, можетъ быть, не свободны отъ грѣха чрезмѣрнаго пессимизма, и потому одни только *ихъ* наблюденія и впечатлѣнія едва ли были бы достаточны, чтобы убѣдить меня въ ошибочности моей недавней точки зрѣнія. Но они оперируютъ не только и даже не столько матеріаломъ собственныхъ наблюденій и впечатлѣній, сколько данными землеотводныхъ партій, сведенными въ прошлогоднемъ отчетѣ товарища главноуправляющаго землеустройствомъ, сенатора Иваницкаго,—а между тѣмъ ни г. Иваницкій, ни чины землеотводныхъ партій ужъ, конечно, не могутъ быть заподозрѣны въ предвзятомъ пессимизмѣ. Изслѣдованія и развѣдки землеотводныхъ партій, итоги которыхъ подведены г. Иваницкимъ, охватили въ 1908 году весьма обширныя пространства. И вотъ, въ Амурской области, на протяженіи всей линіи будущей желѣзной дороги, они обнаружили земли всего (или, точнѣе, въ максимумѣ) на 143,000 душъ *обоего* пола, и притомъ земли «весьма плохого качества». Внѣ полосы желѣзной дороги обслѣдовано два обширныхъ района, изъ нихъ одинъ, общею площадью 1.700.000 дес., обѣщаетъ дать возможность постепенно вселить около 50 тыс. душъ; другой, пространствомъ 765.000 дес., оказался почти сплошь негоднымъ для колонизаціи, и колонизаціонная емкость его—не превышающею для настоящаго времени 8.000 (sic!) душъ обоего пола. Такимъ образомъ, обслѣдованныя въ 1908 году пространства, общею площадью до 6.300.000 десятинъ, обѣщаютъ дать удобныхъ земель, въ максимумѣ, около 2 милл. дес.—земель, притомъ, сплошь плохого качества и весьма трудныхъ для разработки. На 1909 годъ намѣчено къ обслѣдованію 4.400.000 дес.—все сплошь пространства, лежащія дальше на сѣверъ и удаленныя отъ центровъ заселенія,—слѣдо-

[1]) См. мои «Матеріалы по вопросу о колонизаціонной ёмкости пріамурскаго края». Спб. 1901.

вательно, какъ можно ожидать, еще менѣе благопріятныя въ колонизаціонномъ отношеніи. Остаются еще обширныя пространства, до 17 милл. дес., которыя, однако, «лежатъ въ самой сѣверной области, сплошь заполнены горами и едва ли дадутъ что-нибудь для колонизаціоннаго фонда». Въ Приморской области, изъ обслѣдованныхъ въ 1908 году 3.200.000 десятинъ, только 560 тыс. дес., или 18%, признаны пригодными для цѣлей переселенія, и изъ нихъ въ наилучшемъ случаѣ около половины можетъ разсчитывать на заселеніе «въ ближайшемъ будущемъ». Для дальнѣйшихъ обслѣдованій намѣчено три большихъ района, всего 5.800.000 дес., не слишкомъ привлекательныхъ уже въ силу своего сѣвернаго мѣстоположенія и удаленности отъ колонизаціонныхъ центровъ,—да, кромѣ того, еще 5 милл. дес горныхъ пространствъ, признаваемыхъ «почти безнадежными въ колонизаціонномъ отношеніи». Дальнѣйшія изысканія переносятся... на Сахалинъ и на Камчатку,—уже этого факта достаточно, чтобы видѣть, сколь ограниченными оказались колонизаціонныя перспективы нашего Дальняго Востока.

При наличности такихъ данныхъ относительно размѣровъ земельнаго фонда, при неподлежащемъ сомнѣнію рѣзкомъ пониженіи качествъ земель, могущихъ еще быть отведенными подъ заселеніе, сотрудники общеземской организаціи, очевидно, не могутъ иначе, какъ съ рѣзкимъ отрицаніемъ, отнестись къ тѣмъ безбрежнымъ переселенческимъ фантазіямъ, которыя періодически вспыхиваютъ въ умахъ представителей нашей высшей, центральной и мѣстной администраціи. «При естественномъ ходѣ вещей,—говорятъ они,—можно было бы надѣяться, что «все образуется». Но какъ быть съ мечтами о «вливаніи» въ новый край милліона новыхъ переселенцевъ? Послѣднее (Хабаровское совѣщаніе высшей администраціи края, правда, дѣлаетъ уступку—теперь рѣчь идетъ лишь о 100.000 въ годъ... Если бы предположенія эти могли осуществиться (къ счастью, замѣчаютъ наши авторы, они неосуществимы), черезъ 2—3 года сельское населеніе края снова удвоилось бы, и краю предстояло бы справляться, какъ онъ самъ знаетъ, съ величайшими экономическими пертурбаціями. Не вытекаетъ ли изъ этого совершенная необходимость крайней осторожности въ механическомъ давленіи на жизнь нашей дальневосточной колоніи? Не настало ли время бросить грандіозные планы и подумать о постепенной подготовкѣ условій для принятія новыхъ переселенцевъ? Съ этимъ, правда, связано временное замедленіе темпа переселенческаго движенія. Но можно ли бросать на Дальній Востокъ все новыя и новыя массы людей, не удумавъ ихъ будущаго?»... «Нечего возражать,—говорятъ они въ другомъ мѣстѣ,—противъ планомѣрнаго заселенія Пріамурья. Но всякіе эксцессы въ этой области могутъ вызвать серьезную катастрофу. Можно за

одинъ годъ «влить» хоть милліонъ людей въ наши дальне-восточныя владѣнія, но нельзя этимъ людямъ воспрепятствовать немедленно вслѣдъ затѣмъ вымирать отъ цынги и тифа, а вмѣстѣ съ тѣмъ производить въ окружающей средѣ глубокія экономическія потрясенія, отъ которыхъ нескоро оправится колонія». Колонизаціонные «эксцессы» вредны и нежелательны, значитъ, даже и независимо отъ того, велики или малы земельные запасы края,—вредны и нежелательны въ силу тѣхъ экономическихъ потрясеній, которыя вызываетъ наплывъ переселенцевъ, выходящій изъ извѣстной умѣренной пропорціи къ наличному населенію колоніи. Они вредны и нежелательны еще и потому, что политика усиленнаго «вливанія» устраняетъ возможность основательнаго устройства переселенцевъ,—а между тѣмъ, «вымести изъ Россіи», какъ дѣлается теперь, «и свалить въ Пріамурье слабые элементы крестьянства—не значитъ устроить тамъ земледѣльческую колонію»; напротивъ—«быть можетъ, нѣтъ дѣла болѣе сложнаго и труднаго, чѣмъ устройство земледѣльческихъ колоній», да еще въ сугубо трудныхъ условіяхъ нашего Дальняго Востока. Нормальное развитіе колоніи возможно лишь при соблюденіи извѣстной сдержанности, постепенности въ ея заселеніи, но отнюдь не при искусственной его форсировкѣ. Съ этой точки зрѣнія сотрудники общеземской организаціи признаютъ желательной *всякую* задержку переселенія въ Пріамурье; они—на мой взглядъ, напрасно—готовы привѣтствовать даже тѣ искусственныя задержки, которыя создаются огромными земельными захватами мѣстнаго казачества, закрывающими для крестьянъ самыя важныя въ колонизаціонномъ отношеніи части края: съ ихъ точки зрѣнія *все* лучше, нежели чрезмѣрная спѣшность заселенія...

Какъ бы то ни было—фактъ, что въ послѣдніе годы задачи нашей переселенческой политики по отношенію къ дальневосточнымъ областямъ сводились, «главнымъ образомъ, лишь къ тому, чтобы «влить» поскорѣе массы русскаго крестьянства въ пограничныя пространства Пріамурья». Къ этому стремились, чтобы создать оплотъ противъ надвигающейся «желтой опасности», а въ самое послѣднее время—чтобы использовать переселеніе какъ одно изъ средствъ борьбы съ аграрнымъ движеніемъ. Подъ вліяніемъ этого послѣдняго соображенія «въ переселенческомъ дѣлѣ шлюзы, несомнѣнно, были подняты въ концѣ 1906 и 1907 года; реорганизованное центральное переселенческое управленіе, со всей энергіей молодости, всячески содѣйствовало и устраненію препятствій на пути переселенцевъ, и усиленію охоты переселяться» Переселенческое движеніе послѣднихъ лѣтъ, въ частности, въ 8 разъ усилившееся въ 1907 году движеніе въ Уссурійскій край, было, «несомнѣнно, искусственно вздуто администраціею

мѣстъ выхода», очевидно, выполнявшею, хотя, можетъ быть, и слишкомъ ретиво, предначертанія высшаго правительства. А между тѣмъ, «переселенческая организація не была подготовлена къ тому, что произошло. Перевозка переселенцевъ, врачебная и ссудная помощь имъ оказались неорганизованными, не была организована заранѣе и нарѣзка земель въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ потребовало движеніе». Въ области продовольствія переселенцевъ въ пути «переселенческое вѣдомство не установило, повидимому, опредѣленныхъ принципіальныхъ правилъ». Дорожное дѣло было въ самомъ плачевномъ положеніи—за предѣлами расположенія старожильскихъ селеній, по направленію къ новымъ участкамъ, «дорогъ было немного и притомъ почти всѣ онѣ были въ начальной стадіи постройки». Для борьбы съ ужасающею заболѣваемостью «переселенческая организація не располагала ни достаточно организованными лѣчебницами, ни соотвѣтствующимъ персоналомъ». Ничтожность средствъ, затраченныхъ на культурныя начинанія, «явно обнаруживаетъ плохого хозяина: нѣтъ и не можетъ быть оправданій въ томъ, что изъ 716 милл. рублей (общая сумма затратъ на дальневосточныя области), не нашлось нѣсколькихъ десятковъ тысячъ на систематическое изученіе края. Нѣтъ оправданія въ жалкомъ положеніи здѣшнихъ дорогъ, медицины, школьнаго дѣла, агрономической помощи и т. д., и т. д».

Картина, способная навести уныніе на самаго жизнерадостнаго оптимиста; картина, которую мы могли воспроизвести здѣсь только въ самыхъ общихъ контурахъ, но которая въ изданіи общеземской организаціи иллюстрируется множествомъ яркихъ конкретныхъ фактовъ. И къ свидѣтельству сотрудниковъ общеземской организаціи можно отнестись въ данномъ случаѣ съ полнымъ довѣріемъ. Они чрезвычайно далеки отъ столь обычнаго у насъ огульнаго опорочиванія всего, что только такъ или иначе связано съ чиновниками и чиновничествомъ. «Нападая на систему,—говорятъ они,—мы вовсе не желаемъ обвинять людей въ своекорыстныхъ побужденіяхъ, недобросовѣстности и неумѣлости». Напротивъ, подборъ переселенческихъ чиновниковъ кажется сотрудникамъ общеземской организаціи «въ общемъ чрезвычайно удачнымъ; большинство изъ нихъ отдается своему дѣлу всей душой: это живые люди, ведущіе живое дѣло и рискующіе часто служебными непріятностями и отвѣтственностью; есть и такіе, къ дѣятельности которыхъ мы присматривались съ величайшимъ удивленіемъ и уваженіемъ—это подвижники, которые отказались отъ личной жизни и всецѣло ушли въ помощь переселенцамъ». Находятъ они доброе слово и для паріевъ переселенческаго дѣла—чиновъ землеотводныхъ партій, которые несутъ поистинѣ каторжный трудъ въ поистинѣ каторжныхъ условіяхъ, и которыхъ за этотъ трудъ не ругаетъ

только лѣнивый[1]): «осуждать сплеча все,—говорятъ по этому поводу сотрудники общеземской огранизаціи,—легко. Но неужели самоотверженная, полная лишеній и преданности дѣлу работа этихъ истинныхъ завоевателей далекой окраины не стоитъ ничего, кромѣ осужденія?». И съ своей стороны, сотрудники общеземской организаціи «оцѣниваютъ по достоинству культурную работу скромныхъ людей, не умѣющихъ кричать о себѣ, но съ величайшимъ достоинствомъ выполняющихъ свой долгъ передъ Россіей на ея далекой окраинѣ». Хорошихъ работниковъ на переселенческомъ дѣлѣ много, работаютъ многіе изъ нихъ не токмо за страхъ, но за совѣсть, и если дѣло нашей колонизаціи все-таки не клеится, то дѣло тутъ въ общей системѣ, которая настолько несостоятельна, «что даже лучшіе, наиболѣе добросовѣстные и талантливые люди не въ силахъ бороться съ ея тлетворнымъ вліяніемъ».

Къ какой же формулѣ, спрашивается, свести сущность этой несостоятельной и тлетворной системы? Авторы интересующаго насъ коллективнаго труда опредѣляютъ ее какъ «систему опеки и казенной благотворительности», проходящую красною нитью черезъ всю нашу переселенческую политику. Это съ одной стороны. Съ другой—увлеченіе переселенческимъ интересомъ въ ущербъ интересу колонизаціонному, и крайняя централизація: «Пріамурье *не колонія*, а только *область для переселенія*—запасный фондъ свободныхъ земель. Переселенцы—только *переселенцы*, а *не колонисты;* переселенческіе чиновники—только переселенческіе чновники; чиновники не объединены, не сплочены одною общей задачей созданія новой жизни въ новомъ краѣ, а работаютъ разбитые по вѣдомствамъ, врозь... всѣ элементы иниціативы и творчества тщательно устранены, ихъ оставилъ за собою Петербургъ». Въ этомъ—ключъ къ объясненію колонизаціоннаго безсилія, обнаруженнаго нами въ Пріамурьѣ: «свободная иниціатива русскаго народа еще не проявляла себя на Дальнемъ Востокѣ». И чтобы поставить дѣло на болѣе правильную почву, надо дать развиться этой свободной иниціативѣ: «не пора ли дать русскимъ людямъ возможность приступить самостоятельно къ прочному завоеванію края? Уже два раза,—восклицаютъ наши авторы,—они по частному почину, помимо центральнаго правительства, овладѣвали «землями, на Амурѣ лежащими»; не наступило ли время для начала третьяго, уже мирнаго, но окончательно культурнаго завоеванія? Въ тѣхъ гражданскихъ условіяхъ, которыя существуютъ сейчасъ на Дальнемъ Востокѣ—это неосуществимая мечта. Но для измѣненія этихъ условій есть одинъ, и только одинъ путь», и этотъ путь—введеніе земства.

---

[1]) См. мою книгу «Переселеніе и колонизація», стр. 48—58.

Въ глазахъ дѣятелей общеземской организаціи всеспасающее и единоспасающее[1]) значеніе земства, конечно, что-то вродѣ аксіомы. Этимъ, надо думать, объясняется, что они не даютъ себѣ труда подробно мотивировать значеніе будущаго пріамурскаго земства собственно съ точки зрѣнія колонизаціи Дальняго Востока. Они довольствуются пространною цитатою изъ Леруа-Больe съ разсужденіями о важномъ значеніи самостоятельности общинъ для процвѣтанія колоній, да нѣсколькими презрительно-ироническими замѣчаніями по поводу заключеній недавно состоявшагося мѣстнаго совѣщанія, усомнившагося въ неотложности введенія земства въ Пріамурьѣ.

Не я, само собою разумѣется, буду возражать противъ введенія земства въ Пріамурскомъ краѣ. Но видѣть во введеніи земства *ключъ къ рѣшенію колонизаціоннаго вопроса* я рѣшительно отказываюсь. *Интеллигентные земцы*, конечно, хотѣли бы и, вѣроятно, много могли бы сдѣлать для улучшенія условій нашего переселенія и нашей колонизаціи. Но захочетъ ли и сможетъ ли то же сдѣлать *мѣстное*, пріамурское *земство*,— въ этомъ позволительно сильно сомнѣваться. За послѣднее время нѣкоторыя земства довольно усердно взялись за организацію *выселенія* изъ своихъ губерній. Хорошо ли это или худо, руководились ли современные земцы крестьянскими или совсѣмъ другими интересами—это далеко не разрѣшенный вопросъ. Но фактъ, что есть примѣры, когда земства брались за организацію *выселенія*. Исторія переселенческаго вопроса знаетъ и попытки земствъ поощрить или организовать вселеніе,—но *это* случаи, не могущіе служить для насъ примѣромъ: хлопотали о вселеніи *владѣльческія* земства—земства мѣстностей съ преобладаніемъ нуждающихся въ рабочей силѣ и въ покупателяхъ на землю или въ арендаторахъ крупно-помѣстныхъ владѣній. Но мы не знаемъ и не можемъ представить себѣ случаевъ благопріятной для вселенія политики со стороны земства, которое дѣйствовало бы во имя интересовъ *массы населенія. Вселеніе*

---

[1]) Къ какимъ ошибкамъ приводитъ преувеличенная вѣра въ единоспасающее значеніе земства, можно, между прочимъ, видѣть въ такомъ частномъ примѣрѣ. Отсутствіе статистической переписи въ Пріамурскихъ областяхъ ставится въ прямую зависимость отъ того факта, что «здѣсь нѣтъ земства» (стр. 709). Но развѣ наши авторы не знаютъ, что цѣлый рядъ земствъ не приступалъ къ статистическимъ изслѣдованіямъ, пока не явилось принужденіе извнѣ, въ видѣ законовъ 1893 и 1899 гг.? и что, наоборотъ, въ Сибири и киргизскомъ краѣ, гдѣ земства тоже нѣтъ, такимъ изслѣдованіямъ подвергнутъ цѣлый рядъ губерній и областей? Въ частности, наприм., спеціальная перепись переселенцевъ произведена въ большинствѣ неземскихъ колонизаціонныхъ районовъ[2]), тогда какъ въ земской Самарской губерніи такой переписи не бывало, въ Уфимской же таковая сдѣлана... правительственною переселенческою организаціей.

[2]) Нынѣ таковая произведена и въ восточныхъ областяхъ. А. К.

противно интересамъ этой массы, въ частности—интересамъ крестьянства, которое всегда и вездѣ стремится сосредоточить въ своихъ рукахъ всѣ мѣстные земельные запасы и для котораго переселенцы всегда и вездѣ являются крайне нежелательными конкурентами. *Всякое* земство, которое пожелаетъ быть дѣйствительнымъ представителемъ интересовъ мѣстнаго населенія, и въ особенности земство крестьянское, будетъ поэтому *не содѣйствовать*, а *противодѣйствовать* вселенію. И это—отнюдь не теоретическое предположеніе: въ число переселенческихъ районовъ въ недавнее время вновь включены нѣкоторыя изъ земскихъ губерній—назову Вологодскую и Самарскую—и мѣстныя земства не перестаютъ бороться противъ вселенія, не перестаютъ хлопотать о сохраненіи всѣхъ наличныхъ запасовъ свободныхъ земель въ исключительномъ распоряженіи мѣстнаго населенія. То же будетъ и въ Пріамурьѣ. Мы уже знаемъ, что и здѣсь «чувствуется утѣсненіе въ землѣ, слышатся странныя рѣчи о прирѣзкѣ»: сотрудники общеземской организаціи сообщаютъ намъ, что новоселы «сравнительно рѣдко встрѣчаютъ привѣтливое отношеніе» въ старожильскихъ деревняхъ, что «старожилы смотрятъ на нахлынувшіе въ послѣдніе годы десятки тысячъ переселенцевъ, какъ на будущихъ конкурентовъ». Какія же основанія ожидать, что избранное этими старожилами земство вдругъ проникнется теплою заботливостью о процвѣтаніи новыхъ переселенцевъ и о просторѣ для ихъ личной иниціативы? Очевидно, никакихъ. Если амурское земство въ чемъ-нибудь себя проявитъ, то только въ одномъ: въ усиленныхъ стараніяхъ закрыть край для дальнѣйшаго вселенія.

Другая необходимая реформа въ дѣлѣ колонизаціи нашего Дальняго Востока—измѣненіе *самаго содержанія* дѣятельности государственной власти, по образцу рекомендуемой нашими авторами, какъ примѣръ для подражанія, американской системы. Обязанности, безусловно лежащія на государственной власти въ колонизаціонномъ дѣлѣ, сводятся къ четыремъ пунктамъ: 1) точное опредѣленіе границъ передаваемыхъ переселенцамъ казенныхъ земель; 2) установленіе съ самаго начала законодательныхъ гарантій земельной собственности каждаго; 3) проведеніе дорогъ, и 4) организація правильнаго желѣзнодорожнаго и пароходнаго движенія, а также санитарно-медицинской части. На эти стороны дѣла должно быть обращено все вниманіе правительственной власти, съ совершеннымъ устраненіемъ затѣмъ элементовъ опеки и благотворительности, которые выражаются «въ перемѣнчивомъ и послушномъ Петербургу содѣйствіи» переселенію со стороны земскихъ начальниковъ мѣстъ выхода, въ тщательномъ изученіи сельскохозяйственныхъ свойствъ будущихъ поселеній, въ ссудной помощи и въ «постоянныхъ нервныхъ распоряженіяхъ центральнаго

управленія, желающаго изъ Петербурга регулировать и направлять движеніе». Опека должна быть устранена. «Людямъ, которые идутъ за 8 тыс. верстъ создавать себѣ новую родину, нужны не помочи, не ссуды, а собственныя силы». Государство «должно облегчить завоеваніе края общими мѣрами, а не частичными подачками переселенцамъ. На мѣсто личной ссуды должны стать затраты на устройство края, на созданіе въ немъ культурныхъ условій жизни, общеполезныхъ учрежденій, облегчающихъ частнымъ лицамъ борьбу съ суровыми условіями,— только тогда можно будетъ разсчитывать на нормальный ростъ и развитіе молодой колоніи и созданіе въ ней мощной русской государственности». И въ подкрѣпленіе этого своего взгляда наши авторы цитируютъ (изъ вторыхъ рукъ) одного американскаго профессора, изслѣдовавшаго переселенческое дѣло въ Россіи и вынесшаго изъ своихъ изслѣдованій убѣжденіе, что «вся система требуетъ преобразованія; что если бы правительство приняло нашу (американскую) систему, то получился бы превосходный результатъ».

Несомнѣнно, въ только что приведенныхъ конечныхъ выводахъ дѣятелей общеземской организаціи очень многое заслуживаетъ полнаго вниманія и глубокаго сочувствія. Въ полномъ объемѣ, однако, предлагаемая ими схема едва ли пріемлема,— думаю, что она оказалась бы непріемлемой прежде всего для самихъ дѣятелей общеземской организаціи, если бы они были призваны *не критиковать*, а *организовать* колонизацію нашего Дальняго Востока. Схема нашихъ авторовъ превосходна и стройна, если разсматривать ее какъ отвлеченное теоретическое построеніе. Но она едва ли совмѣстима съ тѣми «условіями русской дѣйствительности», на которыя наши авторы ссылаются по разнымъ частнымъ случаямъ и съ которыми они рѣшительно не считаются въ своихъ реформаторскихъ планахъ. Она совершенно не считается съ тѣмъ прошлымъ и тѣмъ настоящимъ, которое создало рядъ особенностей нашего переселенческаго движенія и, главное, создало своеобразный типъ нашего колонизатора-переселенца.

Американскій профессоръ признаетъ нашихъ переселенцевъ «честными, трудолюбивыми, достойными уваженія гражданами», которымъ недостаетъ лишь школъ. А амурскіе старожилы, по свидѣтельству нашихъ авторовъ, признаютъ «переселенцевъ послѣдней формаціи» за толпу нищихъ, живущихъ на правительственное «способіе». Которая изъ этихъ двухъ оцѣнокъ ближе къ условіямъ нашей реальной дѣйствительности? Увы, сообщаемыя сотрудниками общеземской организаціи свѣдѣнія заставляютъ думать, что оцѣнка амурскихъ старожиловъ имѣетъ очень много за себя, и что, во всякомъ случаѣ, современный русскій переселенецъ совершенно непохожъ на американскаго

«гражданина»-колониста. Американскій переселенецъ, какъ правило, устраиваетъ семью на квартирѣ и живетъ батрацкимъ трудомъ; «высокая заработная плата обезпечиваетъ ему возможность сколотить что-нибудь для начала дѣла, а батрацкая работа сразу вводитъ въ новыя неизвѣданныя условія сельско-хозяйственной дѣятельности. Нашъ переселенецъ не обладаетъ такою выдержкой—его тянетъ устройство *своего* дѣла, работа *на себя*, хозяйство; кромѣ того, онъ твердо вѣритъ въ двухсотрублевое казенное пособіе и, если получаетъ меньше, убѣжденъ, что сдѣлался жертвою злоупотребленій». Вся надежда переселенцевъ «сосредоточивается на ссудѣ и пособіяхъ, а не на собственныхъ силахъ». Мы уже видѣли, какъ плохо приспособляется нашъ крестьянинъ къ условіямъ дальневосточнаго хозяйства,—въ концѣ-концовъ, русское земледѣліе въ краѣ «представляетъ изъ себя въ значительной степени недоразумѣніе»; чтобы сдѣлать его жизнеспособнымъ, надо «перевоспитать русскаго крестьянина на китайскій ладъ,—привить ему соотвѣтственную трудоспособность, выносливость и нетребовательность въ жизненныхъ привычкахъ». Правда, дѣятели общеземской организаціи думаютъ, что такимъ сдѣлала русскаго переселенца именно неразумная переселенческая политика. Въ извѣстной мѣрѣ они, конечно, и правы. Но съ исторически сложившимся типомъ нашего переселенца *приходится считаться*, и было бы наивностью думать, что измѣненіе политики, упраздненіе опеки и благотворительности такъ-таки сразу сдѣлаетъ нашего переселенца способнымъ развить свободную и плодотворную иниціативу. Переселенцу, думаютъ наши авторы, «нужны не помочи, не ссуды, а собственныя силы». *Теоретическому*, въ идеалѣ желательному переселенцу—конечно. Но если *нашъ*, *реальный* переселенецъ самъ не надѣется на собственныя силы, если «вся его надежда сосредоточивается на ссудѣ и пособіяхъ?»...

Я сказалъ, что предлагаемая дѣятелями общеземской организаціи схема, всецѣло основанная на «собственныхъ силахъ» и на «иниціативѣ» переселенцевъ, на уничтоженіи «опеки» и «благотворительности», оказалась бы непріемлемою, прежде всего, для нихъ самихъ. И въ самомъ дѣлѣ: наши авторы горячіе сторонники *обязательнаго* ходачества: «если государство можетъ чего-либо требовать отъ переселенцевъ, то это прежде всего сознательности предпринимаемаго ими шага», знанія условій переселенія и водворенія на новыхъ мѣстахъ; а между тѣмъ, въ «условіяхъ русской жизни такое знаніе можетъ быть дано лишь предварительнымъ ходачествомъ». По существу вопроса я не имѣю возраженій,—и мнѣ неоднократно приходилось высказываться въ пользу обязательнаго ходачества. Но развѣ такое требованіе—не «помочи», не самая настоящая опека? Развѣ оно не стѣсняетъ личной иниціативы будущаго переселенца и колонизатора?...

Въ 1908 году дѣятели общеземской организаціи произвели «опытъ безплатнаго питанія въ пути всѣхъ переселенцевъ безъ изъятія» и остались вполнѣ довольны его результатами. Цѣлесообразно ли такъ ставить дѣло или нѣтъ—это для меня вопросъ. Но развѣ это не самая доподлинная, неприкрытая «казенная благотворительность?» Развѣ безплатныя кормежки нуждающихся и не нуждающихся могутъ способствовать сосредоточенію надеждъ переселенцевъ на ихъ собственныхъ силахъ и отклонить ихъ помыслы отъ дальнѣйшихъ казенныхъ «способій?..»

Дѣятели общеземской организаціи безусловно правы въ своей оцѣнкѣ современной постановки ссудной помощи переселенцамъ. «Принятая система ссудной помощи не достигаетъ цѣли и даетъ только отрицательные результаты. Противорѣчащая основнымъ цѣлямъ заселенія края идея опеки, да еще проведенная въ жизнь въ формѣ испытанной въ своемъ деморализующемъ значеніи ссуды, закладываетъ въ фундаментъ молодой жизни края разлагающія начала, подтачиваетъ силы съ первыхъ дней роста его... Внося обычную деморализацію», ссуды «укореняютъ въ переселенцахъ самые превратные взгляды и воспитываютъ въ нихъ отрицательныя начала... Вся надежда переселенцевъ сосредоточивается на ссудѣ и пособіяхъ, а не на собственныхъ силахъ». Все это совершенно вѣрно; скажу болѣе—при данной совокупности условій, при бездоходности обычнаго переселенческаго хозяйства, при укоренившихся среди переселяющагося крестьянства взглядахъ на ссуду, какъ на обязательное казенное «способіе», я не вижу никакого способа удовлетворительно организовать ссудное дѣло. И все-таки—неужто дѣятели общеземской организаціи оставятъ безъ «личной ссуды», или, скажемъ прямо,—безъ «казеннаго способія» тѣ тысячи и десятки тысячъ нищихъ людей, которымъ безъ такой «частичной подачки» угрожаетъ, можетъ быть, голодная смерть, не говоря уже о невозможности или неумѣньѣ обзавестись собственными силами и на собственныя средства? Конечно, было бы лучше, если бы переселялись люди сильные тѣломъ, духомъ и... мошной. Но устранить переселеніе слабыхъ и неимущихъ нѣтъ способа; а разъ это такъ—нельзя обойтись безъ «способій», кормежекъ и подачекъ.

Безусловно правы дѣятели общеземской организаціи и въ своей оцѣнкѣ нашей постановки землеотводнаго дѣла. Вопросъ о годности или негодности отводимой подъ заселеніе земли, дѣйствительно, «въ послѣднемъ счетѣ и безапелляціонно рѣшается лишь послѣ того, какъ переселенцы выбрали данный участокъ и прочно на немъ устроились». Сужденія лицъ, бонитирующихъ землю, дѣйствительно, строятся на довольно шаткихъ основахъ. Эти основы—«геоботаническія изслѣдованія и цѣнный опытъ старожиловъ»; но первыя «не могутъ быть обоснованы на какихъ-либо твердыхъ научныхъ положеніяхъ», ибо «новый

край даетъ новыя комбинаціи соотношеній естественныхъ признаковъ», и потому, «въ концѣ-концовъ, геоботаническія изслѣдованія въ значительной мѣрѣ сводятся все къ тому же цѣнному опыту старожиловъ»: «почвы, покрытыя такой-то растительностью, охотно распахиваются и даютъ хорошіе урожаи—значитъ, это плодородныя почвы; почвы такого-то строенія, цвѣта и такой-то степени влажности используются не безъ успѣха въ существующихъ селеніяхъ—значитъ, онѣ пригодны для сельскаго хозяйства». Заключенія такого рода достаточно шатки и становятся окончательно шаткими, когда землеотводнымъ партіямъ приходится проникать въ новые таежные районы, гдѣ совершенно нѣтъ мѣстнаго земледѣльческаго опыта. Въ такихъ условіяхъ, въ самомъ дѣлѣ, на твердыя заключенія можно было бы разсчитывать лишь послѣ спеціальныхъ опытовъ, веденныхъ въ теченіе не одного и не двухъ, а цѣлаго ряда лѣтъ,— и для такихъ опытовъ, дѣйствительно, нѣтъ мѣста въ современной постановкѣ русскаго землеотводнаго дѣла. Все это совершенно вѣрно. Я пойду и дальше почтенныхъ дѣятелей общеземской организаціи: я сомнѣваюсь, можно ли ожидать болѣе твердыхъ результатовъ даже и отъ солидно поставленныхъ научныхъ изслѣдованій,—выработаны ли наукой, въ самомъ дѣлѣ, методы точнаго опредѣленія хозяйственной годности земель въ мѣстностяхъ, гдѣ отказывается служить земледѣльческій опытъ? Но что же изъ всего этого слѣдуетъ? По моему мнѣнію, ужъ никакъ не то, къ чему приходятъ сотрудники общеземской организаціи. Если современные пріемы бонитировки земель несовершенны, надо ихъ, въ мѣру возможности, совершенствовать; пока этого не удалось сдѣлать, надо примѣнять существующіе методы со всѣмъ возможнымъ стараніемъ и со всею добросовѣстностью. Но отнюдь нельзя *отказаться отъ всякой* бонитировки и предоставить переселенцамъ самимъ разбираться въ вопросѣ о пригодности земель въ нарѣзанныхъ землемѣрами, по американскому образцу, геометрически правильныхъ квадратахъ. Какъ ни недостаточны знанія и опытъ чиновъ землеотводныхъ партій, какъ ни великъ съ ихъ стороны рискъ ошибочныхъ заключеній,— этотъ рискъ будетъ безконечно больше, если бонитировка будетъ всецѣло предоставлена крестьянскимъ ходокамъ, которые не располагаютъ *никакими* знаніями и *никакимъ* опытомъ,—ибо курскій или могилевскій опытъ совершенно отказывается служить въ условіяхъ амурской «сырой степи» или уссурійской тайги. Предварительная бонитировка земель землеотводными партіями *не уничтожаетъ*, но она значительно *ослабляетъ* этотъ рискъ—она не даетъ увѣренности, но она значительно повышаетъ шансы успѣха заселенія.

Я могъ бы остановиться еще на нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ,—но сказаннаго, я думаю, достаточно, чтобы показать, что

теоретически стройная схема дѣятелей общеземской организаціи неприложима въ реальныхъ условіяхъ русскаго переселенія и русской колонизаціи,—условіяхъ, которыя, можетъ быть, и созданы, въ значительной степени, ошибками нашей бюрократіи, но съ которыми реальная переселенческая и колонизаціонная политика неизбѣжно должна считаться. Даже теперь, въ своей книгѣ, дѣятели общеземской организаціи не выдерживаютъ послѣдовательно своей схемы; и она разсыплется прахомъ, если они когда-нибудь будутъ призваны къ активному участію въ организаціи переселенія на Дальній Востокъ и дальневосточной колонизаціи.

Томскіе переселенцы по подворному изслѣдованію 1894 года [1]).

Лѣтомъ 1894 г. пишущему эти строки поручено было произвести статистическое обслѣдованіе хозяйственнаго положенія переселенцевъ, разселившихся въ районѣ казенныхъ земель Томской губерніи,—въ округахъ Маріинскомъ, Каинскомъ и въ сѣверной части Томскаго. Въ основу изслѣдованія положены были поселенный опросъ и сплошная подворная опись, программу которой можно свести къ четыремъ группамъ вопросовъ: хозяйственное положеніе переселенцевъ на родинѣ; условія передвиженія въ Сибирь; быстрота обзаведенія «на новомъ мѣстѣ» и хозяйственное положеніе въ моментъ подворной описи. Въ теченіе 1895 и 1896 гг. напечатаны были въ трехъ томахъ полныя поселенныя описанія и сведенныя по отдѣльнымъ поселкамъ и приселеніямъ цифровыя данныя, а равно сводныя таблицы по волостямъ, округамъ и по всему изслѣдованному району и комбинаціонныя таблицы; изданъ, словомъ, весь матеріалъ, какъ цифровой, такъ и описательный[2]). Въ настоящемъ очеркѣ мнѣ хотѣлось бы изложить тѣ главнѣйшіе выводы, къ какимъ можно притти на основаніи собственно цифроваго матеріала. Сдѣлать это мнѣ кажется тѣмъ болѣе умѣстнымъ, что этотъ матеріалъ вообще былъ замѣченъ лишь немногими органами періодической печати, да и тѣ немногіе рецензіи и рефераты, которые мнѣ пришлось встрѣтить, оставили совершенно незатронутыми многія такія стороны дѣла, которыя мнѣ кажутся особенно существенными[3]).

Путемъ подворной описи въ 82 поселкахъ, 38 болѣе крупныхъ приселеніяхъ и нѣсколькихъ десяткахъ болѣе мелкихъ

---

[1]) Сборникъ Правовѣдѣнія, т. VII, 1897.

[2]) Изданіе это озаглавлено: «Хозяйственное положеніе переселенцевъ, водворенныхъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи»; 1-й выпускъ (т. I, ч. I) содержитъ разработанный по поселкамъ цифровой и описательный матеріалъ по Маріинскому округу, 2-ой (т. I, ч. II)—по Томскому, 3-ій (т. I, ч. III и т. II, ч. I)—по Каинскому, а также итоговыя и комбинаціонныя таблицы.

[3]) Напротивъ, сведенные въ этой статьѣ итоги обратили на себя вниманіе, и, повидимому, не утратили интереса и по настоящее время. А. К

зарегистровано было всего 4.559 дворовъ переселенцевъ, прибывшихъ въ 15-лѣтній промежутокъ времени, съ 1880 по 1894 г. Но переселенцы 1894 года, т. е. прибывшіе въ самый годъ изслѣдованія, не могли быть зарегистрированы сколько-нибудь полно, а потому мы будемъ разсматривать здѣсь лишь тѣхъ переселенцевъ, которые прибыли до 1893 года включительно. Такихъ переселенцевъ оказалось всего 4.307 дворовъ и 25.304 души обоего пола,—изъ нихъ 3.529 дворовъ въ особыхъ поселкахъ, 778 дворовъ—въ селеніяхъ старожиловъ. По округамъ переселенцы распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

въ Томскомъ	736	дворовъ и	4,116 душъ.
» Маріинскомъ. . .	2.631	» »	15.776 »
» Каинскомъ. . . .	940	» »	5.212 »

Довольно замѣтная часть этого населенія является, однако, результатомъ естественнаго прироста, имѣвшаго мѣсто уже по прибытіи въ Сибирь, замѣтная часть домохозяйствъ—результатомъ происшедшихъ здѣсь же семейныхъ раздѣловъ; въ моментъ выхода съ родины численность переселенцевъ опредѣлялась всего въ 23.683 души, группировавшіяся въ 3.912 домохозяйства, изъ числа которыхъ 279 домохозяйствъ отдѣлились, для переселенія въ Сибирь, отъ своихъ коренныхъ дворовъ.

По времени водворенія на мѣстахъ, гдѣ ихъ застала регистрація, наличные переселенцы группируются слѣдующимъ образомъ:

съ 1880 по 1885 годъ[1]) .	383	семьи и	2.137	душъ	обоего	пола
въ 1886 г.	59	семей и	339	»	»	»
» 1887 »	120	» »	708	»	»	»
» 1888 »	611	» »	4.022	»	»	»
» 1889 »	726	» »	4.691	»	»	»
» 1890 »	640	» »	3.959	»	»	»
» 1891 »	564	» »	3.389	»	»	»
» 1892 »	343	» »	1.855	»	»	»
» 1893 »	466	» »	2.585	»	»	»

Такимъ образомъ, наплывъ переселенцевъ до 1887 года включительно былъ совершенно незначителенъ: за всѣ восемь лѣтъ въ изслѣдованный районъ прибыло 562 семьи или въ среднемъ—по 70 семей въ годъ; начиная съ 1888 года приливъ переселенцевъ почти удесятеряется и держится три года приблизительно на одномъ уровнѣ; съ 1891 года онъ опять ослабѣваетъ съ тѣмъ, чтобы съ 1894 и особенно съ 1895 года возобновиться съ новой силой.

[1]) Переселенцы, прибывшіе въ эти 6 лѣтъ, въ виду ихъ малочисленности слиты при разработкѣ матеріала въ одну группу.

По сословной принадлежности переселенцы распредѣляются такъ:

бывшихъ крѣпостныхъ (съ дворовыми)	1.850 семей.
» государственныхъ	2.121 »
» удѣльныхъ	170 »

Остальные принадлежатъ къ различнымъ болѣе мелкимъ группамъ; изъ нихъ особаго упоминанія заслуживаютъ только 17 семей дворянъ, переселившихся по особымъ разрѣшеніямъ и проживающихъ въ числѣ отъ одной до пяти семей въ различныхъ поселкахъ; по образованію, умственному развитію и характеру хозяйства дворяне эти ничѣмъ не выдѣляются изъ крестьянской массы; тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ твердо помнятъ свое дворянство и потому, пользуясь крестьянскою землею, отказываются нести крестьянскія повинности, что конечно ведетъ къ безконечнымъ тяжбамъ и раздорамъ.

Въ числѣ зарегистрованныхъ переселенцевъ оказались представители самыхъ разнообразныхъ полосъ и губерній Европейской Россіи; впрочемъ, только восемь губерній представлены болѣе, нежели сотнею дворовъ, а именно:

Курская . . .	2.113 дворовъ.	Тобольская . .	216 дворовъ.
Вятская . . .	396 »	Тамбовская . .	193 »
Казанская . .	327 »	Пензенская . .	119 »
Пермская . .	265 »	Симбирская . .	110 »

при чемъ значительная часть тамбовцевъ—мордовскаго происхожденія, симбирцы же, за ничтожными исключеніями,—чуваши. Изъ болѣе мелкихъ группъ вниманія заслуживаютъ католики-литвины изъ Ковенской (41 дв.) и латыши изъ Витебской губерніи (60 дворовъ), образовавшіе въ Томскомъ и Каинскомъ округахъ пять отдѣльныхъ небольшихъ поселковъ.

Такимъ образомъ, почти половину наличнаго числа переселенцевъ составляютъ куряне—выходцы какъ изъ великорусскихъ, такъ и изъ малорусскихъ районовъ Курской губерніи; слѣдующую группу составляютъ казанцы и вятичи—большею частью выходцы изъ мѣстности, лежащей на границѣ той и другой губерніи, лично знакомые между собой и жившіе на родинѣ въ совершенно тождественныхъ естественныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ; много общаго между собой имѣютъ и выходцы изъ двухъ слѣдующихъ по порядку губерній—Пермской и Тобольской, которыхъ—забѣгая нѣсколько впередъ—можно признать бѣжавшими не отъ малоземелья, а скорѣе отъ истощенія земель—продукта отживающаго свой вѣкъ залежнаго хозяйства; напротивъ, тамбовцы, пензенцы и симбирцы

принадлежатъ къ наименѣе обезпеченнымъ землею и вообще мало состоятельнымъ группамъ крестьянства.

Просматривая таблицу распредѣленія переселенцевъ по мѣстамъ выхода, не трудно замѣтить, что распредѣленіе это представлялось далеко не постояннымъ, а, напротивъ, изъ года въ годъ сильно измѣнялось; общій характеръ этихъ измѣненій ясно виденъ изъ слѣдующей таблички:

	Число семей, прибывшихъ.		
	до 1887 г.	въ 1888—91 г.	въ 1891—93 г.
Изъ Курской губ.	36	1.925	152
» Вятской и Казанской губ. .	185	394	144
» Пермской губ.	139	87	39
	въ 1888—90 г.	въ 1891—93 г.	
» Тобольской губ.	54	41	121
» Тамбовской и Пензенской г.	56	31	225
» Симбирской губ.	1	—	109
» Ковенской и Витебской г.	2	92	7

По характеру землевладѣнія 3.912 семей переселенцевъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Безземельныхъ	515 семей или	13,3%
Общинниковъ	2.697 » »	69,5%
Подворниковъ[1])	634 » »	17,3%
Со смѣшаннымъ владѣніемъ	38 » »	

а группировка по размѣрамъ землевладѣнія имѣетъ слѣдующій видъ:

Имѣвшихъ до 1 десятины . . .	336 семей или	8,6%
» отъ 1 » 3 » . . .	1.148 » »	30,6%
» » 3 » 5 » . . .	613 » »	15,7%
» » 5 » 10 » . . .	737 » »	19,0%
» болѣе 10 » . . .	535 » »	13,8%

Во владѣніи всѣхъ 3.397 семей, надѣленныхъ землею, состояло 20.051 десятинъ земли, что составляетъ въ среднемъ на каждую такую семью по 5,9 десятинъ.

Такимъ образомъ, болѣе одной пятой части всѣхъ зарегистрованныхъ хозяйствъ—21,9%—могли считаться безусловно необезпеченными землею, т. е. были безземельными или имѣли на семью не свыше одной десятины; почти треть—30,6%—была

---

[1]) Въ томъ числѣ 17 семей безземельныхъ, владѣвшихъ участками купчей земли.

очень слабо обезпечена землей, такъ какъ имѣла земли отъ 1 до 3 десятинъ; еще треть—34,7%—имѣла отъ 3 до 10 десятинъ и могла считаться удовлетворительно или посредственно обезпеченною землей, а довольно замѣтная часть переселенцевъ—13,8% или около одной седьмой—имѣла свыше 10 десятинъ и, слѣдовательно, говоря вообще, недостатка въ землѣ испытывать не могла. Несомнѣнно преобладали, такимъ образомъ, дворы, въ большей или меньшей мѣрѣ испытывавшіе недостатокъ въ землѣ, и средній размѣръ надѣльнаго землевладѣнія переселенцевъ былъ болѣе чѣмъ вдвое ниже средней для всего вообще населенія Европейской Россіи: переселенцы имѣли въ среднемъ (включая безземельные дворы) по 5,1 десятины на семью, тогда какъ въ общемъ выводѣ по 22 губерніямъ, цифры для которыхъ сведены г. Благовѣщенскимъ, средній размѣръ надѣльнаго землевладѣнія равенъ 11 десятинамъ на семью[1]). Естественно, при такихъ условіяхъ, что аренда земли у переселенцевъ достигала очень значительнаго развитія: арендовали землю 1.999 семей, т. е. 51,5% общаго числа переселенцевъ, и снимали они, не считая покоса и другихъ угодій, 6.111 десятинъ, т. е. въ среднемъ болѣе трехъ десятинъ на арендовавшую семью.

Размѣры хозяйства переселенцевъ изображаются слѣдующими главнѣйшими цифрами:

Въ среднемъ на дворъ приходилось:

десятинъ посѣва	3,7
рабочихъ лошадей	1,5
дойныхъ коровъ	1,2

% дворовъ:

безъ посѣва	14,1%
съ посѣвомъ не свыше 2 десятинъ	25,9%
» » » » 5 »	21,9%
безлошадныхъ	19,8%
съ двумя и болѣе лошадьми	42,1%

% дворовъ, имѣвшихъ подспорье:

въ батрачествѣ и отхожихъ земледѣльч. заработкахъ	30,9%
на заводахъ, фабрикахъ, жел. дорогахъ	18,2%
въ ремеслахъ и кустарныхъ промыслахъ	34,4%

---

[1]) Н. Благовѣщенскій. Сводный сборникъ хоз. свѣд. по земск. подв. описямъ. Т. I. М. 1893. Стр. 129. Надо замѣтить, что дѣйствительное отношеніе было нѣсколько менѣе неблагопріятно для переселенцевъ: довольно многіе изъ послѣднихъ, особенно пермяки и вятичи, показывали не весь надѣлъ, а одну пашню,—и намъ лишь отчасти удалось исправить проистекавшія отсюда погрѣшности.

Данныя о распредѣленіи дворовъ по числу рабочаго скота показываютъ, что болѣе $^2/_5$ (42%) общаго числа переселенцевъ (имѣвшіе по двѣ и болѣе головъ) были вполнѣ самостоятельными хозяевами, другія двѣ пятыя (38,1%) имѣли по одной лошади и, слѣдовательно, стояли на рубежѣ, отдѣляющемъ крестьянина отъ полнаго экономическаго упадка, а почти одна пятая (19,8%) была безлошадными и, слѣдовательно, вовсе утратила хозяйственную самостоятельность. Если затѣмъ считать достаточными дворами тѣ, которые засѣвали свыше 5 десятинъ, то къ этой категоріи отнесется, опять-таки, нѣсколько болѣе одной пятой,—21,9% общаго числа переселенцевъ.

Весьма важное значеніе имѣетъ далѣе вопросъ, въ какомъ отношеніи стояло благосостояніе переселенцевъ къ благосостоянію всей вообще крестьянской массы мѣстностей выселенія. Разспрашивая переселенцевъ, мы получали по этому вопросу самые разнорѣчивые отзывы: одни говорили, что въ Сибирь идетъ «бѣднота», такъ какъ «богатому и дома хорошо»; другіе, напротивъ—что въ Сибирь идутъ болѣе состоятельные, ибо «бѣднотѣ тронуться не съ чѣмъ»; третьи утверждали, что двигаются «середняки», «ровненькіе», такъ какъ богатому «незачѣмъ» итти, а бѣдному—«не на что». Очевидно, что подобные отвѣты—совершенно субъективны и случайны, а сколько-нибудь точный отвѣтъ на вопросъ можно получить лишь цифровымъ путемъ, сопоставляя данныя о хозяйственномъ положеніи переселенцевъ съ таковыми же данными для всего вообще населенія. Къ сожалѣнію, такую параллель можно провести лишь по даннымъ, показывающимъ обезпеченность населенія скотомъ, такъ какъ данныя о размѣрахъ посѣвовъ имѣются далеко не во всѣхъ земскихъ сборникахъ и въ частности—отсутствуютъ по такимъ губерніямъ, какъ Курская, Вятская, Казанская, давшимъ главную массу зарегистрованныхъ переселенцевъ. Относительно же обезпеченности скотомъ мы имѣемъ возможность сопоставить слѣдующія цифры:

Въ среднемъ на дворъ:	Для зарегистрованныхъ переселенцевъ.	Въ общемъ итогѣ по 22 губерніямъ, изслѣдованнымъ земствами [1]).
Рабочихъ лошадей	1,5	1,5
Дойныхъ коровъ	1,2	1,2
% дворовъ безъ рабочаго скота	19,8	23,1
Съ двумя и болѣе головами рабоч. скота	42,1	46,9

[1]) Тамъ же, стр. 131—133.

Получается, слѣдовательно, болѣе или менѣе полное совпаденіе цифръ: среднія цифры совершенно тождественны, процентныя же цифры разнятся другъ отъ друга лишь на очень незначительныя величины, при чемъ разница въ числѣ дворовъ съ двумя и болѣе головами рабочаго скота, вѣроятно, можетъ быть цѣликомъ приписана тому обстоятельству, что въ числѣ двадцати двухъ губерній есть нѣсколько такихъ, гдѣ работаютъ волами, тогда какъ зарегистрованные переселенцы, за исключеніемъ немногихъ единицъ, работали лошадьми.

Такимъ образомъ, переселенцы, владѣя вдвое меньшимъ количествомъ земли, по размѣрамъ хозяйства стояли—если судить по приведеннымъ цифрамъ,—на одномъ уровнѣ со всею вообще крестьянскою массой, что и позволяетъ присоединиться къ тому мнѣнію, что среди переселенцевъ преобладаютъ среднесостоятельные хозяева. Безхозяйная бѣднота представлена даже нѣсколько слабѣе, нежели въ общей массѣ крестьянскаго населенія; и это вполнѣ понятно, такъ какъ эта бѣднота, которая, можетъ быть, болѣе всѣхъ нуждалась бы въ переселеніи, по недостатку средствъ нерѣдко не имѣла возможности его предпринять.

Взглядъ на итоговыя таблицы убѣждаетъ, далѣе, въ существованіи въ отношеніи какъ размѣровъ землевладѣнія, такъ и основныхъ элементовъ, характеризующихъ благосостояніе крестьянскаго двора, значительной разницы между болѣе ранними и болѣе поздними переселенцами, при чемъ разница эта обозначается не постепенно, а въ видѣ рѣзкаго скачка, наступающаго отъ 1887 къ 1888 году. Взявъ отдѣльно переселенцевъ, прибывшихъ до 1887 и начиная съ 1888 года, получаемъ слѣдующіе два ряда среднихъ и относительныхъ цифръ:

	У пересел., прибывшихъ до 1887 г.	прибывшихъ: съ 1887 по 1893 г.
Въ среднемъ на семью десятинъ надѣльной земли	9,3	4,4
% безземельныхъ	4,6	14,6
% имѣвшихъ болѣе 10 десятинъ . . .	33,1	10,1
Въ среднемъ на дворъ десятинъ посѣва	4,9	3,4
Тоже рабочихъ лошадей	2,0	1,4
Тоже коровъ	1,8	1,1
% безлошадныхъ	5,9	21,9
% имѣвшихъ 2 и болѣе лошадей . . .	57,1	39,2

Средніе размѣры землевладѣнія болѣе раннихъ переселенцевъ превышаютъ средніе размѣры землевладѣнія болѣе позднихъ слишкомъ въ два раза, и притомъ среди первыхъ втрое меньше процентъ безземельныхъ; размѣры хозяйства у болѣе

раннихъ переселенцевъ превышаютъ размѣры хозяйства болѣе позднихъ почти въ полтора раза, количество безлошадныхъ у первыхъ почти вчетверо меньше, а число имѣющихъ по двѣ и болѣе лошадей почти въ полтора раза больше, нежели у вторыхъ. Такимъ образомъ, землевладѣніе и хозяйство переселенцевъ, прибывшихъ до 1887 г., были значительно крупнѣе, нежели у прибывшихъ съ 1888 по 1893 годъ. Но было бы ошибкою думать, чтобы этому различію, дѣйствительно, соотвѣтствовала и разница въ благосостояніи: необходимо вспомнить, что до 1887 года преобладали переселенцы изъ сѣверо-восточнаго района, а начиная съ 1888 года подавляющее большинство составляютъ выходцы изъ среднихъ губерній; что первые на родинѣ еще продолжали вести залежное хозяйство, при которомъ десятина надѣльной земли и даже десятина посѣва—далеко не то, что при господствующемъ въ среднихъ губерніяхъ навозномъ хозяйствѣ; что у нихъ въ ходу были, большею частью, двуконныя сохи, и что поэтому для нихъ *пара* лошадей—такой же *минимумъ* самостоятельнаго хозяйства, какимъ въ среднихъ губерніяхъ является *одна* лошадь. Судить о *степени благосостоянія* мы можемъ, на основаніи нашего матеріала, только по одному признаку[1]), именно по размѣрамъ средствъ, взятыхъ переселенцами съ собой при выходѣ на новое мѣсто.

Мы знаемъ именно, что зарегистрованныя 3.912 семей взяли съ собой въ общей сложности 593.305 рублей (кромѣ того у 323 лицъ за должниками осталось 29.786 рублей, изъ которыхъ почти половина, 13.698 рублей, были высланы имъ въ Сибирь), что составляетъ въ среднемъ по 153 рублей на переселенческую семью. Если теперь выдѣлить группу переселенцевъ, прибывшихъ до 1887 года, то для нихъ соотвѣтствующая средняя цифра поднимется лишь до 159 рублей,—другими словами, эта группа переселенцевъ почти не выдѣляется, по размѣрамъ своего благосостоянія, изъ общей переселенческой массы. Напротивъ, рѣзко выдѣляются, но уже въ противоположную сторону, переселенцы, прибывшіе въ послѣднее трехлѣтіе, съ 1891 по 1893 годъ; если поэтому разбить всѣхъ переселенцевъ на три группы, то получатся, соотвѣтственно, слѣдующія среднія цифры:

---

[1]) Рѣзкая разница замѣчается въ цифрахъ батрачества и отхожихъ земледѣльческихъ заработковъ (до 1887 г. отъ 8,3 до 12,5%, съ 1888 по 1893 г. отъ 23,1 до 46,0%); но эта разница въ значительной мѣрѣ объясняется постороннимъ обстоятельствомъ—незначительнымъ развитіемъ на Сѣверо-востокѣ спроса на наемный земледѣльческій трудъ и наоборотъ—выгодностью заводскихъ заработковъ и развитіемъ кустарныхъ и т. п. промысловъ.

У переселенцевъ, прибывшихъ	Въ среднемъ на семью взято денегъ
до 1887 г.	159 р.
съ 1888 по 1890 г.	170 »
» 1891 » 1893 »	122 »

Такимъ образомъ, съ наименьшими средствами пустились въ путь переселенцы послѣдняго трехлѣтія, среди нихъ значительный процентъ составляли «голодные» переселенцы (бѣжавшіе отъ недорода 1891—92 гг.) и такіе бѣдняки, какъ пензенцы и симбирцы; напротивъ, наивысшая цифра оказывается у переселенцевъ трехлѣтія 1888—1890 гг.,—это, главнымъ образомъ, потому, что въ то именно время прибыли куряне-четвертники, которымъ продажа земли доставила нѣкоторый, сравнительно съ другими, избытокъ средствъ.

Изъ общаго числа 3.885 семей, для которыхъ имѣются соотвѣтствующія свѣдѣнія, съ установленнаго разрѣшенія прибыло 1786; безъ разрѣшенія, съ паспортами и иными документами—2.099 семей. И въ этомъ отношеніи, опять-таки, замѣчается существенная разница между различными по времени прибытія группами переселенцевъ. До 1887 года переселенцы были почти исключительно самовольные; съ разрѣшеніями пришло всего 40 семей, самовольно—515. Самовольное переселеніе продолжается въ значительныхъ размѣрахъ и въ слѣдующее четырехлѣтіе, съ 1888 по 1891 годъ, но преобладаніе въ это время принадлежитъ уже легальнымъ переселенцамъ: ихъ пришло за это время 1.594 семьи, самовольныхъ—всего 933. Вслѣдствіе извѣстнаго циркуляра 6 марта 1892 года выдача разрѣшеній была пріостановлена, и потому въ 1892—93 гг. опять преобладаютъ самовольные переселенцы; ихъ было за эти два года 651 семья, легальныхъ—всего 152 семьи, получившія дозволеніе на переселеніе до воспослѣдованія циркуляра.

По важному вопросу о степени сознательности движенія наши таблицы даютъ слѣдующія данныя. Изъ 3.885 семей 1.557 направились въ Сибирь и намѣчали себѣ мѣста для водворенія по письмамъ ранѣе переселившихся родныхъ или земляковъ, 826 семей—по сообщеніямъ ходоковъ или по собственнымъ развѣдкамъ домохозяевъ или кого-либо изъ членовъ семей, произведеннымъ ранѣе отправленія въ путь цѣлой семьи; остальные не имѣли сколько-нибудь опредѣленныхъ свѣдѣній о Сибири и либо шли на-авось, либо направлялись въ мѣстности указанныя въ полученныхъ ими для переселенія проходныхъ свидѣтельствахъ. Такимъ образомъ, переселенцы, шедшіе въ Сибирь съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ знаніемъ того, что ихъ здѣсь ожидаетъ, составляли 60,9%—три пятыхъ

общаго числа переселенцевъ. И здѣсь, однако, замѣчаются нѣкоторыя измѣненія въ зависимости отъ времени прибытія переселенцевъ,—измѣненія, представляющія нѣкоторый параллелизмъ съ измѣненіями въ распредѣленіи переселенцевъ на легальныхъ и самовольныхъ. Параллелизмъ этотъ ясно виденъ изъ слѣдующей таблички:

	% шедшихъ по письмамъ и развѣдкамъ.	% имѣвшихъ разрѣшеніе на переселеніе.
До 1887 г.	86,1	7,2
Съ 1888 по 1891 г. . . .	50,9	63,1
Въ 1892 и 1893 г.	74,9	18,9

Такимъ образомъ, сознательность движенія (конечно, лишь весьма относительная) тѣмъ больше, чѣмъ больше среди переселенцевъ преобладаютъ самовольные: эти послѣдніе, предоставленные самимъ себѣ и разсчитывающіе лишь на себя, не только не пользующіеся никакимъ содѣйствіемъ властей, но нерѣдко преодолѣвающіе, чтобы уйти съ родины, разнообразныя препятствія и задержки, представляются, въ общемъ, элементомъ гораздо болѣе энергичнымъ и разумнымъ, нежели легальные переселенцы, во всемъ, начиная съ выбора мѣста, идущіе на помочахъ и не имѣющіе необходимости проявлять какую-либо самостоятельность.

Затѣмъ, болѣе половины, 2.067 семей, дѣйствительно водворились въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, куда имѣли въ виду переселиться, когда выходили изъ дому; въ томъ числѣ 1.218 семей имѣли въ виду переселиться именно на тотъ *участокъ* или въ то *селеніе*, гдѣ ихъ застала регистрація, 849 семей направлялись въ данную *волость*, и уже по прибытіи сюда такъ или иначе отыскивали себѣ мѣсто для водворенія. Съ точки зрѣнія вопроса о сознательности движенія эти двѣ группы имѣютъ совершенно различный смыслъ: первая—это тѣ переселенцы, которые либо сами высмотрѣли себѣ мѣсто, либо шли въ поселокъ, гдѣ уже ранѣе водворились ихъ родственники и земляки; вторая—въ огромномъ большинствѣ тѣ, которымъ мѣсто водворенія было указано въ проходныхъ свидѣтельствахъ, и которые сами не имѣли опредѣленныхъ свѣдѣній или намѣреній. Согласно этому, вторая группа почти отсутствуетъ (всего 56 семей) между переселенцами, прибывшими до 1887 года, когда легальныхъ переселенцевъ почти не было; двѣ трети ея представителей—631 семья—пришли въ 1888—1891 гг., т. е. именно въ тѣ годы, когда преобладали разрѣшенные и снабженные проходными свидѣтельствами переселенцы, остальные—въ 1892 и 1893 гг., когда выдача разрѣшеній была пріостановлена, но часть переселенцевъ имѣла еще проходныя свидѣтельства, полученныя до пріостановки.

Едва ли не болѣе интересна другая группа переселенцевъ, попавшихъ *не туда*, куда они имѣли въ виду переселиться. Эта группа охватываетъ почти треть общаго числа зарегистрированныхъ переселенцевъ—1.371 семью; большинство—822 семьи—имѣло въ виду водвориться либо въ какой-либо другой мѣстности того же округа, либо въ одномъ изъ другихъ округовъ района казенныхъ земель Томской губерніи; 249 семей направлялось на Алтай, остальныя 204 семьи—кто на Амуръ, кто въ Енисейскую губернію, кто въ Петропавловскій уѣздъ или на «Семьрѣку», и т. п. Данныя поселенныхъ опросовъ позволяютъ утверждать, что значительное большинство переселенцевъ этой группы составляютъ отставшіе отъ партій по бѣдности, болѣзни и т. п. причинамъ или не нашедшіе себѣ мѣста на томъ участкѣ или въ томъ селеніи, гдѣ они имѣли въ виду водвориться; меньшинство составляютъ такіе, которые измѣняли свое первоначальное намѣреніе подъ вліяніемъ свѣдѣній, полученныхъ въ пути или на переселенческихъ пунктахъ отъ встрѣчныхъ обратныхъ переселенцевъ, ссыльныхъ, крестьянъ-старожиловъ, или по другимъ случайнымъ причинамъ. Наконецъ, 631 семья пришла въ то мѣсто, гдѣ была зарегистрована, проживъ болѣе или менѣе продолжительное время въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ; изъ нихъ болѣе половины—338 семей—прожило на первоначально избранномъ мѣстѣ менѣе года, т. е. успѣло развѣ только присмотрѣться къ мѣстнымъ условіямъ, а никакъ не испытать ихъ на опытѣ; остальные прожили по году и болѣе, нѣкоторые (42 семьи) по пяти и болѣе лѣтъ,—можно предполагать, что *ихъ* переходъ на другое мѣсто былъ вызванъ уже серьезными соображеніями. Весьма любопытно далѣе, что количество этого рода переселенцевъ, застигнутыхъ регистраціей послѣ одной или нѣсколькихъ перемѣнъ мѣста жительства, сильно возрастаетъ начиная съ 1890 года: среди переселенцевъ, прибывшихъ съ 1880 по 1889 годъ, они составляли всего 9,6%; среди прибывшихъ съ 1890 по 1893 г.—22,2%, при чемъ процентъ съ каждымъ годомъ правильно возвышается; переселенцы этого рода составляли именно:

въ 1890 г.	17,8%
» 1891 г.	22,2%
» 1892 г.	23,6%
» 1893 г.	27,5%

Повидимому, болѣе ранніе переселенцы находили еще много свободнаго мѣста и потому могли сразу селиться тамъ, гдѣ находили все по своему вкусу; начавшійся съ 1888 года массовый приливъ переселенцевъ повелъ къ тому, что лучшія мѣста вскорѣ оказались занятыми; переселенцы, утомленные поисками, садились на такіе участки, которые нерѣдко не оправдывали

ихъ ожиданій, а затѣмъ, посидѣвъ годъ—два и осмотрѣвшись, переходили на мѣсто, которое находили болѣе подходящимъ.

На условіяхъ передвиженія мы остановимся лишь въ самыхъ краткихъ словахъ, такъ какъ этотъ вопросъ, съ нашей точки зрѣнія, имѣетъ лишь второстепенное значеніе.

Въ отношеніи пути слѣдованія и способовъ передвиженія между болѣе ранними и болѣе поздними переселенцами замѣчается существенная разница. До 1887 г., какъ мы знаемъ, преобладали переселенцы изъ сѣверо-восточныхъ губерній; громадное большинство ихъ находило для себя болѣе удобнымъ дѣлать весь путь на своихъ лошадяхъ, почему этотъ способъ передвиженія оказывается представленнымъ 55,9% всѣхъ прибывшихъ за это время переселенцевъ; по Уральской желѣзной дорогѣ проѣхало всего 31,6%, при чемъ значительное большинство ихъ—29,4%—въ Тюмени садилось на пароходъ и водой доѣзжало до ближайшей къ намѣченному для водворенія мѣсту пристани; 2,2% въ Тюмени покупали лошадей и слѣдовали дальше большимъ Сибирскимъ трактомъ. Съ 1888 г. огромное большинство переселенцевъ составляютъ выходцы изъ внутреннихъ губерній; около того же времени появляются удешевленные переселенческіе билеты, Уральская дорога доводится до Тюмени, такъ что получается возможность доѣхать, не прибѣгая къ гужевому способу, до самаго Томска,— въ результатѣ число переселенцевъ, сдѣлавшихъ весь путь на лошадяхъ, падаетъ до 10,4%, а 83% всѣхъ переселенцевъ, прибывшихъ за послѣднее шестилѣтіе, оказываются проѣхавшими на Тюмень, по Уральской желѣзной дорогѣ; значительное большинство ихъ (62,4% общаго числа всѣхъ переселенцевъ) въ Тюмени садилось на пароходъ; но замѣтный процентъ (20,6%),— преимущественно тѣ, кому надоѣдало ожидать очереди попасть на пароходъ, или кого пугала господствовавшая на пароходахъ страшная смертность,—покупалъ въ Тюмени лошадей, на которыхъ и слѣдовалъ дальше до мѣста водворенія. Отмѣтимъ еще небольшую, но любопытную группу—сдѣлавшихъ пѣшкомъ весь путь или часть его; группа эта охватываетъ всего 133 семьи и составляетъ 3,4% общаго числа зарегистрованныхъ переселенцевъ. Впрочемъ, до 1890 года эта группа была очень малочисленна и составляла всего 1,5%; въ 1891—93 гг. переселенцы-пѣшеходы являются гораздо чаще и составляютъ уже 6,9% общаго числа переселенцевъ: это—«голодные» переселенцы, выгнанные неурожаемъ, по преимуществу изъ Тобольской губерніи и ближнихъ уѣздовъ Пермской и Уфимской.

Мы упомянули о страшной смертности. Смерть косила переселенцевъ и особенно переселенческихъ дѣтей не только въ пути, но и по прибытіи на мѣсто когда переселенцы, измученные и физически истощенные дорогою, размѣщались и нерѣдко до-

поздней осени жили въ шалашахъ или плохихъ землянкахъ. По нашей регистраціи, изъ 23.683 душъ, вышедшихъ съ родины, умерло: въ пути—746 душъ въ 554 семьяхъ; на мѣстѣ, не позже истеченія года по прибытіи—676 душъ въ 505 семьяхъ; а всего 1.422 души или 6% всего числа переселенцевъ, оставившихъ родину; по отдѣльнымъ поселкамъ смертность доходила до 12—15%, въ одномъ маленькомъ поселкѣ даже до двадцати пяти процентовъ! Достойно при этомъ замѣчанія, что столь высокаго размѣра (6%) смертность стала достигать только съ 1888 года, когда переселенцы двинулись массами и когда огромное большинство ихъ поѣхало по желѣзнымъ дорогамъ и на пароходахъ, гдѣ помѣщалось въ самыхъ невозможныхъ гигіеническихъ условіяхъ; до 1887 г., когда большинство переселенцевъ ѣхало на подводахъ, смертность была сравнительно ничтожна, не превышая 2,2% общаго числа переселенцевъ.

Существенная разница замѣчается далѣе въ отношеніи стоимости пути. Какъ было указано выше, зарегистрованныя 3.912 семей взяли съ собой изъ дому всего 593.305 рублей, съ собою же онѣ принесли на мѣсто водворенія 196.294 рубля. Въ пути было издержано, слѣдовательно, 397.011 рублей, что составитъ, въ среднемъ на семью, съ лишнимъ по 101 рублю. Если, затѣмъ, разбить переселенцевъ, по времени прибытія, на три группы, то средняя стоимость пути опредѣлится слѣдующимъ образомъ:

	Въ среднемъ на семью		
У переселенц., прибывш.	Взято изъ дому.	Принесено на мѣсто водворенія.	Издержано въ пути.
до 1887 г.	159 р.	70 р.	89 р.
съ 1888 по 1890 г. . .	170 »	52 »	118 »
съ 1891 по 1893 г. . .	122 »	39 »	83 »

Такимъ образомъ, переселенцы перваго періода издержали на дорогу значительно (въ ср. на 29 р. на семью) меньше денегъ, нежели переселенцы 1888—1890 годовъ, что и понятно, такъ какъ почти двѣ трети первыхъ, какъ мы видѣли, шли на своихъ лошадяхъ, прокормленіе которыхъ въ лѣтнее время не стоило ничего или почти ничего; огромное же большинство вторыхъ ѣхало по желѣзной дорогѣ и пароходами и, слѣдовательно, платило за свой проѣздъ. Значительное сокращеніе издержекъ, наблюдаемое въ послѣднее трехлѣтіе, объясняется введеніемъ въ дѣйствіе удешевленныхъ переселенческихъ тарифовъ, а отчасти и развитіемъ безплатной продовольственной помощи переселенцамъ.

Что касается до денежныхъ ссудъ и пособій въ видѣ безплатнаго проѣзда на пароходахъ, то они пошли въ ходъ, въ

сущности, только съ 1888 года. Изъ переселенцевъ, прибывшихъ до 1887 года, денежными ссудами воспользовались всего 39 семей (или 6,9% общаго числа переселенцевъ), получившихъ всего 563 рубля, да 6 семей воспользовались безплатнымъ проѣздомъ; изъ переселенцевъ, прибывшихъ съ 1888 по 1893 г., денежными ссудами воспользовались 33%—1.106 семей, которыя получили 15.147 рублей, да безплатнымъ проѣздомъ—13,3% или 444 семьи.

На первоначальное обзаведеніе переселенцы располагали принесенными съ собою деньгами въ общей суммѣ 196.294 руб., или въ среднемъ по 51 рублю на семью. Изъ числа зарегистрованныхъ семей болѣе двухъ пятыхъ—44,8%—пришли на мѣсто безъ копейки денегъ; затѣмъ принесли съ собою:

не свыше 25 р.	17,8%
отъ 26 до 50 »	11,5 »
» 51 » 100 »	11,6 »
» 101 » 200 »	9,0 »
свыше 200 »	5,4 »

Такимъ образомъ, еще около трети общаго числа переселенцевъ (29,3%) принесли незначительныя суммы, не свыше 50 р., и только около одной седьмой (14,4%) пришло съ деньгами, болѣе или менѣе достаточными для обзаведенія жилищемъ и необходимыми предметами хозяйственнаго инвентаря. Кромѣ денегъ, болѣе половины переселенцевъ привело съ собою лошадей: 37,9%—по одной, 18,6%—по двѣ и болѣе лошадей.

Разбивая, опять-таки, переселенцевъ по времени прибытія, получаемъ слѣдующія цифры:

У переселенц., прибывш.:	Въ среднемъ на семью принесено:	% семей, принесшихъ: ничего.	до 100 руб.	свыше 100 руб.
до 1887 г.	70 р.	34,7	41,8	23,5
съ 1888 по 1890 г. . . .	52 »	41,4	44,5	14,1
съ 1891 по 1893 г. . . .	39 »	52,9	36,4	10,7

Цифры эти свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ пониженіи состоятельности переселенцевъ: средняя цифра принесенныхъ денегъ—если сравнивать первый и третій періоды—понижается почти вдвое; болѣе чѣмъ вдвое сокращается число дворовъ, принесшихъ достаточныя средства, а число дворовъ, пришедшихъ безъ всякихъ средствъ, увеличивается болѣе чѣмъ на половину. И это, опять-таки, понятно: переселенцы перваго періода, происходя бо́льшею частью изъ сравнительно близкихъ мѣстностей и притомъ сдѣлавъ путь, бо́льшею частью, на своихъ

лошадяхъ, издержали на дорогу гораздо меньше и могли донести до мѣста гораздо бо́льшую часть взятыхъ съ собою средствъ, нежели переселенцы 1888—1890 гг.; переселенцы же послѣдняго трехлѣтія хотя и сдѣлали путь съ меньшими издержками, но имѣли съ собой, какъ мы видѣли, значительно меньше денегъ, чѣмъ ихъ предшественники, а потому и разность—остатокъ, принесенный на мѣсто водворенія—оказалась меньше, чѣмъ у переселенцевъ второго періода.

Кромѣ собственныхъ денегъ, значительная часть переселенцевъ располагала для первоначальнаго обзаведенія деньгами, полученными въ ссуду[1]). Изъ дѣлъ бывшаго томскаго губернскаго совѣта видно, что изъ общаго числа 82 обслѣдованныхъ переселенческихъ поселковъ ссуды выдавались по 65 поселкамъ, при чемъ по 34 поселкамъ выданы были и домообзаводственныя ссуды, и ссуды на продовольствіе и обсѣмененіе, по 3 поселкамъ—однѣ домообзаводственныя, а по 25—однѣ продовольственныя ссуды. Въ общемъ итогѣ было выдано:

на продовольствіе и обсѣмененіе . . 44,853 р.
» домообзаводство . . . . . 39,485 »

а всего 84.338 р., каковая сумма, впрочемъ, не вся можетъ быть отнесена на счетъ зарегистрованныхъ изслѣдованіемъ переселенцевъ: довольно многіе переселенцы, получивъ ссуду, ушли изъ тѣхъ поселковъ, гдѣ ее получили, въ какія-либо другія мѣстности и потому не вошли въ нашу регистрацію. Изъ числа же зарегистрованныхъ 4.307 домохозяйствъ ссудами воспользовались 1.982, т. е. 46% общаго числа; по годамъ прибытія переселенцы, получившіе ссуды, распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Изъ прибывшихъ:	Число дворовъ, получившихъ ссуды.	% къ общему числу дворовъ, прибывшихъ въ данномъ году.
съ 1880 по 1885 г.	4	0,9
въ 1886 г.	13	19,4
» 1887 »	68	47,5
» 1888 »	458	64,4
» 1889 »	474	58,9
» 1890 »	371	53,2
» 1891 »	352	58,9
» 1892 »	112	31,8
» 1893 »	130	26,8

[1]) Данныя о ссудахъ не вошли въ табличную разработку, а извлечены частью изъ поселенныхъ описаній, главнымъ же образомъ изъ подлинныхъ подворныхъ карточекъ.

Такимъ образомъ, наиболѣе ранніе переселенцы ссудъ почти не получали: въ наибольшемъ размѣрѣ ими воспользовались переселенцы, прибывшіе съ 1887 по 1891 годъ, при чемъ своего максимума—почти двухъ третей—число получившихъ ссуды достигаетъ среди прибывшихъ въ 1888 году; затѣмъ число это нѣсколько понижается и слѣдующіе три года остается на одномъ уровнѣ, превышающемъ половину общей численности переселенцевъ; въ 1892 г. число получившихъ ссуды опускается ниже трети, а въ 1893 г. падаетъ почти до одной четверти всего числа зарегистрованныхъ домохозяйствъ.

Просмотръ «дѣлъ» по рѣшенію и выдачѣ ссудъ, равно какъ и непосредственныя впечатлѣнія, полученныя при поселенныхъ опросахъ и подворной регистраціи переселенцевъ, позволяли заключить, что мѣстная администрація не сообразовалась, да и не могла, за недостаткомъ данныхъ, сообразоваться со степенью нужды ходатайствовавшихъ о ссудахъ: если одни поселки остались вовсе безъ ссудъ, другіе получали какія-нибудь сотни, третьи—по многу тысячъ рублей, то это имѣло причиной не различія въ степени нужды, а другія обстоятельства—чаще всего размѣръ имѣвшихся въ распоряженіи администраціи средствъ; внутри поселковъ ссуды тоже распредѣлялись безъ всякаго отношенія къ степени нужды: домообзаводственныя—по дворамъ, продовольственныя—по ѣдокамъ. Чтобы провѣрить справедливость сказаннаго, любопытно будетъ распредѣлить переселенцевъ, получившихъ ссуды, по размѣрамъ принесенныхъ средствъ. Распредѣленіе это дастъ слѣдующія цифры[1]):

	Число двор., получивш. ссуды.	% ихъ къ общему числу двор. данной группы по обезпечен. средствами.	% къ ихъ общему числу дворовъ, получившихъ ссуды.	% распредѣлен. всѣхъ переселенц. по размѣру принесен. средствъ.
Прибывш. безъ денегъ . . .	849	49,0	44,5	44,8
Принесшихъ до 25 р. . . .	360	52,0	18,9	17,8
» отъ 26 до 50 р.	220	49,7	11,5	11,5
» » 51 » 100 »	227	50,3	11,9	11,6
» » 101 » 200 »	176	50,4	9,2	9,0
» свыше 200 »	78	37,3	4,1	5,4

Цифры эти вполнѣ подтверждаютъ сказанное: сопоставленіе двухъ послѣднихъ столбцовъ показываетъ, что различаю-

[1]) Въ эти цифры вошли не 1982, а только 1910 семей: остальныя 72 семьи, получившія ссуды, отдѣлились уже по водвореніи на «новомъ мѣстѣ».

щіяся по степени состоятельности группы переселенцевъ представлены среди получившихъ ссуды въ совершенно такой же пропорціи, какъ и во всей переселенческой массѣ; а цифры второго столбца свидѣтельствуютъ, что половина бѣднѣйшихъ переселенцевъ осталась безъ всякихъ пособій, а половина имѣвшихъ средства, болѣе или менѣе достаточныя для первоначальнаго обзаведенія, получила ссуды; значитъ, шансы получить ссуду были совершенно одинаковы какъ для тѣхъ, кто въ ней наиболѣе нуждался, такъ и для тѣхъ, кто въ ней не имѣлъ особой, а иногда и никакой необходимости.

Изъ общаго числа 3.912 семей 1.302 или 33,3% имѣли подспорье въ тѣхъ или другихъ видахъ ремесленнаго труда; но главнымъ источникомъ существованія новоселовъ первое время по водвореніи на «новомъ мѣстѣ» былъ простой земледѣльческій наемъ: по найму работали 3.192 семьи, т. е. болѣе четырехъ пятыхъ, или 81,6% общаго числа переселенцевъ, а 36,3% (1.418 семей) отпускали и срочныхъ работниковъ. Если затѣмъ сгруппировать зарегистрованныя семьи по размѣру принесенныхъ средствъ, то получатся слѣдующіе ряды цифръ[1]).

	Работавшихъ по найму.	Отпускавшихъ срочныхъ работник.	% работавш. по найму.	На 100 работавшихъ по найму приходилось отпускавшихъ срочныхъ работниковъ.
Изъ пришедшихъ безъ денегъ . . .	1.553	789	91,3	50,8
Изъ принесшихъ до 25 р.	588	251	89,5	42,7
Изъ принесшихъ отъ 26 до 50 р.	319	113	82,7	35,4
Изъ принесшихъ отъ 51 до 100 р.	330	136	76,9	31,2
Изъ принесшихъ отъ 101 до 200 р.	182	51	59,7	28,0
Изъ принесшихъ болѣе 200 р. . .	74	20	38,7	27,0

Измѣненія относительныхъ цифръ въ двухъ послѣднихъ столбцахъ имѣютъ, очевидно, совершенно различный характеръ: процентъ продававшихъ, вообще, рабочую силу въ низшихъ по благосостоянію категоріяхъ понижается очень медленно, въ

---

[1]) Цифры эти взяты изъ комбинаціонной таблицы А.

высшихъ категоріяхъ, напротивъ, очень быстро. Наоборотъ, процентъ домохозяевъ, отпускавшихъ срочныхъ работниковъ, быстро падаетъ именно только въ низшихъ категоріяхъ, начиная же съ третьей категоріи пониженіе становится очень медленнымъ, и между двумя высшими категоріями разница оказывается всего въ 1%; такимъ образомъ, первые 25—50 рублей очень сильно сокращаютъ отпускъ работниковъ въ срочный наемъ,—гораздо сильнѣе, нежели послѣдующія сотни рублей. Обстоятельство это сдѣлается понятнымъ, если обратить вниманіе на зависимость отпуска срочныхъ работниковъ еще отъ другого факта, почти не вліяющаго вообще на продажу труда,— отъ *обезпеченности домохозяйствъ рабочею силой;* при группировкѣ домохозяйствъ по *этому* признаку получаются именно слѣдующія цифры:

	% вообще, работающ. по найму.	% отпускающихъ срочныхъ работн.
Въ семьяхъ безъ мужской раб. силы или съ однимъ полураб.	78,3	28,9
Въ семьяхъ съ однимъ работник.	81,8	30,4
» » » $1^1/_2$—$2^1/_2$ »	83,4	43,7
» » » тремя и бол. раб.	88,3	58,4

Первый рядъ цифръ показываетъ, что работа, вообще, по найму почти не зависитъ отъ экономической *возможности* продавать рабочую силу: одинъ ли работникъ въ семьѣ или три,— все равно, переселенецъ, пришедшій безъ достаточнаго запаса денегъ, *долженъ* наниматься, чтобы жить; напротивъ, отпускъ рабочихъ «въ срокъ» въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ состава семьи: безрабочій или однорабочій дворъ, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ, лишь въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ прибѣгнетъ къ срочному найму; напротивъ, многорабочій дворъ нерѣдко отдаетъ работника «въ срокъ» даже безъ неизбѣжной въ томъ необходимости: такая отдача представляетъ для него значительныя выгоды, такъ какъ, не подрывая хозяйства, доставляетъ ему сразу нѣкоторую сумму денегъ, позволяя вмѣстѣ съ тѣмъ сократить расходъ хлѣба и вообще харчей, а отданный «въ срокъ» членъ семьи во всѣхъ подробностяхъ изучаетъ мѣстное хозяйство и, возвращаясь къ себѣ во дворъ, вноситъ въ него весьма цѣнный запасъ новаго хозяйственнаго опыта.

Итакъ, продажа, вообще, рабочей силы всецѣло опредѣляется *нуждою;* отпускъ въ срочный наемъ, въ значительной мѣрѣ, *возможностью*, наличностью въ составѣ семьи лишнихъ работниковъ. Возможность эта, при прочихъ равныхъ условіяхъ, даетъ важное преимущество многорабочему двору передъ

однорабочимъ,—и это преимущество въ значительной мѣрѣ уравновѣшиваетъ и въ послѣднемъ счетѣ, какъ мы увидимъ ниже, даже нѣсколько перевѣшиваетъ вліяніе денежной обезпеченности домохозяйства.

Скорость обзаведенія переселенцевъ на новомъ мѣстѣ опредѣляется, прежде всего, именно *количествомъ* принесенныхъ *денегъ:* чѣмъ меньше денегъ принесъ съ собой переселенецъ, тѣмъ дольше онъ живетъ въ землянкѣ или на квартирѣ, тѣмъ дольше онъ не имѣетъ скота и земледѣльческихъ орудій и либо вовсе не сѣетъ хлѣба, либо сѣетъ въ складчину, выговариваетъ пашню за отработки и т. п. Положеніе это, и само по себѣ ясное, неопровержимо доказывается цифрами[1]):

	% дворовъ, построившихъ избы		% дворовъ, заведшихъ самостоятельную запашку	
	въ 1-й годъ	во 2-й годъ	въ 1-й годъ	во 2-й годъ
	по приб ы т і ю.			
Изъ прибывшихъ безъ денегъ . . .	27,7	23,3	9,1	16,5
Изъ принесшихъ до 25 р.	43,5	25,7	20,3	23,9
Изъ принесшихъ отъ 25 до 50 р.	57,8	25,4	23,6	35,0
Изъ принесшихъ отъ 51 до 100 р.	69,0	17,0	30,5	43,4
Изъ принесшихъ отъ 101 до 200 р.	74,4	16,7	38,0	45,9
Изъ принесшихъ болѣе 200 р. . .	78,5	11,5	48,2	42,4

Цифры эти ясны безъ комментаріевъ; вниманія заслуживаетъ только значительность процента домохозяйствъ, даже при наличности средствъ заводящихъ свою запашку только со второго года,—результатъ того обстоятельства, что переселенцы, большею частью, приходятъ на мѣсто въ серединѣ или даже въ концѣ лѣта, а потому, и при наличности необходимыхъ средствъ, могутъ приступать къ обработкѣ земли не ранѣе слѣдующей весны.

Наряду съ денежною обезпеченностью, на быстроту обзаведенія имѣетъ вліяніе, хотя и менѣе сильное, рабочій со-

---

[1]) Изъ той же комбинаціонной таблицы.

ставъ домохозяйствъ. Вліяніе это ясно видно изъ слѣдующей таблички:

	% дворовъ, построившихъ избу въ 1-й годъ по прибытіи			% дворовъ, завед. свою запашку въ 1-й или во 2-й годъ [1])		
	для всѣхъ дворовъ	для прим. безъ ден.	для прим. св. 200 р.	для всѣхъ дворовъ	для прим. безъ ден.	для прим. св. 200 р.
Въ семьяхъ безрабоч. или съ однимъ полурабочимъ . . .	40,1	21,3	100	23,7	4,5	100
Въ семьяхъ однорабочихъ . . .	37,1	21,6	73,0	33,1	16,6	83,8
Въ семьяхъ съ $1^1/_2$—$2^1/_2$ работниками . .	49,5	31,6	79,9	54,3	33,0	91,2
Въ семьяхъ съ 3 и болѣе раб.	57,2	43,4	77,1	69,0	47,8	91,4

Въ общемъ итогѣ вліяніе обезпеченности рабочею силою представляется, такимъ образомъ, весьма замѣтнымъ: многорабочіе дворы выстраиваютъ избы слишкомъ въ полтора раза скорѣе, чѣмъ однорабочіе, а самостоятельную запашку заводятъ вдвое скорѣе однорабочихъ и втрое скорѣе безрабочихъ дворовъ. Но вліяніе этого обстоятельства далеко не одинаково для неимущихъ и для состоятельныхъ семей; среди первыхъ многорабочія семьи выстраиваютъ избы вдвое и заводятъ запашку втрое скорѣе, нежели однорабочія; среди наиболѣе состоятельной группы между слабыми и сильными по рабочей силѣ дворами въ отношеніи времени заведенія запашки почти не замѣчается разницы, а по времени постройки избы разницы и вовсе нѣтъ: состоятельный переселенецъ, какова бы ни была рабочая сила его семьи, сразу строитъ себѣ избу, такъ какъ большею частью поручаетъ постройку спеціалисту-плотнику.

Болѣе близкое представленіе о характерѣ роста благостосоянія переселенцевъ могутъ дать нижеслѣдующія погодныя среднія и относительныя цифры.

---

[1]) Эти двѣ группы соединены здѣсь въ виду того указаннаго въ текстѣ обстоятельства, что невозможность завести запашку въ 1-й годъ является очень часто результатомъ поздняго прихода, т. е. обстоятельства съ интересующей насъ точки зрѣнія случайнаго.

	У переселенцевъ, прибывшихъ.								
	до 1886 г.	въ 1886 г	въ 1887 г.	въ 1888 г	въ 1889 г.	въ 1890 г.	въ 1891 г	въ 1892 г.	въ 1893 г.
Среднія на дворъ цифры:									
посѣвной площади	6,6	4,4	5,4	5,3	4,4	4,3	3,7	2,6	1,7
рабочихъ лошадей	3,1	2,4	2,6	2,6	2,2	2,6	1,9	1,5	1,3
дойныхъ коровъ	2,4	1,7	1,9	2,2	1,5	1,6	1,2	1,1	0,8
% дворовъ съ отрицательными въ смыслѣ благосостоянія признаками:									
безъ избы	3,3	6,0	7,0	7,7	9,6	9,7	20,0	32,8	26,2
безъ сохи	18,1	29,8	18,9	16,6	22,1	22,5	34,9	54,7	62,6
безъ посѣва и съ посѣвомъ менѣе 1 десятины . . , .	14,3	22,4	15,4	9,8	16,6	14,3	22,1	35,1	44,2
безлошадныхъ . .	4,7	4,5	7,0	5,6	8,0	8,9	13,0	18,0	22,9
тоже вмѣстѣ съ однолошадными . .	18,5	29,9	16,1	20,2	24,3	24,2	39,1	50,6	60,1
безъ коровы . . .	4,5	7,5	7,0	7,9	10,1	10,6	16,4	25,5	35,4
% домохозяевъ съ признаками высокаго благосостоянія:									
съ 2 сохами . . .	24,3	8,9	11,8	9,6	6,6	9,6	6,9	2,5	1,5
съ посѣвами болѣе 10 десятинъ . .	19,4	7,5	14,0	11,0	7,2	5,6	4,3	3,7	0,2
съ 4 и болѣе лошадьми . . . ,	33,9	17,9	21,7	25,6	15,4	17,8	8,0	4,2	3,1
Распредѣленіе домохозяйствъ по результатамъ хозяйства:									
% дворовъ,									
покупающ. хлѣбъ	31,0	46,3	30,0	35,7	47,7	50,9	61,5	81,0	93,8
продающихъ »	58,5	46,3	53,9	45,8	35,8	30,4	21,5	8,8	3,1
работающихъ по найму	34,8	37,3	32,9	41,2	54,2	55,6	42,8	75,8	71,5
изъ нихъ отпускаютъ срочныхъ работниковъ . . .	9,8	14,9	7,0	11,8	19,9	18,1	17,9	23,5	17,6

Разсматривая эту таблицу, мы замѣчаемъ, что цифры большей части строкъ, и въ частности—цифры, показывающія процентъ дворовъ съ отрицательными въ смыслѣ благосостоянія признаками, слагаются въ ряды съ совершенно аналогичными свойствами: число дворовъ безъ избы, безъ сохи, безъ запашки, число безлошадныхъ и однолошадныхъ, число дворовъ безъ коровы,—всѣ эти величины, очень высокія у переселенцевъ,

прибывшихъ въ 1893 году и, слѣдовательно, прожившихъ на новомъ мѣстѣ всего одинъ годъ, быстро сокращаются по мѣрѣ перехода ко второй, третьей и четвертой погодной группѣ,— у переселенцевъ, прибывшихъ въ 1890 году и, слѣдовательно, прожившихъ на мѣстѣ 4 года, соотвѣтственныя процентныя цифры, приблизительно, уже втрое ниже. Въ слѣдующихъ погодныхъ группахъ замѣчается, если не считать случайныхъ отклоненій, дальнѣйшее пониженіе этихъ цифръ,—но пониженіе гораздо болѣе медленное, цифра же дворовъ безъ посѣва вовсе перестаетъ понижаться и имѣетъ колебательное движеніе. Аналогичный (только, конечно, въ обратномъ направленіи) характеръ имѣетъ и движеніе среднихъ цифръ посѣва и скота, а также цифръ, показывающихъ число болѣе обезпеченныхъ рабочимъ скотомъ и инвентаремъ домохозяйствъ,—при чемъ особенно любопытны цифры, показывающія среднее число рабочихъ лошадей: въ первыхъ трехъ погодныхъ группахъ эти цифры ниже двухъ, т. е. минимума, безъ котораго въ Сибири невозможно самостоятельное хозяйство, у переселенцевъ, прибывшихъ въ 1890 году, соотвѣтственная цифра сразу поднимается до высокой цифры 2,6 и затѣмъ имѣетъ уже не возрастающее, а колебательное движеніе. Нѣсколько отстаютъ въ своемъ поступательномъ движеніи только цифры, показывающія, такъ сказать, *результатъ* земледѣльческаго хозяйства: число покупающихъ хлѣбъ продолжаетъ быстро падать, число продающихъ—расти до шестой погодной группы, и только отсюда движеніе этихъ цифръ получаетъ колебательный характеръ; и это совершенно понятно, потому что достаточные хлѣбные запасы, этотъ плодъ достигшаго нормальныхъ размѣровъ хозяйства, могутъ явиться лишь *послѣ* того, какъ эти размѣры будутъ достигнуты.

Изложенная правильность, повторяющаяся во всѣхъ важнѣйшихъ рядахъ цифръ, имѣетъ, кажется мнѣ, весьма важное значеніе; она показываетъ, что *переселенцы* трехъ послѣднихъ погодныхъ группъ, т. е. *прожившіе на мѣстѣ отъ одного до трехъ лѣтъ, находятся, вообще говоря, въ фазисѣ созданія своего хозяйства, четыре же года представляются*, опять-таки говоря вообще, *достаточнымъ срокомъ для того, чтобы переселенческое хозяйство стало на ноги* и болѣе или менѣе упрочило свое самостоятельное бытіе. И послѣ 4 лѣтъ переселенческое хозяйство продолжаетъ, говоря вообще, медленно расти и крѣпнуть; но это будетъ уже просто ростъ, развитіе, а не тотъ процессъ возникновенія хозяйства изъ ничего, какой происходитъ въ теченіе перваго четырехлѣтія.

Если, поэтому, желать составить себѣ понятіе о томъ, каковы хозяйственные результаты переселенія, то для этого слѣдуетъ остановиться лишь на цифрахъ, рисующихъ хозяйствен-

ное положеніе однихъ только тѣхъ переселенцевъ, которые прожили на «новомъ мѣстѣ» не менѣе 4 лѣтъ и, такимъ образомъ, уже прошли искусъ первоначальнаго обзаведенія, слѣдовательно въ нашемъ случаѣ—переселенцевъ, водворившихся въ краѣ съ 1880 по 1890 годъ. Для нихъ мы получимъ слѣдующія среднія и относительныя цифры:

Средній размѣръ посѣвной площади	4,9 дес.
Среднее число рабочихъ лошадей	2,5
» » дойныхъ коровъ	1,9
% дворовъ безъ избы	7,9
» » сохи	20,2
» » посѣва и съ посѣвомъ не свыше десятины	14,1
% безлошадныхъ и однолошадныхъ	22,1
% дворовъ съ двумя сохами	11,1
» » 4 и болѣе лошадьми	21,8
» покупающихъ хлѣбъ	42,0
» продовольствующихся своимъ	58,0
Изъ нихъ продающихъ хлѣбъ	41,7
% дворовъ, продающихъ рабочую силу	36,3
Изъ нихъ отпускаютъ срочныхъ работниковъ . . .	15,1

Чтобы имѣть возможность правильно оцѣнить значеніе этихъ цифръ, представляется полезнымъ сопоставить важнѣйшія изъ нихъ съ цифрами, характеризующими хозяйственное положеніе переселенцевъ тѣхъ же погодныхъ группъ на родинѣ, и съ цифрами, относящимися къ хозяйственному положенію старожилаго населенія края.

	Наличные размѣры хозяйства переселенцевъ 1880-1890 гг.	Размѣры ихъ хозяйства на родинѣ.	Размѣры хозяйства старожиловъ Томскаго и Маріинскаго округовъ
Средній размѣръ посѣвной площади	4,9	3,6	5,4—6,0
Среднее число рабочихъ лошадей	2,5	1,6	3,5—4,0
Среднее число дойныхъ коровъ	1,9	1,3	2,2—2,9
% безлошадныхъ и съ 1 лошадью	22,1	55,2	20 —21
% однихъ безлошадныхъ .	7,0	19,2	
% дворовъ безъ посѣва . . .	9,7	14,3	
% » отпускающихъ батраковъ	15,1	16,8	

Такимъ образомъ, размѣры хозяйства переселенцевъ, прожившихъ на «новомъ мѣстѣ» не менѣе четырехъ лѣтъ и, слѣдовательно, имѣвшихъ время болѣе или менѣе упрочить свое благосостояніе, значительно ниже—особенно въ отношеніи размѣровъ скотоводства,—нежели у окрестнаго старожилаго населенія, но въ то же время значительно выше размѣровъ того хозяйства, которое тѣ же переселенцы вели на родинѣ: среднія цифры посѣвной площади увеличились приблизительно на одну треть, среднія цифры рабочаго и дойнаго скота—даже на 50%; количество безлошадныхъ понизилось съ 19,2 до 7,0%, число дворовъ совершенно безъ посѣва—съ 14,3 до 9,7%. Казалось бы, результаты переселенія, въ полномъ смыслѣ слова, блестящи. Но тутъ же мы видимъ, что процентъ дворовъ, отпускающихъ работниковъ въ срочный наемъ, почти не измѣнился; далѣе мы находимъ, что болѣе двухъ пятыхъ общаго числа переселенцевъ продолжаютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, довольствоваться купленнымъ хлѣбомъ, и только у двухъ же пятыхъ земледѣліе достигло уже такого значенія, какое оно *должно* имѣть въ чисто земледѣльческой странѣ, т. е. даетъ возможность продавать хлѣбъ и этимъ путемъ пріобрѣтать необходимыя денежныя средства. *Результаты* переселенческаго хозяйства оказываются, такимъ образомъ, гораздо менѣе благопріятными, нежели можно было бы судить по его *размѣрамъ*, и причина этого обстоятельства станетъ вполнѣ понятной, если вспомнить, что *цифры земледѣлія и скотоводства въ Сибири и на мѣстахъ выхода переселенцевъ далеко не удобосравнимы:* громадное большинство переселенцевъ на родинѣ пахало одноконнымъ орудіемъ, въ Сибири пашетъ парокоННымъ; слѣдовательно, минимумомъ, при которомъ возможно было самостоятельное земледѣльческое хозяйство, на родинѣ была одна лошадь, въ Сибири—двѣ; если же принять въ соображеніе это обстоятельство, то окажется, что количество рабочаго скота въ моментъ изслѣдованія даже менѣе возвышается надъ минимумомъ, нежели возвышалось у переселенцевъ на ихъ родинѣ, а количество безлошадныхъ вмѣстѣ съ однолошадными, т. е. тоже не могущими вести самостоятельнаго хозяйства (22,1%), поднимается выше, нежели было число переселенцевъ, не имѣвшихъ лошади на родинѣ. Что касается до посѣвной площади, то необходимо принять въ соображеніе, что десятина посѣва въ залежномъ хозяйствѣ—далеко не то, что десятина въ господствовавшемъ на родинѣ у большинства переселенцевъ навозномъ трехпольѣ: первая въ гораздо меньшей мѣрѣ гарантируетъ хозяину постоянный урожай, нежели вторая, и это обстоятельство тоже въ значительной мѣрѣ ослабляетъ, если не вполнѣ уничтожаетъ, значеніе той разницы въ среднихъ размѣрахъ посѣвной площади, на которую указываетъ наша табличка.

Ниже мы увидимъ, что *относительные* результаты переселенія весьма различны въ зависимости отъ того, каково было благосостояніе той или иной группы переселенцевъ на родинѣ; относительно же всей вообще переселенческой массы приведенныя данныя позволяютъ, какъ намъ кажется, думать, что выигрышъ отъ переселенія былъ далеко не такъ великъ, какъ можно было бы предполагать на основаніи сравненія однѣхъ только цифръ, изображающихъ размѣры хозяйства переселенцевъ,

Съ точки зрѣнія задачи настоящаго очерка распредѣленіе переселенцевъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ изслѣдованнаго района и вліяніе этого распредѣленія на ихъ благосостояніе имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Не входя поэтому въ подробности, мы приведемъ только цифры, характеризующія состояніе хозяйства успѣвшихъ обжиться на новомъ мѣстѣ переселенцевъ, сгруппированныхъ по крупнѣйшимъ административнымъ дѣленіямъ—округамъ или уѣздамъ. Цифры эти представятся въ слѣдующемъ видѣ:

Переселенцевъ въ округахъ:	Томскомъ.	Маріинскомъ.	Каинскомъ.
Средній размѣръ посѣвной площади.	4,1	5,1	5,2
Среднее число рабоч. лошадей. . .	1,9	2,6	2,7
» » дойныхъ коровъ . .	1,7	1,6	2,9
» » овецъ	5,1	6,1	8,2
% дворовъ безлошадныхъ	10,2	6,5	5,7
» однолошадныхъ . . .	21,4	13,0	16,8
» съ 4 и болѣе лошадьми .	12,4	23,2	24,9
» безъ посѣва и сѣющихъ менѣе 1 десятины	19,2	12,5	15,1
% дворовъ сѣющихъ болѣе 10 десятинъ.	7,0	10,2	11,9
% дворовъ продающихъ хлѣбъ . .	33,7	42,7	44,9
» отпускающихъ батраковъ.	14,1	14,2	19,9
% дворовъ, занимающихся ремеслами или кустарнымъ промысломъ.	59,7	32,2	30,7

Цифры по Каинскому и Маріинскому округамъ представляютъ совершенно аналогичные ряды, при чемъ въ глаза бросается только одна особенность,—гораздо большее развитіе у каинскихъ переселенцевъ, сравнительно съ маріинскими, скотоводства и въ частности—разведенія рогатаго скота, объясняемое, вѣроятно, изобиліемъ въ Каинскомъ округѣ превосходныхъ солонцеватыхъ пастбищъ. Цифры по Томскому округу имѣютъ

совершенно другой характеръ и свидѣтельствуютъ о своеобразномъ складѣ хозяйства переселенцевъ: складъ этотъ опредѣляется, съ одной стороны, подборомъ переселенцевъ, среди которыхъ преобладаютъ выходцы изъ сѣверо-восточныхъ губерній, а съ другой—близостью большинства поселковъ къ Томску, позволяющею переселенцамъ пользоваться разнообразными неземледѣльческими заработками и открывающею выгодный сбытъ продуктамъ ремесленнаго и кутсарнаго труда; въ результатѣ—значительное, вдвое большее, нежели въ другихъ округахъ, развитіе ремеслъ и кустарныхъ производствъ, позволяющее переселенцамъ Томскаго округа не такъ гоняться за расширеніемъ запашекъ, какъ гонятся переселенцы другихъ округовъ. Далѣе, во многихъ поселкахъ Томскаго округа замѣчаютъ существованіе особенностей въ области земледѣльческой техники, изъ которыхъ особаго упоминанія заслуживаетъ трехпольное хозяйство съ дѣленіемъ полей на смѣны и распространеніе переселенцами изъ сѣверо-восточныхъ губерній одноконныхъ пахотныхъ орудій; первое изъ этихъ обстоятельствъ, обезпечивая имъ болѣе постоянные урожаи, позволяетъ довольствоваться меньшею посѣвною площадью, второе же значительно сокращаетъ потребность въ рабочемъ скотѣ,—и результатомъ всѣхъ этихъ особенностей являются низшія цифры запашекъ и рабочаго скота и значительно высшій процентъ безлошадныхъ и особенно однолошадныхъ дворовъ. Эти обстоятельства, однако, особенно въ виду развитія неземледѣльческихъ заработковъ, отнюдь не позволяютъ заключать о болѣе низкомъ уровнѣ благосостоянія переселенцевъ Томскаго округа; противъ такого заключенія говорило бы уже то обстоятельство, что процентъ домохозяйствъ, отпускающихъ батраковъ, среди нихъ не выше, нежели среди переселенцевъ Маріинскаго округа, и значительно ниже, нежели среди каинскихъ.

Посмотримъ теперь, насколько размѣры хозяйства уже обжившихся переселенцевъ зависятъ отъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя, какъ мы видѣли, вліяютъ на быстроту ихъ обзаведенія на новомъ мѣстѣ,—отъ *размѣра* принесенныхъ съ собою денежныхъ *средствъ* и отъ степени обезпеченности ихъ *рабочею силой*[1]).

Нижеслѣдующая табличка изображаетъ размѣры хозяйства у всѣхъ вообще переселенцевъ, безъ различія времени ихъ прибытія, въ зависимости отъ одного ихъ этихъ обстоятельствъ—отъ размѣра принесенныхъ средствъ.

---

[1]) Цифры извлечены изъ комбинаціонной таблицы А.

У переселенцевъ:	Въ средн. на дворъ. рабочихъ лошадей.	Въ средн. на дворъ. дойныхъ коровъ.	Въ средн. на дворъ. десятинъ посѣва.	% дворовъ. безъ посѣва и сѣющіе менѣе 1 дес.	% дворовъ. сѣющіе болѣе 10 дес.	% дворовъ. безлошади и однолошади.	% дворовъ. имѣющіе 4 и болѣе лошад.	% дворовъ, продающ. хлѣбъ.	% дворовъ, отпуск. батраковъ.
пришедшихъ безъ денегъ . . .	1,7	1,1	2,8	35,5	2,7	43,2	7,5	16,0	24,2
принесш. не свыше 25 р.	2,1	1,4	3,7	21,1	3,1	31,6	12,9	26,9	16,3
принесш. отъ 26 до 50 р.	2,4	1,7	4,8	13,3	8,5	23,4	17,3	41,7	12,3
принесш. отъ 51 до 100 р.	2,8	2,1	6,0	5,6	10,9	11,9	26,3	52,0	11,7
принесш. отъ 101 до 200р.	3,2	2,3	7,2	5,9	19,9	11,9	38,5	60,0	4,8
принесш. болѣе 200 р.	3,7	2,6	9,1	2,2	38,7	7,4	47,8	73,5	2,2

Уже первые 25 рублей,—сумма, казалось бы, по своей незначительности не могущая имѣть серьезнаго значенія, — ясно отражаются на размѣрахъ хозяйства переселенцевъ, и притомъ—не столько на среднихъ цифрахъ, сколько на процентныхъ величинахъ, показывающихъ число дворовъ безхозяйныхъ и вынужденныхъ прибѣгать къ отпуску работниковъ въ срочный наемъ. Аналогичная зависимость можетъ быть прослѣжена и во всѣхъ послѣдующихъ строкахъ: чѣмъ больше принесенная сумма денегъ, тѣмъ выше средніе размѣры скотоводства и запашки, тѣмъ ниже процентъ вовсе или почти вовсе безхозяйныхъ дворовъ, тѣмъ выше процентъ дворовъ съ болѣе значительными размѣрами хозяйства; тѣмъ, наконецъ, ниже процентъ дворовъ, отпускающихъ работниковъ въ наемъ, и тѣмъ выше процентъ дворовъ, имѣющихъ возможность продавать хлѣбъ. При этомъ, однако, цифры безхозяйныхъ, очень высокія въ первой строкѣ (безъ денегъ), быстро падаютъ до четвертой строки (принесшіе до 100 р.), а затѣмъ пониженіе этихъ цифръ почти совершенно прекращается. Цифры многолошадныхъ, особенно — имѣющихъ значительные посѣвы повышаются до той же четвертой строки медленно, а затѣмъ быстро растутъ при переходѣ къ высшимъ по количеству денегъ группамъ. Очевидно, что уже ничтожная денежная сумма, при дешевизнѣ предметовъ хозяйственнаго инвентаря и выгодности заработковъ, достаточна, чтобы помочь переселенцу подняться изъ разряда безхозяйныхъ, и наличность безхозяйныхъ въ высшихъ по обезпеченности деньгами группахъ объясняется уже не не-

достаткомъ средствъ, а другими, посторонними обстоятельствами; напротивъ, чтобы завести болѣе значительное земледѣльческое хозяйство, нужна, говоря вообще, гораздо болѣе значительная сумма денегъ, и потому первые 25—50 р. лишь очень мало вліяютъ на повышеніе соотвѣтствующихъ цифръ.

Интересно теперь прослѣдить, не измѣняется ли вліяніе разсматриваемаго фактора въ зависимости отъ *продолжительности пребыванія* переселенцевъ въ мѣстѣ новаго водворенія. Для этого приведемъ важнѣйшія цифровыя данныя отдѣльно для переселенцевъ, прибывшихъ въ 1892 и 1893 годахъ [1]) и только еще устраивающихся, и для тѣхъ, которые водворились въ изслѣдованномъ районѣ въ десятилѣтіе съ 1880 по 1889 годъ и, слѣдовательно, могутъ считаться уже въ большей или меньшей мѣрѣ обосновавшимися. Данныя эти изобразятся въ слѣдующей таблицѣ:

Группы переселенцевъ:	А. Переселенцы, прибывшіе въ 1880—1889 гг.				Б. Переселенцы, прибывшіе въ 1892—1893 гг.			
	Въ среднемъ на дворъ			% безлошад. и одно-лошад.	Въ среднемъ на дворъ			% безлошад и одно-лошад.
	рабоч. лошад.	дойн. коровъ	десят. посѣва		рабоч. лошад.	дойн. коровъ	десят. посѣва	
Пришедшіе безъ денегъ	2,1	1,4	3,8	31,8	1,1	0,7	1,3	70,9
Принесшіе до 25 р.	2,4	1,5	4,4	22,9	1,4	1,0	1,3	41,9
Принесшіе отъ 26 до 50 р.	2,7	1,9	5 5	18,2	1,6	1,1	2,4	48,4
Принесшіе отъ 51 до 100 р.	3,1	2,4	6,3	8,2	2,1	1,4	3,3	23,1
Принесшіе отъ 101 до 200 р.	3,5	2,5	7,9	8,7	2,2	1,2	3,7	26,8
Принесшіе бол. 200 р.	3,8	2,9	9,5	6,3	2,9	1,8	6,7	9,4

Вліяніе размѣра принесенныхъ средствъ, очевидно, весьма замѣтно и для уже обжившихся, и для еще только устраивающихся переселенцевъ,—но у первыхъ оно сказывается далеко не такъ рѣзко, какъ у вторыхъ: у переселенцевъ 1892—1893 гг. количество рабочихъ лошадей въ высшей по размѣру принесенныхъ средствъ группѣ почти втрое, число коровъ въ $2^1/_2$ раза, размѣры посѣвной площади—слишкомъ впятеро больше, нежели для домохозяйствъ, пришедшихъ совсѣмъ безъ денегъ; у переселенцевъ 1880—1889 гг. число лошадей и коровъ въ высшей группѣ менѣе чѣмъ вдвое, размѣры посѣвной площади—всего

[1]) Мы беремъ здѣсь переселенцевъ послѣдняго двухлѣтія, а не трехлѣтія, какъ дѣлали ранѣе, потому что въ комбинаціонной таблицѣ переселенцы сгруппированы именно по двухлѣтіямъ.

въ два съ половиной раза превышаютъ соотвѣтственныя числа, изображающія размѣры хозяйства тѣхъ семействъ, которыя вовсе не имѣли денегъ. Необходимо поэтому предположить, что вліяніе степени обезпеченности деньгами, въ первое время по прибытіи переселенца проявляющееся совершенно свободно и почти всецѣло опредѣляющее собой быстроту его обзаведенія, позже встрѣчается съ другимъ вліяніемъ, дѣйствующимъ не параллельно первому и не дающимъ ему проявляться столь же безпрепятственно, какъ оно проявлялось въ первые годы. Такое именно вліяніе имѣетъ обезпеченность семьи *рабочею силой*.

Нижеслѣдующая табличка наглядно показываетъ значеніе этого фактора по отношенію ко всей вообще массѣ переселенцевъ, независимо отъ времени ихъ прибытія и размѣра принесенныхъ ими средствъ:

Въ переселенческихъ семьяхъ:	Въ среднемъ на дворъ приходится:			% домохозяйствъ.			
	рабочихъ лошадей.	добныхъ коровъ.	десятинъ посѣва.	Безъ посѣва и сѣющихъ менѣе 1 дес.	Безлошадн. и однолошадн.	Продающихъ хлѣбъ.	Отпускающ. батраковъ.
безрабоч. или съ 1 полураб.	1,2	0,9	1,9	56,9	64,7	21,3	20,6
однорабочихъ	1,6	1,2	2.7	33,1	44,5	23,1	9,8
съ $1^1/_2$—$2^1/_2$ работниками.	2,6	1,7	5,1	13,2	19,8	37,7	22,1
съ 3 и болѣе работниками .	3,8	2,4	8,7	5,8	5,6	51,9	26,7

Многорабочія семьи имѣютъ слишкомъ вдвое больше скота и засѣваютъ слишкомъ втрое больше земли, нежели однорабочія (не говоря уже о безрабочихъ), процентъ безхозяйственныхъ семей среди первыхъ въ 6—8 разъ меньше, нежели среди вторыхъ, а процентъ дворовъ съ удовлетворительнымъ потребительнымъ значеніемъ земледѣлія—слишкомъ вдвое больше; совсѣмъ иной характеръ имѣютъ только колебанія цифръ послѣдняго столбца,—но это потому, что отпускъ срочныхъ работниковъ, какъ уже упоминалось выше, опредѣляется не только *нуждой*, но и *возможностью*, т. е. наличностью работниковъ, безъ которыхъ семья можетъ обойтись: однорабочій дворъ, пока имѣетъ малѣйшую возможность сохранить свою хозяйственную самостоятельность, не можетъ отпустить въ срокъ своего единственнаго работника, хотя бы и нуждался въ заработкѣ,—тогда какъ многорабочій дворъ и безъ особой нужды можетъ, не разстраивая своего хозяйства, прибѣгнуть къ такому подспорью.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ два фактора, каждый изъ которыхъ порознь имѣетъ весьма сильное вліяніе на размѣры хозяйства переселенцевъ: *степень обезпеченности рабочею силой*

и *размѣръ средствъ*, которыми семья располагала для первоначальнаго обзаведенія. Любопытно выяснить, который изъ нихъ дѣйствуетъ сильнѣе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ намъ, до нѣкоторой степени, сопоставленіе нижеслѣдующихъ цифръ, изображающихъ размѣры хозяйства, въ зависимости отъ размѣра принесенныхъ средствъ, отдѣльно для однорабочихъ и отдѣльно для многорабочихъ дворовъ.

У переселенцевъ:	Однорабочіе дворы. Въ среднемъ на дворъ: рабочихъ лошадей.	дойныхъ коровъ.	десятинъ посѣва.	% безлошадн. и однолошадн.	% продающ. хлѣбъ.	Дворы съ 3 и болѣе рабочими. Въ среднемъ на дворъ: рабочихъ лошадей	дойныхъ коровъ	десятинъ посѣва.	% безлошадн. и однолошадн.	% продающ. хлѣбъ.
пришедш. безъ ден.	1,3	0,9	1,9	55,7	1,2	3,2	1,7	6,4	12,2	32,0
принесш. до 25 р.	1,6	1,1	2,5	46,0	21,5	3,3	1,9	6,4	3,8	40,0
» 26— 50 »	1,9	1,4	3,2	35,5	30,6	4,2	2,6	9,5	—	66,7
» 51—100 »	2,2	1,6	4,3	22,3	40,3	4,7	3,2	11,0	—	68,9
» 101—200 »	2,4	1,9	4,9	24,6	50,0	5,0	3,4	14,3	—	81,3
» болѣе 200 »	2,9	1,8	5,2	15,4	60,0	4 9	3,2	13,4	5,6	75,0

Размѣры хозяйства сильныхъ по рабочему составу дворовъ, хотя бы даже и совершенно не имѣвшихъ денегъ для первоначальнаго обзаведеня, оказываются, такимъ образомъ, даже нѣсколько выше размѣровъ хозяйства дворовъ, пришедшихъ съ значительными денежными средствами, но слабыхъ по своему рабочему составу,—причемъ, однако, въ отношеніи продовольственнаго результата хозяйства первые еще замѣтно отстаютъ отъ вторыхъ; и это не представляетъ ничего ненормальнаго: сильные по рабочему составу дворы имѣютъ, въ видѣ общаго правила, и значительный потребительный составъ, по сравненію съ которымъ 6,4 дес. посѣвной площади значатъ гораздо менѣе, нежели 5,2 дес., засѣваемыя высшею группою однорабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и вообще малочисленныхъ семей[1]). Но уже въ третьей по порядку группѣ, принесшей съ собою отъ 26 до 50 руб. денегъ, т. е. сумму, на первый взглядъ, совершенно ничтожную въ сравненіи съ потребностями большой семьи, средній размѣръ посѣвной площади поднимается до 9,5 дес.,—почти вдвое выше, нежели у богатѣйшей группы однорабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребительное значеніе земледѣлія выражается уже болѣе благопріятною цифрой, нежели

[1]) Средній составъ однорабочихъ дворовъ среди зарегистрированныхъ переселенцевъ—4,4 души, многорабочихъ—9,6 душъ, т. е. слишкомъ вдвое больше.

у этой послѣдней,—и, такимъ образомъ, оказывается, что многорабочій дворъ, принесшій съ собой незначительную сумму денегъ, и по размѣрамъ, и по результатамъ хозяйства стоитъ, въ среднемъ, выше, нежели дворъ, пришедшій съ значительными средствами, но слабый по своему рабочему составу.

Относительное значеніе двухъ разсматриваемыхъ факторовъ—денегъ и рабочей силы окажется, однако, не одинаковымъ, если сопоставить въ нижеслѣдующей табличкѣ дворы еще обзаводящіеся съ имѣвшими уже время упрочить свое благосостояніе.

Приходится въ средн. на дворъ у переселенцевъ:	А. Пересел. 1880—1889 гг. Однораб. лош.	дес.	пос.	Многораб. лош	дес.	пос.	Б. Пересел. 1892—1893 гг. Однораб. лош.	дес.	пос.	Многораб. лош.	дес.	пос
пришедш. безъ ден.	1,6	2,9		3,5	7,7		0,8	0,9		1,8	2,2	
принесш. до 25 р.	1,8	3,0		3,7	7,5		1,0	1,2		2,7	3,5	
» 26— 50 »	2,0	3,6		4,3	10,0		1,3	1,6		2,8	5,0	
» 51—100 »	2,4	4,8		5,0	12,4		1,5	2,2		3,7	7,3	
» 101—200 »	2,8	5,8		5,4	13,1		1,6	3,1		3,5	6,8	
» болѣе 200 »	2,6	5,4		5,6	14,9		2,2	3,5		3,7	8,7	

Среди недавнихъ переселенцевъ многорабочіе дворы, пришедшіе безъ денегъ, по размѣрамъ хозяйства стоятъ, такимъ образомъ, значительно ниже высшей по размѣру денежныхъ средствъ группы однорабочихъ,—нѣсколько ниже даже второй группы и приблизительно наравнѣ съ тою группою однорабочихъ, которая принесла съ собой отъ 51 до 100 руб. денегъ,—хотя уже ничтожная сумма, не свыше 25 руб., позволяетъ многорабочему двору поднять свое хозяйство до уровня наиболѣе состоятельной группы однорабочихъ, а располагая 26—50 рублями, многорабочая семья сразу заводитъ уже значительно большее хозяйство, нежели однорабочая, хотя бы и обладающая большими деньгами. У домохозяйствъ, прожившихъ на новомъ мѣстѣ пять лѣтъ и болѣе, преимущества многорабочихъ дворовъ обозначаются гораздо рѣзче: даже тѣ изъ нихъ, которые пришли безъ всякихъ средствъ, располагаютъ почти въ полтора раза большею посѣвною площадью, нежели наиболѣе обезпеченная деньгами группа однорабочихъ. Вліяніе рабочаго состава домохозяйствъ, проявляясь съ самыхъ первыхъ дней обзаведенія переселенца, становится, такимъ образомъ, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дольше переселенецъ прожилъ на новомъ мѣстѣ: въ періодъ обзаведенія это обстоятельство лишь до нѣкоторой степени уравновѣшиваетъ вліяніе размѣра принесенныхъ средствъ; когда же переселенецъ прожилъ на новомъ мѣстѣ болѣе продолжительное время и успѣлъ найти полное приложеніе своей рабочей силѣ, вліяніе этого послѣдняго фактора выступаетъ на первый планъ и, говоря вообще, перевѣшиваетъ вліяніе

размѣра средствъ, которыми переселенецъ располагалъ для первоначальнаго обзаведенія.

Нашъ очеркъ нѣсколько затянулся; изъ боязни злоупотребить терпѣніемъ читателя, мы обойдемъ, поэтому, молчаніемъ цѣлый рядъ второстепенныхъ вопросовъ и остановимся только на данныхъ, позволяющихъ до нѣкоторой степени судить объ относительной выгодности переселенія для различныхъ по благосостоянію группъ переселенцевъ[1]). Данныя эти сгруппируются въ слѣдующую табличку[2]):

У переселенцевъ на родинѣ:	На родинѣ имѣли въ среднемъ на семью:			На новомъ мѣстѣ имѣютъ въ среднемъ:			Избытокъ (+) или недостат.(—) современ. средн.	
	рабоч. лошад.	дойн. коровъ.	десят. посѣва.	рабоч. лошадь.	дойн. коровъ.	десят. посѣва.	числа лошад.	размѣра посѣвов.
							сравнительно съ размѣрами хозяйства на родинѣ.	
не сѣявшихъ хлѣба	0,2	0,3	—	1,7	1,3	2,8	+1,5	+2,8
засѣвавш. до 1 дес.	0,6	0,7	0,8	2,0	1,3	2,9	+1,4	+2,1
» отъ 1 до 3 д.	1,3	1,0	2,3	2,3	1,6	4,4	+1,0	+2,1
» » 3 » 6 »	2,0	1,6	4,7	2,8	2,0	6,2	+0,8	+1,5
» » 6 » 8 »	2,8	2,0	7,3	3,4	2,3	7,7	+0,6	+0,4
» болѣе 8 »	3,6	2,8	11,5	3,7	2,5	8,7	+0,1	—2,8

Цифры двухъ послѣднихъ столбцовъ представляютъ поразительную правильность: чѣмъ выше стоитъ группа переселенцевъ по размѣрамъ хозяйства на родинѣ, тѣмъ меньше—даже въ абсолютныхъ, а тѣмъ болѣе въ относительныхъ цифрахъ, превышеніе размѣровъ хозяйства на новомъ мѣстѣ надъ размѣрами хозяйства на родинѣ; наличные посѣвы даже третьей группы почти вдвое больше, нежели были ея посѣвы на родинѣ; посѣвы предпослѣдней группы—уже всего только на 5,5%, а посѣвы послѣдней, высшей группы даже значительно *меньше*, нежели были посѣвы той же группы на родинѣ. Другими словами:

---

[1]) Комбинаціонная таблица Б.

[2]) Въ эту табличку вошли, конечно, только данныя о переселенцахъ, имѣвшихъ уже время обзавестись на новомъ мѣстѣ, т. е прожившихъ не менѣе 5 лѣтъ; нельзя думать, чтобы на изложенные въ текстѣ выводы могла повліять недостаточная продолжительность этого послѣдняго срока: если взять даже однихъ переселенцевъ, прибывшихъ съ 1880 по 1885 г., т. е. прожившихъ не менѣе 10 лѣтъ, то для высшихъ по размѣру посѣвовъ на родинѣ группъ получатся совершенно аналогичныя цифры, а именно:

У дворовъ, сѣявшихъ:	На родинѣ было въ среднемъ:			На новомъ мѣстѣ въ среднемъ.		
	рабоч. лошад.	дойн. коровъ.	десят. посѣва	рабоч. лошад.	дойн. коровъ.	десят. посѣва.
отъ 6 до 8 дес. . . .	3,4	2,4	7,3	3,8	2,9	8,0
болѣе 8 дес.	3,8	2,8	11,2	3,8	3,0	8,1

переселенцы, говоря вообще *тѣмъ болѣе выигрываютъ отъ переселенія, чѣмъ хуже было ихъ хозяйственное положеніе на родинѣ; для тѣхъ же переселенцевъ, которые на родинѣ имѣли сравнительно значительное хозяйство, переселеніе*, если даже разсматривать однѣ только абсолютныя цифры, не вникая въ ихъ значеніе, *положительно невыгодно;* въ Сибири имъ, въ общемъ выводѣ, не удается довести своей запашки даже до тѣхъ размѣровъ, какихъ она достигала у нихъ на родинѣ.

Любопытно, далѣе, посмотрѣть, какъ вліяетъ на результаты переселенія происхожденіе переселенцевъ изъ той или другой мѣстности Россіи. Вліяніе это ясно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	На родинѣ было въ средн.:			На новомъ мѣстѣ въ средн.:			Превышеніе (+) или недостат. (—) современ. цифръ:	
	рабочихъ лошадей.	дойныхъ коровъ.	десятинъ посѣва.	рабочихъ лошадей.	дойныхъ коровъ.	десятинъ посѣва.	раб. лош.	дес. пос.
А) *У выходцевъ изъ среднихъ губерній,*								
не сѣявшихъ хлѣба	0,1	0,4	—	1,7	1,2	2,8	+1,6	+2,8
засѣвавш. до 1 дес.	0,5	0,6	0,8	2,1	1,3	3,2	+1,6	+2,4
» отъ 1 до 3 д.	1,3	0,9	2,3	2,3	1,5	4,5	+1,0	+2,2
» » 3 » 6 »	1,9	1,2	4,6	2,9	1,9	6,6	+1,0	+2,0
» » 6 » 8 »	2,8	1,6	7,2	3,4	2,1	7,9	+0,6	+0,7
» болѣе 8 »	3,5	2,1	11,3	3,9	2,5	9,9	+0,4	—1,4
Б) *У выходцевъ изъ сѣверо-восточныхъ губерній и Тобольской:*								
не сѣявшихъ хлѣба	0,5	0,3	—	1,7	1,7	2,9	+1,4	+2,9
засѣвавш. до 1 дес.	1,0	1,2	0,9	1,6	1,4	1,9	+0,6	+1,0
» отъ 1 до 3 д.	1,5	1,4	2,4	2,4	1,9	4,3	+0,9	+1,9
» » 3 » 6 »	2,2	2,3	4,9	2,7	2,2	5,5	+0,5	+0,6
» » 6 » 8 »	2,9	2,5	7,4	3,4	2,6	7,5	+0,5	+0,1
» свыше 8 »	3,8	3,6	11,8	3,5	2,6	7,4	—0,3	—4,4

Такимъ образомъ, общій законъ, который мы вывели для всей вообще переселенческой массы, остается въ силѣ и для каждой изъ двухъ важнѣйшихъ составныхъ частей ея: будемъ ли мы разсматривать курянъ и другихъ выходцевъ изъ среднихъ губерній, или вятичей съ казанцами, пермяками и тоболяками,— все равно, въ наибольшемъ выигрышѣ оказываются низшія по благосостоянію группы переселенцевъ, самыя же высшія не только ничего не выигрываютъ, но даже проигрываютъ отъ переселенія.

Если затѣмъ сравнить между собою цифры, получившіяся для соотвѣтственныхъ группъ у выходцевъ изъ среднихъ губерній и у переселенцевъ изъ сѣверо-восточныхъ и Тобольской

губерніи, то между тѣми и другими окажутся существенныя различія: окажется именно, что выходцы съ Сѣверо-востока какъ на родинѣ держали, такъ и въ Сибири держатъ больше рогатаго скота, нежели выходцы изъ центра Россіи; напротивъ, число рабочихъ лошадей у первыхъ нѣсколько меньше, а размѣры запашекъ—даже значительно меньше, нежели, въ соотвѣтственныхъ группахъ, у вторыхъ; цифры же послѣднихъ двухъ столбцовъ показываютъ, что выходцы изъ сѣверо-восточныхъ губерній въ низшихъ группахъ выигрываютъ отъ переселенія меньше, а въ высшихъ—теряютъ больше, нежели выходцы изъ среднихъ губерній. Отсюда, казалось бы, слѣдуетъ выводъ, что вторые успѣшнѣе устраиваются въ Сибири, нежели первые; но такой выводъ рѣшительно противорѣчилъ бы всѣмъ даннымъ, добытымъ изслѣдованіемъ,—даннымъ, свидѣтельствующимъ о томъ, что выходцы съ Сѣверо-востока гораздо скорѣе и лучше приспособляются къ естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ Сибири, нежели куряне и т. п.,—хотя бы уже потому, что сибирская природа и хозяйство представляютъ очень много общаго съ природой и хозяйствомъ мѣстъ ихъ выхода. Поэтому вѣрнѣе будетъ искать объясненія указанныхъ различій въ другомъ обстоятельствѣ—въ неполной сравнимости цифръ, показывающихъ размѣры хозяйства переселенцевъ на мѣстахъ ихъ выхода: и лошадь, и десятина посѣва въ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ и Тобольской, при господствѣ залежнаго хозяйства и пароконныхъ пахотныхъ орудій, значатъ гораздо менѣе, нежели въ центрѣ Россіи; группы засѣвавшихъ 1—3, 3—6 и т. д. десятинъ у выходцевъ изъ центра соотвѣтствуютъ, поэтому, сравнительно гораздо высшему уровню благосостоянія, нежели у переселенцевъ съ Сѣверо-востока,—и если бы оказалось возможнымъ ввести въ нашу таблицу соотвѣтственныя поправки и сравнивать не голыя цифры, а *значенія* этихъ цифръ, то результаты переселенія едва ли оказались бы болѣе выгодными для выходцевъ изъ Средней Россіи, а скорѣе наоборотъ: то избыточное превышеніе цифръ, которое наблюдается у переселенцевъ изъ этого района, было бы всецѣло и даже съ избыткомъ поглощено различіями, такъ сказать, въ качественномъ значеніи этихъ цифръ.

Переселенцы на новыхъ мѣстахъ [1]).

По даннымъ новѣйшаго правительственнаго изслѣдованія.

La statistique—c'est le budget des choses. Статистика подводитъ балансъ человѣческому умѣнію и неумѣнію, человѣческой удачѣ и неудачѣ. И стоя передъ великою загадкою нашего переселенія и передъ непрерывными зигзагами нашей переселенческой политики, бюджетная комиссія III Государственной Думы была совершенно права, когда выразила пожеланіе, чтобы вѣдающее переселеніемъ правительственное вѣдомство организовало статистическое изслѣдованіе хозяйственнаго положенія переселенцевъ, способное отвѣтить на вопросъ: что̀ даетъ современное переселеніе, и какъ оцѣнивать современную переселенческую политику.

Правильно поставивъ крупную задачу, Дума поскупилась, однако, на средства: отпущенныхъ денегъ было далеко не достаточно, чтобы произвести *сплошное* статистическое описаніе переселенческихъ поселковъ. Приходилось обратиться къ такъ называемому *выборочному* пріему—описать достаточно большую часть поселковъ и дворовъ, систематически притомъ отобранную, и выводы, какіе получатся изъ собранныхъ этимъ путемъ данныхъ, распространить на всю переселенческую массу. Такъ и поступили: въ теченіе 1911—1912 гг. описали 447 поселковъ съ 32 тысячами дворовъ — по приблизительному расчету около $^1/_{12}$, а можетъ быть, и $^1/_{15}$ части общаго числа переселенцевъ.

Принципіально выборочное изслѣдованіе не вызываетъ возраженій: оно имѣетъ для себя обоснованіе въ положеніяхъ статистической теоріи и достаточно испробовано въ статистической практикѣ. Но та постановка дѣла, на которой остановилось переселенческое вѣдомство, стоитъ въ рѣшительномъ противорѣчіи и съ требованіями теоріи и съ указаніями практики. Первое изъ этихъ требованій—такой способъ отбора подлежащихъ описанію единицъ, въ данномъ случаѣ переселенческихъ поселковъ и дворовъ, который устранялъ бы личное усмотрѣніе

[1]) Русск. Мысль, 1914, апрѣль.

и болѣе или менѣе неизбѣжно связанную съ нимъ односторонность и предвзятость. Это требованіе было самымъ рѣшительнымъ образомъ нарушено: «типичные» поселки были «предварительно намѣчены» центральнымъ переселенческимъ управленіемъ, окончательные же ихъ списки «составлялись на мѣстахъ завѣдующими переселенческимъ дѣломъ по соглашенію со статистиками» (I, V). Выборъ «типическихъ» единицъ—это операція, уже по самому своему существу необходимо предполагающая усмотрѣніе и субъективность—кто настроенъ оптимистически, тому, очевидно, покажется «типическимъ» совсѣмъ не то, что̀ сочтетъ за типическое пессимистъ. А если выборъ «типическаго» предоставленъ, какъ въ данномъ случаѣ, непосредственно прикосновеннымъ къ дѣлу и заинтересованнымъ въ его успѣхѣ лицамъ, то является *неизбѣжная* презумпція отбора болѣе благопріятныхъ фактовъ передъ менѣе благопріятными. Чтобы утверждать это, нѣтъ нужды предполагать *предвзятаго намѣренія:* достаточно—гласитъ теорія—имѣть *опредѣленный взглядъ* на положеніе дѣла, чтобы односторонній отборъ получился самъ собой.

Но и независимо отъ этого, отборъ «типическихъ» районовъ и единицъ и по существу крайне трудная задача, и не удивительно, если сдѣланный отборъ и въ данномъ случаѣ вызываетъ серьезныя недоумѣнія. Рѣшительно нельзя понять, наприм., почему въ нѣкоторыхъ уѣздахъ (Тарскій, Омскій) всѣ описанные поселки сосредоточены въ одной части уѣзда; почему изслѣдованіе совершенно миновало такіе первостепенно важные колонизаціонные районы, какъ Томская губернія, съ ея прославленнымъ Алтаемъ, или Тургайская область; такіе излюбленные переселенцами уѣзды, какъ Кокчетавскій или Минусинскій, и въ то же время захватило нѣсколько десятковъ (sic) дворовъ въ такомъ не играющемъ никакой роли въ переселенческомъ дѣлѣ, уѣздѣ, какъ Верхоленскій. Много можно было бы спорить и по поводу тѣхъ четырехъ «полосъ», по которымъ сгруппированъ, при разработкѣ, матеріалъ изслѣдованія и «типическими» для которыхъ признаются захваченные изслѣдованіемъ десять уѣздовъ или частей уѣздовъ. Эти «полосы»: степь—западно-сибирская лѣсо-степь — восточно-сибирская лѣсо-степь — урманы и тайга Но совершенно невозможно подводить подъ одинъ знаменатель киргизскую степь и степной уголокъ Енисейской губерніи; «западно-сибирская лѣсо-степь»—понятіе достаточно опредѣленное, но едва ли характеренъ для нея лежащій уже въ киргизской степи Омскій уѣздъ; а «восточно-сибирская лѣсо-степь»—это какой-то mixtum compositum, гдѣ мѣстности, въ самомъ дѣлѣ, лѣсо-степного характера перемѣшаны съ лѣсистыми и даже съ чистою тайгою. Хороша, въ самомъ дѣлѣ, лѣсо-степь, гдѣ лѣсъ занимаетъ въ общей сложности свыше 60% общей площади переселенческихъ участковъ! Въ дальнѣйшемъ я от-

казываюсь отъ принятаго въ изданіи переселенческаго управленія дѣленія на полосы и дѣлаю нѣкоторые важнѣйшіе подсчеты по такимъ четыремъ группамъ мѣстностей: западно-сибирская и киргизская степь вмѣстѣ съ лѣсо-степью—западно-сибирскій урманъ—Енисейская—Иркутская губерніи.

Все изложенное въ значительной степени обезцѣниваетъ добытый статистическимъ изслѣдованіемъ переселенческаго управленія матеріалъ, и потому выводы изъ него—*каковы бы они ни были*—приходится принимать съ немалыми оговорками. Однимъ только можно утѣшать себя: если принятый переселенческимъ вѣдомствомъ способъ отбора болѣе или менѣе неизбѣжно долженъ былъ дать выраженную въ преувеличенныхъ коэффиціентахъ слишкомъ благопріятную картину, то отсутствіе данныхъ по лучшимъ переселенческимъ районамъ, какъ Алтай, Кокчетавскій уѣздъ, Тургайская область, должно было повліять на общіе цифровые выводы въ обратномъ направленіи, и вліяніе этихъ двухъ обстоятельствъ должно было до нѣкоторой степени уравновѣситься. Къ сожалѣнію, однако, какъ разъ общіе итоги имѣютъ въ данномъ случаѣ наименьшее значеніе.

Я не имѣю, конечно, возможности входить здѣсь въ критику обработки матеріала, какъ она выполнена въ текстовомъ выпускѣ изданія переселенческаго управленія. Скажу только, и при надобности берусь это доказать, что обработка гораздо хуже матеріала. Не малая часть послѣдняго осталась вовсе неиспользованной. Поскольку же онъ использованъ, обработка его нерѣдко производитъ впечатлѣніе нѣкоторой... статистической наивности. Я не знаю, какъ иначе назвать изумленіе автора текста по поводу близости среднихъ величинъ посѣва... въ посѣвныхъ группахъ (стр. 51); или выводы, основанные на такихъ «нормахъ», какъ «3—10» десятинъ посѣва и 11—24 (въ текстѣ очевидная опечатка—«20—24») головъ скота (стр. 35); или указаніе на «особенно высокую интенсивность роста культурной площади» въ урманной полосѣ (стр. 39—40); процентъ-то прироста (257%), дѣйствительно, поражающій, но только потому, что начальная цыфра поразительно ничтожна, и потому «особенно интенсивный», въ процентахъ, приростъ культурной площади немало не мѣшаетъ послѣдней оставаться исключительно ничтожною.

Что касается до выводовъ, какіе даются въ текстовомъ выпускѣ изданія переселенческаго управленія, то выводы эти свидѣтельствуютъ не столько о тщательномъ анализѣ собраннаго цифроваго матеріала, сколько... о безмѣрномъ оптимизмѣ автора текста. *Настоятельно* рекомендую интересующемуся читателю прочесть эти выводы въ подлинномъ текстѣ—въ концентрированномъ видѣ они напечатаны на стр. X—XI текстоваго

выпуска. Я не располагаю мѣстомъ, чтобы входить въ спеціальную критику этихъ выводовъ; лишь мимоходомъ я отмѣчу въ дальнѣйшемъ изложеніи нѣсколько случаевъ особенно рѣзкаго расхожденія выводовъ съ долженствующими лежать въ основѣ ихъ цифрами[1]).

Итакъ, изслѣдованіемъ охвачено въ 447 поселкахъ почти 32 тысячи дворовъ съ 180 тысячами душъ наличнаго населенія. Составъ переселенцевъ въ разныхъ мѣстностяхъ далеко не одинаковъ. Въ описанныхъ поселкахъ западно-сибирской лѣсостепи (по терминологіи сборника), изъ наличныхъ 7.097 дворовъ, оказалось выходцевъ изъ Полтавской губерніи 1.531, изъ Харьковской—615, изъ Черниговской—539, изъ Екатеринославской—482, за ними слѣдуютъ Самарская губернія (429 дворовъ) и Курская (390 двор.). И въ степной полосѣ на первыхъ мѣстахъ стоятъ черноземныя, въ частности степныя губерніи, и это сходство переселенческаго контингента было для меня однимъ изъ главныхъ основаній, чтобы не раздѣлять въ дальнѣйшемъ западно-сибирскую степь отъ лѣсо-степи. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя отнесены руководителями изслѣдованія къ «восточно-сибирской лѣсо-степи», составъ населенія совершенно иной; первыя мѣста занимаютъ губерніи: Витебская (1.452 двор.), Могилевская (1.324 дв.) и Минская (671 дв.); на долю этихъ трехъ бѣлорусскихъ губерній приходится, такимъ образомъ, болѣе половины общаго числа (6.535 дв.) переписанныхъ здѣсь переселенческихъ дворовъ, а непосредственно за ними слѣдуютъ двѣ смежныя съ ними великорусскія губерніи тоже полѣсскаго характера. Сходнымъ оказывается и составъ населенія «урманно-таёжной» полосы, т. е., главнымъ образомъ, западно-сибирскаго урмана.

Отмѣчу затѣмъ обстоятельство, на которомъ составители текстового сборника нашли излишнимъ остановиться,—обстоятельство, которое отмѣчалось и при болѣе раннихъ изслѣдованіяхъ положенія переселенцевъ: значительная часть попавшихъ въ перепись переселенцевъ до прихода въ тотъ поселокъ, гдѣ была застигнута переписью, болѣе или менѣе продолжительное время прожила въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ; совершила, иначе сказать, вторичное переселеніе. Приведу общіе проценты такихъ «вторичныхъ переселенцевъ» параллельно съ далеко неполнымъ, повидимому (см. II, отд. I, стр. 9), процентомъ показанныхъ «совсѣмъ ушедшими» изъ подвергнутыхъ переписи поселковъ:

---

[1]) Моя оцѣнка изслѣдованія и его обработки рѣшительно расходится съ оцѣнкой И. Л. Ямзина въ XIV вып. «Вопросовъ колонизаціи». Интересующемуся читателю придется самому разобраться въ этомъ расхожденіи.

	% вторичныхъ переселенцевъ.	%, показанный ушедшими.
Зап.-сиб степь и лѣсо-степь . . .	23	10
» урманъ	14	15
Енисейская губернія	12	8
Иркутская »	5	9
Всего . .	16	10

Разъ процентъ *пришедшихъ* изъ другихъ поселковъ въ общемъ итогѣ больше, чѣмъ процентъ *ушедшихъ*, то ясно, что уходы, въ массѣ,—это не обратное переселеніе, а простые переходы съ одного участка на другой, простое «исканіе лучшаго». Какъ ни гибельно такое «исканіе», нерѣдко, отражается на судьбѣ отдѣльныхъ лицъ (ищутъ лучшаго, а находятъ нерѣдко разореніе!), но переходы съ участка на участокъ, несомнѣнно, не могутъ служить отрицательнымъ показателемъ для тѣхъ условій, въ какихъ приходится устраиваться переселенцамъ. Высота процента «вторичныхъ» переселенцевъ—скорѣе положительный симптомъ: наибольшій процентъ «вторичныхъ» переселенцевъ даетъ сильнѣе всего привлекающая переселенцевъ степная и лѣсо-степная полоса западной Сибири и Киргизскаго края. Притомъ процентъ такихъ переселенцевъ здѣсь почти въ $2^1/_2$ раза больше, нежели процентъ ушедшихъ, и это только лишній разъ подтверждаетъ притягательную силу этой полосы для переселенческой массы. Максимумъ ушедшихъ даетъ западносибирскій урманъ, и притомъ какъ здѣсь, такъ и особенно въ Иркутской губерніи, процентъ ушедшихъ больше, чѣмъ процентъ «вторичныхъ» переселенцевъ; обѣ эти мѣстности даютъ, значитъ, *нѣкоторую потерю* водворяющихся въ нихъ переселенцевъ, и эта потеря оказалась бы, вѣроятно, значительно бо̀льшею, если бы возможенъ былъ *исчерпывающій* учетъ покинувшихъ подвергнутые переписи поселки переселенцевъ.

Одинъ изъ коренныхъ вопросовъ—каково было *земельное обезпеченіе* и *хозяйственное положеніе* переселенцевъ *на родинѣ*,—этотъ вопросъ тѣсно связывается съ вопросомъ *о причинахъ переселенія*. Составитель текстового выпуска рѣшаетъ вопросъ слишкомъ упрощенно. Изъ того, что 15% переселенцевъ не имѣли на родинѣ домовъ, а 22% не имѣли земли, и что въ среднемъ на дворъ приходилось по 2,4 дес. посѣва и по 0,6 дес. покоса, онъ непосредственно приходитъ къ тому огульному заключенію, что «общее положеніе переселенцевъ на родинѣ было весьма неудовлетворительнымъ и тяжелымъ и должно было

явиться главной, если не единственной причиной, побудившей ихъ уйти на переселеніе и искать лучшей доли въ Сибири» (стр. 59). Какъ ни слабо выражена въ табличномъ матеріалѣ, и особенно въ его разработкѣ, какъ разъ данная сторона вопроса, тѣмъ не менѣе матеріалъ позволяетъ утверждать, что такой огульный выводъ не отвѣчаетъ дѣйствительному положенію дѣлъ; *извѣстная часть* переселенцевъ, несомнѣнно,—да, *всѣ* переселенцы, несомнѣнно,—нѣтъ.

Процентъ переселенцевъ, не имѣвшихъ на родинѣ домовъ и безземельныхъ, дѣйствительно большой. Онъ не долженъ однако поражать насъ, если мы примемъ во вниманіе, что главная масса переселенцевъ пришла изъ мѣстностей съ подворнымъ владѣніемъ, гдѣ обезземеленье встрѣчаетъ для себя далеко большій просторъ, чѣмъ при общинно-уравнительномъ владѣніи. Но это для насъ въ данную минуту не существенно. Важно то, что болѣе трехъ четвертей переселенцевъ *имѣли* землю; а главное, что средній размѣръ землевладѣнія на родинѣ, какъ вычисленный *на всѣ* переписанные дворы, такъ тѣмъ болѣе на *одни* только *земельные* дворы, былъ немногимъ ниже средняго земельнаго обезпеченія тѣхъ мѣстностей, откуда шли переселенцы. Провести совершенно точнаго сравненія нельзя, потому что матеріалъ не связываетъ данныхъ о землевладѣніи съ мѣстами выхода переселенцевъ. Но достаточно того, что среднее по западно-сибирской степи и лѣсо-степи количество земли для всѣхъ переписанныхъ дворовъ—4,4, для однихъ только имѣвшихъ землю—5,8 десят.; между тѣмъ по даннымъ 1905 года въ среднемъ на земельный дворъ приходилось, напримѣръ, въ Полтавской губерніи 4,9 десят., въ Черниговской—6,3 десят., въ Кіевской—5,5 десят., даже въ Харьковской—7,3 десят. Если можно говорить о сравнительно слабомъ земельномъ обезпеченіи переселенцевъ на родинѣ, то развѣ только для урмана и для средне-сибирскихъ губерній, гдѣ вычисленныя на всѣ дворы среднія тоже не превышаютъ 4,6—4,9 десят., на одни земельные дворы—5, 5 и 6,8 губ., тогда какъ среднее владѣніе земельнаго двора выражается для Витебской губерніи 11, для Могилевской—8,2, для Минской—9,1 десятинами. Нашъ источникъ не даетъ, затѣмъ, группировки дворовъ по размѣрамъ земельнаго обезпеченія на родинѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и между земельными дворами были и умѣренно, и даже крайне малоземельные; но тѣмъ очевиднѣе—разъ получились приведенныя среднія,—что среди нихъ былъ и контингентъ хорошо обезпеченныхъ землею дворовъ, которые, значитъ, гнала въ Сибирь не земельная нужда, а что-либо другое. Нѣсколько ниже мы увидимъ, что такое заключеніе подтверждается и другими данными нашего источника. Сейчасъ я только отмѣчу еще рѣзкую разницу между районами: рѣзко выдѣ-

ляется западно-сибирскій урманъ, дающій почти двойной противъ общей средней процентъ бездомныхъ и высшій противъ всѣхъ остальныхъ районовъ процентъ безземельныхъ. Сближается съ нимъ, въ данномъ отношеніи, рѣзко отъ него отличающійся во всемъ другомъ районъ западно-сибирской степи и лѣсо-степи. Значительно ниже тотъ и другой процентъ въ обѣихъ средне-сибирскихъ губерніяхъ, особенно въ Иркутской.

Нѣкоторымъ, впрочемъ, значительно преуменьшающимъ дѣйствительность, показателемъ имущественнаго положенія переселенцевъ на родинѣ могутъ служить данныя о суммахъ, вырученныхъ при ликвидаціи земли и имущества, и о деньгахъ, взятыхъ съ собой при выходѣ на переселеніе. Это—величины не тождественныя: съ одной стороны, переселяющійся, кромѣ вырученныхъ за землю и имущество денегъ, могъ располагать тою или другою наличностью, а съ другой—та или другая часть выручки могла остаться въ долгу за пріобрѣтателями ликвидированнаго имущества. Значительно же преуменьшающимъ дѣйствительность показателемъ и та и другая цифра является, съ одной стороны, потому, что самая ликвидація, какъ правило, происходитъ по бросовымъ цѣнамъ, съ другой—еще и потому, что нѣкоторая, у иныхъ значительная, но, конечно, не поддающаяся полному учету часть имущества не ликвидируется, а либо берется съ собой, либо (земля) остается въ распоряженіи переселившагося. Независимо отъ всего сказаннаго, относящіяся къ данному вопросу цифры теряютъ не малую долю своей цѣнности еще и благодаря тому, что нашъ источникъ ничего не говоритъ о *группировкѣ* переселявшихся по величинѣ вырученныхъ и взятыхъ съ собою средствъ. Вотъ порайонныя среднія:

	Въ среднемъ на дворъ.	
	Выручили.	Взяли съ собой.
	Р у б л е й.	
Западно-сибирская степь	349	284
» урманъ	223	212
Енисейская губернія	238	218
Иркутская »	283	260
Итого	293	254

Въ среднемъ выводѣ для всего захваченнаго изслѣдованіемъ района средняя переселенческая семья выручила такимъ образомъ неполныхъ триста рублей и взяла съ собой съ небольшимъ двѣсти пятьдесятъ рублей. Первое мѣсто по средней состоятельности переселявшихся занимаетъ, какъ и слѣдовало

ожидать, западно-сибирская степь и лѣсо-степь. Второе мѣсто по средней состоятельности переселявшихся занимаетъ не Енисейская губернія, какъ по большинству другихъ признаковъ, а Иркутская; западно-сибирскій же урманъ, какъ и во всемъ, стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ, впрочемъ, лишь немногимъ отличаясь въ данномъ отношеніи отъ Енисейской губерніи.

Рѣшающее вліяніе на судьбу переселенцевъ имѣетъ однако не сумма, вырученная отъ ликвидаціи земли и имущества, и даже не сумма, взятая съ собой въ дорогу, а та сумма, съ какою переселенецъ *приходитъ* на «новыя мѣста» и какою онъ, слѣдовательно, располагаетъ для первоначальнаго обзаведенія на новой своей родинѣ. Нашъ источникъ даетъ намъ также и эту, практически важнѣйшую, величину, даетъ и число дворовъ, принесшихъ съ собой деньги; дальше этого онъ, къ сожалѣнію, не идетъ—онъ не даетъ въ частности группировки пришедшихъ съ деньгами переселенцевъ по количеству принесенныхъ денегъ. Вотъ относящіеся къ данному вопросу характерные коэффиціенты:

	% дворовъ. пришедшихъ безъ денегъ.	Въ среднемъ принесли рублей по расчету. На всѣхъ.	На имѣвшихъ деньги.
Западно-сибирская степь и лѣсо-степь	47	110	209
Зад.-сиб. урманъ	45	72	131
Енисейская губернія	52	69	144
Иркутская »	49	78	154
Итого .	48	89	172

Въ общей сложности, учтенная при переписи сумма привезенныхъ съ собой переселенцами денегъ достигаетъ 2.114 тыс. рублей[1]); при крайней деликатности вопроса о привезенныхъ съ собою деньгахъ утайки въ этомъ пунктѣ совершенно неизбѣжны, и можно съ увѣренностью думать, что дѣйствительно привезенныя съ собою переселенцами суммы значительно больше учтенныхъ переписью, а процентъ вовсе не имѣвшихъ денегъ значительно меньше. Во всякомъ случаѣ къ привезеннымъ деньгамъ надлежитъ прибавить очень значительную стоимость привезеннаго съ собой хозяйственнаго инвентаря, важнѣйшіе виды котораго также учтены при переписи. Въ общей сложности переселенцами описанныхъ поселковъ привезено на мѣсто 22½ тысячи лошадей, болѣе 3½ тыс. рабочихъ быковъ, болѣе 15 тыс.

[1]) Здѣсь и въ дальнѣйшемъ я имѣю въ виду только *приписанныхъ* переселенцевъ. Неприписанные—явленіе совсѣмъ другого порядка

коровъ, свыше 6½ тыс. плуговъ, болѣе 1½ тыс. уборочныхъ машинъ и свыше 15½ тыс. телѣгъ,—по самому скромному расчету это представляетъ стоимость не менѣе 1½—2 милліоновъ рублей.

Остановимся теперь на районныхъ различіяхъ. Процентъ дворовъ, пришедшихъ безъ денегъ, близокъ къ половинѣ; замѣтно поднимается онъ надъ этою среднею нормой въ Енисейской губерніи, замѣтно падаетъ ниже ея—довольно неожиданно послѣ сказаннаго выше!—въ западно-сибирскомъ урманѣ. Величиною принесенныхъ средствъ рѣзко выдѣляется западно-сибирская степь и лѣсо-степь: въ среднемъ *на всѣ* водворившіяся семьи приходится здѣсь по 110 рублей, если же считать однихъ только тѣхъ, у кого были деньги,—по 209 руб., тогда какъ въ остальныхъ трехъ районахъ первая цифра колеблется между 69 и 78, вторая,—между 131 и 154 рублями. Преимущество западно-сибирской степи и лѣсо-степи въ смыслѣ состоятельности водворившихся здѣсь переселенцевъ выразилось бы еще рѣзче, если бы ввести въ учетъ и стоимость привезеннаго съ собой инвентаря: на этотъ районъ приходится болѣе половины всѣхъ привезенныхъ съ собой лошадей, почти всѣ быки, болѣе двухъ третей такого цѣннаго инвентаря, какъ уборочныя машины и т. д. Получается такимъ образомъ парадоксъ—одинъ изъ тѣхъ парадоксовъ, которыми такъ чревато переселенческое дѣло: какъ разъ туда, гдѣ раздѣлка угодій легче, гдѣ вся вообще совокупность условій требуетъ для обзаведенія сравнительно *меньшихъ* средствъ,—туда идутъ въ массѣ *болѣе* состоятельные переселенцы; и, напротивъ, тамъ, гдѣ разработка угодій труднѣе, гдѣ нужно *больше* средствъ и для того, чтобы обзавестись, и для того, чтобы просуществовать до полученія достаточнаго собственнаго урожая,—какъ разъ тамъ переселенцы располагаютъ, въ массѣ, *меньшими* средствами.

Не могу не остановиться на одномъ обстоятельствѣ. Въ 1912 году переселенческое вѣдомство провело новый законъ о ссудахъ переселенцамъ; на мѣсто прежде требовавшейся индивидуализаціи размѣра ссудъ въ соотвѣтствіи со степенью нужды переселенцевъ, этотъ законъ установилъ совершенно новый принципъ—механически-районный. Здѣсь не мѣсто приводить, а тѣмъ болѣе критиковать всю совокупность мотивовъ этого, по моему убѣжденію, неудачнаго закона. Но однимъ изъ важнѣйшихъ было пониженіе общаго уровня состоятельности переселенцевъ. «Съ 1907 года,—писало вѣдомство въ январѣ 1912 г. въ своемъ представленіи въ Государственную Думу,—къ разряду нуждающихся въ денежной поддержкѣ правительства приходится отнести почти всѣхъ переселенцевъ». Убѣдителенъ ли этотъ мотивъ по существу или нѣтъ,—для меня въ данную минуту неважно. Но изъ приведенныхъ цыфръ ясно, что онъ факти-

чески невѣренъ. Правда, почти половина всѣхъ переселенцевъ пришла или, по крайней мѣрѣ, показала себя пришедшею безъ средствъ. Но, вѣдь *у другой* половины *средства были*... Очевидно, что потребность въ ссудѣ у пришедшаго безъ денегъ или съ парою десятковъ рублей не та, какъ у имѣвшаго хотя бы выведенную для всѣхъ районовъ среднюю цифру—172 рубля, а тѣмъ болѣе у тѣхъ, кто имѣлъ съ собою вдвое, втрое, можетъ быть вдесятеро, противъ этой средней цифры.

Но приведенныя выше цифры относятся *ко всѣмъ* переселенцамъ, водворившимся въ изслѣдованныхъ поселкахъ, безъ различія времени. Можетъ быть, имущественный уровень переселенцевъ въ самомъ дѣлѣ значительно понизился въ послѣдніе годы? Такъ ли это, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ:

У пришедшихъ тому назадъ:	% пришедшихъ безъ денегъ.	Въ среднемъ принесено рублей. На всѣ дворы.	На имѣвш. деньги.
Болѣе 18 лѣтъ	76	14	59
8—18 лѣтъ	57	57	131
4—7 лѣтъ	45	92	166
3 года и менѣе[1])	46	103	190

Тенденція, такимъ образомъ, діаметрально противоположная: уровень состоятельности переселенцевъ не только не понижается въ послѣдніе годы, но, наоборотъ, непрерывно повышается. Въ моихъ прежнихъ работахъ по переселенческому вопросу я—какъ и многіе другіе—высказывалъ предположеніе, что состоятельность переселенцевъ будетъ съ теченіемъ времени понижаться. Дѣйствительность, къ счастью, опровергла это предположеніе; *къ счастью*—потому, что современныя условія водворенія въ Сибири: избытокъ рабочихъ рукъ и дороговизна обзаведенія, предъявляютъ къ состоятельности переселенцевъ гораздо бо̀льшія требованія, чѣмъ въ «героическій» періодъ колонизаціи Сибири, когда здоровыя руки и сильная воля въ самомъ дѣлѣ могли возмѣстить недостатокъ средствъ.

---

[1]) Источникъ разбиваетъ матеріалъ не на *четыре*, а на *пять* «возрастныхъ» группъ—моя послѣдняя группа составлена изъ двухъ: прожившихъ три года и прожившихъ менѣе трехъ лѣтъ. Я соединилъ эти группы потому, что не вижу основанія выдѣлять въ отдѣльную группу переселенцевъ одного только года, разъ всѣ остальныя группы взяты многолѣтнія Считаю долгомъ отмѣтить, что для взятой отдѣльно группы «трехлѣтокъ» процентъ дворовъ безъ денегъ (43) нѣсколько ниже, а средняя (114 и 191) выше, нежели для прожившивъ менѣе трехъ лѣтъ (48—94, 181). Но эта разница, относящаяся притомъ къ одному только году, недостаточна, чтобы говорить о какой-либо проявившейся въ послѣднее трехлѣтіе тенденціи къ пониженію общаго уровня состоятельности переселенцевъ.

Конечно, состоятельность переселенцевъ и сейчасъ отнюдь не единственный факторъ, отъ котораго зависятъ достигаемые переселенцами на «новомъ мѣстѣ» результаты. Прежде всего, громадное большинство современныхъ переселенцевъ получаетъ ссуды—въ изслѣдованныхъ поселкахъ переселенцами было получено въ ссуду, въ сложности, 2.655 тыс. рублей. Затѣмъ, не говоря уже о вліяніи личнаго фактора, огромное значеніе имѣютъ случайности перваго урожая—хорошій первый урожай сразу ставитъ на ноги переселенца, неурожай сплошь и рядомъ окончательно подсѣкаетъ развитіе его хозяйства; огромное значеніе имѣетъ, вообще, та конъюнктура, съ которою переселенецъ встрѣчается въ данной мѣстности и въ данное время, немалую роль играетъ и просто удача или неудача. Тѣмъ не менѣе, роль принесенныхъ средствъ остается очень большою. Къ сожалѣнію, нашъ источникъ не даетъ спеціальной группировки, которая одна только позволила бы точно-статистически установить вліяніе этого фактора. Нѣкоторыя наводящія указанія можно извлечь изъ данной источникомъ группировки переселенцевъ по величинѣ посѣвной площади въ моментъ изслѣдованія. Вотъ что, между прочимъ, даетъ эта группировка:

Въ группахъ съ посѣвомъ:	Принесено въ среднемъ на домохозяйство. Денегъ рублей.	Скота. Штукъ.	Инвент.
До 1 дес. (и безъ пос.) . .	54	0,8	0,5
1—3 дес.	55	1,2	0,8
3—9 дес.	83	1,8	1,1
Болѣе 9 дес.	166	2,8	1,6

«Чѣмъ больше,—справедливо заключаетъ составитель текстового сборника (I, 48),—было у переселенца средствъ вначалѣ, при приступѣ къ хозяйству, тѣмъ болѣе у него оказывается посѣва въ настоящее время».

Посмотримъ же теперь, каковы результаты, достигнутые перселенцами на «новыхъ мѣстахъ», поскольку позволяютъ судить о нихъ данныя произведенной переписи. Составитель текстового сборника оцѣниваетъ ихъ чрезвычайно оптимистически: «Хозяйство переселенцевъ,—говоритъ онъ въ обобщающемъ введеніи (XI),—развивается безпрерывно, увеличиваясь съ теченіемъ времени въ своихъ размѣрахъ. Съ каждымъ новымъ періодомъ площадь посѣва и сѣнокоса расширяется, увеличивается количество скота, построекъ и мертваго рабочаго инвентаря и возрастаетъ степень общаго благосостоянія. Широкое земельное обезпеченіе и уже достигнутые серьезные матеріальные результаты хозяйствованія въ Сибири служатъ гарантіей

подобнаго развитія и въ будущемъ», «во всякомъ же случаѣ уже и теперь хозяйства, болѣе или менѣе окрѣпшія, существующія не менѣе трехъ лѣтъ, почти повсемѣстно даютъ избытки продуктовъ для рынка въ видѣ хлѣба и скота, оцѣниваемые въ суммѣ отъ нѣсколькихъ десятковъ до двухсотъ рублей и болѣе на хозяйство». Тотъ же мотивъ многократно повторяется и въ дальнѣйшемъ изложеніи. «Абсолютный уровень хозяйствъ, просуществовавшихъ на участкахъ три года и болѣе,—читаемъ мы, напр., на стр. 35,—является довольно высокимъ. 3—10 дес. посѣва и 20—24 (какъ я отмѣтилъ выше, очевидная опечатка) головы скота—это такія нормы, при которыхъ хозяйства не только могутъ существовать безбѣдно, но и давать избытки продуктовъ». Почти совершенно нѣтъ и неудачниковъ: если не считать только что прибывшихъ, то не имѣющихъ дома всего отъ 1,1 до 2,6%—«бездомовыхъ, у которыхъ неимѣніе построекъ было бы связано съ полной безхозяйностью, обусловленной невозможностью устроиться на новомъ мѣстѣ, среди зарегистрированныхъ наличныхъ приписныхъ хозяйствъ совсѣмъ нѣтъ» (стр. 60).

Какъ ни мало у меня охоты полемизировать, но я не могу не отмѣтить нѣкоторой наивности процитированныхъ разсужденій. Прежде всего, бездомовость, или, точнѣе, *отсутствіе* бездомовости, въ условіяхъ современной сибирской колонизаціи не можетъ имѣть того симптоматическаго значенія, какое этому признаку приписываетъ составитель текстового выпуска: разъ болѣе или менѣе *всѣ переселенцы получаютъ ссуды*, разъ притомъ они получаютъ и матеріалъ для построекъ, то постройка дома перестаетъ быть, такъ сказать, *увѣнчаніемъ* зданія; переселенецъ *начинаетъ* съ того, что строитъ себѣ жилище, и наличность такового еще отнюдь не равносильна наличности хозяйства. Въ условіяхъ переселенческаго быта о «возможности» или «невозможности устроиться» приходится судить по совсѣмъ другимъ признакамъ, и мы нѣсколько дальше увидимъ, что такая невозможность является совсѣмъ не рѣдкимъ исключеніемъ. Не лишена затѣмъ курьезнаго характера фраза или, если хотите, конецъ фразы: «не только могутъ существовать безбѣдно, но и давать избытки продуктовъ». Развѣ въ условіяхъ чистоземледѣльческаго хозяйства—а таковымъ, какъ достаточно извѣстно, является хозяйство нашихъ переселенцевъ!—можно говорить о «безбѣдномъ существованіи», если хозяйство *не* даетъ продажныхъ избытковъ? А если нельзя, то причемъ же тутъ усиливающее «не только»?...

Но самое главное, что мнѣ хочется отмѣтить, это выводы изъ «3—10 десятинъ посѣва» и изъ «20—24 головъ скота». Ясно, прежде всего, что подводить подъ одну скобку *три* и *десять* десятинъ посѣва никоимъ образомъ нельзя: *десять* десятинъ,

дѣйствительно, обезпечиваютъ продажные избытки, но *три* десятины, да еще при первобытномъ хозяйствѣ, какъ его ведутъ сибирскіе переселенцы, не можетъ обезпечить ничего, кромѣ недоѣданія. «20—24 головы скота»—это «звучитъ гордо». Но эти «головы скота»—это *весь скотъ*, включая ягнятъ и поросятъ, безъ обязательнаго при такихъ подсчетахъ перевода на крупный. А *реально* — вотъ что: это — «2,3 головы рабочаго скота (въ томъ числѣ 0,6 быковъ, обычно приравниваемыхъ по два къ одной лошади) и 1,9 коровы» (стр. 65). На масштабъ, выработавшійся въ центрально-земледѣльческихъ и въ промышленныхъ губерніяхъ Европейской Россіи, и это не такъ дурно. Но когда изъ того же сборника мы узнаемъ, что въ Сибири цѣлину пашутъ «на 2 и 3 парахъ воловъ или лошадей» и что даже для мягкой земли «въ плугъ запрягаютъ 2 пары, а хорошихъ лошадей и одну пару» (стр. 104—105), то приходится признать, что 2,3 головы рабочаго скота—болѣе нежели умѣренная цифра.

Обратимся, однако, къ цифрамъ, причемъ сейчасъ же подчеркнемъ, что при крайнемъ разнообразіи условій водворенія и устройства переселенцевъ въ Сибири никакія огульныя для всѣхъ районовъ цифры не могутъ имѣть рѣшающаго значенія. Въ однихъ районахъ результаты переселенія одни, въ другихъ—совершенно другіе. *Только одинъ* вопросъ можетъ быть, до нѣкоторой степени, освѣщенъ на основаніи общихъ для всѣхъ районовъ итоговыхъ цифръ, и необходимость щадить вниманіе читателя заставляетъ меня это сдѣлать: именно вопросъ о *темпѣ развитія* переселенческаго хозяйства. Вотъ главнѣйшіе, способные освѣтить этотъ вопросъ, общіе коэффиціенты:

У переселенцевъ, прожившихъ:	Въ среднемъ на дворъ.			Процентъ дворовъ.						
	Рабоч. скота.	Коровъ.	Дес. посѣва.	Безъ орудій.	Безъ раб. скота.	Имѣющ. 1 гол. раб. скота.	Имѣющ. 2 гол. раб. скота.	Безъ посѣва.	Засѣвающ. до 1 десятинъ.	Засѣвающ. 1—3 десятинъ.
Менѣе 3 л.[1])	1,7	1,4	2,7	28	11	32	34	16	19	39
3 года . . .	2,0	1,5	4,3	13	8	26	36	5	14	37
4—8 лѣтъ .	2,3	1,7	5,2	14	8	26	34	4	6	33
9—18 » .	2,9	2,6	7,3	7	3	13	35	3	3	19
болѣе 18 л.	3,2	3,6	7,8	11	4	12	29	5	6	15

Цифры даннаго изслѣдованія подтверждаютъ, прежде всего, то, что было уже извѣстно и изъ непосредственнаго практическаго опыта и по даннымъ другихъ, болѣе раннихъ статистиче-

[1]) Не могу еще разъ отмѣтить нецелѣсообразности такой группировки: непонятно, почему первые три года соединены въ одну группу, а четвертый выдѣленъ въ особую группу; дальнѣйшія группы слишкомъ крупны.

скихъ изслѣдованій: что переселенческое хозяйство, въ массѣ, чрезвычайно быстро растетъ въ первые годы по водвореніи, когда переселенецъ начинаетъ, можно сказать, изъ ничего, а затѣмъ этотъ ростъ постепенно замедляется. Въ дальнѣйшемъ, однако, новое изслѣдованіе даетъ, какъ будто, нѣчто новое: по даннымъ, напр., моего изслѣдованія хозяйственнаго положенія переселенцевъ Томской губерніи, ростъ характеризующихъ массовое переселенческое хозяйство коэффиціентовъ по истеченіи 5—6 лѣтъ почти совершенно останавливается; наступаетъ стаціонарное состояніе. По даннымъ новаго изслѣдованія ростъ продолжается, напротивъ, и въ старшихъ возрастныхъ группахъ. Значитъ ли это, что массовое переселенческое хозяйство продолжаетъ расти и послѣ восьми, и даже послѣ 18 прожитыхъ лѣтъ, или дѣло сводится къ тому, что болѣе старые переселенцы зарегистрированы исключительно въ наиболѣе благопріятной для заселенія полосѣ—западно-сибирской степи и лѣсо-степи, и что они, притомъ, садились на наилучшія земли и устраивались при максимально-благопріятныхъ условіяхъ? Можно ли, иначе сказать, ожидать, что и нынѣшніе переселенцы черезъ 18 и болѣе лѣтъ по водвореніи дойдутъ до аналогичной степени благосостоянія,—это вопросъ, на который нашъ матеріалъ не позволяетъ дать вполнѣ категорическаго отвѣта. Я лично думаю, однако, что *нельзя*: что высокіе коэффиціенты благосостоянія старыхъ переселенцевъ свидѣтельствуютъ лишь о томъ, что *они* устраивались въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ, и очень мало говорятъ о томъ, какъ пойдетъ устройство водворяющихся въ совсѣмъ иныхъ условіяхъ переселенцевъ послѣднихъ лѣтъ[1]).

Однако, это только *средніе* коэффиціенты. И послѣ трехъ, и послѣ восьми, и даже послѣ 18 прожитыхъ лѣтъ остается немалый процентъ такихъ переселенцевъ, которыхъ приходится признать *не* достигшими «на новомъ мѣстѣ» хозяйственной самостоятельности. Это, прежде всего, не имѣющіе орудій, не имѣющіе рабочаго скота и не имѣющіе посѣвовъ. Дворовъ безъ рабочаго скота, правда, немного. Но если даже признать цитированное выше указаніе нашего источника на потребное для обработки земли, въ сибирскихъ условіяхъ, количество рабочаго

[1]) Изложенное въ текстѣ предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ порайонныхъ данныхъ. Необходимость беречь мѣсто не позволяетъ мнѣ входить въ подробное ихъ разсмотрѣніе. Приведу только вычисленныя составителемъ текстоваго выпуска средніе цифры «десятинъ посѣва и сѣнокоса» по тремъ старшимъ возрастнымъ группамъ. По лѣсостепному району, въ порядкѣ отъ средней къ старшей группѣ, получились такія цифры: 19,8, 17,3, 18,3; по степному — 10,5, 15,5, 11,9; по урмано-таежному — 5,6, 9,4, 7,1. Мы видимъ, что *въ порайонныхъ данныхъ совершенно не наблюдается того непрерывнаго роста среднихъ цифръ, какой обнаруживаютъ общіе итоги.*

скота нѣсколько преувеличеннымъ и принять обычную сибирскую запряжку въ 2—3 лошади, то все-таки безусловно не достигшими возможности самостоятельнаго хозяйствованія придется признать не только безлошадныхъ, но и всѣхъ, имѣющихъ по одной штукѣ рабочаго скота; придется признать положеніе имѣющихъ по двѣ головы не менѣе неустойчивымъ, нежели положеніе однолошадныхъ въ условіяхъ европейской Россіи. Очень невелика—отъ 3 до 5%—и группа вовсе не имѣющихъ посѣва, что и вполнѣ естественно, въ виду легкости, съ какою можетъ завестись посѣвомъ и безхозяйный переселенецъ. Но не говоря уже о тѣхъ, кто засѣваетъ менѣе десятины,—даже посѣвъ въ двѣ-три десятины, при тѣхъ условіяхъ веденія хозяйства, о которыхъ даютъ нѣкоторое понятіе приводимыя ниже цифры урожайности, совершенно недостаточенъ для удовлетворенія даже непосредственныхъ потребностей семьи близкаго къ среднему состава. А дворы, которые черезъ 8, 10, 15, 18 лѣтъ еще не завелись инвентаремъ и не обладаютъ достаточною для удовлетворенія непосредственныхъ потребностей запашкой—это, несомнѣнно, полные и окончательные неудачники колонизаціи.

Перейдемъ теперь къ порайоннымъ даннымъ, причемъ, слѣдуя за составителями текстового сборника, сольемъ въ одну общую массу всѣхъ вообще переселенцевъ, проживших на новомъ мѣстѣ четыре года и больше, не подраздѣляя ихъ на «возрастныя» группы. Вотъ, прежде всего, данныя относительно живого и частью—мертваго инвентаря:

	Въ среднемъ на дворъ. Рабочихъ.				Процентъ дворовъ, имѣющ. головъ.				
	Лошад.	Быковъ.	Коровъ.	Всего скота [1]).	Безъ раб скота.	1	2	Болѣе 7-ми.	Безъ орудій.
З.-сиб. степь и л.-ст.	2,2	1,2	2,2	17	5,7	10	29	7,7	12
» урманъ . . .	1,4	0,1	1,9	12	7,6	52	29	0,4	9
Енисейская губ. . .	2,5	0,1	2,3	19	2,9	12	43	2,6	9
Иркутская губ. . .	2,1	0,3	1,8	14	7,5	20	37	1,1	83

Какъ и можно было предвидѣть, та изъ нашихъ четырехъ полосъ, которая сильнѣе всего притягиваетъ переселенцевъ,—западно-сибирская степь и лѣсо-степь, стоитъ на первомъ мѣстѣ, въ особенности по количеству рабочаго скота. Выдѣляется она, однако, далеко не такъ рѣзко, какъ можно было бы ожидать;

---

[1]) Общее количество скота дается источникомъ безъ перевода на крупный, причемъ по заголовкамъ таблицъ видно, что въ приведенныя цифры вошли ягнята, телята и поросята. Для междурайонныхъ сравненій эти цифры использовать можно, хотя, конечно, тоже съ осторожностью.

въ особенности можно было ожидать болѣе высокихъ среднихъ цифръ рогатаго скота, въ частности коровъ: развитіе экспортнаго маслодѣлія создаетъ въ этой полосѣ совершенно исключительныя побужденія къ усиленному разведенію рогатаго скота, а между тѣмъ среднее число коровъ въ этой полосѣ выражается тою же цифрой, что и въ Енисейской губерніи. Характеренъ для этого района значительно бо́льшій, нежели гдѣ бы то ни было, процентъ (7,7%) дворовъ съ семью и болѣе головами рабочаго скота, значитъ, зажиточныхъ или даже богатыхъ; въ этомъ районѣ, значитъ, наблюдается наибольшая отслойка взерхъ. Въ то же время здѣсь наблюдается, однако, и значительная отслойка внизъ. Очень близкою къ только что разсмотрѣнной полосѣ оказывается, по степени развитія скотоводства, Енисейская губернія. Характерною является для нея болѣе слабая степень дифференціаціи. Сосѣдняя съ Енисейскою Иркутская губернія не представляютъ по сравненію съ послѣднею ничего особенно характернаго,—относящіеся къ ней коэффиціенты только подвинуты нѣсколько книзу, причемъ, въ частности, процентъ безлошадныхъ вмѣстѣ съ однолошадными поднимается уже до 27,5%—болѣе *четверти* всего населенія описанныхъ поселковъ.

Но окончательно безотрадную картину представляетъ западно-сибирскій урманъ: даже средніе—1,4 лошади и 1,9 коровъ—не выше или немногимъ выше, нежели въ самыхъ Богомъ обиженныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Безлошадныхъ, правда, не больше, чѣмъ въ Иркутской губерніи, но зато однолошадные составляютъ свыше половины (52%) всѣхъ зарегистрированныхъ дворовъ, и только съ небольшимъ десятая часть—11% имѣетъ болѣе двухъ головъ—того минимума, за которымъ прекращается возможность самостоятельнаго хозяйствованія. Ужасъ этихъ цифръ нѣсколько ослабляется, можетъ быть, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ урманѣ примѣняются орудія болѣе легкаго типа, чѣмъ въ степи и лѣсо-степи. Въ пользу этого предположенія говоритъ то обстоятельство, что процентъ дворовъ безъ орудій (9%) въ западно-сибирскомъ урманѣ ниже, чѣмъ въ степи и лѣсо-степи.

Вотъ, затѣмъ, данныя о переселенческихъ посѣвахъ.

	Въ среднемъ на дворъ десятинъ.	Не сѣющихъ.	Процентъ дворовъ. Засѣвающихъ. До 1	1—3 десятинъ.	бол. 3
Зап.-сиб. степь и л.-ст.	8,5	3,6	3,6	16	33
» урманъ . . .	2,7	3,5	1,3	55	0,6
Енисейская губ. . . .	5,7	3,2	4,7	23	15
Иркутская » . . .	4,9	4,6	6,5	25	10

Градація районовъ, какъ и можно было ожидать, и здѣсь, въ общемъ, та же, что и въ данныхъ о скотѣ, только выражена гораздо рѣзче. Западно-сибирская степь и лѣсо-степь представляетъ картину мѣстности съ широко-раскинувшимися запашками, что̀, конечно, не мѣшаетъ и въ данныхъ о посѣвахъ проявляться тому отслоенію внизъ, какое мы констатировали на данныхъ о скотоводствѣ. На противоположномъ полюсѣ стоитъ, конечно, западно-сибирскій урманъ: въ среднемъ всего 2,7 дес. посѣва (напомню, что средній размѣръ посѣва въ сѣверно-черноземномъ районѣ Европейской Россіи около 3,3 дес.!); 16,5%—одна шестая всѣхъ зарегистрированныхъ дворовъ, не имѣетъ посѣва или, что почти то же самое, засѣваетъ меньше десятины; болѣе половины, 55%, засѣваютъ отъ одной до трехъ десятинъ, т.-е. площадь, развѣ только въ исключительныхъ случаяхъ достаточную для покрытія насущнѣйшихъ потребностей переселенческой семьи... Енисейская и Иркутская губерніи, естественно, стоятъ посединѣ между степною и урманною полосами западной Сибири, причемъ Иркутская губернія по размѣрамъ запашекъ, какъ и по размѣрамъ скотоводства, замѣтно уступаетъ Енисейской. Если бы была возможность отдѣлить таежные поселки средне-сибирскихъ губерній отъ степныхъ и лѣсо-степныхъ—очень вѣроятно, что первые дали бы коэффиціенты, близкіе къ западно-сибирскому урману, вторые—къ степной и лѣсостепной полосѣ западной Сибири.

При всемъ своемъ крайнемъ оптимизмѣ, составитель текстового сборника не можетъ не сознавать, что положеніе переселенцевъ урмано-таежной полосы обрисовывается, въ приведенныхъ цифрахъ, въ далеко неблагопріятномъ свѣтѣ. Это его, однако, не смущаетъ; «при поддержкѣ промыслами,—полагаетъ онъ,—и здѣшнія хозяйства, даже наименѣе развитыя, имѣютъ возможность въ періодъ своего развитія удовлетворять свои потребности» (стр. 36). Матеріалъ и въ данномъ случаѣ не оправдываетъ этого оптимистическаго заключенія. Прежде всего, рѣчь идетъ не только о «періодѣ развитія»—и хозяйство вполнѣ обжившихся переселенцевъ урманной полосы характеризуется крайне неблагопріятными цифрами. А затѣмъ, достаточно взглянуть на валовыя среднія, какъ онѣ подсчитаны составителемъ текстового выпуска (стр. 36), чтобы увидѣть, что промысловой заработокъ урманныхъ переселенцевъ ни въ малѣйшей степени не компенсируетъ недостаточнаго развитія у нихъ земледѣлія и скотоводства: въ среднемъ на переселенческій дворъ промыслы даютъ, въ урманѣ, 52 руб., въ лѣсныхъ мѣстностяхъ средней Сибири—49 руб., ровно столько же, сколько въ лучшей изъ захваченныхъ изслѣдованіемъ мѣстностей—западно-сибирской лѣсо-степи (51 руб.). Совершенно очевидно, что минусъ въ хозяйствѣ урманныхъ переселенцевъ остается

ничѣмъ незаполненнымъ; какъ бы ни судить о благосостояніи переселенцевъ западно-сибирской степи и лѣсо-степи,—во всякомъ случаѣ приходится признать, что благосостояніе урманныхъ переселенцевъ рисуется весьма неблагопріятными чертами.

Но какъ судить о благосостояніи переселенцевъ въ западно-сибирской степи и лѣсо-степи? Это—вопросъ далеко не столь простой. Ясно одно: что даже максимально благопріятныя условія водворенія и устройства, какія находятъ переселенцы въ этомъ районѣ, не предотвращаютъ образованія значительнаго контингента неудачниковъ: даже если взять однихъ только прожившихъ здѣсь 9 лѣтъ и болѣе, все-таки не сѣющіе или засѣвающіе не свыше трехъ десятинъ составляютъ болѣе одной шестой—почти 18% всѣхъ зарегистрированныхъ переселенцевъ. Но остальные? Насколько устойчиво выражающееся въ приведенныхъ цифрахъ, повидимому, весьма высокое, массовое благосостояніе, и каково, хотя бы только для даннаго момента, реальное значеніе этихъ цифръ?

Нѣкоторый отвѣтъ на эти вопросы, въ частности на первый, даютъ, прежде всего, собранныя изслѣдованіемъ данныя объ урожайности хлѣбовъ въ переселенческихъ поселкахъ. Для двухъ главныхъ хлѣбовъ степной и лѣсо-степной полосъ,—пшеницы и овса, средній урожай опредѣлился: для первой въ 44—45 пудовъ, для овса 47—49 пудовъ; для двухъ главныхъ хлѣбовъ средне-сибирской лѣсной полосы и западно-сибирскаго урмана—ржи и того же овса, соотвѣтственныя цифры 54 и 50, 56 и 46. Изъ десяти послѣднихъ лѣтъ плохіе урожаи случались, по собраннымъ изслѣдованіемъ, скорѣе преуменьшеннымъ даннымъ, въ западно-сибирской лѣсо-степи, среднимъ числомъ, 3, въ остальныхъ районахъ, въ томъ числѣ и въ акмолинской степи, $3^1/_2$ раза (стр. 115). Чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, надо имѣть въ виду, что переселенцы разрабатываютъ пока, болѣе или менѣе исключительно, совершенно свѣжія или очень мало истощенныя земли; что въ степи и лѣсо-степи они пользуются, притомъ, практически неограниченнымъ просторомъ. Достаточно уже 45-десятиннаго средняго на дворъ надѣла, который, какъ разъ въ этихъ двухъ районахъ, въ наибольшей своей части годенъ для непосредственной распашки. Но этого мало—переселенцы, особенно въ киргизскихъ областяхъ, располагаютъ широкою возможностью арендованія. И не только располагаютъ, но и широко пользуются этою возможностью. Болѣе нежели правдоподобно, прежде всего, что такая широкая возможность аренды носитъ временный характеръ, и что она если не прекратится, то значительно сократится по мѣрѣ за-

селенія края. Но главное, *что значитъ* такая аренда, какой ея хозяйственный смыслъ? Составитель текстового выпуска и этому факту находитъ оптимистическое объясненіе: «сберегая производительныя силы надѣльныхъ угодій,—говоритъ онъ,— переселенцы съ большою выгодою для себя берутъ (въ аренду) постороннія угодья» (стр. 124). Прежде всего, какъ правило, *не «сберегая»*, а *«выпахавъ»*, *истощивъ* надѣльныя угодья. Но пусть будетъ «сберегая»—сберегая отъ *окончательнаго* истощенія; сберегая надѣльныя земли отъ окончательнаго истощенія, они переносятъ обусловливающую это истощеніе хищническую эксплоатацію на лежащія по широкой округѣ земли, не вошедшія въ ихъ надѣлы. Это — то «сбереженье» производительныхъ силъ, въ результатѣ котораго переселенцы не только съ изумительною быстротою выпахиваютъ надѣльныя земли, но и лежащія вокругъ надѣловъ широкія пространства обращаютъ въ надолго обезпложенную, покрытую бурьяномъ пустыню, въ разсчетѣ на «авось» и «какъ-нибудь». Надолго ли можетъ, при такихъ условіяхъ, хватить даже тѣхъ жалкихъ 45 пудовъ съ десятины, которые, какъ ни какъ, теперь еще получаютъ переселенцы—на этотъ вопросъ отвѣтить, къ несчастію, слишкомъ легко. Удастся ли имъ достаточно скоро, чтобы предотвратить окончательное разореніе, перейти къ менѣе грабительскому хозяйству—это вопросъ, на который едва ли дано опредѣленно отвѣтить человѣческому предвидѣнію.

Для сужденія о реальномъ значеніи приведенныхъ цифръ, *въ настоящемъ* нашъ матеріалъ предоставляетъ въ распоряженіе читателя двоякаго рода данныя: свѣдѣнія о стоимости переселенческихъ «капиталовъ» и данныя о переселенческомъ потребленіи—тѣ и другія, полученныя путемъ подробнаго бюджетнаго изслѣдованія. Что касается, прежде всего, до первыхъ, то составитель текстового выпуска совершенно правильно констатируетъ неполную сравнимость данныхъ о капиталахъ» въ моментъ изслѣдованія съ тѣми, какими переселенцы располагали до переселенія: эти послѣднія оцѣнивались по даннымъ предшествовавшей переселенію ликвидаціи имущества, а «при реализаціи хозяйства могла быть (необходимо *должна* была быть!) продажа ниже нормальныхъ цѣнъ и могъ произойти другой подобный ущербъ, тогда какъ опредѣленіе размѣровъ хозяйства въ Сибири дѣлается по нормальнымъ цѣнамъ (стр. 147). Но какъ бы ни была велика эта ошибка, она не можетъ устранить значенія той, дѣйствительно, рѣзкой разницы въ стоимости «капиталовъ» на родинѣ и на «новыхъ мѣстахъ», какая оказывается въ общемъ для всѣхъ районовъ итогѣ—466 руб. въ Сибири противъ 239 руб. на мѣстахъ выхода; а тѣмъ болѣе той, какая получается для западно-сибирской лѣсо-степи: 665 и 196 руб. Замѣтно менѣе благопріятны данныя оцѣнки «капиталовъ» уже для средне-

сибирскаго полѣсья: 417 и 250 руб.—здѣсь вытекающая изъ сказаннаго выше обстоятельства поправка, да еще при крайне высокихъ средне-сибирскихъ цѣнахъ, поглотила бы, по всей вѣроятности, бо́льшую часть получающейся въ пользу Сибири разницы. Для урмано-таежной полосы получены, какъ легко было предвидѣть, безусловно неблагопріятныя данныя: 241 и 213 руб.—эта незначительная разница, очевидно, должна быть цѣликомъ отнесена на счетъ указаннаго источника ошибокъ, и слѣдовательно и эти данныя, въ полномъ согласіи съ другими, свидѣтельствуютъ о томъ, что *здѣсь* переселенцы въ *лучшемъ случаѣ* ничего не выиграли отъ переселенія.

Перейдемъ теперь къ даннымъ о потребленіи. Это—вопросъ, гдѣ необузданный оптимизмъ составителя текстового выпуска проявляется съ особенною яркостью. «Подобные (въ существенныхъ чертахъ характеризованные выше) результаты,—говоритъ онъ,—получаются *при сравнительно высокомъ удовлетвореніи переселенцами собственныхъ потребностей* (курсивъ мой. *А. К.*), размѣры которыхъ во многихъ отношеніяхъ превышаютъ потребленіе старыхъ крестьянскихъ хозяйствъ центральныхъ губерній» (XI). Ясно?... А вотъ цифры средняго душевого потребленія, которыя я безъ малѣйшихъ измѣненій выписываю изъ того же текстового выпуска (стр. 172):

	Растительныхъ продуктовъ, пудовъ				Животныхъ продуктовъ, пудовъ			
	хлѣба.	картофеля.	прочихъ.	итого.	мяса.	прочихъ.	итого.	Всего
Пересел. 1 и 2 полосъ	15,3	3,2	3,1	21,5	1,0	5,4	6,4	27,9
Крест. Воронежск. губ.	18,6	5,5	1,1	25,2	1,2	3,7	4,6	30,1
Пересел. 3 и 4 полосъ	13,1	11,2	3,4	27,7	1,1	8,4	9,5	37,2
Крест. Калужской губ.	13,8	13,1	1,3	27,2	1,2	4,5	5,7	32,9

Отмѣтимъ, прежде всего, довольно парадоксальный фактъ: у переселенцевъ 3 и 4 полосъ—средне-сибирскаго полѣсья и западно-сибирскаго урмана—потребленіе пищевыхъ продуктовъ оказывается не только не низшимъ, но даже нѣсколько высшимъ, нежели въ 1 и 2 полосахъ—въ степи и въ лѣсо-степи: нѣкоторая недохватка хлѣба перевѣшивается избыткомъ потребленія картофеля и «прочихъ» животныхъ продуктовъ (рыба?). Если бы можно было сказать, что нормы потребленія въ лѣсныхъ районахъ «еще выше», чѣмъ въ степи и лѣсо-степи, этотъ фактъ въ значительной мѣрѣ опрокидывалъ бы всѣ сдѣланныя нами неблагопріятныя заключенія относительно условій водворенія въ урмано-таежной полосѣ. Къ несчастію, *такъ* сказать нельзя:

надо сказать, что въ степи и въ лѣсо-степи потребленіе пищевыхъ продуктовъ «еще ниже», нежели въ урманѣ и тайгѣ, а *такой* фактъ, въ значительной мѣрѣ, подрываетъ и для настоящаго момента значеніе тѣхъ благопріятныхъ для степи и лѣсо-степи выводовъ, къ которымъ, казалось, приводилъ предыдущій анализъ.

А сказать приходится именно такъ. Въ самомъ дѣлѣ: въ первыхъ двухъ полосахъ потребленіе всѣхъ трехъ основныхъ продуктовъ—хлѣба, картофеля и мяса—замѣтно *ниже*, нежели въ ставшей парадигмой жалкаго крестьянскаго питанія Воронежской губерніи; потребленіе «прочихъ» продуктовъ, правда, нѣсколько больше, но общій итогъ пищевого потребленія все-таки остается меньшимъ, чѣмъ въ Воронежской губерніи. Для переселенцевъ 3 и 4 полосы общій итогъ душевого потребленія оказывается нѣсколько бо́льшимъ, нежели во взятой для сравненія съ нею Калужской губерніи[1]), но избытокъ этотъ получается исключительно за счетъ «прочихъ» продуктовъ; потребленіе хлѣба, картофеля и мяса у переселенцевъ ниже, чѣмъ въ Калужской губерніи. Я охотно допускаю—мало того, считаю очень вѣроятнымъ, что изслѣдованіе въ данномъ случаѣ дало, почему-то, преуменьшенныя цифры; мнѣ думается, что дѣйствительное питаніе переселенцевъ все-же *лучше*, нежели вытекало бы изъ этихъ цифръ. Но какъ при *такихъ* цифрахъ у лица, подписавшаго своимъ именемъ текстовой выпускъ, поднялось перо писать о «сравнительно высокомъ удовлетвореніи переселенцами собственныхъ потребностей» это вопросъ, на который я не умѣю отвѣтить.

Какой же общій выводъ можно сдѣлать изъ всего изложеннаго на предыдущихъ страницахъ? Выводъ этотъ, очевидно, напрашивается самъ собой, и въ то же время онъ находится въ полномъ согласіи съ тѣмъ, чему учитъ исторія сибирскаго переселенія[2]). Можно какъ угодно относиться къ цифрамъ, характеризующимъ положеніе переселенцевъ въ степи и лѣсо-

---

[1]) Я намѣренно не ввожу въ сравненіе гораздо болѣе высокихъ цифръ потребленія къ занимающей исключительное положеніе Олонецкой губерніи.

[2]) Въ нижеслѣдующихъ строкахъ—читатель замѣтитъ—я говорю только о *двухъ* изъ захваченныхъ настоящимъ изслѣдованіемъ районовъ или полосъ—тѣхъ, которые, такъ или иначе, поддаются подведенію подъ нѣкоторую обобщающую характеристику. Мѣстности, вошедшія въ составъ средне-сибирскихъ районовъ, слишкомъ разнородны и не подходятъ ни подъ какую обобщающую характеристику; поскольку онѣ приближаются однѣ къ типу лѣсо-степи или даже степи, другія — къ типу тайги, постольку на тѣ и другія распространяется сказанное въ текстѣ о мѣстностяхъ того и другого типа.

степи; можно подходить къ нимъ—какъ я—съ извѣстною осторожностью и сомнѣваться въ устойчивости достигнутыхъ здѣсь хозяйственныхъ результатовъ, или, напротивъ, успокаиваться на крупныхъ цифрахъ запашекъ и на сравнительно крупныхъ цифрахъ скотоводства; во всякомъ случаѣ, такіе абсолютно или относительно хорошіе результаты достигаются *только* въ степи и въ лѣсо-степи, т. е. *какъ разъ въ тѣхъ колонизаціонныхъ районахъ, земельные запасы которыхъ окончательно и безповоротно подходятъ къ концу*. Въ урмано-таёжной полосѣ могущіе еще быть предоставленными подъ колонизацію земельные запасы можно считать практически неограниченными Но *именно здѣсь* результаты переселенія характеризуются *крайне неблагопріятными* цифрами. Нечего уже говорить о выходцахъ изъ черноземной полосы—они, къ счастію, просто не идутъ въ урманы и въ тайгу; но даже и тѣ, казалось бы, максимально приспособленные къ лѣсной колонизаціи элементы, изъ которыхъ вербуется контингентъ водворяющихся здѣсь переселенцевъ,—даже и они достигаютъ поистинѣ жалкихъ результатовъ; даже они, если не теряютъ, то уже во всякомъ случаѣ ничего не выигрываютъ отъ переселенія. Понятно при такихъ условіяхъ, почему всѣ старанія правительства развить шире колонизацію урмановъ и тайги до сихъ поръ оставались безрезультатными. Можно съ увѣренностью сказать, что они останутся таковыми и въ будущемъ[1]).

---

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю нужнымъ подчеркнуть, что все сказанное о неблагопріятныхъ результатахъ колонизаціи урмановъ и тайги относится только къ *нынѣшней, массовой* колонизаціи и ни въ малѣйшей мѣрѣ не относится къ прежней, медленной и самопроизвольной. Напротивъ, мнѣ, одному изъ первыхъ, довелось яркими статистическими чертами характеризовать хозяйственное положеніе старыхъ крестьянскихъ селеній одной изъ мѣстностей урманной полосы (Туринскій уѣздъ), и то, что я видѣлъ въ этихъ селеніяхъ, заставляло и меня, какъ и многихъ другихъ, вѣрить въ возможность болѣе или менѣе широкаго развитія колонизаціи мѣстностей этого типа. Но я—какъ и другіе—въ данномъ случаѣ оплакивался старая, самопроизвольная, вѣковая колонизація—это одно; нынѣшняя массовая—совсѣмъ другое. Разница и въ субъективныхъ условіяхъ—что было подъ силу піонерамъ, то не подъ силу сѣрой переселенческой массѣ; и въ объективныхъ — прежніе піонеры находили и такія выгодныя комбинаціи угодій, и такія благопріятныя экономическія конъюнктуры, на какія уже не можетъ разсчитывать теперешній массовый переселенецъ.

III.

Статистика.

Къ вопросу о бюджетныхъ изслѣдованіяхъ [1]).

Докладъ Ф. А. Щербины[2]), прочитанный на первомъ собраніи подсекціи статистики XI съѣзда естествоиспытателей, касается одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ методологіи современной статистики русскаго крестьянскаго хозяйства. Г. Щербинѣ принадлежитъ въ этой области безусловно творческая роль,—и я не рискую, кажется, впасть въ преувеличеніе, если на ряду съ двумя основными типами земско-статистическихъ изслѣдованій—московскимъ и черниговскимъ—поставлю третій, созданный Ф. А. Щербиною типъ, который я позволилъ бы себѣ назвать воронежскимъ типомъ. Являясь производнымъ отъ московскаго, воронежскій типъ отличается отъ него, прежде всего, значительно расширенною и, можно сказать, углубленною программой подворнаго изслѣдованія: тѣ основные признаки крестьянскаго домохозяйства, которые лишь въ болѣе или менѣе общей формѣ выясняются при подворныхъ описяхъ московскаго типа, расчленяются, во-первыхъ, на простѣйшіе элементы, другими словами—по возможности детализируются; а, во-вторыхъ, выясненіе личнаго состава и инвентаря крестьянскаго хозяйства, исчерпывающее содержаніе программъ московскаго типа, комбинируется у г. Щербины съ рядомъ вопросовъ, направленныхъ къ выясненію денежнаго баланса каждаго зарегистрированнаго двора. На-ряду съ такимъ расширеніемъ и углубленіемъ программы подворной описи г. Щербина ввелъ въ нашу статистику и совершенно новый элементъ—бюджетное монографическое изслѣдованіе, направленное къ детальнѣйшему выясненію состава и денежной стоимости имущества типичныхъ домохозяйствъ, ихъ прихода и ихъ расхода, съ расчлененіемъ того и другого на натуральную и на денежную части и съ подведеніемъ баланса всего прихода и всего расх да за цѣлый хозяйственный годъ. «Предметъ изученія и бюджетной, и подворной статистики», говоритъ г. Щербина[3]), «одинъ и

---

[1]) «Народн. Хозяйства», 1902, стр. 526. Позволяю себѣ обратить вниманіе читателя на мой докладъ «Къ методикѣ бюджетныхъ изслѣдованій», напечатанный въ «Трудахъ». Позволяю себѣ обратить вниманіе читателя на мой докладъ «Къ методикѣ бюджетныхъ изслѣдованій», напечатанный въ «Трудахъ коммисіи по вопросамъ земской статистики 20—23 февр. 1913 г.» при обществѣ имени А. И. Чупрова. М. 1914.

[2]) Напечатанъ въ январ. кн. Народнаго хозяйства», за 1902 г.

[3]) Всѣ неоговоренныя цитаты—изъ книги Ф. А. Щербины. «Крестьянскіе бюджеты», изд. И. В. Э. О., часть I, стр. 206.

тотъ же—семья, или хозяйство съ семейнымъ его составомъ, но способы изслѣдованія различны: бюджеты составляются монографически, подробно и всесторонне по каждому хозяйству или семьѣ, служащимъ типическими единицами для цѣлаго ряда однохарактерныхъ съ ними формъ, а подворныя переписи ведутся сплошнымъ образомъ, съ помощью массоваго учета наиболѣе важныхъ признаковъ по всѣмъ безъ исключенія хозяйствамъ—семьямъ. Техническая особенность перваго рода работъ—возможно широкая детализація явленій данной формы, а работъ второго рода—безусловно полный учетъ количества этихъ формъ съ основными ихъ признаками». Поэтому, какъ объясняетъ Ф. А. Щербина въ другомъ мѣстѣ, перваго рода данныя точнѣе и разностороннѣе вторыхъ въ полномъ своемъ объемѣ, но уступаютъ вторымъ тамъ, гдѣ подворно учитывались извѣстныя статьи бюджета. Въ частности, одно лишь монографическое бюджетное изслѣдованіе, по мнѣнію Ф. А. Щербины, можетъ разрѣшить такія въ высшей степени важныя и серьезныя задачи, какъ: «1) установленіе типовъ потребностей, въ соотвѣтствіи съ наиболѣе отличными культурно-историческими фазами развитія человѣчества, и 2) опредѣленіе нормальныхъ потребностей, могущихъ обезпечить правильное развитіе личности и наиболѣе желательную постановку существованія ея». Монографическія бюджетныя изслѣдованія—та изъ характерныхъ чертъ воронежскаго типа земско-статистическихъ изслѣдованій, которая обратила на себя наибольшее вниманіе земскихъ статистиковъ и оказала наибольшее вліяніе на постановку изслѣдованій крестьянскаго хозяйства въ другихъ мѣстностяхъ: въ то время, какъ подворная опись воронежскаго типа нашла себѣ мало послѣдователей,—монографическіе бюджеты составляются теперь, можно сказать, почти вездѣ и (какъ выяснилось, между прочимъ, изъ преній по поводу доклада Ф. А. Щербины на съѣздѣ) находятъ себѣ среди земскихъ статистиковъ не мало столь же и даже—если это возможно—болѣе горячихъ защитниковъ и поклонниковъ, нежели какимъ является самъ творецъ этихъ изслѣдованій—Ф. А. Щербина.

При такихъ обстоятельствахъ мнѣ кажется не лишнимъ подѣлиться со спеціалистами-статистиками и съ публикою, интересующеюся статистическими вопросами, нѣкоторыми соображеніями какъ по поводу монографическихъ бюджетовъ, такъ и по поводу бюджетнаго типа подворнаго изслѣдованія.

Первымъ и необходимымъ условіемъ, отъ котораго зависитъ возможность обобщеній изъ собранныхъ путемъ монографическаго изслѣдованія бюджетныхъ данныхъ, является *типичность* монографически-изслѣдованныхъ домохозяйствъ. Посмотримъ,

въ какой мѣрѣ это условіе осуществляется и насколько оно осуществимо при монографическихъ изслѣдованіяхъ.

«Надлежащій выборъ семьи для составленія бюджета», говоритъ г. Щербина, «долженъ удовлетворить слѣдующимъ условіямъ: 1) семья должна быть типичною не только для данной мѣстности, но, по возможности, и для той или другой группы семействъ, характеризующихся различными экономическими признаками, 2) опредѣленіе во всѣхъ такихъ случаяхъ типическихъ чертъ должно основываться на среднихъ признакахъ изъ массовыхъ данныхъ и 3) для обезпеченія успѣшной работы при составленіи бюджета необходимо по каждому типу хозяйствъ выбирать толковыхъ и свѣдущихъ хозяевъ или членовъ семей, дающихъ показанія».

Каждое изъ этихъ требованій, само по себѣ, по существу не вызываетъ возраженій. Но эти требованія становятся между собою, фактически, въ едва ли устранимое противорѣчіе: въ виду практической невозможности составлять полные бюджеты иначе, какъ путемъ опроса выдающихся по своимъ умственнымъ способностямъ домохозяевъ, послѣднее изъ трехъ приведенныхъ требованій неизбѣжно будетъ превалировать надъ первымъ; для составленія бюджета будутъ выбираться, прежде всего, *наиболѣе смышленные* и *толковые* домохозяева, и это требованіе ни въ какомъ случаѣ не будетъ принесено въ жертву требованіямъ, изложеннымъ въ двухъ первыхъ изъ вышеприведенныхъ положеній. А разъ это такъ, то у изслѣдователя неизбѣжно явится, быть можетъ даже не сознанная имъ самимъ, тенденція выбирать для составленія бюджетовъ болѣе состоятельныхъ хозяевъ, потому что бóльшая состоятельность, въ среднемъ выводѣ, идетъ параллельно съ бóльшимъ умственнымъ развитіемъ. Уже апріорно, можно поэтому предположить, что выбираемыя для составленія бюджетовъ домохозяйства едва ли будутъ соотвѣтствовать *среднимъ* признакамъ изъ массовыхъ данныхъ.

Нѣкоторое подтвержденіе этого апріорнаго предположенія мы находимъ уже въ работѣ А. В. Пѣшехонова по Козельскому уѣзду[1]). Въ этомъ уѣздѣ было описано по подробной бюджетной программѣ огромное количество—1.313 домохозяйствъ. Чтобы устранить вліяніе субъективнаго усмотрѣнія изслѣдователей, выборъ подлежавшихъ подробному описанію домохозяйствъ производился по механическому признаку (описывался каждый 10-й дворъ и т. п.), что́ «считалось лучшимъ условіемъ, которое могло, при значительномъ числѣ описанныхъ домохозяйствъ, обезпечить типичность ихъ»; только въ тѣхъ случаяхъ, когда со стороны массы населенія встрѣчалось особенно

[1]) «Стат. описаніе Калужской губ., т. I, Козельскій у., вып. I, текстъ. Введеніе, стр. III.

недовѣрчивое отношеніе къ изслѣдователю, приходилось «выбирать желающихъ». «И тѣмъ не менѣе», констатируетъ г. Пѣшехоновъ, «разработка собранныхъ данныхъ показала, что пропорція описанныхъ хозяйствъ по посѣвнымъ группамъ не соотвѣтствуетъ общей пропорціи дворовъ въ уѣздѣ, и что малосѣющихъ хозяйствъ описано было меньше, а многосѣющихъ больше, чѣмъ бы слѣдовало»; обстоятельство это г. Пѣшехоновъ склоненъ объяснять преимущественно необходимостью освобождать отъ опроса, въ виду неотложныхъ хозяйственныхъ работъ, взрослыхъ и способныхъ давать правильные отвѣты представителей малосѣющихъ дворовъ, или просто неявкой ихъ къ опросу. Еще сильнѣе, конечно, должно было вліять разсматриваемое обстоятельство въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выборъ домохозяйствъ для монографическаго изслѣдованія представлялся усмотрѣнію изслѣдователя, какъ это имѣло мѣсто, напримѣръ, у самаго Ф. А. Щербины. И дѣйствительно: «въ составъ 230 индивидуальныхъ бюджетовъ, составленныхъ по Воронежской губерніи, вошло,» какъ констатируетъ г. Щербина, «очень значительное количество хозяйствъ богатыхъ и состоятельныхъ, замѣтно повысившихъ размѣры имущества и повліявшихъ на особенности въ распредѣленіи его составныхъ частей». Въ другой своей работѣ[1]) г. Щербина столь же опредѣленно констатируетъ, что «выборъ средняго типическаго хозяйства, несмотря на самое тщательное опредѣленіе среднихъ признаковъ, всегда почти давалъ въ результатѣ *не средній для данной мѣстности бюджетъ, а нѣсколько выше средняго*» (курсивъ мой. А. К.),— а вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ и объясненіе этого несовпаденія, вполнѣ подтверждающее высказанныя нами выше соображенія: «дѣло въ томъ», говоритъ онъ, «что при составленіи бюджета выбираются обыкновенно наиболѣе разумные, бойкіе и смышленные хозяева, хорошо ведущіе хозяйство и понимающіе весь механизмъ хозяйственныхъ оборотовъ».

Въ сказанномъ, казалось бы, нѣтъ еще большой бѣды. Пусть средній выводъ изъ бюджетныхъ данныхъ будетъ нѣсколько выше средняго изъ данныхъ сплошной подворной описи,—это, можетъ быть, вовсе еще не мѣшаетъ пользоваться бюджетными данными, распредѣливъ послѣднія по соотвѣтственнымъ группамъ домохозяйствъ. Если среднія цифры, полученныя для всѣхъ монографически-описанныхъ дворовъ, не будутъ совпадать съ средними цифрами по даннымъ массовой подворной описи, то, можетъ быть, тѣ выводы, которые мы получимъ по бюджетамъ домохозяйствъ, засѣвающихъ, положимъ, отъ трехъ до пяти десятинъ и имѣющихъ, скажемъ, въ среднемъ по одному работ-

[1]) «Вліяніе урожаевъ и хлѣбн. цѣнъ и т. д.» (изд. м-ва фин. подъ ред. Чупрова и Посникова), т. II, стр. 29.

нику и по одной лошади на дворъ, будутъ типичными для всѣхъ однорабочихъ и однолошадныхъ дворовъ съ посѣвною площадью отъ трехъ до пяти десятинъ,—бюджеты трехлошадныхъ домохозяйствъ съ посѣвною площадью въ 10—12 десятинъ позволятъ судить объ имуществѣ, доходахъ и расходахъ всей той группы переписаннаго подворнаго населенія, которая характеризуется тѣми же средними признаками и т. п.? Это, очевидно, и имѣетъ въ виду г. Щербина, когда говоритъ о «типичности монографически описанныхъ домохозяйствъ для той или другой группы семействъ, характеризующихся различными экономическими признаками», и когда требуетъ опредѣленія «типическихъ чертъ по среднимъ признакамъ изъ массовыхъ данныхъ».

И однако, это не такъ. Однорабочій, трехлошадный, многосѣющій дворъ—все это признаки, получающіе опредѣленное значеніе лишь *какъ средніе выводы изъ массоваго статистическаго матеріала*,—но утрачивающіе такое значеніе, если разсматривать отдѣльныя хозяйственныя единицы или среднія цифры по небольшому числу монографически описанныхъ домохозяйствъ. Приводя это соображеніе въ засѣданіи подсекціи статистики, я не имѣлъ времени справиться съ литературой вопроса. Но затѣмъ я нашелъ неожиданное для меня подтвержденіе этой мысли въ цитированной уже работѣ самаго Ф. А. Щербины. «Если бы даже и было опредѣлено», говоритъ уважаемый статистикъ[1]), «на основаніи массовыхъ признаковъ, среднее типическое хозяйство, то на дѣлѣ, въ конкретныхъ случаяхъ, могутъ оказаться отклоненія цифръ въ ту или другую сторону. Положимъ», развиваетъ г. Щербина эту мысль, «среднему типу хозяйства будутъ соотвѣтствовать 6 душъ семьи, 2 работника, 2 рабочія лошади, 9,5 десятинъ надѣльной земли и 6 десятинъ посѣва; но въ одномъ хозяйствѣ годичные результаты двухъ работниковъ могутъ выразиться въ 300 руб., а въ другомъ только въ 150 руб., въ одномъ хозяйствѣ двѣ лошади будутъ стоить 140 руб., а въ другомъ только 40 руб., и соотвѣтственно этому мѣняются и выгоды, извлекаемыя изъ работы лошадей. Такія рѣзкія колебанія могутъ быть во всемъ—и въ составѣ семьи, и въ качествахъ земли, и въ размѣрахъ урожайности и проч., и само собою понятно, что эти колебанія единичныхъ бюджетовъ могли бы быть устранены только при условіи суммированія ихъ и опредѣленія среднихъ величинъ, на основаніи достаточнаго количества такихъ суммированныхъ данныхъ». «Достаточнымъ количествомъ» г. Щербина признаетъ, правда, тѣ 126 бюджетовъ, которые къ 1896 году были составлены по Воронежской губерніи, а тѣмъ болѣе—тѣ 230 бюджетовъ, которые составлены по той же губерніи къ настоящему времени и раз-

[1]) «Вліяніе урожаевъ», т. II, стр 29.

работаны въ книгѣ «Крестьянскіе бюджеты». Но здѣсь едва ли можно согласиться съ уважаемымъ статистикомъ. *Даже въ среднихъ выводахъ* данныя по всѣмъ 230 домохозяйствамъ едва ли могутъ быть въ достаточной мѣрѣ свободны отъ вліянія случайныхъ причинъ, такъ какъ такое незначительное число наблюденій не даетъ достаточнаго простора дѣйствію закона большихъ чиселъ. Но по вышеуказаннымъ соображеніямъ важное значеніе могутъ имѣть не столько *общія* для всѣхъ изслѣдованныхъ монографически домохозяйствъ среднія величины, сколько *частныя* среднія для отдѣльныхъ типовъ домохозяйствъ,—а вѣдь для каждаго изъ этихъ типовъ среднія выводятся по даннымъ уже не для 230, а всего лишь для нѣсколькихъ десятковъ домохозяйствъ.

Но этого мало: данныя монографическихъ бюджетовъ не только относятся къ слишкомъ незначительному числу случаевъ, но сами эти случаи оказываются, какъ мы уже знаемъ, *искусственно-подобранными* по признаку выдающейся толковости, интеллигентности опрашивавшихся домохозяевъ. Монографически изслѣдовались «наиболѣе разумные, бойкіе и смышленые хозяева»; но эти хозяева суть вмѣстѣ съ тѣмъ—по крайней мѣрѣ въ общемъ правилѣ—хозяева, «хорошо ведущіе хозяйство»,—такіе хозяева, у которыхъ и рабочая сила, и живой инвентарь, и земля, и посѣвная площадь используются полнѣе, нежели у другихъ домохозяевъ, составляющихъ массу населенія. «Умственные» крестьяне», говоритъ г. Щербина[1]), «въ силу своего превосходства и сами работаютъ производительнѣе другихъ, и лошадей содержатъ поцѣннѣе, чѣмъ болѣе неудачные ихъ однообщественники, и зерна получаютъ больше съ одной и той же площади земли, и вообще съ хозяйствомъ справляются такъ, что въ однихъ случаяхъ умѣлое сокращеніе расходовъ, а въ другихъ своевременное извлеченіе приходовъ ставитъ ихъ въ болѣе благопріятные условія, чѣмъ другихъ представителей того же средняго типа хозяйствъ». А если это такъ, то ясно, что дворы съ извѣстнымъ рабочимъ составомъ, съ извѣстнымъ инвентаремъ и извѣстною посѣвною площадью, подвергнутые монографическому изслѣдованію, вовсе не будутъ типическими *для всей массы* подворно переписанныхъ домохозяйствъ, подходящихъ подъ тѣ же средніе количественные признаки. Чтобы быть въ состояніи обобщать тѣ выводы, къ которымъ насъ приводятъ бюджетныя данныя, мы должны были бы имѣть возможность ввести, при тождественныхъ среднихъ количественныхъ признакахъ, *поправку на вліяніе большей смышлености и дѣловитости монографически изслѣдованныхъ домохозяйствъ*. Но мы совершенно не знаемъ и едва ли можемъ надѣяться когда-либо количественно опредѣлить, *какъ велика* должна быть эта поправка,—и должны поэтому ограничиться констатированіемъ

того факта, который совершенно правильно формулируется въ нижеслѣдующихъ словахъ Ф. А. Щербины: «если бы въ печати было достаточное количество конкретныхъ бюджетовъ, и бюджеты эти отличались надлежащею полнотою и достоинствами, то примѣненіе ихъ къ обширнымъ мѣстностямъ могло бы повести, во всякомъ случаѣ, къ ошибочному повышенію среднихъ потребностей населенія и среднихъ средствъ по удовлетворенію ихъ»[1]).

Обратимся теперь къ самому содержанію бюджетныхъ программъ Ф. А. Щербины и его послѣдователей.

Мнѣ едва ли есть надобность излагать здѣсь содержаніе этихъ программъ—я въ правѣ предполагать, что читатель, который заинтересуется моею статьею, достаточно знакомъ и съ программами, и съ бюджетными работами воронежскаго типа. Мнѣ достаточно отмѣтить здѣсь одну характерную черту бюджетныхъ программъ Ф. А. Щербины—ихъ чрезвычайную детальность, проистекающую изъ основного—по убѣжденію г. Щербины—пріема правильно поставленныхъ статистическихъ работъ—«расчлененія сложныхъ явленій на простѣйшія», или, какъ г. Щербина выражается въ другомъ мѣстѣ, изъ необходимости «дробить отдѣльныя явленія на возможно большее число составныхъ элементовъ»,—детальность, требующую, напримѣръ, учета и оцѣнки имущества включительно до кокошниковъ, кичекъ, лаптей, заслонокъ, рюмокъ, шаекъ и т. п., и такого же входящаго въ мельчайшія подробности натуральнаго и денежнаго учета приходовъ и расходовъ.

Во время обсужденія доклада г. Щербины на съѣздѣ статистиковъ нѣкоторые крайніе сторонники бюджетныхъ изслѣдованій,—назову, напримѣръ, г. Троицкаго,—пытались доказать, что составленіе подобнаго рода полныхъ бюджетовъ не сопряжено ни съ какими особенными практическими затрудненіями. Но такіе послѣдователи г. Щербины оказались болѣе католиками, нежели самъ папа, и ихъ заявленія относительно легкости и простоты составленія бюджетовъ встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны какъ самого творца бюджетнаго типа изслѣдованій, такъ и бывшихъ его сотрудниковъ по статистической работѣ гг. Шапошникова и Комаринца. Не входя поэтому въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, мнѣ достаточно сослаться здѣсь на отзывы самого Ф. А. Щербины. «Бюджетныя работы», говоритъ онъ въ «Сводномъ сборникѣ» по Воронежской губерніи»[2]), «выполнявшіяся по полнымъ программамъ, оказались крайне кропотливыми, требовавшими сильнаго напряженія и большой сообразительности какъ отъ регистраторовъ,

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Св. сб., стр. 81.

такъ и отъ лицъ, дававшихъ показанія. Масса труда затрачивалась, главнымъ образомъ, на то, чтобы уловить мельчайшія проявленія натуральной доходности и потребленія». «Сложный характеръ работъ», горовитъ г. Щербина въ другой своей работѣ, «имѣлъ тѣ невыгоды, что сильно утомлялъ и статистика, и лицъ, дававшихъ показанія. Первое время, пока дѣло шло въ области статики крестьянскаго хозяйства, работы, понятно, велись быстро и успѣшно. Крестьянинъ охотно давалъ показанія относительно своего наличнаго имущества и только иногда морщился или явно выражалъ неудовольствіе, когда регистрація касалась какихъ-либо мелочей, особенно «бабьихъ», въ родѣ горшковъ, корчажекъ, ложекъ и т. п. Но по мѣрѣ того, какъ статистикъ переходилъ изъ области статическихъ явленій въ область явленій динамическихъ, работы начинали замедляться: приходилось выяснить и сопоставлять разнаго рода мелочи, ставить контрольные и наводящіе вопросы, дѣлать сличенія и повѣрку, считать и выяснять значеніе тѣхъ или другихъ цифръ, вообще выяснять и самому статистику отдѣльныя звенья въ годичномъ приходо-расходномъ оборотѣ, и уяснять, «растолковывать» все это опрашиваемому лицу». Въ результатѣ получалось замедленіе работъ и, какъ неизбѣжное слѣдствіе, утомленіе. «И статистики, и крестьяне», признается г. Щербина, «одинаково тяготились этою стороною дѣла»,—обстоятельство, имѣющее, очевидно, не послѣднее значеніе, потому что только при активномъ интересѣ населенія къ дѣлу и живомъ его сочувствіи можно было бы разсчитывать на успѣшный исходъ столь кропотливой и тонкой статистической операціи, какъ составленіе подробнаго бюджета.

Однако, г. Щербина отнюдь не склоненъ придавать этимъ трудностямъ рѣшающаго значенія. «Несмотря на всѣ эти трудности бюджетныхъ изслѣдованій», говоритъ онъ. полученные результаты въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказались совершенно удовлетворительными. Собранные матеріалы разнообразны, цѣнны и въ высшей степени характерны».

Могутъ ли, однако, бюджетные учеты претендовать на ту исчерпывающую полноту и точность, которой стремится достигнуть г. Щербина?

О *безусловной полнотѣ* бюджетовъ, несомнѣнно, не можетъ быть и рѣчи. Указанія на неизбѣжность просчетовъ мы находимъ хотя бы у такого авторитетнаго статистика, какъ г. Пѣшехоновъ[1]). Указавъ на то, что довольно большая часть статей въ его подробныхъ бюджетахъ учтена не непосредственною регистраціей, а по извѣстнымъ нормамъ, г. Пѣшехоновъ замѣчаетъ, затѣмъ, что «просчетъ могъ быть и въ тѣхъ приходо-рас-

[1]) Козельск. у., стр. 690—691, прим.

ходахъ, которые выведены по даннымъ непосредственной регистраціи. Такъ, гостинцы, приносимые и присылаемые промышленниками, учтены не всѣ, и доходы отъ промысловъ, поэтому, ниже дѣйствительности... Свести балансъ по денежнымъ приходо-расходамъ даже для отдѣльныхъ домохозяйствъ далеко не всегда удавалось при самомъ ихъ опросѣ»,—отчасти благодаря неустранимому стремленію крестьянъ преуменьшать свои доходы и преувеличивать расходы; но даже и независимо отъ этого частнаго, до извѣстной, по крайней мѣрѣ, степени устранимаго обстоятельства, «вполнѣ точнаго учета, при данныхъ культурныхъ условіяхъ, при отсутствіи записей у населенія и необходимости регистрировать всѣ явленія по памяти опрашиваемыхъ, достигнуть немыслимо».

Конечно, дѣло тутъ не только въ некультурности и отсутствіи у крестьянъ привычки вести хозяйственныя записи. Заполненіе по памяти сложной бюджетной программы воронежскаго типа не подъ силу даже вполнѣ интеллигентному и привыкшему упражнять свою память человѣку. Мало того: для выполненія этой программы едва ли были бы достаточны даже текущія хозяйственныя записи, какъ онѣ обыкновенно ведутся у заурядныхъ обывателей,—для этого необходимо было бы вести текущія записи по схемѣ, спеціально приноровленной къ рубрикамъ бюджетной программы. Лично за себя, по крайней мѣрѣ, я готовъ положительно сказать, что въ данный моментъ я былъ бы рѣшительно не въ состояніи произвести ни учета и оцѣнки своего «бюджетнаго имущества», ни тѣмъ болѣе—учета своихъ расходовъ съ тою детальностью, какъ это требуется воронежскими программами. И я склоненъ придавать немаловажное значеніе сдѣланному на съѣздѣ сообщенію Ф. Ф. Ольденбурга объ опытѣ опредѣленія собственнаго бюджета, сдѣланномъ въ Тверской губерніи кружкомъ народныхъ учителей и учительницъ,—опытѣ, не увѣнчавшемся успѣхомъ, несмотря на всѣ старанія участниковъ кружка.

Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что при изслѣдованіяхъ крестьянскаго или киргизскаго хозяйства низкій культурный уровень и отсутствіе текущихъ записей еще значительно увеличивали трудности составленія полнаго бюджета. Едва ли справедливо также и высказывавшееся нѣкоторыми изъ апологетовъ бюджетныхъ изслѣдованій мнѣніе, будто составленіе бюджетовъ у крестьянъ облегчается сравнительною несложностью ихъ хозяйства. Если разсматривать дѣло съ *количественной* стороны, то хозяйство крестьянина или киргиза, конечно, проще, нежели хозяйство представителя высшихъ общественныхъ классовъ—ихъ имущество и ихъ приходо-расходъ слагаются изъ меньшаго числа статей. Но *качественно* полный учетъ крестьянскаго хозяйства и бюджета, напротивъ, гораздо сложнѣе.

Представитель высшихъ классовъ получаетъ свой доходъ въ видѣ опредѣленныхъ, по большей части крупныхъ денежныхъ поступленій, а его имущество и потребленіе слагаются исключительно изъ купленныхъ на деньги продуктовъ; все это, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ быть подвергнуто полному и точному учету и оцѣнкѣ. Напротивъ, у крестьянина или киргиза хозяйство, въ той или другой мѣрѣ, натуральное; въ ихъ имуществѣ масса составныхъ частей, изготовленныхъ у себя дома, собственнымъ трудомъ, и вовсе не имѣющихъ денежной оцѣнки,— а многіе изъ продуктовъ, производимыхъ и потребляемыхъ въ собственномъ хозяйствѣ, трудно поддаются даже простому количественному учету.

Въ собственныхъ работахъ г. Щербины мы находимъ не мало данныхъ для рѣшенія вопроса о степени полноты и достовѣрности собираемаго при такихъ условіяхъ бюджетнаго матеріала. Въ «Сводномъ сборникѣ» по Воронежской губерніи[1]) г. Щербина даетъ намъ подробный анализъ тѣхъ данныхъ бюджетнаго характера, которыя собирались въ Воронежской губерніи при подворныхъ описяхъ. Общіе выводы совершенно благопріятны, и въ частности—подворная регистрація денежныхъ расходовъ признается «дѣломъ совершенно возможнымъ и практически осуществимымъ»[2]).. Но въ то же время добросовѣстный анализъ показываетъ, что даже учетъ такой сравнительно простой вещи, какъ денежный приходъ и денежный расходъ, не свободенъ отъ существенныхъ пробѣловъ. Такъ, въ расходной части бюджета, по признанію г. Щербины, обыкновенно ускользаютъ отъ переписи «чисто женскіе расходы на женскую одежду и украшенія», покрываемые обычно изъ спеціально-женскихъ заработковъ или продажи продуктовъ, состоящихъ въ распоряженіи женщинъ,—а затѣмъ «даже и при добромъ желаніи крестьянъ не всегда можетъ быть установлена точная цифра расходовъ на водку», въ приходной же части «совершенно ускользаютъ тѣ приходы, которые идутъ въ исключительное пользованіе женскаго персонала[3]).

Мнѣ думается, что сказанными пунктами далеко не исчерпываются пробѣлы и неточности, которые неизбѣжно вкрадываются даже въ такое сравнительно простое дѣло, какъ учетъ денежной части крестьянскаго бюджета; я очень сомнѣваюсь именно въ возможности *полнаго* учета такихъ рубрикъ расходнаго бюджета, какъ расходы «на покупку другой пищи» и особенно «на мелкія хозяйственныя нужды», или такихъ статей прихода, какъ «выручка за птицу, овощи и разные мелкіе пред-

---

[1]) §§ 25—32.
[2]) Стр. 101.
[3]) Стр. 91, 96—97, 107.

меты хозяйства»,—и мои сомнѣнія находятъ себѣ не мало подтвержденій въ разъясненіяхъ самого Ф. А. Щербины относительно пріемовъ полученія соотвѣтствующихъ цифръ. Я не буду, однако, останавливаться на этихъ частностяхъ, а перейду непосредственно къ вопросу объ учетѣ бюджетнаго имущества и натуральныхъ частей приходо-расходнаго бюджета.

Теоретическій принципъ, на которомъ зиждутся бюджетныя изслѣдованія воронежскаго типа, сводится, какъ мы знаемъ, къ дробленію отдѣльныхъ явленій на возможно бо̀льшее число составныхъ элементовъ. Но рядомъ съ этимъ г. Щербина ставитъ еще и другой, безусловно правильный принципъ—именно необходимость «придерживаться конкретныхъ, дѣйствительно происходившихъ явленій, а не приблизительныхъ или среднихъ величинъ». Уже à priori ясно, что удовлетворить этому требованію, при условіяхъ натуральнаго или полунатуральнаго хозяйства, нѣтъ никакой возможности. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, учетъ бюджетнаго имущества. Составить подробную и *полную опись* этого имущества—задача трудная, но по существу, конечно, исполнимая. Но *денежная оцѣнка* его совершенно невозможна безъ «приблизительныхъ и среднихъ величинъ», другими словами, безъ болѣе или менѣе произвольныхъ допущеній и фикцій. Если даже взять тѣ составныя части крестьянскаго имущества, которыя куплены на деньги или имѣютъ опредѣленную рыночную цѣнность,—такъ и то дѣйствительная стоимость ихъ въ данный моментъ можетъ быть опредѣлена лишь по соображенію съ уже прослуженнымъ временемъ и съ вѣроятнымъ общимъ срокомъ службы каждой данной вещи,—коэффиціенты, которые, въ видѣ общаго правила, могутъ быть установлены лишь болѣе или менѣе гадательно и произвольно. Но затѣмъ въ составъ крестьянскаго имущества входитъ не мало такихъ предметовъ, которые были изготовлены, цѣликомъ или въ значительной мѣрѣ, собственнымъ трудомъ, и на которые въ данной мѣстности, часто, вовсе не существуетъ рыночной цѣны; стоимость всѣхъ такихъ предметовъ можетъ быть исчислена лишь путемъ комбинаціи ряда величинъ, каждая изъ которыхъ является болѣе или менѣе произвольною и гадательною. Еще больше такихъ произвольныхъ и гадательныхъ величинъ неизбѣжно окажется при учетѣ натуральнаго прихода и расхода. Количество такихъ производимыхъ и потребляемыхъ въ хозяйствѣ продуктовъ, какъ хлѣбъ, сѣно, продукты убоя скота, еще извѣстно крестьянину, хотя и не съ полною точностью, но съ достаточнымъ приближеніемъ. Но количества потребляемыхъ въ хозяйствѣ молочныхъ продуктовъ или скармливаемыхъ скоту побочныхъ продуктовъ земледѣлія крестьянинъ не учитываетъ вовсе, и это количество можетъ быть опредѣлено лишь на основаніи разныхъ аналогій, приближеній и допущеній,—и такими же допущеніями и при-

ближеніями придется пользоваться, чтобы опредѣлить денежную стоимость тѣхъ изъ этихъ продуктовъ, которые въ данной мѣстности не поступаютъ на рынокъ.

Такимъ образомъ, для составленія полнаго крестьянскаго бюджета приходится зарегистрировать, между прочимъ, массу такихъ мелочей каждодневнаго потребленія, которыхъ нѣтъ физической возможности помнить; приходится учитывать такіе продукты натуральнаго хозяйства, которыхъ нѣтъ способа положительно учесть, а тѣмъ болѣе—оцѣнить по существующимъ въ данной мѣстности рыночнымъ цѣнамъ; при учетѣ имущества приходится вводить такую крайне шаткую вещь, какъ уцѣнка по расчету на срокъ службы каждаго даннаго предмета,—словомъ, въ составленномъ по воронежской программѣ полномъ бюджетѣ положительныя данныя оказываются безнадежно переплетенными съ массою опредѣляемыхъ, въ бо̀льшей или меньшей мѣрѣ, по субъективнымъ соображеніямъ и догадкамъ самого изслѣдователя «примѣрныхъ цифръ и среднихъ величинъ», которыя лишаютъ насъ возможности придавать получаемымъ изъ бюджетныхъ данныхъ выводамъ серьезное количественное значеніе.

Г. Щербина лично придаетъ конкретности бюджетнаго матеріала очень серьезное значеніе, и, напр., бюджетнымъ изслѣдованіямъ г. Пѣшехонова по Козельскому уѣзду онъ ставитъ въ серьезный упрекъ то обстоятельство, что «калужскіе статистики при разработкѣ собранныхъ матеріаловъ включили въ счета, на ряду съ дѣйствительными натуральными и денежными приходами и расходами, довольно многія, выражаясь ихъ языкомъ, условныя величины и фикціи». Такими условными величинами, дѣйствительно, изобилуетъ образцовая во многихъ другихъ отношеніяхъ работа г. Пѣшехонова по Козельскому уѣзду. Но свободны ли отъ нихъ собственныя работы г. Щербины, и можетъ ли быть вообще свободенъ отъ нихъ тотъ полный учетъ крестьянскаго бюджета, который имѣютъ въ виду воронежскія программы? Изложенныя только что соображенія даютъ, мнѣ кажется, достаточно опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Для того, кому эти соображенія показались бы недостаточно убѣдительными, мы позволимъ себѣ еще привести нижеслѣдующую довольно длинную выписку изъ составленнаго Ф. А. Щербиной сборника по Кокчетавскому уѣзду[1]). Въ общемъ, благодаря неразвитости экономическихъ формъ и отсутствію разнообразія въ этомъ отношеніи, составленіе бюджетовъ для киргизъ «не сопровождалось, по мнѣнію г. Щербины, особыми затрудненіями по той простой причинѣ, что пришлось имѣть

[1]) «Мат. по изсл. киргиз. землепольз. и хоз.», т. I, Кокчет. у., стр. 37—38.

дѣло съ очень ограниченнымъ кругомъ явленій въ каждомъ частномъ случаѣ...: разъ меньше подлежало учету явленій, меньше требовалось записей и меньше было затрудненій при оформленіи ихъ». Тѣмъ не менѣе—признаетъ г. Щербина—совершенно избѣжать затрудненій въ этомъ отношеніи никакъ нельзя было. Они встрѣтились именно при оформленіи явленій. «Прежде всего, у киргизовъ нѣтъ надлежащихъ объемныхъ мѣръ. Переводъ вѣса на русскіе пуды и фунты, емкости—на русскіе ведра и штофы, сыпучихъ мѣръ—на мѣры и гарнцы и т. п. возможенъ былъ въ предѣлахъ довольно растяжимыхъ понятій на этотъ счетъ. Въ такихъ случаяхъ нельзя было всецѣло положиться на одни показанія киргиза, но требовалось или осмотрѣть киргизское ведро и кружку, или поставить рядъ побочныхъ контрольныхъ вопросовъ». Затрудненія встрѣчались затѣмъ и при денежной оцѣнкѣ: «во многихъ мѣстахъ киргизы не продавали и не покупали нѣкоторыхъ продуктовъ и предметовъ своего хозяйства. Такъ, киргизы часто *отказывались оцѣнить въ деньгахъ* (курсивы мои, *А. К.*) кумысъ или молоко, потребленное семьей, потому что ни тотъ, ни другое, не имѣли продажной цѣны въ данной мѣстности. Тогда приходилось справляться съ цѣнами на кумысъ, существующими на тѣхъ ярмаркахъ, которыя посѣщаются киргизами, и руководствоваться при этомъ разными другими соображеніями, напр., *стоимость коровьяго молока опредѣлять по тому количеству масла, какое можно было приготовить изъ него*, и т. п. Благодаря все тому же натуральному строю киргизскаго хозяйства, трудно было выразить мѣновыя явленія, осложненныя счетами на деньги и на предметы натурой, вознагражденіе за трудъ и услуги при такомъ же смѣшанномъ денежно-натуральномъ характерѣ, и вообще привести натуральные приходы и расходы на ряду съ денежными или при полномъ отсутствіи нѣкоторыхъ изъ нихъ». Разрѣшеніе всѣхъ этихъ затрудненій, по убѣжденію г. Щербины, «не лежало въ предѣлахъ невозможнаго». Но выводы, которые получены при помощи подобнаго рода гипотетическихъ пріемовъ,—выводы, полученные путемъ количественнаго учета и денежной оцѣнки явленій такого хозяйственнаго строя, въ которомъ фактически совершенно отсутствуютъ и денежная оцѣнка, и количественный учетъ,—такіе выводы едва ли могутъ быть признаны за *конкретный, фактическій* матеріалъ; они являются такими же точно «условными величинами и фикціями», какими г. Щербина основательно ставитъ въ вину калужскимъ статистикамъ.

Допустимъ, однако, на минуту, что подробная бюджетная программа, дѣйствительно, способна дать не «условныя величины и фикціи», а достаточно полный и конкретный учетъ и оцѣнку имущества и приходо-расходнаго бюджета. Я позволяю

себѣ думать, что даже и въ этомъ случаѣ составленіе подробныхъ бюджетовъ воронежскаго типа не имѣло бы того значенія, какое приписываютъ этому пріему г. Щербина и его послѣдователи. Учитываемыя въ подробномъ бюджетѣ мелочи имѣютъ слишкомъ индивидуальный, субъективный характеръ, чтобы допускать возможность обобщенія. Такъ, и составъ бюджетнаго имущества, и распредѣленіе его по статьямъ зависятъ, прежде всего, отъ такихъ обстоятельствъ, какъ бо̀льшая или меньшая разсчетливость, можетъ быть, переходящая въ скупость или расточительность, даннаго хозяина. Не малое вліяніе имѣетъ затѣмъ личный вкусъ домохозяина и членовъ его семьи: въ одной семьѣ будутъ тратить деньги преимущественно на улучшеніе, а, можетъ быть, и украшеніе жилища, въ другой—на хозяйственный инвентарь, въ третьей склонность къ нарядамъ обусловитъ бо̀льшую цѣнность одежды, въ четвертой существенною составною частью имущества явятся, быть можетъ, книги. Отъ индивидуальныхъ свойствъ хозяина или хозяйки будетъ въ значительной мѣрѣ зависѣть размѣръ оцѣнки предметовъ бюджетнаго имущества: при бережномъ къ ней отношеніи одежда прослужитъ, можетъ быть, вдвое дольше, нежели при небрежномъ,—при аккуратномъ содержаніи и своевременномъ ремонтѣ значительно удлиннится срокъ службы построекъ и соотвѣтственно сократится размѣръ уцѣнки, соотвѣтствующей сроку уже выполненной вещами службы. Отъ индивидуальныхъ вкусовъ и склонностей будетъ затѣмъ зависѣть какъ общій размѣръ, такъ и распредѣленіе по статьямъ годичнаго прихода и расхода: у однихъ, склонныхъ наряжаться, относительно велики будутъ расходы на одежду, у другихъ, любящихъ хорошо поѣсть, ненормально разростется расходъ на пищу, наличность въ семьѣ одного или нѣсколькихъ пьяницъ или просто гостепріимный нравъ хозяина приведетъ къ увеличенію расхода на вино, а общій размѣръ расходнаго бюджета, такъ же, какъ и размѣръ хозяйственнаго имущества, будетъ зависѣть и отъ болѣе или менѣе бережливаго отношенія членовъ данной семьи къ деньгамъ, и отъ ихъ умѣнья экономно расходовать предметы потребленія. Словомъ, *личное имущество и личное потребленіе слишкомъ зависятъ отъ индивидуальныхъ особенностей каждой хозяйствующей и потребляющей единицы*, и это вѣрно въ особенности по отношенію къ тѣмъ безчисленнымъ мелочамъ, которыя выходятъ за предѣлы физіологической необходимости,—хотя не утрачиваетъ своего значенія и по отношенію къ такимъ безусловно необходимымъ предметамъ потребленія, какъ хлѣбъ, топливо или теплая одежда.

Имущество и потребленіе каждаго двора опредѣляется, такимъ образомъ, безконечнымъ множествомъ чисто индивидуальныхъ обстоятельствъ, не позволяющихъ обобщать данныхъ

конкретнаго бюджета даже на ближайшихъ сосѣдей, живущихъ, казалось бы, въ совершенно тождественныхъ объективныхъ условіяхъ съ описаннымъ дворомъ. Вліяніе этихъ случайныхъ— съ точки зрѣнія задачъ статистико-экономическаго изслѣдованія—обстоятельствъ могло бы устраниться лишь при подсчетѣ данныхъ *весьма большого количества* бюджетовъ, а никакъ не при суммированіи тѣхъ очень немногочисленныхъ, какъ въ общемъ итогѣ, такъ въ особенности при разбивкѣ по группамъ, случаевъ, какіе удается подвергнуть подробному бюджетному изслѣдованію. «Чѣмъ менѣе сумма и энергія постоянно дѣйствующихъ причинъ,—говоритъ Янсонъ[1]),—или чѣмъ, другими словами, явленіе индивидуальнѣе, тѣмъ больше должна быть наблюдаемая масса или число наблюденій»; только «при бо́льшей энергіи дѣйствія постоянныхъ причинъ есть возможность достигнуть одинаковой точности при меньшемъ числѣ наблюденій»,— только въ *этомъ* случаѣ «является возможность до извѣстной степени восполнить недостаточное количество наблюденій выборомъ объектовъ или случаевъ наиболѣе типическихъ». Получается такая дилемма: при детализаціи вопросовъ бюджетной программы и при стремленіи къ абсолютной полнотѣ бюджета, открывается просторъ вліянію случайныхъ обстоятельствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается ихъ значеніе, слѣдовательно, нужно было бы, для обезпеченія типичности получаемыхъ среднихъ, составлять весьма большое число подробныхъ бюджетовъ. А между тѣмъ, именно чрезмѣрная подробность бюджетовъ ставитъ увеличенію числа ихъ трудно одолимыя препятствія, вытекающія, съ одной стороны, изъ массы труда, потребнаго для составленія каждаго бюджета, а съ другой—изъ необходимости особенно тщательнаго отбора пригодныхъ для бюджетнаго опроса домохозяевъ.

Резюмируя все сказанное до сихъ поръ, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: во-первыхъ, необходимость имѣть дѣло, при составленіи полныхъ бюджетовъ воронежскаго типа, исключительно съ выдающимися въ умственномъ отношеніи домохозяевами приводитъ къ тому, что для составленія бюджетовъ выбираются, въ видѣ правила, болѣе состоятельныя хозяйства; во-вторыхъ, вліяніе бо́льшей интеллигентности домохозяевъ, избираемыхъ для составленія бюджетовъ, на весь складъ и на результаты хозяйства не позволяетъ обобщить выводы изъ бюджетныхъ данныхъ на массовыя группы, соотвѣтствующія, по среднимъ количественнымъ признакамъ, группамъ монографически описанныхъ по бюджетной программѣ домохозяйствъ; такое обобщеніе было бы возможно лишь при введеніи нѣкоторой поправки, для опредѣленія которой не имѣется, однако, никакихъ данныхъ; въ-третьихъ, крайняя детальность

[1]) «Теорія статистики», 2 изд., стр. 51.

бюджетныхъ программъ, а главное—требованіе количественнаго учета и денежной оцѣнки такихъ хозяйственныхъ факторовъ, которые при данномъ строѣ хозяйства не поддаются ни оцѣнкѣ, ни даже учету, обусловливаетъ неизбѣжность пробѣловъ и просчетовъ и, что особенно важно, введенія въ бюджеты массы условныхъ коэффиціентовъ и фикцій, отражающихъ личный взглядъ изслѣдователя и отнимающихъ у бюджетнаго матеріала его конкретный и реальный характеръ; и, наконецъ, въ-четвертыхъ, даже при идеальной полнотѣ и точности бюджетнаго учета, бюджетныя данныя поддавались бы обобщенію лишь при неосуществимо большомъ числѣ подвергнутыхъ бюджетному наблюденію случаевъ; при небольшомъ числѣ наблюденій данныя объ имуществѣ и потребленіи въ слишкомъ большой мѣрѣ зависятъ отъ случайныхъ, со статистико-экономической точки зрѣнія, обстоятельствъ, маскирующихъ дѣйствіе основныхъ экономическихъ причинъ.

Ниже мнѣ придется возвратиться къ вопросу о роли, какую, по моему мнѣнію, могутъ играть монографическія бюджетныя изслѣдованія. Здѣсь мнѣ достаточно сказать, какъ выводъ изъ всего изложеннаго, что бюджетныя изслѣдованія, по моему убѣжденію, не способны давать такого статистическаго матеріала, который позволялъ бы дѣлать сколько-нибудь точные количественные выводы относительно массовыхъ соціальныхъ явленій.

Весьма важно теперь выяснить вопросъ, въ какой мѣрѣ характерное для воронежскихъ бюджетныхъ изслѣдованій стремленіе къ безусловной полнотѣ и точности бюджетовъ, связанной съ крайней ихъ детализаціею, съ одной стороны оправдывается конечными цѣлями, ради которыхъ ведутся бюджетныя изслѣдованія, а съ другой—вытекаетъ изъ требованій статистической теоріи.

Чтобы придти къ отвѣту на первый изъ поставленныхъ вопросовъ, необходимо обратиться къ статистической практикѣ,—именно возстановить въ нашей памяти хотя бы нѣкоторыя изъ попытокъ полученія по бюджетнымъ даннымъ научно-практическихъ выводовъ.

Въ своей статьѣ «Крестьянскіе бюджеты», помѣщенной въ изданіи «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ и т. д.», Ф. А. Щербина исчисляетъ, прежде всего, размѣръ потребности въ хлѣбѣ на пищу. Здѣсь онъ исходитъ даже вовсе не изъ бюджетныхъ данныхъ, а изъ 18-пудовой нормы, установленной г. Марессомъ по физіологическимъ даннымъ (при чемъ не мѣшаетъ замѣтить, что у г. Маресса цифра въ 18 пудовъ получилась благодаря сдѣланной по разнымъ соображеніямъ скидкѣ въ два слишкомъ пуда съ первоначально вычисленной цифры 20,7 пуда[1]),—при чемъ отмѣчаетъ только, что выводъ г. Маресса со-

[1]) Вл. урож. и хл. цѣнъ, т. I, стр. 16.

гласованъ съ данными бюджетовъ и вообще съ указаніями существующей хозяйственной практики. При опредѣленіи расхода хлѣба на прокормленіе скота г. Щербина исходитъ, дѣйствительно, изъ бюджетныхъ данныхъ—именно изъ данныхъ о денежной стоимости содержанія одной головы скота,—при чемъ, «повышая общіе расходы на скотъ по южнымъ мѣстностямъ (по бюджетнымъ даннымъ отъ 12 до 16 руб.) и понижая по сѣвернымъ (23 руб.)», останавливается на общей нормѣ стоимости годичнаго содержанія головы скота въ 17 рублей. Однако, изъ этой общей цифры надо выдѣлить расходъ собственно на хлѣбные продукты отъ расхода на другія составныя части пищевого довольствія скота. По бюджетнымъ даннымъ расходъ на хлѣбъ составляетъ отъ 2 до 29% общаго расхода на скотъ; г. Щербина останавливается на 25%, исходя изъ того соображенія, что «норма менѣе 25% была бы низка, а болѣе высокая норма привела бы къ такимъ цифрамъ расходовъ, при которыхъ даже въ мѣстностяхъ, достаточно обезпеченныхъ хлѣбами, недоставало бы послѣднихъ на нужды продовольствія». Въ концѣ концовъ, общій расходъ хлѣба на пищу населенія и на кормъ скота опредѣляется въ 23,2 пуда на душу—на 3,3 пуда меньше, нежели у г. Маресса въ другомъ томѣ того же изданія[1]).

Въ статистическомъ сборникѣ по Кокчетавскому уѣзду г. Щербина вычисляетъ земельныя нормы для киргизскаго населенія этого уѣзда. За исходную точку при этомъ принимается то положеніе, что для покрытія въ достаточномъ размѣрѣ всѣхъ продовольственныхъ и иныхъ потребностей киргизской семьи средняго размѣра необходимо 24 головы скота, въ переводѣ на крупный,—при чемъ, однако, тутъ же отмѣчается, что «по массовымъ даннымъ, въ среднемъ на одно хозяйство приходится 20 единицъ скота; та же цифра получается и по бюджетнымъ матеріаламъ,—но четыре единицы прибавлены съ цѣлью увеличенія потребностей и нуждъ выше средняго ихъ уровня и избѣжанія вообще ошибки въ сторону пониженія»[2]). Затѣмъ, при помощи пріемовъ, въ критику которыхъ я здѣсь не буду входить, но которые, во всякомъ случаѣ, *чрезвычайно* далеки отъ абсолютной точности, опредѣляется количество десятинъ зимовочныхъ и призимовочныхъ угодій, необходимое для прокормленія одной головы скота; при помощи этихъ пріемовъ получились порайонныя цифры въ 5,7, 6,0, 6,0, 7,0, 7,6 и 12,3 дес.,—но затѣмъ «при окончательномъ установленіи земельныхъ нормъ послѣднія были повышены по всѣмъ группамъ районовъ», и для конечнаго вывода принята по отдѣльнымъ группамъ районовъ пастбищная норма въ 6,7,7,58,8,5 и 12,5 десятинъ на голову скота.

[1]) Т. II, стр. 40—43.
[2]) Кокчет. у., стр. 162; дальнѣйшее—стр. 172, 175 и 178.

Мы ограничимся этими двумя примѣрами, взятыми изъ работъ самого Ф. А. Щербины. Мы поступаемъ такъ отнюдь не потому, чтобы мы имѣли въ виду спеціально критику этихъ именно работъ, а потому, что г. Щербина, будучи создателемъ бюджетнаго метода изслѣдованія русскаго крестьянскаго хозяйства, очевидно, лучше, нежели кто-либо, могъ и использовать добытыя при помощи этого метода данныя[1]).

Что же показываютъ намъ приведенные два примѣра? Они показываютъ, что конечные выводы, ради которыхъ, собственно, и собирается бюджетный матеріалъ, получаются при помощи такихъ накидокъ, скидокъ и болѣе или менѣе произвольныхъ допущеній, которыя отнимаютъ у этихъ конечныхъ выводовъ послѣднюю тѣнь той точности и конкретности, на какую притязаетъ бюджетный матеріалъ. Выводимыя при помощи бюджетнаго матеріала потребительныя, земельныя, оцѣночныя и т. п. нормы, несомнѣнно, имѣютъ важное значеніе, такъ какъ выведены людьми, близко изучившими всѣ стороны крестьянскаго или киргизскаго хозяйства, и сообразованы съ богатымъ цифровымъ и описательнымъ матеріаломъ. Но эти нормы являются, въ концѣ концовъ, не строго объективными выводами изъ точно установленныхъ статистическихъ величинъ, а чисто гипотетическими построеніями, всецѣло зиждущимися на тѣхъ или другихъ предположеніяхъ и допущеніяхъ.

А при такихъ условіяхъ составлять безусловно полные, безусловно точные и безусловно типичные бюджеты—допуская даже, что это было бы выполнимо!—значило бы прибѣгать въ одной изъ частей данной логической операціи къ такому методу измѣренія или вычисленія, степень точности котораго не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи со степенью точности остальныхъ составныхъ частей той же операціи. Взявъ нѣсколько грубое уподобленіе, я скажу, что составлять подробные бюджеты, чтобы пользоваться ими для столь гипотетическихъ выводовъ—это все равно, что взять нормальную полусажень, замурованную, кажется, въ стѣнѣ сенатскаго зданія, и мѣрить ею длину какой-нибудь лѣсной тропинки,—или то же, что изготовить съ тысячными затратами разновѣски нормальнаго вѣса и при помощи ихъ взвѣшивать кудель на безмѣнѣ деревенскаго скупщика.

Обратимся теперь къ другому изъ поставленныхъ нами вопросовъ—именно, къ вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ составленіе подробныхъ бюджетовъ воронежскаго типа вытекаетъ изъ требованій статистической теоріи.

---

[1]) Чтобы привести еще одинъ примѣръ, укажу на въ высшей степени интересную работу г. Пѣшехонова, которая буквально кишитъ подобными же предположеніями, допущеніями, поправками и т. п. (Козел. у., стр. 659, 661, 671, 682, 685, 687, 697, 704, 713).

Основной — по убѣжденію Ф. А. Щербины — пріемъ правильно-поставленныхъ статистическихъ работъ, это—какъ мы уже говорили—«расчлененіе сложныхъ явленій на простѣйшія», это стремленіе «дробить отдѣльныя явленія на *возможно большее число составныхъ элементовъ*» (курсивъ мой. *А. К.*). Первое изъ этихъ положеній, само по себѣ, не вызываетъ возраженій: «объективность статистическаго наблюденія», говоритъ Янсонъ,— «достигается тѣмъ бо̀льшая, чѣмъ болѣе данное явленіе поддается разложенію на простѣйшія части и чѣмъ удобнѣе качество каждой изъ нихъ опредѣлить простыми, не подлежащими сужденію, а только воспріятію признаками». Статистическое наблюденіе, другими словами, будетъ тѣмъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ въ бо̀льшей мѣрѣ ему удастся уловить простѣйшіе, элементарные признаки явленій. Но можетъ ли статистическое наблюденіе задаться цѣлью уловить *всѣ* элементарные и простѣйшіе признаки изучаемаго соціальнаго явленія? Г. Щербина, очевидно, склоненъ отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ — это видно до нѣкоторой степени изъ только что приведеннаго указанія на необходимость дробить отдѣльныя явленія на «*возможно большее* число составныхъ элементовъ»,—а въ особенности изъ всей, такъ сказать, практики его бюджетныхъ изслѣдованій, задающихся цѣлью учесть, даже при подворной описи, *все* имущество, *весь* денежный приходъ и *весь* денежный расходъ описываемыхъ домохозяйствъ.

Такая задача, такое стремленіе не только разложить изслѣдуемое явленіе на простѣйшіе признаки, но и произвести полный учетъ всѣхъ этихъ признаковъ, едва ли соотвѣтствуетъ требованіямъ статистической методологіи. Не даромъ Георгъ Майръ въ своей уже не новой, но сохранившей все свое значеніе «Законосообразности въ общественной жизни» говоритъ о «статистическихъ курьезахъ», какими онъ считаетъ, напр., выясненіе «по отношенію къ цѣлому народонаселенію» для всѣхъ дней жизни каждаго индивидуума, сколько времени онъ спитъ и бодрствуетъ, ѣстъ и пьетъ, работаетъ и отдыхаетъ, стоитъ, ходитъ или сидитъ». Признавая, что такія явленія, можетъ быть, не безразличны и заслуживаютъ вниманія, Майръ указываетъ, однако, что «трудъ ихъ наблюденія ни въ какомъ случаѣ не можетъ привести къ ожидаемымъ результатамъ»[1]). Съ такимъ же, въ сущности, правомъ Майръ могъ бы отнести къ области статистическихъ курьезовъ и такія операціи, какъ учетъ стоимости мельчайшихъ составныхъ частей крестьянскаго инвентаря или расходовъ на чаепитіе, на лакомства и т. п. «Относительно явленій, подлежащихъ статистическому наблюденію», говоритъ далѣе Майръ[2]),

[1]) Стр. 26. Цитирую по первому русскому изданію—перев. Н. Н. Романова.

[2]) Стр. 27.

«невозможно наблюденіе всѣхъ безъ изъятія отличительныхъ признаковъ, присущихъ каждому изъ нихъ (курсивъ мой, *А. К.*). Можно сказать, что работа статистика нѣсколько груба—она приравниваетъ одни къ другимъ явленія, представляющія большое разнообразіе въ частностяхъ, принимая въ расчетъ *только наиболѣе бросающіяся въ глаза качественныя отличія объектовъ наблюденія»* (тоже). «Статистика», говоритъ затѣмъ Майръ черезъ нѣсколько страницъ[1]), «вовсе не даетъ фотографическихъ снимковъ общественной жизни. Ея задача совсѣмъ другого рода. Она набрасываетъ крупными и выразительными штрихами картину состоянія общества на основаніи массоваго наблюденія его жизни, чуждаго субъективному воззрѣнію».

То же, по существу, говоритъ и покойный Янсонъ. «Только тотъ признакъ», говоритъ онъ[2]), «можетъ быть при массовомъ наблюденіи опредѣленъ, который очевиденъ и несомнѣненъ и наличность котораго можетъ быть легко повѣрена». Правда, по мѣрѣ улучшенія техники статистическаго наблюденія, «возрастаетъ масса признаковъ, опредѣленіе которыхъ становится возможнымъ... Но, получая возможность наблюдать много такихъ явленій, которыя прежде не наблюдались, *статистика никогда не будетъ въ состояніи исчерпать ихъ всѣ:* несовершенство статистическаго наблюденія обусловливается трудностью дать такое количественное выраженіе наблюдаемыхъ явленій со всѣми количественно опредѣлимыми признаками ихъ, чтобы всякая найденная сумма представляла совершенно однородную величину»[3]). Въ частности, «не слѣдуетъ забывать, что наблюдатель долженъ быть избавленъ отъ произнесенія сужденія о предметѣ наблюденія, долженъ быть поставленъ въ состояніе возможности не только легко и просто опредѣлить данный признакъ, но и повѣрить показаніе, которое онъ получаетъ»[4]).

Общій смыслъ приведенныхъ цитатъ, очевидно, совершенно не совпадаетъ съ методологическими взглядами Ф. А. Щербины. Послѣдній стремится описать индивидуальное явленіе со *всѣми безъ исключенія простѣйшими его хозяйственными признаками.* Требованіе статистической методологіи сводится къ избранію *нѣкотораго,* всегда болѣе или менѣе ограниченнаго *числа наиболѣе характерныхъ простѣйшихъ признаковъ,* установляемыхъ, сколь возможно, независимо отъ вліянія личныхъ, индивидуальныхъ свойствъ и особенностей наблюдателя[5]),—и къ описанію, по этимъ признакамъ, всѣхъ тѣхъ единичныхъ случаевъ, на которые разлагается данное массовое соціальное явленіе.

[1]) Стр. 30.
[2]) Теорія статистики, стр. 56.
[3]) Стр. 57.
[4]) Стр. 56.
[5]) Стр. 43.

Или въ примѣненіи къ данному конкретному вопросу: требованія статистической теоріи сводятся никакъ не къ полному учету, по сравнительно небольшому числу случаевъ, всѣхъ мельчайшихъ составныхъ частей крестьянскаго имущества и крестьянскаго бюджета, а къ массовому учету ихъ наиболѣе характерныхъ составныхъ частей — такихъ притомъ составныхъ частей, опредѣленіе которыхъ было бы, по возможности, свободно отъ вліянія субъективныхъ взглядовъ и соображеній наблюдателя, другими словами—такихъ, которыя могли бы опредѣляться на основаніи собственныхъ воспоминаній и соображеній описываемаго населенія, при возможно меньшемъ участіи всякаго рода гипотетическихъ построеній и коэффиціентовъ, вводимыхъ производящимъ наблюденіе или разработывающимъ его результаты статистикомъ.

Этимъ требованіямъ, какъ мнѣ кажется, вполнѣ удовлетворяетъ *подворная перепись, дополненная включеніемъ въ программу ея нѣкоторыхъ бюджетныхъ вопросовъ*.

Я лично, однако, съ своей стороны, не считалъ бы возможнымъ пользоваться въ полномъ объемѣ и тою программою подворной карточки бюджетнаго типа, которая выработалась и примѣнялась въ Воронежской губерніи. Воронежская подворная программа преслѣдуетъ цѣль *полнаго учета* какъ имущества, такъ и денежнаго приходо-расхода, а потому къ этой программѣ примѣнима бо̀льшая часть возраженій, высказанныхъ выше противъ монографическихъ бюджетныхъ программъ. Нѣкоторыя изъ этихъ возраженій даже въ еще большей мѣрѣ относятся къ бюджетной карточкѣ г. Щербины, нежели къ его монографическимъ бюджетамъ, потому что въ карточку сознательно вносятся данныя, завѣдомо лишенныя конкретнаго характера; по объясненію Ф. А. Щербины[1]), въ такія важныя группы расходовъ, какъ «расходы на хлѣбъ, на другую пищу, инвентарь, на свадьбы, разныя требы и мелкія хозяйственныя нужды, на ряду со случаями конкретныхъ дѣйствительныхъ издержекъ, въ большей, такъ сказать, пропорціи входятъ дополнительныя данныя въ видѣ примѣрныхъ среднихъ величинъ», соотвѣтственныя записи «слагались изъ двоякаго рода цифръ—изъ конкретныхъ данныхъ, выражавшихъ дѣйствительные расходы на хлѣбъ и изъ приблизительныхъ расходовъ, носившихъ характеръ среднихъ величинъ»[2]),—при чемъ эти среднія величины опредѣлялись тутъ же, попутно съ подворною описью, на основаніи показаній схода или отдѣльныхъ болѣе толковыхъ домохозяевъ. Такія среднія величины, очевидно, не могли въ этомъ случаѣ установляться съ тою степенью основательности, какая

---

[1]) Св. сборн., стр. 100.
[2]) Стр. 85 и др.

была возможна при составленіи монографическихъ бюджетовъ;—съ другой же стороны, записи въ подворной карточкѣ дѣлались не съ тою детальностью, какъ въ монографическомъ бюджетѣ, а въ общихъ суммахъ по крупнымъ группамъ статей, и потому совершенно утрачивалась возможность отдѣлить конкретныя данныя отъ цифръ приблизительнаго характера.

Какъ я, однако, уже упоминалъ, нужды статистической практики вовсе и не требуютъ *полнаго* учета крестьянскаго бюджета, а требованія статистической методологіи не позволяютъ ожидать возможности исчерпать, путемъ статистическаго опроса, *всѣхъ* признаковъ каждаго изъ тѣхъ случаевъ, изъ которыхъ слагается данная соціальная масса, другими словами—возможности учесть *всѣ* составныя части имущества и приходо-расходнаго бюджета. Задача, разрѣшеніе которой кажется мнѣ въ высшей степени важнымъ, заключается въ *установленіи тѣхъ элементовъ крестьянскаго приходо-расходнаго бюджета, которые, будучи существенными для характеристики каждаго даннаго домохозяйства, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и цѣлой соціальной массы, сравнительно легко поддавались бы достаточно приближенному количественному учету.*

Во время преній по докладу Ф. А. Щербины на съѣздѣ статистиковъ я предложилъ передать детальную разработку этого вопроса въ статистическую комиссію при Императорскомъ вольномъ экономическомъ обществѣ,—какъ въ учрежденіе, могущее удѣлить ему достаточно времени и вниманія и въ то же время имѣющее возможность вступить въ сношенія съ работающими на мѣстахъ статистиками и воспользоваться ихъ широкимъ опытомъ. И въ настоящей статьѣ я не могу взять на себя смѣлости предложить какое-либо вполнѣ опредѣленное рѣшеніе поставленнаго мною вопроса. Я хотѣлъ бы только подѣлиться съ читателями своимъ личнымъ небольшимъ опытомъ въ данной сферѣ и затѣмъ закончить свою статью нѣсколькими выведенными изъ этого опыта общими соображеніями.

Въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ мнѣ пришлось участвовать въ изслѣдованіяхъ крестьянскаго хозяйства въ двухъ губерніяхъ западной Сибири—Тобольской и Томской,—при чемъ мною лично было подворно переписано около 13 тысячъ хозяйствъ сибирскихъ старожиловъ. Затѣмъ, въ 1894 году мною было выполнено изслѣдованіе хозяйственнаго положенія переселенцевъ на казенныхъ земляхъ Томской губерніи, связанное съ подворною переписью 4.300 переселенческихъ домохозяйствъ.

Изслѣдованія крестьянскаго хозяйства въ Тобольской и Томской губерніяхъ были поставлены, въ отношеніи организаціи, очень неудовлетворительно—въ сущности трудно даже было говорить о какой-либо организаціи: командировано было нѣсколько лицъ, каждому изъ которыхъ поручено было само-

стоятельно вести изслѣдованіе въ отдѣльномъ уѣздѣ; программа, по которой предстояло вести работу, была въ сущности не рабочая программа, а простой перечень вопросныхъ пунктовъ, и не было дано никакихъ инструкціонныхъ указаній, касающихся собственно техники изслѣдованія.

По предложенію участвовавшаго въ этомъ изслѣдованіи, нынѣ покойнаго Н. О. Осипова—единственнаго изъ изслѣдователей, имѣвшаго въ то время извѣстный статистическій опытъ, пріобрѣтенный на земскихъ работахъ, мы рѣшили включить въ планъ изслѣдованія подворную перепись по выработанной Осиповымъ карточкѣ. Эта послѣдняя содержала исключительно обычные вопросы инвентарнаго типа—о составѣ семьи, о наймѣ и отпускѣ рабочихъ, о скотоводствѣ по немногимъ крупнымъ группамъ скота, объ арендѣ и сдачѣ земель, о посѣвной площади безъ распредѣленія по хлѣбамъ. По этой весьма краткой программѣ работалъ и я въ теченіе первыхъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, при чемъ переписалъ подворно, помнится, около тысячи дворовъ.

Съ самаго же начала, однако, я началъ чувствовать потребность частью въ детализаціи программы, частью—въ пополненіи ея рядомъ вопросовъ, по большей части бюджетнаго характера: наши вопросные пункты требовали отвѣтовъ на вопросы о степени достаточности покосовъ, о системѣ полеводства и сѣвооборотѣ, о потребительномъ значеніи земледѣлія, скотоводства, о размѣрѣ и значеніи постороннихъ заработковъ и т. п. Попытки получить отвѣты на эти и подобные вопросы путемъ поселеннаго опроса не могли, очевидно, дать никакихъ опредѣленныхъ результатовъ. И вотъ, совершенно не зная въ то время работъ Ф. А. Щербины, я, подъ давленіемъ необходимости, долженъ былъ ввести въ подворную карточку цѣлый рядъ дополнительныхъ пунктовъ, въ значительной мѣрѣ измѣнившихъ общій характеръ подворнаго опроса. Я ввелъ именно вопросы о продажѣ и покупкѣ хлѣба, съ показаніемъ количества каждаго рода хлѣба и израсходованной или полученной суммы; о продажѣ и покупкѣ сѣна, дровъ, скота; затѣмъ, сталъ записывать отдѣльно лѣтній и зимній составъ скота и детализировать посѣвы по отдѣльнымъ хлѣбамъ, а позже и по способу посѣва—на парахъ или по жнивамъ; ввелъ вопросы о количествѣ унавоженной земли и поднятой цѣлины или залежи, для неземледѣльческихъ заработковъ сталъ записывать общіе размѣры каждаго отдѣльнаго вида заработка, а для кустарныхъ и т. п. промысловъ—также и количество выработаннаго продукта; наконецъ, въ подворную карточку были введены вопросы объ утратахъ, понесенныхъ отъ падежей скота и отъ конокрадства. Въ концѣ концовъ, получилась такая программа подворнаго опроса, въ которой вопросы инвентарные комбинирова-

лись съ вопросами, направленными къ выясненію важнѣйшихъ пунктовъ денежнаго прихода, а частью и расхода, а также потребительнаго значенія крупнѣйшихъ отраслей сельскаго хозяйства.

По той же схемѣ была впослѣдствіи выработана программа сплошного подворнаго изслѣдованія водворенныхъ въ Томской губерніи переселенцевъ,—при чемъ, однако, въ виду спеціальныхъ задачъ и особенностей объекта изслѣдованія, кромѣ вопросовъ, касающихся современнаго состоянія переселенческаго хозяйства, были введены вопросы, касающіеся положенія переселенцевъ на родинѣ, самаго процесса переселенія, а также хода обзаведенія переселенцевъ на «новомъ мѣстѣ»; были введены такіе, напримѣръ, вопросы, какъ вопросъ о количествѣ денегъ, вырученныхъ за надѣльную землю, объ общей суммѣ денегъ, взятыхъ съ собою съ родины, о деньгахъ, принесенныхъ съ собою на «новое мѣсто» и т. п.

Результаты такого пополненія подворной переписи вопросами бюджетнаго характера получились, насколько я могу судить, безусловно удовлетворительные.

Прежде всего, на основаніи личнаго опыта, вынесеннаго изъ поставленныхъ такимъ образомъ работъ, я долженъ всецѣло присоединиться ко всему, что говоритъ Ф. А. Щербина относительно «взаимнаго освѣщенія» и «взаимнаго контроля однихъ признаковъ другими, заставляющаго одинаково и регистратора, и крестьянина, дающаго показанія, заботиться о наибольшей точности показаній»[1]). Лишь съ тѣхъ поръ, какъ въ подворную опись были введены вопросы бюджетнаго характера, я сталъ замѣчать въ приходившихъ на сборы крестьянахъ тотъ интересъ къ ходу опроса, который является одною изъ главныхъ гарантій его успѣшности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчу мимоходомъ, и у меня самаго явилось сознаніе, что я дѣлаю дѣйствительно серьезное статистико-экономическое дѣло. Лишь съ этихъ поръ вопросы подворнаго листка связались для меня въ органическое цѣлое, въ которомъ отдѣльныя части взаимно дополняли и контролировали другъ друга,—и этотъ взаимный контроль давалъ мнѣ возможность если не всегда добиваться правильныхъ показаній, то во всякомъ случаѣ—всегда имѣть опредѣленное понятіе о степени правильности дѣлаемыхъ записей.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о степени достовѣрности отвѣтовъ на вопросы бюджетнаго характера, я долженъ прежде всего выдѣлить одинъ вопросъ, на который въ видѣ общаго правила получались *не*удовлетворительные отвѣты: это вопросъ о продажѣ сѣна вмѣстѣ съ вопросомъ о сдачѣ въ аренду

---

[1]) «Сводн. Сборн.», стр. 130—131, а также 118—122.

сѣнокосныхъ угодій; за исключеніемъ нѣкоторыхъ пригородныхъ селеній, гдѣ продажа сѣна въ городъ явдяется однимъ изъ существенныхъ источниковъ дохода крестьянъ, и гдѣ отвѣты на данный вопросъ получались болѣе или менѣе правдоподобные, крестьяне крайне неохотно говорили и о продажѣ сѣна, и о сдачѣ покосовъ, такъ что данныя по этимъ вопросамъ получались во много разъ ниже дѣйствительности; и это совершенно понятно, такъ какъ и то, и другое является яснымъ показателемъ избытка сѣнокосныхъ угодій, въ которомъ крестьянамъ, конечно, не могло быть никакого расчета признаваться.

Данныя, полученныя по всѣмъ остальнымъ вопросамъ разсматриваемой категоріи, я признаю вполнѣ удовлетворительными. Я считаю себя въ правѣ, прежде всего, сослаться здѣсь на то внутреннее убѣжденіе, которое слагается у каждаго работавшаго на мѣстныхъ изслѣдованіяхъ статистика и которое позволяетъ ему оцѣнивать относительное достоинство различныхъ частей собраннаго имъ статистическаго матеріала. Я безусловно убѣжденъ именно въ томъ, что данныя о продажахъ и покупкахъ продуктовъ и размѣрахъ заработка отъ промысловъ, собранныя мною при подворныхъ описяхъ, были *никакъ не менѣе* достовѣрны, нежели данныя, получавшіяся по другимъ вопросамъ подворнаго листка, а тѣмъ болѣе—нежели данныя поселеннаго бланка. Независимо отъ субъективныхъ впечатлѣній, слагавшихся во время самаго процесса производства подворной переписи, это убѣжденіе основывается прежде всего на томъ обстоятельствѣ, что во всѣхъ тѣхъ довольно многочисленныхъ случаяхъ, когда мнѣ удавалось провѣрить, напр., показанія о продажѣ хлѣба, они оказывались достаточно сходными съ дѣйствительностью. Оно укрѣплялось далѣе фактами въ родѣ того, что, напримѣръ, данныя подворной описи по вопросу о размѣрахъ древодѣльныхъ промысловъ давали, нерѣдко въ нѣсколько разъ большія цифры переработаннаго древеснаго матеріала, нежели за сколько была заплачена казенная лѣсная пошлина,—значитъ, крестьяне при отвѣтахъ по данному вопросу не останавливались даже передъ боязнью раскрыть своими показаніями значительныя самовольныя, неоплаченныя пошлинами заготовки. Оно находило себѣ опору въ такихъ поразительныхъ совпаденіяхъ, какія получились, напр., при подсчетѣ данныхъ о мочальномъ промыслѣ въ Туринскомъ уѣздѣ[1]): въ селеніяхъ съ наибольшимъ развитіемъ этого промысла подворная перепись дала среднія цифры годовой выработки свыше 1.300 штукъ мочалъ на занятый промысломъ дворъ при среднемъ составѣ двора въ 1,37 работника мужского пола,—

[1]) «Матер. для изуч. эконом. быта крест. и инор. Зап. Сибири», вып. XI, стр. 389.

въ то время какъ возможный максимумъ выработки, по техническимъ условіямъ производства въ данной мѣстности, опредѣляется тысячею мочалъ на работника... Это убѣжденіе находило себѣ, наконецъ, подкрѣпленіе и въ тѣхъ нерѣдкихъ случаяхъ, когда данныя о продажѣ хлѣба выясняли преднамѣренную ложность данныхъ крестьянами, при поселенномъ опросѣ, показаній о качествѣ земли и о потребительномъ значеніи хлѣбопашества, когда данныя о размѣрѣ заработка отъ промысловъ обнаруживали отрицавшееся крестьянами, при поселенномъ опросѣ, серіозное значеніе въ ихъ бюджетѣ того или другого промысла и т. п. Изъ всего этого само собою напрашивалось заключеніе, что вопросы подобнаго рода, введенные въ программу подворной описи, даютъ ужъ во всякомъ случаѣ *не менѣе* достовѣрный матеріалъ, нежели вопросы поселеннаго бланка или инвентарные вопросы подворной описи, успѣвшіе пріобрѣсти себѣ полное право гражданства при изслѣдованіи русскаго крестьянскаго хозяйства[1]).

Я не знаю, есть ли мнѣ надобность останавливаться на вопросѣ о томъ, *что дало* по существу расширеніе программы подворной переписи въ бюджетномъ направленіи. Скажу поэтому только въ краткихъ словахъ, что лишь детализированныя данныя подворной переписи дали мнѣ возможность ясно разобраться въ безконечно-пестрыхъ оттѣнкахъ своеобразной сибирской залежно-паровой системы полеводства и въ разнообразныхъ переходныхъ отъ нея ступеняхъ къ хозяйству съ удобреніемъ, выяснить характеръ и значеніе скотоводства въ разныхъ мѣстностяхъ и у различныхъ по благосостоянію группъ населенія. Затѣмъ, только при помощи введенныхъ въ карточки бюджетныхъ данныхъ оказалось возможнымъ опредѣленно выяснить вопросъ о потребительномъ значеніи земледѣлія, которое, притомъ, по подсчету подворныхъ данныхъ оказалось, во многихъ мѣстахъ, гораздо болѣе удовлетворительнымъ, чѣмъ можно было ожидать по даннымъ общихъ опросовъ,—а также о степени достаточности снабженія населенія топливомъ и сѣнокосами. Только по даннымъ, полученнымъ путемъ подворной переписи, можно было получить правильное представленіе о размѣрахъ и значеніи въ разныхъ мѣстностяхъ тѣхъ или другихъ неземледѣльческихъ заработковъ, при чемъ опять-таки и здѣсь данныя подворной переписи нерѣдко приводили къ совершенно неожиданнымъ, по сравненію съ данными поселеннаго опроса, результатамъ. Наконецъ, укажу еще на одинъ частный вопросъ—именно, что только подворныя данныя о количествѣ взятыхъ съ родины и принесенныхъ съ собою денегъ дали ясное понятіе о степени дѣйствительной состоятельности изслѣдованныхъ въ

[1]) См. нашу статью въ Юридич. Вѣстн. за 1890 г., октябрь, 265.

Томской губерніи переселенцевъ,—понятіе, которое тоже во многомъ исправило и дополнило тѣ представленія по данному вопросу, которыя могли сложиться на основаніи результатовъ поселенныхъ опросовъ.

Переходя теперь къ практическимъ выводамъ, ради которыхъ я собственно и счелъ себя вправѣ подѣлиться съ читателями результатами своего личнаго небольшого опыта, я позволяю себѣ высказать убѣжденіе въ полной возможности введенія въ подворную перепись, при мало-мальски удовлетворительномъ составѣ регистраторовъ, ряда бюджетныхъ или иначе—приходо-расходныхъ вопросовъ. Сюда я отношу, прежде всего, вопросы о продажѣ и покупкѣ хлѣба—при подворномъ опросѣ я считаю, именно, вполнѣ возможнымъ спрашивать о количествѣ проданнаго или купленнаго хлѣба, по каждому виду хлѣба особо, и о вырученной или затраченной по этой статьѣ бюджета суммѣ денегъ; затѣмъ для дворовъ, покупавшихъ хлѣбъ,—о продолжительности времени, въ теченіе котораго семья потребляла купленный хлѣбъ, для домохозяйствъ съ избытками хлѣба—о размѣрѣ имѣющихся хлѣбныхъ запасовъ. Я отнюдь не думаю, конечно, чтобы при этомъ возможно было получить данныя той степени точности и полноты, какой стремится достигнуть монографическій бюджетъ воронежскаго типа; но я вполнѣ убѣдился въ возможности получать достаточно приближенныя (для дворовъ съ небольшимъ оборотомъ до десятковъ, для дворовъ съ крупнымъ оборотомъ—до сотенъ пудовъ) цифры, степень достовѣрности которыхъ будетъ никакъ не ниже достовѣрности давае мыхъ земскими и другими организованными по ихъ типу подворными переписями инвентарныхъ данныхъ. Уже и сами по себѣ данныя о покупкѣ и продажѣ хлѣба дали бы очень широкій и достовѣрный матеріалъ для обоснованія нормъ потребленія хлѣба—мнѣ лично, по крайней мѣрѣ, удалось получить для при-Томскаго района хлѣбныя нормы, оказавшіяся весьма близкими къ тѣмъ нормамъ, которыя позже вывелъ г. Маресс по физіологическимъ даннымъ[1]). Для еще болѣе прочнаго обоснованія нормъ потребленія хлѣба было бы, конечно, весьма желательно ввести въ подворную перепись вопросъ о количествѣ собраннаго хлѣба,—и мнѣ кажется, что если довольствоваться извѣстною степенью приближенія, то полученіе соотвѣтствующихъ цифръ тоже не встрѣтило бы никакихъ особенныхъ затрудненій.

Затѣмъ безусловно возможно ввести въ подворныя переписи данныя о продажѣ и покупкѣ разнаго рода скота, съ показаніемъ количества головъ и денежной стоимости, о забойкѣ скота какъ для собственнаго потребленія, такъ и для продажи

[1]) «Матеріалы» по Зап. Сибири, вып. XIV, стр. 251—253.

продуктовъ, а также о сбытѣ такихъ продуктовъ скотоводства, какъ кожи, шерсть, экспотрое масло и т. п., имѣя, однако, въ виду, что достаточно достовѣрныя данныя получатся только тамъ, гдѣ соотвѣтствующія отрасли дохода пріобрѣли самостоятельное значеніе въ крестьянскомъ бюджетѣ. Вполнѣ возможны затѣмъ вопросы о покупкѣ и продажѣ топлива, о покупкѣ сѣна, а можетъ быть—также и соломы; для нанимающихъ работниковъ дворовъ,—вопросы о размѣрахъ расхода на наемъ, по разнымъ видамъ этого послѣдняго; для работающихъ по найму—о размѣрѣ заработка, опять-таки съ подраздѣленіемъ по важнѣйшимъ видамъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Безусловно возможны и необходимы вопросы, направленные къ выясненію размѣровъ и денежнаго значенія неземледѣльческихъ заработковъ, именно вопросы о размѣрахъ заработка по каждому промыслу особо, съ показаніемъ по отношенію къ лицамъ, самостоятельно сбывающимъ тотъ или другой продуктъ,—размѣровъ производства, а по отношенію къ лицамъ, занятымъ въ чужихъ предпріятіяхъ—продолжительности времени, проведеннаго на заработкахъ. Наконецъ, къ числу вполнѣ возможныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ важныхъ вопросовъ относится еще вопросъ о задолженности, при чемъ представлялось бы цѣлесообразнымъ регистрировать, съ одной стороны, общую задолженность даннаго домохозяйства, а съ другой—сумму долговъ (денежныхъ и отработочныхъ), наросшую за послѣдній хозяйственный годъ.

Само собою разумѣется, что пополненная такимъ образомъ подворная карточка не дастъ не только *полнаго учета всего* бюджета крестьянскаго домохозяйства, какой стремится дать монографическая бюджетная программа Ф. А. Щербины, но даже и полнаго учета *денежнаго* приходо-расхода, какой имѣетъ въ виду подворная карточка воронежскаго типа. Но полнота и точность данныхъ, получаемыхъ при монографическомъ бюджетномъ изслѣдованіи, а въ значительной степени—и при подворной переписи воронежскаго типа, въ значительной мѣрѣ фиктивны. Лучше, поэтому, откровенно сознаться въ невозможности *статистически* учесть полный крестьянскій бюджетъ или даже полный денежный приходо-расходъ крестьянскаго двора, и ограничиться введеніемъ въ подворную перепись сравнительно небольшого числа относительно простыхъ вопросовъ. Мы получимъ этимъ способомъ обширный массовый матеріалъ, способный освѣтить весьма много важныхъ сторонъ крестьянскаго производительно-потребительнаго хозяйства, и внутренняя цѣнность этого матеріала будетъ несомнѣнно выше внутренней цѣнности воронежскихъ бюджетовъ и воронежскаго сплошного учета денежнаго приходо-расхода. Само собою разумѣется, что, какъ я уже упоминалъ выше по частному случаю, и на предлагаемые мною вопросы нельзя ожидать получить во всѣхъ слу-

чаяхъ *безусловно точные* отвѣты. Но, съ одной стороны, вкравшіяся въ индивидуальныя показанія неточности будутъ сглаживаться благодаря массовому характеру матеріала, съ другой же стороны—и самыя неточности будутъ менѣе, такъ сказать, злокачественнаго характера. Всѣ предлагаемые мною вопросы таковы, что крестьянинъ, при желаніи, *безусловно можетъ дать* на каждый изъ нихъ *достаточно приближенный отвѣтъ:* очень многое онъ будетъ просто помнить, или вспомнитъ безъ особаго труда, при помощи присутствующихъ на сборѣ сосѣдей или вообще односельчанъ. Встрѣтятся, конечно, случаи, когда крестьянинъ не въ состояніи будетъ припомнить той или другой статьи или подсчитать ее по памяти—это будетъ имѣть мѣсто, напр., по отношенію къ расходу на хлѣбъ, въ случаѣ попудныхъ покупокъ, по отношенію къ доходу отъ найма на земледѣльческія работы или отъ промысла, въ случаѣ поступленія этого дохода по мелочамъ, и т. п. Въ этихъ случаяхъ крестьянину, чтобы отвѣтить на поставленные вопросы, придется «прикидывать», вообще давать какія-нибудь приблизительныя величины. Но, съ одной стороны, эти приблизительныя величины не будутъ играть, въ общемъ, существенной роли, а съ другой—онѣ будутъ не такъ вредны, какъ тѣ «фикціи и условные коэффиціенты», которые играютъ такую роль въ бюджетахъ воронежскаго типа: эти приблизительныя величины будутъ устанавливаться *не изслѣдователемъ, а опрашиваемыми домохозяевами* при участіи ихъ сосѣдей и односельчанъ, слѣдовательно, будутъ изображать собой *не субъективное представленіе статистика* о наблюдаемыхъ имъ явленіяхъ, *а представленіе* о нихъ *самого наблюдаемаго населенія*,—то самое представленіе, которое, при опросномъ методѣ изслѣдованія, является вообще существенно важнымъ источникомъ статистическихъ свѣдѣній.

На основаніи всего сказаннаго, я прихожу къ тому заключенію, что наиболѣе совершеннымъ и соотвѣтствующимъ требованіямъ статистической методологіи способомъ выясненія, съ одной стороны, болѣе или менѣе всѣхъ важнѣйшихъ статей крестьянскаго приходнаго бюджета (доходъ отъ земледѣлія, скотоводства и промысловъ), а съ другой стороны—и нѣкоторыхъ важнѣйшихъ потребительныхъ процессовъ, является *сплошная подворная перепись, пополненная нѣкоторыми, тщательно отобранными, вопросами приходо-расходнаго характера.* При выборѣ этихъ вопросовъ слѣдуетъ, не стремясь къ недостижимой полнотѣ и точности учета, исходить изъ соображеній двоякаго рода: во-первыхъ, вводить въ перепись исключительно наиболѣе важныя и характерныя статьи крестьянскаго прихода и расхода; и во-вторыхъ, даже изъ имѣющихъ подобное значеніе вопросовъ ставить лишь такіе, на которые, при данномъ складѣ крестьянскаго хозяйства, можно разсчитывать получить доста-

точно приближенные конкретные отвѣты, свободные отъ какихъ бы то ни было, вводимыхъ самимъ изслѣдователемъ, фикцій и условныхъ величинъ. Каковы должны быть эти вопросы въ отношеніи объема, содержанія и редакціи,—это должно быть выяснено тѣмъ коллективнымъ опытомъ, которымъ располагаютъ столь многочисленные въ настоящее время труженики на нивѣ изученія русскаго крестьянскаго хозяйства.

Я, конечно, вполнѣ признаю при этомъ и важное значеніе монографическихъ бюджетовъ. Но ихъ роль, по моему мнѣнію, совершенно не та, какая принадлежитъ имъ по схемѣ Ф. А. Щербины. Какъ я пытался доказать въ первой части моей статьи, монографическіе бюджеты сами по себѣ не могутъ служить основаніемъ для такихъ цифровыхъ выводовъ, которые могли бы быть обобщаемы на соотвѣтствующія соціальныя массы. Статистическое наблюденіе есть прежде всего *массовое* наблюденіе, а потому не имѣющія массоваго характера данныя монографическихъ бюджетовъ представляютъ собою хотя и *цифровой*, но не *статистическій* матеріалъ въ научномъ смыслѣ этого слова. Ихъ дѣйствительное назначеніе, по моему мнѣнію, можетъ заключаться только въ томъ, чтобы служить,—говоря словами Д. М. Головачева[1]),—«подсобнымъ матеріаломъ для провѣрки и пополненія выводовъ», сдѣланныхъ на основаніи дополненнаго основными бюджетными вопросами сплошного подворнаго опроса. Другими словами, *бюджетныя данныя должны служить для иллюстраціи и уясненія выводовъ подворной переписи*, при помощи ихъ должна облекаться въ плоть и кровь та картина крестьянскаго производительно-потребительнаго хозяйства, которую массовыя данныя позволятъ нарисовать хотя и вѣрными, но по необходимости грубыми, болѣе или менѣе схематическими чертами. Значеніе бюджетныхъ данныхъ для общей картины крестьянскаго хозяйства будетъ приблизительно то же, какъ значеніе цвѣтовыхъ тоновъ и полутоновъ въ живописномъ изображеніи. Только при помощи тоновъ и полутоновъ можно написать картину, близко воспроизводящую дѣйствительную жизнь; но тоны и полутоны не представляютъ собой самой сути дѣла, они измѣнчивы въ зависимости и отъ случайностей освѣщенія, и отъ настроенія пишущаго картину художника,—и только общіе контуры, поддающіеся измѣренію и фотографированію, представляютъ собою вполнѣ точное и объективное изображеніе воспроизводимыхъ на картинѣ явленій.

---

[1]) «Матеріалы» по Забайкальск. обл., вып. XVI («Бюджеты», введеніе, стр. VI.

Къ вопросу о выборочномъ изслѣдованіи [1]).

Поводомъ, побудившимъ меня выступить съ настоящимъ сообщеніемъ, являются двоякаго рода обстоятельства: съ одной стороны—сдѣланная проф. А. А. Чупровымъ, въ рѣчи его на XII съѣздѣ естествоиспытателей и врачей, интересная попытка подвести подъ выборочный методъ прочный математико-теоретическій фундаментъ; съ другой—новѣйшій, широко и талантливо поставленный опытъ практическаго примѣненія этого метода, предпринятый, подъ руководствомъ В. Г. Громана, въ Пензенской губерніи.

Подъ выборочнымъ методомъ, какъ извѣстно, разумѣютъ такой пріемъ изслѣдованія массовыхъ и въ частности общественныхъ явленій, при которомъ статистическому перечету, съ одной стороны, подвергается только *извѣстная часть случаевъ* изучаемаго явленія, и полученные на основаніи такого частичнаго учета выводы распространяются на все данное явленіе, и при которомъ, съ другой стороны, подвергаемая перечету часть случаевъ настолько велика, что придаетъ изслѣдованію хотя уже не *сплошной*, но все еще *массовый* характеръ и открываетъ достаточный просторъ дѣйствію закона большихъ чиселъ. *Первый* признакъ кладетъ рѣзкую грань между выборочнымъ и сплошнымъ статистическимъ изслѣдованіемъ, *второй* отдѣляетъ выборочное изслѣдованіе, хотя далеко не столь рѣзко, отъ *монографическаго* пріема.

Обычно, честь введенія въ статистическую практику выборочнаго метода приписывается норвежцу Кіаэру, работы и взгляды котораго были популяризованы среди русскихъ статистиковъ покойнымъ А. И. Чупровымъ. Однако, это общераспространенное, повидимому, мнѣніе ставитъ вопросъ о зарожденіи и развитіи выборочнаго метода въ едва ли правильную историческую перспективу. Заслуги Кіаэра въ исторіи выборочнаго метода велики—онѣ заключаются, съ одной стороны, въ тщательной практической его разработкѣ, съ другой—въ неутомимой его пропагандѣ въ средѣ собиравшихся на сессіи международнаго статистическаго института представителей статистической теоріи

---

[1]) Извѣст. Имп. Русск. Географ. Общ., 1911, № 1.

и административной статистики. Но едва ли правильно было бы видѣть въ Кіаэрѣ *изобрѣтателя*, *творца* выборочнаго метода, и не ему, мнѣ кажется, принадлежитъ заслуга наиболѣе глубокой методологической его разработки. Творцомъ, создателемъ выборочнаго метода была, можно сказать, *сама жизнь*, была постепенно выяснявшаяся чисто практическимъ путемъ потребность въ менѣе громоздкихъ, чѣмъ сплошное изслѣдованіе, пріемахъ статистическаго изученія. Заслуги же Кіаэра въ дѣлѣ методологической разработки выборочнаго метода съ успѣхомъ, думается мнѣ—могутъ быть оспариваемы русскими статистиками.

Если попытаться прослѣдить главнѣйшіе этапы развитія выборочнаго метода изслѣдованія, то нельзя не остановиться, прежде всего, на тѣхъ чрезвычайно многочисленныхъ случаяхъ, гдѣ выборочный принципъ, если можно такъ выразиться, прокрадывался въ статистику помимо какого-либо заранѣе обдуманнаго или намѣченнаго со стороны изслѣдователя плана,— когда, именно, статистическое изслѣдованіе, задуманное по обычному типу *сплошного* перечета, даетъ, однако, лишь *частичный* матеріалъ, и полученные на основаніи этого матеріала выводы уже поневолѣ приходится распространять на все данное массовое явленіе. Въ большей или меньшей степени характеръ такой, такъ сказать, непреднамѣренной выборочности принимаютъ результаты всякаго статистическаго изслѣдованія, если оно, охватывая по своей идеѣ всю подлежащую изученію соціальную массу, основывается, однако, на однихъ только добровольныхъ отвѣтахъ заинтересованныхъ слоевъ населенія— въ частности, всякаго изслѣдованія, организованнаго по корреспондентскому принципу. Я едва ли имѣю надобность напоминать здѣсь о богатомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно краснорѣчивомъ опытѣ американской статистики промышленности и условій труда, сведенномъ въ монографіи проф. Соболева «Организація и методы статистики труда», или приводить другіе подобные же примѣры; приведу еще только одинъ примѣръ— столь участившіяся у насъ, въ Россіи, студенческія переписи или—какъ ихъ чаще называютъ—анкеты, при которыхъ опросные листы раздаются всѣмъ учащимся учебнаго заведенія, но заполняются, въ лучшемъ случаѣ, половиною, а то и меньшинствомъ. Во всѣхъ подобнаго рода случаяхъ статистическое изслѣдованіе, задуманное въ качествѣ сплошного, практически вырождается въ выборочное: оно даетъ матеріалъ, касающійся лишь извѣстной, болѣе или менѣе значительной *части* случаевъ, на основаніи которыхъ затѣмъ уже судятъ о *всей* вообще совокупности случаевъ, о массовомъ явленіи въ полномъ его объемѣ.

Однако, во всѣхъ этихъ случаяхъ неполнота, фактически-выборочный характеръ статистическаго учета—не болѣе, какъ неизбѣжное зло, съ которымъ стараются бороться помощью

общеизвѣстныхъ, выработанныхъ статистическою техникою, пріемовъ: разсылки дополнительныхъ запросовъ, командированія на мѣста спеціальныхъ агентовъ статистической организаціи. Изслѣдованіе по *идеѣ* своей остается сплошнымъ, и только недостатки организаціи придаютъ его результатамъ выборочный характеръ; выборочность, по правильному замѣчанію Г. Г. Швиттау, получается лишь *въ итогѣ* наблюденія, какъ результатъ его несовершенныхъ техническихъ пріемовъ.

Настоящее выборочное изслѣдованіе является на сцену тогда, когда, говоря словами того же автора, «частичность наблюденія строго опредѣляется уже заранѣе», при самой выработкѣ плана изслѣдованія, которое, значитъ, и не задается вовсе цѣлью дать исчерпывающій перечетъ всѣхъ случаевъ изучаемаго массоваго явленія. И здѣсь, прежде всего, приходится отмѣтить категорію случаевъ, которые занимаютъ какъ бы переходное положеніе между тѣми, только что разсмотрѣнными, случаями, когда выборочность является непреднамѣреннымъ результатомъ организаціонныхъ дефектовъ сплошного наблюденія, и тѣмъ чистымъ типомъ выборочнаго изслѣдованія, разсмотрѣнію котораго будетъ посвящена главная часть настоящаго доклада: это именно такого рода случаи, когда ясная заранѣе практическая неосуществимость сплошного изслѣдованія заставляетъ организатора изслѣдованія заранѣе примириться съ частичнымъ его характеромъ—заранѣе рѣшить, что изслѣдованію подвергнется лишь *нѣкоторая часть* случаевъ массоваго явленія; когда, значитъ, частичный, выборочный характеръ этого послѣдняго является однимъ изъ опредѣляющихъ моментовъ самаго плана предпринимаемой статистической операціи,—но когда этотъ планъ не устанавливаетъ *никакого опредѣленнаго принципа отбора* той части случаевъ, которую предполагается подвергнуть статистическому учету: изслѣдователь довольствуется регистраціею тѣхъ случаевъ, которые, такъ сказать, попадаются ему подъ руку, спокойно оставляя неучтенными всѣ тѣ, которые почему-либо остаются внѣ круга его наблюденій. Изслѣдователь не имѣетъ возможности измѣрить ростъ и другіе основные физическіе признаки *всѣхъ* жителей страны — онъ довольствуется, поэтому, данными, получаемыми при измѣреніи роста одной спеціальной категоріи населенія—новобранцевъ. Онъ не имѣетъ физической возможности подвергнуть наблюденію *всѣ* случаи тифа или дифтерита, какіе имѣютъ мѣсто въ странѣ, а потому довольствуется учетомъ того случайнаго матеріала, который проходитъ черезъ регистрацію больницъ. Онъ не имѣетъ возможности учесть и описать всю монету, какая въ данный моментъ имѣется въ наличности въ странѣ, а потому довольствуется—какъ сдѣлалъ для Франціи де-Фовилль—однодневною переписью всѣхъ денежныхъ знаковъ, какіе въ данный день ока-

жутся въ кассахъ государственныхъ сборщиковъ и казначеевъ. Планомѣрность выборочнаго изслѣдованія, повторяю, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ сводится къ заранѣе принимаемому рѣшенію ограничиться учетомъ части случаевъ, но самый отборъ этихъ послѣднихъ совершается безъ всякой планомѣрности — регистрируется, какъ я уже замѣтилъ, то, что случайно попадается подъ руку.

Съ выборочнымъ изслѣдованіемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова мы имѣемъ дѣло лишь тогда, когда планомъ статистическаго изслѣдованія устанавливается не одинъ только голый принципъ частичности,—когда этотъ планъ не только заранѣе предрѣшаетъ регистрацію лишь нѣкоторой части случаевъ изучаемой соціальной массы, но когда онъ вмѣстѣ съ тѣмъ устанавливаетъ и тѣ *принципы*, которые имѣютъ быть положены *въ основаніе отбора* этой подвергаемой учету части. И здѣсь, опять-таки, мы встрѣчаемся со случаями, такъ сказать, зачаточнаго характера, когда установленные планомъ выборочнаго изслѣдованія принципы отбора отличаются лишь слабою степенью опредѣленности, оставляя много мѣста субъективному усмотрѣнію изслѣдователя. Къ этой категоріи я долженъ отнести, между прочимъ, выполненныя мною лично въ 1887—1890 гг. работы по изслѣдованію крестьянскаго хозяйства въ нѣсколькихъ западно-сибирскихъ уѣздахъ: въ каждой волости подвергалось подворной переписи отъ одной шестой до одной четвертой части всѣхъ дворовъ, при чемъ селенія, гдѣ производилась перепись, распредѣлялись возможно равномѣрно по всей территоріи обширной сибирской волости; если въ границахъ послѣдней оказывалось возможнымъ заранѣе намѣтить различающіеся по почвеннымъ условіямъ, по наличности или отсутствію промысловъ и т. п. признакамъ районы, то для подворной переписи избирались такія селенія, которыя могли считаться представителями каждаго изъ такихъ районовъ. Къ той же категоріи можно отнести статистическое изслѣдованіе переселенческихъ поселковъ, выполненное въ 1903 году агентами нашего переселенческаго управленія и охватившее 233 поселка—всего около одной восьмой части всѣхъ поселковъ Сибири и Степного края; принципъ отбора, сколько мнѣ извѣстно, сводился единственно къ возможно равномѣрному распредѣленію подвергавшихся переписи поселковъ по обширной территоріи охваченныхъ колонизаціоннымъ потокомъ губерній и уѣздовъ.

Несравненно болѣе высокой степенью планомѣрности отличаются—если оставаться какъ я и имѣю въ виду въ настоящемъ очеркѣ, въ области нашей русской практики—выборочныя изслѣдованія, произведенныя, начиная съ 1896 года, въ рядѣ земскихъ губерній. Первое изъ нихъ, повидимому, подъ непосредственнымъ вліяніемъ популяризированныхъ у насъ А. И.

Чупровымъ идей Кіаэра, было организовано въ 1896 году А. В. Пѣшехоновымъ въ Козельскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, а затѣмъ было выполнено по тому же плану въ двухъ другихъ уѣздахъ той же губерніи Около того же времени начинаетъ усиленную пропаганду выборочнаго метода еще только начинавшій свою статистическую карьеру В. Г. Романъ. Подъ непосредственнымъ, повидимому, вліяніемъ его идей въ 1900—1902 гг. было выполнено по выборочному методу повторное изслѣдованіе крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства въ Вятской губерніи, въ настоящее же время подъ непосредственнымъ руководствомъ г. Громана ведется оцѣночно-статистическое изслѣдованіе Пензенской губерніи. Ради полноты необходимо упомянуть здѣсь же о повторномъ изслѣдованіи Воронежской губерніи, которое, однако, въ методологическомъ отношеніи не выдерживаетъ, какъ увидимъ ниже, никакого сравненія съ выборочными изслѣдованіями, выполненными и частью выполняемыми въ трехъ вышеназванныхъ губерніяхъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ придется со всею необходимою подробностью остановиться на существенныхъ методологическихъ особенностяхъ каждаго изъ перечисленныхъ, организованныхъ по выборочному принципу, крупныхъ статистическихъ предпріятій. Здѣсь мнѣ достаточно отмѣтить, что въ основѣ организаціи всѣхъ ихъ лежитъ та или иная комбинація выборочнаго со сплошнымъ изслѣдованіемъ, при чемъ характеръ этой комбинаціи позволяетъ разбить всѣ перечисленные случаи широко и планомѣрно поставленнаго выборочнаго изслѣдованія на два основныхъ типа: одинъ обнимаетъ тѣ случаи (Вятская и Воронежская губерніи), когда выборочное изслѣдованіе предпринимается въ качествѣ *повторнаго*, съ цѣлью выяснить, главнѣйшимъ образомъ, тѣ измѣненія въ складѣ экономической и соціальной жизни изслѣдуемаго района, какія могли послѣдовать за время, протекшее со времени сплошного основного изслѣдованія; сплошное и выборочное изслѣдованіе, въ случаяхъ этого рода, отдѣлены другъ отъ друга болѣе или менѣе продолжительнымъ промежуткомъ времени. Въ случаяхъ другой категоріи (Калужская, Пензенская губерніи) выборочное изслѣдованіе ведется *одновременно* со сплошнымъ и въ непосредственной, тѣснѣйшей связи съ нимъ — оба являются неразрывно связанными элементами одной статистической операціи—въ приведенныхъ случаяхъ основного оцѣночно-статистическаго изслѣдованія. Ниже мы увидимъ, какимъ образомъ это различіе отражается на самомъ содержаніи выборочнаго изслѣдованія.

Таковы главнѣйшія формы, въ которыхъ примѣняется, въ частности, въ русской статистической практикѣ, выборочный методъ. Само собою ясно, что законность его примѣненія,

не говоря о его такъ-сказать формальной «неготовности», возбуждаетъ и серьезныя принципіальныя сомнѣнія. Въ основѣ его лежитъ исключительно число, и при томъ не относительное число, *не доля*, какую отобранные случаи составляютъ въ общей массѣ, а *абсолютное число* отобранныхъ случаевъ. Можетъ быть, абсолютное число имѣетъ значеніе, *какъ минимумъ*, безъ котораго выборочное изслѣдованіе вообще становится непримѣнимымъ въ виду слишкомъ большого размѣра вѣроятной ошибки: изучаемъ ли мы массу, состоящую изъ 500, 5000 или 500000 экземпляровъ,—меньше 500, положимъ, случаевъ для выборочнаго изслѣдованія взять нельзя. Но *всегда ли можно довольствоваться* 400 или 500 случаевъ? На этотъ вопросъ, мнѣ кажется, надо отвѣтить отрицательно. Очень можетъ быть, что абсолютное число случаевъ является рѣшающимъ въ той искусственной обстановкѣ, которая отвѣчаетъ идеальнымъ требованіямъ теоріи, въ обстановкѣ опытовъ съ шарами или игръ, основанныхъ на случаѣ: если, въ самомъ дѣлѣ, 4000 бросаній монеты даютъ частоту выходовъ орла 0,507, уклоняющуюся отъ теоретической вѣроятности 0,5 въ полтора раза меньше, нежели допустимо было бы теоретически,—то намъ нѣтъ никакой надобности увеличивать число бросаній до 40000 или 400000, чтобы достигнуть частоты, положимъ, 0,5007,—потому что уже и при 4000 опытахъ мы получаемъ частоту достаточно близкую къ теоретической вѣроятности, и значитъ уже 4000 опытовъ даютъ достаточно отчетливое представленіе объ управляющемъ паденіями монеты общемъ законѣ. Если 16000 испытаній, сдѣланныхъ въ игрѣ въ рулетку, дали частоту выхода краснаго шарика 0,5015, намъ нѣтъ надобности умножать числа испытаній до 160000 или до 1600000, потому что уже при сравнительно небольшомъ ихъ числѣ—при 16000, частота очень мало уклоняется отъ теоретической вѣроятности, а слѣдовательно, опять-таки, даетъ достаточно отчетливое представленіе о законѣ, управляющемъ результатами игры въ рулетку. Можетъ-быть, обоснованіе выборочнаго метода на абсолютномъ числѣ наблюденій допустимо и въ изслѣдованіяхъ того типа, къ какому относятся упомянутыя выше работы А. А. Чупрова. Въ смыслѣ случайности выбора экземпляровъ изслѣдованія эти поставлены были въ такія же условія, какъ азартныя игры или опыты съ шарами. Равенство условій—по крайней мѣрѣ, при выборочномъ изслѣдованіи грамотности въ Московской губерніи—до извѣстной, по крайней мѣрѣ, степени гарантировалось однообразіемъ организаціи школьнаго дѣла въ предѣлахъ губерніи. А главное, нельзя вѣдь забывать, что абсолютно небольшое *число* отобранныхъ «экземпляровъ» селеній составляетъ достаточно значительную—около $^1/_{10}$, *долю* общаго числа «экземпляровъ» или случаевъ; что притомъ 500 селеній изображаютъ собою насе-

леніе, приблизительно, въ нѣсколько сотъ тысячъ душъ, т. е. опять-таки, достаточно большую долю населенія Московской или Тамбовской губерній. Но рѣшился ли бы кто-либо изъ статистиковъ настолько довѣриться методу Bowley, чтобы по признаваемому за теоретически достаточное абсолютному числу 500 дворовъ строить выводы относительно 500000 дворовъ, а тѣмъ болѣе—чтобы на основаніи данныхъ о взятыхъ на выборъ 500 индивидахъ судить о двухъ съ половиной или трехъ милліонахъ жителей губерніи? Конечно нѣтъ,—и ясно почему. Вѣдь въ области соціальныхъ явленій расширеніе поля наблюденія, умноженіе того общаго числа экземпляровъ или случаевъ, изъ котораго дѣлается выборка, не есть—какъ въ азартныхъ играхъ или опытахъ съ шарами—*простое умноженіе* числа равновозможныхъ случаевъ. Съ возрастаніемъ массы, въ области соціальныхъ явленій, конечно, *возрастаетъ и ея качественное разнообразіе*,—уѣздъ пестрѣе волости, губернія представляетъ несравненно болѣе разнообразія, нежели уѣздъ. И тѣ десятки, можетъ-быть и сотни, видовъ, разновидностей и оттѣнковъ изучаемаго явленія, какіе обнаруживаетъ всякая значительная соціальная масса, либо вовсе не найдутъ себѣ отраженія въ признанномъ теоретически-достаточнымъ числѣ 400 или 500 отобранныхъ случаевъ, либо будутъ представлены, каждый въ отдѣльности, столь ничтожнымъ числомъ попавшихъ въ выборку экземпляровъ, которое ни въ какомъ случаѣ нельзя признать законнымъ представителемъ даннаго типа или оттѣнка.

Сказанное, въ сущности, весьма близко соприкасается съ указаніями проф. Чупрова на теоретическую и практическую неразработанность того «варіанта» разсматриваемаго метода, необходимость котораго вытекаетъ изъ разнородности и пестроты соціальныхъ массъ, и сущность котораго должна была бы сводиться къ «разбивкѣ изучаемыхъ массъ на болѣе однородныя части», въ предѣлахъ которыхъ затѣмъ уже надлежало бы ставить выборочное изслѣдованіе. Вѣдь этотъ «варіантъ» въ соціальной статистикѣ—*не варіантъ, а общее правило*, и внѣ этого варіанта выборочное изслѣдованіе въ области соціальныхъ явленій можетъ оказаться примѣнимымъ въ видѣ развѣ только самаго рѣдкаго исключенія. Но разъ при организаціи выборочнаго изслѣдованія сколько-нибудь значительной соціальной массы приходится считаться съ пестротою и разнородностью отдѣльныхъ ея частей, то тѣмъ самымъ принципіально устраняется всякая возможность принимать сравнительно ничтожное абсолютное число за критерій типичности отобранныхъ случаевъ и законности основанныхъ на изученіи обобщеній.

Сказанное приводитъ насъ, затѣмъ, и къ сомнѣніямъ болѣе общаго характера—сомнѣніямъ, касающимся уже не только принципа *абсолютнаго* числа, но и вообще возможности обосно-

вающаго сравнительно небольшое число случаевъ, оказываются доступными такія статистическія задачи, которыя непосильны для обнимающаго во много разъ больше случаевъ сплошного перечета.

Есть ли, однако, спрашивается, такая увѣренность—увѣренность въ томъ, что̀ можно назвать *типичностью* коэффиціентовъ, выведенныхъ на основаніи частичнаго, выборочнаго изслѣдованія? Несомнѣнно, *такая увѣренность есть*, или точнѣе—она *можетъ* быть достигнута при правильной постановкѣ выборочнаго изслѣдованія. Утвердительный, въ принципѣ, отвѣтъ на поставленный вопросъ—прямое слѣдствіе того, въ свою очередь, вытекающаго изъ сущности закона большихъ чиселъ, положенія, что среднія величины и иные коэффиціенты, полученные для *цѣлой* большой массы случаевъ, будутъ весьма мало уклоняться отъ коэффиціентовъ, выведенныхъ для *достаточно большихъ частей* этой массы. И одинъ изъ вопросовъ, особенно занимающихъ современныхъ статистиковъ математическаго направленія (изъ нихъ особенно видное мѣсто принадлежитъ, въ данномъ случаѣ, Bowley),—это вопросъ, что̀ значитъ «*весьма мало*», что такое *достаточно большія части*»,—иначе сказать, вопросъ о *математическихъ гарантіяхъ* достовѣрности или типичности результатовъ выборочнаго изслѣдованія. Гарантій этихъ статистики математической школы ищутъ, конечно, въ *числѣ* выборочно-изслѣдованныхъ случаевъ, и въ лицѣ того же Bowley они находятъ ихъ въ математической теоріи погрѣшностей, въ частности, въ общеизвѣстномъ Гауссовомъ законѣ ошибокъ, въ силу котораго «вѣроятная ошибка средней будетъ убывать съ ростомъ числа взятыхъ на выборъ экземпляровъ въ отношеніи обратной пропорціональности корню квадратному» изъ этого числа. Работающій въ настоящее время надъ дальнѣйшимъ развитіемъ и усовершенствованіемъ основаннаго на изложенномъ положеніи способа обоснованія выборочнаго изслѣдованія, проф. А. А. Чупровъ произвелъ, между прочимъ, повѣрку его на рядѣ данныхъ земской статистики; онъ сдѣлалъ именно выборку изъ статистическихъ сборниковъ—по Московской губерніи для грамотности, по Тамбовской—для прироста населенія, сопоставилъ полученные изъ выбранныхъ цифръ коэффиціенты съ аналогичными коэффиціентами, полученными изъ сплошного подсчета, и результаты сопоставленія сравнилъ съ теоретически вычисленною, по методу Bowley, погрѣшностью. Результаты получились вполнѣ удовлетворительные: для выборочнаго изслѣдованія грамотности въ Московской губерніи, охватившаго 500 изъ общаго числа 5.200 селеній, вѣроятная ошибка, вычисленная по методу Bowley, опредѣлилась въ полпроцента; цифры земской переписи даютъ при сплошномъ подсчетѣ по 5.200 селеніямъ 47,6%, при выборочномъ по 500-мъ—

47,5%; разница всего 0,1%—впятеро меньше теоретически-вычисленной вѣроятной ошибки. Для выборочнаго изслѣдованія прироста въ Тамбовской губерніи, обнявшаго 400 изъ четырехъ съ лишнимъ тысячъ селеній, теоретическая вѣроятная ошибка—полтора процента, среднія цифры прироста (32,1% по выборочному и 33,5% по сплошному изслѣдованію) различаются на 1,4%,—хотя уже и не на много меньше, то тоже еще меньше, чѣмъ на теоретически вычисленную вѣроятную ошибку.

Итакъ, достаточность числа взятыхъ въ выборку случаевъ опредѣляется математически, на основѣ Гауссова закона ошибокъ, при чемъ, какъ подчеркиваетъ проф. А. А. Чупровъ въ своей рѣчи на XII съѣздѣ естествоиспытателей, важно именно *абсолютное число* взятыхъ на выборъ случаевъ, «а *какую долю* взятые экземпляры составляютъ по отношенію ко всей массѣ—одну десятую или одну сотую, или одну треть,—безразлично»; точность результата при отборѣ 500 случаевъ будетъ одинакова, будутъ ли эти 500 отобраны изъ 5200 или изъ 520 случаевъ. Какъ затѣмъ тщательно подчеркиваетъ проф. Чупровъ, разработка даннаго метода еще далеко не закончена. Съ одной стороны, построенія, лежащія въ основѣ вычисленія вѣроятной ошибки, «довольно сложны, пріемъ же слишкомъ юнъ, и практика еще не выработала удобныхъ пріемовъ, которымъ могли бы довѣриться лица, не владѣющія математическими основами теоріи», въ виду чего самъ Bowley предостерегаетъ лицъ, не располагающихъ математическою подготовкой, отъ пользованія его методомъ. Съ другой стороны, разработка метода не закончена и по существу,—не закончена при томъ въ такомъ направленіи, которое имѣетъ особенно важное значеніе при изслѣдованіи явленій соціальнаго порядка: соціальныя массы разнородны и пестры—отсюда необходимость «такихъ способовъ работы, которые стремятся предварительно разбить изучаемую массу на болѣе однородныя части, и лишь въ предѣлахъ такихъ частей ставятъ изслѣдованіе на почву выборочнаго метода». Но этотъ—какъ не совсѣмъ удачно выражается А. А. Чупровъ—«варіантъ» выборочнаго метода «недостаточно разработанъ теоретически, и условія, при которыхъ онъ представляется цѣлесообразнымъ, не вполнѣ выяснены». Само собою разумѣется, что о готовыхъ формулахъ, «рецептахъ», которые были бы примѣнимы къ *этому* «варіанту», не можетъ быть и рѣчи.

Трудно сказать, какіе результаты дастъ дальнѣйшая разработка математическаго метода обоснованія выборочнаго изслѣдованія, отъ которой А. А. Чупровъ еще только въ будущемъ ожидаетъ «рецептовъ», пригодныхъ для использованія статистиками, не обладающими спеціальною математическою подготовкой. Но въ настоящемъ своемъ видѣ данный методъ—

иначе сказать, возможность распространенія тѣхъ выводовъ, какіе получаются изъ статистическаго перечета части случаевъ, на массовое явленіе въ полномъ его объемѣ, всецѣло зависитъ отъ *подбора* выборочно-регистрируемыхъ случаевъ. Но предполагая таковой удачнымъ, примѣненіе выборочнаго метода приходится признать вполнѣ умѣстнымъ и законнымъ. По существу или логически, выборочный методъ—это тотъ же методъ, какъ опредѣленіе доброты какихъ-либо продуктовъ или матеріаловъ путемъ анализа сравнительно немногихъ, взятыхъ наудачу, пробъ (откуда и предлагаемое нѣкоторыми другое названіе выборочнаго метода—«методъ пробъ»), или опредѣленіе геологическаго строенія либо флористическаго характера мѣстности путемъ закладки нѣсколькихъ буровыхъ скважинъ или подробнаго, связаннаго даже съ перечетомъ экземпляровъ отдѣльныхъ видовъ растеній, изученія растительнаго покрова нѣсколькихъ взятыхъ на удачу площадей; тотъ же мотедъ, какой примѣняется на любомъ экзаменѣ, гдѣ знаніе всего курса опредѣляется путемъ немногихъ вопросовъ, касающихся лишь ничтожной части курса. Какъ и во всѣхъ этихъ случаяхъ, примѣненіе въ статистикѣ метода выборокъ или случайныхъ пробъ вполнѣ законно, *если нѣтъ тенденціознаго подбора;* если вообще есть основаніе предполагать, а тѣмъ болѣе если можно доказать, тождество условій, подъ вліяніемъ которыхъ слагались отобранные случаи, съ тою совокупностью условій, которыя лежатъ въ основѣ *всего* даннаго массоваго явленія, опредѣляя собою его общій складъ и внутреннее строеніе.

Для чего, въ самомъ дѣлѣ, нужно сплошное изслѣдованіе, связанное, по крайней мѣрѣ принципіально, съ полнымъ перечетомъ *всѣхъ* случаевъ изучаемаго явленія? Для чего нужны получающіяся путемъ такого перечета абсолютныя числа, дающія исчерпывающее измѣреніе данной соціальной массы? Прежде всего, само собою разумѣется, для разнообразнѣйшихъ практическихъ цѣлей: основанныя на сплошномъ перечетѣ абсолютныя цифры численности населенія необходимы для распланированія школьной сѣти, для организаціи медицинской помощи, для исчисленія размѣровъ продовольственныхъ ссудъ, для распредѣленія страны на избирательные округа и т. п.; сплошной учетъ ввоза и вывоза необходимъ для контроля надъ поступленіемъ таможенныхъ пошлинъ и для расчетовъ, касающихся торговаго и платежнаго баланса страны, для соображеній относительно ея таможенной политики и т. п.; абсолютныя цифры переселенческаго движенія, основанныя опять-таки, на сплошной регистраціи, нужны для учета занятыхъ и еще свободныхъ земель, для соображеній относительно размѣровъ предстоящей земельной заготовки, для исчисленія ссуднаго кредита и т. п. Необходимы абсолютныя цифры, слѣдовательно, необходимъ и лежащій въ

основѣ ихъ сплошной перечетъ, и для разрѣшенія немалаго числа задачъ научнаго характера: абсолютныя цифры ввоза и вывоза необходимы для изученія эволюціи промышленности и измѣненій экономической конъюнктуры; сплошной учетъ рабочихъ требуется для выясненія соціальнаго расчлененія населенія и происходящихъ въ этомъ расчлененіи перемѣнъ; безъ абсолютныхъ чиселъ разнаго рода преступленій нельзя изучать характера и въ особенности—движенія преступности въ странѣ. Но для научнаго освѣщенія безчисленнаго множества другихъ явленій абсолютныя числа неважны, а, слѣдовательно, не нуженъ и сплошной статистическій учетъ: во многихъ случаяхъ насъ интересуютъ именно лишь тѣ или другіе статистическіе коэффиціенты—только средніе типы и отношенія, только внутреннее строеніе соціальныхъ массъ, ихъ расчлененіе на тѣ или другіе элементы. Для характеристики полового состава рождающихся намъ совершенно не нужно знать, сколько именно родилось мальчиковъ и дѣвочекъ,—намъ интересно только отношеніе 105: 100, выражающее пропорцію мужскихъ и женскихъ рожденій; чтобы составить себѣ понятіе о сравнительной обезпеченности населенія различныхъ мѣстностей рабочею силой, намъ не важно знать абсолютное число мужчинъ рабочаго возраста,—намъ достаточно знать, что они составляютъ 25, 22, 18 % населенія; чтобы судить о сравнительной обезпеченности различныхъ группъ населенія рабочимъ скотомъ, намъ вовсе не нужно знать, какимъ числомъ лошадей обладаетъ каждая изъ нихъ,—намъ важны лишь среднія цифры—1,6, 2,0,2,5 лошадей на дворъ, и проценты безлошадныхъ, однолошадныхъ и т. п.; чтобы охарактеризовать потребленіе сахара въ странѣ, намъ нѣтъ никакой надобности знать число потребленныхъ милліоновъ пудовъ или килограммовъ,—намъ совершенно достаточно знать, что въ одной странѣ потребляется, положимъ, 6, въ другой 15 пудовъ на душу населенія. Важны, повторяю, *не массовыя абсолютныя цифры*, не полныя количества обладающихъ тѣмъ или инымъ признакомъ случаевъ явленія, а лишь *соотношенія между числами*. И если есть увѣренность, что имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи коэффиціенты съ достаточною точностью изображаютъ существующія въ данной соціальной массѣ соотношенія, то для насъ безразлично, выведены ли эти коэффиціенты изъ сплошного учета всей или изъ выборочнаго изслѣдованія части данной соціальной массы. А разъ это для насъ безразлично, то понятныя соображенія экономіи труда, времени и средствъ заставляютъ насъ предпочесть выборочное изслѣдованіе сплошному; и что не менѣе важно, разъ имѣется такая увѣренность, то на сцену выступаютъ тѣ общеизвѣстныя соображенія статистической методологіи, въ силу которыхъ для выборочнаго изслѣдованія, вообще для изслѣдованія, охваты-

ванія выборочнаго метода на какомъ бы то ни было, теоретически вычисленномъ, *числѣ* взятыхъ на выборъ случаевъ. Вѣдь методъ Bowley считается и—надо думать—можетъ считаться единственно съ числомъ и вовсе не считается съ *характеромъ отбора* попадающихъ въ выборку случаевъ или экземпляровъ. Пусть, однако, выборочное, изслѣдованіе крестьянскаго хозяйства охватило не только теоретически-достаточное абсолютное *число*, но и достаточную *долю* общаго числа крестьянскихъ дворовъ въ губерніи —хотя бы 100000 въ абсолютныхъ цифрахъ, одну пятую въ долѣ общей массы. Но въ одномъ случаѣ пусть это будутъ просто два цѣликомъ изслѣдованныхъ уѣзда данной губерніи; въ другомъ (какъ имѣло мѣсто при повторномъ изслѣдованіи Воронежской губерніи)—сплошная полоса, охватывающая нѣсколько десятковъ волостей нѣсколькихъ уѣздовъ и пересѣкающая всю губернію отъ сѣверной до южной границы, оставляя весь востокъ и западъ совершенно въ сторонѣ; въ третьемъ—отобранныя въ каждой волости, какъ типичныя, селенія, охватывающія, въ сложности, около одной пятой населенія волости: въ четвертомъ мы имѣемъ дѣло съ результатомъ регистраціи, коснувшейся всѣхъ селеній губерніи, но въ каждомъ изъ нихъ описавшей только каждый пятый, по порядку расположенія усадебъ, или десятый дворъ. Передъ лицомъ метода Bowley всѣ эти случаи равны. А между тѣмъ первый изъ перечисленныхъ пріемовъ далъ бы абсолютно негодный, второй—весьма сомнительный, третій—хорошій, четвертый—отличный результатъ. Еще менѣе способенъ, конечно, математическій пріемъ обоснованія выборочнаго изслѣдованія—по крайней мѣрѣ въ современномъ его видѣ—учитывать такое, тоже практически крайне важное, обстоятельство, какъ односторонность—намѣренная или ненамѣренная—подбора попадающихъ въ выборку случаевъ или экземпляровъ. Число опрошенныхъ предпринимателей или обслѣдованныхъ предпріятій болѣе нежели достаточно,—но, можетъ-быть, въ силу одного изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыхъ мнѣ придется коснуться ниже, въ отборъ попали по преимуществу болѣе крупныя предпріятія, а можетъ быть—организаторамъ выборочнаго изслѣдованія удалось устранить этотъ дефектъ и вытекающую отсюда погрѣшность въ обобщеніи. Число отобранныхъ для подробнаго опроса крестьянскихъ хозяйствъ совершенно достаточно,—но въ одномъ случаѣ допускалась замѣна неявившихся десятыхъ по порядковому нумеру дворохозяевъ одиннадцатыми, откуда воспослѣдовала погрѣшность въ сторону повышенія результата, въ другомъ такая замѣна не допускалась и вытекающей отсюда погрѣшности нѣтъ. Изслѣдованіе охватило совершенно достаточное число переселенческихъ поселковъ или колоній,—но можетъ-быть, что отборъ подлежавшихъ описанію поселеній

производился совершенно безпристрастно, безъ какой бы то ни было тенденціи; можетъ быть, напротивъ, агенты распродающей свои земли американской желѣзнодорожной компаніи выбирали колоніи для подворной переписи съ такимъ сознательнымъ разсчетомъ, чтобы дать возможно блестящую картину положенія колонистовъ; или, можетъ-быть, наоборотъ—выборочное изслѣдованіе поселковъ предпринято лицомъ, непоколебимо убѣжденнымъ въ непригодности даннаго района и въ зловредности его колонизаціи и потому—хотя бы и не вполнѣ сознательно—склоннымъ къ подбору неблагопріятныхъ случаевъ. Степень типичности результата въ каждомъ изъ приведенныхъ, въ видѣ примѣра, случаевъ будетъ совершенно различна, а между тѣмъ съ точки зрѣнія метода Bowley всѣ они будутъ равноцѣнны.

Такимъ образомъ, предложенные Bowley математическіе пріемы обоснованія и оцѣнки результатовъ выборочнаго изслѣдованія—по крайней мѣрѣ въ ихъ современномъ, пока еще почти зачаточномъ видѣ, имѣютъ въ виду лишь одну сторону дѣла—*число* выборочно изслѣдуемыхъ случаевъ, и совершенно не затрогиваютъ другой не менѣе важной стороны—правильности или неправильности, объективности или тенденціозности ихъ *отбора:* слѣдовательно, они неспособны выяснить и *общей равнодѣйствующей*—годности результатовъ выборочнаго изслѣдованія, ихъ типичности, ихъ способности дать матеріалъ для заключеній, могущихъ быть обобщенными на всю данную соціальную массу въ полномъ ея объемѣ. Для этого пока приходится оставаться при старыхъ, апостеріорныхъ пріемахъ повѣрки результатовъ выборочнаго наблюденія, правда, иногда нѣсколько обременительныхъ по массѣ затрачиваемаго на полученіе повѣрочнаго матеріала труда, но зато гарантирующихъ всестороннюю, какъ количественную, такъ и качественную годность выборочнаго изслѣдованія и доброкачественность его результатовъ. Этотъ пріемъ—*сопоставленіе данныхъ выборочнаго изслѣдованія съ изображающими аналогичные признаки явленія данными изслѣдованія сплошного.* Разъ въ этихъ, хотя бы очень немногихъ, признакахъ получилось достаточно близкое совпаденіе,—это служитъ порукою типичности и остальной, можетъ-быть, во много разъ большей массы признаковъ, даваемыхъ выборочнымъ изслѣдованіемъ, гарантируя и достаточность числа, и правильность отбора взятыхъ для выборочнаго изслѣдованія случаевъ; если получилось замѣтное расхожденіе—значитъ въ постановкѣ выборочнаго изслѣдованія былъ какой-нибудь существенный дефектъ, не позволяющій довѣряться его результатамъ. «Успѣхъ приложенія выборочнаго метода», справедливо говоритъ уже цитированный мною Г. Г. Швиттау, «опредѣляется возможностью повѣрки полученныхъ результатовъ

съ данными, полученными какимъ-либо инымъ, болѣе точнымъ методомъ наблюденія. Какъ установленіе достаточности числа наблюдаемыхъ единицъ, такъ и опредѣленіе ихъ соотношенія съ цѣлымъ, необходимо предполагаетъ наличность общихъ данныхъ, характеризующихъ изслѣдуемое цѣлое. Другими словами, выборочный методъ долженъ покоиться на результатахъ общихъ исчерпывающихъ наблюденій»; первое условіе успѣшности приложенія выборочнаго метода—чтобы его результаты «выдерживали повѣрку по даннымъ, полученнымъ посредствомъ массоваго исчерпывающаго метода». Или, какъ та же мысль значительно раньше была формулирована Майромъ: «опредѣленіе состава извѣстной соціальной массы по извѣстнымъ признакамъ на основаніи лишь частичнаго количественнаго опредѣленія этихъ признаковъ имѣетъ существенное значеніе для тѣхъ случаевъ, *гдѣ основные элементы соціальной массы уже извѣстны* съ достаточною точностью, по даннымъ сплошного учета, дальнѣйшее же измѣреніе этой массы, для болѣе точнаго учета ея, хотя и желательно, но не осуществимо въ полномъ объемѣ. Въ такихъ случаяхъ либо параллельно съ основнымъ изслѣдованіемъ производится изслѣдованіе дальнѣйшихъ признаковъ по выборочному методу (или методу пробъ), и полученный результатъ, путемъ соотвѣтственныхъ вычисленій, распространяется на всю массу, либо даже путемъ анкеты опредѣляется примѣрная средняя, величина для неподвергнутыхъ статистическому опредѣленію отношеній, имѣющихъ мѣсто внутри соціальной массы». И едва ли слѣдуетъ при этомъ особенно смущаться тою добавочною затратою труда, времени и средствъ, какой требуетъ полученіе сплошного повѣрочнаго матеріала: матеріалъ этотъ въ однихъ случаяхъ уже имѣется налицо, какъ результатъ ранѣе производившихся для тѣхъ или иныхъ цѣлей сплошныхъ исчисленій,—изъ него остается только выбрать тѣ самые экземпляры, какіе попали въ выборочное изслѣдованіе, и установить сходство или несходство ихъ среднихъ признаковъ съ таковыми же признаками, вычисленными для всей данной соціальной массы. Если же сплошное изслѣдованіе производится заново, одновременно съ выборочнымъ, то вѣдь не слѣдуетъ забывать, что сплошной перечетъ никогда не будетъ преслѣдовать однѣхъ только повѣрочныхъ цѣлей—никогда не будетъ простымъ придаткомъ въ выборочному изслѣдованію: въ видѣ правила онъ будетъ, независимо отъ своей повѣрочной роли, отвѣчать и другой важной научной и практической потребности—полученія абсолютныхъ цифръ, дающихъ полный перечетъ изучаемаго массоваго явленія съ наиболѣе существенными его признаками.

Сказанное приводитъ насъ назадъ, къ тому противоположенію двухъ основныхъ пріемовъ комбинированія выборочнаго изслѣдованія со сплошнымъ перечетомъ, которое было нами

формулировано раньше и которое, можно сказать, всесторонне разработано русскою, въ частности земской, статистической практикой. Эти два типа суть: одинъ—гдѣ выборочное изслѣдованіе повѣряется данными выполненнаго раньше основного изслѣдованія, носившаго характеръ сплошного перечета; второй—когда обѣ операціи, выборочное и сплошное изслѣдованіе, производятся одновременно и органически связаны между собой.

Характерный образчикъ перваго типа организаціи выборочнаго изслѣдованія (оставляя въ сторонѣ едва ли удачно задуманное повторное изслѣдованіе Воронежской губерніи) представляетъ повторное изслѣдованіе Вятской губерніи. Сплошная подворная перепись крестьянскаго хозяйства была выполнена здѣсь, какъ извѣстно, въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Повторное изслѣдованіе, предпринятое въ 1900—1902 годахъ, носило выборочный характеръ: оно охватило около одной пятой части всѣхъ селеній каждаго уѣзда и каждой волости, отобранной способомъ, о которомъ я упомяну нѣсколько ниже; въ этихъ отобранныхъ селеніяхъ подворная перепись производилась сплошь, охвативъ, въ итогѣ, пятую же часть населенія каждой волости, района и уѣзда. Въ цѣляхъ повѣрки типичности выборочнаго матеріала были извлечены, *для тѣхъ же селеній*, наиболѣе характерныя данныя переписи 80-хъ годовъ; изъ этихъ данныхъ выведены среднія величины и процентныя отношенія,—значитъ опредѣлены основные сводные признаки *попавшихъ въ выборку селеній* по даннымъ основного изслѣдованія, и эти цифры напечатаны въ особыхъ по каждому уѣзду табличкахъ («показатели типичности выбранныхъ селеній») рядомъ съ аналогичными средними же и относительными числами, выведенными *для всѣхъ селеній* соотвѣтственныхъ районовъ и волостей. Получилось, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, весьма близкое совпаденіе, притомъ, естественно, возрастающее по мѣрѣ перехода отъ волости къ району и уѣзду,— и это совпаденіе неопровержимо доказало, что отобранные 20% законно могутъ быть разсматриваемы какъ типичные для всего населенія, и что выводы изъ данныхъ по отобраннымъ селеніямъ могутъ быть распространяемы на всю губернію.

Какъ характерные образцы второго типа можно привести изслѣдованіе, организованное А. В. Пѣшехоновымъ въ Козельскомъ и продолженное его преемниками въ двухъ другихъ уѣздахъ Калужской губерніи, и руководимое В. Г. Громаномъ изслѣдованіе Пензенской губерніи, которое, начавшись въ 1909 г., имѣетъ завершиться въ нынѣшнемъ 1911 году. Въ томъ и другомъ случаѣ изслѣдованіе, какъ сплошное, такъ и выборочное, обняло *всѣ* селенія изучаемаго района. Въ Калужской губерніи каждый десятый дворъ, независимо отъ краткаго общаго подворнаго опроса, былъ опрошенъ по подробной программѣ

бюджетнаго характера. Въ Пензенской отборъ носилъ двустепенный характеръ: параллельно со сплошною переписью, каждый седьмой дворъ подвергался опросу по дополнительному къ сплошной переписи формуляру, дававшему подробныя свѣдѣнія объ урожаяхъ и посѣвахъ, объ арендныхъ цѣнахъ, стоимости живого и мертваго инвентаря, доходѣ отъ промысловъ и расходѣ на наемъ рабочихъ; затѣмъ, изъ числа этихъ отобранныхъ дворовъ во вторую выборку попадалъ въ селеніяхъ величиною до 200 дворовъ каждый третій, въ селеніяхъ свыше 200 дворовъ каждый шестой дворъ,—значитъ, если разсчитывать на все населеніе, каждый 21-й и каждый 42-й дворъ, и эти попавшіе во вторую выборку дворы опрашивались по еще болѣе подробной программѣ, обнимавшей главнымъ образомъ потребленіе, технику и детальнѣйшее описаніе скотоводства съ точки зрѣнія, преимущественно, вопроса о кормовыхъ средствахъ,—и независимо отъ этого для нихъ заполнялся рядъ спеціальныхъ бланковъ, съ подробнѣйшимъ описаніемъ земель купчихъ и арендованныхъ, вообще земель единоличнаго владѣнія [1]).

Какъ видно, между прочимъ, изъ приведенныхъ двухъ примѣровъ, при выборочномъ изслѣдованіи этого, *второго* типа, выполняемомъ одновременно со сплошнымъ учетомъ, всегда преслѣдуется двоякая цѣль: дать, съ одной стороны, полный количественный учетъ основныхъ элементовъ или признаковъ даннаго массоваго явленія, а съ другой—войти, для отобранныхъ случаевъ, въ такое детальное изслѣдованіе, какое, по условіямъ экономики и техники статистической работы, было бы невыполнимо при сплошномъ учетѣ [2]). Такого распредѣленія матеріала между сплошнымъ и выборочнымъ изслѣдованіемъ можетъ и не быть въ тѣхъ случаяхъ, которые мною отнесены къ *первому* типу. Повторное изслѣдованіе всегда задается цѣлью, прежде всего, прослѣдить происшедшія въ данной соціальной массѣ, за извѣстный періодъ, измѣненія: на-ряду съ этимъ можетъ, правда, имѣться, но можетъ и не имѣться въ виду углубленіе нашихъ представленій объ ея внутреннемъ строеніи—значитъ, выборочная программа повторнаго изслѣдованія можетъ быть, а можетъ и не быть шире программы основного, сплошного перечета; она можетъ быть даже сужена противъ послѣдней, чтобы прослѣдить существенныя, происшедшія въ

---

[1]) Въ позднѣе изслѣдованныхъ уѣздахъ на ряду съ плошною переписью произведена была трехстепенная выборочная, причемъ опрашивался, по программамъ возрастающей подробности, каждый 3-ій—9-й—27-ой дворъ.

[2]) Любопытна формула В. Г. Громана: «существуютъ», говоритъ онъ, «признаки—причины (факторы), и притомъ двухъ порядковъ—основные и производные, и признаки—слѣдствія». «Основные признаки—причины» составляютъ содержаніе сплошной переписи, «производные» входятъ въ программу первой, признаки слѣдствія — второй выборки. А. К.

данной соціальной массѣ измѣненія, можетъ оказаться достаточнымъ учесть, на отобранныхъ экземплярахъ, лишь немногіе основные признаки, не возобновляя учета вошедшихъ въ программу основного изслѣдованія второстепенныхъ элементовъ. Въ то время, поэтому, какъ программа выборочнаго изслѣдованія Вятской губерніи далеко подробнѣе программы основного изслѣдованія, давая весьма детальную характеристику условій землевладѣнія и хозяйства крестьянъ, въ Воронежской губерніи выборочное изслѣдованіе даннаго типа было выполнено по той же самой программѣ, какъ и основное, сплошное изслѣдованіе.

Такъ или иначе,—въ совокупности своей обѣ эти разновидности, вообще пріемъ обоснованія выборочнаго изслѣдованія на свѣркѣ его результатовъ съ результатами сплошного перечета приходится, при современномъ состояніи статистической методологіи и въ частности—при недостаточной еще, какъ по существу, такъ и въ формальномъ отношеніи, разработанности математическихъ критеріевъ, признать единственнымъ способомъ, гарантирующимъ типичность результатовъ выборочнаго изслѣдованія, а слѣдовательно и наше право распространять полученные изъ него выводы на всю массу случаевъ даннаго соціальнаго явленія. Безъ такого рода апостеріорной провѣрки выборочное иаслѣдованіе остается, въ самомъ дѣлѣ, «методомъ пробъ», которыя, можетъ быть удачно, а можетъ быть и нѣтъ, можетъ быть добросовѣстно, а можетъ случиться, что и съ искусственнымъ подборомъ, «нащупываютъ» случаи, въ совокупности своей типичные для даннаго массоваго явленія. Возможность пользоваться его результатами остается, въ значительной степени вопросомъ личнаго довѣрія къ умѣлости, статистическому чутью и добросовѣстности изслѣдователей или организаторовъ выборочнаго изслѣдованія.

Сопоставленіе данныхъ выборочнаго изслѣдованія съ результатами сплошного перечета—это способъ *провѣрить готовый результатъ* выборочнаго изслѣдованія, убѣдиться въ его большей или меньшей пригодности для обобщенія. Чтобы *обезпечить достиженіе*, въ этомъ смыслѣ, *удовлетворительнаго результата*, нужны, во-первыхъ, *достаточное число*, и во-вторыхъ—*цѣлесообразный*—не говоря уже о добросовѣстности—*отборъ* случаевъ. Для рѣшенія вопроса о *числѣ* теорія, какъ мы видѣли, пока не выработала объективныхъ критеріевъ,—во всякомъ случаѣ не выработала такихъ, которые могли бы быть утилизированы представителями такъ называемой «общей статистики», не обладающими спеціальною математическою подготовкой. Установленіе числа остается дѣломъ статистическаго чутья—дѣломъ того «чувства цифры», которымъ долженъ обладать организаторъ и руководитель какого бы то ни было, а въ особенности—выборочн-

наго изслѣдованія. Въ видѣ фактической справки упомяну, что въ нашей, русской статистической практикѣ число отбираемыхъ случаевъ колеблется, обычно, между $^1/_{10}$ и $^1/_5$ всѣхъ случаевъ, чаще приближаясь къ послѣднему, чѣмъ къ первому предѣлу. Отборъ второй степени, какой дѣлался въ Пензенской, частью въ Вятской губерніи, распространяется на $^1/_{20}$, $^1/_{40}$, даже на $^1/_{100}$ случаевъ, представляя собой, въ случаяхъ послѣдняго рода, какъ бы переходъ отъ еще сохраняющаго массовый характеръ выборочнаго изслѣдованія къ немассовому, монографическому.

Что касается до пріемовъ или принциповъ отбора экземпляровъ, то намъ нѣтъ особой необходимости особенно подробно останавливаться здѣсь на доказательствѣ нецѣлесообразности того, по обычному словоупотребленію, «случайнаго» отбора, какой получается самъ собою, главнымъ образомъ, при корреспондентскомъ способѣ, благодаря поступленію отвѣтовъ лишь на нѣкоторую, иногда болѣе или менѣе ничтожную, часть разосланныхъ запросовъ. Такой отборъ всегда и во всѣхъ отрасляхъ статистики—будетъ ли это статистика промышленныхъ предпріятій, или статистика условій труда, или статистика урожаевъ, или какая бы то ни была иная,—даетъ результаты, болѣе или менѣе замѣтно уклоняющіеся отъ средняго массоваго типа, и причину такого отклоненія результата, при всемъ разнообразіи конкретныхъ случаевъ, можно свести къ такой общей формулѣ: разъ отвѣты получаются не отъ всѣхъ, то отвѣчаютъ въ однихъ случаяхъ по преимуществу тѣ, кому есть чѣмъ похвалиться, кому нечего скрывать или стыдиться, въ другихъ—тѣ, кому есть на что пожаловаться, кто хочетъ обратить общественное вниманіе на свое дѣйствительное или мнимое бѣдственное положеніе. Поэтому, статистика промышленныхъ предпріятій или данныя о размѣрахъ заработной платы, полученныя путемъ корреспондентскаго опроса предпринимателей, статистика урожаевъ, основанная на добровольныхъ сообщеніяхъ сельскихъ хозяевъ, дадутъ прикрашенные противъ дѣйствительности результаты, статистика той же заработной платы, или продолжительности рабочаго времени, основанная на сообщеніяхъ рабочихъ, даже оставляя въ сторонѣ вопросъ о намѣренныхъ искаженіяхъ истины, всегда представитъ дѣйствительность въ чрезмѣрно мрачномъ видѣ.

Въ силу причинъ другого порядка, но съ подобнаго же рода уклоненіями отъ массоваго типа приходится считаться и при той, названной нами «зачаточною» или переходною, формѣ выборочнаго изслѣдованія, когда отборъ экземпляровъ тоже еще не опирается на какой-либо опредѣленный принципъ, а регистраціи подвергаются просто тѣ случаи, какіе «попадаются подъ руку». Теченіе тифа въ больницахъ, въ виду какъ подбора попадающихъ

туда больныхъ, такъ и особенностей окружающей ихъ въ періодѣ леченія обстановки, не то, что въ массѣ случаевъ, протекающихъ внѣ больницъ; практика, вообще кругъ наблюденій врача, изучающаго въ своей лечебницѣ или на своемъ кругѣ паціентовъ дѣйствіе новаго метода леченія, не будутъ типичными для всей той массы больныхъ, къ которымъ могъ бы найти себѣ примѣненіе данный методъ, а потому и результаты его опытовъ легко могутъ оказаться недостаточно типичными. Монета, находившаяся въ кассахъ государственныхъ сборщиковъ и казначеевъ въ моментъ де-Фовилевской анкеты, едва ли тождественна, въ смыслѣ подбора видовъ денежныхъ знаковъ, ихъ возраста и т. п., съ монетою, въ то же самое время циркулировавшею въ странѣ, а тѣмъ болѣе съ тою, которая хранилась въ копилкахъ или чулкахъ французскихъ мужиковъ.

Несравненно болѣе типичные для массы результаты можетъ дать такое выборочное изслѣдованіе, въ основу котораго положенъ планомѣрный отборъ случаевъ, типичныхъ для всѣхъ тѣхъ дробныхъ частей, на которыя, по тѣмъ или другимъ признакамъ, можетъ быть разложена изучаемая соціальная масса. Однако, и этотъ пріемъ отбора страдаетъ существеннымъ недостаткомъ, не устраняющимъ, впрочемъ, возможности вполнѣ удачнаго въ отдѣльныхъ случаяхъ его примѣненія: они ставятъ результатъ въ слишкомъ тѣсную зависимость отъ индивидуальныхъ свойствъ—отъ умѣлости, чутья и безпристрастія изслѣдователя или организатора изслѣдованія. Выше я въ немногихъ словахъ охарактеризовалъ тотъ весьма элементарный пріемъ, который примѣненъ былъ мною лично при выборочномъ изслѣдованіи крестьянскаго хозяйства въ нѣсколькихъ западно-сибирскихъ уѣздахъ. Анализъ полученныхъ результатовъ и въ частности—тѣ замѣчательныя правильности, которыя получились при обработкѣ собраннаго матеріала, въ связи съ совершеннымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было указаній на необходимость внесенія поправокъ въ полученные выводы,—всѣ эти обстоятельства позволяютъ думать, что попытка примѣненія упомянутаго пріема отбора изслѣдованныхъ селеній была проведена достаточно удачно. И тѣмъ не менѣе, принять результаты поставленнаго такимъ образомъ выборочнаго изслѣдованія, допустить обобщеніе сдѣланныхъ на основаніи выборочнаго матеріала заключеній, или нѣтъ,—это остается дѣломъ какъ бы личнаго довѣрія къ умѣлости и безпристрастію изслѣдователя: послѣдній легко могъ оказаться и просто недостаточно чуткимъ въ опредѣленіи типичности отбиравшихся для изслѣдованія селеній, и что еще гораздо хуже—при такой операціи, какъ не обставленный никакими объективными критеріями выборъ типическихъ селеній, легко и даже совершенно незамѣтно для самого изслѣдователя могла явиться извѣстная

предвзятость: если я смотрю на условія жизни въ данной мѣстности оптимистически, я легко могу отбросить, какъ «нетипичныя», бѣднѣйшія селенія, и наоборотъ—они-то и покажутся изслѣдователю-пессимисту особенно типичными. На далеко болѣе объективныя основанія былъ поставленъ отборъ селеній при повторномъ изслѣдованіи Вятской губерніи. Здѣсь этотъ отборъ былъ пріуроченъ, прежде всего, къ уже ранѣе, независимо отъ даннаго изслѣдованія, намѣченнымъ районамъ; при этомъ «всѣ селенія района дѣлились на такое число группъ, которое равнялось бы числу назначенныхъ къ изслѣдованію (по разсчету 20% общаго числа) селеній. Дѣленіе на группы производилось, прежде всего, по размѣрамъ землевладѣнія общинъ»: если этотъ признакъ давалъ меньше группъ, чѣмъ сколько требовалось описать селеній въ данномъ районѣ, то намѣчались болѣе дробныя группы — «по размѣрамъ землевладѣнія на дворъ, по пропорціи угодій и затѣмъ по другимъ экономическимъ признакамъ». Такая разбивка районовъ на болѣе дробные подрайоны или группы, въ основаніи которой лежали главнымъ образомъ чисто-количественные признаки, выясненные болѣе ранними изслѣдованіями, сводила просторъ для личнаго усмотрѣнія при отборѣ подлежащихъ переписи селеній до минимума, а апостеріорная повѣрка, какъ мы видѣли, доказала полную типичность полученныхъ результатовъ. Но не будь этой апостеріорной повѣрки, въ типичности этихъ послѣднихъ все-таки еще нельзя было бы быть вполнѣ увѣреннымъ, потому что и при опредѣленіи границъ районовъ, и при разбивкѣ ихъ на подрайоны или группы, и въ особенности при выборѣ внутри послѣднихъ подлежавшихъ описанію селеній, все-таки еще оставался нѣкоторый просторъ и для неумѣлости, и для проведенія предвзятаго взгляда организаторовъ выборочнаго изслѣдованія. Или еще примѣръ, уже изъ области статистики условій труда. Въ этой области весьма употребителенъ пріемъ опредѣленія годовой заработной платы по даннымъ за одну или за нѣсколько, чаще всего за 4 недѣли, въ послѣднемъ случаѣ—принадлежащія къ различнымъ временамъ года. Иногда въ соотвѣтственныхъ инструкціяхъ не указывается даже, *какую* или какія недѣли надо взять,—въ такомъ случаѣ все дѣло ставится въ зависимость отъ субъективнаго усмотрѣнія отдѣльныхъ, дающихъ отвѣты, предпринимателей, большинство которыхъ, конечно, выберетъ такія недѣли, когда условія оплаты труда были наиболѣе благопріятны. Чаще спрашиваютъ о заработной платѣ за точно указанную недѣлю или недѣли. Въ такомъ случаѣ просторъ для произвола дающихъ отвѣты предпринимателей отпадаетъ, но зато открывается полный просторъ для субъективнаго усмотрѣнія организаторовъ изслѣдованія, которые могутъ и угадать, и не угадать типичныя для разныхъ временъ года недѣли, и

которымъ, конечно, крайне трудно, вѣрнѣе невозможно, угадать такую *одну* недѣлю, которая была типичною для цѣлаго года.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ конкретныя обстоятельства дѣлаютъ примѣненіе пр ема планомѣрнаго отбора экземпляровъ неизбѣжнымъ и заставляютъ мириться съ его недостатками. Такъ, въ Вятской губерніи пріемъ сплошной переписи въ выбранныхъ селеніяхъ (а при отборѣ селеній субъективный элементъ неустранимъ!) диктовался преобладаніемъ мелкихъ и мельчайшихъ селеній, при которомъ обратный пріемъ—пріемъ опроса во всѣхъ селеніяхъ опредѣленной части дворовъ—представлялся бы практически неосуществимымъ. Съ другой стороны, вліяніе отмѣченныхъ недостатковъ разсматриваемаго пріема можетъ быть сведено къ минимуму при цѣлесообразной организаціи изслѣдованія,—и во всякомъ случаѣ оно можетъ быть, до извѣстной степени, измѣрено извѣстными намъ способами апостеріорной провѣрки. Тѣмъ не менѣе, наилучшими все-таки приходится признать такіе пріемы, гдѣ отборъ подлежащихъ описанію единицъ или случаевъ изслѣдуемаго массоваго явленія всецѣло предоставленъ *случаю*—конечно, не въ томъ грубо-житейскомъ смыслѣ («что попадется подъ руку»), съ какимъ мы встрѣтились, говоря о лишенныхъ планомѣрности частичныхъ изслѣдованіяхъ, а въ томъ, какъ этотъ терминъ понимается въ теоріи вѣроятностей; иначе сказать—гдѣ отборъ производится по какому-нибудь механическому принципу, не стоящему ни въ какой связи, ни прямой, ни косвенной, съ цѣлями и задачами даннаго изслѣдованія и устраняющему всякое вліяніе субъективнаго усмотрѣнія какъ изслѣдователя, такъ и населенія, въ его роли объекта изслѣдованія. Законъ большихъ чиселъ является при такой постановкѣ дѣла гарантіею въ томъ, что въ достаточномъ числѣ отобранныхъ экземпляровъ уравновѣсятся всѣ случайности, и общій результатъ достаточно близко совпадетъ съ тѣмъ, какой получился бы изъ сплошного учета, а слѣдовательно, выяснитъ типическіе признаки, характерные для всей изучаемой соціальной массы. По существу не приходится возражать противъ примѣненія для этой цѣли того пріема простой жеребьевки, которымъ пользовался А. А. Чупровъ при упомянутыхъ выше опытахъ практическаго примѣненія метода Bowley. На практикѣ, однако, простая жеребьевка примѣняется, сколько мнѣ извѣстно, рѣдко,—обычно пользуются такими пріемами отбора, которые, не въ меньшей мѣрѣ удовлетворяя требованію полной механичности, и, слѣдовательно, открывая полный просторъ дѣйствію случая въ указанномъ выше смыслѣ, въ то же время обезпечиваютъ равномѣрность распредѣленія выборочно-изученныхъ случаевъ по всему, такъ-сказать, пространству данной соціальной массы. Такими пріемами являются, напримѣръ, отборъ каждаго десятаго или пя-

таго рабочаго по ведущемуся въ фабричной конторѣ алфавитному перечню рабочихъ предпріятія,—каждаго 5-го, 7-го, 10-го, 21-го, 42-го двора по «территоріальному» списку, или говоря проще—въ порядкѣ расположенія усадебъ по улицамъ селенія, или по любому другому признаку, вообще въ любомъ порядкѣ, лишь бы только послѣдній—какъ упоминалось—безусловно ничѣмъ не былъ связанъ съ цѣлями и задачами даннаго изслѣдованія и въ особенности—былъ совершенно независимъ отъ усмотрѣнія и воздѣйствія какъ опрашивающаго, такъ и опрашиваемыхъ. Съ этой точки зрѣнія не вполнѣ удовлетворительнымъ приходится признать, напримѣръ, отборъ пятыхъ, десятыхъ и т. п. домохозяевъ, *по порядку явки* къ статистическому опросу; *этотъ* порядокъ, съ одной стороны, зависитъ отъ усмотрѣнія подлежащихъ опросу лицъ, при чемъ есть не мало вѣроятія въ пользу того, что лица, интересующіяся опросомъ, будутъ предвосхищать очередь, а мало интересующіяся будетъ запаздывать и вообще подгонять свою очередь такъ, чтобы не попасть подъ выборочный опросъ; а между тѣмъ, степень проявленнаго интереса къ статистическому опросу, несомнѣнно, стоитъ въ связи съ такими чертами характера (интеллигентность, любознательность и т. п.), которыя такъ или иначе отражаются на хозяйственной дѣятельности и на благосостояніи отдѣльныхъ индивидовъ. Съ другой стороны, порядокъ выхода къ опросу до извѣстной степени зависитъ и отъ разныхъ оттѣнковъ, нерѣдко неуловимыхъ и даже подсознательныхъ, въ поведеніи самого опрашивающаго: отъ его манеры вызывать къ опросу, торопить медлящихъ и т. п., отъ его тона, который можетъ сильнѣе отпугивать, или, напротивъ, привлекать однихъ, нежели другихъ. Мало того, легко можетъ случиться, что опрашивающій подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ обстоятельствъ (мимоходомъ бросаемыя присутствующими при переписи замѣчанія, имѣющіяся предварительныя свѣдѣнія, иногда даже просто особенности чьего-либо внѣшняго вида) заинтересуется тѣмъ или другимъ изъ явившихся къ опросу и—можетъ-быть—опять-таки даже совершенно незамѣтно для самого себя—подведетъ его подъ очередь опроса, или же наоборотъ—что онъ отведетъ отъ очереди кого-нибудь такого, кто ему покажется слишкомъ несообразительнымъ, не интересующимся дѣломъ и т. п.; а это дастъ уже совершенно опредѣленную односторонность въ отборѣ опрашиваемыхъ и пойдетъ окончательно въ разрѣзъ съ принципомъ механичности отбора.

Однажды установленный, тотъ или другой механическій принципъ—будетъ ли это жеребьевка, номеръ по какому бы то ни было списку и т. п.—долженъ проводиться съ безусловною послѣдовательностью, безъ какихъ бы то ни было отступленій, такъ или иначе открывающихъ лазейку для произвола опра-

шивающихъ или опрашиваемыхъ, вообще—для той или другой односторонности въ отборѣ. Достаточно вспомнить о выборочномъ изслѣдованіи Козельскаго уѣзда, чтобы увидѣть, какое значеніе можетъ имѣть такая кажущаяся мелочь, какъ—казалось бы—совершенно естественная замѣна почему-либо не явившихся десятыхъ нумеровъ одиннадцатыми по порядку; какъ констатируетъ руководитель этого изслѣдованія А. В. Пѣшехоновъ, такая замѣна имѣла слѣдствіемъ замѣтное повышеніе уровня попавшихъ въ выборку дворовъ; и это совершенно понятно, потому что не являлись въ очередь чаще всего одиночки, занятые неотложными работами въ своемъ хозяйствѣ или еще скорѣе—по найму, за забранныя деньги, и такимъ образомъ неявки въ очередь устраняли отъ опроса, главнымъ образомъ, слабѣйшія домохозяйства. Съ тѣмъ же явленіемъ пришлось встрѣтиться и организаторамъ выборочнаго изслѣдованія Пензенской губерніи, гдѣ такая замѣна неявившихся въ очередь сначала тоже допускалась, и они поступили совершенно цѣлесообразно, когда затѣмъ, при пересмотрѣ инструкцій, безусловно запретили подобнаго рода замѣну, хотя, конечно, тѣмъ самымъ осложнили технику своей работы.

Сказаннымъ исчерпывается то, что я имѣлъ сказать по поводу постановки выборочнаго изслѣдованія, какъ она выработалась, по преимуществу, въ русской статистической практикѣ. И не слѣдуетъ—замѣчу въ заключеніе—удивляться тому, что именно у насъ, въ Россіи, опыты примѣненія выборочнаго метода дѣлались, можетъ-быть, шире и систематичнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Напротивъ, можно быть увѣреннымъ, что *именно у насъ* этому методу, въ математическомъ ли обоснованіи, если таковое выйдетъ изъ современнаго, зачаточнаго фазиса, или въ томъ, которое выработано нашею русскою статистическою практикой, предстоитъ въ будущемъ еще гораздо болѣе широкое примѣненіе. Порукою въ томъ является огромность тѣхъ задачъ, которыя стоятъ передъ русскою хозяйственною статистикою, при бѣдности нашей интеллигентными силами. При такой комбинаціи условій, разумѣется, для насъ особенно важенъ выборочный методъ, который позволяетъ совмѣстить возможную экономію этихъ силъ съ полною научною цѣнностью результатовъ.

По поводу второй всероссійской переписи [1]).

Послѣднія десятилѣтія ознаменовались небывалымъ осложненіемъ соціальной жизни, небывалымъ расширеніемъ задачъ соціальной политики. И въ соотвѣтствіи съ этимъ съ каждымъ десятилѣтіемъ, можно сказать, съ каждымъ годомъ предъявляются все новые и новые запросы къ статистикѣ—этому единственному орудію количественнаго познанія явленій соціальной жизни. Все новые и новые запросы предъявляются въ частности къ крупнѣйшимъ изъ статистическихъ операцій—къ переписямъ. И каждый разъ эти новые запросы, эти насущныя требованія жизни, встрѣчаются со строгими, не желающими идти на компромиссы, требованіями статистической методологіи. У насъ, вотъ уже нѣсколько лѣтъ, идутъ разговоры о предстоящей—теперь, повидимому, уже скоро—второй всеобщей переписи. Въ подсекціи статистики 12-го съѣзда естествоиспытателей поднимается вопросъ о дополненіи ея программы нѣкоторыми пунктами, касающимися вопроса о школьномъ обученіи; желательно—отвѣчаетъ подсекція; но— лишь «поскольку это совмѣстимо съ требованіями техники всеобщей переписи населенія»[2]). Широко развившаяся промышленная жизнь настойчиво требуетъ промышленной переписи—о необходимости ея говорятъ теоретики, о ней же говорятъ организаціи предпринимателей; на *двѣ* переписи—населенія и промышленную—надѣяться въ нашихъ условіяхъ почти что невозможно; единственный практически мыслимый исходъ—*слить* эти двѣ переписи, или, говоря точнѣе—включить въ народную перепись элементы переписи профессій и предпріятій. Но этому противорѣчатъ требованія статистической методологіи, а потому и теоретики, и дѣловые люди ведутъ явно безнадежные разговоры о *двухъ* переписяхъ.

Конечно, не считаться съ требованіями статистической методологіи и техники нельзя. «Чтобы строить науку—справедливо замѣчаетъ Сеньобосъ—надо исходить не отъ нашего идеала, не

---

[1]) Изв. Имп. Русск. Геогр. Общества за 1913 г.

[2]) Считаю обязанностью отмѣтить, что эта оговорка внесена была по м о е й иниціативѣ. Три года тому назадъ мое отношеніе къ «техникѣ переписей» было не то, какое развивается на нижеслѣдующихъ страницахъ.

отъ той науки, которую мы *хотимъ построить*, а отъ дѣйствительности, отъ тѣхъ *матеріаловъ, какими мы можемъ располагать*». Мнѣ самому уже неоднократно приходилось выступать противъ дѣлавшихся въ разныхъ областяхъ обществовѣдѣнія «покушеній съ негодными средствами»,—попытокъ выйти изъ поставляемыхъ статистическою методологіею рамокъ. Но *считаться* съ возможностями статистическаго метода, *сообразоваться* съ указаніями статистической методологіи—это одно. Совсѣмъ другое—*признавать ихъ за нѣчто незыблемое* и, безъ всякой критики, приносить имъ въ жертву насущные запросы жизни и науки. И если между этими запросами и требованіями статистической методологіи оказывается противорѣчіе, надо прежде всего спросить себя: нельзя ли измѣнить пріемы статистическаго изученія такъ, чтобы сдѣлать ихъ способными служить запросамъ жизни и науки. «Одно изъ двухъ должно быть измѣнено — писалъ я нѣсколько лѣтъ тому назадъ по поводу 4-й Петербургской городской переписи: либо надо сократить программы, либо долженъ быть измѣненъ основной организаціонный принципъ. Но не человѣкъ созданъ для субботы, а суббота для человѣка,—пріемы регистраціи не являются такою самоцѣлью, къ которой слѣдовало бы подгонять программы исчисленія; наоборотъ—*методологическіе пріемы должны быть сообразуемы съ объемомъ и степенью сложности программъ*». Аналогичныя соображенія—хотя и по нѣсколько иному поводу—высказываетъ и проф. А. А. Чупровъ: «неизмѣнно встрѣчаемая на практикѣ,—говоритъ онъ,—примѣсь операцій, идущихъ въ разрѣзъ съ самою идеей переписи,—не случайный дефектъ организаціи переписи профессій; перекрещиваніе разнородныхъ методологическихъ началъ органически связано съ существомъ задачи учета расхода народнаго труда въ условіяхъ современнаго хозяйственнаго строя. А такъ какъ жизнь не вернется, въ угоду статистикамъ (и—добавлю отъ себя—статистической методологіи), къ болѣе удобнымъ для учета путемъ переписи формамъ средневѣковаго городского ремесла, то и дальнѣйшее усовершенствованіе постановки переписей занятій должно идти *не въ сторону очищенія переписей отъ чужеродныхъ элементовъ, а въ направленіи планомѣрнаго согласованія вливающихся въ переписную работу сторонніхъ началъ съ техническими свойствами тѣхъ организаціонныхъ рамокъ, въ которыхъ имъ приходится при этомъ выступать*[1]).

---

[1]) Предисловіе къ книгѣ Полляка «Профессія какъ объектъ статистическаго учета». Спб. 1913. Не мало соображеній, относящихся къ затронутому въ текстѣ вопросу, разбросано во второй части моей книги «Теорія и методы статистики» (2-ое изд.), и особенно — въ ея нѣмецкой переработкѣ: «Theorie und Methoden der Statistik».

И дѣйствительно: подъ вліяніемъ все расширяющихся и углубляющихся запросовъ науки и жизни, статистическая практика все шире и шире раздвигаетъ прокрустово ложе той статистической методологіи, которой мы учились, главнымъ образомъ, по нѣмецкимъ книжкамъ и которая была оформлена, главнымъ образомъ, статистическими конгрессами третьей четверти прошлаго столѣтія. Я уже не буду говорить о представляющихъ, можно сказать, сплошное нарушеніе этихъ требованій американскихъ цензахъ, не буду потому, что какъ разъ здѣсь къ пшеницѣ подмѣшано слишкомъ много плевеловъ; не буду говорить и о классическихъ германскихъ промышленныхъ переписяхъ, къ которымъ мнѣ придется вернуться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Упомяну только о нашей земской статистикѣ, выработавшей себѣ, можно сказать, свою собственную методологію: и въ тѣхъ задачахъ, которыя себѣ ставитъ земская статистика, и въ тѣхъ вопросахъ, которые она берется разрѣшать, она ушла безконечно далеко отъ тѣхъ ограничительныхъ требованій, какія предъявляетъ методологическая догма; и въ соотвѣтствіи съ этимъ она выработала для себя совершенно своеобразный рабочій механизмъ. Въ глазахъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ русскихъ представителей статистической науки то, что они называютъ «увлеченіями» земской статистики, не заслуживаетъ оправданія. Но какъ бы ни были, дѣйствительно, велики увлеченія отдѣльныхъ земскихъ статистиковъ въ сторону чрезмѣрной детальности программъ, каковы бы ни были отдѣльные дефекты земской статистики въ другихъ отношеніяхъ,—все-таки внесенныя ею и въ программномъ, и въ техническомъ отношеніи новшества являются ея неоцѣнимою заслугой. Земская статистика, по моему глубокому убѣжденію, указуетъ путь, по которому должна пойти и, рано или поздно, пойдетъ, въ особенности у насъ, эволюція общей статистической методологіи.

Посмотримъ же теперь, въ чемъ принципіальная сущность требованій, которыя предъявляетъ ходячая методологическая догма къ *содержанію* статистическаго наблюденія. Эта сущность выражена въ знаменитыхъ правилахъ Кетле, въ частности въ первомъ изъ этихъ правилъ, которое гласитъ: требовать отъ спрашиваемыхъ лицъ только такихъ свѣдѣній, которыя 1) безусловно необходимы для цѣлей данной статистической операціи и 2) которыя навѣрно можно получить. Въ такой формулировкѣ— это не болѣе, какъ простой трюизмъ. Но въ выработанной, главнымъ образомъ, нѣмецкими теоретиками и практиками и воспринятой нашими авторами интерпретаціи, трюизмъ этотъ пріобрѣтаетъ весьма опредѣленное значеніе и становится однимъ изъ главнѣйшихъ тормозовъ, задерживающихъ развитіе соціальной статистики. «Только тотъ признакъ,—говоритъ покойный Ю. Э. Янсонъ,—можетъ быть опредѣленъ при массовомъ наблю-

деніи, который очевиденъ и несомнѣненъ, и наличность котораго легко можетъ быть провѣрена, причемъ наблюдатель долженъ быть избавленъ отъ произнесенія сужденія о предметѣ наблюденія, долженъ быть поставленъ въ состояніе возможности не только легко и просто опредѣлить данный признакъ, но и провѣрить показаніе: только относительно *такихъ* признаковъ можно быть увѣреннымъ, что присутствіе или отсутствіе ихъ, констатированное наблюденіемъ, происходитъ не отъ ошибки наблюденія, а отъ дѣйствительнаго присутствія или отсутствія ихъ». Еще рѣзче подчеркиваетъ необходимость устранить моментъ субъективной оцѣнки, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще сильнѣе ограничиваетъ кругъ явленій и признаковъ, допускающихъ статистическій учетъ, одинъ изъ первыхъ современныхъ авторитетовъ—В. І. Борткевичъ: вмѣстѣ съ западно-европейскими, главнымъ образомъ, нѣмецкими, теоретиками онъ видитъ существенную особенность статистическаго метода въ томъ, «что регистрируются признаки внѣшніе, легко распознаваемые, относящіеся къ настоящему, а изъ относящихся къ прошедшему такіе, которые сохранили видимый слѣдъ и въ настоящемъ». И практическимъ воплощеніемъ *этихъ* методологическихъ требованій являются, или, по крайней мѣрѣ, признаются, программы народныхъ переписей, какъ онѣ санкціонированы въ главнѣйшихъ ихъ чертахъ статистическими конгрессами и какъ онѣ примѣняются, съ тѣми или другими видоизмѣненіями, въ практикѣ народныхъ переписей западно-европейскихъ странъ.

Едва ли, однако, необходимо останавливаться на доказательствѣ того положенія, что эти правила—это, въ лучшемъ случаѣ, именно *только правила народныхъ переписей*, какъ онѣ поставлены въ западно-европейскихъ государствахъ, и выработаны они, болѣе или менѣе исключительно, на основаніи указаній практики этихъ переписей. Да это и понятно: не можетъ существовать никакого общаго правила, способнаго нормировать содержаніе *всякаго* вообще, независимо отъ объема, статистическаго изслѣдованія. Вѣрно формулированное Eulenburg'омъ положеніе, представляющее собою, впрочемъ, лишь примѣненіе къ частному случаю общаго логическаго принципа: «кругъ вопросовъ, говоря вообще, увеличивается съ уменьшеніемъ величины объекта,—какъ содержаніе и объемъ, и вообще, по большей части стоятъ въ обратномъ отношеніи другъ къ другу». Если, значитъ, даже допустить, что содержаніе народной переписи и дѣйствительно должно ограничиваться самыми тѣсными рамками, то изъ этого не слѣдуетъ, что этихъ рамокъ нельзя расширять при изслѣдованіяхъ, распространяющихся не на всю страну, а на районъ, губернію или уѣздъ. И это по двоякаго рода основаніямъ. Съ одной стороны, чѣмъ обширнѣе районъ, тѣмъ труднѣе найти общіе для цѣлаго района симптоматическіе

признаки, доступные статистическому исчисленію; а когда послѣднее охватываетъ *всю страну*, количество такихъ общихъ признаковъ, естественно, становится минимальнымъ. Съ другой стороны, чѣмъ обширнѣе районъ, тѣмъ труднѣе подобрать такой комплектъ наблюдателей, которому была бы посильна болѣе содержательная программа, и особенно велика эта трудность, когда исчисленіе должно охватить *всю страну* и необходимое число наблюдателей измѣряется десятками и сотнями тысячъ.

Въ данномъ случаѣ, однако, указанное только-что обстоятельство не представляетъ для насъ существеннаго интереса: въ центрѣ послѣдняго въ данную минуту лежитъ *именно всенародная перепись*, а *ея* содержаніе во всякомъ случаѣ является минимальнымъ.

Но если даже остановиться на народныхъ переписяхъ, то нетрудно убѣдиться въ томъ, что строгія правила Кетле, особенно въ приданной имъ послѣдующими теоретиками интерпретаціи, *никогда не выполнялись и выполняться не могли*. Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, признаваемый образцовымъ формуляръ германскихъ народныхъ переписей, или не очень отъ него отступающій, въ существенныхъ чертахъ, формуляръ нашей первой всеобщей переписи. Вглядимся даже въ самые простые вопросы этого формуляра—имя, возрастъ, семейное состояніе, вѣроисповѣданіе. Здѣсь отвѣты, пожалуй, могли бы контролироваться,—но только однимъ путемъ: справкою съ паспортомъ или инымъ документомъ; мы знаемъ, однако, что такихъ справокъ, въ дѣйствительности, не наводится, а въ инструкціяхъ нашей первой всеобщей переписи имѣлась даже вполнѣ цѣлесообразная и въ нашихъ условіяхъ необходимая оговорка о томъ, что «для удостовѣренія правильности свѣдѣній, вносимыхъ въ переписные листы, предъявленія документовъ не требуется». Фактически, значитъ, отвѣты даже и на эти простѣйшіе вопросы остаются безъ всякой провѣрки. Нечего уже говорить о такихъ вопросахъ, какъ родной языкъ, мѣсторожденіе, продолжительность и характеръ проживанія въ данной мѣстности, а тѣмъ болѣе родъ занятій—тутъ провѣрка требовала бы, въ однихъ случаяхъ, сложной переписки или кропотливыхъ изслѣдованій (мѣсторожденіе! продолжительность проживанія!), въ другихъ не могла бы быть осуществлена никакимъ практически мыслимымъ способомъ (родной языкъ! временный характеръ проживанія!). Съ другой стороны, такіе вопросы, какъ профессія и въ особенности «главное» занятіе, какъ положеніе въ предпріятіи, какъ прежній заработокъ безработнаго, мало того—нерѣдко даже вѣроисповѣданіе, родной языкъ, продолжительность и характеръ проживанія, отнюдь не таковы, чтобы отвѣты на нихъ были всегда «очевидны» и «несомнѣнны»; въ извѣстной своей части эти вопросы относятся къ прошедшему, не оставившему видимаго въ

настоящемъ слѣда, а при опредѣленіи характера соотвѣтствующихъ фактовъ (главное или побочное занятіе, родной или обычный языкъ и т. п.!) ни наблюдатель, ни опрашиваемое лицо никоимъ образомъ не могутъ быть освобождены отъ произнесенія «сужденія о предметѣ наблюденія». Мало того: именно малочисленность и отрывочность признаковъ, обнимаемыхъ обычнымъ формуляромъ народной переписи, почти устраняютъ возможность примѣненія того *единственнаго* дѣйствительнаго орудія повѣрки правильности получаемыхъ свѣдѣній, какимъ можетъ располагать всецѣло опирающееся на показанія статистическое исчисленіе,—того *внутренняго* контроля достовѣрности каждаго индивидуальнаго показанія, какой становится возможнымъ, когда статистическій формуляръ представляетъ собою связную систему вопросовъ, относящихся къ такимъ признакамъ наблюдаемаго явленія, которые, по существу дѣла, должны стоять между собой въ нѣкоторомъ соотношеніи. Мнѣ нечего напоминать о томъ, что именно на этомъ внутреннемъ контролѣ базируется вся наша земская статистика. Но я не могу не сослаться здѣсь на проф. К. Г. Воблаго, который, подчеркивая при всякомъ случаѣ свое отрицательное отношеніе къ чрезмѣрному или признаваемому имъ за чрезмѣрное расширеніе статистическихъ программъ, тѣмъ не менѣе оказывается вынужденнымъ признать, что расширенная постановка вопросовъ германской профессіонально-промысловой переписи 1907 года значительно облегчила сопоставленіе и взаимный контроль собраннаго переписью матеріала[1]).

Вдумываясь ближе въ происхожденіе и смыслъ разсматриваемыхъ, возведенныхъ въ догму методологическихъ принциповъ, мы безъ особаго труда можемъ уяснить себѣ ихъ чисто историческій характеръ и породившія ихъ условія. Это, прежде всего, *ограниченность задачъ*, которыя видѣла передъ собой только-что зарождавшаяся въ современномъ ея видѣ статистика. Это, съ другой стороны, та *статистическая техника, которая сама, въ свою очередь, вырабатывалась въ разсчетѣ именно на эти ограниченныя задачи*. Въ самомъ дѣлѣ: только-что зарождавшееся въ XIX столѣтіи количественное изученіе явленій соціальной жизни при сравнительной, въ первое время, простотѣ подвергавшихся такому изученію явленій, при далеко еще неясномъ представленіи объ открытыхъ для статистическаго метода возможностяхъ, легко могло довольствоваться минимальнымъ количествомъ подвергаемыхъ учету признаковъ,—въ частности; могло довольствоваться тѣми 10—12 вопросами, которые вошли въ обычный формуляръ народной переписи. При широкомъ въ

---

[1]) Воблый, «3-я професс.-промысл. перепись въ Германіи», т. I, стр. 220.

такихъ странахъ, какъ Германія, Англія или Бельгія, распространеніи элементарной грамотности,—при томъ, далѣе, что практика еще не успѣла выяснить всѣхъ тѣхъ трудностей и осложненій, съ которыми фактически приходится считаться при учетѣ даже этого минимальнаго числа столь простыхъ, на первый взглядъ признаковъ, ничего не могло быть естественнѣе, какъ предоставить самимъ обывателямъ отвѣчать на это минимальное количество простѣйшихъ и, какъ казалось, всякому понятныхъ вопросовъ. Отсюда одинъ изъ трехъ китовъ современной статистической методологіи—*принципъ самосчисленія.* Вполнѣ естественнымъ былъ и другой, характерный особенно для германской статистики, принципъ—*организація переписей на началахъ почетной должности:* разнести и потомъ собрать не слишкомъ большое число формуляровъ, съ соблюденіемъ при этомъ нѣкоторой совокупности правилъ болѣе или менѣе элементарнаго характера; при случаѣ разъяснить обывателю тотъ или другой изъ казавшихся столь простыми пунктовъ формуляра; изрѣдка—заполнить формуляръ за малограмотнаго или не желающаго себя утруждать обывателя—все это казалось очень легкимъ и простымъ дѣломъ; поэтому казалось совершенно естественнымъ, ради удешевленія дѣла, воззвать къ столь развитому, напр., въ Германіи чувству гражданскаго долга, чтобы получить достаточный по числу и удовлетворительный по качеству контингентъ безплатныхъ временныхъ агентовъ — счетчиковъ, готовыхъ потратить пару дней времени на это несложное дѣло и способныхъ справиться съ этимъ несложнымъ дѣломъ. Въ конечномъ результатѣ—перепись, основанная на принципѣ самосчисленія и проводимая навербованнымъ изъ среды обывателей, по принципу «почетной должности», безплатнымъ персоналомъ. Организація эта, въ частности принципъ самосчисленія, признается «однимъ изъ существеннѣйшихъ успѣховъ современной правительственной статистики» (Майръ); она одна признается «отвѣчающею современнымъ требованіямъ» и способною дать гарантію правильности получаемыхъ цифръ (Конрадъ).

Сложившись, такимъ образомъ, при извѣстной совокупности условій, имѣя въ частности своею предпосылкой вытекавшую изъ обстоятельствъ времени простоту статистическихъ заданій, основанная на самосчисленіи и «почетной службѣ» организація переписей очень быстро сложилась въ своего рода методологическую догму или аксіому; она сдѣлалась одною изъ существенныхъ опоръ того прокрустова ложа, въ которое стремятся уложить самое содержаніе статистическаго исчисленія. Какъ это случилось—объ этомъ нѣсколько ниже. А сейчасъ отмѣчу другое обстоятельство или точнѣе—другую группу обстоятельствъ, которыя должны были вліять на эволюцію статистики въ томъ же направленіи. Дѣло вотъ въ чемъ. Разъ было признано нужнымъ

организовать правильныя переписи—естественно было стремиться къ тому, чтобы получить *точныя* цифры населенія. При текучемъ его характерѣ, обусловленномъ и естественнымъ движеніемъ—рожденіями и смертями, и движеніемъ механическимъ—передвиженіями населенія, было очень нелегко поставить дѣло такъ, чтобы учесть все наличное въ опредѣленный моментъ населеніе и не учесть никого лишняго; чтобы избѣжать—говоря техническимъ языкомъ—какъ пропусковъ, такъ и двойныхъ записей. Съ этимъ обстоятельствомъ пришлось считаться прежде всего при рѣшеніи вопроса о томъ, *какое населеніе* считать? Существо дѣла говорило за то, что въ основу учета цѣлесообразнѣе всего положить принципъ «*постояннаго*» или *осѣдлаго*» населенія: именно оно—именно тотъ комплексъ людей, который связанъ съ данною мѣстностью извѣстными болѣе или менѣе прочными отношеніями, является центромъ нашего интереса; именно оно, а не совокупность болѣе или менѣе случайно оказавшихся налицо въ данный моментъ людей, опредѣляетъ собою характеръ мѣстности или населеннаго пункта. Но понятіе постояннаго населенія было признано недостаточно отчетливымъ; боялись, что основанный на этомъ, недостаточно отчетливомъ, принципѣ учетъ населенія породитъ много пропусковъ и двойныхъ записей а потому въ основу переписей населенія былъ положенъ гораздо менѣе вытекающій изъ природы вещей, но зато гораздо болѣе отчетливый—какъ, по крайней мѣрѣ, казалось—принципъ «*наличнаго*» населенія,—наличнаго по какому бы то ни было поводу и на сколь угодно краткое время. Основною задачею переписи населенія стало—уловить *наличное населеніе* каждаго населеннаго пункта. Въ этомъ видѣли гарантію точности общаго учета населенія,—къ этому принципу была пріурочена вся техника переписей. Въ частности, изъ поставленной такимъ образомъ задачи вытекало стремленіе со всею мыслимою строгостью провести начало *однодневности* переписей: дѣло не ограничивалось тѣмъ, что учету подлежалъ составъ населенія, оказавшійся налицо въ опредѣленный часъ «критическаго дня»; изъ принципа однодневности дѣлался тотъ дальнѣйшій выводъ, что въ *теченіе этого самаго «критическаго дня» должна быть начата и закончена заключительная и рѣшающая операція переписи—отобраніе заполненныхъ формуляровъ*, и что подготовительныя къ ней операціи, въ частности—раздача формуляровъ, должны быть сконцентрированы въ возможно меньшее число дней, предшествующихъ критическому моменту. И вотъ, проводимый въ такомъ строгомъ видѣ принципъ однодневности сыгралъ въ интересующемъ насъ вопросѣ не менѣе, а можетъ быть—и болѣе важную роль, нежели основанная на самосчисленіи и на принципѣ «почетной должности организація переписей.

Разсмотримъ теперь въ отдѣльности каждый изъ перечисленныхъ факторовъ, въ той или другой степени повинныхъ въ возникновеніи и упроченіи интересующей насъ методологической догмы.

Начну съ принципа *наличнаго населенія*. Рѣшающимъ въ пользу его аргументомъ послужила, какъ я сказалъ, его большая отчетливость и связанная съ нею возможность въ мыслимой степени избѣгнуть пропусковъ и двойныхъ записей. Аргументъ этотъ оказался совершенно несостоятельнымъ. Какъ показали дѣлавшіяся нѣмецкими статистиками спеціальныя повѣрочныя изслѣдованія, пропуски, правда, ничтожны, но зато *чрезвычайно* значительны погрѣшности, вытекающія изъ двойныхъ записей. Природа вещей, естественно, подсказываетъ каждому, заполняющему переписные формуляры, записывать *всѣхъ обычныхъ* обывателей дома или квартиры, хотя бы часть ихъ находилась во временной отлучкѣ,—и никакія настоянія переписныхъ инструкцій, никакія старанія счетчиковъ не могутъ преодолѣть этой естественной склонности. Вполнѣ установлено—читаемъ мы въ монументальномъ коллективномъ трудѣ «Die Statistik in Deutschland nach ihrem heutigen Stand»[1]),—«что *временно отсутствующія лица, почти безъ исключенія, записываются въ тѣхъ домохозяйствахъ, гдѣ имъ слѣдовало бы находиться»;* что временно-наличное населеніе дѣйствительно регистрируется почти сплошь, но что и временно отсутствующіе въ значительной части показываются какъ наличные,—итогъ же проистекающихъ отсюда двойныхъ записей для всей Германской имперіи оцѣнивается германскими статистиками въ *400 тысячъ человѣкъ*. Такая погрѣшность, составляющая немногимъ болѣе полупроцента, могла бы показаться незначительной. Но столь незначительна она лишь въ итогахъ по цѣлой странѣ. Для городовъ и вообще для отдѣльныхъ частей страны она можетъ быть гораздо больше—Körösi, напримѣръ, опредѣлилъ для города Будапешта проистекшую изъ учета наличнаго населенія ошибку уже въ цѣлыхъ $2^1/_2$ процента. А разъ *единственный* серьезный доводъ, побуждавшій ставить во главу угла на личное, а не постоянное населеніе,—бо̀льшая точность учета численности населенія—оказывается совершенно несостоятельнымъ, то съ тѣмъ большею силою выступаютъ впередъ тѣ доводы, которые побуждаютъ выдвигать на первый планъ *не наличное, а постоянное, осѣдлое* населеніе; выдвигать его на первый планъ не только въ моментѣ *исчисленія* населенія, но и особенно въ послѣдующемъ моментѣ—статистической *разработки* его результатовъ. «Рѣшающее значеніе въ данномъ вопросѣ», говоритъ тотъ же Körösi, «имѣетъ то обстоятельство, что при современныхъ, отвѣчающихъ требованіямъ науки пере-

[1]) Т. I. стр. 203—204

писяхъ населенія дѣло уже давно не сводится къ простому *констатированію числа душъ*, къ простому quantum; главная суть дѣла—въ quale,—въ *демографическомъ описаніи* свойствъ населенія; что та большая статистическая операція, которую мы обозначаемъ старымъ терминомъ «переписи», «Volkszählung», въ сущности сдѣлалась «описаніемъ населенія» «Volksbeschreibung». А съ этой точки зрѣнія гораздо большее значеніе, чѣмъ просчетъ хотя бы въ 3 или въ 4%, имѣетъ то соображеніе, что посторонніе элементы населенія часто принадлежатъ какъ-разъ къ какой-либо опредѣленной группѣ населенія; при такомъ положеніи дѣлъ, характеристика такой спеціальной группы можетъ оказаться совершенно искаженною, если временное присутствіе оказывается рѣшающимъ признакомъ для введенія въ учетъ совершенно постороннихъ элементовъ, временное отсутствіе является достаточнымъ основаніемъ для исключенія изъ учета интегрирующихъ составныхъ элементовъ населенія». Для того же Будапешта «наличное» населеніе, по подсчетамъ Körösi, обнаруживаетъ значительно иное повозрастное распредѣленіе, нежели населеніе осѣдлое; для Гамбурга путемъ сопоставленія результатовъ разныхъ переписей удалось установить, что исчисленіе «наличнаго» населенія приводитъ къ совершеннымъ несообразностямъ въ учетѣ нѣкоторыхъ профессій. Вообще, «многіе вопросы», читаемъ мы въ уже цитированномъ коллективномъ трудѣ нѣмецкихъ статистиковъ, «въ частности вопросы квартирной статистики, статистики хозяйствъ, мѣсторожденія, родного языка, профессій лишь на почвѣ принципа осѣдлаго населенія могутъ получить соотвѣтствующее дѣйствительному положенію дѣлъ (sachgemäsze) освѣщеніе». Одинъ только примѣръ: «при учетѣ по наличному населенію домохозяйства изъ двухъ лицъ, въ случаѣ временной отлучки одного изъ нихъ, фигурируютъ въ переписи какъ одиночки, въ случаѣ временнаго отсутствія обоихъ они совершенно исчезаютъ изъ учета...; домохозяйства, гдѣ случайно отлучилась прислуга, учитываются какъ домохозяйства безъ прислуги»—и т. д. И конечный выводъ, къ которому приходитъ Körösi, въ частности въ примѣненіи *къ большимъ городамъ*, и который Beukemann, авторъ статьи о переписяхъ въ коллективномъ трудѣ «Statistik in Deutschland», считаетъ нужнымъ распространить на переписи *цѣлыхъ странъ*,—этотъ конечный выводъ сводится къ тому, что разработка переписей должна имѣть въ виду *не наличное*, а *осѣдлое* населеніе. «Что при этомъ», замѣчаетъ Beukemann, «необходимо установить точныя правила относительно того, какія лица должны почитаться членами домохозяйствъ и входящими въ составъ населенія данной области и даннаго населеннаго пункта,—это не можетъ помѣшать отказаться при разработкѣ переписей отъ такъ-называемаго «наличнаго населенія», не мо-

жетъ служить къ этому препятствіемъ и необходимость организовать для устраненія двойныхъ записей взаимную провѣрку показаній о временно наличныхъ и временно отсутствующихъ. Все это—частности чисто техническаго характера, и необходимость разобраться во всѣхъ такого рода частностяхъ не мѣшаетъ автору статьи о переписяхъ въ трудѣ, воплощающемъ коллективный опытъ нѣмецкихъ статистиковъ, выразить надежду, что «уже предстоящее въ 1915 году описаніе населенія—Volksschreibung—будетъ имѣть своимъ объектомъ осѣдлое населеніе».

Такимъ образомъ, даже на родинѣ традиціонной техники переписей, въ Германіи, догма «наличнаго населенія» является болѣе или менѣе окончательно подорванною. У насъ, въ Россіи, вопросъ о наличномъ или осѣдломъ населеніи не имѣетъ столь остраго значенія: уже при всеобщей переписи 1897 года регистраціи подлежали не только «всѣ находящіеся налицо въ данномъ хозяйствѣ въ день, къ которому пріурочена перепись, безразлично отъ того, постоянные ли они здѣсь жители или только временно пребывающіе», но также и «всѣ лица, принадлежащія къ составу этого хозяйства, но находящіяся во временной отлучкѣ». При первой всеобщей переписи комбинировались, такимъ образомъ, на равныхъ правахъ *оба* принципа: наличнаго и осѣдлаго населенія. Не будетъ поэтому никакой, всегда, конечно, нежелательной, коренной ломки, если при предстоящей второй переписи совершенно отказаться отъ мысли «сфотографировать» наличное къ опредѣленному моменту населеніе, и задаться возможно соотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію дѣлъ учетомъ *постояннаго* населенія. А это не только уже само по себѣ значительно упроститъ дѣло переписи; не только устранитъ безчисленное множество неизбѣжныхъ при учетѣ «наличнаго» въ опредѣленный моментъ населенія условностей,—но поведетъ за собой и дальнѣйшія, весьма важныя послѣдствія, о которыхъ я буду говорить сейчасъ. Правда, учетъ осѣдлаго населенія не обѣщаетъ дать *точной* цифры населенія—будутъ пропуски, будутъ и двойныя записи. Но *точной* цифры—мы видѣли—не даетъ и перепись «наличнаго» населенія; цифра получается только приближенная. Отказываясь отъ этого послѣдняго принципа, мы, такимъ образомъ, ничего не теряемъ, но избавляемся отъ одного изъ моментовъ, серьезнѣйшимъ образомъ осложнявшихъ и затруднявшихъ дѣло. Говорятъ, и справедливо говорятъ, что понятіе осѣдлаго населенія расплывчато и, по своей недостаточной отчетливости, трудно уловимо. Это обстоятельство, однако, не мѣшаетъ нашимъ земскимъ статистикамъ учитывать *именно осѣдлое* населеніе. Вполнѣ посильною будетъ эта задача и для всероссійской переписи, при цѣлесообразной ея организаціи и при соотвѣтствующемъ потребностямъ дѣла персоналѣ.

Я уже сказалъ, что переходъ къ учету не наличнаго, а осѣдлаго населенія повлечетъ за собой весьма важныя дальнѣйшія послѣдствія: онъ позволитъ значительно ослабить тѣ, такъ-сказать, процессуальныя требованія, которыя вытекаютъ изъ идеи переписи, какъ «моментальнаго снимка»—какъ способа изобразить въ неподвижномъ видѣ претерпѣвающее безпрерывныя частичныя измѣненія массовое явленіе; требованія, которыя, въ примѣненіи къ переписямъ населенія, воплощаются въ форму строго проводимаго принципа однодневности. *Сущность* этого принципа сводится къ тому, что всѣ данныя переписи пріурочиваются къ опредѣленному «критическому дню» и даже часу. Въ Германіи, при нашихъ городскихъ переписяхъ всѣ данныя пріурочиваются къ полуночи этого дня; при нашей первой всеобщей переписи они пріурочивались къ «утру». Уѣхавшій, умершій хотя бы непосредственно предъ наступленіемъ этого момента не попадаетъ въ перепись, бывшій налицо въ этотъ моментъ подлежитъ учету, хотя бы онъ умеръ или навсегда уѣхалъ тотчасъ же по его мимованіи. Самъ по себѣ безвредный, такой порядокъ регистраціи съ необходимостью вытекалъ изъ принципа наличнаго населенія. Онъ повелъ за собой, однако, и дальнѣйшія, уже далеко не безвредныя послѣдствія. Разъ составъ населенія долженъ регистрироваться именно въ томъ самомъ видѣ, какой оно имѣло въ критическій моментъ критическаго дня,—разъ при этомъ должны приниматься въ разсчетъ и мимолетное пребываніе, и мимолетная отлучка,—отсюда дѣлается правильный выводъ, что, значитъ, и переписныя операціи должны быть выполнены въ тотъ же самый день. Буквально выполнить это требованіе было невозможно. Но стремятся возможно приблизиться къ этому идеалу: на всю подготовительную работу—раздачу и заполненіе бланковъ, назначается три-четыре дня, а отобраніе заполненныхъ формуляровъ, связанное съ провѣркой записей и съ внесеніемъ измѣненій, которыя могли произойти между моментомъ заполненія формуляра и критическимъ моментомъ, должно быть обязательно закончено въ продолженіе одного «критическаго дня». Но чѣмъ быстрѣе должны быть закончены переписныя операціи, *тѣмъ больше должно быть число* выполняющихъ эти операціи временныхъ агентовъ-*счетчиковъ*. Разъ отобраніе формуляровъ должно быть закончено въ одинъ день, для выполненія этой операціи нужна цѣлая армія—десятки и сотни тысячъ, счетчиковъ; найти нужнаго числа людей не только съ какою-либо подготовкой, но даже просто сколько-нибудь интеллигентныхъ, очевидно, нельзя; приходится брать людей «съ борку да съ сосенки». И эту армію набранныхъ «съ борку да съ сосенки», въ большинствѣ стоящихъ на болѣе нежели посредственномъ уровнѣ интеллигентности людей тѣмъ труднѣе, можно сказать тѣмъ невозможнѣе подго-

товить къ дѣлу, что каждому изъ нихъ вѣдь предстоитъ работать всего немного дней, и ради этихъ немногихъ дней никто не согласится проходить чрезъ сколько-нибудь серьезную выучку. Но ясно, что на такой, въ громадномъ большинствѣ случайный, ad hoc не получившій и сколько-нибудь достаточной подготовки, персоналъ нельзя возлагать сколько-нибудь сложныхъ статистическихъ задачъ. А потому та общепринятая организація переписей, при которой заключительная переписная операція обязательно заканчивается въ одинъ день, является серьезнѣйшимъ препятствіемъ для всякаго существеннаго расширенія и углубленія содержанія переписей. При *такой* организаціи, дѣйствительно, приходится ограничивать это содержаніе минимальнѣйшимъ количествомъ элементарнѣйшихъ вопросовъ.

Для меня далеко не доказано, чтобы даже изъ строго понимаемаго *принципа однодневности* вытекала безусловная необходимость *однодневнаго выполненія*. Но въ данную минуту это для меня не важно. Пусть такая необходимость есть—но она, очевидно, есть лишь до тѣхъ поръ, пока задачей переписи ставится точный учетъ «наличнаго» въ данный «критическій» моментъ населенія. Отлучка на день или на нѣсколько часовъ кого-нибудь изъ обычнаго состава даннаго домохозяйства черезъ недѣлю, можетъ быть, дѣйствительно забудется; не трудно забыть о гостѣ или постояльцѣ, переночевавшемъ въ данной квартирѣ «критическую ночь». Но выполненіе переписной операціи, такъ-сказать, по свѣжимъ слѣдамъ становится совершенно ненужнымъ, разъ отказаться отъ оказавшейся практически неразрѣшимою задачи точнаго учета «наличнаго» въ данный моментъ населенія. Не случайность, что наша первая всеобщая перепись, комбинировавшая принципъ наличнаго съ принципомъ *осѣдлаго* населенія, вмѣстѣ съ тѣмъ не требовала такой быстроты выполненія переписныхъ операцій, какая требуется на западѣ: для раздачи и заполненія формуляровъ полагалось въ большихъ городахъ пять, въ малыхъ десять, въ сельскихъ мѣстностяхъ 20 дней; на отобраніе формуляровъ и ихъ окончательную повѣрку было положено въ городахъ два, въ сельскихъ мѣстностяхъ четыре дня. Если пойти дальше и совершенно отказаться отъ мысли о точномъ учетѣ «наличнаго» населенія, то переписныя операціи можно безъ всякаго риска растянуть на мѣсяцъ и болѣе. Это, можетъ-быть, помѣшало бы привести случайно-«наличный» составъ населенія къ «критическому моменту», но это никоимъ образомъ не помѣшаетъ учесть *осѣдлое* населеніе въ томъ составѣ, какой оно имѣло въ опредѣленный день—положимъ 1 января или на Свѣтлое Воскресенье. И черезъ двѣ, и черезъ четыре, и черезъ шесть недѣль нетрудно будетъ установить, кто родился или умеръ, кто выѣхалъ или кто пріѣхалъ на болѣе или менѣе постоянное пребываніе до или послѣ указаннаго дня,—вообще

установить *осѣдлое* населеніе даннаго дома или данной квартиры со всѣми его существенными признаками. Это потребуетъ, правда, извѣстныхъ усилій, извѣстной активности со стороны счетнаго персонала,—усилій и активности, которыхъ можно ожидать лишь при болѣе удовлетворительномъ его подборѣ и болѣе удовлетворительной подготовкѣ. Но, съ одной стороны, разбираться въ той казуистикѣ, какую неизбѣжно порождаетъ строгое проведеніе принципа «наличнаго» населенія, тоже не легко. Съ другой—и это главное, *удлиненіе времени*, назначаемаго для выполненія переписи, *позволитъ достигнуть значительнаго улучшенія переписного персонала*. Достаточно того, что въ десять или болѣе разъ уменьшится его численность; ясно, *что тысячи* хорошихъ счетчиковъ легче найти, чѣмъ *десятки тысячъ*, десятки тысячъ—легче, чѣмъ сотни. А затѣмъ, разъ счетчики будутъ приглашаться на мѣсяцъ или больше, создастся возможность посвятить нѣсколько дней на серьезное ихъ предварительное инструктированіе и на заполненіе пробныхъ формуляровъ. Достаточно, значитъ, отказаться отъ принципа «наличнаго» населенія, а съ нимъ—и отъ «однодневнаго» выполненія переписныхъ операцій, чтобы сразу создалась возможность располагать далеко лучше подобраннымъ и значительно лучше обученнымъ персоналомъ, чтобы, слѣдовательно, устранено было одно изъ серьезнѣйшихъ препятствій къ расширенію и углубленію содержанія статистическаго исчисленія.

Другимъ, не менѣе серьезнымъ препятствіемъ къ такому расширенію является *принципъ самосчисленія*—заполненіе формуляровъ самимъ подлежащимъ переписи населеніемъ. «Если формуляры», говоритъ Bowley, «должны заполняться самимъ населеніемъ, то вопросы и по формѣ, и по существу должны быть гораздо проще, чѣмъ когда они должны заполняться оффиціальнымъ органомъ»—агентомъ статистической организаціи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, продолжаетъ Bowley, формуляры могутъ быть сложнѣе, вопросы могутъ имѣть гораздо ярче выраженный «инквизиторіальный» характеръ; при такой постановкѣ дѣла можно «ставить такіе вопросы, которые, разъ отвѣчать на нихъ предоставлено невѣжественному населенію, со стороны большинства не вызовутъ ничего, кромѣ неопредѣленныхъ отвѣтовъ, потому что оффиціальный органъ будетъ настаивать на полной опредѣленности отвѣтовъ, будетъ устранять явно невѣрное и продолжать перекрестный опросъ до тѣхъ поръ, пока неопредѣленные сначала отвѣты не примутъ соотвѣтствующую задачамъ исчисленія форму». Мнѣ нѣтъ надобности ссылаться здѣсь на опытъ нашей земской статистики: въ своихъ переписяхъ она оперируетъ исключительно пріемомъ опроса, и еще покойный А. И. Чупровъ подчеркивалъ, что только при *такой* постановкѣ дѣла могли быть осуществены выполненныя зем-

скими статистиками детальнѣйшія изслѣдованія, тогда какъ при «бланковомъ» способѣ «возможно было бы получать лишь самыя элементарныя данныя». Гораздо важнѣе для меня отмѣтить, что тотъ самый Майръ, который въ принципѣ самосчисленія видитъ «одинъ изъ существеннѣйшихъ успѣховъ современной административной статистики», однако, самымъ рѣшительнымъ образомъ подчеркиваетъ, что и въ этомъ случаѣ «доведеніе до крайности разумнаго, самъ по себѣ, принципа можетъ привести къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ»; онъ предостерегаетъ и противъ стремленія «письменнымъ путемъ получать такіе отвѣты, которые по существу дѣла не могутъ быть получены этимъ путемъ» [1]), и противъ такой постановки вопросовъ, при которой отвѣты должны даваться въ формѣ, облегчающей послѣдующую разработку матеріала, но зато значительно осложняющей трудъ заполняющаго формуляры обывателя; онъ, въ частности, категорически осуждаетъ организацію германскихъ промышленныхъ переписей, поскольку онѣ стремятся достигнуть выполненія всей обширной программы учета какъ профессій, такъ и предпріятій при помощи, какъ онъ его называетъ, «обыкновеннаго письменнаго пріема». На этомъ частномъ вопросѣ мнѣ ниже придется подробнѣе остановиться. Въ данную минуту мнѣ нужно только ссылкою на непререкаемый статистическій авторитетъ Георга Майра лишній разъ подтвердить то, въ сущности, само собою ясное положеніе, что техническій принципъ самосчисленія является не менѣе существеннымъ, нежели строго проводимое начало однодневности, тормозомъ для качественнаго прогресса статистическаго исчисленія. Я говорю—само собою ясное; ясно, въ самомъ дѣлѣ, что массовый обыватель, посредственно или мало интеллигентный, можетъ-быть, и сможетъ письменно отвѣтить на небольшое число предложенныхъ ему въ печатной формѣ простѣйшихъ по содержанію вопросовъ, но что для него будетъ рѣшительно не подъ силу самостоятельно заполнить отвѣтами сколько-нибудь сложную статистическую программу.

Весьма низкій уровень культурности нашихъ народныхъ массъ заставилъ уже организаторовъ нашей первой всеобщей переписи значительно съузить примѣненіе выработанной западноевропейской практикой догмы самосчисленія. Въ селеніяхъ—а въ селеніяхъ живетъ, примѣрно, около шести седьмыхъ всего населенія нашей страны; или какъ опредѣленнѣе выражено въ дальнѣйшихъ инструкціяхъ, «въ крестьянскихъ дворахъ на земляхъ крестьянскихъ обществъ» переписные листы заполняются «особыми счетчиками при содѣйствіи должностныхъ лицъ сельскаго управленія»; первоначальное заполненіе переписныхъ листовъ производится «непремѣнно путемъ обхода каждаго

[1]) Allg. Statist. Archiv, т. I, стр. 106.

двора», окончательная провѣрка и приведеніе записей къ критическому моменту—либо тѣмъ же способомъ, либо столь обычнымъ въ нашей земской статистикѣ способомъ «созыва всѣхъ хозяевъ селенія для опроса». Подробности эти, впрочемъ, несущественны. Важно, что *главная масса населенія имперіи была переписана по способу словеснаго опроса*, результаты котораго уже счетчиками заносились въ переписные формуляры. Дальше этого организаторы первой всеобщей переписи не рѣшились пойти: они удержали принципъ самосчисленія и для городовъ, гдѣ переписные листы должны были заполняться квартирохозяевами, и для владѣльческихъ усадебъ, и для стоящихъ хотя бы и въ чертѣ селеній домовъ и дворовъ «лицъ разныхъ сословій», гдѣ заполненіе листовъ возлагалось на владѣльцевъ усадебъ и т. п.—на счетчикахъ же, по отношенію къ городскому и внѣ городскому не-крестьянскому населенію, лежали лишь тѣ вспомогательныя обязанности, какія характерны для «обыкновеннаго письменнаго пріема»—самосчисленія.

Казалось бы, что въ данномъ отношеніи слѣдуетъ пойти еще дальше, чѣмъ пошли организаторы первой всеобщей переписи, и отказаться отъ принципа самосчисленія не только для сельскаго, но и для городского населенія. Важна, конечно, не сословная принадлежность, важно не проживаніе въ городѣ или въ деревнѣ—важенъ *массовый культурный уровень*. А между тѣмъ культурный уровень массы населенія нашихъ малыхъ и среднихъ городовъ, конечно, не настолько выше культурнаго уровня крестьянъ, насколько это было бы необходимо для успѣха переписи, построенной на принципѣ самосчисленія. Въ столицахъ массовый культурный уровень, несомнѣнно, выше, нежели гдѣ бы то ни было въ нашей странѣ. А между тѣмъ, сравнивая между собою инструкціи и практику четырехъ петербургскихъ переписей, мы видимъ, какъ организаторы ихъ, отъ одной переписи къ другой, все сильнѣе ограничивали примѣненіе заимствованнаго съ запада принципа самосчисленія и все болѣе переносили центръ тяжести переписной операціи на заполненіе формуляровъ счетчиками со словъ переписываемаго населенія. Фактически самосчисленіе выродилось въ фикцію—фикцію не только безполезную, но и прямо вредную; сохраненіе ея, во-первыхъ, причиняетъ счетчикамъ, при малограмотности населенія, множество лишнихъ хлопотъ и беретъ много лишняго времени, а, во-вторыхъ, по необходимости выполняемая счетчиками переправка неудовлетворительно заполненныхъ обывателями листковъ представляетъ собою операцію, нерѣдко болѣе трудную и во всякомъ случаѣ болѣе непріятную, нежели простое заполненіе формуляра со словъ откровенно-неграмотнаго обывателя, главное же—даетъ, въ концѣ-концовъ, весьма плохой по внѣшности, а нерѣдко и

по содержанію, матеріалъ[1]). Въ *общее правило* и для городовъ, и для сельскихъ мѣстностей должно быть—повторяю—возведено *заполненіе формуляровъ счетчиками со словъ переписываемаго населенія*, а заполненіе формуляровъ самими обывателями,—все равно, будутъ ли это квартирохозяева-горожане, или владѣльцы усадебъ, или крестьяне-домохозяева, должно быть разсматриваемо какъ исключеніе, допускаемое лишь по прямой иниціативѣ обывателя и при наличности у счетчика убѣжденія въ томъ, что данный обыватель сможетъ успѣшно справиться съ этою задачей. Для такой постановки дѣла имѣются прецеденты: достаточно указать на американскіе цензы или на австрійскую промышленную перепись 1902 года. А между тѣмъ, болѣе послѣдовательное проведеніе того техническаго принципа—словеснаопроса, который по отношенію къ значительному большинству населенія имперіи дѣйствовалъ и при первой всеобщей переписи, устранитъ второе существенное препятствіе къ требуемому жизнью расширенію и углубленію содержанія переписи.

Послѣдній изъ подлежащихъ нашему разсмотрѣнію факторовъ—принципъ «*почетной должности*», для насъ имѣетъ лишь третьестепенное значеніе. Въ нашихъ условіяхъ всегда было трудно, трудно и сейчасъ, разсчитывать на сколько-нибудь широкое примѣненіе этого принципа. Мало разсчитывали на него и организаторы первой всеобщей переписи: по общему правилу, завѣдывающіе переписными участками «набирали счетчиковъ изъ среды мѣстнаго населенія за опредѣленное вознагражденіе», и лишь факультативно имъ предоставлялось «также привлекать къ дѣлу переписи безвозмездныхъ себѣ помощниковъ или счетчиковъ». Надо думать, что и организаторы предстоящей второй всеобщей переписи не найдутъ возможнымъ въ болѣе широкой мѣрѣ примѣнить начало почетной должности. Надо надѣяться въ частности, что они не возобновятъ крайне неудачнаго опыта привлеченія безплатныхъ сотрудниковъ обѣщаніемъ медалей: любители медалей—это, конечно, не та среда, которая могла бы обезпечить доброкачественный контингентъ счетчиковъ, и желаніе украсить себя медалью—не тотъ мотивъ, который могъ бы въ сколько-нибудь широкой мѣрѣ гарантировать активный интересъ къ дѣлу переписи. Да и помимо этого—не только въ нашихъ, но и въ несравненно болѣе для него благопріятныхъ условіяхъ, напр., въ Германіи, начало почетной должности можетъ лишь неблагопріятно вліять на постановку статистическаго исчисленія. Прежде всего—дареному коню въ зубы не смотрятъ; разъ разсчитываютъ на безплатный трудъ, тутъ уже нельзя быть

[1]) См. объ этомъ подробнѣе въ моемъ совмѣстномъ съ И. Ф. Макаровымъ докладѣ «По поводу переписи гор. С.-Петербурга 15 декабря 1910 г.», въ Извѣстіяхъ И. Р. Геогр. Общества за 1911 г. и отдѣльною брошюрой.

разборчивымъ по отношенію къ тѣмъ, кто предлагаетъ свои безплатныя услуги; тутъ не можетъ быть рѣчи о сколько-нибудь строгомъ выборѣ подходящихъ для цѣлей переписи элементовъ; соглашающихся безплатно работать счетчиковъ не приходится утруждать и сколько-нибудь продолжительнымъ инструктированіемъ. Но и помимо этого: какъ констатируютъ имѣющіе опытъ въ этомъ дѣлѣ нѣмецкіе статистики въ уже неоднократно цитированномъ коллективномъ трудѣ, «отъ безплатно работающихъ счетчиковъ нельзя требовать продолжающейся нѣсколько дней непрерывной работы. Отсюда—необходимость формировать мелкіе счетные участки», чтобы на счетчика приходилось не болѣе 60, 50 или даже 40 домохозяйствъ[1]). Проведеніе, въ сколько-нибудь ощутительныхъ размѣрахъ, начала почетной должности еще усугубляетъ, поэтому, вліяніе начала однодневности, поскольку изъ него вытекаетъ необходимость въ арміяхъ счетчиковъ: *безплатныхъ* счетчиковъ приходится набирать во всякомъ случаѣ гораздо большее число, нежели какимъ возможно ограничиться при платномъ трудѣ; оно усугубляетъ его вліяніе и постольку, поскольку оно устраняетъ возможность подбора доброкачественнаго персонала и сколько-нибудь серьезнаго его инструктированія,—оно заставляетъ, слѣдовательно, сжимать содержаніе статистическаго исчисленія въ еще болѣе тѣсныя рамки, нежели какія были бы мыслимы при иной организаціи переписного персонала.

Подведемъ итоги сказанному. Изъ числа тѣхъ факторовъ, которые въ совокупности своей такъ сильно тормозятъ развитіе статистическаго исчисленія, которые являются субстратомъ, выростившимъ ограничительныя требованія ходячей методологической догмы, намъ, въ Россіи, съ принципомъ почетной должности серьезно считаться не приходится. Начало самосчисленія у насъ не имѣетъ прочныхъ корней и уже въ силу низкаго культурнаго уровня нашихъ народныхъ массъ должно окончательно уступить мѣсто пріему изустнаго опроса. Вытекающая изъ стремленія къ точному учету наличнаго населенія однодневность выполненія переписныхъ операцій перестаетъ быть необходимой, такъ какъ самъ принципъ наличнаго населенія не оправдалъ себя и долженъ быть замѣненъ принципомъ постояннаго населенія,—а съ этимъ связана возможность растянуть переписныя операціи на гораздо болѣе продолжительное время; отсюда—возможность во много разъ сократить число счетчиковъ, а слѣдовательно,—возможность и гораздо лучшаго отбора, и гораздо лучшаго ихъ инструктированія.

Но надо, чтобы эта *возможность* превратилась и въ *дѣйствительность*. Окончательный переходъ къ пріему изустнаго

---

[1]) Die Stat. in Deutschl., т. I, стр. 219.

опроса и значительное продленіе времени, назначаемаго на выполненіе переписныхъ операцій—эти два рѣшительныхъ отступленія отъ практики западно-европейскихъ переписей только устранятъ тѣ два коренныхъ *отрицательныхъ* условія, которыя тормозятъ качественное развитіе статистическаго исчисленія. Для того, чтобы создать и необходимыя для того *положительныя* условія, необходимо самымъ рѣшительнымъ образомъ порвать съ традиціей первой всеобщей переписи, поскольку она пріурочивала функціи завѣдующаго переписнымъ участкомъ къ должности земскаго начальника, общее руководительство переписью въ губерніи и уѣздѣ возлагала на принимавшія, ad hoc, названіе переписныхъ комиссій смѣшанныя административныя присутствія, а для комплектованія счетнаго персонала готова была довольствоваться и «наиболѣе грамотными изъ отставныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ» и просто «мѣстными обывателями изъ грамотныхъ». Надо отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что нахожденіе въ должности земскаго начальника никоимъ образомъ не можетъ быть признано сколько-нибудь достаточною квалификаціею для завѣдыванія переписнымъ участкомъ и для выполненія связанныхъ съ такимъ завѣдываніемъ руководительскихъ и контролирующихъ функцій,—какъ, впрочемъ, недостаточна и квалификація тѣхъ Staats- und Gemeindebeamte, на усиленное привлеченіе которыхъ къ дѣлу переписей возлагаетъ свои надежды Георгъ Майръ; и что не только «наиболѣе грамотные нижніе чины» и «мѣстные обыватели изъ грамотныхъ», но даже «приказчики и конторщики владѣльческихъ усадебъ» или «владѣльцы и приказчики мѣстныхъ лавокъ» не дадутъ въ массѣ сколько-нибудь годнаго контингента счетчиковъ; что съ *такимъ* контингентомъ не только нельзя—въ самомъ дѣлѣ!—мечтать о какомъ-либо расширеніи содержанія статистическаго исчисленія, но нельзя надѣяться сколько-нибудь успѣшно провести даже перепись обычнаго минимальнаго объема. Какъ я выше сказалъ, даже въ *минимальную* программу переписи входитъ рядъ рубрикъ, заполненіе которыхъ требуетъ и вполнѣ сознательнаго отношенія къ дѣлу, и умѣнья разбираться въ довольно сложныхъ иногда обстоятельствахъ даннаго индивидуальнаго случая; вся, вообще, переписная операція требуетъ такой степени точности, а успѣшное, не исключительно формальное, ея выполненіе требуетъ такого интереса къ дѣлу, какіе мыслимы лишь при вполнѣ сознательномъ отношеніи къ смыслу и задачамъ статистическаго исчисленія. Организаторы предстоящей второй всероссійской переписи, несомнѣнно, отдаютъ себѣ отчетъ въ невозможности обосновать организацію переписи на земскихъ начальникахъ и «грамотныхъ» обывателяхъ—объ этомъ свидѣтельствуютъ хотя бы ихъ заботы о томъ, чтобы теперь же провести черезъ состоящіе при центральномъ статистическомъ

комитетѣ статистическіе курсы возможно большій контингентъ молодыхъ людей, обладающихъ достаточною для участія въ переписи (конечно, на руководительскихъ роляхъ) квалификаціей. Удастся ли это или нѣтъ, возможно ли въ частности разсчитывать къ 1915 году превратить молодыхъ людей, которые *только теперь поступаютъ* на статистическіе курсы, въ зрѣлыхъ для выполненія руководительскихъ и контролирующихъ функцій статистиковъ—это вопросъ, на который я не рѣшаюсь дать категорическаго отвѣта. Но если и признать направленныя въ эту сторону заботы организаторовъ будущей переписи цѣлесообразными, *достаточными* ихъ во всякомъ случаѣ признать нельзя. Двѣсти человѣкъ выучениковъ статистическихъ курсовъ на всю нашу необъятную страну—это капля въморѣ. Чтобы успѣшно провести перепись хотя бы минимальнаго объема, нужны *тысячи* людей, способныхъ организовать и провести перепись въ губерніяхъ, уѣздахъ и переписныхъ участкахъ. А для этого нужно мобилизовать всѣ наличныя статистическія силы, и на первомъ мѣстѣ выработавшійся главнымъ образомъ въ земской статистикѣ контингентъ уже готовыхъ статистическихъ работниковъ. Нужно, вмѣстѣ съ тѣмъ значительно повысить требованія, предъявляемыя къ счетчикамъ: минимальная, на мой взглядъ, квалификація должна соотвѣтствовать квалификаціи сельскаго учителя; и именно учительскій персоналъ обоего пола, вмѣстѣ съ учащимися, тоже обоего пола, высшихъ учебныхъ заведеній, могутъ дать наиболѣе подходящій контингентъ счетчиковъ. Если, въ соотвѣтствіе съ изложенными выше соображеніями, потребность въ счетчикахъ будетъ измѣряться въ нѣсколько разъ, можетъ-быть въ десять разъ меньшими цифрами, чѣмъ какія требовались бы при болѣе или менѣе строгомъ проведеніи принципа однодневности, то эту потребность, вѣроятно, окажется возможнымъ покрыть за счетъ контингента лицъ, обладающихъ указанною квалификаціей. А разъ продолжительность работы счетчика опредѣлится не въ нѣсколько дней, а въ мѣсяцъ или въ шесть недѣль, то это, съ одной стороны, привлечетъ къ дѣлу переписи не мало такихъ людей, которые не пошли бы на три или на четыре дня, а съ другой—позволитъ надлежащимъ образомъ поставить инструктированіе и вообще подготовку счетчиковъ къ выполненію взятыхъ ими на себя обязанностей.

Но при такихъ условіяхъ, несомнѣнно, явится возможность значительно расширить и углубить содержаніе предстоящей второй всероссійской переписи въ тѣхъ разнообразныхъ направленіяхъ, какія подсказываются насущными требованіями жизни. Я не берусь здѣсь исчерпать вопроса—это, несомнѣнно, далеко превысило бы мою компетенцію, какъ и компетенцію всякаго другого отдѣльнаго лица. Я остановлюсь только на одномъ изъ многихъ возникающихъ здѣсь вопросовъ—впрочемъ, думается

мнѣ, на важнѣйшемъ: на вопросѣ о *сліяніи второй всеобщей* переписи населенія съ промышленною переписью[1]).

Крайняя насущность вопроса о промышленной переписи едва ли требуетъ доказательствъ: она признается не только представителями науки, но и дѣловыми сферами, въ лицѣ хотя бы съѣзда представителей промышленности и торговли. Но, какъ я уже сказалъ выше, о такой переписи говорятъ какъ о чемъ-то независимомъ отъ переписи населенія. Приведу хотя бы недавнюю резолюцію съѣзда объединенной промышленности и торговли: возбудитьп ередъ правительствомъ ходатайство «о производствѣ второй всероссійской переписи и о разработкѣ, независимо отъ общаго плана переписи, также профессіонально-промысловой переписи». Въ такой постановкѣ дѣло промышленной переписи кажется мнѣ совершенно безнадежнымъ. Но почему перепись населенія и промышленная не могутъ быть слиты въ *одну*, лишь болѣе сложную чѣмъ простая перепись населенія, операцію? Такое рѣшеніе вопроса, несомнѣнно, пошло бы въ разрѣзъ съ господствующимъ среди русскихъ статистиковъ взглядомъ. Достаточно напомнить о томъ, что возникшее въ 1900 году предположеніе соединить 3-ю Петербургскую городскую перепись съ промышленною[2]) было отвергнуто статистическимъ совѣтомъ по иниціативѣ офиціальнаго въ немъ представителя статистической науки; или объ одномъ изъ пунктовъ постановленія, принятаго столь авторитетнымъ собраніемъ, какъ подсекція статистики XII съѣзда естествоиспытателей,—пунктѣ, гласившемъ, что вторая всеобщая перепись «должна быть исключительно переписью населенія (демографическою)»[3]). И тѣмъ не менѣе я рѣшаюсь утверждать и попытаюсь доказать, что въ основѣ этого господствующаго взгляда нѣтъ, въ сущности, серьезныхъ основаній—все дѣло здѣсь, опять-таки, въ принимаемой безъ достаточной критики методологической догмѣ.

Въ данномъ случаѣ, однако, эта догма менѣе безспорна и менѣе обоснована, нежели гдѣ бы то ни было. Фактическою для нея опорой служитъ въ сущности одинъ только неудачный

---

[1]) Mutatis mutandis, изложенныя въ текстѣ соображенія всецѣло могутъ быть и распространены и на сельско-хозяйственную перепись. Для учета мелкихъ хозяйствъ креетьянскаго типа придется только включить въ посемейный или подворный бланкъ для сельскихъ мѣстностей то небольшое число характеризующихъ такія хозяйства признаковъ, какое только и можетъ найти себѣ мѣсто въ программѣ всеобщей сельско-хозяйственной переписи. Чтобы не осложнять вопроса, я не вхожу по этому вопросу въ какія-либо подробности; замѣчу только, что практика земской статистики, дастъ, конечно, цѣнныя указанія для развитія формуляра переписи въ данномъ направленіи.

[2]) Предположеніе это исходило отъ пишущаго эти строки и было разработано имъ совмѣстно съ покойнымъ Н. Ф Анненскимъ.

[3]) См. «Труды подсекціи», стр. 51.

опытъ—французская перепись 1896 года. Но изъ того, что въ данномъ случаѣ бывшая демографическою, а вмѣстѣ съ тѣмъ и промышленною, перепись была неудачно проведена, не слѣдуетъ, чтобы демографической переписи *вообще* нельзя было комбинировать съ промышленною. Противъ такого сліянія двухъ операцій высказываются несомнѣнно авторитетные голоса, но немало голосовъ высказываются и въ его пользу. Назову хотя бы проф. Воблаго, въ его монографіи о германской переписи 1907 г.

Я не буду входить здѣсь въ разсмотрѣніе разыгравшейся вокругъ даннаго вопроса контроверзы. Не буду потому, что весь вопросъ, въ концѣ-концовъ, основанъ на недоразумѣніи. Что бы ни говорили за комбинацію промышленной, или иначе профессіонально-промысловой переписи, съ переписью населенія, или противъ такой комбинаціи,—*она во всякомъ случаѣ неизбѣжна*, вопросъ можетъ быть лишь въ томъ, *какъ* ее осуществить. Въ самомъ дѣлѣ: спеціальная перепись профессій ничѣмъ принципіально не отличается отъ того учета профессій, который является обязательною составною частью всякой переписи населенія; разница только *въ степени детальности* учета профессій. Забѣгая нѣсколько впередъ, скажу, что при обычной переписи населенія онъ *можетъ* (но отнюдь *не долженъ*!) быть болѣе суммарнымъ, чѣмъ при спеціальной переписи профессій и занятій. *Перепись предпріятій*—операція, сама по себѣ принципіально отличная какъ отъ переписи населенія, такъ и отъ переписи профессій. Но, какъ показалъ опытъ, какъ показала въ частности неудача всѣхъ другихъ примѣнявшихся для этой цѣли пріемовъ, *лишь сплошной учетъ профессій*, все равно, въ видѣ ли элемента демографической, или въ видѣ спеціальной профессіональной переписи, *можетъ дать болѣе или менѣе полныя свѣдѣнія* о всѣхъ, въ особенности о мелкихъ промышленныхъ, сельско-хозяйственныхъ и торговыхъ *предпринимателяхъ*, отъ которыхъ затѣмъ можно будетъ требовать свѣдѣній *объ ихъ предпріятіяхъ*,—слѣдовательно, лишь такой учетъ можетъ обезпечить болѣе или менѣе исчерпывающую полноту учета предпріятій. Признаваемыя классическими и, несомнѣнно, занимающія первое мѣсто по единству мысли и совершенству организаціи германскія промышленныя переписи объединяютъ всѣ эти три момента—*сплошной учетъ населенія*, притомъ населенія осѣдлаго, *учетъ профессій* и *учетъ предпріятій* въ одну сложную статистическую операцію; по словамъ Майра, которыя я особенно подчеркиваю, онѣ представляютъ собой ничто иное, какъ «*расширенную въ ея хозяйственно-статистическихъ запросахъ общую перепись населенія*»[1]), причемъ первые два момента сливаются въ *одну*, первую, учетъ профессій выдѣляется въ

[1]) Allg. Stat. Arch. т. I, 107.

особую, вторую фазу или стадію. Основнымъ недостаткомъ германской организаціи приходится признать, по несомнѣнно правильному мнѣнію того же Майра [1]), слишкомъ огульное примѣненіе принципа самосчисленія, который, даже въ нѣмецкихъ условіяхъ, оказывается неспособнымъ отвѣтить на запросы такой сложной статистической операціи, какъ учетъ предпріятій. Въ Австріи перепись профессій была слита съ общею переписью населенія, произведенною въ 1900 году; перепись предпріятій была выдѣлена въ совершенно отдѣльную операцію и произведена двумя годами позже, въ 1902 году, причемъ свѣдѣнія о владѣльцахъ подлежащихъ учету предпріятій должны были заимствоваться изъ матеріаловъ профессіонально-демографической переписи 1900 года. За два года эти матеріалы успѣли въ значительной мѣрѣ устарѣть, и это вызвало необходимость въ очень кропотливыхъ, и притомъ все же не гарантировавшихъ надлежащей полноты, подготовительныхъ къ переписи предпріятій работахъ по провѣркѣ и дополненію списковъ владѣльцевъ предпріятій,—работахъ, въ которыхъ не было бы никакой необходимости, если бы учетъ предпріятій непосредственно послѣдовалъ, какъ въ Германіи, за учетомъ населенія и его профессій.

Посмотримъ же теперь, какъ ставится вопросъ у насъ въ Россіи. Предположимъ, что предстоящая вторая всероссійская перепись будетъ только *переписью населенія* (конечно, включающею, въ томъ или другомъ объемѣ, и учетъ профессій и занятій). Допустимъ невѣроятное—что за нею, черезъ два или три года, послѣдуетъ отдѣльная «профессіонально-промысловая» перепись. Очевидно, что въ значительной, въ основной своей части она будетъ ничѣмъ неоправдываемымъ, черезъ столь короткій промежутокъ времени, повтореніемъ произведенной за два или за три года передъ тѣмъ переписи населенія.

Подойдемъ теперь къ вопросу съ другой стороны. Посмотримъ, чѣмъ отличается германская *перепись профессій отъ переписи населенія?* Во-первыхъ, тѣмъ, что при переписи профессій учитывается не одно только главное занятіе, какъ при переписи населенія, но также и побочное; и, во-вторыхъ, тѣмъ, что въ формуляръ переписи профессій вводится вспомогательные вопросы—о наемныхъ рабочихъ и о двигателяхъ, служащіе для опредѣленія контингента тѣхъ владѣльцевъ предпріятій, которымъ должны быть вручены бланки для описанія предпріятій.

Но уже наша первая всеобщая перепись, какъ извѣстно, учитывала не только главное, но и побочное занятіе. Позволяю себѣ категорически утверждать, что и при предстоящей второй переписи населенія *безусловно обязательно учитывать не только*

---

[1]) Тамъ же, стр. 109.

главное, но и побочное занятіе. При еще слабой въ Россіи экономической дифференцированности, учетъ однихъ только «главныхъ» занятій, съ одной стороны, въ огромномъ числѣ случаевъ встрѣтится съ неодолимою трудностью рѣшить, что признавать за «главное» занятіе; съ другой—онъ дастъ совершенно превратное представленіе объ экономической и соціальной структурѣ едва ли не большей части нашей страны. Достаточно представить себѣ любую изъ губерній нашей нечерноземной полосы: о ней получится, очевидно, совершенно ложное представленіе какъ въ томъ случаѣ, если учитывать въ качествѣ «главнаго» занятія одно земледѣліе, такъ и въ томъ, если учитывать лишь одни дополнительные къ нему источники существованія населенія: работу на фабрикѣ, кустарный или лѣсной промыселъ, столичный отходъ и т. п. Немногимъ менѣе ложное представленіе получится объ экономической структурѣ городовъ, въ частности большихъ, если учитывать лишь городскія профессіи и оставить безъ вниманія прикосновенность значительной части или даже большинства городского трудового населенія къ землѣ и сельскому хозяйству. Я не забываю о техническихъ трудностяхъ учета побочныхъ занятій,—но эти трудности могутъ играть *серьезную* роль только при самосчисленіи; при изустномъ опросѣ, какъ показываетъ практика земской статистики, эти трудности отпадаютъ.

Но разъ это такъ, то, значитъ, *наша перепись населенія неизбѣжно должна включить въ себя одинъ изъ двухъ элементовъ промышленной переписи—углубленный учетъ профессій и занятій.* При этомъ неизбѣжно будутъ особо учитываться владѣльцы предпріятій, въ числѣ ихъ пользующіеся наемнымъ трудомъ будутъ учитываться отдѣльно отъ одиночекъ, и дѣло очень мало осложнится, если въ программу переписи ввести еще вопросъ о механическихъ двигателяхъ. Значитъ, перепись населенія не только будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ переписью профессій,—*она дастъ, въ то же время, и мыслимо-исчерпывающіе списки лицъ, къ которымъ надо обращаться за свѣдѣніями о предпріятіяхъ.*

Но разъ, опять-таки, это такъ, то и самой переписи предпріятій нѣтъ никакого основанія отодвигать на два или на три года отъ всеобщей переписи: ее, при такой отсрочкѣ, пришлось бы либо основать на уже устарѣвшихъ данныхъ бывшей за два или три года передъ тѣмъ второй всеобщей переписи, либо пришлось-бы произвести новую перепись населенія и профессій *только* для того, чтобы знать, кому вручать листки для учета предпріятій. Первый исходъ, очевидно, нежелателенъ по существу, второй равносиленъ не оправдываемымъ необходимостью новымъ милліоннымъ затратамъ и колоссальной, по существу не нужной, добавочной затратѣ труда.

Наиболѣе цѣлесообразный исходъ — *приступить къ переписи предпріятій тотчасъ же за переписью населенія, которая, какъ уже сказано, необходимо будетъ и переписью профессій;* иначе сказать—вторую всеобщую перепись населенія комбинировать съ профессіонально-промысловою переписью такъ, какъ это дѣлается при германскихъ промышленныхъ переписяхъ. Такая комбинація встрѣтитъ тѣмъ меньше затрудненій, что перепись предпріятій, какъ, между прочимъ, подчеркиваетъ и Майръ[1]), въ гораздо меньшей мѣрѣ нуждается въ быстротѣ выполненія, чѣмъ перепись населенія и сливающійся съ нею учетъ занятій. Какъ подтверждаетъ хотя бы практика нашей земской статистики, перепись предпріятій безъ всякаго ущерба для дѣла можетъ быть растянута на нѣсколько мѣсяцевъ—три, четыре или больше, а это чрезвычайно важно потому, что позволитъ привлечь къ болѣе трудной, по существу, операціи учета предпріятій еще гораздо болѣе квалифицированный персоналъ, нежели какой можетъ и долженъ быть использованъ для переписи населенія. Прежде всего, къ работѣ по учету и описанію предпріятій можно будетъ привлечь тѣхъ изъ счетчиковъ, которые хорошо зарекомендовали себя при переписи населенія, а затѣмъ, частью на роли счетчиковъ, главнымъ же образомъ для выполненія функцій руководительства и контроля, можно будетъ привлечь лицъ съ соотвѣтственною техническою подготовкой; такихъ лицъ можно будетъ пріискать частью изъ среды правительственныхъ и земскихъ служащихъ съ соотвѣтственною теоретическою подготовкой и практическимъ опытомъ—фабричныхъ инспекторовъ, агрономовъ, землеустроителей и т. п.; частью изъ лицъ, занятыхъ въ сферѣ частной предпріимчивости: сельскихъ хозяевъ, промышленниковъ, техниковъ и т. п. Чрезвычайно цѣнное, участіе такихъ лицъ кажется мнѣ весьма правдоподобнымъ въ виду уже отмѣченнаго интереса дѣловыхъ круговъ къ вопросу о переписи; правдоподобнымъ, конечно, въ томъ лишь случаѣ, если организаторы переписи сумѣютъ не оттолкнуть отъ себя общественнаго сочувствія.

Нужно ли мнѣ подводить сказанному окончательный итогъ? Если нужно, то вотъ онъ: освободиться отъ рабскаго слѣдованія выработанной на нѣмецкихъ образцахъ методологической догмѣ и широко использовать опытъ какъ нашей земской статистики, такъ, частью, и первой всеобщей переписи. Принять всѣ мѣры къ улучшенію состава какъ регистрирующаго, такъ и руководящаго и контролирующаго персонала, использовавъ для этого всѣ наличныя статистическія силы страны и постаравшись заручиться общественнымъ сочувствіемъ. Развить содержаніе переписи въ соотвѣтствіе съ требованіями жизни, и прежде всего объединить перепись населенія съ учетомъ занятій и предпріятій.

[1]) Тамъ же, стр. 120.

Къ вопросу о статистическомъ методѣ въ историко-экономическихъ изслѣдованіяхъ [1]).

1. Писцовыя книги Шелонской пятины, въ статистическомъ семинаріи Петрогр. В. Ж. Курсовъ.

2. Къ вопросу объ использованіи писцовыхъ книгъ какъ статистическаго источника.

Не думаю, чтобы мнѣ было нужно останавливаться на вопросѣ о значеніи статистическаго метода для исторіи,—въ особенности для исторіи хозяйства. Едва ли мнѣ нужно, въ частности, доказывать важность примѣненія методовъ статистики къ обработкѣ такого первостепенно-важнаго источника хозяйственной исторіи, какимъ являются писцовыя книги, вообще земельно-хозяйственныя переписи до-Петровскаго времени. Но статистическая разработка писцовыхъ книгъ—это дѣло, подразумѣвающее массу полумеханическаго, выборочнаго и счетнаго труда и потому превышающее силы единоличнаго работника. Очень подходящимъ дѣломъ она является, напротивъ, для такихъ, объединенныхъ общимъ руководствомъ, группъ начинающихъ научныхъ работниковъ, каковы семинаріи высшей научной школы. Вотъ это обстоятельство и даетъ мнѣ смѣлость выступить передъ спеціалистами историческаго знанія съ предварительнымъ отчетомъ объ одной работѣ въ указанной области, ведущейся подъ моимъ руководствомъ, въ статистическомъ семинаріи Петроградскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Заранѣе оговариваюсь: я буду разсматривать эту работу болѣе или менѣе исключительно съ методологической точки зрѣнія. Въ первой части этой статьи я изложу, такъ сказать, внѣшнюю ея исторію и дамъ краткій обзоръ намѣчающихся выводовъ; во второй я войду въ—конечно далеко не исчерпывающее—разсмотрѣніе вопроса объ использованіи писцовыхъ книгъ, какъ статистическаго источника.

[1]) «Научн. Историч. Журналъ» 1913 г., № 1. Помѣщаю въ настоящемъ сборникѣ этотъ «предварительный отчетъ» въ виду большого интереса, представляемаго вопросомъ о примѣненіи пріемовъ и методовъ статистики къ разработкѣ матеріаловъ по хозяйственной исторіи.

I.

Осенью 1910 года академія наукъ, по иниціативѣ академика М. А. Дьяконова, поручила мнѣ критическое разсмотрѣніе частью уже напечатанной въ то время, частью остававшейся еще въ рукописи работы Н. Н. Нордмана подъ общимъ заглавіемъ: „Статистика въ русской исторіи. Опытъ статистической обработки писцовыхъ Новгородскихъ оброчныхъ книгъ около 1498 года". Въ представленномъ академіи отзывѣ, напечатанномъ въ отчетѣ о 53-мъ присужденіи Уваровскихъ премій, мнѣ пришлось вплести въ критическую оцѣнку труда г. Нордмана небольшую самостоятельную работу по первоисточнику, непосредственною задачею которой было: показать тѣ разнообразныя, неиспользованныя авторомъ рецензированнаго труда, направленія, по которымъ могла-бы пойти статистическая разработка источника съ даннымъ содержаніемъ и даннаго формальнаго характера. Доложенные въ одномъ изъ засѣданій Историческаго общества при Петроградскомъ университетѣ, результаты этой небольшой работы, равно какъ и связанныя съ нею критическія и методологическія соображенія, были встрѣчены собравшимися съ видимымъ интересомъ.

Вскорѣ послѣ того въ руководимый мною статистическій семинарій Петрогр. высшихъ женскихъ курсовъ пожелали зачислиться четыре слушательницы историческаго факультета, въ томъ числѣ три—спеціалистки по русской исторіи. Имѣя въ виду дать имъ интересную для нихъ работу, а вмѣстѣ съ тѣмъ возможно шире использовать ихъ спеціальную научную подготовку, я предложилъ имъ образовать отдѣльную группу для возможно исчерпывающей статистической разработки писцовыхъ книгъ Шелонской пятины. На ближайшую очередь была поставлена сохранившаяся въ большей своей части „полная" книга, отнесенная издателями къ 1498 году, въ дальнѣйшемъ же имѣлось и имѣется въ виду перейти къ разработкѣ позднѣйшихъ книгъ, относящихся къ той-же мѣстности.

Составившаяся для указанной цѣли группа проработала—замѣчу здѣсь-же, съ рѣдкой энергіей!—два учебныхъ періода: одинъ, какъ сказано, въ составѣ четырехъ, второй—семи человѣкъ, при чемъ особенно выдающуюся роль все время играла оставленная при курсахъ по каѳедрѣ русской исторіи С. Ф. Айнбергъ, фактически несшая обязанности моей ассистентки по веденію данной работы. Всѣ фазисы работы обсуждались въ безчисленныхъ собраніяхъ группы, которыя лишь въ нѣкоторой своей части происходили подъ моимъ личнымъ руководствомъ. И вотъ, на первомъ же такомъ собраніи, происходившемъ безъ меня, участницы группы, совершенно самостоя-

тельно, пришли къ тому правильному заключенію, что первою задачею должно быть, такъ сказать, *мобилизировать матеріалъ* писцовой книги, *привести его въ подвижный видъ*, чтобы его потомъ можно было группировать и подсчитывать въ какихъ угодно направленіяхъ и комбинаціяхъ. Для этого надлежало выбрать все существенное содержаніе книги на карточки или подсчетные листки. Въ соотвѣтствіе съ двойственнымъ содержаніемъ источника пришлось выработать два типа такихъ карточекъ: одинъ—*для „деревень“*, со включеніемъ даваемыхъ источникомъ признаковъ, характеризующихъ *дворы*; другой—для характеристики *владѣній*, какъ самостоятельныхъ земельно-податныхъ единицъ.

Въ *первую* изъ этихъ карточекъ, въ окончательномъ ея видѣ, вошли слѣдующія рубрики: названіе деревни и погоста, родъ владѣнія, число дворовъ и „людей“ въ общемъ итогѣ и съ подраздѣленіемъ на господскіе, „служніе“, крестьянскіе, причтовые и „прочіе“; число крестьянскихъ дворовъ съ однимъ, двумя, тремя, четырьмя и болѣе чѣмъ съ четырьмя „людьми“; число крестьянскихъ-же дворовъ съ населеніемъ родственнымъ, чужероднымъ, съ зависимыми людьми; общее на деревню число коробей пашни, копенъ покоса и обежъ,—всѣ три цифры съ подраздѣленіемъ на „барскія“ и крестьянскія. Затѣмъ, уже въ ходу работы, были добавлены: число пустыхъ дворовъ—замѣчу здѣсь же, по данной переписи очень незначительное, но тѣмъ болѣе интересное для сопоставленія съ крупными цифрами послѣдующихъ переписей; имена „стараго“, новгородскаго, и „новаго“, московскаго владѣльца,—обозначенія, необходимыя для того, чтобы впослѣдствіи выяснить составъ отдѣльныхъ владѣній и перемѣны, испытанныя ими въ результатѣ московской конфискаціи; для деревень общаго владѣнія, „вопчихъ“,—имена или названія всѣхъ совладѣльцевъ; это послѣднее обозначеніе дало возможность установить, съ одной стороны, представленныя цѣликомъ въ сохранившемся матеріалѣ деревни общаго владѣнія, съ другой—неполныя деревни этой категоріи. Другія, первоначально введенныя въ разсматриваемую карточку, рубрики въ ходу работы были исключены, а именно: характеръ—родственный или иной—отношеній *между дворами* каждой данной деревни, и особое обозначеніе нетяглыхъ и непашенныхъ дворовъ. Первая изъ этихъ рубрикъ была исключена потому, что имена и отчества дворохозяевъ далеко не вездѣ давали достаточно ясныя указанія о наличности или отсутствіи родства между ними; вторая—въ виду незначительности числа нетяглыхъ и непашенныхъ дворовъ, которые, поэтому, и было признано цѣлесообразнымъ не выдѣлять въ особую категорію, а отнести въ сборную категорію „прочихъ“.

Въ *карточку для владѣній* вошли прежде всего: погостъ,

имена или обозначенія „стараго“ и „новаго“ владѣльца, число деревень, въ нихъ дворовъ и „людей“, общее число обежъ— все это какъ по „старому“, такъ и по „новому“ письму. Затѣмъ— приблизительно (въ какомъ отношеніи „приблизительно“—объ этомъ см. ниже) полный учетъ платежей и повинностей какъ по „старому“, новгородскому, такъ и по „новому“, московскому обложенію; и для того, и для другого пришлось выписывать отдѣльно, прежде всего, владѣльческій оброкъ, затѣмъ— доходъ ключника, а для московскаго письма—еще и „намѣстничій кормъ“. Владѣльческій оброкъ пришлось писать отдѣльно денежный, отдѣльно натуральный и отдѣльно-же выписывать замѣняющій натуру денежный платежъ. Но какъ—возникалъ затѣмъ вопросъ—учитывать натуральный оброкъ? выписывать-ли на карточки всѣ безъ исключенія, встрѣчающ еся въ источникѣ, весьма разнообразные виды поступающихъ въ оброкъ продуктовъ, въ томъ числѣ такіе, которые встрѣчаются лишь въ единичныхъ случаяхъ,—или-же только тѣ, которые встрѣчаются болѣе или менѣе обычно и, слѣдовательно, являются типичными для данной мѣстности? и отдѣлять ли при этомъ собственно оброкъ отъ особо показываемаго источникомъ „мелкаго дохода“, въ которомъ, сплошь и рядомъ, встрѣчаются тѣ-же продукты, какіе въ другихъ случаяхъ входятъ въ составъ оброка? Исходною точкой зрѣнія при рѣшеніи того и другого вапроса послужило то соображеніе, что цѣлью учета натуральныхъ повинностей является въ данной работѣ не столько непосильная для даннаго состава работающихъ полная *оцѣнка платежей*, сколько *характеристика хозяйства* даннаго района, для которой учетъ натуральныхъ платежей, какъ мы увидимъ ниже, могъ доставить весьма цѣнныя данныя. Разъ была принята эта точка зрѣнія, то, естественно, различіе между мелкимъ доходомъ и оброкомъ утрачивало значеніе, съ другой-же стороны оказывалось излишнимъ стремиться къ исчерпывающему учету входящихъ въ составъ натуральнаго оброка продуктовъ: очевидно, что интересъ для характеристики мѣстнаго хозяйства могли представить лишь болѣе или менѣе типичные, а не случайные элементы натуральнаго оброка. Такими болѣе или менѣе типичными элементами—какъ выяснила спеціально для того произведенная предварительная выборка—оказались четыре хлѣба—рожь, овесъ, пшеница и ячмень, затѣмъ—ленъ, хмель и солодъ; для каждаго изъ этихъ семи продуктовъ въ карточкѣ была отведена особая графа, въ которой должно было показываться положенное въ оброкъ *количество* даннаго продукта; для всѣхъ остальныхъ была отведена одна сборная графа съ заголовкомъ «сверхъ того», въ которой долженъ былъ отмѣчаться, особыми условными знаками, *только родъ*,но *не количество* продуктовъ. Соотвѣтственнымъ образомъ проведенная выборка изъ источника

дастъ, такимъ образомъ, полный перечень всѣхъ продуктовъ, хоть одинъ разъ фигурирующихъ въ составѣ натуральнаго оброка, и количественный учетъ тѣхъ изъ нихъ, которые являются типичными для даннаго района или для входящихъ въ составъ его отдѣльныхъ мѣстностей[1]). Другой принципіальный вопросъ, возникшій по поводу разсматриваемаго рода карточекъ, заключался въ томъ, что̀ считать за учетную единицу, слѣдовательно, для чего писать самостоятельную карточку: *для каждой отдѣльной дачи*, «боярщины», или *для цѣлаго владѣнія*, состоявшаго, нерѣдко, изъ нѣсколькихъ «боярщинъ» (рубрика источника: «а во всѣхъ трехъ боярщинахъ...»). Рѣшено было писать особую карточку для каждой отдѣльной дачи; это—во-первыхъ, потому, что именно она, а не случайная совокупность отданныхъ въ однѣ руки дачъ, является основной земельно-хозяйственной единицей; а во-вторыхъ—еще и потому, что къ «боярщинамъ» относятся имѣющіяся въ источникѣ указанія на «старыхъ» владѣльцевъ и данныя «стараго» письма, и, слѣдовательно, лишь для этихъ дачъ, а не для цѣлыхъ владѣній, возможны сопоставленія данныхъ этого послѣдняго съ данными новаго, московскаго счета.

Съ завершеніемъ выборки на карточки, матеріалъ «подробной книги», характеризующій деревни и дворы, можетъ быть использованъ въ какихъ угодно комбинаціяхъ и для выясненія какихъ угодно, могущихъ быть освѣщенными на основаніи даннаго матеріала, причинныхъ или, говоря точнѣе, функціональныхъ зависимостей. Исторической группой статистическаго семинарія пока выполнена только одна, впрочемъ основная, часть представляющихся возможными подсчетовъ: подсчетъ по погостамъ и родамъ владѣнія. Прежде всего, составлена «основная» таблица по погостамъ и внутри каждаго погоста—по разрядамъ владѣній (великаго князя, помѣщичьи, монастырскія, владычныя, своеземцевы и «вопчія» деревни), дающая характеристику деревень по слѣдующимъ группамъ признаковъ: населеніе—дворы и «люди», пашня въ коробьяхъ, сѣнокошеніе въ копнахъ, обложеніе въ обжахъ. Общая схема этой таблицы воспроизводитъ таблицу 5, приложенную къ моему отзыву на трудъ Н. Н. Нордмана, но значительно расширена по сравненію съ послѣднею въ виду, частью, тѣхъ указаній, какія дало болѣе детальное сплошное изученіе заключающагося въ первоисточникѣ матеріала, частью же въ виду привнесеннаго участницами группы болѣе спеціальнаго

---

[1]) При обсужденіи сдѣланнаго мною въ Историческомъ обществѣ про Петроградскомъ Университетѣ сообщенія о постановкѣ нашей работы были указано на то, что изложенный въ текстѣ способъ учета натуральныхъ платежей умаляетъ цѣнность нашей выборки, такъ какъ суживаетъ возможность послѣдующаго ея использованія,—и признано было желательнымъ дать полный количественный учетъ **всѣхъ** продуктовъ, съ выдѣленіемъ притомъ оброка отъ мелкаго дохода.

историческаго интереса. Именно, дополнительно къ моей схемѣ введено: расчлененіе дворовъ и «людей» по сословному признаку, а дворовъ, сверхъ того, по числу учтенныхъ въ нихъ «людей» и по родственному или чужеродному составу; учетъ пустыхъ дворовъ, пустыхъ деревень и пустошей; распредѣленіе деревень по числу дворовъ; учетъ деревень съ «господскими» дворами и съ «господскою» запашкой; учетъ «барской» запашки и «барскаго» сѣнокошенія проведенъ отдѣльно отъ крестьянскихъ; число деревень, дворовъ и коробей, а также копенъ накашиваемаго сѣна дано отдѣльно для однодворныхъ и для многодворныхъ деревень; группировка деревень по количеству пашни проведена въ болѣе дробномъ расчлененіи, при чемъ, кромѣ группы съ круглою цифрой 4 коробьи, выдѣлена группа съ круглой же цифрой 5 коробей, которая—какъ оказалось—тоже часто встрѣчается въ матеріалѣ, хотя и рѣже, нежели цифра 4; въ томъ-же направленіи развернута группировка деревень по выраженной числомъ коробей на обжу тягости обежнаго обложенія, общій же счетъ обежъ данъ отдѣльно для барской, барско-крестьянской и крестьянской земли.

Построенная такимъ образомъ «основная» таблица, будучи годной для использованія въ очень разнообразныхъ направленіяхъ, страдала, однако, однимъ недостаткомъ: данныя по «вопчимъ» деревнямъ приходилось подсчитывать безъ подраздѣленія по представленнымъ въ нихъ, въ различныхъ комбинаціяхъ, родамъ владѣнія, а потому суммированіе цифръ по *деревнямъ* великаго князя (оброчнымъ), помѣщичьимъ и т. п. не могло дать полныхъ итоговъ, нужныхъ для характеристики *всей совокупности* принадлежавшихъ къ каждому изъ этихъ разрядовъ дворовъ и «людей» съ ихъ запашками, сѣнокошеніемъ и т. п. Чтобы получить такіе итоги, нужно было къ полученнымъ изъ подсчета подеревенныхъ данныхъ итогамъ присчитать еще дворы и «людей» каждаго даннаго разряда, усчитанныхъ въ составѣ «вопчихъ» деревень. Отсюда—необходимость въ особой вспомогательной таблицѣ для «вопчихъ» деревень, дающей всѣ признаки, касающіеся уже *не деревень*, какъ цѣлаго, а *дворовъ* и *«людей»*, въ расчлененіи по долямъ каждаго отдѣльнаго рода владѣнія, а затѣмъ для тѣхъ-же категорій признаковъ была составлена окончательная «суммирующая» таблица, каждая изъ цифръ которой представляетъ собою сумму относящихся къ данной категоріи владѣнія цифръ основной таблицы и соотвѣтственныхъ цифръ таблицы долей «вопчихъ» деревень, и которая даетъ, такимъ образомъ, исчерпывающій подсчетъ данныхъ по каждому отдѣльному разряду населенія. Въ послѣдующей, также уже законченной, стадіи, вычисленія «статистическихъ коэффицентовъ»—среднихъ и процентныхъ величинъ, всѣ цифры, касающіяся деревень, бра-лись изъ основной, всѣ цифры, касающіяся дворовъ и «лю-

дей»—изъ «суммирующей» таблицы. Дальнѣйшія осложненія возникли при вычисленіи коэффиціентовъ, а частью и при различныхъ группировкахъ, изъ разносоставности населенія описанныхъ въ источникѣ деревень. Такъ, среднія количества коробей пашни, копенъ сѣнокошенія и обежъ сначала выводили для всѣхъ дворовъ безъ различія категорій, впослѣдствіи же признали правильнымъ выводить для однихъ только *крестьянскихъ* дворовъ (съ присоединеніемъ къ нимъ—гдѣ «барскихъ» дворовъ не было возможности начисто выдѣлить—и «барско-крестьянскихъ»); при этомъ исходили изъ того соображенія, что только крестьянскіе дворы являются однородною массой, изученіе хозяйственнаго строенія которой притомъ представляетъ наибольшій интересъ. Исходя изъ того-же соображенія, рѣшено было при группировкѣ деревень по размѣрамъ пашни и сѣнокошенія считать за «однодворныя» всѣ деревни съ однимъ *крестьянскимъ* дворомъ, хотя-бы въ деревнѣ былъ, кромѣ того, владѣльческій, причтовый и т. п. дворъ,—благодаря чему, между прочимъ, число однодворныхъ деревень по этому подсчету больше, чѣмъ въ общей демографической группировкѣ деревень по числу дворовъ, въ которой принимались въ разсчетъ *всѣ*, а не одни только крестьянскіе дворы.

Такимъ образомъ, пока выполнена лишь небольшая часть предстоящей по писцовымъ книгамъ Шелонской пятины статистической работы [1]): разработана пока только «подробная книга», отнесенная издателями къ 1498 году, въ дѣйствительности же относящаяся, повидимому, къ 1498—1501 годамъ; сохранившаяся и вошедшая въ наши подсчеты часть этой книги охватываетъ 43 погоста съ 2064 деревнями, заключающими 4787 дворовъ и 7192 «людей», съ общимъ населеніемъ, приблизительно, въ 28 тыс. человѣкъ; при вычисленіи статистическихъ коэффиціентовъ было отброшено шесть изъ указаннаго числа погостовъ, по которымъ сохранились и вошли въ валовой подсчетъ лишь незначительные обрывки писцоваго счета. И даже этотъ ограниченный по объему матеріалъ далеко не законченъ разработкой: разработаны лишь данныя о деревняхъ, остались пока не разработанными данныя о владѣніяхъ или дачахъ, и даже матеріалъ по деревнямъ разработанъ пока лишь въ одномъ, если можно такъ выразиться, географическомъ направленіи. Въ будущемъ предстоитъ еще комбинаціонная его разработка, цѣлью которой будетъ болѣе точное выясненіе функціональныхъ зависимостей между различными, даваемыми источникомъ, признаками, нежели это можетъ быть сдѣлано путемъ сопоставленія вошедшихъ въ уже составленныя таблицы цифръ (методъ «паралелльныхъ

[1]) Таково было положеніе работы къ веснѣ 1913 г. Впослѣдствіи она была существенно дополнена данными по переписаннымъ въ особой книгѣ дворцовымъ погостамъ. А. К.

рядовъ»). Предстоитъ, притомъ, не только комбинировать между собой различные признаки, характеризующіе *деревни* съ ихъ населеніемъ и землепользованіемъ, но, кромѣ того, и комбинировать данныя *о деревняхъ* съ данными о владѣніяхъ или дачахъ, къ которымъ принадлежатъ эти деревни, въ направленіи, намѣченномъ отчасти въ работѣ Н. Н. Нордмана, отчасти—въ моей рецензіи на эту работу. Болѣе того: даже чтобы вполнѣ осмыслить хотя-бы только тѣ данныя, которыя сведены въ нашей «основной» и въ дополнительныхъ къ ней таблицахъ, едва ли можно обойтись безъ изученія данныхъ *современной* экономической статистики тѣхъ мѣстностей, которыя нѣкогда входили въ составъ Шелонской пятины, а также относящихся къ нимъ картографическихъ матеріаловъ, результатовъ естественно-историческихъ изслѣдованій и т. п.; уже при первомъ, бѣгломъ ознакомленіи съ этими матеріалами оказалось возможнымъ уловить, напримѣръ, нѣкоторую зависимость между обнаружившимися при подсчетѣ данныхъ переписи 1498 г. особенностями юго-западной и юго-восточной группы погостовъ Шелонской пятины съ установленнымъ современными намъ изслѣдованіями характеромъ соотвѣтственныхъ мѣстностей нынѣшнихъ Новгородской, Псковской и Петроградской губерній: одной—какъ лугового, по преимуществу, другой—какъ болотнаго района [1]).

При такомъ положеніи дѣлъ, статистическая обработка писцовыхъ книгъ Шелонской пятины—даже однѣхъ только книгъ 1498—1501 гг., очевидно, еще весьма далека отъ своего завершенія, и выполненная пока какъ Н. Н. Нордманомъ и лично мною, такъ и группой участницъ статистическаго семинарія часть этой работы, конечно, далеко не исчерпываетъ всей той совокупности результатовъ, какіе *можетъ и должно* дать приложеніе методовъ статистики къ обработкѣ этого драгоцѣннаго статистическаго источника. Однако, и уже полученные или, по крайней мѣрѣ, намѣчающіеся результаты кажутся мнѣ довольно осязательными. Такъ, съ достаточною ясностью выраженный параллелизмъ между величиною селеній и выраженными въ коробьяхъ размѣрами запашекъ даетъ опредѣленное указаніе на то, что концентрація населенія стоитъ въ опредѣленной зависимости отъ степени простора для запашекъ [2]) а параллелизмъ

---

[1]) Считаю долгомъ отмѣтить, что первое конкретное указаніе на наличность такого рода зависимости я получилъ при обсужденіи предварительнаго сообщенія въ Московскомъ Обществѣ имени А. И. Чупрова, главнымъ образомъ, отъ А. Е. Лосицкаго. Участвовавшіе въ засѣданіи статистики, вообще, съ большимъ сочувствіемъ отнеслись къ мысли—въ выясненныхъ современными изслѣдованіями мѣстныхъ условіяхъ искать объясненія для обнаруживаемыхъ при статистической обработкѣ данныхъ писцовыхъ книгъ географическихъ правильностей.

[2]) Дальнѣйшая разработка матеріала заставила внести существенныя поправки къ этому положенію. А. К.

между размѣрами запашекъ и долею заселенной земли, разобранною владѣльцами разныхъ категорій, является показателемъ того, что тѣ-же благопріятствующія развитію земледѣлія условія являлись факторомъ, способствовавшимъ развитію помѣстнаго землевладѣнія. Мало того — выясняется опредѣленная зависимость между степенью распространенности и типомъ помѣстнаго владѣнія: чѣмъ больше процентъ владѣльческихъ земель, тѣмъ крупнѣе оказывается размѣръ владѣній; чѣмъ болѣе какая-либо мѣстность привлекала, вообще, охотниковъ до помѣстій, тѣмъ сильнѣе—надо думать—добивались здѣсь помѣстій тѣ крупные и вліятельные люди, которые имѣли право на значительные отводы; на долю болѣе мелкаго служилаго люда, имѣвшаго право на меньшія помѣстья, оставались менѣе привлекательные для частнаго владѣнія погосты, въ которыхъ, именно поэтому, разобрана была меньшая доля населенныхъ земель. Очень незначительная, въ общемъ, площадь посѣвовъ, по перечисленіи въ десятины очень близкая къ среднимъ цифрамъ современныхъ намъ крестьянскихъ посѣвовъ въ губерніяхъ, въ составъ которыхъ вошла бывшая Шелонская пятина, при очень нѣзначитетельныхъ колебаніяхъ среднихъ по погостамъ цифръ и при поразительно слабой земледѣльческой дифференціаціи, поскольку таковая можетъ быть установлена изученіемъ группировки абсолютныхъ цифръ по однодворнымъ и среднихъ по многодворнымъ селеніямъ, является вѣскимъ подтвержденіемъ высказаннаго еще Соколовскимъ положенія о чисто-натуральномъ характерѣ тогдашняго земледѣлія, рѣшительно не благопріятствовавшемъ образованію болѣе значительныхъ запашекъ. И въ то-же время изученіе аналогичныхъ данныхъ, относящихся къ сѣнокошенію, рѣшительно опровергаетъ указанія того же Соколовскаго, Рожкова и Готье на будто бы происходившее въ Новгородской области надѣленіе покосами по опредѣленной нормѣ, вообще на обязательную наличность въ составѣ каждаго обежнаго участка «соразмѣрнаго количества луговъ», а тѣмъ болѣе—на «значительное количество сѣна, скашиваемаго каждымъ дворомъ»: распредѣленіе покосовъ оказывается, напротивъ, крайне неравномѣрнымъ; значительная часть крестьянъ располагаетъ очень незначительнымъ или даже прямо ничтожнымъ количествомъ покоса, и даже среднія по цѣлому району цифры отнюдь не могутъ быть признаны высокими. Статистическое изученіе содержанія писцовой книги, въ частности содержащихся въ ней данныхъ о натуральныхъ оброкахъ, позволяетъ, далѣе, внести нѣкоторую опредѣленность въ наши представленія о характерѣ земледѣлія въ Новгородской области. Оно заставляетъ, рѣшительно отвергнуть указанія Соколовскаго на царившее въ ту эпоху однообразіе способовъ земледѣльческой культуры; на господство, въ частности, трех-

польнаго хозяйства съ посѣвомъ овса, равнымъ посѣву озимой ржи, при почти совершенномъ отсутствіи посѣвовъ пшеницы. Данныя о натуральныхъ оброкахъ свидѣтельствуютъ, наоборотъ, о крайнемъ разнообразіи въ распредѣленіи культуръ, при чемъ овесъ, въ общемъ, далеко первенствуетъ передъ рожью, пшеница же является если и второстепеннымъ по своему значенію, то все-же существеннымъ элементомъ тогдашняго земледѣлія. Мало того—они позволяютъ съ достаточною опредѣленностью установить существованіе *нѣсколькихъ типовъ* земледѣльческой культуры, каждый изъ которыхъ, въ свою очередь, выступаетъ въ нѣсколькихъ разновидностяхъ. Это, именно, чистое трехполье, съ одной стороны, чисто-переложное хозяйство, по всей вѣроятности въ залежной формѣ, съ другой,—а посединѣ между ними смѣшанное хозяйство, гдѣ трехполье такъ или иначе сочетается съ залежными сѣвооборотами. Топографическое распредѣленіе этихъ типовъ, иначе сказать, смѣна ихъ *въ пространствѣ*, стоитъ въ ясномъ соотвѣтствіи съ нормальною ихъ послѣдовательностью *во времени:* чисто-переложное хозяйство непосредственно переходитъ въ смѣшанное, и уже изъ него выкристаллизовывается чистое трехполье. Въ Шелонской пятинѣ, такимъ образомъ, уже въ концѣ 15 вѣка полнымъ ходомъ шелъ процессъ перехода отъ первобытнаго залежнаго хозяйства къ трехполью,—и этому соотвѣтствуютъ процессы, происходившіе въ размѣщеніи населенія по территоріи края. Сопоставленіе данныхъ «стараго» и «новаго» письма свидѣтельствуетъ, именно, объ уже начавшейся концентраціи населенія въ деревняхъ, иначе сказать—о томъ укрупеніи селеній, которое съ тѣхъ поръ сдѣлало очень значительные успѣхи и которое всегда, и въ наше время, сопровождаетъ переходъ отъ лѣсного переложнаго хозяйства къ навозному трехполью. Съ другой стороны обнаруживается любопытная зависимость между типомъ земледѣльческаго хозяйства и характеромъ землевладѣнія: районы господства чистаго трехполья являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, районами преобладанія помѣстнаго землевладѣнія, притомъ въ болѣе крупныхъ формахъ, или по крайней мѣрѣ—господства крупныхъ помѣстій, хотя бы при подчиненномъ, въ общемъ, значеніи помѣстнаго землевладѣнія; районы господства переложнаго хозяйства—районами съ подчиненнымъ значеніемъ, вообще, помѣстнаго землевладѣнія и съ преобладаніемъ болѣе мелкихъ его типовъ.

Этихъ бѣглыхъ указаній, которыя далеко не исчерпываютъ уже достигнутыхъ результатовъ, думается мнѣ, достаточно, чтобы сдѣлать очевиднымъ интересъ, какой должна представлять для исторической науки статистическая разработка столь цѣннаго источника, какъ наши писцовыя книги. Болѣе детальное изложеніе этихъ результатовъ въ настоящее время не входитъ въ мою задачу. Сейчасъ мнѣ хотѣлось бы подчеркнуть только

одно обстоятельство, къ которому мнѣ придется еще вернуться въ дальнѣйшемъ. Возможно, что мои попытки истолкованія статистически установленныхъ зависимостей или взаимоотношеній будутъ, въ томъ или другомъ случаѣ, отвергнуты представителями исторической науки, спеціалистами по хозяйственной исторіи того времени. Это, однако, не обезцѣнитъ сдѣланной статистической работы: *задача статистика*, какъ такового, кончается *установленіемъ закономѣрностей, въ лучшемъ случаѣ—функціональныхъ*, или какъ ихъ часто называютъ—*причинныхъ зависимостей* въ поддающихся статистическому учету явленіяхъ; *объясненіе*, истолкованіе этихъ закономѣрностей или причинозависимостей—*дѣло представителей соотвѣтственныхъ частныхъ наукъ*, въ данномъ случаѣ—спеціалистовъ-историковъ.

II.

Остановлюсь, теперь, на вопросѣ о степени достовѣрности писцовой книги, какъ статистическаго источника, а слѣдовательно и о нашемъ правѣ браться за статистическую его обработку. Этотъ послѣдній вопросъ, въ сущности, предрѣшенъ работами ряда историковъ—назову въ особенности Миклашевскаго, Готье, Рожкова,—всѣ они, такъ или иначе, подходили къ статистическому использованію содержащагося въ писцовыхъ книгахъ матеріала; упомяну, въ частности, о работахъ Нордмана и Загорскаго по писцовымъ книгамъ Шелонской пятины. Всѣ эти изслѣдователи, очевидно, исходили изъ молчаливаго предположенія, что писцовыя записи представляютъ собою матеріалъ, въ той или иной мѣрѣ годный для статистической обработки. Изъ того-же предположенія исхожу и я. Въ тѣхъ или другихъ своихъ частяхъ, когда болѣе, когда менѣе совершенными пріемами, матеріалъ писцовыхъ записей уже подвергался и подвергается статистической обработкѣ,—значитъ признавался и признается годнымъ для роли статистическаго источника. Задача, которую предстоитъ разрѣшить въ настоящее время и разрѣшенію которой я хотѣлъ бы посильно содѣйствовать, сводится къ тому, чтобы *использовать* этотъ, во всякомъ случаѣ драгоцѣнный, *матеріалъ наиболѣе исчерпывающимъ образомъ, въ соотвѣтствіи съ указаніями статистической методологіи и техники*. Какова бы ни была *степень* достовѣрности писцовыхъ книгъ, какъ статистическаго источника,—поставленная такимъ образомъ задача не утрачиваетъ своего важнаго значенія. Мало того: систематическая статистическая разработка писцовыхъ записей можетъ дать не мало цѣнныхъ указаній даже и по самому вопросу о степени ихъ достовѣрности.

Конечно, какъ изъ соображеній общаго характера, такъ и въ особенности изъ тѣхъ критическихъ указаній, которыя

въ изобиліи разбросаны въ работахъ Лаппо-Данилевскаго, Готье, Миклашевскаго, и многихъ другихъ, ясно, что общій уровень достовѣрности писцовыхъ записей не можетъ быть высокъ. Ярко выраженная фискальная цѣль писцоваго счета должна была породить въ населеніи стремленіе къ искаженію истины, какъ правило—къ преуменьшенію признаковъ, прямо или косвенно характеризующихъ платежеспособность опрашиваемыхъ, а широко практиковавшійся пріемъ опроса окольныхъ людей, тоже такъ или иначе заинтересованныхъ въ дѣлѣ, далеко не гарантировалъ исправленія намѣренно-невѣрныхъ показаній. Со стороны органовъ писцоваго счета—писца и его подъячихъ—также очень трудно предполагать наличность сколько-нибудь опредѣленнаго стремленія къ выясненію объективной истины: съ одной стороны, личныя вліянія и чисто-корыстные мотивы могли побуждать ихъ къ принятію завѣдомо-преуменьшенныхъ сказокъ; съ другой, желаніе добиться повышенія обложенія могло побуждать ихъ, напротивъ, и къ искусственно-преувеличеннымъ записямъ, не говоря уже о тѣхъ искаженіяхъ дѣйствительности, которыя могли проистекать изъ значенія писцоваго счета, какъ акта укрѣпленія опредѣленныхъ владѣній за опредѣленными лицами. Гдѣ возобладалъ одинъ, гдѣ другой мотивъ, гдѣ, слѣдовательно, писцовыя записи являются преуменьшенными, а гдѣ преувеличенными,—на этотъ вопросъ не можетъ быть, повидимому, сколько-нибудь общаго отвѣта; едва ли можетъ быть опредѣленный отвѣтъ на него и въ отдѣльныхъ случаяхъ. А отсюда весьма существенный методологическій выводъ: *крайняя рискованность такихъ заключеній, которыя опирались бы на незначительныя мѣстныя или временныя колебанія статистическихъ коэффиціентовъ:* немного болѣе высокій или немногимъ болѣе низкій статистическій коэффиціентъ можетъ въ самомъ дѣлѣ отражать нѣкоторую реальную дѣйствительность,—но можетъ быть и просто результатомъ сознательно допущеннаго въ одномъ случаѣ преувеличенія, въ другомъ—преуменьшенія писцовыхъ записей.

По отношенію къ одному изъ важнѣйшихъ, учитываемыхъ писцовымъ счетомъ признаковъ къ этимъ недостаткамъ общаго характера присоединяется еще одинъ специфическій недостатокъ—несомнѣнная *условность* данныхъ писцоваго счета. Въ этомъ отношеніи, думается мнѣ, производимая нынѣ статистическая разработка писцовыхъ книгъ Шелонской пятины всецѣло подтверждаетъ соображенія, высказывавшіяся покойнымъ И. Н. Миклашевскимъ. Уже въ моей рецензіи на работу Н. Н. Нордмана я отмѣтилъ совершенно немыслимое, при нормальныхъ условіяхъ статистическаго учета, тяготѣніе показаній о запашкахъ къ цифрѣ «4 коробьи» на дворъ; моими сотрудницами по семинарской работѣ подмѣчено, наряду съ этимъ, хотя и менѣе

рѣзко выраженное, тяготѣніе къ цифрѣ «5». По законченному нынѣ подсчету писцовыхъ данныхъ по 37 погостамъ однодворныя деревни даютъ цифру 4 въ 22%, цифру 5 въ 13% всѣхъ случаевъ; въ среднихъ по многодворнымъ деревнямъ эти двѣ круглыя цифры встрѣчаются въ 13 и въ 14% случаевъ. Если же принять въ соображеніе, что именно этими самыми цифрами—5 либо 4—въ значительномъ большинствѣ случаевъ выражается среднее число коробей по расчету на одну окладную единицу—обжу, то станетъ ясно, что *писцы подгоняли свои записи къ этимъ цифрамъ, чтобы получать полныя окладныя единицы.* Уже a priori ясно, что такое подгонянье сводилось *къ повышенію* до четырехъ или до пяти не достигавшихъ этой нормы «сказокъ»,—что оно, слѣдовательно, должно было вести къ *нѣкоторому преувеличенію* данныхъ писцоваго счета по данному вопросу. И это апріорное предположеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что число деревень съ записанною запашкой въ 2,1—3,9 коробей, по моему выборочному подсчету, значительно меньше числа деревень съ 4,1—5,9 коробьями—нормальная группировка по величинѣ запашки должна была бы представлять, скорѣе, обратную картину [1]). По отношенію къ сѣнокосамъ тяготѣнія цифръ къ какой-либо нормѣ не замѣчается: колебанія значащихся въ книгѣ чиселъ чрезвычайно рѣзки и не стоятъ ни въ какой уловимой зависимости отъ обежнаго счета. Конечно, и въ показаніяхъ о покосахъ должны были проявляться обычные мотивы искаженія дѣйствительности; но эти показанія, во всякомъ случаѣ, болѣе правдоподобны—они свободны, по крайней мѣрѣ, отъ искусственнаго подгонянья подъ какую-то норму, а потому все-же лучше воспроизводятъ реальную дѣйствительность.

Сопоставленіе данныхъ писцоваго счета съ цифрами современной статистики бросаетъ затѣмъ нѣкоторый свѣтъ и на значеніе другой счетной единицы, съ которою оперируетъ писцовый счетъ—единицы, смыслъ которой до сихъ поръ не окончательно выясненъ историками: это именно «люди». Мнѣ нѣтъ надобности напоминать здѣсь о тѣхъ различныхъ взглядахъ, которые высказывались по данному вопросу въ исторической литературѣ. Для нашей цѣли достаточно отмѣтить, что въ общемъ выводѣ по 37 погостамъ въ среднемъ на одинъ дворъ получается 1,5 «человѣка». Очевидно, что «люди» данной писцовой книги—это *не домохозяева;* столь-же очевидно, что это и *не все мужское*

[1]) Я не касаюсь здѣсь подробно разработаннаго мною въ рецензіи на работу Н. Н. Нордмана вопроса о томъ, даетъ ли источникъ полныя числа коробей, или только число коробей въ одномъ полѣ. Тамъ мною приведены соображенія, какъ мнѣ кажется, дѣлающія безспорнымъ, что источникъ даетъ п о л н ы я цифры,—умноженіе этихъ цифръ на три дало бы немыслимо-большія, по условіямъ мѣста и времени, цифры запашекъ.

населеніе. 1,5—это цифра, очень близкая къ среднимъ цифрамъ числа *работниковъ мужескаго пола*, какія даетъ современная статистика для губерній, между которыми раздробилась бывшая Шелонская пятина (по Новгородской губ. 1,57, для Псковской 1,61, для Петроградской 1,34), и это совпаденіе дѣлаетъ весьма правдоподобнымъ предположеніе, что и «люди» писцоваго счета 1498 года тоже были взрослые работники или, можетъ-быть,—что̀ по существу приблизительно то же,—женатые мужчины (тягла, вѣнцы). Любопытно, что приводимый въ писцовой книгѣ «старый счетъ» даетъ совершенно другую среднюю цифру—1,1. Такъ какъ столь рѣзкое увеличеніе рабочаго состава средней семьи въ протекшій между «старымъ» и «новымъ счетомъ» не очень продолжительный періодъ трудно предположить, то становится правдоподобнымъ, что «старый счетъ» разумѣлъ подъ «людьми» нѣчто иное, нежели новый—именно, нѣчто близкое къ понятію «домохозяевъ». И такое измѣненіе самихъ принциповъ писцоваго счета особенно легко допустить, если принять, что «старый» счетъ относится еще къ новгородскимъ временамъ.

Къ сожалѣнію, въ настоящее время не представляется возможнымъ опредѣленно сказать, что́ можетъ дать статистическая разработка данныхъ писцоваго счета для выясненія понятія *обжи*, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и принциповъ обежнаго обложенія. Не входя въ подробности, достаточно отмѣтить, что порайонныя среднія цифры обежъ, приходящихся на одинъ крестьянскій дворъ, не стоятъ ни въ какомъ соотвѣтствіи съ различіями въ обезпеченности пашней: съ болѣе тяжелымъ обложеніемъ мы встрѣчаемся и съ сравнительно многопашущихъ районахъ, и въ нѣкоторыхъ районахъ съ относительно малыми запашками,—обежный счетъ, значитъ, не стоитъ въ уловимой зависимости отъ величины запашекъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, число коробей, приходящееся въ среднемъ на одну обжу, даже въ общихъ по погостамъ цифрахъ колеблется въ столь широкихъ предѣлахъ, какъ 3,6 и 6,8 коробей. Не обусловливаются ли, однако, эти колебанія различіями въ степени обезпеченности другими, кромѣ пашни, угодьями, въ частности покосами, которые вѣдь тоже учтены писцовымъ счетомъ? Обработка данныхъ по взятымъ на выдержку семи погостамъ, выполненная мною въ рецензіи на работу Н. Н. Нордмана, привела меня къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Обработанныя нынѣ данныя по 37 погостамъ говорятъ нѣсколько иное: два района съ наиболѣе тяжелымъ, по расчету на единицу запашки, обежнымъ обложеніемъ являются вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе богатыми сѣнокосомъ. Такое совпаденіе едва-ли, однако, достаточно для окончательнаго разрѣшенія вопроса,—оно указываетъ лишь на необходимость дальнѣйшаго изслѣдованія въ

данномъ направленіи, въ частности—примѣненія болѣе тонкихъ пріемовъ комбинаціоннаго подсчета.

Первостепенно важный, въ частности весьма интересующій, повидимому, русскихъ историковъ вопросъ, это—вопросъ о законности общихъ заключеній, основанныхъ на изученіи сохранившагося въ неполномъ видѣ матеріала, или даже на частичномъ изученіи матеріала, сохранившагося въ большой массѣ; иначе сказать —вопросъ о примѣненіи въ области историческихъ изысканій, въ той или другой формѣ, принциповъ *выборочнаго изслѣдованія*. Этотъ вопросъ былъ, можно сказать, центральнымъ пунктомъ работы Н. Н. Нордмана, настаивавшаго на томъ, что выводы, основанные на пространственно-ограниченномъ матеріалѣ, могутъ быть распространены за предѣлы непосредственнаго наблюденія не иначе какъ по сопоставленіи колебаній полученныхъ изъ даннаго матеріала цифръ съ теоретически-вычисленными нормальными предѣлами колебаній, и признававшаго распространеніе выводовъ безъ примѣненія такого рода математическихъ критеріевъ «совершенно недопустимымъ». Въ моемъ отзывѣ о работѣ г. Нордмана я подвергъ этотъ взглядъ посильной критикѣ и пришелъ къ иному заключенію. Я призналъ, именно, выставленное имъ категорическое требованіе, чтобы историко-статистическія изслѣдованія, поскольку они имѣютъ дѣло съ неисчерпывающимъ матеріаломъ, опирались на математическіе критеріи, рѣшительно не обоснованнымъ; мало того—я старался доказать, что эти критеріи, примѣненіе которыхъ всегда предполагаетъ наличность «прочихъ равныхъ условій», не могутъ найти себѣ мѣста въ области, гдѣ о «равенствѣ условій» не можетъ быть и рѣчи; я подчеркивалъ при этомъ, что «отрицать необходимость примѣненія такихъ критеріевъ отнюдь не значитъ отрицать возможность и цѣлесообразность работы надъ неисчерпывающимъ матеріаломъ, иначе сказать—работы выборочнымъ методомъ, который, напротивъ, *долженъ* найти себѣ въ данной области особенно широкое примѣненіе». Вопросъ лишь въ пріемахъ обоснованія и въ техникѣ примѣненія этого метода, которые соотвѣтствовали бы характеру матеріала и задачамъ историческаго изслѣдованія. Всестороннее разсмотрѣніе этого вопроса выходитъ изъ рамокъ настоящей замѣтки,—намѣтить пути для его разрѣшенія едва-ли возможно безъ спеціально-поставленныхъ работъ, такъ-сказать, экспериментальнаго характера. Но едва ли можно сомнѣваться въ одномъ: что изъ двухъ принципіально-различныхъ методовъ частичнаго изученія матеріала того типа, представителемъ котораго являются писцовыя книги, примѣнимымъ окажется тотъ самый,

который признается предпочтительнымъ и при изслѣдованіи современной дѣйствительности: *выборка опредѣленной доли мельчайшихъ единицъ, равномѣрно распредѣленной по всей намѣченной къ изученію массѣ*; или въ примѣненіи къ данному конкретному случаю—выборка *опредѣленной доли деревень, равномѣрно распредѣленной по всѣмъ погостамъ даннаго* района,—выборка, притомъ, производимая по какому либо *чисто-механическому принципу*—каждая пятая либо каждая десятая деревня и т. п. Только въ этомъ случаѣ, думается мнѣ, отобранный матеріалъ будетъ, такъ сказать, законнымъ представителемъ *всего* даннаго района, и основанные на немъ выводы будутъ подлежать автоматическому распространенію на все пространство этого района; порукой въ этомъ являются начала вѣроятности и основанная на нихъ теорія выборочнаго изслѣдованія. *Гораздо* болѣе рискованнымъ кажется мнѣ другой пріемъ, образчиками котораго являются работа г. Нордмана, а частью и моя, вошедшая въ составъ рецензіи на упомянутую работу: сплошное изученіе какой-нибудь одной, значительной по объему, части данной массы, или нѣсколькихъ менѣе значительныхъ частей, болѣе или менѣе равномѣрно разбросанныхъ среди этой массы; или, опять-таки, въ примѣненіи къ данному конкретному матеріалу—обработка матеріала по сплошной группѣ погостовъ (какъ у г. Нордмана) или по нѣсколькимъ на удачу выхваченнымъ погостамъ, приблизительно равномѣрно разбросаннымъ по пространству района (какъ у меня). Столь-же рискованнымъ будетъ довольно обычное, повидимому, въ исторической литературѣ, по существу не отличающееся отъ охарактеризованнаго только-что пріема, автоматическое распространеніе выводовъ, полученныхъ на основаніи сохранившагося по опредѣленному территоріально-ограниченному району матеріала, на болѣе или менѣе обширные, входящіе въ составъ той-же географической или исторической области, районы, для которыхъ матеріалъ *не* сохранился или не подвергался обработкѣ. Въ моей рецензіи на работу Н. Н. Нордмана я привелъ, мнѣ кажется, достаточно краснорѣчивые примѣры тѣхъ рѣзкихъ различій, какія наблюдаются даже между непосредственно смежными погостами въ отношеніи и разселенія, и землевладѣнія, и уловленныхъ писцовымъ счетомъ земельно-хозяйственныхъ условій. Довольно цѣнныя—мнѣ кажется—указанія, могущія способствовать выясненію даннаго вопроса, можно извлечь, въ настоящее время, изъ сопоставленія главнѣйшихъ цифровыхъ выводовъ трехъ работъ, относящихся къ одному и тому-же району: выполненной уже части работы статистическаго семинарія, охватившей всѣ 37 погостовъ, для которыхъ матеріалъ сохранился въ болѣе или менѣе полномъ видѣ; работы Н. Н. Нордмана, относящейся къ сплошному району изъ 16 погостовъ, и моей, относящейся къ 7 погостамъ того-же района. Вотъ слишкомъ, къ сожалѣнію, малочисленные статисти-

ческіе коэффиціенты, какіе можно извлечь *изъ всѣхъ трехъ* названныхъ работъ:

	37 погостовъ.	18 пог. г. Нордмана.	7 пог. моихъ.
Среднее число дворовъ на деревню	2,1	2,1	2,2
» » людей на дворъ	1,5	1,5	1,6
% однодворныхъ деревень	50	41	43
Въ среднемъ коробей на дворъ	5,1	5,1	4,9
Тоже въ оброчныхъ деревняхъ	5,3	5,1	4,9
» » помѣщичьихъ деревняхъ	5,2	4,9	4,8
» » монастырскихъ деревняхъ	4,4	4,9	5,5
» » своеземческихъ деревняхъ	4,5	4,9	5,0

Довольно рѣзкая разница въ величинѣ процента однодворныхъ деревень является, можетъ быть, результатомъ неполной тождественности принциповъ, клавшихся въ основу группировки деревень. Средняя величина деревни, среднее число людей въ дворѣ и средній на дворъ размѣръ запашки изображаются во всѣхъ трехъ подсчетахъ очень близкими другъ къ другу величинами. То-же можно сказать о среднемъ размѣрѣ запашки, вычисленномъ отдѣльно для двухъ наиболѣе многочисленныхъ категорій крестьянъ—оброчныхъ и помѣщичьихъ. Для всѣхъ перечисленныхъ признаковъ замѣна коэффиціента, выведеннаго для 37 погостовъ, коэффиціентомъ, полученнымъ для 16-ти или даже для семи погостовъ, не измѣнила бы сколько-нибудь существенно статистической картины; во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ коэффиціенты по 16 погостамъ нѣсколько ближе къ выводамъ по всѣмъ 37-ми, нежели коэффиціенты по семи погостамъ, но разница настолько несущественна, что не окупаетъ требуемой подсчетомъ по 16-ти погостамъ добавочной работы. Для двухъ малочисленныхъ категорій крестьянъ—монастырскихъ и своеземческихъ, цифры обоихъ неполныхъ подсчетовъ уже существенно отличаются отъ коэффиціентовъ, полученныхъ для 37 погостовъ, причемъ цифры для 7 погостовъ рѣзче отличаются отъ полныхъ итоговъ, чѣмъ цифры по 16 погостамъ, благодаря чему общая градація всѣхъ четырехъ разрядовъ по величинѣ запашки, которая въ подсчетѣ для 16 погостовъ не слишкомъ существенно отличается отъ градаціи по полному подсчету, во взятыхъ мною на выборку семи погостахъ оказывается существенно отличной: монастырскіе и своеземческіе крестьяне оказываются стоящими не на послѣднихъ, какъ-бы слѣдовало, а на первыхъ мѣстахъ.

Большее число сопоставленій можно провести уже не по тремъ, а лишь по двумъ подсчетамъ: полному по 37 погостамъ и моему выборочному, по семи. Вотъ, прежде всего, нѣсколько среднихъ величинъ первостепенно-важнаго значенія:

	по 37 пог.	по 7 пог.
дворовъ на деревню	2,1	2,2
«людей» на дворъ	1,5	1,6
коробей	5,1	4,9
копенъ покоса	35	31
обежъ на дворъ	1,2	1,2

Въ четырехъ случаяхъ мы видимъ очень близкое сходство, доходящее до почти полнаго совпаденія. Среднее число копенъ покоса въ выборочномъ подсчетѣ получилось нѣсколько преуменьшенное. Отчего такая разница—на этотъ вопросъ мнѣ будетъ удобнѣе отвѣтить нѣсколько ниже.

Вотъ, затѣмъ, нѣсколько наиболѣе характерныхъ процентныхъ величинъ, дающихъ понятіе о группировкѣ населенія по величинѣ запашки:

		по 37 пог.	по 7 пог.
съ запашкой менѣе 2 коробей.	однодворн. деревни . .	10	10
	многодворн. » . .	2,5	3
съ запашкой болѣе 6 коробей.	однодворн. » . .	23	22
	многодворн. » . .	18	21

Пашенная группировка по взятымъ на выборку семи погостамъ, такимъ образомъ, также весьма близко воспроизводитъ получающуюся изъ полнаго подсчета по 37 погостамъ. Иное мы видимъ для сѣнокосовъ:

		по 37 пог.	по 7 пог.
накашиваютъ менѣе 25 копенъ.	однодворн. деревни . .	27	42
	многодворн. » . .	57	64
накашиваютъ болѣе 75 копенъ.	однодворн. » . .	22	12
	многодворн. » . .	7	4

Картина, получаемая изъ выборочнаго подсчета по семи погостамъ, *рѣзко* отличается здѣсь отъ результата полной обработки по 37 погостамъ. *Почему* выборочной подсчетъ даетъ для запашки очень близкіе къ полному подсчету, для покосовъ—существенно отличающіеся отъ него результаты,—объяснить не трудно: размѣръ запашки въ условіяхъ натуральнаго хозяйства зависитъ, въ массѣ, отъ факторовъ приблизительно-постояннаго характера—рабочей силы средней семьи и ея продовольственныхъ потребностей; размѣръ сѣнокошенія опредѣляется, напротивъ, условіями гораздо болѣе измѣнчиваго характера—*самая потребность* въ сѣнѣ зависитъ отъ количества скота, которое можетъ быть весьма различнымъ, главное же, *возможность* удовлетворить этой потребности зависитъ отъ наличности большаго или меньшаго количества и лучшаго или худшаго качества сѣнокосныхъ угодій. Для даннаго конкретнаго случая не лишено значенія и то, что какъ въ выборку г. Нордмана, такъ и въ мою, совершенно не вошелъ богатый покосами юго-восточный районъ Шелонской пяти-

ны, благодаря чему итоговыя, какъ среднія, такъ и процентныя цифры должны были измѣниться въ сторону пониженія.

Совершенно неправильное представленіе даетъ выборочный подсчетъ по 7 погостамъ о градаціи разныхъ разрядовъ крестьянъ по главнѣйшимъ, учитываемымъ писцовой книгой, земельно-хозяйственнымъ признакамъ. Не приводя здѣсь цифръ, достаточно отмѣтить, что по величинѣ запашки на первыхъ мѣстахъ стоятъ по полному подсчету оброчные, за ними помѣщичьи, по по выборочному—монастырскіе и своеземческіе крестьяне; по обезпеченности покосами первыя мѣста занимаютъ по полному подсчету своеземческіе и оброчные, по выборочному — монастырскіе крестьяне; тягость обежнаго обложенія, выраженная въ числѣ коробей на обжу, по полному подсчету меньше всего у помѣщичьихъ, по моему выборочному—у оброчныхъ крестьянъ.

Такіе результаты сдѣланныхъ мною сопоставленій, какъ мнѣ кажется, *совершенно уничтожаютъ возможность непосредственнаго или автоматическаго распространенія за предѣлы поля наблюденія выводовъ, полученныхъ вторымъ изъ охарактеризованныхъ мною выше пріемовъ частичной разработки историко-статистическаго матеріала; говоря конкретнѣе—возможность непосредственнаго обобщенія выводовъ, полученныхъ изъ подсчета данныхъ по сплошной группѣ погостовъ или по нѣсколькимъ, наудачу выхваченнымъ, погостамъ. Такая возможность должна быть установлена въ каждомъ данномъ случаѣ путемъ анализа всей совокупности условій*, характеризующихъ учтенную территорію, съ одной стороны, и ту, на которую имѣется въ виду распространить полученные выводы, съ другой. И если даже установлена возможность обобщенія *нѣкоторой части* признаковъ (въ нашемъ случаѣ размѣръ селенія, двора, средній для всѣхъ разрядовъ размѣръ запашки), то это еще отнюдь не даетъ права обобщить *другіе* признаки, зависящіе, можетъ-быть, отъ совершенно другой совокупности условій.

Мнѣ хотѣлось бы, въ заключеніе, остановиться на нѣкоторыхъ соображеніяхъ общаго характера, къ которымъ меня привелъ мой—пока, конечно, очень ограниченный—опытъ въ дѣлѣ примѣненія статистическаго метода къ разработкѣ историческихъ источниковъ.

Статистика есть счетъ. Но не всякій счетъ есть статистика. О статистикѣ, какъ своеобразномъ методѣ научнаго изслѣдованія, можетъ быть рѣчь только тогда, когда счетъ принимаетъ характеръ *систематическаго массового наблюденія*; на доступную же ей высоту первостепенно-важнаго орудія научнаго познанія она поднимается только тогда, когда массовое наблюденіе примѣняется въ цѣляхъ *установленія закономѣрностей и причинныхъ*, или точнѣе функціональныхъ, *зависимостей*. Въ частности, задача статисти-

ческаго метода въ исторіи отнюдь не *ограничивается численнымъ изображеніемъ* историческихъ фактовъ, допускающихъ количественное выраженіе. Правомъ и научной *обязанностью статистика остается*—какъ я высказывалъ въ рецензіи на работу Н. Н. Нордмана—еще *выясненіе причинныхъ* (функціональныхъ) *связей и зависимостей*, поскольку таковыя могутъ быть выведены изъ сопоставленія полученныхъ статистическихъ коэффиціентовъ,—сопоставленія, выражающагося въ формѣ либо сравнительнаго анализа статистическихъ рядовъ, относящихся къ различнымъ признакамъ изучаемаго явленія, либо анализа рядовъ, изображающихъ какой-либо одинъ признакъ, въ зависимости отъ факторовъ, могущихъ вліять на величину отдѣльныхъ членовъ ряда[1]). Но на *этомъ задача статистика,какъ такового,и кончается.* Задачей статистическаго метода, какъ такового, всегда и вездѣ, въ томъ числѣ и въ области историческихъ изысканій, остается лишь установленіе тѣхъ или иныхъ постоянствъ, правильностей, причинныхъ (функціональныхъ) зависимостей, которыя уже внѣ сферы примѣненія статистическаго метода, въ области соотвѣтственныхъ спеціальныхъ знаній, получаютъ себѣ окончательное объясненіе; *объясненіе статистически-установленныхъ закономѣрностей и причиннозависимостей, и тѣмъ болѣе использованіе ихъ для дальнѣйшаго развитія соотвѣтственныхъ отраслей знанія—дѣло представителей соотвѣтственныхъ спеціальныхъ наукъ,* для которыхъ статистическій методъ есть не болѣе какъ одно изъ разнообразныхъ, имъ доступныхъ, орудій научнаго познанія. *Статистики*, правда, сплошь и рядомъ берутъ на себя и эту задачу—они *рѣшаются объяснять* найденные ими, статистическимъ путемъ, правильности и причиннозависимости и использовать ихъ для тѣхъ или иныхъ научныхъ построеній. Но въ такомъ случаѣ они выступаютъ уже въ роли *не статистиковъ, а спеціалистовъ по соотвѣтственнымъ отраслямъ знанія.* Если я—чтобы взять конкретный примѣръ—рѣшаюсь на объясненіе получаемыхъ мною статистическимъ путемъ выводовъ въ области земельныхъ и хозяйственныхъ отношеній, а тѣмъ болѣе на использованіе ихъ для какихъ-либо научныхъ построеній—я дѣлаю это не потому, что я *статистикъ*, а потому, что считаю себя освѣдомленнымъ *въ соотвѣтственныхъ спеціальныхъ отрасляхъ* общественныхъ наукъ. Въ томъ же качествѣ я выступаю, когда позволяю себѣ подыскивать объясненія для нѣкоторыхъ закономѣрностей и причиннозависимостей, установленныхъ путемъ статистической обработки писцовыхъ книгъ. Но моя компетенція въ этой области остается, естественно, крайне ограниченной: чтобы объяснить и всесторонне использовать статистически-констатированные факты хозяйствен-

---

[1]) См. подробнѣе мою книгу «Теорія и методы статистики», т. I, гл. 4.

ной исторіи 15 и 16 вѣка, мало быть статистикомъ, мало даже быть освѣдомленнымъ въ вопросахъ крестьянскаго землевладѣнія и хозяйства; надо быть *историкомъ*, спеціалистомъ по исторіи данной эпохи. Я, статистикъ, можетъ быть, могу, путемъ статистическаго анализа, привнести кое-что для выясненія понятія обжи и принциповъ обежнаго обложенія, — но совершенно напрасно было-бы ожидать отъ меня и мнѣ подобныхъ разрѣшенія вопроса о томъ, что̀ такое была обжа и какъ происходило обежное обложеніе; я могу кое-что привнести для выясненія характера земледѣльческаго хозяйства въ данной мѣстности и въ данную эпоху—мой статистическій анализъ можетъ, въ частности, заставить отвергнуть однѣ, ранѣе существовавшія гипотезы, придать конкретную форму другимъ, навести на нѣкоторыя такія новыя построенія, къ которымъ трудно было-бы прійти инымъ, кромѣ статистическаго, путемъ (я имѣю въ виду приведенную выше схему типовъ земледѣльческаго хозяйства),—но *рѣшающій голосъ всегда будетъ принадлежать историку, который используетъ мой статистическій анализъ наряду и въ комбинаціи со всѣми иными, ему доступными, источниками и пріемами научнаго изслѣдованія.*

Однако, въ *раздѣленіи* между разными лицами несомнѣнно различныхъ по своему существу функцій нѣтъ никакой, изъ существа дѣла вытекающей, необходимости. Какъ статистическіе навыки и знаніе статистической методологіи могутъ совмѣщаться въ одномъ лицѣ со спеціальнымъ знаніемъ экономики землевладѣнія и сельскаго хозяйства, эволюціи обрабатывающей промышленности, ученія о народонаселеніи, уголовной политики и т. п., такъ-же точно они могутъ совмѣщаться со спеціальной освѣдомленностью въ тѣхъ или другихъ областяхъ исторіи. Нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы *историкъ* былъ въ то-же время и *статистикомъ*. Мало того—*будетъ несомнѣнно лучше, если примѣненіе статистическаго метода*—поскольку окажется поле для его приложенія—*будетъ исходить отъ изслѣдователя-историка*: *онъ* лучше, нежели кто-либо иной, будетъ знать, въ какую сторону направить рѣзецъ статистическаго анализа; *онъ* въ самомомъ процессѣ работы лучше, нежели кто-либо иной, сумѣетъ извлечь изъ матеріала все цѣнное для характеристики даннаго явленія; и обратно—*разъ онъ самъ продѣлалъ статистическій анализъ, онъ несравненно полнѣе сможетъ использовать его результаты*, нежели тотъ, кто получитъ для дальнѣйшаго использованія результаты произведеннаго другимъ лицомъ статистическаго анализа.

Достигнуть такого совмѣщенія не такъ трудно—но и не слишкомъ легко. Какъ вѣрно замѣтилъ В. И. Веретенниковъ, историкъ, желающій идти историко-статистическимъ путемъ, «долженъ быть во всеоружіи знанія статистическаго метода». И достигнуть этого всеоружія нельзя безъ нѣкоторой, впрочемъ не слишкомъ сложной, теоретической и практической подготовки.

Какъ должна быть поставлена подготовка историка, желающаго идти историко-статистическимъ путемъ—на это даетъ нѣкоторыя указанія практика давшей поводъ для настоящей замѣтки семинарской работы.

Я нарочно не упомянулъ во вступительной части этой замѣтки о слѣдующемъ обстоятельствѣ: когда о желаніи вступить въ статистическій семинарій заявили первыя четыре слушательницы-исторички, я ограничился требованіемъ отъ нихъ коллоквіума по курсу статистики, а затѣмъ прямо приступилъ съ ними къ работѣ по писцовымъ книгамъ, освободивъ ихъ отъ обязательныхъ для остальныхъ участницъ семинарія, довольно обременительныхъ, пропедевтическихъ работъ по общей статистикѣ; мнѣ казалось неумѣстнымъ формализмомъ—требовать отъ лицъ, весь интересъ которыхъ направленъ въ сторону исторіи, выполненія такихъ работъ, которыя къ ней не имѣютъ никакого видимаго отношенія. Я долженъ былъ, однако, убѣдиться въ томъ, что я поступилъ ошибочно. Составъ «исторической» группы семинарія былъ, во всякомъ случаѣ, выдающійся—гораздо выше средняго уровня участницъ статистическаго семинарія; интересъ ихъ къ дѣлу былъ совершенно исключительный,—и тѣмъ не менѣе недостатокъ статистическихъ навыковъ и, такъ сказать, статистическаго воспитанія давалъ себя чувствовать на каждомъ шагу: когда дѣло доходило, напримѣръ, до проектированія таблицъ, имъ съ большимъ трудомъ давалось то, что заурядная, но прошедшая нормальный циклъ семинарскихъ занятій, слушательница дѣлаетъ безъ затрудненія; когда онѣ оказались лицомъ къ лицу съ готовыми таблицами—обнаружился недостатокъ умѣнья читать цифры и уловлять кроющіяся въ нихъ закономѣрности. И еще одно обстоятельство: когда начиналась наша общая работа, я поражался тому, какъ много мои исторически-подготовленныя сотрудницы подмѣчали въ матеріалѣ такого, что̀ для меня, статистика, а не историка, проходило совершенно незамѣченнымъ. Но скоро я долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что это достоинство переходило у нихъ въ недостатокъ: въ неумѣнье отвлекаться отъ третьестепенныхъ мелочей и становиться на обязательную для статистика обобщающую точку зрѣнія массоваго наблюденія; ту точку зрѣнія, которая—перефразируя слова Кетле—повелѣваетъ статистику не входитъ въ детали единичнаго случая, а разсматривать его только какъ дробную часть собирательнаго цѣлаго. И что̀ мнѣ особенно дорого отмѣтить: съ достойною всякаго уваженія готовностью къ самокритикѣ, мои сотрудницы и сами сознали недостаточность своей статистической подготовки; однѣ изъ нихъ по собственной иниціативѣ, другія—идя на встрѣчу моему совѣту, почти всѣ онѣ, въ концѣ-концовъ, вошли въ курсъ семинарскихъ работъ по общей статистикѣ, имѣя въ виду на нихъ расширить и углубить

свою не вполнѣ достаточную методологическую подготовку. И для меня отсюда вытекаетъ ясный выводъ: кто хочетъ работать статистическимъ методомъ въ области исторіи, долженъ обладать, прежде всего, надлежащею историческою подготовкой; но въ дополненіе къ ней онъ *долженъ пріобрѣсти и надлежащую подготовку въ области статистической методологіи и выработать въ себѣ необходимые статистическіе навыки.* Мнѣ кажется, что высшая историческая школа пошла бы навстрѣчу насущной въ томъ потребности, если бы открыла будущимъ историкамъ, въ особенности спеціализирующимся на экономической и соціальной исторіи, *возможность воспользоваться какъ теоретическимъ, такъ и практическимъ преподаваніемъ статистическаго метода.*

Земская статистика [1]).

Передъ возникшимъ полвѣка тому назадъ земствомъ стояло «три коренныхъ вопроса: какія предпринять мѣры, съ чего начинать и какъ организовать дѣло, чтобы оно не обмануло возлагаемыхъ на него ожиданій». Эти три вопроса «неизбѣжно требовали отъ земства ближайшаго знакомства съ своеобразными условіями своего района и постояннаго наблюденія происходящихъ въ немъ жизненныхъ явленій. Этому требованію отвѣчаетъ земская статистика». Такъ писалъ въ 1883 г. земецъ и статистикъ К. В. Лаврскій въ сильно, въ свое время, нашумѣвшей статьѣ о «двухъ типахъ земской статистики». Ближайшій поводъ къ возникновенію земской статистики былъ однако болѣе узкій, болѣе прозаическій: «земству,—говоритъ одинъ изъ славнѣйшихъ земскихъ статистиковъ Н. Ф. Анненскій въ докладѣ-рѣчи, на которую мнѣ еще много придется ссылаться,—нужно было разработать вопросъ о цѣнности и доходности земель и другихъ недвижимыхъ имуществъ», какъ главнаго объекта земскаго обложенія ,«и съ этою цѣлью и были учреждены статистическія бюро». Но «эту служебную и частную задачу быстро заслонила и поглотила другая, болѣе общая—изученіе экономическихъ и другихъ общихъ условій народнаго быта». Это расширеніе задачъ земской статистики было дѣломъ не столько самого земства, въ лицѣ его выборныхъ представителей, сколько привлеченной на земскую службу внѣклассовой интеллигенціи. «Для производства статистическихъ работъ,—говоритъ одинъ изъ старѣйшихъ земскихъ статистиковъ Д. И. Рихтеръ,—среди самихъ земскихъ гласныхъ, за весьма немногими исключеніями, силъ не нашлось; какъ и при организаціи земской медицины, при учрежденіи земскихъ учительскихъ школъ и т. п., пришлось обратиться къ лицамъ, до того времени стоявшимъ въ сторонѣ отъ земства, и такъ называемые земскіе статистики вошли въ составъ работающихъ на земскомъ поприщѣ не по выбору, а по приглашенію, въ качествѣ «спеціалистовъ», кото-

[1]) Изъ «Юбилейнаго земскаго сборника». Спб. 1914.

рыхъ впослѣдствіи, съ легкой руки одного администратора, окрестили названіемъ «третьяго элемента въ земствѣ». Этому «третьему элементу» земство предоставило сравнительно широкую свободу дѣйствій, и эта свобода «не могла не привлечь къ земскому дѣлу массы русской интеллигенціи, тѣмъ болѣе, что время расцвѣта земства совпало съ героическою порою въ жизни нашей интеллигентной молодежи, съ такъ называемымъ «хожденіемъ въ народъ». Земская статистика сдѣлалась для народнически-окрашенной интеллигенціи однимъ изъ способовъ *служенія народу* и сближенія съ народомъ—сближенія и служенія посредствомъ изученія народной жизни. Такимъ образомъ настроенные, земскіе статистики, естественно, не могли удовлетвориться податными задачами,—они должны были направить и дѣйствительно направили всѣ свои силы и все свое быстро выработавшееся коллективное умѣнье на всестороннее изученіе жизни народа, и первѣе всего—его типичнѣйшаго представителя, русскаго крестьянства. И вотъ, вся болѣе нежели 40-лѣтняя исторія земской статистики протекаетъ подъ знакомъ борьбы двухъ задачъ: узко-практической, на которой, въ видѣ правила, настаивали земства, и общественно-научной, которую выдвигали земскіе статистики,—земельно-платежной оцѣнки и широкаго изученія народной жизни,—и перевѣсъ въ этой борьбѣ, въ теченіе первыхъ двадцати лѣтъ существованія земской статистики, оставался на сторонѣ общихъ научно-общественныхъ задачъ, практическія же цѣли, въ частности оцѣночное дѣло, оставались въ тѣни. Лишь мѣстами и по временамъ наступали, если можно такъ выразиться, перемирія; самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ является дѣятельность руководимаго Н. Ф. Анненскимъ Нижегородскаго бюро, которому удалось достигнуть гармоническаго сочетанія научныхъ и практическихъ задачъ земскаго статистическаго изслѣдованія.

То, что̀ можно назвать специфическимъ типомъ русской земской статистики, выработалось далеко не сразу. Образцовъ для себя искать ей было негдѣ; и программы изслѣдованія, и пріемы наблюденія, и самую организацію земская статистика должна была вырабатывать для себя сама. «Первый по времени земскій статистикъ Н. Н. Романовъ,—говоритъ А. А. Русовъ, самъ одинъ изъ первыхъ земскихъ статистиковъ, — нашелъ лучшимъ прежде всего поѣздить по губерніи, среди ея безконечныхъ лѣсовъ: другіе даже пѣшкомъ ходили по селамъ и деревнямъ, чтобы составить программу своей дѣятельности. И села, и деревни,—продолжаетъ А. А. Русовъ,—поля и лѣса благосклонно отнеслись къ новымъ дѣятелямъ; они не скрыли отъ нихъ тѣхъ особенностей своихъ, какія затѣмъ стали предметомъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій, Жизнь—лучшая наука, и *она* указала статистикамъ, чего они въ правѣ требовать и на что они могутъ разсчитывать».

Ходячій взглядъ—что сложившійся въ концѣ концовъ общій типъ былъ результатомъ синтеза двухъ по существу различныхъ типовъ: московскаго, созданнаго покойнымъ В. И. Орловымъ и его многочисленными сотрудниками и учениками, и черниговскаго, создателями котораго были П. П. Червинскій, А. П. Шликевичъ, А. А. Русовъ и В. Е. Варзаръ. «У черниговскихъ статистиковъ,—писалъ покойный Янсонъ, авторитетъ котораго, конечно, много способствовалъ упроченію этого взгляда,—главнѣйшимъ предметомъ изслѣдованія являлась земля, у московскихъ—люди»; основною задачею московскихъ статистиковъ было «полученіе свѣдѣній о каждой хозяйственной единицѣ и объ общихъ условіяхъ жизни и дѣятельности населенія»; у черниговскихъ—«классификація почвъ, къ которой пріурочивалось все изслѣдованіе». Но этотъ ходячій взглядъ можетъ быть принятъ лишь съ большими, въ сущности его уничтожающими, оговорками. Правъ А. Ф. Фортунатовъ, одинъ изъ признанныхъ идейныхъ вождей земской статистики, когда онъ говоритъ, что «съ научной точки зрѣнія никакого различія между московскою и черниговскою статистикою не замѣчается». Не менѣе правъ А. А. Русовъ, когда признаетъ цитированное выше утвержденіе Янсона «плодомъ какого-то недоразумѣнія. Ни по плану первоначальныхъ программъ изслѣдованія,—говоритъ онъ,—ни въ разъѣздахъ при ихъ примѣненіи черниговскіе статистики не производили тѣхъ изслѣдованій земли, какими впослѣдствіи обогатили область оцѣночной статистики труды Докучаева и его послѣдователей-почвовѣдовъ. Какъ московскія, такъ и черниговскія программы,—говоритъ онъ столь же справедливо дальше,—имѣли въ виду изученіе въ этихъ двухъ губерніяхъ положенія земледѣлія и зависящей отъ него степени доходности и цѣнности земель». Однимъ изъ первыхъ практическихъ послѣдствій работъ московскихъ статистиковъ была выработка принциповъ оцѣнки, а въ составленной П. П. Червинскимъ запискѣ о задачахъ и постановкѣ только-что предпринимавшихся работъ по Черниговской губерніи проводится широкій и послѣдовательно продуманный планъ всесторонняго хозяйственно-статистическаго изслѣдованія, лишь по не зависѣвшимъ отъ статистиковъ обстоятельствамъ не получившій полнаго осуществленія. Ошибочно признавать,— какъ дѣлаютъ многіе,—специфическою особенностью «московскаго типа» и подворную перепись крестьянскихъ хозяйствъ: первыя работы московскаго бюро *не* сопровождались подворною переписью; наоборотъ—черниговскіе статистики произвели подворную перепись въ четырехъ уѣздахъ, и лишь тѣ же не зависѣвшія отъ статистиковъ обстоятельства помѣшали имъ провести ее сплошь по всей губерніи. Въ концѣ концовъ московская и черниговская статистика—это не какіе-то принципіально отличные типы,

а просто первыя планомѣрныя попытки сплошного экспедиціоннаго изслѣдованія,—каждая изъ нихъ, по новизнѣ дѣла, нѣсколько односторонняя; и послѣдующая эволюція земской статистики одинаково черпала и изъ того, и изъ другого источника. Дальнѣйшими важными этапами этой эволюціи были работы Н. Ф. Анненскаго въ Нижегородской и Ф. А. Щербины въ Воронежской губ. Характерной особенностью нижегородскихъ работъ было, какъ упомянуто, гармоническое сочетаніе хозяйственно-статистическихъ и спеціально-оцѣночныхъ задачъ, гармоническая комбинація статистическаго съ почвеннымъ изслѣдованіемъ; комбинація эта,—говоря словами самого Н. Ф. Анненскаго, — дала возможность «привести въ извѣстность всѣ единицы земскаго обложенія» и оцѣнить эти единицы, т. е. провести основную часть такъ называемаго «земскаго кадастра». Особенностью работъ Ф. А. Щербины было значительное углубленіе программъ подворной переписи, которая въ постановкѣ Ф. А. Щербины, обнимаетъ не только перечень основныхъ элементовъ крестьянскаго хозяйства, но, кромѣ того, связную систему вопросовъ бюджетнаго и приходо-расходнаго характера. Въ конечномъ результатѣ этой эволюціи—своеобразная общая схема земскихъ основныхъ статистическихъ работъ, необходимыми составными элементами которой стали, съ одной стороны, подворная перепись, съ другой—поселенное или пообщинное описаніе: послѣднее даетъ всестороннюю характеристику общихъ земельно-хозяйственныхъ условій каждаго даннаго селенія, первая—учетъ тѣхъ элементовъ крестьянскаго хозяйства, которые своеобразно складываются для каждой мельчайшей хозяйственной единицы—крестьянскаго двора. Органически между собой связанные, вопросы подворной карточки и поселеннаго описанія взаимно пополняютъ и повѣряютъ другъ друга.

Оцѣночный законъ 8 іюня 1893 г. явился поворотнымъ пунктомъ въ исторіи земской статистики. Изъ свободнаго продукта свободнаго взаимодѣйствія земства и безсословной интеллигенціи статистическое изслѣдованіе дѣлается лежащею на земствѣ повинностью, ради облегченія которой земствамъ закономъ 1899 г. предоставлено казенное пособіе изъ спеціально для того предназначеннаго милліоннаго годичнаго кредита. Изъ самодовлѣющаго земскаго дѣла статистическія изслѣдованія дѣлаются придаткомъ къ принятой подъ правительственный контроль налоговой оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ ставятся подъ контроль такого чисто-правительственнаго учрежденія, какимъ въ существѣ своемъ являются оцѣночныя комиссіи. Какъ систематически подчеркиваетъ губернская администрація, когда ей приходится высказываться по вопросамъ, касающимся оцѣночнаго дѣла, формальная полновластность оцѣночныхъ комиссій не мѣшаетъ тому, что фактически хозяевами дѣла остаются навербованные изъ «третьяго элемента» статистики. Но это справедливо

лишь отчасти: *творческая* роль, въ самомъ дѣлѣ, осталась за статистиками; но роль *тормаза* развитію земскихъ статистическихъ изслѣдованій многія оцѣночныя комиссіи выполняютъ съ полнымъ успѣхомъ. Достаточно взглянуть на новѣйшіе формуляры, хотя бы по Тверской губ., чтобы убѣдиться въ томъ, до какой степени вмѣшательство оцѣночныхъ комиссій можетъ вынуть изъ земскаго статистическаго изслѣдованія его живую душу. Но въ *самихъ статистикахъ* эта душа по-прежнему жива. «Казалось,— говоритъ Д. И. Рихтеръ,—духъ, господствовавшій въ земской статистикѣ, долженъ былъ уступить мѣсто болѣе формальному бюрократическому направленію. Къ счастью, этого не случилось: земская статистика предшествовавшаго періода выработала методы изслѣдованія, благодаря которымъ всякая задача, поступавшая имъ на изученіе, обнималась широко, ставилась въ связь съ соприкасающимися съ нею явленіями жизни. Это-то обстоятельство и не дало земской статистикѣ заглохнуть, не дало даже и измѣнить своего обычнаго направленія, несмотря на кажущуюся узкость поставленной ей задачи».

Собственно принципы земельной оцѣнки, служить которой была теперь призвана земская статистика, были тѣ самые, какіе постепенно сложились въ земской оцѣночно-статистической практикѣ. Еще въ трудахъ первыхъ піонеровъ земской статистики, В. И. Покровскаго и Н. Н. Романова, была категорически подчеркнута невозможность поставить наши земельныя оцѣнки на началахъ западно-европейскаго кадастра, т. е. «опредѣленія дѣйствительной цѣнности и дѣйствительнаго дохода всѣхъ земельныхъ владѣній на основаніи точныхъ по каждому имѣнію оцѣночныхъ работъ», и неизбѣжность примѣненія «способа оцѣнки земли, основаннаго на приблизительномъ разсчетѣ, что такое-то имущество, въ такой-то мѣстности, *должно* стоить столько-то и *можетъ* давать такой-то доходъ»; способа, при которомъ «получаются цифры не дѣйствительной, а *нормальной*, *средней*, примѣрной цѣнности или доходности». Эволюція принциповъ такого рода оцѣнки шла въ направленіи отъ сравнительно несложнаго пріема оцѣнки *по продажнымъ и арендным цѣнамъ* къ гораздо болѣе сложному пріему оцѣнки по *дѣйствительному хозяйственному доходу*, такъ называемому пріему «выручекъ и затратъ». Въ концѣ концовъ, «путемъ длиннаго ряда пробныхъ работъ, взаимнаго обмѣна мыслей и опыта, земскія статистическія бюро—по оффиціальному признанію—выработали довольно стройную систему пріемовъ обслѣдованія земель въ оцѣночныхъ цѣляхъ», которая и легла въ основу закона 8 іюня 1893 г. Система эта достигла наибольшей законченности въ работахъ Нижегородскаго бюро, и, по свидѣтельству отличнаго знатока вопроса, В. Ф. Караваева, новый законъ «не только не внесъ ничего новаго въ работы нижегородской оцѣночной статистики, но, скорѣе, даже самъ всѣ основные пріемы

кадастра строилъ на опытѣ нижегородскихъ работъ». Въ проведеніи принципа выручекъ и затратъ законъ 1893 г. идетъ еще послѣдовательнѣе, нежели шла прежняя земская практика; этотъ принципъ ставится какъ *обязательное* основаніе оцѣнокъ, арендныя же и продажныя цѣны низводятся на второстепенную, повѣрочную и вспомогательную роль. Но при такихъ условіяхъ даже и для непосредственныхъ оцѣночныхъ цѣлей оказывалось невозможнымъ обойтись безъ сложныхъ статистическихъ изслѣдованій. И вотъ, устами того же Н. Ф. Анненскаго собравшіеся въ статистической подсекціи IX съѣзда естествоиспытателей земскіе статистики провозглашаютъ необходимость широкой научно-статистической постановки необходимыхъ для оцѣночныхъ цѣлей подготовительныхъ работъ. «Для земскаго кадастра необходимыя основанія можетъ дать только земская оцѣночная статистика. А эта послѣдняя, въ свою очередь, можетъ удовлетворять своему назначенію только въ томъ случаѣ, если будетъ построена по тому же плану и типу, который свойственъ изслѣдованіямъ, направленнымъ на выясненіе главнѣйшихъ общихъ условій сельской жизни и сельскаго хозяйства». Изслѣдованіе «должно имѣть въ виду не только данныя о доходности, требующіяся непосредственно для оцѣнки, но и самые *факторы* доходности—естественные (почва, климатъ) и экономическіе (населеніе, землевладѣніе и землепользованіе, скотоводство, условія техники, результаты хозяйства, условія сбыта продуктовъ)»,—и въ экономической части оцѣночной программы оно должно оперировать «числовымъ статистическимъ методомъ», исходя изъ сплошной переписи всѣхъ хозяйственныхъ единицъ и общаго описанія условій землевладѣнія и хозяйства въ каждой мѣстности и въ каждомъ селеніи и опираясь, въ дополненіе къ этимъ основнымъ пріемамъ, еще и на монографическое бюджетное изслѣдованіе. А такъ какъ, притомъ, съ теченіемъ времени среди земскихъ статистиковъ все болѣе укоренялось стремленіе обосновать оцѣнку не на *нормально мыслимой*, а на *дѣйствительной* доходности, считаясь притомъ съ экономическими особенностями различныхъ типовъ мелкаго крестьянскаго хозяйства, то отсюда вытекло еще большее расширеніе и углубленіе задачъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій и утонченіе ихъ пріемовъ, чѣмъ какое наблюдалось до изданія закона 1893 г.

Требовалось ли, въ самомъ дѣлѣ, такое почти безпредѣльное углубленіе статистическаго изслѣдованія собственно для цѣлей земельной оцѣнки,—это вопросъ, который я не имѣю надобности здѣсь подробно разбирать. Мнѣ достаточно отмѣтить, что на статистическихъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ неоднократно раздавались скептическіе голоса; достаточно назвать такого финансиста-теоретика, какъ И. И. Янжулъ, или такихъ первоклассныхъ земскихъ статистиковъ, какъ А. П. Шликевичъ или Н. Н. Черненковъ, категорически подчеркивавшихъ, что «изученіе общихъ условій хо-

зяйства заключаетъ въ себѣ нѣчто гораздо большее, чѣмъ предстоитъ сдѣлать въ интересахъ оцѣнки»; что, въ частности, «подворныя изслѣдованія нельзя признать безусловно необходимыми для оцѣночныхъ цѣлей». Но руководящіе представители нашей земской статистики всегда подчеркивали, что земскіе статистики вовсе и не обязаны, даже не имѣютъ нравственнаго права смотрѣть на свою дѣятельность исключительно съ узко-практической, оцѣночной точки зрѣнія; что ихъ *долгъ*—поставить оцѣночныя работы такъ, «чтобы онѣ не заслоняли другой большой работы, именно изученія обще-экономическихъ условій»,—работы, ставшей особенно необходимой, «когда идетъ ломка всѣхъ хозяйственныхъ условій жизни». Какъ подчеркивалъ тотъ же Анненскій на совѣщаніи 1900 г., оцѣночныя изслѣдованія «представляютъ благодарную почву, на которой можно, помимо практическихъ цѣлей, изучать общую физіономію русскаго сельскаго хозяйства, его строй, взаимныя отношенія различныхъ элементовъ, слоевъ и классовъ и вліяніе различныхъ факторовъ». А предсѣдательствовавшій въ совѣщаніи В. И. Покровскій счелъ необходимымъ отмѣтить въ своемъ заключительномъ словѣ, что «земскіе статистики не считаютъ возможнымъ вести оцѣночныя работы узко, спеціально, а находятъ, что они должны быть связаны съ изслѣдованіемъ всей экономической жизни страны».

Но при такихъ условіяхъ земской статистикѣ пришлось вести войну уже не на два, а на цѣлыхъ три фронта. Прежде, какъ мнѣ придется отмѣтить нѣсколько ниже, имъ часто приходилось вести борьбу съ земствомъ и земцами; имъ приходилось вступать съ губернской администраціей въ постоянныя столкновенія полицейскаго характера—столкновенія того своеобразнаго типа, когда, по мѣткому выраженію геніальнаго сатирика, «одна сторона толкается, а другая только о томъ думаетъ, какъ бы ея въ конецъ не затолкали». Теперь пришлось вести борьбу съ той же администраціей, но перелицованной въ форму губернскихъ оцѣночныхъ комиссій. «Оцѣночныя комиссіи,—справедливо говоритъ по этому поводу А. В. Пѣшехоновъ, — неспособныя руководить дѣломъ оцѣнки, внесли рядъ задержекъ и усилили треніе, т. е. потребовали напрасной траты силъ отъ земскихъ управъ и ихъ статистическихъ отдѣленій»,—траты силъ на отстаиваніе того, что̀ казалось имъ необходимымъ частью для непосредственныхъ оцѣночныхъ цѣлей, частью для болѣе широкихъ цѣлей общаго статистико-экономическаго изученія.

Каково же, въ концѣ концовъ, оказалось вліяніе закона 1893 г. на земскую статистику?

Во многихъ отношеніяхъ оно было отрицательнымъ. Земская статистика несомнѣнно страдаетъ подъ тягостью оцѣночныхъ наростовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на подворный или поселенный бланкъ любого изъ современныхъ намъ

оцѣночно-статистическихъ изслѣдованій или просмотрѣть любую изъ современныхъ инструкцій: формуляры поражаютъ обиліемъ и крайнею изощренностью вопросовъ и графъ, болѣе или менѣе непосредственно приноровленныхъ къ учету разныхъ видовъ земель и къ опредѣленію ихъ доходности,—не говоря уже о безчисленныхъ дополнительныхъ бланкахъ, спеціально приспособленныхъ къ учету опредѣленнаго вида земель или къ вычисленію опредѣленнаго фактора доходности; они поражаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіемъ уложить все содержаніе поселеннаго, подворнаго или иного опроса въ табличную или клѣточную форму. Въ инструкціяхъ поражаетъ то безусловно преобладающее вниманіе, какое посвящается лишеннымъ статистическаго характера операціямъ, въ родѣ учета земель, описанія почвъ и т. п.; поражаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ безчисленное множество мелочныхъ указаній формальнаго характера, направленныхъ, главнымъ образомъ, къ обезпеченію такой степени точности въ учетѣ важныхъ съ оцѣночной точки зрѣнія явленій и признаковъ, какая во многихъ случаяхъ едва ли не выходитъ изъ рамокъ фактической достижимости. Такой «статистическій формализмъ» является, пожалуй, неизбѣжнымъ, и даже независимо отъ спеціально-оцѣночныхъ цѣлей, въ виду *массового характера* современныхъ оцѣночно-статистическихъ изслѣдованій и вытекающаго отсюда случайнаго характера значительной части участвующаго въ нихъ персонала. Но онъ не можетъ не оказывать мертвящаго вліянія на тотъ первостепенно важный моментъ, который можно назвать «статистическимъ творчествомъ»: время, силы и вниманіе изслѣдователя поглощены чисто-кадастровыми операціями и выполненіемъ безчисленныхъ формальныхъ требованій, и ихъ остается слишкомъ мало для того, въ чемъ жизненный смыслъ и истинная цѣнность статистическихъ изслѣдованій выработаннаго старою земскою статистикой типа. *Самый интересъ* земскихъ статистиковъ въ значительной мѣрѣ поглощенъ чуждыми существу земской статистики оцѣночными задачами и вопросами; я не могу забыть того тяжелаго впечатлѣнія, которое оставила во мнѣ въ 1910 г. подсекція статистики XII съѣзда естествоиспытателей: вопросы оцѣнки буквально подавляли все остальное и поглощали все вниманіе собравшихся статистиковъ, и если временами вспыхивалъ живой статистическій интересъ, то почти исключительно въ областяхъ, лежащихъ болѣе или менѣе въ сторонѣ отъ главнаго теченія земской статистики. Однако эти оцѣночные наросты—все-таки не болѣе, какъ именно *наросты* на организмѣ земской статистики въ коренномъ и подлинномъ ея значеніи. Вопреки всему и несмотря ни на что, земская статистика продолжаетъ идти по своему коренному пути—все расширяющагося и углубляющагося изученія народной жизни. Достаточно перелистать нѣсколько новѣйшихъ статистическихъ сборниковъ, чтобы увидѣть, какіе громадные успѣхи сдѣлала за

послѣднее время разработка вопросовъ чисто-экономической и частью культурной статистики; назову хотя бы такіе, какъ грамотность и школьное обученіе, какъ промыслы, какъ техника крестьянскаго хозяйства, какъ условія и формы аренды и земледѣльческаго найма. Независимо отъ иногда и слишкомъ далеко идущей, можетъ быть, детализаціи и конкретизаціи изученія, на характерѣ новѣйшихъ работъ земской статистики отразились и тѣ идейныя теченія, распространеніе которыхъ въ тѣхъ кругахъ русской интеллигенціи, откуда вербуется главный контингентъ земской статистики, приблизительно совпало по времени съ закономъ 1893 г. Старая земская статистика была дѣломъ рукъ *народнически*-настроенной интеллигенціи. Но, какъ отмѣчаетъ такой компетентный свидѣтель, какъ Н. Н. Черненковъ, это народническое настроеніе первыхъ земскихъ статистиковъ наложило на ихъ труды печать нѣкоторой односторонности: во главѣ угла ихъ интереса стояли вопросы крестьянскаго малоземелья и господствовавшія представленія объ упадкѣ крестьянскаго хозяйства, какъ объ одностороннемъ процессѣ разоренія и отслоенія внизъ, отъ котораго выигрываютъ лишь немногіе «кулаки» или посторонніе крестьянству элементы. Поэтому старая земская статистика, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ изучая всѣ симптомы малоземелья, тщательно учитывая упадочныя хозяйства, болѣе или менѣе игнорировала высшія по благосостоянію группы крестьянства и мало интересовалась примѣненіемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ наемнаго труда. Занявшіе, во второмъ періодѣ, видное мѣсто среди земскихъ статистиковъ представители марксистскихъ теченій особенно интересовались именно вопросами дифференціаціи *внутри* самой деревни, въ частности—образованіемъ крестьянскаго капиталистическаго слоя, а равно вопросами перераспредѣленія производительныхъ силъ между земледѣліемъ и обрабатывающей промышленностью. Они обратили поэтому особое вниманіе, съ одной стороны, на всѣ проявленія промысловой дѣятельности населенія, а съ другой—на симптомы капиталистической дифференціаціи: расчлененіе населенія деревни по соціальнымъ типамъ, внутри-общинную аренду и сдачу земель, наемный трудъ и т. п.

Я не могу входить здѣсь въ подробности методологическаго характера. Ограничусь краткимъ напоминаніемъ о достигнутыхъ въ новѣйшемъ періодѣ исторіи земской статистики успѣхахъ въ техникѣ подворныхъ переписей, въ разработкѣ и углубленіи созданнаго Ф. А. Щербиной типа бюджетныхъ изслѣдованій, а также о совершенно новомъ, въ его нынѣшней широтѣ и систематичности, явленіи—о широкомъ и планомѣрномъ примѣненіи *выборочнаго* метода статистическаго изслѣдованія, т. е. такого, при которомъ изслѣдованіе, сохраняя массовый характеръ, ограничивается учетомъ *опредѣленной доли* случаевъ—деревень,

крестьянскихъ дворовъ и т. п.,—выхваченной изъ общей массы, притомъ способомъ, устраняющимъ возможность предвзятаго или вообще односторонняго подбора; работы въ этомъ направленіи А. В. Пѣшехонова, въ особенности же В. Г. Громана, открываютъ новые широкіе пути въ дѣлѣ всесторонняго и въ то же время углубленнаго изученія народной жизни.

Характерною особенностью новѣйшаго періода исторіи нашей земской статистики, тѣмъ болѣе необходимой и неизбѣжной, чѣмъ больше протекаетъ лѣтъ со времени первыхъ земскихъ подворныхъ изслѣдованій, являются произведенныя уже въ рядѣ губерній *повторныя* изслѣдованія, позволяющія изучать, путемъ сопоставленія съ результатами первыхъ изслѣдованій, эволюцію, совершающуюся въ народной жизни, въ связи съ общими измѣненіями нашего хозяйственнаго строя и соціальной структуры нашей страны. Это—какъ разъ одинъ изъ случаевъ, гдѣ оцѣночные запросы сыграли *положительную* роль: ради чисто статистическихъ цѣлей земства, можетъ быть, не пошли бы на хлопоты и затраты, связанныя съ вторичными изслѣдованіями; но оцѣночный законъ *требовалъ* статистическихъ свѣдѣній, относящихся къ опредѣленному новѣйшему времени, и ради полученія такихъ свѣдѣній было неизбѣжно прибѣгать къ повторному изслѣдованію. Одни земства произвели таковое сплошь, по полной или даже расширенной по сравненію съ первыми изслѣдованіями программѣ; другія произвели сплошныя же изслѣдованія, но по программѣ значительно сокращенной, спеціально приноровленной къ оцѣночнымъ цѣлямъ; третьи ограничились частичнымъ изслѣдованіемъ—Воронежское, напр., подвергло сплошному изслѣдованію широкую полосу, пересѣкающую губернію въ направленіи съ сѣвера на югъ; Вятское произвело выборочное повторное изслѣдованіе, охватившее пятую часть всего населенія губерніи.

Еще болѣе опредѣленную положительную роль сыграли требованія земельной оцѣнки въ области земской *текущей статистики*. Послѣдняя возникла, правда, почти одновременно съ основными изслѣдованіями. Но до изданія оцѣночнаго закона она оставалась въ загонѣ. «Главнѣйшимъ тормазомъ для нея,—говоритъ большой ея знатокъ В. Ѳ. Караваевъ,—являлся сложившійся взглядъ на постановку земско-статистическаго дѣла, по которому текущей статистикѣ должно предшествовать основное изученіе губерніи», такъ какъ «явленія, составляющія предметъ постояннаго текущаго наблюденія, только тогда пріобрѣтаютъ практическую цѣну и значеніе, когда они могутъ быть поставлены въ связь съ основными фактами экономической жизни населенія». Благодаря такому взгляду, «во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не было основныхъ изслѣдованій, не возникало и текущихъ, несмотря на то, что организація ихъ менѣе сложна, а потребность не могла не ощущаться». Но и тамъ, гдѣ основныя изслѣдованія были произве-

дены и гдѣ вслѣдъ за тѣмъ была организована текущая статистика, ею мало интересовались, и въ значительномъ большинствѣ губерній она не получила достаточнаго развитія. Новый законъ и дополняющія его инструкціи требовали данныхъ объ урожаяхъ, цѣнахъ на продукты, стоимости ихъ производства—«вслѣдствіе этого, продолжаетъ В. Ѳ. Караваевъ, цѣлый рядъ земствъ былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ требованіемъ инструкціи и долженъ былъ озаботиться выполненіемъ его. Единственно возможнымъ пріемомъ для этого оказывалась систематическая ежегодная регистрація урожайности и цѣнъ на рабочую силу и продукты». Это обстоятельство и послужило поводомъ для организаціи текущей статистики, въ томъ числѣ въ рядѣ такихъ земствъ, гдѣ основныхъ изслѣдованій еще не было произведено. Независимо отъ этой внѣшней, была и другая, внутренняя причина, также отмѣчаемая В. Ѳ. Караваевымъ: земство нуждалось въ свѣдѣніяхъ по самымъ разнообразнымъ сторонамъ экономической жизни населенія. «Свѣдѣнія эти получались отчасти сплошнымъ (основнымъ) изслѣдованіемъ мѣстнаго хозяйства, отчасти же спеціальными опросами мѣстныхъ жителей и экскурсіями. Однако жизнь шла все впередъ, и, по мѣрѣ окончанія этихъ изслѣдованій, у земствъ являлась потребность въ пополненіи и подновленіи свѣдѣній, чтобы не отставать отъ жизни и тѣхъ запросовъ, которые она непрерывно ставитъ. Такъ какъ повтореніе изслѣдованій въ прежнемъ объемѣ было невозможно, то оказывалось необходимымъ придумать новый типъ статистической организаціи, которая обладала бы достаточной подвижностью, чтобы приспособляться, по мѣрѣ надобности, ко всякимъ новымъ требованіямъ въ сферѣ текущихъ нуждъ земскаго хозяйства». Однако земская текущая статистика и до сихъ поръ не вышла, въ общемъ, изъ стадіи исканія новыхъ путей и способовъ текущаго освѣдомленія. Въ первомъ періодѣ она зиждилась почти исключительно на корреспондентскихъ сообщеніяхъ. Господствующимъ источникомъ земской текущей статистики послѣднія остаются и сейчасъ. Но въ дополненіе къ нимъ все въ большее употребленіе входятъ нѣкоторые новые или ранѣе бывшіе въ пренебреженіи пріемы: собираніе текущихъ статистическихъ свѣдѣній экспедиціоннымъ путемъ, черезъ командируемыхъ на мѣста статистиковъ, учетъ тѣхъ или иныхъ основныхъ моментовъ черезъ посредство волостныхъ правленій, подъ руководствомъ и контролемъ статистическихъ бюро,— и въ связи съ этими пріемами собиранія текущихъ свѣдѣній вопросомъ дня становится уже налаженная въ нѣкоторыхъ губерніяхъ организація уѣздной статистики въ лицѣ либо уѣздныхъ статистиковъ губернскаго бюро, либо даже самостоятельныхъ уѣздныхъ статистическихъ учрежденій.

Какъ выше было отмѣчено, земская статистика—продуктъ взаимодѣйствія двухъ факторовъ: земства, съ одной стороны, и

«третьяго элемента»—съ другой. «Земство,—говоритъ Д. И. Рихтеръ,—со своими жизненными задачами, съ своимъ антибюрократическимъ началомъ, не могло быть оставлено безъ вниманія со стороны представителей зародившагося движенія русской интеллигенціи... Когда земство начало открывать свои статистическія бюро, no lens-vo lens въ составъ ихъ должны были войти искатели правды изъ среды молодыхъ силъ русской интеллигенціи. И это было выгодно для обѣихъ сторонъ: земство получало интересующихся дѣломъ, способныхъ къ неустанной работѣ сотрудниковъ, а послѣдніе получали возможность стать лицомъ къ лицу съ населеніемъ, изученіе жизни котораго они считали необходимымъ. И, какъ показало время, ни земство, ни его новые сотрудники не ошиблись въ своихъ разсчетахъ: первое получило въ свое распоряженіе длинный рядъ замѣчательныхъ работъ, вторые получили нравственное удовлетвореніе, состоящее въ сознаніи, что и они внесли свою лепту въ культурную работу своей родины—способствовали развитію ея самосознанія». Но *активнымъ*, *творческимъ* факторомъ была именно интеллигенція, «третій элементъ». У земства, какъ такового, *должна* была явиться и дѣйствительно явилась потребность «познать себя», вооружиться данными, необходимыми, чтобы раціонально поставить земскую дѣятельность. Оно *должно* было обратиться для этого къ услугамъ вооруженной знаніями и проникнутой готовностью работать безсословной интеллигенціи,—а затѣмъ уже этотъ «третій элементъ» создалъ земскую статистику почти во всемъ помимо, а во многомъ и вопреки самому земству, или, во всякомъ случаѣ, вопреки доминирующему во многихъ земствахъ помѣстному элементу. Хотя и съ оговорками, можно, пожалуй, признать, что охарактеризованныя Д. И. Рихтеромъ или, можетъ быть, еще ярче—А. В. Пѣшехоновымъ во вступительныхъ словахъ его доклада подсекціи статистики XI съѣзда условія взаимодѣйствія антибюрократическаго земства и интеллигенціи существовали, *когда возникла* земская статистика, и что благодаря именно этому земская статистика взяла свой первоначальный курсъ. Но затѣмъ земская статистика развивалась сама собой и сама изъ себя. Статистики изъ «третьяго элемента» продолжали вести свою линію и тогда, когда законъ 1893 г. поставилъ земскую статистику подъ опеку вполнѣ бюрократическихъ оцѣночныхъ комиссій. Они повели и провели ту же «*свою* линію» и тогда, когда правительству пришлось обратиться къ ихъ услугамъ для организаціи статистическихъ изслѣдованій въ Азіатской Россіи: организованныя статистиками школы Орлова и Анненскаго изслѣдованія средне-сибирскихъ губерній или проведенное Ф. А. Щербиной и его сотрудниками изслѣдованіе землепользованія и хозяйства киргизъ по глубинѣ и планомѣрности не уступаютъ лучшимъ изъ современныхъ имъ земскихъ статистическихъ работъ. Разъ возникала потребность въ мѣстныхъ

статистическихъ изслѣдованіяхъ, *никто* не могъ обойтись безъ услугъ статистиковъ изъ «третьяго элемента»; а они—разъ ихъ призывали къ дѣлу—*вездѣ* вели работы въ направленіи, неизбѣжно вытекавшемъ изъ существа возлагавшейся на нихъ задачи и изъ ихъ идейнаго интереса къ изученію народной жизни.

Какъ я сказалъ, земскіе статистики создавали земскую статистику въ значительной мѣрѣ помимо земства, а нерѣдко и вопреки, если не земству, какъ таковому, то, во всякомъ случаѣ, доминирующему во многихъ современныхъ земствахъ помѣстному элементу. Недаромъ подсекція статистики XI съѣзда въ числѣ условій, тормозящихъ развитіе земской статистики, на-ряду съ достаточно общеизвѣстными внѣшними условіями, отмѣтила также и «отсутствіе среди многихъ изъ представителей мѣстной администраціи, а *также и земствъ*, пониманія условій статистическихъ изслѣдованій, требующихъ спеціальныхъ научныхъ познаній и примѣненія надлежащихъ научныхъ пріемовъ». Но непониманіе—это бы еще съ полъ-горя, и въ немъ—какъ мнѣ придется отмѣтить ниже—до извѣстной степени виновны сами земскіе статистики. Гораздо хуже—сословная или классовая оппозиція статистикѣ. Источникъ ея ясенъ: въ той или другой мѣрѣ, земскія статистическія изслѣдованія съ самаго начала должны были служить цѣлямъ переоцѣнки,—а переоцѣнка неизбѣжно должна была привести къ усиленію обложенія частновладѣльческихъ земель. Сословно-классовые интересы затрагивались еще и съ другой стороны: «совмѣстно съ обслѣдованіемъ крестьянскаго хозяйства,—говоритъ Н. А. Каблуковъ,—велось обслѣдованіе и хозяйства частно-владѣльческаго, причемъ статистика обнаруживала такіе факты, опубликованіе которыхъ шло въ разрѣзъ съ тѣми или другими интересами»,—въ частности, факты, характеризующіе состояніе владѣльческаго хозяйства и его отношенія къ крестьянскимъ массамъ, въ особенности въ области условій аренды и рабочаго найма. «Естественно,—продолжаетъ Н. А. Каблуковъ,—что это опубликованіе и вообще статистическія работы должны были встрѣтить сильную оппозицію со стороны многихъ заинтересованныхъ лицъ», со стороны помѣстнаго дворянства.

Я не имѣю ни надобности, ни возможности перечислять, а тѣмъ болѣе описывать многочисленные разыгрывавшіеся на этой почвѣ «конфликты», заканчивавшіеся очень часто устраненіемъ или уходомъ руководящаго статистическаго персонала, иногда—совершеннымъ закрытіемъ статистическихъ бюро и прекращеніемъ на продолжительное время всякихъ статистическихъ работъ, «реорганизаціей» статистики въ смыслѣ устраненія отъ нея зловреднаго «третьяго элемента», даже уничтоженіемъ уже напечатанныхъ результатовъ статистическихъ работъ. Это мнѣ тѣмъ менѣе нужно дѣлать, что такіе рѣзкіе «конфликты», какъ Рязанскій или Курскій, особенно интересные тѣмъ, что земское собра-

ніе обрекло на уничтоженіе тѣ самыя работы, которыя оно до того многократно одобряло въ своихъ постановленіяхъ, уже неоднократно и подробно описывались въ печати. Позволю себѣ лишь процитировать слова покойнаго А. И. Кошелева, сказанныя имъ въ защиту подвергнутыхъ уничтоженію работъ В. Н. Григорьева по Рязанской губ. «Статистики,—сказалъ между прочимъ А. И. Кошелевъ,—часто и много говорятъ о бѣдности крестьянъ, объ ихъ малоземельи и пр. Развѣ это не правда, которая сознана земствомъ и самимъ правительствомъ?... Неужели лучше было бы, если бы, г. г. статистики сказали, что земли у крестьянъ достаточно, что всѣ надѣлы удовлетворительны, что «все обстоитъ благополучно» и что земству не о чемъ заботиться по улучшенію быта крестьянъ? Къ сожалѣнію, ложь у насъ вообще черезчуръ преобладаетъ, черезчуръ мы къ ней привыкли, и высказываніе правды, простой и несомнѣнной, уже кажется намъ признакомъ «неблагонадежности», «неблагонамѣренной тенденціозности». Обѣднѣніе крестьянъ идетъ впередъ безостановочно и быстро, и если земство у насъ имѣется, то оно должно быть представителемъ и защитникомъ не одного какого-либо (помѣстнаго!) сословія, а всѣхъ въ его составъ входящихъ, и должно пуще всего дорожить правдой».

Нельзя однако не отмѣтить, что земскій антагонизмъ противъ земской статистики могъ, до извѣстной степени, вытекать, и у иныхъ дѣйствительно вытекалъ, и изъ болѣе чистаго источника—изъ своеобразнаго взгляда на «земское» дѣло и на «земскую» работу. Характерный примѣръ такого пониманія представляетъ собою уже цитированная статья К. В. Лаврскаго, земскаго человѣка и статистика, напечатанная въ 1883 г. въ «Волжскомъ Вѣстникѣ». «Земская статистика—таково исходное положеніе Лаврскаго—должна быть *земскимъ самопознаніемъ*,—иначе эпитетъ «земская» превращается въ пустое слово». Нужно, поэтому, «поставить дѣло такъ, чтобы оно мало-по-малу захватывало въ свой рабочій составъ мѣстныя земскія силы, интеллигентныя, полуинтеллигентныя и даже совсѣмъ лишенныя образованія, чтобы въ этомъ дѣлѣ проявилась земская самодѣятельность, чтобы въ немъ мы видѣли живое движеніе земскихъ силъ къ цѣлямъ самопознанія». Между тѣмъ при обычной организаціи земской статистики получается «какая-то аномалія, несообразность: задача «самопознанія» незамѣтно отодвигается въ сторону, земская статистика олицетворяется въ «приглашенномъ» лицѣ, и вмѣсто самостоятельной земской дѣятельности выступаетъ на сцену частная дѣятельность, работа, исполняемая *по заказу* земства, но ничуть не *земская*»; пріѣзжее лицо набираетъ пріѣзжій персоналъ, вооружается готовыми программами и бланками, и въ результатѣ появляется работа, носящая названіе земскаго статистическаго сборника, «тогда какъ это вовсе *не земскій* сборникъ, потому что само земство ничего не собирало, ничего не изучало, ему даже не

было мѣста въ этой работѣ». Статистика этого типа, по убѣжденію Лаврскаго, та же бюрократія, только не правительственная, а земская; она «не болѣе какъ волна антиземскаго теченія»; и «если идти дальше въ томъ же направленіи, то что же останется въ концѣ концовъ отъ *земства*?—одна форма безъ содержанія, да и та,—иронически заканчиваетъ Лаврскій,—лишь въ качествѣ «тормаза», задерживающаго идеальные порывы спеціалистовъ»...

Не малое въ такого рода взглядахъ является законною реакціею противъ широко практиковавшейся въ первой половинѣ 80-хъ годовъ «организаціи земской статистики на московскій манеръ». Широкая популярность, необыкновенно быстро завоеванная покойнымъ В. И. Орловымъ и его работами въ Московской губ., повела къ тому, что Орловъ былъ приглашенъ организовать статистику въ рядѣ губерній, причемъ во главѣ дѣла ставились помощники Орлова по московскому бюро, а въ основу работъ полагались, болѣе или менѣе цѣликомъ, московскія программы и московскіе пріемы. Многое въ такого рода взглядахъ является законной реакціей противъ той нерѣдко наблюдавшейся отчужденности статистиковъ отъ земства, о которой мнѣ еще придется говорить нѣсколько ниже. Но, конечно, въ существѣ своемъ стремленіе поставить земскую статистику на основахъ «самопознанія земства»—не болѣе какъ утопія и даже *вредная* утопія—результатъ весьма распространеннаго нежеланія понять, что статистика—спеціальный родъ дѣятельности, имѣющій свою методику и свою технику, требующій спеціальнаго знанія и умѣнья. Для лѣченія населенія, для организаціи агрономической помощи требуются не «земскіе люди», а врачи и агрономы, причемъ залогомъ цѣлесообразной постановки ихъ работы является взаимодѣйствіе съ хозяиномъ дѣла—земствомъ—и съ земскими людьми. Недостаточно быть «земскимъ человѣкомъ» и для того, чтобы организовать и провести статистическое изслѣдованіе,—для этого надо быть *статистикомъ*. Но, конечно, и работа земскаго статистика будетъ цѣлесообразной лишь при тѣсномъ взаимодѣйствіи его съ земствомъ и земскими людьми,—лишь при сочетаніи тѣхъ знаній и навыковъ, которыми долженъ обладать статистикъ, съ близкимъ знаніемъ мѣстныхъ условій и нуждъ, какого можно ожидать отъ представителей земства.

Въ этомъ отношеніи, несомнѣнно, положеніе вещей и посейчасъ далеко не можетъ быть охарактеризовано какъ идеальное, и вина въ этомъ, столь же несомнѣнно, лежитъ *на обѣихъ* сторонахъ. «Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ,—справедливо замѣчаетъ А. Ф. Фортунатовъ,—что лишь ничтожная доля земско-статистическихъ работъ въ дѣйствительности вполнѣ утилизируется мѣстными органами общественнаго управленія; большое количество матеріала остается сейчасъ нетронутымъ и, къ сожалѣнію, ветшая, отчасти теряетъ свое значеніе. Какъ это ни прискорбно,

съ этимъ приходится мириться въ виду недостатка средствъ, а главнымъ образомъ—интеллигентныхъ силъ, достаточно подготовленныхъ къ тому, чтобы примѣнять результаты массовыхъ изслѣдованій къ удовлетворенію мѣстныхъ практическихъ нуждъ». Иначе сказать—мало, чтобъ статистическій матеріалъ былъ *созданъ*; необходимо, чтобы онъ былъ надлежащимъ образомъ *и воспринятъ*, а между тѣмъ у земскихъ людей сплошь и рядомъ не хватало къ такому воспріятію ни подготовки ни охоты. Хорошо извѣстно, какъ охотно многіе противупоставляютъ свои личныя наблюденія, свой «практическій опытъ» результатамъ статистическаго изслѣдованія, какъ легко утрачиваютъ довѣріе къ послѣднимъ, разъ они оказываются въ противорѣчіи съ первыми; какъ легко забываютъ, что личныя наблюденія и личный опытъ всегда носятъ характеръ случайности, и что лишь *массовое, статистическое* наблюденіе можетъ дать вѣрную дѣйствительности *общую* картину. «Если польза отъ статистики мала,—говорилъ одинъ изъ ея защитниковъ въ Воронежскомъ губ. собраніи 1893 г. въ отвѣтъ на раздававшіяся нападки,—то въ этомъ виноваты тѣ, которые не вѣрятъ ея выводамъ и не слѣдуютъ ея указаніямъ». Отчасти виновато въ этомъ и измѣнившееся въ реакціонную эпоху направленіе интересовъ и дѣятельности земства, благодаря которому многое, имѣвшее для него значеніе, это значеніе утратило. «Главная цѣль основного статистическаго описанія,—возражалъ на подобные же нападки одинъ изъ членовъ Полтавской земской статистической комиссіи,—была изслѣдованіе экономическаго состоянія населенія», вопросъ же объ оцѣнкѣ разсматривался, «какъ подчиненный общему вопросу о благосостояніи населенія. Чтобы судить о степени этого благосостоянія, необходимо было изученіе экономическаго положенія населенія, чтобы можно было видѣть, въ какомъ положеніи оно находится и что можно сдѣлать для его поднятія. Вотъ почему нельзя сказать, чтобы сдѣланное основное описаніе осталось для земства безъ результата; *если заботы объ экономическомъ благосостояніи отошли потомъ на задній планъ*, то въ этомъ не виноваты изслѣдованія, произведенныя статистическимъ бюро».

Однако и статистики, со своей стороны, сдѣлали далеко не все, что нужно было, для того, чтобы установить необходимую связь и взаимодѣйствіе съ земствомъ и земскими людьми. Конечно, есть не малая доля истины въ формулированномъ однимъ изъ самыхъ выдающихся земскихъ статистиковъ, П. А. Вихляевымъ, положеніи, что «только при самодовлѣющей научной постановкѣ статистическихъ изслѣдованій и практическій эффектъ статистическихъ работъ достигаетъ наивысшаго результата». Конечно, правъ былъ и Н. Ф. Анненскій, когда подчеркивалъ, что статистикъ не «земскій чиновникъ», обязанный безпрекословно дѣлать, что ему прикажутъ; что онъ въ правѣ и обязанъ «отказаться про-

изводить работу казеннымъ образомъ». Но статистики, нерѣдко, слишкомъ прямолинейно дѣлали свои выводы изъ этихъ, въ существѣ своемъ, справедливыхъ положеній; они слишкомъ рѣзко противуставляли свои требованія и свои представленія о нужномъ и должномъ желаніямъ и требованіямъ земства. Правъ видный дѣятель земской статистики и земецъ, Н. А. Каблуковъ, когда подчеркиваетъ въ докладѣ подсекціи статистики XI съѣзда, что «удовлетворенія своего стремленія сдѣлать свое дѣло живымъ и дѣятельнымъ статистики могутъ достигнуть, лишь придавъ ему характеръ, соотвѣтствующій основнымъ задачамъ земства. Основная задача земско-статистическихъ изслѣдованій, — поясняетъ Н. А. Каблуковъ,—дать земству статистическій матеріалъ, необходимый для его дѣятельности. Необходимо согласовать интересы земства, которые имѣютъ въ виду гласные земцы, и тотъ научный интересъ, которымъ обыкновенно воодушевлены статистики, т. е. выясненіе условій жизни населенія, выясненіе тѣхъ экономическихъ зависимостей, которыя существуютъ въ нашей экономической дѣятельности и обусловливаютъ ходъ ея. Необходимо дать земству то, что̀ ему нужно для его непосредственныхъ цѣлей», и «матеріалъ для выясненія вопросовъ болѣе общаго экономическаго характера необходимо представить въ такой формѣ, чтобы земство могло въ немъ разбираться; пусть *оно само* на основаніи собраннаго матеріала придетъ къ тому же заключенію, какъ и сами статистики-спеціалисты,—тогда послѣдніе пріобщатъ земство къ своимъ работамъ, сдѣлаютъ его сознательнымъ участникомъ въ нихъ. Важно,—продолжаетъ Н. А. Каблуковъ,—стать въ такое положеніе уже потому, что у насъ въ Россіи земство—единственное общественное учрежденіе, въ которомъ хоть въ какой-нибудь мѣрѣ выражается общественная самодѣятельность и находится зародышъ ея дальнѣйшаго развитія. Статистикамъ же земство, какъ учрежденіе общественное, съ которымъ связано самое основаніе земской статистики, должно быть такъ же дорого, какъ и сама статистика—это точное орудіе изученія и выясненія нашихъ нуждъ, нашихъ потребностей, нашихъ силъ». На постановленіяхъ подсекціи эти формулированныя Н. А. Каблуковымъ положенія отразились, правда, довольно слабо. Большинство находило именно, что въ этихъ положеніяхъ «заключаются истины безспорныя и для всѣхъ очевидныя, почему и нѣтъ надобности включать ихъ въ резолюцію, тѣмъ болѣе, что, подтверждая эти положенія, мы бы давали поводъ думать, что замѣчается стремленіе среди статистиковъ поступать вопреки имъ», между тѣмъ какъ «подобныхъ фактовъ представлено не было». Но состоявшему изъ земскихъ статистиковъ, слѣдовательно изъ представителей заинтересованной стороны, большинству трудно было быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. И потому приходится признать знаменательнымъ тотъ фактъ, что состоявшее

изъ такихъ же статистиковъ меньшинство сочло себя обязаннымъ настаивать на включеніи въ резолюціи съѣзда казавшихся большинству «безспорными» и «самоочевидными» пунктовъ, которые гласятъ: «1) необходимо, чтобы при возникающихъ недоразумѣніяхъ съ земскими управами статистики ни на минуту не упускали изъ виду, что земство есть единственное, хотя и несовершенное, представительство населенія губерніи; 2) желательно, чтобы статистическія бюро, разрабатывая свой матеріалъ строго научно, вмѣстѣ съ тѣмъ поставили себѣ задачей представить результаты изслѣдованій въ настолько переработанномъ видѣ, чтобы результаты эти были доступны пониманію и неспеціалистовъ, и 3) всякій конфликтъ между управами и статистиками является столь нежелательнымъ и гибельнымъ для дѣла, что прежде окончательнаго разрыва необходимо сдѣлать всѣ попытки къ соглашенію, совмѣстимыя съ достоинствомъ статистиковъ».

Потребность перебросить мостъ между земцами и статистиками давно ощущалась и продолжаетъ ощущаться, и практика выработала рядъ пріемовъ, направленныхъ къ ея удовлетворенію. Я не могу, конечно, входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе всѣхъ этихъ пріемовъ. Я не буду, въ частности, говорить здѣсь о такъ называемыхъ «статистическихъ комиссіяхъ» чисто земскаго состава, въ разное время учреждавшихся въ различныхъ земствахъ: такія комиссіи являются не столько средствомъ для установленія *взаимодѣйствія* между земцами и статистиками, сколько орудіемъ *односторонняго* земскаго *контроля* надъ статистикой, и бывали случаи (напр., въ Орловскомъ земствѣ), когда такія комиссіи способствовали не смягченію, а обостренію возникавшихъ треній. Я не буду останавливаться и на рекомендованной подсекціею статистики IX съѣзда, по докладу Херсонскаго статистика А. Н. Леонтьева, организаціи дѣла, при которой «общее руководство дѣломъ, а именно выработка программъ, инструкцій и пріемовъ изслѣдованія, а также составленіе подробнаго техническаго плана работъ по сводкѣ матеріала уѣздными и губернскимъ бюро принадлежитъ съѣзду статистиковъ, собирающемуся по мѣрѣ надобности и при участіи представителей земствъ»: такая организація приноровлена не столько къ нормальному строю земскихъ статистическихъ бюро, сколько къ своеобразному строю, издавна создавшемуся въ Херсонской губерніи, съ ея губернскимъ бюро и уѣздными статистиками, и притомъ не отводитъ представителямъ земства достаточно виднаго мѣста и вліятельнаго положенія. Наиболѣе соотвѣтствующимъ интересамъ дѣла кажется мнѣ рекомендованное подсекціей XI съѣзда, какъ «въ высшей степени желательное», въ видахъ «постояннаго и болѣе близкаго общенія представителей земскихъ учрежденій и земскихъ статистическихъ организацій», учрежденіе «смѣшанныхъ совѣщаній съ участіемъ обоихъ

этихъ элементовъ, на подобіе земскихъ санитарныхъ совѣтовъ, для обсужденія вопросовъ, касающихся земской статистики». Но, повидимому, такого рода смѣшанныя совѣщанія или «статистическіе совѣты» не создались и до настоящаго времени. По крайней мѣрѣ еще три года тому назадъ, въ подсекціи XII съѣзда, вновь возбуждался вопросъ о чрезвычайной желательности организаціи земскихъ статистическихъ совѣтовъ, причемъ авторъ этого предложенія, Е. К. Введенскій, съ грустью констатируетъ, что въ большинствѣ земствъ земскіе дѣятели, по-прежнему, «стоятъ дальше отъ статистики, чѣмъ отъ всякой другой отрасли земскаго дѣла», подтверждая вмѣстѣ съ тѣмъ, что «корень недовѣрія земскихъ дѣятелей къ статистикѣ лежитъ въ неосвѣдомленности ихъ о задачахъ статистики и способахъ осуществленія этихъ задачъ», подтверждая равнымъ образомъ и тотъ неоднократно и ранѣе отмѣчавшійся фактъ, что это недовѣріе тотчасъ исчезаетъ, какъ только статистическія работы дѣлаются предметомъ совмѣстнаго обсужденія, комментируются и разъясняются какъ въ своихъ существенныхъ чертахъ, такъ и въ деталяхъ. Съ этой точки зрѣнія совмѣстное обсужденіе—въ прямомъ интересѣ статистиковъ и статистики; «опытъ всѣхъ бывшихъ комиссій,—свидѣтельствуетъ вятскій статистикъ А. А. Гурьевъ въ подсекціи XI съѣзда,—убѣждаетъ въ томъ, что близкое знакомство съ нашими программами значительно ослабляетъ нападки на отвлеченность и безграничность программъ. Обыкновенно комиссія, собравшись съ твердымъ намѣреніемъ сократить раздутую спеціалистами программу, кончала тѣмъ, что сама ее расширяла»..

И несмотря на все сказанное—несмотря на то, что между земствомъ и земскою статистикой далеко еще не достигнуто желательное взаимодѣйствіе,—земская статистика все же пріобрѣла не малыя заслуги передъ земствомъ, въ смыслѣ непосредственнаго использованія послѣднимъ, въ его практической работѣ, результатовъ статистическихъ изслѣдованій; болѣе того—и въ смыслѣ непосредственнаго участія земскихъ статистиковъ въ практической работѣ земства.

Я лично отнюдь не переоцѣниваю того, что̀ сдѣлано земскою статистикой въ той спеціальной области, придаткомъ которой она стала со времени изданія дѣйствующаго оцѣночнаго закона,—въ оцѣночномъ дѣлѣ. Взаимоотношеніе между статистикою и оцѣнкой очень напоминаетъ мнѣ взаимоотношеніе между химіею и алхиміей: и тутъ, и тамъ научнымъ методамъ ставятся такія задачи, какихъ они не въ состояніи разрѣшить. И я всецѣло раздѣляю «скептицизмъ», проявленный высокоуважаемымъ А. Ф. Фортунатовымъ по поводу одного недавно вышедшаго въ свѣтъ «свода оцѣночныхъ свѣдѣній», въ которомъ въ основу оцѣнки положены, по утвержденію его редактора, всѣ признаки, рекомендованные правилами оцѣночнаго закона. «Легко было,—

говоритъ проф. Фортунатовъ,—написать однимъ почеркомъ пера, что доходность земель и лѣсовъ исчисляется по даннымъ за послѣднія 9 лѣтъ,—но этотъ почеркъ пера безсиленъ былъ создать въ Россіи хозяйственное счетоводство. Если валовую доходность нѣкоторыхъ территоріальныхъ единицъ можно обосновать на данныхъ текущей статистики урожаевъ и цѣнъ, если въ заработной платѣ можно найти нѣкоторую опору для исчисленія погодныхъ колебаній расходовъ, все-таки надо сознаться, что въ исчисленіи матеріальныхъ расходовъ, связанныхъ съ приложеніемъ капитала къ землѣ, мы спотыкаемся о повальное отсутствіе погодныхъ записей по сельско-хозяйственному счетоводству на мѣстахъ»; наконецъ, и «упоминаемая въ законѣ однородность мѣстностей въ хозяйственномъ отношеніи—нѣчто совершенно неосуществимое въ таксаціонной практикѣ». Дѣятели современной оцѣночной статистики стремятся заполнить подчеркиваемые А. Ф. Фортунатовымъ пробѣлы путемъ широко поставленныхъ бюджетныхъ изслѣдованій. Но какъ ни интересна, сама по себѣ, задача изученія крестьянскаго бюджета, для меня представляется однако сомнительнымъ, чтобы этимъ способомъ могли быть въ самомъ дѣлѣ получены тѣ данныя, какія были бы необходимы для опредѣленія дѣйствительнаго земельнаго дохода. Сами по себѣ, многократные случаи непринятія земствами выработанныхъ статистиками, съ громадными затратами труда, оцѣночныхъ нормъ отнюдь не могли бы служить доказательствомъ непригодности послѣднихъ,—нормы эти отклонялись просто потому, что примѣненіе ихъ было бы невыгодно для вліятельныхъ въ современномъ земствѣ помѣстныхъ элементовъ. Но бѣда въ томъ, что выработаннымъ на статистической основѣ нормамъ недостаетъ, и всегда будетъ недоставать, той объективной убѣдительности, которая одна только могла бы помочь имъ восторжествовать надъ подсказанными личнымъ и классовымъ интересомъ нападками...

Говоря о роли земской статистики и земскихъ статистиковъ въ практической работѣ земства, я, поэтому, имѣю въ виду не ихъ оцѣночную работу, а ихъ участіе въ экономическихъ и культурныхъ начинаніяхъ земства. «Роль земскихъ статистиковъ— справедливо говоритъ А. В. Пѣшехоновъ въ докладѣ подсекціи статистики XI съѣзда,—далеко не исчерпывается выполненіемъ спеціальныхъ функцій. Отчасти благодаря своему составу, обезпечивающему сознательное и отзывчивое отношеніе съ ихъ стороны къ земскому дѣлу, отчасти благодаря своей профессіи, дающей имъ систематическое знаніе мѣстныхъ нуждъ и условій, земско-статистическія бюро успѣли занять выдающееся положеніе среди другихъ земскихъ органовъ. Въ лицѣ ли отдѣльныхъ своихъ представителей или въ полномъ составѣ, они обыкновенно являются самыми дѣятельными сотрудниками

губернскихъ управъ и земскихъ собраній по проведенію тѣхъ или иныхъ, болѣе сложныхъ или болѣе отвѣтственныхъ начинаній. Чаще всего имъ приходится, конечно, участвовать въ предварительной разработкѣ подготовляемыхъ мѣропріятій, что̀ и даетъ имъ возможность вносить не только знаніе, но и долю иниціативы въ земское дѣло. Нерѣдко, однако, земскіе статистики привлекаются и къ исполнительнымъ функціямъ». Я не могу и помышлять о томъ, чтобы дать здѣсь что-либо похожее на исчерпывающій обзоръ данныхъ, характеризующихъ роль статистики въ культурно-хозяйственной работѣ земства. Приведу въ видѣ примѣра хотя бы Московское земство. Уже въ первые годы существованія здѣсь статистики собранныя статистиками данныя служатъ поводомъ къ возбужденію или матеріаломъ для разработки такихъ разнообразныхъ вопросовъ, какъ изслѣдованіе причинъ упадка крестьянскаго хозяйства или вліянія болотъ на положеніе населенія, земское содѣйствіе къ покупкѣ крестьянами земли, организація молочнаго хозяйства, содѣйствіе кустарной промышленности, страхованіе, организація школьнаго дѣла, разверстаніе суммы пониженія выкупныхъ платежей,— вообще, «сто̀итъ только просмотрѣть съ 1876 г. хотя за одинъ годъ журналы засѣданій губернскаго земскаго собранія и доклады, чтобы убѣдиться въ томъ, что земско-статистическія изслѣдованія постоянно служатъ основаніемъ для тѣхъ или другихъ мѣропріятій, что на нихъ постоянно ссылаются» (Каблуковъ),—вообще «Московское статистическое отдѣленіе до того слилось съ жизнью земства, что безъ его работъ не можетъ обойтись ни одно земское начинаніе» (Рихтеръ). Сходныя свидѣтельства имѣемъ и по Воронежской губ. Статистическое отдѣленіе и здѣсь «сразу стало на почву практическихъ задачъ; точно такъ же и результаты статистическихъ изслѣдованій, въ видѣ валовыхъ цифровыхъ данныхъ, все болѣе и болѣе утилизировались земствомъ для практическихъ цѣлей»; практическая сторона дѣятельности бюро выражалась, между прочимъ, въ томъ, что статистическое отдѣленіе, наряду со своимъ прямымъ дѣломъ, выполняло всевозможныя справочныя работы по требованію различныхъ учрежденій, и принимало участіе, по порученію губернской управы, въ разработкѣ разнаго рода данныхъ для практическихъ цѣлей земства, какъ, напримѣръ, по чумному и страховому вопросу, по переложенію оброчной подати въ выкупные платежи, по вопросу продовольственному, о кустарной промышленности, о лѣсоохраненіи и т. п. Нижегородская статистика, подъ руководствомъ Анненскаго, стала неоцѣненною сотрудницею земства во всей его практической работѣ на пользу населенія: надвигался голодъ—статистики участвовали въ организаціи продовольственной помощи; выдвигался вопросъ о кризисѣ кустарной промышленности—они принимаютъ самое дѣятельное участіе

въ выясненіи его характера и послѣдствій, предпринимаютъ спеціальныя изслѣдованія кустарныхъ районовъ, участвуютъ въ организаціи практической помощи кустарямъ. Вообще, «можно почти навѣрное констатировать, что земская статистика тамъ, гдѣ она существуетъ, слилась съ общею земскою дѣятельностью и составляетъ ея неотъемлемую принадлежность». Такъ говорилъ Д. И. Рихтеръ въ докладѣ, сдѣланномъ въ вольно-экономическомъ обществѣ въ 1894 г. Но то же, несомнѣнно, остается вѣрнымъ и для настоящаго времени. Перебирая, напримѣръ, многочисленныя, по большей части небольшія по объему, изданія Владимірскаго бюро за послѣднія нѣсколько лѣтъ, мы находимъ въ числѣ ихъ и изслѣдованіе гусеводства и куроводства, выполненное въ цѣляхъ «выработки плана мѣропріятій для улучшенія птицеводства», и изслѣдованіе льноводства съ цѣлью выясненія видовъ на его промышленное развитіе, и нѣсколько работъ по вопросу объ успѣхахъ техники земледѣлія; находимъ изслѣдованіе садоводства и огородничества, изслѣдованіе пчеловодства, работу о состояніи овцеводства, спеціальную работу по вопросу о вліяніи войны на Владимірскую деревню, очеркъ мѣропріятій земствъ Владимірской губерніи по содѣйствію сельскому хозяйству и т. п. Псковское статистическое бюро въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ занимается вопросомъ о возстановленіи судоходства на р. Ловати, изслѣдуетъ вліяніе болотъ и разрабатываетъ вопросъ о возможныхъ послѣдствіяхъ ихъ систематической осушки; организуетъ экспедицію для изслѣдованія озеръ губерніи; производитъ спеціальныя работы по кустарному и льняному дѣлу, занимается изученіемъ вопроса о недоимкахъ въ связи съ экономическимъ положеніемъ населенія, производитъ изслѣдованіе развившихся еще до новаго землеустроительнаго законодательства раздѣловъ общинныхъ земель въ Холмскомъ у., составляетъ для своего земства «Очеркъ дѣятельности губернскихъ земствъ по народному образованію». Эта послѣдняя работа была выполнена по непосредственному почину экономическаго совѣта при управѣ, «причемъ какъ на органъ, которому можно было бы поручить работу, было указано на статистическое бюро»; равнымъ образомъ и всѣ другія только-что перечисленныя работы были вызваны непосредственнымъ интересомъ земства къ соотвѣтственнымъ сторонамъ народной жизни, намѣтившеюся въ средѣ земства необходимостью мѣропріятій въ той или другой спеціальной области. Земскіе статистики командируются своими земствами на всякаго рода съѣзды — кустарные, по народному образованію, сельскохозяйственные и т. п.; они ѣздятъ, вмѣстѣ съ выборными представителями земства, въ столицу для участія въ совѣщаніяхъ по разнообразнымъ интересующимъ земство вопросамъ, и въ концѣ концовъ нельзя не согласиться съ тезисомъ, форму-

лированнымъ Костромскимъ статистикомъ Н. И. Воробьевымъ на Московскомъ областномъ съѣздѣ по агрономической помощи населенію, что «земская статистика представляетъ собой такую же постоянную, самостоятельную и полноправную организацію въ земскомъ хозяйствѣ, какъ и всѣ другія спеціальныя организаціи—какъ агрономія, санитарія, народное образованіе и т. п.».

Поскольку, такимъ образомъ, рѣчь идетъ о томъ, что̀ можно назвать «земскимъ служеніемъ» земской статистики, приходится опредѣленно признать, что въ этой области идеалъ еще далеко не достигнутъ, но что статистика, все-таки, пріобрѣла серьезныя заслуги передъ земствомъ и завоевала себѣ видную роль въ его жизнедѣятельности. Такъ же обстоитъ дѣло и въ другой области, которая пишущаго эти строки, какъ спеціалиста-статистика, особенно интересуетъ,—въ области статистической методологіи и техники. Доминирующею чертою земской статистики, какъ цѣлаго, въ значительной степени умаляющей научную цѣнность ея результатовъ, является крайняя разрозненность работъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и въ различное время, сопряженная съ крайнею разнородностью методовъ и пріемовъ собиранія и разработки матеріала, а слѣдовательно, и съ крайнею разнокалиберностью результатовъ, до послѣдней степени затрудняющею проведеніе статистическихъ параллелей. «Существенные недостатки земско-статистическихъ изслѣдованій,—писалъ еще въ 1899 г. авторъ довольно цѣнной для своего времени сводной работы о «Земской статистикѣ», С. Н. Велецкій,—вообще заключаются: 1) въ отсутствіи одного общаго плана работъ; 2) въ различныхъ, не согласованныхъ между собою, методахъ и пріемахъ изслѣдованій; 3) въ несогласованности и большомъ разнообразіи программъ». И эта характеристика вѣрна и для настоящаго времени; чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно перелистать хотя бы тѣ немногочисленные сборники по основной статистикѣ, которые появились въ свѣтъ за послѣдніе два года. Эта крайняя пестрота въ значительной мѣрѣ объясняется, правда, внѣшними, не зависѣвшими отъ усмотрѣнія земскихъ статистиковъ условіями: «съ одной стороны,—справедливо замѣчаетъ В. Ф. Караваевъ,—задачи мѣстныхъ статистическихъ изслѣдованій опредѣлялись взглядами земскихъ собраній, которыя не всегда одинаково смотрѣли на дѣло; затѣмъ, самое существованіе земской статистики въ нѣкоторыхъ губерніяхъ не было непрерывнымъ, личный составъ статистическихъ органовъ подвергался по большей части быстрымъ смѣнамъ, и, наконецъ, самый объемъ собираемыхъ свѣдѣній и программы для нихъ были подчинены внѣшнему контролю, подчасъ далеко не сообразовавшемуся ни съ мѣстными потребностями земства, ни съ техникой статистическихъ операцій. Если принять во вниманіе, далѣе, крайнее разнообразіе въ естественныхъ и

экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ находятся отдѣльныя мѣстности и губерніи, различную степень культурности и развитія населенія, зависимость успѣховъ земской статистики отъ отношенія къ ней мѣстныхъ властей и т. д., то станетъ очевиднымъ, что всѣ эти условія не только не могли способствовать однообразной постановкѣ статистическихъ работъ *въ разныхъ* земствахъ, но и препятствовали отчасти правильному послѣдовательному развитію ихъ *въ одной и той же* губерніи». Повторяю: внѣшнія условія въ значительной степени объясняютъ пестроту программъ и пріемовъ, а слѣдовательно и разнокалиберность результатовъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій. Но правъ и другой хорошій знатокъ земской статистики, Н. Н. Сухановъ, когда констатируетъ, что «земская статистика отличается излишнею уже раздробленностью программъ и способовъ разработки, часто вовсе не обусловливаемою мѣстными особенностями», а вытекающею нерѣдко *только* изъ различій въ индивидуальныхъ взглядахъ и индивидуальномъ пониманіи статистиковъ. Особенно рѣзко сказывается эта, иногда прямо-таки ничѣмъ не оправдываемая, пестрота въ такихъ, впрочемъ, и вообще далеко не удовлетворительно разработанныхъ земскою статистикою, вопросахъ, какъ наемный трудъ— и въ смыслѣ примѣненія наемнаго труда въ своемъ хозяйствѣ, и въ смыслѣ продажи на сторону не находящей въ немъ примѣненія рабочей силы, или какъ промыслы; достаточно сказать, что во многихъ сборникахъ подъ одну рубрику «промысловъ», безъ всякаго разчлененія, подведены столь разныя по существу явленія, какъ наемный трудъ и участіе въ обрабатывающей промышленности, не говоря уже о такихъ, тоже принципіально различныхъ вещахъ, какъ фабрично-заводскій трудъ съ одной стороны, кустарные и домашніе промыслы—съ другой. Но съ немногимъ меньшею пестротой мы встрѣчаемся даже и въ наиболѣе простыхъ вопросахъ—число и границы возрастныхъ группъ при учетѣ населенія, группировка по рабочей силѣ, отдѣльно-учитываемыя разновидности скота, группировка дворовъ по обезпеченности скотомъ, учетъ инвентаря и посѣвовъ, понятія «грамотности» и «полуграмотности» и т. д.; во всемъ этомъ можно встрѣтить чуть не всѣ мыслимые принципы расчлененія и оттѣнки.

Указываемый недостатокъ съ самаго начала сознавался и продолжаетъ сознаваться работниками земской статистики, и вопросъ о возможномъ «объединеніи» послѣдней, можно сказать, не сходитъ съ очереди. Съ большой энергіей взялось за эту задачу еще въ 80-хъ г., подъ руководствомъ незабвеннаго А. И. Чупрова, бывшее въ то время идейнымъ средоточіемъ земской статистики статистическое отдѣленіе Московскаго юридическаго общества; дѣлало попытки въ томъ же направленіи вольное экономическое

общество; теперь за ту же задачу съ немалой энергіею берется недавно возникшее въ Москвѣ общество имени Чупрова; вопросъ объ «объединеніи» постоянно всплываетъ на съѣздахъ и совѣщаніяхъ статистиковъ. Статистическое отдѣленіе Московскаго юридическаго общества въ собранномъ въ 1887г. совѣщаніи даже выработало составъ минимальной подворной карточки и минимальнаго поселеннаго бланка, а также бланка для частновладѣльческихъ имѣній; подсекція статистики X съѣзда поручила особой комиссіи выработать къ XI съѣзду «общую инструкцію о способахъ земско-статистическихъ изслѣдованій и источникахъ земской статистики». Но постановленіе X съѣзда осталось вовсе не исполненнымъ; на результаты совѣщанія 1887 г. довольно обычно ссылаются,—но только тѣ, чьимъ взглядамъ они соотвѣтствуютъ, и съ ними весьма мало считаются тѣ, кто смотритъ на тотъ или другой вопросъ иначе.

Здѣсь не мѣсто вдаваться въ подробную критику работъ земской статистики—*для этого* потребовалось бы не нѣсколько страницъ въ пріуроченной къ спеціальному случаю статьѣ, а цѣлая книга. Замѣчу поэтому лишь кратко, что отдѣльныхъ недочетовъ, болѣе или менѣе существенныхъ, въ этихъ работахъ много, и объясненія этому приходится искать, въ значительной мѣрѣ, въ чисто эмпирическомъ способѣ развитія программъ и методовъ земской статистики, въ связи съ чисто-эмпирическимъ же способомъ подготовки самихъ статистиковъ. Земская статистика—и въ этомъ ея неоцѣнимая заслуга—*сама* должна была вырабатывать для себя свои методы и пріемы, сама должна была вырабатывать для себя и людей: перваго не могла ей дать выработавшаяся на совершенно другомъ кругѣ явленій и въ совершенно другой обстановкѣ книжная статистическая методологія, вторыхъ не могла ей дать не знавшая ничего, кромѣ этой самой книжной методологіи, высшая школа. Но въ передачѣ того, что вырабатывалось земскими статистиками по части методовъ и пріемовъ, не было и нѣтъ надлежащей преемственности; то, что достигается положительнаго одними, часто остается неизвѣстнымъ другимъ; остаются неизвѣстными и послѣдствія дѣлаемыхъ одними ошибокъ, которыя поэтому, сплошь и рядомъ, повторяются потомъ другими. А что касается людей, то при всей проявленной земскими статистиками, въ массѣ, талантливости и иниціативѣ, слишкомъ многимъ изъ нихъ недостаетъ научной школы. Недаромъ подсекція XI съѣзда признала «чрезвычайно желательнымъ расширеніе курса статистики въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ добавленіемъ отдѣла объ условіяхъ собиранія и разработки свѣдѣній по земской статистикѣ», а сверхъ того, «созданіе особаго статистическаго института...для пополненія и расширенія научныхъ знаній лицами, занимающимися земско-статистическими работами». Первое изъ этихъ пожеланій осуществилось пока лишь въ ничтожной степени, второе не

осуществилось вовсе, но самый фактъ выраженія подобнаго рода пожеланій въ достаточной мѣрѣ знаменателенъ.

И тѣмъ не менѣе земская статистика, со всѣми своими ошибками и недостатками, со всѣмъ своимъ эмпиризмомъ, со всѣмъ своимъ недостаткомъ научной школы, сдѣлала для статистической методологіи больше, чѣмъ вся русская академическая статистика. Я совершенно убѣжденъ, что опытъ русской земской статистики не пройдетъ безслѣдно и для общей статистической методологіи. «До послѣдняго времени,—говоритъ первый знатокъ земской статистики А. Ф. Фортунатовъ,—земско-статистическая дѣятельность являлась преобладающимъ русломъ живого потока статистической мысли въ Россіи. На объектахъ земско-статистической работы изощрялись и изощряются люди, прокладывавшіе новые пути, какъ въ пріемахъ наблюденія, такъ въ пріемахъ сводки и обработки статистическихъ данныхъ»; «земская статистика,—говоритъ онъ же въ другомъ мѣстѣ,—проявила громадную работу и притомъ не застыла въ какихъ-нибудь установившихся шаблонахъ, но до послѣдняго времени неуклонно идетъ впередъ».

Здѣсь, конечно, не мѣсто останавливаться на какихъ-либо отдѣльныхъ сторонахъ методологической работы земской статистики—говорить, напр., о сдѣланномъ ею для разработки выборочнаго пріема статистическаго изслѣдованія, для углубленія методовъ бюджетной статистики; не мѣсто говорить о выработанныхъ ею пріемахъ комбинаціонной разработки и т. п.—я буду говорить только о томъ, что составляетъ ея наиболѣе существенную, наиболѣе принципіальную особенность, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и ея главную методологическую заслугу. Эта главная принципіальная особенность,—какъ формулируетъ ее А. А. Русовъ,—заключается въ томъ, что земская статистика «непосредственно подошла къ первичному статистическому данному въ его первоначальномъ видѣ и, начиная съ корня, съ зародыша каждаго факта и явленія, охватила его со всѣхъ сторонъ и, если можно такъ выразиться, отъ внѣшнихъ формъ проникла внутрь, въ сущность самого явленія, въ его причинности». Она не побоялась ставить себѣ такіе вопросы, учитывать такія подробности, проникать въ такія глубины хозяйственной и соціальной жизни населенія, какіе стояли въ полномъ противорѣчіи съ ограничивающими требованіями ходячей статистической методологіи. А между тѣмъ выработанныя земской статистикой детальнѣйшія программы какъ хозяйственной переписи, такъ и пообщинныхъ и пр. описаній имѣли прежде всего тотъ смыслъ, что позволяли конкретизировать получаемыя статистическія данныя, давали возможность получить понятіе о реальномъ жизненномъ характерѣ многихъ изъ такихъ явленій, о которыхъ безъ того можно было бы составить себѣ лишь слишкомъ общія, схематическія представленія. Другое существенное преимущество углубленныхъ программъ земскихъ статисти-

ческихъ изслѣдованій—преимущество, впрочемъ, въ значительной мѣрѣ парализуемое тѣмъ, что я въ предыдущемъ называлъ оцѣночными наростами, парализуемое иногда (напр., при бюджетныхъ изслѣдованіяхъ) и допускаемыми въ сторону чрезмѣрной уже детальности увлеченіями статистиковъ,—это живой интересъ, возбуждаемый въ населеніи такого рода углубленнымъ опросомъ: населеніе и само заинтересовывается той связью и тѣмъ смысломъ въ обыденныхъ жизненныхъ явленіяхъ, которыя раскрываются при статистическомъ опросѣ, и этотъ обоюдный интересъ создаетъ существенный стимулъ, побуждающій опрашиваемыхъ охотнѣе идти навстрѣчу стараніямъ опрашивающаго статистика. Но главное—это взаимный контроль между отдѣльными вопросами такой расширенной программы и открывающаяся отсюда широкая возможность внутренней провѣрки получаемыхъ показаній. Регистрируемые при переписи признаки явленій,—говоря словами Ф. А. Щербины,—«слѣдуютъ одни за другими, какъ длинная цѣпь отдѣльныхъ звеньевъ» одного органически спаяннаго цѣлаго; всякое невѣрное показаніе приводитъ къ несообразности, къ невязкѣ, которая уловляется внимательнымъ изслѣдователемъ и позволяетъ ему распознать невѣрное, нерѣдко—и добиться вѣрнаго показанія; благодаря этому расширенная и углубленная программа земскихъ изслѣдованій на мѣсто внѣшняго ставитъ взаимный внутренній контроль, который даетъ возможность получать достаточно достовѣрныя свѣдѣнія о самыхъ интимныхъ сторонахъ крестьянскаго хозяйства.

Съ этими *программными* особенностями связаны и существенныя *организаціонныя* особенности земской статистики. «Опытъ показалъ,—читаемъ мы въ трудахъ статистическаго совѣщанія конца 1900 г.,—что только такія статистическія изслѣдованія даютъ болѣе или менѣе доброкачественный матеріалъ, которыя опираются на изслѣдованія, произведенныя экспедиціоннымъ способомъ», при которомъ агенты статистическаго учрежденія входятъ въ непосредственное соприкосновеніе съ «объектами» наблюденія и добываютъ нужныя свѣдѣнія при помощи изустнаго опроса. Неизбѣжный у насъ, въ Россіи, уже въ силу низкаго уровня культурности народныхъ массъ, *словесный*, а не письменный опросъ является при земскихъ изслѣдованіяхъ еще болѣе неизбѣжнымъ благодаря расширенному и углубленному характеру ихъ программъ: даже болѣе или менѣе интеллигентному обывателю было бы трудно разбираться въ многочисленныхъ и сложныхъ вопросахъ земскихъ программъ—нечего и говорить о малоинтеллигентномъ, хотя бы грамотномъ крестьянинѣ. Земскій регистраторъ долженъ не только опросить каждаго домохозяина, онъ долженъ поставить каждый вопросъ добопонятнымъ образомъ, навести опрашиваемаго на соотвѣтствующій смыслу вопроса отвѣтъ, помочь ему сообразить, что нужно, подмѣтить всякую

неточность, добиться согласованности въ отвѣтахъ на отдѣльные вопросы; онъ не только воспринимаетъ отвѣты, даваемые на опредѣленные вопросы, но комбинируетъ ихъ между собой, провѣряетъ и исправляетъ способами, о которыхъ частью была, частью еще будетъ рѣчь.

Но ясно, что работать по охарактеризованнымъ выше программамъ, работать только-что охарактеризованными пріемами можетъ только *квалифицированный* персоналъ—квалифицированный въ смыслѣ какъ извѣстныхъ знаній и опредѣленно-направленнаго интереса, такъ и въ смыслѣ пріобрѣтаемыхъ въ ходу самой работы навыковъ. Я не буду останавливаться здѣсь на тѣхъ, пока, въ общемъ, далеко недостаточныхъ, мѣрахъ организаціоннаго характера, какія принимаются для обезпеченія желательнаго подбора и необходимой практической подготовки персонала, остановлюсь только на одной важной методологической особенности земскихъ переписей, тѣсно связанной съ необходимостью такого подбора и такой подготовки: въ отличіе отъ обычныхъ переписей западно-европейскаго образца, земскія переписи *не однодневны*, а обычно растягиваются на болѣе или менѣе продолжительное время: для уѣзда—на цѣлое лѣто, для губерніи—обычно на нѣсколько лѣтъ. Однодневность немыслима, потому что въ такомъ случаѣ нельзя было бы и думать ни о цѣлесообразномъ подборѣ, ни, тѣмъ болѣе, о требующей времени практической подготовкѣ персонала; но она и не необходима, потому что объектъ изслѣдованія—крестьянское или владѣльческое хозяйство—не отличается подвижностью и потому можетъ быть съ достаточной отчетливостью «зафотографированъ» и при переписи, растянутой на мѣсяцы и цѣлыя полугодія.

Наконецъ, послѣдняя важная методологическая особенность земскихъ переписей—что онѣ производятся не путемъ обхода дворовъ или иныхъ хозяйственныхъ единицъ, а *на сходахъ* или собраніяхъ крестьянъ. Это даетъ, прежде всего, большую экономію времени, которое при обходѣ дворовъ терялось бы на привѣтствія, предварительныя разъясненія и т. п; это обезпечиваетъ бо́льшую успѣшность опроса, обусловливаемую взаимною помощью сосѣдей, родственниковъ и вообще односельчанъ при припоминаніи и соображеніи выясняемыхъ при опросѣ обстоятельствъ, а въ особенности вліяніемъ подражательности: стоитъ только регистратору заставить «разговориться» нѣсколькихъ изъ опрошенныхъ,—какъ отъ остальныхъ отвѣты получаются съ гораздо бо́льшею готовностью и съ гораздо меньшей затратою усилій. Наконецъ, самое важное —что работа на сходѣ — разъ регистратору удалось возбудить въ немъ довѣріе и интересъ — обезпечиваетъ взаимный контроль присутствующихъ на сходѣ,—контроль особенно дѣйствительный, когда въ средѣ собравшихся для опроса представлены различныя антагонистическія или вообще

плохо между собой уживающіяся группы населенія—богатѣи и бѣднота, общинники и подворники, казаки и «посполитые», «кацапы» и «хохлы»,—въ такомъ случаѣ бѣднота будетъ выводить на свѣжую воду богачей, общинники отрубниковъ и т. п., а затѣмъ выведенные на свѣжую воду будутъ съ особымъ рвеніемъ выводить на свѣжую воду другихъ.

Въ результатѣ добываемый земскою статистикой статистическій матеріалъ не можетъ, конечно, претендовать на *безусловную* точность, но—при гораздо большей сложности разрѣшаемыхъ земскою статистикой задачъ—степень достовѣрности, достигаемая ею при помощи охарактеризованныхъ пріемовъ, несомнѣнно, значительно выше той, какая достигается при иномъ характерѣ программъ и иныхъ способахъ опроса.

Вотъ то немногое, что̀ я могъ сказать здѣсь по вопросу о методологическихъ особенностяхъ земской статистики [1]). Каковы бы ни были отдѣльныя увлеченія, какъ бы ни были многочисленны отдѣльныя ошибки, допускающіяся и допускаемыя земскими статистиками—эти особенности останутся κτῆμα ἐς ἀεί, и съ ними неизбѣжно придется посчитаться общей статистической методологіи.

Мой очеркъ затянулся свыше мѣры. Я воздержусь поэтому отъ сколько-нибудь пространныхъ заключеній и позволю себѣ закончить нѣсколькими краткими пожеланіями: чтобы земская статистика освободилась отъ гнетущихъ ее оцѣночныхъ наростовъ и вновь сосредоточила свои силы и свое вниманіе на служеніи земству и на изученіи народной жизни; чтобы она окончательно упрочила свое положеніе въ земствѣ и перестала быть подверженною «независящимъ обстоятельствамъ»; чтобы земскимъ статистикамъ удалось, не жертвуя индивидуальнымъ творчествомъ, найти такія общія основы для своей работы, которыя обезпечили бы ей столь необходимую для научнаго и въ значительной мѣрѣ для практическаго ихъ использованія сравнимость.

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. статью «Земская статистика и статистическая методологія».

Земская статистика и статистическая методологія [1]).

Кто не имѣетъ представленія о земской статистикѣ, этомъ единственномъ въ своемъ родѣ источникѣ точныхъ свѣдѣній для изученія нашей народной жизни, источникѣ, который позволяетъ заглянуть въ глубочайшіе тайники экономической и соціальной жизни русскаго крестьянства? Кто не знаетъ этого въ полномъ смыслѣ слова нерукотворнаго памятника, который воздвигла себѣ русская, по преимуществу народнически-настроенная, интеллигенція въ образѣ сотенъ томовъ земскихъ статистическихъ сборниковъ? Кто не признаетъ огромныхъ заслугъ творцовъ и руководителей нашей земской статистики, которыя приходится цѣнить тѣмъ выше, что вѣдь работать имъ приходилось въ мыслимо неблагопріятной внѣшней обстановкѣ, подъ гнетомъ сыпавшихся, какъ изъ рога изобилія, административныхъ запрещеній, неутвержденій и удаленій; что и правительство, и нерѣдко земство—казалось бы, заинтересованныя въ возможно всестороннемъ изученіи народной жизни, всѣми мѣрами старались ввести работу земскихъ статистиковъ въ самые тѣсные предѣлы, расширять которые приходилось чуть-чуть что не украдкой. Много горя и бѣдъ пришлось претерпѣть неутомимымъ изслѣдователямъ народной жизни,—но жизнь дала имъ и немало удовлетворенія; такимъ удовлетвореніемъ для земской статистики и земскихъ статистиковъ былъ уже тотъ фактъ, что когда правительству понадобились изслѣдованія народной жизни въ обширномъ Зауральѣ, оно обратилось за людьми и программами не въ свои статистическія канцеляріи, а къ гонимой и тѣснимой земской статистикѣ: *съ нея* были скопированы программы изслѣдованій, *изъ среды земскихъ статистиковъ* были взяты руководители цѣлаго ряда статистическихъ предпріятій.

Но не объ этомъ я хочу говорить въ настоящемъ очеркѣ. Мнѣ хочется остановиться на томъ значеніи, какое имѣетъ земская статистика, или, говоря шире, организованная по земскому типу

---

[1]) Доложено, въ значительно сокращенномъ видѣ, въ подсекціи статистики XII съѣзда естествоиспытателей и врачей. Напечатано въ «Русск. Мысли», 1910, мартъ.

русская статистика крестьянскаго хозяйства, съ болѣе общей точки зрѣнія—съ точки зрѣнія статистической методологіи. Сколько мнѣ извѣстно, собственно этого вопроса касались только А. А. Русовъ въ докладѣ первому изъ съѣздовъ русскихъ статистиковъ и Н. А. Каблуковъ въ своихъ литографированныхъ лекціяхъ. Большинство офиціальныхъ представителей нашей статистической науки либо совершенно не касается данной стороны вопроса, либо ограничивается пренебрежительными замѣчаніями по поводу «увлеченій» земской статистики,—увлеченій, дѣйствительно, во многомъ противорѣчащихъ выработанному на Западѣ методологическому шаблону. Между тѣмъ, заслуги въ данномъ направленіи русской статистики крестьянскаго хозяйства чрезвычайно велики и указанія русской, по преимуществу земской, статистической практики даютъ матеріалъ для серьезной провѣрки, вѣроятно дополненія, а можетъ быть и исправленія цѣлаго ряда положеній нѣсколько закаменѣлой, выработавшейся на односторонне подобравшихся образцахъ, статистической методологіи.

Я не имѣю въ виду *исчерпать* здѣсь поставленнаго мною вопроса; я коснусь только того, что̀ даетъ земская статистика для *методологіи переписей*, оставляя въ сторонѣ такіе, частью затронутые въ другихъ моихъ статьяхъ, вопросы, какъ табличная обработка массового статистическаго матеріала, какъ постановка выборочныхъ изслѣдованій, какъ бюджетныя изслѣдованія, урожайная статистика и т. п., — все области, гдѣ русская земская статистика также немало сдѣлала для общей статистической методологіи.

Основной вопросъ—это, конечно, вопросъ о *возможномъ объемѣ* и необходимыхъ, вытекающихъ изъ существа статистическаго метода *предѣлахъ* статистическаго наблюденія. И вотъ, еще отецъ современной статистики, знаменитый Кетле, рекомендовалъ «требовать отъ спрашиваемыхъ лицъ только такихъ свѣдѣній: 1) которыя безусловно необходимы для цѣлей данной статистической операціи и 2) которыя навѣрно можно получить». Есть у него еще и третье правило—избѣгать такихъ вопросовъ, которые могутъ вызвать у населенія опасенія или подозрѣнія. Это третье правило, какъ вѣрно отмѣчаетъ проф. Каблуковъ, совершенно не выполнимо практически,—*нѣтъ*, въ концѣ концовъ вопроса, который не могъ бы кому-нибудь показаться опаснымъ или подозрительнымъ!—а потому мы останавливаться на немъ не будемъ. Что̀ касается до первыхъ двухъ, то они, казалось бы, совершенно безспорны: кто, въ самомъ дѣлѣ, станетъ собирать свѣдѣнія, въ которыхъ *нѣтъ* необходимости, или такія, которыхъ получить *нельзя*?... Но безспорны они, въ сущности, въ силу своей полной безсодержательности: вѣдь въ томъ-то именно и вопросъ, *какія* свѣдѣнія нужны и какія ненужны для цѣлей данной стати-

стической операціи, *какія* свѣдѣнія можно и какихъ нельзя разсчитывать получить. Съ увѣренностью можно сказать одно: что объемъ *желательнаго* несравненно шире предѣловъ *возможнаго* по условіямъ статистической техники: мы въ состояніи подвергнуть массовому наблюденію лишь *ничтожную долю* тѣхъ явленій и тѣхъ признаковъ явленій, статистическій учетъ которыхъ былъ бы желателенъ и необходимъ. Совершенно естественно, что статистическая теорія оставила почти безъ разработки первое изъ правилъ Кетле, касающееся предѣловъ *желательнаго*, и тѣмъ больше вниманія посвятила второму—вопросу о предѣлахъ *возможнаго* для статистическаго наблюденія. И этому второму правилу современная статистическая методологія даетъ весьма ограниченное толкованіе. «Только тотъ признакъ», говоритъ первый въ свое время русскій авторитетъ по этой части, покойный Янсонъ, «можетъ быть опредѣленъ при массовомъ наблюденіи, который очевиденъ и несомнѣненъ и наличность котраго легко можетъ быть повѣрена,—причемъ наблюдатель долженъ быть избавленъ отъ произнесенія сужденія о предметѣ наблюденія, долженъ быть поставленъ въ состояніе возможности не только легко и просто опредѣлить данный признакъ, но и повѣрить показаніе». Еще уже формулируетъ предѣлы возможнаго для статистическаго наблюденія одинъ изъ авторитетнѣйшихъ современныхъ теоретиковъ, В. І. Борткевичъ: какъ на одну изъ существеннѣйшихъ особенностей статистическаго метода онъ указываетъ на то, что «регистрируются признаки внѣшніе, легко распознаваемые, относящіеся къ настоящему, а изъ относящихся къ прошлому такіе, которые сохранили видимый слѣдъ въ настоящемъ». Приведу только одинъ примѣръ, показывающій, какъ далеко заходятъ въ такого рода «ограничительномъ толкованіи»,—назову, именно, извѣстнаго нѣмецкаго экономиста и статистика проф. Конрада, возстающаго противъ включенія въ нормальную программу переписей населенія даже такихъ вопросовъ, какъ физическіе недостатки или безграмотность: первое, по его мнѣнію, безцѣльно, потому что «вопросъ ставится 50 милліоновъ разъ, и получается нѣсколько сотъ отвѣтовъ»; во второмъ случаѣ точная регистрація едва ли осуществима, такъ какъ невозможенъ достаточный контроль. Правда, въ данномъ случаѣ Конрадъ стоитъ довольно одиноко, и отвергаемые имъ вопросы включены статистическими конгрессами въ число такъ называемыхъ «обязательныхъ» вопросовъ программы народныхъ переписей. Но если Конрадъ является, такимъ образомъ, преувеличенно-послѣдовательнымъ представителемъ проводимаго теоріею стремленія «избѣгать всякаго перегруженія статистическихъ программъ вопросами», то во всякомъ случаѣ многіе считаютъ, что при составленіи статистической программы слѣдуетъ ограничиваться «такими вопросами, на которые легко

можетъ получиться отвѣтъ въ простѣйшей формѣ: «да» или «нѣтъ», безъ опасности недоразумѣній». Съ этой точки зрѣнія такіе компетентные теоретики, какъ Георгъ Майръ, признаютъ «чрезмѣрнымъ» даже то количество вопросовъ, какое включается въ программы городскихъ переписей, въ видахъ «возможно полнаго знакомства съ характеромъ населенія и съ условіями его жизни».

Но программы городскихъ переписей—ничто по сравненію даже съ умѣренно-подробными программами русскихъ, организованныхъ по земскому типу, переписей крестьянскаго хозяйства. Въ нормальную программу такой переписи входитъ, прежде всего, подробнѣйшій перечень, такъ сказать, *статическихъ* элементовъ каждой хозяйственной единицы — крестьянскаго двора: рабочаго и потребительнаго состава въ связи съ грамотностью и школьнымъ образованіемъ, съ одной стороны, и съ наймомъ и промыслами, съ другой; живого и мертваго инвентаря; землевладѣнія и землепользованія, въ связи съ арендою и сдачею земли; запашки, съ распредѣленіемъ по характеру посѣвовъ и вообще по способамъ использованія пахотной площади и т. п. А затѣмъ, программы многихъ, если не большинства, современныхъ земскихъ переписей обнимаютъ еще и признаки, долженствующіе характеризовать *динамику* крестьянскаго хозяйства,—признаки, которые съ извѣстнымъ правомъ можно подвести подъ общую характеристику бюджетныхъ или приходо-расходныхъ; таковы покупка и продажа хлѣба, скота и т. п.; размѣры заработковъ отъ продажи или, наоборотъ, расхода на наемъ рабочей силы; урожаи хлѣбовъ, количество накошеннаго сѣна, годовая выработка въ промыслахъ, нищенство, задолженность и т. п. Программа современной подворной переписи земскаго типа—обширный формуляръ, съ сотнями графъ и клѣтокъ, содержащихъ иногда вопросы, которые поражаютъ своею сложностью и замысловатостью, нерѣдко и своею кажущеюся ненужностью, своимъ совершеннымъ несоотвѣтствіемъ даже *первому* изъ знаменитыхъ правилъ Кетле. Какая, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть «безусловная необходимость» включать въ программу подворнаго опроса такія стороны хозяйственной жизни, которыя могутъ быть выяснены помимо переписи, болѣе простыми и легкими пріемами? Къ чему спрашивать *каждаго домохозяина* о размѣрахъ внѣнадѣльной аренды, если аренда—общественная, и разверстка арендуемой земли между общественниками производится по одному опредѣленному принципу? о такихъ техническихъ признакахъ земледѣльческаго хозяйства, какъ отношеніе посѣвной площади къ пару и залежи, распредѣленіе посѣвовъ по хлѣбамъ, удобреніе и т. п., при крайнемъ однообразіи крестьянской земледѣльческой техники? о продажныхъ и покупныхъ цѣнахъ хлѣба и другихъ

сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, когда вѣдь цѣны, очевидно, стоятъ на общемъ уровнѣ не только для всего селенія, но даже для цѣлаго болѣе или менѣе обширнаго района? Во всѣхъ этихъ случаяхъ, казалось бы, вполнѣ возможно обойтись общимъ анкетнымъ опросомъ, не «перегружая» переписи ненужными вопросами. А между тѣмъ включеніе подобнаго рода вопросовъ въ программу подворной переписи даетъ несравненно болѣе полное и жизненное, нерѣдко неожиданное освѣщеніе статистически изучаемымъ явленіямъ. Подворный опросъ о размѣрахъ участія въ пользованіи совмѣстно-арендуемою землею можетъ выяснить, напримѣръ, фиктивный характеръ заключенной отъ имени общества аренды, въ дѣйствительности являющейся лишь прикрытіемъ для фактической аренды небольшого числа зажиточныхъ домохозяевъ. Подворный опросъ относительно признаковъ, характеризующихъ систему полеводства и сѣвооборотъ, размѣровъ навознаго удобренія, характера земледѣльческихъ орудій не только позволяетъ конкретизировать и уяснить многое, что иначе оставалось бы темнымъ и расплывчатымъ, напримѣръ различныя, въ зависимости отъ почвы и отъ степени земельнаго простора, разновидности залежныхъ и даже трехпольнаго сѣвооборота, дѣйствительную степень распространенности унаваживанія и т. п., но вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность установить различія въ техникѣ у состоятельныхъ и бѣдныхъ, вообще у разныхъ категорій населенія. Подворный опросъ о покупкѣ и продажѣ хлѣба—единственный способъ опредѣленно выяснить потребительное значеніе земледѣлія: можетъ ли оно прокормить населеніе, и если да, то какое значеніе для разныхъ группъ домохозяевъ имѣетъ продажа излишковъ хлѣба. При общихъ опросахъ чаще всего не удается добиться ничего, кромѣ сбивчивыхъ и неопредѣленныхъ показаній, вродѣ: все «только переворачиваемся,—съ осени на нужду, пожалуй, и продашь сколько-нибудь хлѣба, а весной его обратно купишь». А совершенно, казалось бы, безцѣльный подворный опросъ о цѣнахъ покупокъ и продажъ даетъ чрезвычайно важныя указанія относительно потерь, которыя несетъ крестьянская бѣднота, съ осени задешево продающая хлѣбъ, а весною покупающая его обратно по дорогой цѣнѣ,—потерь, которыя она терпитъ при каждой продажѣ, по сравненію съ болѣе состоятельными элементами, имѣющими возможность выжидать хорошихъ цѣнъ.

Примѣры эти можно было бы продолжить почти до безконечности,—существенный ихъ смыслъ, очевидно, въ томъ, что детальная программа хозяйственной переписи позволяетъ *конкретизировать* получаемыя статистическія данныя, даетъ возможность получить понятіе о *реальномъ*, *жизненномъ* характерѣ многихъ изъ такихъ явленій, о которыхъ безъ этого можно было бы составить себѣ лишь слишкомъ общія, схематическія представленія.

Едва ли не важнѣе, однако, собственно съ методологической точки зрѣнія, огромное *контролирующее* значеніе детальныхъ программъ хозяйственной переписи. Практика нашихъ хозяйственныхъ переписей земскаго типа видитъ гарантію достовѣрности свѣдѣній въ пополненіи программы переписи болѣе или менѣе значительнымъ числомъ конкретизирующихъ и въ то же время взаимно контролирующихся вопросовъ, многіе изъ которыхъ по своему характеру безконечно далеки отъ второго требованія Кетле, особенно въ приданномъ ему позднѣйшими теоретиками ограничительномъ толкованіи. «Поставьте крестьянину»,—говоритъ Ф. А. Щербина,—«общій вопросъ о качествѣ почвы и урожайности, и вы услышите, что въ данномъ обществѣ у крестьянъ собственно и почвы-то нѣтъ,—черноземъ, какъ пушокъ, прикрываетъ всего на два вершка глинистыя и другія малоцѣнныя образованія, а урожаи бываютъ такъ низки, что крестьяне ежегодно не собираютъ даже сѣмянъ, затраченныхъ на посѣвы. Но попробуйте конкретизировать вопросъ,—получаются совершенно иные результаты: оказывается, что въ такомъ-то урочищѣ у крестьянина отведена первосортная земля, что глубина чернозема здѣсь по меньшей мѣрѣ аршинъ или три четверти и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ крестьянинъ сообщаетъ конкретныя данныя о томъ, сколько того или другого хлѣба было поставлено на извѣстномъ количествѣ саженей и какой умолотъ дала копна, такъ что простой ариѳметическій расчетъ сразу показываетъ такую высоту урожая, отъ которой обыкновенно открещиваются и весь сходъ и отдѣльные его члены при общей постановкѣ вопроса». Спросите крестьянъ, въ общей формѣ, о значеніи для нихъ, положимъ, рыболовства или какого-нибудь иного промысла,—чаще всего получится отвѣтъ, вродѣ: «такъ только, время проводимъ», или: «какой у насъ промыселъ,—развѣ въ воскресенье на пирогъ рыбы наловишь». Между тѣмъ отвѣты на конкретно поставленный каждому домохозяину вопросъ: сколько *онъ* продалъ наловленной рыбы, сколько *онъ* заработалъ отъ того или иного промысла, способны, особенно при тѣхъ способахъ внутренняго и внѣшняго контроля, о которыхъ мнѣ придется говорить ниже, съ достаточнымъ приближеніемъ выяснить роль каждаго даннаго промысла въ хозяйственной жизни различныхъ элементовъ населенія. Я подчеркиваю—въ хозяйственной жизни *различныхъ элементовъ*, потому что есть промыслы, обслуживаемые преимущественно бѣднотою, другіе фактически монополизированы зажиточными домохозяевами: отношеніе къ промысламъ, наприм., въ Сибири, недавно водворившихся новоселовъ или ссыльныхъ совершенно иное, нежели старожилаго населенія.

Другое существенное преимущество детальной программы подворнаго опроса, стремящейся освѣтить всѣ стороны крестьян-

скаго производительно-потребительнаго хозяйства,—это *несравненно большій интересъ* опрашиваемаго населенія,—интересъ, въ свою очередь являющійся однимъ изъ немаловажныхъ условій успѣха статистическаго наблюденія. Опросъ по краткой, такъ сказать, инвентарной программѣ ничѣмъ не отличается, въ глазахъ населенія, отъ тѣхъ безчисленныхъ «списковъ», которые по разнымъ поводамъ составляются волостными писарями, вообще низшею мѣстною администраціею, и встрѣчаетъ съ его стороны такое же индиферентно-отрицательное отношеніе. Напротивъ, перепись разсматриваемаго типа—это нѣчто выходящее изъ ряда каждодневныхъ явленій деревенской жизни и уже поэтому возбуждающее въ населеніи особый интересъ. «Наибольшій интересъ,—говоритъ тотъ же Ф. А. Щербина,—возбуждается общимъ освѣщеніемъ каждаго хозяйства съ помощью учета важнѣйшихъ признаковъ, характеризующихъ особенности отдѣльныхъ хозяйствъ. Простыя, обыденныя явленія, частью интересныя сами по себѣ, а частью успѣвшія намозолить вниманіе крестьянъ своею будничною прозаичностью, получаютъ въ сопоставленіи опытнаго статистика особое освѣщеніе, выражая собою нѣчто цѣльное, законченное и глубоко интересное»; самъ статистикъ-регистраторъ изъ простого «писаря» превращается, въ глазахъ крестьянъ, въ человѣка, дѣйствительно интересующагося крестьянскимъ житьемъ-бытьемъ и близко знающаго это житье-бытье. Населеніе, говоря словами Н. А. Каблукова, «заражается этимъ интересомъ», и такимъ образомъ то «залѣзаніе въ душу» опрашиваемаго, которое, казалось бы, должно возбуждать особое недовѣріе и подозрительность, создаетъ, напротивъ, существенный стимулъ, побуждающій крестьянъ охотнѣе итти навстрѣчу стараніямъ опрашивающаго статистика.

Но самое существенное преимущество расшириннаго и углубленнаго подворнаго опроса, собственно съ методологической точки зрѣнія,—это *взаимный контроль* между отдѣльными вопросами программы и открывающаяся отсюда широкая возможность внутренней провѣрки получаемыхъ показаній. «Регистраторъ,—говоритъ тотъ же Ф. А. Щербина,—въ силу построенія программы и условій работы, долженъ постоянно держаться въ кругѣ понятій, взаимно связанныхъ между собой и дополняющихъ другъ друга. Крестьяне, сообщающіе свѣдѣнія, благодаря той же связи между отдѣльными явленіями, легче припоминаютъ разрозненные случаи изъ практики своего хозяйства и—что̀ главное—осмысленнѣе относятся къ самой переписи: въ однихъ случаяхъ нельзя сказать неправду, въ другихъ—нелѣпыя показанія сами себя обнаруживаютъ», а изъ этого «самъ собою вытекаетъ контроль однихъ признаковъ другими, заставляющій одинаково и регистратора, и крестьянина, дающаго

показанія, заботиться о наибольшей точности регистраціи и объ учетѣ самыхъ незначительныхъ мелочей и частностей». Регистрируемыя при переписи явленія хозяйственной жизни «слѣдуютъ одни за другими, какъ длинная цѣпь отдѣльныхъ звеньевъ» одного органически связаннаго цѣлаго—крестьянскаго производительно-потребительнаго хозяйства. Рабочій составъ семьи долженъ оказаться въ опредѣленномъ соотношеніи, съ одной стороны, съ посѣвною площадью, съ другой—съ наймомъ или отпускомъ рабочей силы; величина посѣвной площади, при данномъ потребительномъ составѣ семьи, должна оказаться, опять-таки, въ опредѣленномъ соотношеніи съ покупкою или продажею хлѣба. «При учетѣ денежнаго баланса сначала записывались расходы по хозяйству, а потомъ доходы...; свѣдѣнія о расходахъ крестьяне сообщали и припоминали съ большею охотой, чѣмъ свѣдѣнія о доходахъ; но затѣмъ, показавъ извѣстную совокупность расходовъ, опрашиваемый волей-неволей долженъ былъ показать и соотвѣтственную сумму источниковъ дохода». Отвѣты на каждый изъ вопросовъ сложной программы хозяйственной переписи земскаго типа находятъ себѣ, такимъ образомъ, прекрасную повѣрку въ отвѣтахъ на другіе вопросы, и въ конечномъ результатѣ расширенная и углубленная программа земской хозяйственной переписи, такъ безконечно далеко уклоняющаяся отъ ограничивающихъ требованій статистической методологіи, «въ одно и то же время и заставляетъ регистратора, обдуманно размышляя, соображая, сопоставляя и связывая отдѣльныя явленія, вести перепись, и облегчаетъ крестьянину дачу показаній путемъ такихъ конкретныхъ сопоставленій и ассоціаціи признаковъ», и взаимною провѣркою послѣднихъ гарантируетъ максимальную внутреннюю достовѣрность показаній. Такая программа даетъ регистратору необходимые критеріи для сужденія о достовѣрности отдѣльныхъ показаній, и взаимною провѣркою послѣднихъ обезпечиваетъ ихъ максимальную внутреннюю достовѣрность. Вдаваясь въ такія области, гдѣ не могло быть рѣчи о регистраціи однихъ только «внѣшнихъ, легко распознаваемыхъ признаковъ», обнимая множество такихъ вопросовъ, которые—опять-таки вопреки требованіямъ ходячей статистической методологіи—открывали широкій просторъ «сужденію» и соображенію наблюдателя и, казалось бы, исключали возможность повѣрки показаній, расширенная и углубленная программа земскихъ хозяйственныхъ переписей на мѣсто отсутствующаго или во всякомъ случаѣ недостаточнаго внѣшняго контроля ставитъ *взаимный внутренній контроль*, который, при соотвѣтственной организаціи дѣла, даетъ возможность получать достаточно достовѣрныя свѣдѣнія о самыхъ интимныхъ сторонахъ крестьянскаго хозяйства.

Я сказалъ: *при соотвѣтственной организаціи*. Дѣло въ томъ, что организаціонная сторона дѣла стоитъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ програмной стороны, и потому русская земская статистика, занявъ особое положеніе въ отношеніи объема и предѣловъ массоваго наблюденія, неизбѣжно должна была выработать для послѣдняго и подходящій механизмъ.

Въ основѣ статистическаго наблюденія лежатъ обыкновенно показанія населенія. По способу полученія этихъ показаній различаютъ два главнѣйшихъ типа или способа организаціи статистическаго наблюденія: непосредственный *опросъ* и такъ называемое *самосчисленіе*. Въ первомъ случаѣ населеніе *словесно* отвѣчаетъ на вопросы, предлагаемые агентами статистической организаціи, которые заносятъ получаемыя показанія въ статистическіе формуляры. Во второмъ—отвѣты на вопросы программы даются населеніемъ въ *письменной* формѣ; роль счетчиковъ сводится къ раздачѣ формуляровъ и полученію ихъ обратно; попутно счетчики производятъ нѣкоторую, по преимуществу внѣшнюю, провѣрку записей, пополняютъ явно дефектныя и исправляютъ явно несообразныя, а въ случаяхъ безграмотности или нежеланія заполнить формуляръ счетчики дѣлаютъ это сами на основаніи словесныхъ показаній. Какой же изъ этихъ двухъ способовъ или типовъ организаціи статистическаго наблюденія заслуживаетъ предпочтеніе? Статистическая методологія категорически высказывается въ пользу способа самосчисленія. По словамъ Майра, это—«методъ, съ успѣхомъ примѣняемый при новѣйшихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ»,—это «современный» способъ, въ противоположность «старому» или устарѣлому опросному. По Конраду, самосчисленіе—единственный способъ, дающій достаточныя гарантіи достовѣрности,—единственный вообще, удовлетворяющій современнымъ требованіямъ. Превосходство способа самосчисленія—нѣчто вродѣ аксіомы, которую признается почти излишнимъ мотивировать и обосновывать,—но суть дѣла, несомнѣнно, въ томъ, что выражающееся въ дачѣ письменныхъ отвѣтовъ болѣе активное участіе населенія повышаетъ общій интересъ къ дѣлу массоваго наблюденія, являющійся однимъ изъ существенныхъ условій его успѣха.

Само собою разумѣется однако, что о превосходствѣ и даже вообще о примѣнимости способа самосчисленія можетъ быть рѣчь лишь при болѣе или менѣе всеобщемъ распространеніи и болѣе или менѣе высокомъ, такъ сказать, качественномъ уровнѣ грамотности. И уже поэтому, естественно, русская статистическая практика не могла безъ оговорокъ стать въ разсматриваемомъ вопросѣ на ту же точку зрѣнія, на какой стоятъ западноевропейскіе теоретики.

Но вопросъ, конечно, отнюдь не сводится къ простой гра-

мотности населенія,—не менѣе существенное значеніе имѣетъ и *объемъ тѣхъ свѣдѣній*, которыя должно дать статистическое наблюденіе. «Если формуляры,—говоритъ англичанинъ Bowley,—должны быть заполнены населеніемъ, то вопросы должны быть гораздо проще по существу и по формѣ, чѣмъ если они заполняются офиціальнымъ органомъ»,—агентомъ статистической организаціи: въ послѣднемъ случаѣ можно ставить «такіе вопросы, которые, если отвѣчать предоставлено невѣжественному населенію, вызовутъ со стороны большинства лишь неопредѣленные отвѣты; ибо офиціальный переписной органъ будетъ настаивать на опредѣленныхъ отвѣтахъ, сможетъ исключить явно невѣрное и продолжать перекрестный опросъ до тѣхъ поръ, пока неопредѣленные отвѣты примутъ видъ, пригодный для подсчета». И это даже при высшей, какая только мыслима общей культурности населенія: можно быть хорошо грамотнымъ и даже интеллигентнымъ человѣкомъ,—и все-таки не быть въ состояніи разобраться въ вопросахъ сложнаго статистическаго формуляра, гдѣ каждое слово и каждый оттѣнокъ въ постановкѣ вопроса имѣетъ свое значеніе, и гдѣ малѣйшая неточность или неясность въ отвѣтѣ можетъ сдѣлать отвѣтъ непригоднымъ для разработки.

Очевидно, при такихъ обстоятельствахъ, что широта программъ нашихъ хозяйственныхъ переписей земскаго типа должна была явиться не менѣе важнымъ противопоказаніемъ противъ самосчисленія и аргументомъ въ пользу опроснаго способа, нежели безграмотность нашихъ народныхъ массъ. «Лишь при этомъ (опросномъ) способѣ,—говоритъ покойный А. И. Чупровъ,—возможны сколько-нибудь сложныя изслѣдованія надъ явленіями народныхъ массъ; бланковымъ способомъ возможно было бы получать только самыя элементарныя данныя, тогда какъ черезъ спеціалистовъ могутъ быть осуществлены подробнѣйшія изслѣдованія, вродѣ, напримѣръ, тѣхъ всесторонихъ анализовъ хозяйства, которые производятся теперешними земствами». Хозяйственныя переписи—мы уже знаемъ—производились и производятся земскими статистиками по чрезвычайно сложнымъ программамъ, не имѣющимъ себѣ подобныхъ въ западно-европейской статистической практикѣ; при этихъ переписяхъ ставятся вопросы, проникающіе, такъ сказать, въ самую глубь крестьянскаго хозяйства,—вопросы, требующіе соображенія, взаимнаго согласованія, нерѣдко припоминанія за болѣе или менѣе значительный періодъ времени; тонкость и сложность такого рода вопросовъ легко можетъ привести къ различному пониманію или къ совершенному непониманію многихъ изъ нихъ, разъ отвѣчать на нихъ приходится лицамъ, незнакомымъ съ задачами и постановкой данной статистической операціи. Отсюда—необходимость непосредственного участія агентовъ статистической

организаціи *въ самомъ процессѣ выработки отвѣтовъ*, мыслимаго только при способѣ изустнаго опроса. Регистраторъ долженъ поставить каждый вопросъ удобопонятнымъ для отвѣчающаго образомъ, навести опрашиваемаго на соотвѣтствующій смыслу вопроса отвѣтъ, подмѣтить случайную или намѣренную неточность въ показаніяхъ, добиться взаимной согласованности въ отвѣтахъ на отдѣльные вопросы или выяснить причины несогласованности и т. п. Роль наблюдателя при такой постановкѣ дѣла въ значительной мѣрѣ творческая: онъ не просто воспринимаетъ и записываетъ отвѣты, но комбинируетъ ихъ между собой, провѣряетъ и исправляетъ тѣми способами, о которыхъ частью была, частью еще будетъ рѣчь въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Само собою разумѣется, что описанная только что постановка дѣла предъявляетъ высокія требованія даже къ низшимъ агентамъ статистической организаціи: отъ регистратора требуется извѣстная степень пониманія тѣхъ сторонъ народной жизни, которыхъ приходится касаться, навыкъ въ довольно сложныхъ пріемахъ опроса и—едва ли не главное—*интересъ* къ дѣлу, отсутствіе котораго при такого рода постановкѣ дѣла ничѣмъ не вознаградимо. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ сказаннаго вытекаетъ необходимость такой, такъ сказать, рабочей организаціи переписи, которая гарантировала бы какъ быструю и строго однообразную выучку регистраторовъ, такъ и непрерывный контроль надъ точнымъ, опять таки строго однообразнымъ и добросовѣстнымъ, соблюденіемъ всѣхъ детальныхъ требованій регулирующихъ ходъ опроса инструкцій и программъ; лишь при наличности такой организаціи можетъ быть достигнуто то однообразіе въ формулировкѣ вопросовъ и отвѣтовъ, а также въ примѣненіи соотвѣтственныхъ методовъ внутренней ихъ провѣрки, при наличности котораго только и мыслима необходимая однородность и удобосравнимость добытаго матеріала. Не входя въ болѣе подробное разсмотрѣніе этихъ, хотя и весьма важныхъ, сторонъ дѣла, остановимся на непосредственно вытекающемъ изъ сказаннаго существенномъ послѣдствіи, касающемся одного изъ основныхъ требованій методологіи переписей—требованія *однодневности*. Сущность его извѣстна: всякая перепись имѣетъ цѣлью дать какъ бы моментальную фотографію, схватить непрерывно движущееся массовое явленіе какъ бы въ состояніи покоя; но это достижимо лишь въ томъ случаѣ, если фотографія дѣйствительно будетъ моментальна, если всѣ записи будутъ пріурочены къ кратчайшему моменту—дню или даже часу—и всѣ переписанныя операціи будутъ закончены въ самый короткій промежутокъ времени, не превышающій, въ видѣ правила, немногихъ дней; такая однодневность—единственный способъ избѣгнуть пропусковъ и двойныхъ записей, слѣдовательно, подвергнуть подлежащее переписи массовое

явленіе дѣйствительно точному учету. Земскія переписи *не однодневны* и не стремятся къ однодневности. Перепись уѣзда растягивается на цѣлое лѣтнее полугодіе, съ перерывами на время спѣшныхъ полевыхъ работъ. Перепись губерніи, въ видѣ правила, затягивается на нѣсколько лѣтъ; первый случай, когда хозяйственная перепись крупной территоріи была закончена въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ *одного* года,—это была произведенная въ 1897 году перепись Забайкальской области; нѣсколько позднѣе, въ 1900 году, въ четыре мѣсяца была закончена повторная перепись Полтавской губерніи.

Какъ уже было упомянуто, такое игнорированіе нашею земскою статистикою начала однодневности стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ тѣми ея болѣе принципіальными особенностями, о которыхъ я говорилъ раньше. Эти особенности—сложность и детальность программъ и господство опроснаго способа полученія показаній. А между тѣмъ, — какъ справедливо замѣчаетъ все тотъ же Щербина,—«существенное условіе хорошо поставленной и удачно проведенной однодневной переписи заключается, во-первыхъ, въ возможно меньшемъ количествѣ признаковъ, подлежащихъ регистраціи, во-вторыхъ—въ строгой опредѣленности этихъ признаковъ»; однодневность, значитъ, имѣетъ своею необходимою предпосылкой строгое соблюденіе второго правила Кетле, въ приданномъ ему позднѣйшими теоретиками органичительномъ толкованіи: только при такихъ условіяхъ можетъ справиться съ дѣломъ та армія изъ десятковъ тысячъ набранныхъ «съ борку да съ сосенки» счетчиковъ,—какая нужна для однодневнаго выполненія переписи. «Чѣмъ больше признаковъ,—продолжаетъ г. Щербина,—и чѣмъ они неопредѣленнѣе и растяжимѣе,—тѣмъ, разумѣется, должно быть значительнѣе различіе и въ пониманіи и въ статистическомъ оформленіи ихъ. При небольшомъ количествѣ регистраторовъ, работающихъ вмѣстѣ и одновременно, такія различія легко устранимы и допускаютъ свободно всякія исправленія какъ во время переписи, такъ и при повѣркѣ матеріаловъ, по окончаніи регистраціи за каждый день»; и что особенно важно—возможенъ тщательный качественный подборъ регистрирующаго персонала, а распредѣленіе работы на продолжительное время—мѣсяцы и даже годы—даетъ возможность какъ практической выучки лицъ, вступающихъ въ составъ статистической организаціи съ малымъ знакомствомъ или безъ всякаго знакомства съ нелегкою практикою регистраціи, такъ и сформированія постояннаго руководящаго и контролирующаго персонала, хорошо знакомаго и съ техникою дѣла, и съ мѣстными условіями, съ которыми приходится считаться при веденіи статистическаго опроса.

Въ не менѣе существенной связи съ изложеннымъ выше стоитъ и еще одна особенность хозяйственныхъ переписей земскаго

типа. При переписи, организованной по обычному западно-европейскому образцу, счетчики *обходятъ дома* и квартиры какъ для вручения, такъ и для обратнаго полученія статистическихъ формуляровъ. Агенты земской статистической организаціи *не* дѣлаютъ обхода дворовъ села или деревни, а производятъ опросъ *на сходѣ* или *сборѣ*, на который созываются всѣ дворохозяева. Предпочтеніе этого порядка веденія подворнаго опроса основывается прежде всего на соображеніяхъ экономіи времени: «хожденіе регистраторовъ по дворамъ—говоритъ Ф. А. Щербина—совсѣмъ не практикуется по причинѣ крайняго замедленія работъ, такъ какъ регистратору пришлось бы затрачивать массу времени на переходы, на установку стола, на возню съ карточками и пр., въ особенности же на разъясненіе въ каждомъ дворѣ того, что требуется отъ крестьянъ и что можно сразу разъяснить всѣмъ домохозяевамъ, собраннымъ въ одно мѣсто», на сходѣ или сборѣ. Экономія времени, при работѣ на сходѣ, идетъ и еще дальше: «когда опросъ каждаго домохозяина,—говоритъ другой видный представитель нашей земской статистики, проф. Н. А. Каблуковъ [1]),—производится въ присутствіи другихъ, то не происходитъ никакого перерыва между опросомъ одного и другого; одинъ за другимъ тотчасъ же приближаются къ столу и даютъ отвѣты; это уже сберегаетъ много времени сравнительно съ обходомъ отдѣльныхъ дворовъ». «Далѣе, отвѣтить на многіе вопросы можно, лишь припомнивъ тѣ или другія обстоятельства»; при обходѣ по дворамъ регистраторъ долженъ былъ бы въ каждомъ дворѣ терять то время, какое требуется для такого припоминанія. При работѣ на сходѣ, «по мѣрѣ того, какъ опрашивается одинъ, другіе припоминаютъ касающееся ихъ и—когда до нихъ дойдетъ очередь—уже не задерживаютъ статистика отвѣтомъ». Нѣсколько ниже мнѣ придется говорить о работѣ на сходѣ, какъ средствѣ контроля достовѣрности даваемыхъ показаній. Но даже и независимо отъ *контролирующей* роли схода, большую роль играетъ въ данномъ случаѣ *простая подражательность:* «Достаточно указать одному хозяину присутствіе того или другого, иногда самаго мелкаго, промысловаго занятія, чтобы оно систематически регистрировалось затѣмъ по всѣмъ остальнымъ хозяйствамъ...» И что не менѣе важно—опросъ на сходѣ обезпечиваетъ опрашиваемымъ помощь сосѣдей и вообще односельчанъ при припоминаніи и комбинированіи отвѣтовъ: «обычнымъ способомъ оказанія помощи затруднявшимся въ отвѣтахъ (а такихъ затрудняющихся, въ особенности при сложной программѣ опроса, всегда немало! А. К.) былъ обыкновенно совѣтъ. Крестьянинъ или крестьянка, подготовляясь къ отвѣту, высчитываютъ иногда по пальцамъ составъ семьи, количество скота и пр. Затрудняясь въ томъ или иномъ случаѣ, такія лица подходятъ къ болѣе или менѣе

толковымъ сосѣдямъ и спрашиваютъ совѣта, какъ имъ выйти изъ того или другого затрудненія; начинается совмѣстный учетъ хозяйственныхъ признаковъ, сосѣдъ выясняетъ сомнительныя обстоятельства, подсчитываетъ разрозненныя данныя и въ концѣ-концовъ устанавливаетъ тѣ или другіе отвѣты».

Сотрудничество проявляется еще и въ другой формѣ: непосредственнаго вмѣшательства, внесенія поправокъ и дополненій въ даваемыя регистратору показанія. Отвѣчающій, отецъ многочисленнаго семейства, запутался въ счетѣ дѣтей, — «а Гараньку-то забылъ»—подсказываетъ ему сосѣдъ; у него оказывается нехватка въ посѣвной площади,—изъ кучи собравшихся ему напоминаютъ о нѣсколькихъ десятинахъ гдѣ-нибудь «въ дальнемъ польцѣ» или на землѣ, снятой у сосѣда; онъ не можетъ свести своего приходо-расхода,—«а на Рождество,—подсказываетъ ему кто-нибудь, — два воза ржи на базаръ отвезъ», и т. д. Здѣсь *помощь* схода опять-таки соприкасается съ *контролемъ*, на которомъ мы теперь и остановимся ближе.

Статистическая методологія требуетъ, чтобы въ регистрацію вводились только такіе признаки, «которые очевидны и несомнѣнны и наличность которыхъ легко можетъ быть повѣрена»; чтобы въ программу массоваго наблюденія включались только признаки «внѣшніе, легко распознаваемые, относящіеся къ настоящему, а изъ относящихся къ прошлому такіе, которые сохранили видимый слѣдъ въ настоящемъ». При подворныхъ переписяхъ земскаго типа регистраціи подвергается огромное количество разнообразнѣйшихъ признаковъ, изъ которыхъ многіе, по признанію такого компетентнаго судьи, какъ Ф. А. Щербина, «неопредѣленны и растяжимы»; во многихъ случаяхъ, въ частности во всѣхъ вопросахъ бюджетнаго или приходо-расходнаго характера, требуется припомнить факты, имѣвшіе мѣсто за цѣлый годъ назадъ и не оставившіе никакого «видимаго слѣда». И вотъ, естественно возникаетъ сомнѣніе, не представляютъ ли собою всѣ эти подробнѣйшія программы простого «статистическаго разврата»? не слѣдуетъ ли признать попытки земскихъ статистиковъ проникнуть въ тайники хозяйственной жизни крестьянъ за простое покушеніе съ негодными средствами, а выпущенныя земскими статистиками горы цифрового матеріала — за «филькину грамоту», лишенную внутренней достовѣрности? И такія сомнѣнія тѣмъ болѣе законны, что вѣдь наши народныя массы стоятъ на низшемъ уровнѣ умственнаго развитія, чѣмъ въ какой-либо изъ западно-европейскихъ странъ,— что, слѣдовательно, о сознательномъ отношеніи населенія къ дѣлу статистическаго наблюденія, о пониманіи истинныхъ его цѣлей и задачъ не можетъ быть и рѣчи. А между тѣмъ это пониманіе, это сознательное отношеніе признается ходячей статистической мето-

дологіей за одно изъ существеннѣйшихъ условій успѣха всякаго статистическаго наблюденія.

Опытъ нашей земской статистики, прежде всего, заставляетъ сдѣлать нѣкоторыя существенныя оговорки къ формулированному только что положенію. Наша земская статистика, правда, вмѣняетъ своимъ агентамъ въ обязанность разъяснять населенію цѣли и смыслъ предстоящаго статистическаго опроса. Нельзя скрывать отъ себя однако, что такое разъясненіе—дѣло чрезвычайно трудное, *тѣмъ болѣе трудное, чѣмъ развитѣе тѣ, кто выслушиваетъ разъясненія*. Никакими разъясненіями нельзя заставить даже хорошо грамотнаго крестьянина усвоить себѣ научный смыслъ массового наблюденія; а главное—*никакими* разъясненіями нельзя устранить того несомнѣннаго факта, что крестьянину и цѣлому крестьянскому обществу такъ-таки *выгодно*, или можетъ оказаться выгоднымъ, давать невѣрныя показанія, преуменьшать размѣры своей земельной обезпеченности и своего имущественнаго благосостоянія, ибо ихъ показанія, безъ всякаго сомнѣнія, *могутъ* отразиться на размѣрахъ обложенія, повліять на исходъ тѣхъ или другихъ земельныхъ ходатайствъ, предрѣшить размѣръ продовольственной помощи или отказъ въ ней и т. п. Разъясненія, даваемыя регистраторомъ, вообще его предварительныя бесѣды со сходомъ, дѣйствительно, могутъ создать благопріятное для успѣшности опроса настроеніе; «собранный матеріалъ,—говоритъ Н. А. Каблуковъ,—даетъ массу фактовъ и указаній такого рода, которые прямо удостовѣряютъ, что населеніе относилось вполнѣ довѣрчиво къ статистикамъ и не утаивало того, что̀ легко было бы утаить и что̀, съ извѣстной точки зрѣнія, оно должно было бы желать утаить»; достаточно упомянуть о случаяхъ, гдѣ крестьяне откровенно разсказывали статистикамъ о производимыхъ ими въ казенномъ или владѣльческомъ лѣсу самовольныхъ порубкахъ, а при подворномъ опросѣ давали точныя показанія о количествѣ самовольно нарубленнаго лѣса. Но если въ созданіи такого благопріятнаго настроенія играютъ извѣстную роль даваемыя регистраторами, предъ началомъ опроса, разъясненія, то здѣсь вліяетъ не столько дѣйствительная внутренняя убѣдительность приводимыхъ аргументовъ, сколько тонъ, въ какомъ даются разъясненія,—вліяетъ гипнотизмъ «хорошихъ словъ», и часто удачно брошенное слово, намекъ или острота, даже внѣшній видъ разъясняющаго, дѣлаютъ гораздо больше, чѣмъ самая обстоятельная и объективно-правильная аргументація. Обстоятельность послѣдней является даже обоюдоострымъ оружіемъ. Уже въ самыхъ раннихъ по времени статистическихъ-работахъ—сошлюсь хотя бы на извѣстный курскій сводный сборникъ—мы находимъ опредѣленныя указанія на то, что подробныя разъясненія, сплошь и рядомъ, только запутываютъ крестьянъ и способствуютъ возникновенію

въ нихъ тѣхъ самыхъ опасеній и того самаго недовѣрія, которыя они имѣютъ цѣлью устранить,—въ виду чего многіе статистики уже въ то время предпочитали обходиться такими краткими и, въ сущности, ничего не разъясняющими «разъясненіями» какъ «для свѣдѣнія», «для справокъ» и т. п. *Такія* «разъясненія», очевидно, не могли создать въ населеніи «сознательнаго» отношенія къ статистическому опросу, но они, по крайней мѣрѣ, не будили лишнихъ подозрѣній и производили успокоительное впечатлѣніе на населеніе. Въ нихъ не было ничего, къ чему могла бы привязаться фантазія и разукрасить затѣмъ въ причудливыхъ очертаніяхъ; короткіе отвѣты о «свѣдѣніяхъ» и «справкахъ» какъ эхо разносились въ населеніи, и всѣ почему-то успокаивались, мирились съ обыкновеннымъ характеромъ переписи»...

Итакъ, указанія русской статистической практики по вопросу собственно о пониманіи цѣлей регистраціи, о сознательномъ отношеніи къ задачамъ массоваго наблюденія, какъ объ условіяхъ успѣшности послѣдняго, имѣютъ обоюдоострый характеръ; такое отношеніе, въ сущности, недостижимо, а поскольку оно достижимо—не всегда полезно для успѣха дѣла. Гарантій правильности показаній практика земскихъ переписей ищетъ въ другихъ направленіяхъ. Прежде всего, статистикъ долженъ *импонировать* населенію, внушить крестьянамъ убѣжденіе, что его, регистратора, провести не такъ легко. А для этого уже изъ самой постановки регистраторами вопросовъ должно быть «видно, что они условія мѣстной жизни и, главнымъ образомъ, крестьянской знаютъ, такъ что въ случаѣ невѣрности показаній могутъ изобличить въ томъ» (Н. А. Каблуковъ). Такое впечатлѣніе создается, до извѣстной степени, уже при одной только наличности у регистратора хотя бы извѣстныхъ общихъ свѣдѣній объ условіяхъ быта и хозяйства въ данной мѣстности и при умѣньи его ставить вопросы въ понятныхъ для крестьянъ выраженіяхъ; уже одно это порождаетъ въ крестьянахъ мысль, что статистикъ—не городской чиновникъ, готовый повѣрить всякой небылицѣ. Но этого, конечно, мало, и, чтобы усилить впечатлѣніе «всевѣдѣнія» статистика, земская статистическая практика выработала нѣкоторые спеціальные, искусственные пріемы. Статистики до начала опроса, по возможности даже до пріѣзда въ подлежащее регистраціи селеніе, стараются запастись какими-какими свѣдѣніями какъ объ общихъ условіяхъ землевладѣнія и хозяйства въ данномъ селеніи (размѣръ надѣла, почва, урожаи послѣднихъ лѣтъ, промыслы, разные особые случаи вродѣ пожаровъ и т. п.), такъ и объ отдѣльныхъ домохозяевахъ, въ томъ или другомъ отношеніи выдающихся изъ общаго уровня,—особенно богатыхъ, скупщикахъ, ростовщикахъ, переарендовщикахъ и т. п., съ тѣмъ чтобы затѣмъ, грубо выражаясь, «щегольнуть» этими свѣдѣніями въ самомъ началѣ переписи или поселеннаго опроса. Для этого стараются къ самому началу переписи

пріурочить опросъ кого-нибудь изъ такихъ «примѣчательныхъ» домохозяевъ, и при этомъ либо самой постановкой вопросовъ, либо замѣчаніями по поводу даваемыхъ отвѣтовъ дать понять, что спрашивающій *уже знаетъ* многое изъ того, о чемъ онъ спрашиваетъ. Если, напримѣръ, крупнаго хозяина капиталистическаго типа прямо спросить: «сколько держишь батраковъ»; скупщика— «много ли хлѣба закупилъ за прошлый годъ»; переарендовщика— сколько земли «окортомилъ» въ такой-то деревнѣ или у такого-то помѣщика; если перебить показаніе скрывающаго запашку богатея замѣчаніемъ вродѣ: «а про запашку у такого-то помѣщика забылъ?», или: «ты мнѣ напрасно не разсказывай, у тебя въ посѣвѣ не меньше тридцати десятинъ, а то и всѣ сорокъ»,—то это производитъ такое впечатлѣніе на весь сходъ, что большинство потомъ уже не пытается вводить статистика въ обманъ,—«ему, молъ, и безъ насъ про все извѣстно»...

Громадной помощью является при этомъ, конечно, та взаимная внутренняя повѣрка отвѣтовъ на отдѣльные вопросы, о которой мнѣ уже приходилось говорить. Она позволяетъ регистратору импонировать опрашиваемымъ даже и тогда, когда у него нѣтъ индивидуальныхъ свѣдѣній собственно о нихъ. Невѣрное показаніе, почти неизбѣжно, само собой обнаруживается несообразностью, несогласованностью отвѣтовъ: остается непонятнымъ, зачѣмъ опрашиваемый держитъ столько-то лошадей, для которыхъ не оказывается работы; какъ онъ использовалъ свою рабочую силу, для которой показанный въ преуменьшенномъ размѣрѣ посѣвъ не даетъ достаточнаго приложенія; зачѣмъ онъ покупалъ сѣно, когда на преуменьшенно показанное количество скота съ избыткомъ хватило бы и своего сѣна; куда дѣвался лишній хлѣбъ, разъ опрашиваемый отрицаетъ фактъ продажи, а между тѣмъ въ своемъ хозяйствѣ ему некуда было истратить собраннаго хлѣба. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ статистикъ съ полной увѣренностью можетъ заявить опрашиваемому, что его показаніе невѣрно, что у него навѣрно не меньше столькихъ-то десятинъ посѣва или столькихъ-то лошадей, что онъ навѣрно продалъ или имѣетъ въ скирдахъ не менѣе столькихъ-то пудовъ хлѣба, что онъ навѣрно кромѣ земледѣлія имѣетъ какой нибудь конный промыселъ и т. п. Удачно сдѣланныя, такія поправки производятъ, можетъ быть, еще болѣе ошеломляющее впечатлѣніе и окончательно укрѣпляютъ въ средѣ схода убѣжденіе, что статистика не проведешь, потому что «ему и безъ насъ про все извѣстно».

Очевидно, что въ данномъ случаѣ вопросъ о благопріятномъ для хода переписи психическомъ воздѣйствіи на опрашиваемыхъ также непосредственно соприкасается съ вопросомъ о внутренней повѣркѣ даваемыхъ показаній, о повѣркѣ ихъ достовѣрности. Этого вопроса мы уже касались, говоря о значеніи расширенныхъ программъ. Намъ остается только повторить, что лучшимъ оруді-

емъ для такого рода повѣрки—для уловленія несообразныхъ съ дѣйствительностью показаній и для полученія правильныхъ отвѣтовъ—является именно *расширенная и углубленная программа* переписи, обнимающая связную систему взаимно-провѣряющихся вопросовъ; при такомъ характерѣ программы статистикъ-регистраторъ всегда можетъ начать опросъ съ пунктовъ, гдѣ опрашиваемый не увидитъ никакого повода преуменьшать свои показанія, а затѣмъ уже та внутренняя логика, которая связываетъ между собой отдѣльныя стороны крестьянскаго хозяйства, *заставитъ* его—можетъ быть вопреки его первоначальнымъ намѣреніямъ—либо дать правильныя показанія и по остальнымъ пунктамъ программы, либо, по крайней мѣрѣ, обнаружить намѣренную невѣрность показаній.

Не менѣе важное значеніе, въ числѣ гарантій достовѣрности получаемаго при земскихъ хозяйственныхъ переписяхъ статистическаго матеріала, имѣетъ, наконецъ, и *контроль схода*. «При опросѣ другихъ домохозяевъ даннаго селенія,—говоритъ Н. А. Каблуковъ,—контроль заключается, именно, въ ихъ присутствіи. Предъ ними правду утаить неловко, да и нельзя,—всегда кто-нибудь найдется, кто напомнитъ о ней тутъ же». Случается, правда, что сходъ заранѣе сговаривается «другъ дружку не выдавать», и въ такихъ случаяхъ регистраторъ оказывается почти безсильнымъ; самое большее, что онъ можетъ сдѣлать,—это констатировать внутреннюю несообразность, а слѣдовательно лживость показаній. Но такого рода случаи встрѣчаются сравнительно рѣдко; въ видѣ правила съ подобными предвзятыми рѣшеніями не приходится считаться, и тогда контроль схода оказываетъ статистику очень важныя услуги. Особенно дѣйствителенъ онъ въ томъ весьма обыкновенномъ случаѣ, когда въ средѣ собравшихся для опроса представлены различныя, плохо между собой уживающіяся группы населенія: малочисленные деревенскіе богатеи и многочисленная бѣднота; общинники и «укрѣпленцы»; сторонники и противники передѣла; православные и сектанты, казаки и «посполитые», въ казачьей станицѣ—коренное казачество и безправные «иногородніе»; въ переселенческомъ поселкѣ—причисленные и непричисленные, «кацапы» и «хохлы»; въ сибирской деревнѣ—старожилы, ссыльно-поселенцы и непричисленные новоселы. Тогда бѣднота будетъ выводить на свѣжую воду богатеевъ, иногородніе—казаковъ, ссыльно-поселенцы—старожиловъ и т. п., а затѣмъ тотъ, кто самъ былъ уличенъ въ невѣрныхъ показаніяхъ, съ особымъ рвеніемъ будетъ выводить на свѣжую воду другихъ: вы, молъ, на меня наговорили, такъ и сами зря не разсказывайте...

Итакъ, психическое воздѣйствіе на опрашиваемыхъ—внутренняя повѣрка показаній, вытекающая изъ взаимной связи отдѣльныхъ сторонъ крестьянскаго хозяйства—контролирующее участіе схода,—таковы важнѣйшія звенья той сложной системы мѣръ,

которая выработана земской статистической практикой въ цѣляхъ полученія достовѣрнаго статистическаго матеріала. И въ конечномъ результатѣ, несомнѣнно, достигается если не полная точность, которая недостижима, вообще, ни при какомъ статистическомъ наблюденіи, то во всякомъ случаѣ высокая степень достовѣрности получаемаго матеріала; и если среди послѣдняго остаются неисправленныя и неотмѣченныя невѣрныя показанія, то такихъ показаній—ничтожное меньшинство, которое при массовомъ подсчетѣ теряется и растворяется среди подавляющаго большинства вѣрныхъ показаній. Это—убѣжденіе, къ которому неизбѣжно приводитъ опытъ въ веденіи статистическихъ переписей земскаго типа,—убѣжденіе, подкрѣпляемое, въ особенности, внутренней взаимною повѣркою получающихся статистическихъ цифръ,—взаимною согласованностью отдѣльныхъ частей получающейся изъ подсчета индивидуальныхъ показаній общей картины; согласованностью, которая была бы немыслима въ случаѣ преобладанія или хотя бы даже только изобилія искажающихъ дѣйствительность показаній.

На этомъ я заканчиваю обзоръ методологическихъ особенностей нашихъ хозяйственныхъ переписей земскаго типа,—тѣхъ особенностей, которыя, по высказанному мною въ началѣ этого очерка убѣжденію, существенно обогащаютъ общую статистическую методологію. Я отнюдь не хочу сказать этимъ, что тѣ указанія русской земской статистической практики, о которыхъ была рѣчь, должны или могутъ быть *цѣликомъ* восприняты общею статистическою методологіей. Очень многое въ практикѣ нашихъ земскихъ изслѣдованій приходится признать недостаточно установившимся; въ смыслѣ детальности программъ мы встрѣчаемъ немало преувеличеній, съ другой же стороны среди земскихъ статистиковъимѣется не мало представителей болѣе скептическаго отношенія къ возможностямъ статистическаго опроса, чѣмъ какого держится пишущій эти строки. Остается затѣмъ открытымъ вопросъ, въ какой мѣрѣ выработанные въ русскихъ условіяхъ методологическіе пріемы примѣнимы въ условіяхъ западно-европейскихъ странъ; очень можетъ быть, что происходящее при земскихъ переписяхъ «залѣзаніе въ душу» возможно лишь въ виду привычки нашего крестьянина къ пассивному повиновенію и встрѣтило бы рѣшительное сопротивленіе со стороны привыкшаго оберегать свой home отъ всякаго вторженія англійскаго гражданина; трудно сказать, насколько удались бы, въ западно-европейскихъ условіяхъ, и тѣ пріемы перекрестнаго допроса, которые въ рукахъ нашихъ земскихъ статистиковъ являются важнѣйшей гарантіей

доброкачественности собираемаго статистическаго матеріала. Но игнорировать показаній русской статистической практики статистическая методологія не можетъ и не должна,—они, несомнѣнно, даютъ матеріалъ для существенныхъ дополненій и поправокъ къ ея чрезмѣрно схематичнымъ, основаннымъ на слишкомъ одностороннемъ опытѣ, положеніямъ.

Русская курсистка въ цифрахъ [1]).

По даннымъ переписи, произведенной на Петроградск. высшихъ женскихъ (Бестужевскихъ) курсахъ 15 ноября 1909 г.

Осенью 1909 года статистическимъ семинаріемъ высш. женск. (Бестужевскихъ) курсовъ была произведена, подъ моимъ руководствомъ, перепись слушательницъ, имѣвшая цѣлью выяснить ихъ матеріальное положеніе, учебную жизнь и, по возможности, духовную физіономію курсистки. Интересъ, представляемый результатами подобнаго рода статистическаго предпріятія, не требуетъ особой мотивировки, и потому я рѣшаюсь предложить читателямъ сжатое изложеніе главнѣйшихъ итоговъ нашей переписи, или какъ ее принято называть среди курсистокъ, анкеты. [2])

Изложенію этихъ итоговъ я долженъ однако предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній.

Прежде всего, результаты нашей переписи появляются въ свѣтъ съ немалымъ запозданіемъ. Это—отчасти благодаря преслѣдовавшимся мною учебнымъ цѣлямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашему общему стремленію придать всей работѣ характеръ обще-семинарскаго дѣла; то и другое вмѣстѣ заставляло проводить каждый моментъ довольно сложной работы по сводкѣ и обработкѣ результатовъ анкеты черезъ рядъ коллегіальныхъ обсужденій, занявшихъ въ сложности очень много времени. Съ другой стороны, забастовка 1911 года отняла у насъ цѣлый семестръ. Запозданіе, несомнѣнно, до извѣстной степени умаляетъ цѣнность результатовъ нашей переписи хотя бы уже по одному тому, что еще «догоравшіе» въ концѣ 1909 года «огни» теперь уже окончательно

---

[1]) Русская Мысль, 1912, іюнь.

[2]) Полная разработка матеріала сдѣлана слушательницами-участницами семинарія и появилась въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ, подъ заглавіемъ «Слушательницы Спб. высшихъ женскихъ курсовъ по даннымъ переписи (анкеты) 1909 года». Въ рядѣ случаевъ я привожу въ кавычкахъ подлинныя слова слушательницъ, разрабатывавшихъ соотвѣтственные отдѣлы нашей программы.

догорѣли, и съ начинавшихъ тогда облетать цвѣтовъ слетѣли послѣдніе лепестки.

Другое. Задуманная мною, наша анкета встрѣтила болѣе нежели горячій интересъ въ средѣ участницъ семинарія и живѣйшее сочувствіе со стороны организацій учащейся на курсахъ молодежи,—но крайнее равнодушіе со стороны значительнаго большинства этой молодежи. При списочномъ составѣ курсовъ въ 5,100 съ лишнимъ человѣкъ, мы получили неполныхъ 1,700 заполненныхъ опросныхъ листовъ. Конечно, это сильно умаляетъ цѣнность нашихъ результатовъ. Съ увѣренностью можно сказать, что матеріалъ нашъ, именно благодаря своей неполнотѣ, даетъ *нѣсколько прикрашенную* характеристику слушательницы въ ея учебной жизни и въ ея умственныхъ и духовныхъ интересахъ: среди подавшихъ листы, конечно, значительно меньшій процентъ фактическихъ абсентеистокъ, вообще лицъ, которымъ высшая школа не даетъ ничего, кромѣ титула курсистки въ настоящемъ и проблематическаго диплома въ будущемъ, нежели въ остальной, не представленной въ нашемъ матеріалѣ массѣ.

Еще одно небольшое замѣчаніе: самая программа нашей анкеты обнаруживаетъ нѣкоторые пробѣлы по сравненію съ нѣкоторыми другими аналогичными предпріятіями: въ нее не вошло вопросовъ, касающихся полового вопроса, религіозныхъ убѣжденій, участія слушательницъ въ политической жизни. Исключеніе этого рода вопросовъ было не случайностью, а дѣломъ обдуманнаго и сознательнаго рѣшенія.

Главное вниманіе я удѣлю въ этомъ краткомъ очеркѣ всему, что̀ касается умственной и духовной жизни курсистки, и лишь сравнительно мало мѣста я смогу отвести характеристикѣ ея матеріальнаго положенія.

Предварительно я долженъ однако привести нѣсколько общихъ, такъ сказать, календарныхъ свѣдѣній. Обойтись безъ нихъ нельзя, но я надѣюсь не слишкомъ утрудить ими вниманіе читателя.

Прежде всего—національная и вѣроисповѣдная характеристика. Само собой разумѣется, что рѣшительное преобладаніе принадлежитъ русской національности. Если откинуть въ сторону 11,5% такихъ, которыя происходятъ отъ смѣшанныхъ браковъ и потому не могутъ быть отнесены къ *одной* опредѣленной національности, то на долю великорусскаго племени вмѣстѣ съ бѣлорусскимъ приходится 69,4%, на долю малорусскаго 2,8%; изъ остальныхъ этнографическихъ группъ рѣзко выдѣляются только еврейки, дающія 9,6%; всѣ остальныя представлены очень слабо,—лишь польки, нѣмки и армянки даютъ болѣе одного процента. Въ дѣйствительности преобладаніе рус-

скаго элемента еще значительно сильнѣе,—къ нему же, очевидно, должно быть отнесено значительное большинство происходящихъ отъ смѣшанныхъ браковъ. Косвенное доказательство—въ данныхъ о вѣроисповѣдномъ составѣ: на долю православныхъ приходится 82,5%, на долю остальныхъ христіанскихъ исповѣданій (главнымъ образомъ лютеранки, католички и армяно-грегоріанки) еще 7,9%, евреекъ 9,2%. Любопытно распредѣленіе послѣднихъ по факультетамъ: на юридическомъ, по нашимъ даннымъ, 18,8%, на физико-математическомъ и историко-филологическомъ всего 9,7 и 6,3%. Трудно опредѣленно сказать, чѣмъ объясняется такая большая численность евреекъ на юридическомъ факультетѣ,—можетъ быть, повышеннымъ интересомъ еврейской молодежи къ общественнымъ вопросамъ и общественнымъ наукамъ, можетъ быть, мелькнувшей было надеждой на допущеніе женщинъ къ юридической практикѣ, при невозможности для евреекъ разсчитывать на заработокъ на другихъ факультетахъ; вѣрнѣе всего, совокупнымъ дѣйствіемъ этихъ обстоятельствъ.

Совершенно мимоходомъ упомяну и о сословной группировкѣ слушательницъ. Наиболѣе многочисленной группою курсистокъ оказываются дворянки съ дочерьми чиновниковъ и офицеровъ—онѣ составляютъ почти половину, 44,6%; изъ купцовъ и почетныхъ гражданъ 18,7%, изъ мѣщанъ и цеховыхъ 24,2%, крестьянскаго и казачьяго сословій 11,5%. На юридическомъ факультетѣ особенно большой процентъ высшихъ сословій (52%) и совершенно ничтожный (4,9%) — изъ крестьянъ, на историко-филологическомъ къ высшимъ сословіямъ принадлежитъ всего 37,2%, къ крестьянскому съ казачьимъ—цѣлыхъ 15,4%. По *сословному* признаку можно было бы заключить, что среди курсистокъ довольно значительную роль уже играютъ тѣ слои населенія, которые принято обозначать названіемъ «народа». Въ дѣйствительности такихъ «демократическихъ» или «народныхъ» элементовъ несравненно меньше,—это ясно изъ данныхъ о *соціальномъ* или *профессіональномъ* составѣ семей нашихъ курсистокъ. Правда, по условіямъ статистической техники уловить этотъ соціальный составъ—дѣло въ высшей степени трудное. Но даже и при оказавшейся единственно-возможною весьма суммарной группировкѣ это—признакъ, все-таки гораздо болѣе характерный, нежели «сословіе». И вотъ, по *этому*, профессіональному или соціальному, признаку наши слушательницы распадаются на такія группы: такъ называемыя свободныя профессіи 24,4%, государственная служба 13,5%, пенсіонеры 9,9%, землевладѣльцы 8,3%, доходъ съ домовъ или капиталовъ 7,5%, духовенство 5,6%, торгово-промышленные служащіе 4,8%, служащіе по транспорту 2,2%; затѣмъ 5,9% приходится на чрезвычайно пеструю группу «остальныхъ», и только 2,4% остается на долю ремесленниковъ и рабочихъ, 1,7% на долю хлѣбо-

пащевъ-крестьянъ. Отдѣльныя представительницы трудящихся классовъ встрѣчаются, правда, и въ группѣ «прочихъ»: «мать держитъ нахлѣбниковъ», «мать—прислуга, отецъ—сторожъ при училищѣ» и т. п. Но даже и съ присоединеніемъ этихъ единичныхъ случаевъ, число вышедшихъ изъ народныхъ массъ остается ничтожнымъ, едва ли достигая пяти процентовъ. Въ распредѣленіи курсистокъ по факультетамъ ясно можно прослѣдить вліяніе профессіи родителей на выборъ факультета: изъ семей педагоговъ идутъ главнымъ образомъ на историко-филологическій факультетъ, изъ семей адвокатовъ—на юридическій, изъ семей инженеровъ—на физико-математическій и т. п.; дочери врачей, однако, составляютъ исключеніе изъ общаго правила—онѣ равномѣрно распредѣляются по всѣмъ тремъ факультетамъ. Дочери служащихъ на государственной службѣ сильнѣе всего тяготѣютъ къ юридическому факультету; тамъ же сравнительно больше дочерей торгово-промышленныхъ служащихъ. Напротивъ, дочери хозяевъ торгово-промышленныхъ предпріятій, равно какъ и живущихъ на доходъ съ дома или капитала, обнаруживаютъ больше тяготѣнія къ остальнымъ двумъ факультетамъ. Но особенно характерно тяготѣніе къ физико-математическому факультету немногочисленныхъ представительницъ трудовыхъ слоевъ населенія: какъ семьи хлѣбопашцевъ, такъ и семьи ремесленниковъ съ рабочими даютъ на этомъ факультетѣ значительно большій процентъ, чѣмъ на юридическомъ и даже на историко-филологическомъ. Чѣмъ объяснить эти различія,—на этотъ вопросъ нашъ матеріалъ не даетъ опредѣленнаго отвѣта; нѣкоторыя догадки будутъ приведены ниже, въ нѣсколько иной связи.

Повозрастное распредѣленіе отвѣтившихъ на наши опросные листы не характерно *для всей массы* слушательницъ, поэтому я на данномъ признакѣ останавливаться не буду, а перейду непосредственно къ образовательному цензу поступающихъ на курсы слушательницъ. Главная масса, конечно, съ среднеобразовательнымъ цензомъ. Изъ нихъ три четверти—75,2%—съ сравнительно высшимъ цензомъ министерскихъ гимназій, 17,4%—гимназій вѣдомства Императрицы Маріи; изъ институтовъ всего 4,1%, изъ епархіальныхъ училищъ только 1,2 %. Преобладаніе окончившихъ министерскія гимназіи—прямой результатъ условій пріема. Любопытенъ однако весьма малый процентъ институтокъ, которыя въ отношеніи конкурса поставлены въ одинаковыя условія съ маріинскими гимназистками,—очевидно, институтки такъ-таки гораздо менѣе стремятся на курсы, нежели гимназистки. Условія конкурса отражаются и на пофакультетскомъ распредѣленіи слушательницъ: наибольшій процентъ вышедшихъ изъ маріинскихъ гимназій (26,4%), институтовъ и епархіальныхъ училищъ, наименьшій изъ министерскихъ гимназій

(62,3%) на юридическомъ факультетѣ, гдѣ пріемъ фактически производится безъ конкурса; наивысшій процентъ изъ министерскихъ гимназій (81,7%) на физико-математическомъ факультетѣ, гдѣ условія конкурса наиболѣе трудны; число институтокъ и епархіалокъ на физико-математическомъ факультетѣ окончательно ничтожно. Различія наблюдаются, однако, и между научными группами отдѣльныхъ факультетовъ, гдѣ условія конкурса уже не играютъ роли; такъ, на историко-филологическомъ факультетѣ институтки и епархіалки идутъ почти исключительно въ историческія группы, на физико-математическомъ преобладаніе окончившихъ министерскія гимназіи особенно рѣзко проявляется на математическихъ,—очевидный результатъ лучшей математической подготовки, какую даютъ министерскія гимназіи. Не малый интересъ представляетъ, конечно, категорія перешедшихъ изъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній или по окончаніи таковыхъ. Процентъ первыхъ 16,5%, вторыхъ 0,9%,— больше всего на юридическомъ факультетѣ (26,2% и 1,7%): послѣдній былъ открытъ въ 1906 году и туда, естественно, бросились многія изъ тѣхъ, которыя раньше не имѣли возможности удовлетворить своему стремленію къ общественнымъ наукамъ.

Любопытныя данныя о времени, протекшемъ между окончаніемъ средней школы и поступленіемъ на курсы. Тотчасъ же по окончаніи, оказывается, на курсы поступило всего 39,2%, менѣе двухъ пятыхъ; 35,9%, болѣе трети, поступили на курсы черезъ годъ или черезъ два, 16,8% черезъ 3—5, а 8,1% черезъ 6—7 или болѣе лѣтъ. У многихъ «не средняя школа вызываетъ стремленіе къ высшему образованію», а «столкновеніе съ жизнью и съ ея требованіями». Извѣстную роль, съ другой стороны, играетъ и недостатокъ средствъ. 59,2% слушательницъ по окончаніи средней школы имѣли заработки. Конечно, у громаднаго большинства это была педагогическая дѣятельность: почти у половины частные уроки (49,6%), почти у двухъ пятыхъ (38,1%) уроки въ учебныхъзаведеніяхъ, у 9,1% разнаго рода «служба», у 3,1% разныя другія занятія. Значительная часть курсистокъ этой категоріи пріѣзжаетъ на курсы съ извѣстными сбереженіями. Съ каждымъ годомъ, естественно, сбереженія таютъ, но отдѣльнымъ лицамъ хватаетъ вплоть до окончанія курсовъ. «Это совсѣмъ особый разрядъ лицъ, пожилыя и труженицы, бывшія учительницы или служащія на земской службѣ, которыя въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ во всемъ себѣ отказывали для удовлетворенія завѣтной потребности попасть на курсы». Въ листахъ такихъ лицъ почти всегда имѣется повѣсть о томъ, сколько лѣтъ и какого рода трудомъ накапливались нужныя для этого средства, и потомъ прибавка вродѣ слѣдующей: «привезла накопленные потомъ и кровью гроши и трачу понемногу». Гораздо больше такихъ, которыя до послѣд-

няго курса доносятъ лишь частицу сбереженій, и ими пополняютъ прорѣхи текущаго бюджета: «хотя я пятый годъ на курсахъ,—пишетъ про себя курсистка,—но за право ученія плачу изъ своихъ сбереженій».

Само собою разумѣется, что огромное большинство—дѣвушки, незамужнія: 88,3%, причемъ 18% и въ учебное время живетъ въ своей семьѣ. Почти одна десятая—9,5%—уже обзавелась семьею, изъ нихъ двѣ трети состоятъ въ формальномъ, церковномъ, треть—въ нецерковномъ бракѣ; довольно замѣтное число—0,5%—успѣло овдовѣть, а 1,8%—развестись или разойтись съ мужьями. Мужья большинства замужнихъ курсистокъ—студенты, ихъ 52,1%; 22,2% замужемъ за лицами разныхъ интеллигентныхъ профессій. Дѣтей имѣютъ сравнительно немногія, 47 человѣкъ,—менѣе четверти состоящихъ или состоявшихъ въ бракѣ,—но изъ нихъ только 29 имѣютъ дѣтей при себѣ, въ томъ числѣ 14 грудныхъ.

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ *матеріальнаго положенія*, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣкоторой степени, и *матеріальнаго быта* курсистокъ. Всю эту совокупность вопросовъ удалось, къ сожалѣнію, разработать только съ небольшимъ для двухъ третей слушательницъ, заполнявшихъ наши листы; изъ подсчета пришлось выкинуть какъ живущихъ въ семьяхъ, такъ и тѣхъ, кто обзавелся собственными семьями: ни для тѣхъ, ни для другихъ нельзя было выдѣлить ни ихъ *личнаго* дохода, ни *личнаго* расхода.

Средній размѣръ мѣсячнаго дохода курсистки, по очень недостаточному (всего 578) числу поддавшихся подсчету отвѣтовъ о доходѣ—38 р. Это—*нѣсколько преувеличенная* цифра. Подсчетъ данныхъ о главнѣйшихъ расходахъ—квартира, столъ, книги, развлеченія—даетъ въ среднемъ около 27 руб., и необходимая надбавка на неучтенные расходы хотя и повыситъ эту цифру, но всетаки не доведетъ ея до 38 р. Затѣмъ, несомнѣнно, невѣрно то представленіе, которое можно получить по даннымъ полнаго учета дохода объ относительной обезпеченности слушательницъ отдѣльныхъ факультетовъ: получаются среднія для историко-филологическаго факультета 38 р. 80 к., для юридическаго—38 р. 38 к., для физико-математическаго—36 р. 60 к. Самымъ бѣднымъ оказывается, такимъ образомъ, физико-математическій факультетъ, и *собственно это* подтверждается и всею остальною совокупностью данныхъ нашей переписи. Но рѣшительно противорѣчитъ этимъ даннымъ, что историко-филологички хотя бы не на много состоятельнѣе юристокъ; напротивъ, можно смѣло утверждать, что общій уровень обезпеченности юристокъ значительно выше. Чѣмъ объясняется

такое распредѣленіе слушательницъ разной степени обезпеченности по факультетамъ, сказать не такъ легко. Понятно, почему состоятельнѣе другихъ юристки,—потому что этотъ факультетъ «не хлѣбный». Но совершенно непонятно, почему наименѣе обезпеченныя обнаруживаютъ тяготѣніе къ физико-математическому факультету: возможность заработка здѣсь не бо̀льшая, а меньшая, чѣмъ на историко-филологическомъ. Возможно предположеніе, что гуманитарныя науки болѣе отвѣчаютъ тому чисто научному интересу, которымъ могутъ позволить себѣ руководствоваться только наиболѣе обезпеченные элементы,—но и это именно не болѣе, какъ шаткое предположеніе.

Гдѣ зато и фактъ, и объясненіе совершенно ясны,—это различія по годамъ поступленія, или, какъ я буду выражаться для краткости, по курсамъ: степень обезпеченности *повышается* отъ младшихъ курсовъ къ старшимъ. По даннымъ полнаго учета мѣсячнаго дохода среднія растутъ въ такомъ порядкѣ: 36,3—37,3—38,3—40,7 р.; курсистки съ доходомъ до 20 р. составляютъ на первомъ курсѣ 5,9, на четвертомъ уже только 2,2%; группа съ доходомъ 21—25 руб. падаетъ съ 23,6 до 7,3%; группа съ вышесреднимъ доходомъ 36—45 руб. поднимается съ 15,1 до 33,6%, группа наиболѣе состоятельныхъ, съ доходомъ свыше 45 р.,—съ 16,2 до 27,7%. То же говоритъ и совокупость данныхъ о расходахъ, причемъ, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, положеніе старшихъ слушательницъ еще болѣе улучшается по сравненію съ младшими благодаря тому, что онѣ и при данномъ размѣрѣ средствъ имѣютъ возможность устраиваться лучше.—

Объясненіе здѣсь двоякое. Съ одной стороны, нѣкоторымъ, «болѣе счастливымъ, удается перейти въ болѣе обезпеченную группу», и главный путь для этого — пріисканіе заработка. Курсисткѣ, только-что пріѣхавшей въ столицу, гораздо труднѣе получить заработокъ, нежели уже успѣвшей обжиться. Отсюда показанія вродѣ слѣдующаго: «Жила первые мѣсяцы очень плохо, получала изъ дому по 12 р. въ мѣсяцъ, но теперь получила постоянный заработокъ (службу въ конторѣ) на 35 руб. и устроюсь какъ слѣдуетъ». Отсюда и правильное возрастаніе процента курсистокъ, имѣющихъ заработки: на первомъ курсѣ ихъ всего 13,1%, на второмъ 23,7%, на третьемъ 28%, и только послѣдній курсъ, гдѣ многимъ приходится всецѣло отдаться экзаменамъ, даетъ нѣсколько пониженный, но все же двойной противъ перваго курса процентъ—26,7% имѣющихъ заработокъ.

Не меньшее, а, вѣроятно, даже большеез, наченіе имѣетъ отборъ путемъ *отпаденія менѣе обезпеченныхъ* элементовъ. «Живу на свои сбереженія, трачу ихъ понемногу, но осталось уже совсѣмъ мало, заработка найти не могу; заняла уже 50 рублей, больше занять негдѣ; предвижу близкій моментъ, когда буду принуждена уйти съ курсовъ». Или другая: «Получаю несчаст-

ныхъ 15 рублей въ мѣсяцъ, живу такъ уже третій годъ; нажила малокровіе, неврастенію; больше жить, какъ жила, не могу». Но еще убѣдительнѣе цифровыя данныя о величинѣ дохода, получаемаго курсистками *отъ семьи:* процентъ курсистокъ, получающихъ совсѣмъ ничтожныя суммы, до 15 руб., убываетъ съ 10 до 7%; процентъ слушательницъ съ большими получками изъ дому, свыше 35 руб. въ мѣсяцъ, сильно растетъ: съ 23,8 до 39,3. «Предположеніе о томъ, что семьи станутъ высылать больше на старшихъ курсахъ, чѣмъ на младшихъ, какъ массовое явленіе, не можетъ имѣть мѣста. Остается единственное предположеніе, какъ возможное: *лишь болѣе обезпеченныя слушательницы имѣютъ возможность закончить высшее образованіе*».

Главный источникъ средствъ курсистокъ, естественно, семья. Въ томъ или другомъ размѣрѣ, 87% всѣхъ курсистокъ получаютъ средства отъ семьи, и этотъ процентъ, разумѣется, еще значительно повысился бы, если бы мы не были вынуждены ислючить изъ нашихъ подсчетовъ тѣхъ, которыя *живутъ въ семьѣ*. 52,5% слушательницъ живутъ *исключительно* за счетъ получекъ отъ семьи; 23% получаютъ отъ семьи и еще изъ одного какого-либо источника, 10%—отъ семьи и еще изъ *двухъ* или болѣе источниковъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этой группировкой стоитъ еще и другая: 54,5%, оказывается, получаютъ отъ семьи на всѣ свои потребности, включая одежду и такъ называемое «правоученіе»; 11% получаютъ цѣликомъ на прожитіе и «правоученіе» и частично на одежду, еще 6%—цѣликомъ на прожитіе и одежду и часть «правоученія»,—остальные 28,5% получаютъ средства отъ семьи въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ съ другими источниками, включительно до такихъ, которыя получаютъ отъ семьи лишь часть денегъ на одежду, или часть «правоученія», а все остальное добываютъ изъ другихъ источниковъ.

Перехожу къ заработку. Какъ это ни покажется неожиданнымъ, — но *цѣликомъ* на личный заработокъ живетъ сравнительно ничтожная часть курсистокъ: всего 0,7%. Значительно больше, почти 11%, такихъ, которыя комбинируютъ заработокъ съ доходомъ еще изъ какого-либо одного источника, въ томъ числѣ 6,7%—съ доходомъ отъ семьи. Около 10% комбинируютъ заработокъ съ доходомъ изъ *двухъ* или еще большаго числа источниковъ; въ той или иной комбинаціи заработокъ имѣютъ 22%, нѣсколько больше пятой части общаго числа отвѣтившихъ на наши листы. Процентъ этотъ, несомнѣнно, значительно возросъ бы, если бы мы располагали данными для *всего* состава курсистокъ, потому что какъ разъ среди тѣхъ абсентеистокъ, которыя въ нашей переписи не приняли участія, особенно много такихъ, которыя *именно изъ-за заработка* не въ состояніи принимать активнаго участія въ жизни курсовъ.

Еще существеннѣе другое: *наличность* заработковъ отнюдь

не исчерпываетъ *потребности* въ заработкахъ. Нашъ матеріалъ пестритъ замѣчаніями, вродѣ: «очень ищу уроковъ, но не могу найти», «урокъ мнѣ прямо необходимъ, но достать не могу», «публиковалась, деньги истратила, но все напрасно», или какъ такое трогательное заявленіе: «пріѣхала на курсы, думала зарабатывать на жизнь; искала, искала уроковъ и никакъ не могла найти; записалась въ бюро труда и оттуда ничего не получила. Товарищи, можетъ быть, укажете заработокъ, очень нуждаюсь»... Если же говорить объ общемъ значеніи заработка, то во всѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ комбинируется съ другимъ доходомъ, онъ играетъ болѣе или менѣе второстепенную роль: «получила урокъ и стала жить одна въ комнатѣ»; «могу ходить въ театръ, такъ какъ получила урокъ»; «все время обѣдала въ курсовой столовой и очень недовольна, съ ноября получила урокъ и обѣдаю у хозяйки за 10 р.»,—такого рода замѣчаній въ нашемъ матеріалѣ много. Изъ разныхъ видовъ заработка на первомъ мѣстѣ, разумѣется, частные уроки—78,2% показаній о заработкѣ; на долю уроковъ въ учебныхъ заведеніяхъ приходится 3,6%, конторской и канцелярской работы—4,0%, переписки—5,7%, переводовъ и литературной работы—1,6%, разнообразнѣйшихъ другихъ видовъ заработка—6,9%. Рѣзко выдѣляется и здѣсь юридическій факультетъ: на долю уроковъ, какъ единственнаго заработка, здѣсь приходится всего 41%, зато цѣлыхъ 8,3% приходится на долю литературнаго труда, столько же на конторскую и канцелярскую работу и цѣлыхъ 12,5% на не учтенные «прочіе» заработки.

Приведенными данными, конечно, далеко не исчерпывается роль трудовыхъ элементовъ въ приходномъ бюджетѣ курсистокъ. Я уже говорилъ о сбереженіяхъ отъ заработковъ до поступленія на курсы. Но есть еще заработки въ каникулярное время: такіе заработки показало около одной шестой части, и изъ нихъ до трехъ четвертей привезли съ собой нѣкоторыя сбереженія. Историко-филологически зарабатывали исключительно уроками (93%), у юристокъ процентъ этого рода лѣтнихъ заработковъ падаетъ до 50%.

Изъ остальныхъ видовъ источниковъ дохода выдѣляются стипендіи и ссуды. Этотъ источникъ дохода показанъ у 7,5%, причемъ у 5,2% онъ комбинируется съ доходомъ отъ семьи, у 2%—съ заработкомъ. Естественно, что стипендіи и ссуды несравненно чаще встрѣчаются на старшихъ, нежели на младшихъ курсахъ.

Къ большому сожалѣнію, при выработкѣ программы нашей переписи въ нее не было включено особаго вопроса о долгахъ. Между тѣмъ, и то, что̀ можно назвать житейскимъ опытомъ, и многочисленныя сверхпрограммныя замѣчанія въ нашемъ матеріалѣ показываютъ, что долги играютъ въ жизни слушательницъ

весьма немаловажную роль. «Денегъ почти никогда не хватаетъ, приходится призанимать», «всегда призанимаю на текущія нужды», «взяла въ долгъ 10 рублей», «жила два мѣсяца на долги, занимаю у однихъ, отдаю другимъ, обѣдаю въ долгъ»—вотъ лишь нѣсколько примѣровъ такихъ сверхпрограммныхъ замѣчаній.

Перехожу теперь къ характеристикѣ *расходнаго* бюджета нашей курсистки. Начну съ общей его характеристики, иначе сказать, съ вопроса о *взаимоотношеніи главнѣйшихъ статей расхода*, въ различныхъ по степени обезпеченности группахъ курсистокъ. Мы не располагали *полнымъ* учетомъ ни мѣсячнаго дохода, ни мѣсячнаго расхода. За основаніе для разбивки курсистокъ на группы по общему уровню ихъ обезпеченности мы приняли поэтому сумму расхода по четыремъ основнымъ статьямъ: помѣщеніе, столъ, проѣзды, развлеченія. Предѣлы группъ были установлены такіе: 13—16 руб., 17—25 руб., 26—35 руб., 36—45 руб., болѣе 45 руб. Съ переходомъ отъ низшихъ группъ къ высшимъ *средній расходъ*, по каждой изъ упомянутыхъ четырехъ категорій само собою разумѣется, *растетъ*: помѣщеніе съ 7,2 до 20,3 руб., столъ съ 6,6 до 22,4 руб., проѣзды съ 0,6 до 4,4 руб., развлеченія съ 1 до 7 руб. Но *процентъ* общей суммы, падающій на долю каждаго изъ перечисленныхъ четырехъ предметовъ, даетъ совершенно иную картину: процентъ расхода на помѣщеніе *падаетъ* съ 46,7—42% до 35,7—37,5%; процентъ расхода на столъ выше всего въ *среднихъ* группахъ, въ общемъ же колеблется слабо—между 41,4 и 45,3%; непрерывно растутъ, по мѣрѣ перехода къ высшимъ группамъ, доли расхода на проѣзды—съ 3,9 до 8,2%, и на развлеченія—съ 6,5 до 12,9%. Подтверждается общій законъ: чѣмъ обезпеченнѣе человѣкъ, тѣмъ меньшую долю его бюджета поглощаютъ насущные расходы, въ особенности помѣщеніе, и тѣмъ больше остается на расходы менѣе насущнаго характера. Какъ ни мало можетъ тратить неимущая курсистка на свое помѣщеніе,—на пищу она тратитъ еще меньше: «очевидно, безъ квартиры обойтись немыслимо, съ жизнью же впроголодь кое-какъ мирятся»... Насущно необходимое улучшеніе жилища достигается, однако, сравнительно съ меньшею добавочною затратой, нежели не менѣе насущное улучшеніе голоднаго стола,—вотъ, очевидно, почему абсолютный расходъ на помѣщеніе отъ первой группы къ третьей, средней, увеличивается всего въ полтора раза (7,2 руб.—11,8 руб.) и непрерывно падаетъ въ процентахъ; расходъ на столъ увеличивается отъ низшей группы къ средней вдвое (6,6 р.—13,4 р.), и потому даже въ процентахъ поглощаетъ повышенную долю общаго расходнаго бюджета. Въ высшихъ группахъ повышеніе

средняго расхода на помѣщеніе (11,8 руб.—20,3 р.) и на столъ (13,4 р.—22,4 р.) идетъ почти въ одинаковой прогрессіи, и потому *доля* того и другого понижается, открывая просторъ для абсолютнаго и относительнаго повышенія расхода на менѣе насущныя потребности.

Перехожу теперь къ отдѣльнымъ расходамъ, начиная съ помѣщенія. Средній мѣсячный расходъ за помѣщеніе 11,5 руб.; 5,5% платятъ не свыше 7 р., болѣе трети, 35%,—отъ 7 до 10 р., 28,9%—отъ 10 до 13 р., 23%—отъ 13 до 17 р., 7,7%—болѣе 17 р. Средній расходъ на помѣщеніе на юридическомъ факультетѣ 13,2, на ист.-фил. 11,8, на физ.-мат. 10 р. При распредѣленіи по курсамъ получается нѣчто неожиданное: слушательницы старшихъ курсовъ платятъ за помѣщеніе, правда, больше, но разница ничтожна—гораздо меньше, чѣмъ мы могли бы на основаніи всего изложеннаго ожидать: средняя мѣсячная плата перваго курса 11, старшихъ 12,1 руб. Здѣсь именно выступаетъ на сцену другое, уже отмѣчавшееся обстоятельство: *старшія курсистки за тѣ же деньги устраиваются лучше первокурсницъ*. Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ данныя о характерѣ помѣщеній. Дѣло въ томъ, что лишь меньшинство курсистокъ имѣетъ возможность занимать *цѣлую* комнату: 51,9% занимаютъ комнату вдвоемъ, 3,9% втроемъ. И вотъ, оказывается, что на первомъ курсѣ отдѣльныя комнаты занимаютъ всего 26,2%, на второмъ—36,3%, на старшихъ курсахъ болѣе половины—55,9 %; соотвѣтственно убываетъ процентъ живущихъ въ комнатѣ вдвоемъ. Значитъ, почти за тѣ же деньги старшія слушательницы устраиваются съ помѣщеніемъ лучше, первокурсницъ. Абстрактная единица—«комната» — обходится первокурсницѣ въ 17,1, слушательницамъ старшихъ курсовъ уже только въ 15 съ небольшимъ рублей. «Чѣмъ старше курсистка, тѣмъ больше ей надоѣдаетъ жизнь въ одной комнатѣ вдвоемъ съ сожительницей, тѣмъ сильнѣе она стремится къ полной тишинѣ и спокойствію у себя въ комнатѣ»,—а болѣе близкое знакомство съ условіями жизни въ столицѣ позволяетъ ей достичь этого безъ добавочныхъ расходовъ. Возможно, конечно, предположеніе, что за болѣе низкую покомнатную плату старшія получаютъ и болѣе плохія комнаты. Оно опровергается однако подсчетомъ отвѣтовъ на спеціальный вопросъ *о недостаткахъ* комнатъ. Жалобъ на недостатки очень много. Больше всего жалуются на шумъ—35,4%, на недостатокъ свѣта—27,8%, затѣмъ на сырость—14,1% и холодъ—15,7%. «Съ сыростью, холодомъ, даже съ недостаткомъ свѣта еще кое-какъ мирятся, *но съ шумомъ* въ квартирѣ помириться нельзя,—вѣдь въ шумной квартирѣ невозможно заниматься». Объ этой невозможности убѣдительно свидѣтельствуетъ обычная въ помѣщеніи курсовъ картина: убѣжавшія изъ дому курсистки сидятъ и занимаются по лѣстницамъ, по корридорамъ, по пустымъ аудиторіямъ.

До послѣдней степени неудобная обстановка такихъ занятій все-таки лучше той, которая характеризуется въ такихъ замѣткахъ: «принуждена уходить по цѣлымъ днямъ изъ дому; не могу заниматься—дѣти немилосердно кричатъ». Или: «въ квартирѣ изъ 4 комнатъ живетъ 13 человѣкъ; есть маленькія дѣти; къ квартирантамъ цѣлый день ходятъ гости, въ сосѣдней комнатѣ студентъ играетъ на балалайкѣ и немилосердно вретъ»... И вотъ, число показаній о недостаткахъ помѣщенія на всѣхъ курсахъ даетъ приблизительно одинаковый процентъ (61,3—64,5%), причемъ слѣдуетъ учесть еще повышенную требовательность старшихъ курсистокъ. Ясно, что болѣе дешевая оплата этими послѣдними единицы помѣщенія объясняется не худшимъ его качествомъ, а именно лучшимъ умѣньемъ устраиваться.

Общій расходъ на столъ слагается изъ ряда элементовъ. Изъ нихъ важнѣйшій — *обѣдъ*. Мы встрѣчаемся здѣсь прежде всего съ фактомъ, который рѣзко и наглядно подтверждаетъ сказанное выше относительно «недоѣданія»: восьмая часть курсистокъ, 12,7%, *обѣдаетъ «не регулярно»*—не имѣетъ ежедневнаго обѣда. И что это за обѣдъ? Для цѣлой шестой части слушательницъ, 16,9%, обѣдъ обходится менѣе 14 к., для трети, 32,5%,—отъ 15 до 20 к.; только съ небольшимъ шестая тратитъ на обѣдъ отъ 31 до 40 к., всего 2,1%—свыше 40 к. «Платя не дороже 14 к., наши слушательницы, можно сказать, совсѣмъ не обѣдаютъ»; въ условіяхъ обычнаго спроса и предложенія меньше чѣмъ за 15 к. и вовсе нельзя было бы какъ-либо напитаться,— и вотъ, вся бѣднѣйшая группа, платящая за обѣдъ менѣе 15 к., почти поголовно обѣдаетъ въ курсовой столовой—«только курсовая столовая, пользующаяся субсидіей отъ курсовъ, ничего не зарабатывающая на обѣдахъ, можетъ дать хоть какой-нибудь обѣдъ за такую маленькую сумму, какъ 6—14 к.» ...*На весь столъ* почти седьмая часть слушательницъ, 13,6%, расходуетъ менѣе 7 р. 50 к. въ мѣсяцъ; треть, 32%,—отъ 7 р. 50 к. до 10 р.; съ небольшимъ пятая, 21,4%, отъ 10 до 13 р. 50 к., 18,8%— отъ 13 р. 50 к. до 18 р., около одной десятой 18—20 р., и всего 4,6%—болѣе 20 руб. въ мѣсяцъ... Средній мѣсячный расходъ на всю пищу—12 р. 20 к., около 40 к. въ день. Не безынтересно сопоставить результаты нашей переписи съ результатами произведенной приблизительно тогда-же анкеты студентовъ-технологовъ: средній мѣсячный расходъ на столъ у нихъ составляетъ 14 р. 19 к., у курсистокъ—12 р. 20; наиболѣе обычные размѣры расхода на помѣщеніе у нихъ 12—15 р., у нашихъ слушательницъ 7—10 руб. По сравненію съ технологами курсистки поставлены, очевидно, значительно хуже...

Возвращаемся однако къ расходу курсистокъ на столъ. Какъ и слѣдовало ожидать, хуже всего питаются на физико-математическомъ факультетѣ: мѣсячный расходъ ниже

7,5 р. показало здѣсь 16,4, на юридическомъ—всего 10,9%; ближайшая, тоже весьма плохо питающаяся, группа даетъ на первомъ 36,5, на второмъ—всего 26,7%; напротивъ, тратящихъ 16—20 р. на физико-математическомъ всего 8,7, на юридическомъ 15,8%, расходующихъ свыше 20 р. на первомъ всего 3,7, на второмъ цѣлыхъ 8%. Въ томъ же направленіи, какъ и по всѣмъ прочимъ признакамъ, разница и между курсами. На первомъ курсѣ плохо питающіеся элементы (расходующія до 10 р. въ мѣсяцъ) составляютъ значительно больше половины, 59,4%,—на старшихъ курсахъ уже только съ небольшимъ треть, 35,2%. Напротивъ, группа тратящихъ 13,5—16 р. даетъ на первомъ курсѣ всего 11,1, на старшихъ—24,2%; тратящихъ свыше 16 руб.—8,6 и 20,8%.

Небезынтересны данныя о томъ, *гдѣ* питается, гдѣ, въ частности, обѣдаетъ курсистка. Въ общихъ итогахъ въ курсовой столовой обѣдаетъ 34,9%, «у частныхъ лицъ»—21,5%, у квартирныхъ хозяекъ—19,5%; затѣмъ двѣ небольшихъ группы—въ кухмистерской, 5,4, и «готовятъ сами»—4,9%; 13,8 составляютъ нерасчлененную «смѣшанную» группу. Но число обѣдающихъ въ курсовой столовой, весьма значительное на первомъ курсѣ—44,6%, на старшихъ падаетъ до 26,8%: «чѣмъ старше курсъ, тѣмъ больше предпочитаютъ слушательницы обѣдать у частныхъ лицъ и у квартирныхъ хозяекъ и тѣмъ сильнѣе избѣгаютъ онѣ курсовой столовой, причемъ накопившійся опытъ научаетъ ихъ придумывать самыя разнообразныя комбинаціи, вродѣ приготовленія обѣда прислугой хозяйки, но изъ провизіи курсистки, или обѣдовъ «коммуной» у квартирной хозяйки».

Теперь еще нѣсколько словъ о расходахъ, которые можно подвести подъ общую рубрику расходовъ *культурнаго* характера. Здѣсь та же зависимость отъ курса и факультета, въ общемъ же—что̀ совершенно естественно при массовой малосостоятельности курсистокъ—расходы на «культурныя» потребности крайне незначительны. На театры, концерты и т. п. развлеченія цѣлая четверть—25,8%—всѣхъ курсистокъ можетъ тратить не больше трехъ рублей въ мѣсяцъ; съ небольшимъ треть, 37,9%, тратитъ болѣе шести, только 11,7%—болѣе десяти рублей въ мѣсяцъ. Разница по факультетамъ чрезвычайно рѣзка: на физико-математическомъ факультетѣ почти треть, 31,1%, тратитъ не свыше 1 р. 50 к.,—на юридическомъ такихъ всего 17,5%; тратящихъ свыше пяти рублей на юридическомъ 23,2%, на физико-математическомъ всего 8,2%. Съ годами группа тратящихъ менѣе 1 р. 50 к. замѣтно убываетъ—съ 31,6 до 22,1%, и за счетъ ея, почти въ такой же пропорціи, растетъ группа тратящихъ 3—5 руб. въ мѣсяцъ. Группа тратящихъ свыше пяти рублей *не* обнаруживаетъ такого возрастанія; заурядная курсистка, очевидно, считаетъ свою потребность въ развлеченіяхъ удовлетворенной,

если можетъ тратить на это 3—5 р. въ мѣсяцъ, и не слишкомъ стремится увеличивать своихъ тратъ на данный предметъ. Очень не великъ и расходъ на учебныя пособія—болѣе половины, 53,2%, затратило за осенній семестръ не свыше пяти рублей, только около одной десятой, 9,7%,—больше десяти. Больше всего и здѣсь расходуютъ юристки, но меньше всего—*не* физико-математички, а историко-филологички: первымъ приходится тратить не только на учебники, но и на разныя спеціальныя пособія, требующіяся при лабораторныхъ и т. п. работахъ. Еще своеобразнѣе данныя по курсамъ: старшія курсистки тратятъ на учебныя пособія *меньше* первокурсницъ—онѣ умудряются такъ или иначе «раздобывать» учебники и прочія пособія, тогда какъ первокурсницамъ приходится ихъ просто покупать. Наконецъ, расходъ на газеты и журналы въ общемъ крайне незначителенъ: болѣе трети, 38,4%, затратило за осенній семестръ не свыше рубля, всего съ небольшимъ четверть, 26,4%, болѣе трехъ рублей,—въ извѣстной степени, несомнѣнно, потребность въ книгахъ и журналахъ получаетъ удовлетвореніе безъ спеціальныхъ денежныхъ затратъ, благодаря различнымъ курсовымъ организаціямъ. Разница между курсами обнаруживается опять въ обычномъ направленіи: на первомъ курсѣ расходъ не свыше одного рубля показанъ у 45%, на старшихъ всего у 33%; свыше трехъ рублей показали всего 22,3% первокурсницъ и 31,6% на старшихъ курсахъ.

Перехожу теперь къ характеристикѣ *учебной жизни* курсистокъ. Первый вопросъ, на который, до нѣкоторой степени, отвѣчаютъ данныя нашей переписи,—это вопросъ: *зачѣмъ* наша женская учащаяся молодежь *идетъ на курсы?—чего она здѣсь ищетъ?* И дальнѣйшій вопросъ: *гдѣ* и *какъ* курсистка *находитъ отвѣтъ* на свои учебные запросы?

Ради чего и *почему* идетъ наша слушательница на курсы, и притомъ на опредѣленный факультетъ? Почти въ половинѣ случаевъ, въ 47,2%,—изъ чисто научнаго интереса, всего 10,2% указали на чисто-профессіональный интересъ, болѣе нежели треть, 36,1%,—на оба эти мотива вмѣстѣ. Такъ какъ многія слушательницы, какъ частью видно изъ внѣпрограммныхъ приписокъ, лишь съ неохотой говорили о заработкѣ, какъ о цѣли поступленія на курсы, то едва ли будетъ ошибочнымъ предположеніе, что въ дѣйствительности роль заработка, какъ мотива поступленія на курсы, была большей, нежели вытекаетъ изъ приведенныхъ цифръ.

Теперь нѣсколько словъ объ особенностяхъ факультетовъ. Здѣсь, опять-таки, рѣзко выдѣляется юридическій факультетъ, особой пестротой и разнохарактерностью мотивовъ поступленія,

стоящею въ полномъ соотвѣтствіи съ разнохарактерностью его состава. Здѣсь, съ одной стороны, цѣлыхъ 9,1% составляютъ поступившія «по условіямъ конкурса»—иначе сказать, попавшія не туда, куда хотѣли,—группа, почти отсутствующая на другихъ факультетахъ; сильнѣе представлена и группа «случайныхъ и другихъ» причинъ—7,9%, противъ 6,5 на физико-математическомъ и всего 3,3 на историко-филологическомъ факультетѣ. Но, съ другой стороны, на юридическомъ факультетѣ—что̀ и вполнѣ понятно въ виду его «нехлѣбнаго» характера—всего 7,4% поступившихъ изъ однихъ только профессіональныхъ мотивовъ; впрочемъ, ихъ всего 8,9% и на историко-филологическомъ факультетѣ, и сравнительно много, 13,8%,только на физико-математическомъ—опять-таки вполнѣ естественно, въ виду особой многочисленности здѣсь плохо обезпеченныхъ элементовъ. Напротивъ, группа поступившихъ изъ чисто-научнаго интереса представлена на юридическомъ факультетѣ сильнѣе всего: 54,1%, противъ 48,4 на физико-математическомъ и 46,3% на историко-филологическомъ факультетѣ.

Что̀ же такое, теперь, тотъ «научный интересъ», который даетъ наиболѣе многочисленную группу поступившихъ на курсы? Это вполнѣ выяснится для насъ немного дальше, изъ данныхъ о томъ, *чѣмъ интересуются* курсистки,—но уже сейчасъ мы можемъ сказать, что многихъ влекъ не столько интересъ *къ опредѣленной отрасли научнаго знанія*, сколько *общее стремленіе къ самообразованію*, къ выработкѣ научнаго міросозерцанія. «Поступила для выработки міровоззрѣнія», изъ «потребности найти себя», изъ стремленія «привести въ систему разбросанныя знанія», «выяснить себѣ смыслъ жизни», «расширить умственный горизонтъ»—этотъ мотивъ повторяется, съ разными варіаціями, во внѣпрограммныхъ замѣчаніяхъ курсистокъ. Другой мотивъ, у многихъ навѣянный событіями и настроеніями 1905—1906 гг.: на курсахъ ищутъ «наилучшей подготовки къ общественной дѣятельности»; идя на курсы, думаютъ, что «будутъ болѣе полезны обществу»; поступаютъ на курсы изъ «жажды дѣятельности на пользу народа»...

Итакъ, не спеціальный интересъ къ какой-либо наукѣ, а общее стремленіе къ выработкѣ міровоззрѣнія, къ общественной дѣятельности,—вотъ что влекло на курсы, во всякомъ случаѣ, *многихъ* изъ курсистокъ. Лишь постепенно, сплошь и рядомъ, выясняется опредѣленный научный интересъ. Объ этомъ могли бы свидѣтельствовать, прежде всего, данныя о *перемѣнѣ факультета*. Къ сожалѣнію, въ нашей анкетѣ они слишкомъ отразили вліяніе послѣдовавшаго въ 1906 году открытія юридическаго факультета, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повышеннаго, въ то время интереса, къ соціальнымъ наукамъ. Характерны поэтому только другіе два факультета: перешедшими съ другихъ факуль-

тетовъ оказываются на ист.-фил. 7,4, на физ.-мат. 7,6%, причемъ лишь $^1/_3$ — $^1/_2$ часть перемѣнила факультетъ въ *первомъ же семестрѣ* по поступленіи на курсы, — остальнымъ потребовалось, значитъ, больше полугода, чтобъ намѣтить себѣ новый факультетъ. Интереснѣе, однако, данныя о *мотивахъ* перемѣны факультета. Практическій интересъ имѣлъ здѣсь, въ общемъ, подчиненное значеніе; въ частности, практическія соображенія, которыя—мы знаемъ—сильнѣе всего влекутъ вновь поступающихъ на физико-математическій факультетъ, лишь очень рѣдко—всего въ 12% случаевъ—обусловливаютъ *переходы* на этотъ факультетъ; гораздо чаще, въ 28,3% случаевъ, вызываются практическими мотивами переходы на историко-филологическій: ближайшее знакомство съ курсовой дѣйствительностью, повидиму, разсѣиваетъ преувеличенныя представленія многихъ «новенькихъ» о профессіональныхъ перспективахъ физико-математическаго факультета. Переходъ на физико-математическій факультетъ въ значительномъ большинствѣ, именно въ 83% случаевъ, а переходъ на историко-филологическій всего въ 62,7%, обусловливается чисто-научнымъ интересомъ. И понять, *почему* это такъ, помогаютъ внѣпрограммныя замѣчанія. «Годъ на историко-филологическомъ не удовлетворилъ,—получилось самочувствіе, будто ходишь на лекціи, какъ на развлеченіе,—не было серьезной работы». Или: «на словесномъ отдѣленіи подавляло—двадцать книгъ, двадцать мнѣній; кто правъ? чего держаться?». Совсѣмъ не то на физико-математическомъ: «захотѣлось чего нибудь истиннаго—такова математика»; «математика, пока человѣкъ будетъ человѣкомъ, будетъ вѣрна». Если уходятъ съ математическаго, то больше изъ сознаннаго безсилія: «перемѣнила математическое отдѣленіе на естественное, чувствуя, что математика мнѣ не по силамъ»; ушла на историко-филологическій «благодаря отсутствію подготовки по математикѣ»...

Теперь—данныя объ *интересахъ* слушательницъ въ предѣлахъ курсового преподаванія. Интересы слушательницъ отнюдь не ограничиваются рамками своего факультета. Сравнительно болѣе концентрированы интересы историко-филологичекъ. Мало того—именно историко-филологическій факультетъ притягиваетъ слушательницъ и съ другихъ факультетовъ, которые обнаруживаютъ значительно большее разсѣяніе интересовъ: на физико-математическомъ къ предметамъ чужихъ факультетовъ относится 34,5 всѣхъ показаній о «преимущественномъ интересѣ», въ томъ числѣ 31,4% къ предметамъ историко-филологическаго; на юридическомъ 39,5%, въ томъ числѣ къ предметамъ историко-филологическаго 33,3%. Сильнѣе всего привлекаютъ постороннихъ слушательницъ философскія науки: изъ юристокъ 16% интересуется философскими науками и только 17,4% всѣми другими

предметами ист.-фил. факультета. Физико-математички удѣляютъ философіи 14,3%, литературѣ 12,1%, исторіи 5% своихъ интересовъ. Съ теченіемъ времени происходитъ концентрація научныхъ интересовъ: процентъ интереса къ предметамъ чужихъ факультетовъ падаетъ на юридическомъ съ 50,9 до 27,7%, на физико-математическомъ—съ 40,3 до 34,4%. Характерно, что на юридическомъ факультетѣ интересъ къ предметамъ физико-математическаго съ теченіемъ времени почти совершенно исчезаетъ, тогда какъ интересъ къ историко-филологическому факультету и на старшихъ курсахъ выражается 26,5%, приблизительно пропорціонально сократившись и для философіи, и для остальныхъ наукъ. У физико-математичекъ падаетъ интересъ къ философіи (съ 17,1 до 12,9%) и къ исторіи (съ 7,7 до 3,6%), но интересъ къ литературѣ даже возрастаетъ—съ 9,1 до 12,3%. Однако, всѣ эти частности—если не считать уменьшеніе интереса къ философіи—имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Наиболѣе существенное, это общій фактъ *разсѣянія интересовъ среди вновь поступающихъ на курсы и концентраціи ихъ по мѣрѣ перехода на старшіе курсы.* Вновь поступившая слушательница еще «не находитъ себя»; и самое рѣшеніе поступить на курсы, и выборъ факультета опредѣляются, какъ правило, не сознательнымъ предпочтеніемъ опредѣленнаго факультетскаго цикла наукъ, а общимъ стремленіемъ къ образованію и развитію и болѣе или менѣе неяснымъ представленіемъ о данномъ факультетѣ; поступивъ на курсы, слушательница, сплошь и рядомъ, либо составляетъ себѣ внѣфакультетскій общеобразовательный планъ занятій, либо ходитъ на другіе факультеты, чтобы найти себѣ подходящую спеціальность; въ концѣ-концовъ она нерѣдко переходитъ на другой, болѣе подходящій факультетъ, если же остается на своемъ факультетѣ, то уже начинаетъ удѣлять ему болѣе спеціальное вниманіе. А отсюда важный практическій выводъ, который и мнѣ лично кажется имѣющимъ не мало основанія: «*болѣе соотвѣтствовало бы интересамъ учащихся, если бы первый курсъ былъ общеобразовательный, общій для всѣхъ факультетовъ, а спеціализація начиналась со второго.* Это дало бы возможность болѣе сознательно отнестись къ выбору факультета и уменьшило бы количество кочующихъ съ факультета на факультетъ».

Не малый интересъ представляетъ затѣмъ и *перемѣщеніе интересовъ внутри факультетовъ.* На юридическомъ факультетѣ интересъ къ экономическимъ наукамъ и къ теоріи права хотя и сокращается по мѣрѣ перехода къ старшимъ курсамъ, но остается все-таки довольно значительнымъ; интересъ къ чистой юриспруденціи, появляясь со второго курса и занимая на старшихъ курсахъ безусловно первенствующее мѣсто (38,5%), развивается за счетъ, съ одной стороны, внѣфакультетскихъ

предметовъ, а съ другой—государственнаго права, интересъ къ которому съ 17,5 падаетъ до 6,9%. Для историко-филологическаго факультета наиболѣе характерно пониженіе съ 33,3 до 24,7% интереса къ философіи, за счетъ котораго усиливается, главнымъ образомъ, интересъ къ исторіи—съ 19,3 до 29,1%, отчасти и къ исторіи искусства. Интересъ къ литературѣ остается неизмѣннымъ,—около 30% съ начала до конца прохожденія курса; уступая на первомъ курсѣ интересу къ философіи, онъ постепенно оказывается впереди послѣдняго. Вновь поступающая на курсы слушательница ищетъ въ философіи отвѣта на волнующіе ее общіе вопросы знанія и жизни, и лишь съ теченіемъ времени, по мѣрѣ нѣкотораго углубленія въ науку, появляется сознаніе, что въ основу высшаго образованія должно быть полагаемо *конкретное знаніе*, и что лишь на почвѣ послѣдняго можно выработать себѣ—кто къ этому способенъ!—и обобщенное философское міросозерцаніе.

Переходимъ теперь отъ научныхъ *стремленій* къ ихъ *осуществленію*. Извѣстенъ волнующій всѣхъ—и учащихъ, и учащихся—вопросъ о роли *лекціоннаго преподаванія*. Въ программу нашей переписи былъ включенъ, между прочимъ, пунктъ объ отношеніи къ лекціямъ. Какъ и слѣдовало ожидать, отвѣты получились крайне пестрые. Однако, безусловно безполезнымъ считаетъ посѣщеніе лекцій незначительное меньшинство—отъ 8,4 на юридическомъ до 12,2% на физико-математическомъ факультетѣ. Отъ 24,4 до 33,7% считаютъ посѣщеніе лекцій «полезнымъ», еще 7,1 до 10,5%—съ разными оговорками или ограниченіями. Отъ 33,6 до 38,1% идутъ еще дальше и признаютъ посѣщеніе лекцій «необходимымъ», да еще отъ 12,3 до 22,1%—тоже съ оговорками и ограниченіями. Какъ ни покажется неожиданнымъ для тѣхъ, кто знаетъ университетскихъ «юристовъ»,—наибольшій процентъ признающихъ лекціи «необходимыми» приходится именно на юристокъ, наибольшее число безусловно отрицающихъ—на физ.-мат. факультетъ; на историко-филологическомъ преобладаютъ одинаково далекія и отъ огульнаго преклоненія передъ лекціоннымъ методомъ, и отъ огульнаго его отрицанія.

Интересны, конечно, *мотивы* того и другого. *Въ пользу* посѣщенія лекцій нѣкоторыми приводятся мотивы нѣсколько ученическаго характера—«легче запоминается», «зондированіе почвы для подготовки къ экзаменамъ»,и т. п. Но есть и другіе, болѣе соотвѣтствующіе особому характеру высшей школы: «нѣкоторые профессора живутъ своимъ предметомъ и заставляютъ жить имъ и аудиторію; они дѣлятся своими сомнѣніями, своими исканіями, они будятъ мысль, ихъ девизъ, «искать», передается слушательницамъ»; или—«лекціи воспитываютъ въ духѣ изучаемаго предмета, помогаютъ разбираться въ его осно-

вахъ, вообще пріучаютъ къ научной работѣ». Для другихъ «слушаніе лекцій простая трата времени—пора замѣнить лекціонный способъ преподаванія болѣе раціональной постановкой практическихъ занятій»; или—«слишкомъ большая потеря времени—некогда заниматься дома»; или еще рѣзче—«считаю вреднымъ—выносишь мало и получаешь лживое самоудовлетвореніе,—якобы что-то дѣлала». Характерно измѣненіе отношенія къ лекціямъ по мѣрѣ перехода на старшіе курсы. За исключеніемъ группы чистой математики, гдѣ лекціи играютъ совершенно исключительрую роль и гдѣ въ соотвѣтствіи съ этимъ убѣжденіе въ необходимости ихъ посѣщенія *растетъ*, процентъ безъ оговорокъ признающихъ лекціи «необходимыми» вездѣ замѣтно падаетъ; процентъ безусловно отрицающихъ цѣлесообразность посѣщенія лекцій растетъ, но зато замѣтно возрастаетъ и процентъ какъ признающихъ посѣщеніе лекцій «полезнымъ», такъ и тѣхъ, которые «необходимость» обставляютъ тѣми или другими оговорками. Усиливается, значитъ, группа вполнѣ разочаровавшихся въ лекціонномъ преподаваніи, но сильно возрастаетъ и группа лицъ, одинаково далекихъ отъ *всякаго* огульнаго отношенія къ лекціямъ—сознающихъ пользу посѣщенія лекцій, но гораздо болѣе къ нимъ требовательныхъ.

Статистически *учесть, какъ курсистки занимаются*, можно, очевидно, по одному лишь признаку—по *количеству времени*, отдаваемаго занятіямъ.

Въ той или другой мѣрѣ участвуетъ въ учебной жизни громадный процентъ—отъ 95,4 до 97,4%—отвѣтившихъ на наши листы. Но ясно, что *это*—одинъ изъ признаковъ, гдѣ результаты нашей переписи должны быть принимаемы съ особенной осторожностью; конечно, среди *не* отвѣчавшихъ процентъ абсентеистокъ значительно больше, и весьма вѣроятно, что среди огромнаго списочнаго состава курсовъ онѣ представляютъ замѣтную величину. Разницы между факультетами въ общемъ количествѣ занятій почти нѣтъ,—зато рѣзкая разница между факультетами въ *характерѣ* занятій: юристки даютъ наибольшій процентъ посѣщенія *лекцій*—95,5% противъ 91,1 у историко-филологичекъ и всего 86,6 у физико-математичекъ, но зато гораздо меньшій процентъ работающихъ въ *семинаріяхъ* и *лабораторіяхъ*: всего 45,9%, противъ 83,5% на историко-филологическомъ и 71,5% на физико-математическомъ факультетѣ. Конечно, это результатъ коренныхъ различій въ характерѣ факультетскаго преподаванія: на юридическомъ факультетѣ обязательныхъ практическихъ занятій нѣтъ, на остальныхъ двухъ они являются основною составною частью преподаванія. Характернѣе другое: процентъ лицъ, участвующихъ въ *необязательныхъ* занятіяхъ. Здѣсь юристки опять-таки

стоятъ на первомъ мѣстѣ: въ необязательныхъ практическихъ занятіяхъ участвуютъ 50,2% юристокъ, противъ 18,2% на историко-филологическомъ и всего 8% на физико-математическомъ. На этихъ двухъ факультетахъ слушательницы, очевидно, слишкомъ заняты обязательною работой, чтобы удѣлять много времени необязатательной. Но приведенныя цифры, конечно, подтверждаютъ уже сказанное относительно своеобразнаго характера нашихъ юристокъ, а съ другой стороны, наводятъ на небезынтересныя размышленія относительно роли элемента *обязательности* въ жизни высшей школы.

Въ конечномъ результатѣ, юристки посвящаютъ курсовымъ занятіямъ даже нѣсколько больше времени, чѣмъ историко-филологички, и только физико-математическій факультетъ рѣзко выдѣляется по огромному количеству рабочаго времени: лишь 13,5% слушательницъ отдаютъ здѣсь курсовымъ занятіямъ менѣе 8 часовъ въ недѣлю,—на юридическомъ 26,4, на филологическомъ 25,8%; на долю средней группы, работающей отъ 9 до 20 часовъ, у физико-математичекъ приходится 40,4%, на остальныхъ двухъ факультетахъ—53,3 и 55,5%; зато отъ 21 до 40 часовъ на физико-математическомъ факультетѣ работаетъ 31,1%, на остальныхъ двухъ всего 16,7 и 14,9%; а 10,3% физико-математичекъ работаетъ свыше 40 часовъ въ недѣлю,—на остальныхъ двухъ факультетахъ такой группы вовсе нѣтъ.

Конечно, весьма различно и распредѣленіе рабочаго времени по родамъ занятій. *Лекціи* менѣе всего посѣщаютъ, оказывается, историко-филологички: почти четверть, 24,4%, либо вовсе не ходитъ на лекціи, либо слушаетъ не свыше четырехъ часовъ въ недѣлю,—на юридическомъ факультетѣ такихъ всего 14,1%; свыше десяти часовъ въ недѣлю на историко-филологическомъ факультетѣ слушаетъ всего 39,9, на юридическомъ—51,1%. На физико-математическомъ сильно представлены обѣ крайнія группы: цѣлыхъ 22,7% вовсе или почти вовсе не ходитъ на лекціи,—это, очевидно, тѣ которыя цѣликомъ поглощены лабораторіей; съ другой, 51,8% слушаетъ лекціи болѣе десяти часовъ, цѣлыхъ 17,6% болѣе 20 часовъ въ недѣлю,—на юридическомъ факультетѣ такихъ 10,1, на историко-филологическомъ—только 7,8%. Въ *лабораторіяхъ* работаютъ 70,6% всѣхъ физико-математичекъ; изъ нихъ 31,6% не болѣе пяти часовъ въ недѣлю, 21,5% по 6—12, 3,5% по 13—20, цѣлыхъ 7,8% отъ 21 до 40, а 5,7% работаетъ въ лабораторіяхъ *свыше 40 часовъ* въ недѣлю. Конечно, *семинарская* работа остальныхъ двухъ факультетовъ далеко меньше: цѣлыхъ 25,9% юристокъ посвящаетъ семинаріямъ не болѣе трехъ, 14,8% по 4—6, только 5% свыше шести часовъ въ недѣлю; на историко-филологическомъ факультетѣ не свыше трехъ часовъ затрачиваетъ 47,1%, 30,5%

затрачиваютъ по 4—6 часовъ, и всего 4,6%—меньшій процентъ, чѣмъ среди юристокъ!—болѣе шести часовъ въ недѣлю. Конечно, существенная разница и между курсами: посѣщеніе лекцій съ переходомъ на высшіе курсы рѣзко убываетъ, участіе въ практическихъ занятіяхъ растетъ, не возмѣщая, однако, убыли лекціонныхъ часовъ. Число послѣднихъ, въ общемъ по всѣмъ факультетамъ итогѣ, падаетъ съ 16,7 на первомъ до 7,0 часовъ на старшихъ курсахъ; число часовъ практическихъ занятій возрастаетъ съ 1,2 до 5,3 часовъ, общая затрата времени на всѣ курсовыя занятія составляетъ на первомъ курсѣ 21,0, на второмъ—18,2, на старшихъ—15,6 недѣльныхъ часовъ.

Значительная часть слушательницъ зарабатываетъ ту или иную часть средствъ существованія—естественно желаніе выяснить себѣ, насколько *заработокъ* мѣшаетъ учебной работѣ. Наши данныя привели въ этомъ отношеніи къ очень любопытнымъ выводамъ: на посѣщеніе *лекцій* заработокъ оказываетъ, въ самомъ дѣлѣ, понижающее вліяніе, но *только* на юридическомъ и на историко-филологическомъ факультетахъ: на первомъ живущія на заработокъ посвящаютъ лекціямъ, въ среднемъ, всего 7,6, не имѣющія заработка 12,4 часа въ недѣлю, на второмъ соотвѣтственныя цифры 7,1 и 10,6 часовъ. Не то на физико-математическомъ: здѣсь живущія на заработокъ посвящаютъ лекціямъ *больше* часовъ, чѣмъ неимѣющія заработка—12,6 противъ 10,8 часовъ. Практическимъ занятіямъ живущія на заработокъ по всѣмъ безъ исключенія факультетамъ удѣляютъ *больше* времени, чѣмъ нетрудовые элементы: на юридическомъ факультетѣ 1,8 противъ 1,3 часовъ, на историко-филологическомъ 3,1 противъ 2,5, на физико-математическомъ 10,5 противъ 7,6 часовъ. Живущія своимъ трудомъ представляютъ, съ одной стороны, элементъ болѣе энергичный и трудоспособный. Съ другой—онѣ болѣе заинтересованы въ томъ, чтобы не засиживаться на курсахъ; поэтому онѣ «работаютъ больше, стараются выполнять всѣ необходимыя работы», но въ то же время «уклоняются отъ менѣе обязательныхъ». На юридическомъ и историко-филологическомъ факультетахъ «*можно* лекцій не слушать: это не затрудняетъ подготовку къ экзаменамъ», научный же интересъ лекцій до извѣстной степени можетъ быть возмѣщенъ домашнимъ чтеніемъ. На физико-математическомъ факультетѣ лекціи несравненно болѣе необходимы, и поэтому онѣ и посѣщаются здѣсь особенно усердно. То же самое съ практическими занятіями: на историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ они обязательны, и ихъ фактически нельзя замѣнить никакою домашнею работой, а потому трудовые элементы и имъ удѣляютъ особенно большое вниманіе. *Конечно, не всѣ*: среди тѣхъ, кто *не* отвѣчалъ на наши опросные листы, есть, разумѣется, не мало та-

кихъ, которыхъ *именно заработокъ* совершенно лишаетъ возможности принимать участіе въ учебной жизни курсовъ.

Что заработокъ вообще *помѣха* учебной работѣ, это, конечно, остается фактомъ. Объ этомъ фактѣ свидѣтельствуютъ отвѣты на вопросъ о *причинахъ, мѣшающихъ учебнымъ занятіямъ*. Заработокъ играетъ здѣсь одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Только на юридическомъ, сравнительно болѣе обезпеченномъ, факультетѣ процентъ жалующихся на заработокъ падаетъ до 14,8%; по отдѣленіямъ историко-филологическаго факультета на зарабстокъ жалуются 21,5 и 22,2%, на отдѣленіяхъ физико-математическаго 26,2 и 28,9%; это—болѣе или менѣе *всѣ*, кто такъ или иначе зарабатываетъ средства къ существованію. По числу жалобъ на болѣзнь разница между факультетами точно соотвѣтствуетъ разницѣ въ степени обезпеченности: меньше всего, 21%, жалобъ на болѣзнь на самомъ обезпеченномъ, юридическомъ, больше всего, 29%, на самомъ бѣдномъ, физико-математическомъ. Несравненно рѣзче разница въ числѣ жалобъ на экзамены. На математическихъ группахъ такихъ жалобъ всего 2,1%,—слѣдовательно, здѣсь «экзаменной горячки» совершенно нѣтъ. Напротивъ, больше всего жалуются на экзамены юристки, цѣлыхъ 28,5%; здѣсь экзамены—*первенствующая* причина, мѣшающая правильнымъ учебнымъ занятіямъ, и въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть серьезнаго аргумента противъ принятой въ этомъ факультетѣ сессіонной системы экзаменовъ: экзаменаціонныя сессіи «совершенно выбиваютъ слушательницъ изъ колеи», тогда какъ при принятой на остальныхъ факультетахъ свободѣ экзаменовъ «въ теченіе цѣлаго года никакой спѣшки нѣтъ, нѣтъ необходимости нарушать изъ-за экзаменовъ обычное теченіе жизни»...

Если не легко охарактеризовать въ цифрахъ учебную и научную работу, то, конечно, еще много труднѣе освѣтить цифрами *общій духовный обликъ* курсистки. Здѣсь немало такихъ деликатныхъ сторонъ, которыя, по моему убѣжденію, *не могутъ* и *не должны* входить въ программу статистическаго опроса и которыя поэтому не вошли въ наши опросные формуляры. Эти послѣдніе задаются цѣлью освѣтить лишь *нѣкоторыя* стороны духовнаго блика курсистки, совершенно не задаваясь неразрѣшимою для статистики задачею всесторонней ея характеристики. Такъ, мы не рѣшились поставить прямого вопроса о *міросозерцаніи* курсистки,—о ея моральныхъ, политическихъ, религіозныхъ воззрѣніяхъ. Мы поставили гораздо болѣе осторожный вопросъ: *что оказало вліяніе* на міросозерцаніе; но даже и здѣсь мы, несомнѣнно, далеко не вполнѣ спра-

вились съ трудностями вопроса. Мы получили немало замѣчаній, что и это «слишкомъ общій вопросъ», что и это «неуловимо», что отвѣтить трудно, такъ какъ «одинъ совершенно незамѣтный случай даетъ въ этомъ направленіи рѣшающій толчокъ» и т. п.

При всемъ своемъ чрезвычайномъ разнообразіи, отвѣты на вопросъ о факторахъ, вліявшихъ на міросозерцаніе, могутъ быть сведены къ пяти главнѣйшимъ категоріямъ: писатели и книги—профессора и преподаватели—жизненный опытъ, сводящій въ формулу «люди и жизнь»—разнообразнѣйшія другія, не поддающіяся классификаціи обстоятельства—наконецъ, отказъ отъ опредѣленнаго отвѣта: неясно самой, что̀ именно вліяло... Первенствующее значеніе принадлежитъ несомнѣнно *авторамъ*, и больше всего *писателямъ-художникамъ*. На первомъ мѣстѣ Левъ Толстой, непосредственно за нимъ Достоевскій и Тургеневъ—39, 27 и 24% всѣхъ отвѣчавшихъ. Непосредственно за ними—экономисты-соціологи, Марксъ и Михайловскій—18 и 11%. Затѣмъ—критики-публицисты середины прошлаго столѣтія: на первомъ мѣстѣ Писаревъ съ 11%, затѣмъ Добролюбовъ, Бѣлинскій, Герценъ съ 6—8%. Вліяніе натуралистовъ—Дарвина, Бюхнера, Геккеля очень незначительно—4, 9, 2, 1,3%; еще меньше вліяніе философовъ—всего два процента, если не считать выдѣленныхъ изъ общей массы Ницше и Шопенгауера, съ 8,5 и 3,9% показаній, а также Вл. Соловьева съ 2,3%. Иногда указанія на авторовъ пріобрѣтаютъ нѣсколько своеобразный смыслъ: «оказалъ вліяніе Л. Андреевъ—ню его повѣсила бы, потому что послѣ его произведеній не хочется жить»... «Оказали вліяніе модернисты и Вербицкая... именно въ томъ смыслѣ, какъ *не надо* понимать жизнь»... Указаній на «Санина» и компанію, къ счастью, не встрѣчается. Затѣмъ, другія рубрики. Вліяніе профессоровъ и преподавателей—всего у 5,7% отвѣчавшихъ. Гораздо значительнѣе рубрика «люди и жизнь»—цѣлыхъ 11,2%. Сюда вошли и та, которая «жила на кладбищѣ», которой «не хочется жить и не хочется любить», которая только «слѣдитъ за каждою новою могилой»; и «старая дѣва», которая «такою и останется, заводить знакомства не умѣетъ и часто съ утра ни съ кѣмъ не проронитъ слова»; и тѣ, которыя ссылаются на «первыя сильныя впечатлѣнія дѣтства», «на вліяніе благороднаго отца и матери» и тѣ, которыя указали на 1905 годъ, какъ имѣвшій рѣшающее вліяніе на ихъ міровоззрѣніе. 25% всѣхъ отвѣтовъ—невыяснившія свое міросозерцаніе: здѣсь и краткіе отвѣты, въ родѣ «не выяснила», «не знаю», и болѣе обстоятельные, напримѣръ: «человѣкъ я совершенно неприспособленный къ жизни, интересуюсь всѣмъ и ничѣмъ»...

Характерную физіономію представляютъ въ нѣкоторыхъ

отношеніяхъ отдѣльные факультеты. На историко-филологическомъ особенно велико, прежде всего, число «не выяснившихъ» своего міросозерцанія—31%, противъ 17,6 и 20,2 на остальныхъ двухъ факультетахъ. Съ другой стороны, бросается въ глаза чрезвычайное обиліе и многообразіе указаній на авторовъ, вліявшихъ на міросозерцаніе. Въ особенности выдѣляется вліяніе писателей-художниковъ: Толстого—59,2, Достоевскаго—37,7, Тургенева—36,1%; соотвѣтственныя цифры для остальныхъ двухъ факультетовъ: 18,0 и 18,8—16,1 и 12,9—4,5 и 2,9%; изъ критиковъ этотъ факультетъ тяготѣетъ къ Герцену — 14,6% противъ 3,6% и 2,9%. Привлекаютъ историко-филологичекъ шопенгауеровскій пессимизмъ и ницшеанство—7,7 и 11,8%, противъ 1,0 и 3,8% на физико-математическомъ, 0,5 и 8,8 на юридическомъ факультетѣ. Другіе философы на ист.-фил. факультетѣ тоже представлены сильнѣе, чѣмъ на остальныхъ. На физико-математическомъ показанія, напротивъ, очень концентрированы. Замѣтнѣе вліяніе натуралистовъ: Дарвина назвали 8,4, Бюхнера 2,4, Геккеля 2,6%; соотвѣтственныя цифры у юристокъ—4,7, 0,5 и 1,1, у историко-филологичекъ—2,4, 2 и 0,4%. Среди критиковъ особенно рѣзко выдѣляется критикъ-натуралистъ Писаревъ: 9,1%, тогда какъ Герценъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ даютъ всего отъ 2,6 до 3,6%. Исключительно ничтожно, напротивъ, вліяніе какъ вообще философовъ, такъ въ частности ницшеанства, шопегауеровскаго пессимизма и соловьевскаго богоискательства. На юридическомъ, съ одной стороны, особенно выдѣляется рубрика «люди и жизнь», обнимающая цѣлыхъ 17% полученныхъ отвѣтовъ, тогда какъ, напротивъ, на физико-математическомъ она даетъ всего 6,3%. Но еще характернѣе для юристокъ подавляющее преобладаніе Маркса: его назвали здѣсь 27%, противъ 19,7 и 12,8% на другихъ факультетахъ, и такимъ образомъ съ Марксомъ у юристокъ не можетъ конкурировать ни одно другое изъ показанныхъ нашими слушательницами вліяній.

A priori слѣдовало ожидать, что съ теченіемъ времени должна наступать нѣкоторая смѣна факторовъ, оказывающихъ вліяніе на міросозерцаніе. И при этомъ было ясно, что на такую смѣну должно вліять не столько пребываніе на курсахъ, сколько *просто возрастъ*. Группировка по возрасту дала однако не слишкомъ яркіе результаты, да и тѣ должны быть принимаемы съ осторожностью, потому что вліяніе возраста, несомнѣнно, осложняется здѣсь вліяніемъ событій 1905 — 1906 гг. Въ частности возрастъ *не* обнаружилъ вліянія на показанія о роли писателей-художниковъ. Но чѣмъ старше возрастъ, тѣмъ сильнѣе обнаруживается вліяніе экономистовъ-соціологовъ: Марксъ поднимается съ 6,6 у младшей до 26,3 у старшей группы, Михайловскій—съ 8,9 до 15,8%. Рѣзко растетъ

вліяніе натуралистовъ, особенно Дарвина съ 4,3 до 10%. Вліяніе критиковъ—Писарева, Добролюбова, Бѣлинскаго, Герцена—возрастаетъ отъ младшей группы къ средневозрастной—съ 3,0, 1,0, 3,6 и 5,0% до 14,4, 8,2, 7,0 и 10,5%, но затѣмъ держится, въ общемъ, на томъ же уровнѣ. То же самое можно сказать о Ницше и Шопенгауерѣ—6,9 и 1,0%, потомъ 9,2 и 5,0%, тогда какъ вліяніе Владиміра Соловьева, въ общемъ незначительное, съ годами правильно возрастаетъ: 1,0, 2,2 и 4,5%. Рѣзко возрастаютъ двѣ другія категоріи—«люди и жизнь» и невыяснившія свое міросозерцаніе. Процентъ первыхъ поднимается съ 3,3 до 11,1; процентъ вторыхъ—съ 19,9 до 25,8%. Растетъ также вліяніе профессоровъ и преподавателей—съ 2,3 до 6,6 и 7,6%. Казалось бы, что юный возрастъ скорѣе будетъ раскрывать души профессорскому вліянію,—на дѣлѣ оказывается обратное. Совершенно понятно, напротивъ, увеличеніе числа указаній на «людей и жизнь»; не менѣе понятно и увеличеніе числа лицъ, подчеркивающихъ неясность міросозерцанія. «Только невѣжество предполагаетъ безмятежную ясность міровоззрѣнія и міропониманія, и чѣмъ болѣе мы углубляемся въ задачу пониманія міра, тѣмъ яснѣе мы начинаемъ «твердо знать только одно—что мы ничего не знаемъ».

Съ немалыми техническими трудностями встрѣтился и вопросъ о «любимыхъ писателяхъ». И здѣсь на первомъ мѣстѣ стоятъ все тѣ же три великихъ имени, но только въ иномъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ не Толстой, а Достоевскій, названный въ 61,5% листовъ, за нимъ Тургеневъ съ 59,1%, и только за ними Толстой съ 56,8%. Толстой-художникъ, значитъ, далеко не тотъ «властитель думъ», какъ Толстой-моралистъ. Изъ классиковъ-прозаиковъ популяренъ еще только Гоголь, съ 24,9%; однако его популярность значительно уступаетъ популярности Леонида Андреева, который названъ въ 51,5% опросныхъ листовъ. На второмъ мѣстѣ изъ современныхъ писателей стоитъ Чеховъ съ 34,6%, за нимъ Горькій съ 26,0%; съ глубочайшимъ сожалѣніемъ отмѣчаю, что Владиміръ Короленко, этотъ апостолъ гуманности, тонкій и вдумчивый художникъ, получилъ всего 9,0%; приходится также констатировать крайне малую популярность великаго художника-сатирика Салтыкова-Щедрина, собравшаго всего 4,6%, и Глѣба Успенскаго съ 4,5% показаній. Впрочемъ, не слишкомъ велика популярность и нѣкоторыхъ типичныхъ представителей современной беллетристики. Правда, Сологубъ названъ у 7,3%, и даже Арцыбашевъ получилъ 4,3%, но эти цифры съ избыткомъ уравновѣшиваются длинной серіей замѣчаній вродѣ: «читаю иногда съ удовольствіемъ, но не уважаю», или: «читая новую литературу, можно окончательно расшатать себѣ нервную систему и испортить пищевареніе, благодаря ея безъидейности и односторонности», или: «никакіе

не любимые—неинтересные и грязные»; или такою характеристикою «Санина»: «этотъ Санинъ, вѣроятно, укралъ у своей матери серебряныя ложки—надо же было съ чѣмъ-нибудь выѣхать».. Немало указаній на Вербицкую—все-таки цѣлыхъ 8%, но при этомъ сплошь и рядомъ оговорки: «интересуюсь, но не люблю»,—«читаю только для отдыха»—«читаю отъ нечего дѣлать», а одна слушательница пишетъ категорически: «женское творчество, послѣ Вербицкой, ставлю очень низко». То же тяготѣніе къ классикамъ обнаруживается въ области русской поэзіи. Первенствуетъ Лермонтовъ съ 49,8% показаній,—поэзія его, очевидно, болѣе соотвѣтствуетъ настроеніямъ и вкусамъ молодежи, чѣмъ поэзія Пушкина, собравшаго 34,7%. Вплотную за ними слѣдуетъ Некрасовъ, съ 30,7%,—«поэтъ мести и печали», такимъ образомъ, отнюдь не такъ похороненъ, какъ думаютъ современные эстетики и эстеты. Къ моей не менѣе искренней радости популяренъ и Надсонъ, собравшій 19,2%,—и напротивъ, новѣйшая поэзія мало проникла въ сердца нашихъ курсистокъ: только Бальмонтъ собралъ 12,5%,—на долю всѣхъ иныхъ современныхъ поэтовъ приходится всего 3,3% указаній. Въ области иностранной литературы такой концентраціи вкусовъ и симпатій не замѣчается. Наибольшія симпатіи привлекаютъ два скандинавскихъ писателя—Гамсунъ съ 31,7% и Ибсенъ съ 26,3; затѣмъ, въ послѣдовательномъ порядкѣ, Шекспиръ съ 14,9%—и Уайльдъ съ 14,2%; Гёте, Шиллеръ, Гейне, Викторъ Гюго съ 11,8, 11,7 9,7 и 8,5%—и Пшибышевскій съ 8,8%. Изъ поэтовъ-«декадентовъ» популяренъ Метерлинкъ, давшій 7,3%; Бодлеръ, Верленъ и пр. представлены лишь дробями процента.

Пофакультетскія, курсовыя и т. п. различія въ данномъ вопросѣ менѣе существенны, нежели гдѣ бы то ни было. Извѣстный общій смыслъ имѣютъ только нѣкоторыя характерныя особенности историко-филологическаго факультета: здѣсь, прежде всего, Достоевскій, 72,7%, рѣзко доминируетъ надъ Толстымъ и Тургеневымъ; популярность Пушкина, 41,2%, почти сравнивается съ популярностью Лермонтова—44,5%, и къ числу наиболѣе популярныхъ поэтовъ присоединяется Алексѣй Толстой, получившій 12,8%; здѣсь наибольшею популярностью пользуется Горькій—33,9% противъ 18,8 и 15,6%; здѣсь много—16,7 и 10,7%—указаній на Мережковскаго и Сологуба,—на остальныхъ факультетахъ всего отъ 3,5 до 5,3%; здѣсь Бальмонтъ собралъ цѣлыхъ 17,6%, и на долю Брюсова досталось полтора процента. Здѣсь, наконецъ, 11,2% разнообразныхъ «иныхъ» прозаиковъ и 8,3% «иныхъ» поэтовъ, тогда какъ на остальныхъ факультетахъ симпатіи курсистокъ сосредоточиваются на сравнительно небольшомъ числѣ именъ. Въ конечномъ результатѣ—что и совершенно понятно на фа-

культетѣ, гдѣ однимъ изъ основныхъ предметовъ является изящная литература,—несравненно бо̀льшая разносторонность литературныхъ вкусовъ и симпатій, съ несомнѣннымъ тяготѣніемъ къ эстетизму и модернизму.

Я миную такіе второстепенные вопросы, какъ отношеніе къ театру, къ спорту, къ музыкѣ и къ изобразительнымъ искусствамъ,—наши данныя даютъ здѣсь сравнительно мало интереснаго,—и перехожу прямо къ тѣмъ немногимъ вопросамъ, которые болѣе или менѣе непосредственно характеризуютъ *общественную физіономію* курсистокъ.

Здѣсь, прежде всего, вопросъ о *сходкахъ*. По даннымъ нашей переписи посѣщаютъ сходки почти двѣ трети, совершенно не посѣщаетъ нѣсколько больше трети — 36,6% отвѣтившихъ на наши листы. Конечно, и это одинъ изъ случаевъ, гдѣ выводовъ изъ нашего матеріала нельзя безъ оговорокъ обобщить: среди абсентеистокъ количество непосѣщающихъ сходки, конечно, несравненно больше. Но несомнѣнно типично, что наибольшій процентъ неучаствующихъ въ сходкахъ среди историко-филологичекъ—46,4%, или почти половина общаго числа, наименьшій, 21%, у юристокъ. Посѣщаемость *разныхъ видовъ* сходокъ различна: на общекурсовыя сходки ходитъ почти двѣ трети, на факультетскія—меньше половины. Только на юридическомъ факультетѣ посѣщаемость факультетскихъ сходокъ—65,7%—*больше*, чѣмъ общекурсовыхъ—всего 55,9%,—очевидно, въ виду особо остраго для юристокъ значенія обсуждаемыхъ на этого рода сходкахъ экзаменныхъ вопросовъ.

Независимо отъ вопроса о фактической посѣщаемости сходокъ, интересенъ также и вопросъ о *причинахъ*, почему часть слушательницъ *не* посѣщаетъ или рѣдко посѣщаетъ сходки. Это недостатокъ времени — 30,7%, недостатокъ интереса — 29,1%, отрицательное отношеніе къ сходкамъ—15,2%, прочія причины—3,2%. Конечно, «недостатокъ времени»—почти синонимъ недостатка интереса. Особое мѣсто занимаетъ, значитъ, лишь рубрика «отрицательнаго отношенія». Сильно представлена она только на историко-филологическомъ факультетѣ, гдѣ даетъ цѣлыхъ 23,7% противъ 8,3% на физико-математическомъ и 5,5% на юридическомъ факультетѣ.

Чѣмъ же обусловливается это «отрицательное отношеніе»? Здѣсь, прежде всего, болѣе или менѣе неопредѣленныя выраженія неудовлетворенности: «съ нетерпѣніемъ ждала первой сходки, но вышла съ тяжелымъ настроеніемъ; подымая руку вмѣстѣ со всѣми, мнѣ все казалось, что я врала вмѣстѣ со всѣми». Затѣмъ—жалобы на безпорядочность и безтолковость сходокъ: «переливаютъ изъ пустого въ порожнее и затягиваютъ»,—«кричатъ и никто ни съ кѣмъ не считается»,—«тенденціозность, беза-

лаберность... и духота»,—и при этомъ иныя подчеркиваютъ: «отношусь отрицательно не къ сходкамъ вообще, а къ тому, какъ онѣ практиковались и практикуются у насъ». Немало, однако, случаевъ и болѣе принципіальнаго отрицанія сходокъ: «не выношу стадности—не могу подчиняться; утверждаю только свою волю»,—«въ отдѣльности каждая слушательница человѣкъ, а въ общей массѣ поражаютъ стадностью, невыдержанностью, неуваженіемъ къ чужому мнѣнію». Еще другія отрицаютъ сходки «въ виду идейной разности съ массой теперешняго студенчества», «не чувствуютъ семьи студенческой». Иныя подчеркиваютъ «отсутствіе самобытности и творчества,—пережевывается матеріалъ, данный университетомъ».

Далеко менѣе существенное значеніе имѣетъ, конечно, вопросъ объ отношеніи къ *курсовымъ организаціямъ*, и опять-таки и это—одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, гдѣ нашъ матеріалъ не можетъ притязать на типичность. Я приведу поэтому лишь нѣсколько основныхъ цифръ. Изъ числа отвѣтившихъ на наши листы занимаютъ какія-либо должности 12,9%; занимали — 10,0; занимали *и* занимаютъ 8,4%,—контингентъ, «предпочтительно и стойко отдающій себя изъ года въ годъ на служеніе» товарищамъ. Наименьшее участіе въ выборныхъ должностяхъ—всего 8,4% въ настоящемъ и 7,9% въ прошломъ, у юристокъ, наибольшее, 16,4 и 10,7%, у историко-филологичекъ, за которыми непосредственно слѣдуютъ физико-математички. Объясненіе, вѣроятно, въ томъ, что на историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ имѣется довольно многочисленный составъ выборныхъ должностныхъ лицъ по семинаріямъ, лабораторіямъ и кабинетамъ, которыхъ нѣтъ на юридическомъ.

Гораздо существеннѣе данныя о *чтеніи журналовъ и газетъ*. Общій процентъ читающихъ газеты—86,2%, совершенно не читающихъ—12,6%. Наибольшій процентъ не читающихъ, 16,3%, у физико-математичекъ, остальные факультеты даютъ 11 и 10%. Физико-математички же даютъ и наименьшій процентъ, 60,1%, читающихъ газеты регулярно; наибольшій процентъ регулярно читающихъ у юристокъ что̀ и естественно, въ виду ихъ большого интереса къ общественнымъ вопросамъ. Журналы читаются гораздо меньше: регулярно читаютъ всего 23,9%, нерегулярно—9,4%; остальныя, повидиму, журналовъ совершенно не читаютъ. Небезынтересны и отвѣты на вопросъ, почему *не* читаютъ газетъ; въ 36,6% случаевъ по недостатку времени, въ 26,5% по недостатку средствъ, въ 11,3% по недостатку интереса, въ 7,5% случаевъ по трудности доставать газеты. И въ этомъ случаѣ двѣ рубрики причинъ несомнѣнно близко соприкасаются—недостатокъ времени и недостатокъ интереса: «на то, что̀ является существенной потребностью, всегда найдется время, какъ нахо-

дится оно для нашихъ обычныхъ культурныхъ потребностей». Но *совершеннаго тождества* здѣсь нѣтъ. Это доказывается сопоставленіемъ пофакультетскихъ цифръ: максимальный процентъ, цѣлыхъ 41,3%, показаній о недостаткѣ времени приходится на физико-математическій факультетъ, несомнѣнно наиболѣе обремененный работой; наименьшій, всего 22,9%, на юридическій, гдѣ учебныя занятія въ самомъ дѣлѣ оставляютъ слушательницамъ наибольшее количество свободнаго времени. На юридическомъ факультетѣ, естественно, и наименьшій процентъ указаній на недостатокъ интереса,—всего 8,6% противъ 17 и 19,3%. Но въ то же время на юридическомъ факультетѣ, какъ наиболѣе обезпеченномъ, меньше всего и указаній на недостатокъ средствъ—всего 14,2% противъ 28,2 и 31,7% на остальныхъ двухъ факультетахъ. Конечно, крайне любопытно, *какія* читаются газеты. Подавляющее преобладаніе принадлежитъ *Рѣчи*, безъ различія факультетовъ: *Рѣчь* читаютъ цѣлыхъ 93%; 15,6%, опять-таки безъ различія факультетовъ, читаютъ вечернюю *Биржовку*; почти столько же въ общемъ итогѣ, 14,7%, читало *Новую Русь*,—но главная масса ея читательницъ принадлежала къ *одному* факультету, историко-филологическому: 20,5% противъ 8,2 и 9,4% на остальныхъ факультетахъ. Всего 7,4% читаютъ *Новое Время*. Изъ нихъ почти половина дѣлаетъ по этому поводу разныя оговорки: «изъ-за объявленій труда»,—«какъ официальную»,—«за неимѣніемъ подъ рукой другихъ» и т. п. Совершенно ничтожными цифрами представлены *Листокъ* и *Газета*—всего 3,9%; на правую печать приходится 1,4%,—въ частности на историко-филологическомъ факультетѣ 2,4%; 3,4% читаютъ провинціальныя газеты, столько же всѣ «прочія», которыхъ уже не оказалось возможнымъ разбить на какія-либо характерныя группы.

Наконецъ, еще одинъ моментъ, по которому матеріалы нашей переписи позволяютъ судить о духовной физіономіи нашихъ курсистокъ,—это ихъ планы или *виды на будущее*. Къ сожалѣнію, значеніе этого момента нѣсколько умаляется благодаря невозможности разграничить *мечты, идеалы* слушательницъ относительно ихъ дальнѣйшаго жизненнаго пути—и ихъ *чисто практическія предположенія*, подсказанныя заботою о хлѣбѣ насущномъ и ограниченностью сферы приложенія женскаго труда. Практическія предположенія—это въ громадномъ большинствѣ учительство, единственное поприще, болѣе широко открытое для женщины съ высшимъ образованіемъ; многія опредѣленно подчеркиваютъ, что для нихъ—это именно *кусокъ хлѣба*, а *не* жизненный идеалъ: «по необходимости»,—даже «съ большимъ неудовольствіемъ»,—такая оговорка является скорѣе правиломъ, чѣмъ исключеніемъ. Другія менѣе категоричны, но тоже оговариваютъ, что «быть преподавательницей-чиновницей не улы-

бается»; что «если и быть учительницей, то въ учебныхъ заведеніяхъ не казеннаго типа»; что нѣтъ охоты «возиться съ балованными баричами» и т. п. Если кто дѣйствительно *стремится* къ учительству, то это «въ глуши, въ деревнѣ» или «въ пролетарской средѣ», вообще въ «народной школѣ»,—*только здѣсь* наши курсистки видятъ для себя не одинъ заработокъ и не службу, а *служеніе*.

Какъ бы то ни было, значительное большинство готовитъ себя къ учительской дѣятельности,—но только на физико-математическомъ и историко-филологическомъ факультетахъ (72,4 и 69,6%); на юридическомъ такихъ всего 11,1%. Затѣмъ, на историко-филологическомъ факультетѣ сравнительно многочисленную группу, 11,2%, составляютъ опредѣленно готовящія себя къ дѣятельности научной, 6,2%—литературной; на физико-математическомъ факультетѣ 6,2% готовятъ себя къ медицинѣ. На юридическомъ факультетѣ (въ 1909 году еще надѣялись на допущеніе женщинъ-юристокъ къ практической дѣятельности!) наибольшій процентъ, 29,1%, составляютъ готовившіяся къ юридической практикѣ. Значительное большинство юристокъ, однако, не указало никакихъ опредѣленныхъ видовъ или плановъ на будущее: вопросъ о юридической практикѣ въ то время уже стоялъ подъ большимъ сомнѣніемъ, къ другимъ же видамъ практики юридическій факультетъ женщинъ не готовитъ, если не считать статистики, которая въ то время на курсахъ еще только зарождалась. «Гдѣ же намъ, юристкамъ,—замѣчаетъ поэтому одна,—знать свое будущее!...» У значительнаго большинства юристокъ имѣются не *планы*, а лишь *мечты* о будущемъ жизненномъ пути. Для 38,5% такой мечтой является юридическая практика. Педагогическая дѣятельность, какъ опредѣленное стремленіе, указывается въ 15,4% всѣхъ нашихъ листовъ, главнымъ образомъ, опять-таки, на историко-филологическомъ факультетѣ; на этомъ же факультетѣ очень сильно и необлеченное въ опредѣленные планы стремленіе къ научной дѣятельности—30,5% всѣхъ отвѣтовъ противъ 14,7 и 11,1% на остальныхъ факультетахъ; здѣсь же, кромѣ опредѣленно предназначившихъ себя къ литературной работѣ, еще 16,8% такъ или иначе мечтаютъ о литературѣ. Стремленіе къ общественной дѣятельности проявляется, естественно, преимущественно на юридическомъ факультетѣ—7,4% противъ всего 2,3% на физико-математическомъ факультетѣ. Но что̀ совсѣмъ неожиданно—это то, что на юридическомъ же факультетѣ цѣлыхъ 7,4% мечтаетъ объ артистической дѣятельности. Случай или нѣтъ, но мечты о художественной дѣятельности, и въ общемъ итогѣ представленныя всего 1,1%, на юридическомъ факультетѣ совершенно не встрѣчаются. Семейную жизнь, какъ опредѣленный планъ либо какъ жизненную мечту, называютъ весьма немногіе—всего съ небольшимъ одинъ

процентъ. И трудно иногда сказать, что̀ звучитъ въ такого рода указаніяхъ: искренность или горькая насмѣшка надъ своей судьбой. «Представить себѣ будущую жизнь безъ мужа,—говоритъ одна,—не могу, а такъ какъ я заранѣе готова подчиниться той формѣ жизни, которую мой господинъ и хозяинъ захочетъ навязать мнѣ, то опредѣленно представить себѣ будущее не могу». Или другая: «хотѣла итти въ монастырь, но потомъ раздумала и буду воспитывать дѣтей и любить ихъ». А вотъ еще и третья—совсѣмъ въ другомъ родѣ: хочетъ просто «быть богатою барыней и путешествовать»...

Наконецъ, довольно большая категорія такихъ, которымъ не ясны ни ихъ опредѣленные жизненные планы, ни ихъ жизненные идеалы,—такихъ 7,7 и 4,1%. Это такія, которыя «не пекутся о завтрашнемъ днѣ, онъ самъ о себѣ печется»; которыя «боятся жизни» и «ничего не ожидаютъ дать людямъ»; у которыхъ «нѣтъ плановъ—апатія и равнодушіе ко всему земному». Это и просто такія, которымъ «всякій заработокъ денегъ скученъ» или «которыя не могутъ дать отчета, что̀ могло бы ихъ удовлетворить»,—но рядомъ съ ними и такія, у которыхъ «какихъ-то силъ избытокъ» и которыхъ именно поэтому «никакая дѣятельность не удовлетворитъ»...

Какъ и міровоззрѣніе, жизненные идеалы должны испытывать вліяніе возраста, въ виду чего нашъ матеріалъ и былъ подвергнутъ соотвѣтственной группировкѣ. Вліянія возраста на опредѣленные жизненные планы, однако, совершенно не оказалось—оно замѣтно только въ области идеаловъ. Съ возрастомъ почти исчезаютъ стремленія къ артистической и художественной дѣятельности, зато сильно возрастаютъ стремленія къ учительской (съ 10,5 до 33,9%), къ научной (съ 12,7 до 23,1%), къ медицинской дѣятельности (1,9—8,8%), еще сильнѣе къ литературной—съ 1,2 до 30,3%. Слабо, но все же возрастаетъ стремленіе и къ дѣятельности общественной. Можно ли попытаться подвести всѣ эти различія подъ одну общую формулу—трудно сказать. Я лично склоненъ сообщить ихъ такъ, что чѣмъ зрѣлѣе курсистка, тѣмъ сильнѣе въ ней стремленіе къ тому или другому виду «служенія». И это служеніе, конечно, *служеніе народу*. Оно «красною нитью проходитъ черезъ всѣ планы будущаго», у кого эти планы не поглощаются законною заботою о насущномъ хлѣбѣ. Мечтающая о медицинѣ хочетъ быть «обязательно земскимъ врачемъ», «врачомъ въ деревнѣ». Юристка мечтаетъ о дѣятельности «земскаго юриста, если бы такая была наподобіе земскаго врача». Стремящаяся къ общественной дѣятельности подчеркиваетъ «чтеніе публичныхъ лекцій для народа». Мечтающая о сценѣ желала бы играть «въ народномъ театрѣ» и т. п.

На этой нотѣ я закончу. Я думаю, именно она, эта нота *служенія народу*, наиболѣе характерна для нашей учащейся молодежи, и особенно для *русской учащейся женщины*, у которой законная забота о насущномъ хлѣбѣ не успѣла выродиться въ растлѣвающую мысль о *карьерѣ*.

Само собою ясно, что всей огромной массы нашихъ курсистокъ нельзя подвести подъ одинъ шаблонъ, подъ одну общую характеристику. И съ особенною ясностью это становится видно именно, когда всмотришься въ итоги нашей переписи-анкеты. Но съ несомнѣнностью изъ нея видно одно: что среди курсистокъ есть сильное ядро, стоящее на правильномъ пути: стремящееся сочетать и умѣющее сочетать *стремленіе къ служенію народу* съ *серьезнымъ научнымъ интересомъ* и *серьезною научною работой*.

О борьбѣ съ школьными самоубійствами *).

Я не знаю, есть ли специфическія средства борьбы съ самоубійствами, и въ частности съ школьными самоубійствами. Я даже склоненъ думать, что такихъ специфическихъ средствъ нѣтъ и быть не можетъ; что самоубійства, разъ они принимаютъ массовый характеръ, представляютъ собой продуктъ всей той совокупности культурныхъ, экономическихъ, политическихъ и т. п. условій, въ которыхъ живетъ данное общество въ данную эпоху, и что нѣтъ иного способа борьбы съ самоубійствами, кромѣ измѣненія этихъ порождающихъ самоубійства общихъ условій. Но для меня совершенно несомнѣнно одно: что такія предпріятія, какъ «анкета о душевномъ настроеніи учащейся молодежи», предпринятая образованною при обществѣ охраненія народнаго здравія «комиссію по борьбѣ съ школьными самоубійствами»,—изъ рукъ вонъ плохое средство для такого рода борьбы.

Въ самомъ дѣлѣ. Представимъ себѣ неуравновѣшеннаго, нервнаго, легко поддающагося внѣшнимъ впечатлѣніямъ юношу или дѣвушку, которыхъ начинаютъ усиленно выспрашивать о томъ, «не являлось ли» у нихъ «мысли о самоубійствѣ и при какихъ обстоятельствахъ» (вопр. 19), и какъ опрашиваемый относится къ этимъ мыслямъ въ настоящее время (20); не дѣлалъ ли онъ или не дѣлала ли она раньше попытокъ къ самоубійству, въ какомъ возрастѣ, сколько разъ, гдѣ, когда, по какимъ причинамъ, при какихъ обстоятельствахъ (21—25); и не было ли самоубійствъ или покушеній на таковыя со стороны кого-либо изъ членовъ семьи, и опять-таки по какой причинѣ и при какихъ обстоятельствахъ (27). Представимъ себѣ далѣе, что такого неуравновѣшеннаго субъекта начинаютъ всячески выспрашивать о «потерѣ вѣры въ себя, разочарованіи въ жизни и людяхъ, въ идеалахъ истины, добра, справедливости и красоты» (вопр. 18); о томъ, «не чувствуетъ

*) Русск. Мысль 1913 г. октябрь. При своемъ «случайномъ» характерѣ, эта статья перепечатывается потому, что въ ней затрагивается важный общій вопросъ о «предѣлахъ статистики». А. К.

ли онъ себя одинокимъ и не борется ли какъ-нибудь со своимъ одиночествомъ», и «не можетъ ли онъ охарактеризовать свое отношеніе къ людямъ, какъ безучастно индифферентное» (33); о томъ, не испытываетъ ли опрашиваемый «нервнаго разстройства, упадка духа, потери вѣры въ себя», вызванныхъ... перемѣною учебнаго заведенія или факультета (46); о томъ, не страдаетъ ли онъ неврастеніей или истеріей (53а), не предпочитаетъ ли онъ въ литературѣ «культъ смерти и упадочность настроенія» (62б) и т. п. Представьте себѣ, читатель, что подвергаемый подобнаго рода опросу не анонимный «учащійся», а живой человѣкъ въ плоти и крови, вашъ сынъ или братъ, дочь или сестра. Не станетъ ли для васъ сразу, и умомъ и чувствомъ, ясно, что выспрашивать о подобнаго рода вещахъ значитъ *не бороться* съ самоубійствами, *а наводить на мысль* о самоубійствѣ, доводить до осознанія такіе зачатки и обрывки мыслей, которые безъ этого, можетъ быть, и не вышли бы изъ скрытаго, зачаточнаго состоянія? И не попросите ли вы любознательнаго знакомаго или незнакомца избавить вашу дочь или вашего брата отъ такого рода разспросовъ? Для ясности представьте себѣ еще, читатель, тотъ же пріемъ перенесеннымъ въ сферу борьбы, положимъ, съ преступностью; молодежь, безъ разбора, будутъ разспрашивать о томъ, не было ли у опрашиваемаго стремленія совершить, положимъ, кражу? Не испытывалъ ли онъ такой нужды, которая внушала ему мысль о похищеніи? Не толкала ли его на такой поступокъ любовь къ нарядамъ, къ картамъ и т. п.? Признаетъ ли онъ, вообще, кражу за худое дѣло, или вообще не считаетъ нужнымъ считаться съ чужою собственностью? Не увлекается ли онъ примѣромъ знаменитыхъ преступниковъ, о которыхъ онъ читалъ въ органахъ уличной печати или въ уголовныхъ романахъ, и т. п.? Думаю, что такого рода выпытываніе не одного изъ подвергшихся ему натолкнетъ на мысли, которыя безъ этого, можетъ быть, и вовсе не возникли бы или не вышли бы изъ зародышеваго состоянія.

Я, конечно, прекрасно понимаю мотивы и соображенія иниціаторовъ анкеты, и не могу не относиться къ нимъ съ полнымъ уваженіемъ; я настолько понимаю и уважаю ихъ, что не мало колебался, пока рѣшился выступить въ печати съ излагаемыми въ настоящей замѣткѣ соображеніями. Въ самомъ дѣлѣ: чтобы бороться съ общественнымъ зломъ, надо выяснить его источники и корни; тѣ отдѣльные случаи, изъ которыхъ слагается массовое самоубійство, являются результатомъ извѣстной сложной совокупности индивидуальныхъ условій; выяснить эти условія можно только при помощи массоваго, количественнаго, *статистическаго* учета. Такой учетъ необходимъ, чтобы дѣло борьбы съ самоубійствами поставить на

твердую научную почву, и, казалось бы, никакъ не мнѣ, причастному къ статистикѣ, возражать противъ такого рода постановки.

А между тѣмъ, мнѣ, *именно въ качествѣ спеціалиста-статистика*, сосредоточившаго свой научный интересъ на вопросахъ статистической методологіи, приходится высказать самыя серьезныя сомнѣнія относительно статистико-технической осуществимости подобнаго рода анкеты и цѣнности могущихъ получиться изъ нея результатовъ.

Недавно, всего нѣсколько дней тому назадъ, вышли въ свѣтъ редактированные мною результаты переписи-анкеты, произведенной среди слушательницъ высшихъ женскихъ (Бестужевскихъ) курсовъ статитистическимъ семинаріемъ этого высшаго учебнаго заведенія. Семинарій былъ въ высшей степени остороженъ и сдержанъ въ постановкѣ вопросовъ, въ частности такихъ, которые относились бы къ интеллектуальной и духовной физіономіи слушательницъ; далекіе отъ мысли проникнуть вглубь «коллективной души» и «коллективнаго интеллекта» курсистки, мы ввели въ свой опросный листъ лишь незначительное количество сравнительно простыхъ вопросовъ, избѣгая всего мало-мальски сложнаго и мало-мальски щекотливаго. И тѣмъ не менѣе, разработка собраннаго матеріала показала намъ, что мы даже и въ такомъ, сравнительно крайне скромномъ объемѣ, едва ли не вышли, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, изъ предѣловъ статистико-технической осуществимости, и во всякомъ случаѣ подошли къ этимъ предѣламъ вплотную. Между тѣмъ опросный листъ «анкеты о душевномъ настроеніи учащейся молодежи» идетъ *безконечно* дальше насъ и заходитъ, по моему убѣжденію, далеко за предѣлы того, что сколько-нибудь доступно для статистическаго учета, за предѣлы той сравнительно ограниченной области, гдѣ можно было бы ожидать сколько-нибудь полныхъ, опредѣленныхъ и поддающихся статистическому подсчету отвѣтовъ. Я уже не буду останавливаться на такихъ вопросахъ, какъ сифилисъ или нервныя болѣзни, или туберкулезъ, или «другія истощающія болѣзни» *у родителей* опрашиваемыхъ вопр. 26); много ли можно ожидать случаевъ, гдѣ дѣти знаютъ о бывшемъ, можетъ быть, когда-нибудь у отцовъ ихъ сифилисѣ, или гдѣ они могутъ дать отчетъ объ «истощающихъ болѣзняхъ» своихъ родителей?... или какъ переутомленіе, неврастенія, истерія, истощающія болѣзни самого опрашиваемаго (48, 53, 52а и в.);—можно ли предполагать, что студентъ или курсистка могутъ отличить переутомленіе отъ простого утомленія, истерію отъ простой раздражительности или плаксивости, что они знаютъ, что разумѣть подъ «истощающими болѣзнями»? Обо всемъ этомъ можно было бы спрашивать не самихъ

опрашиваемыхъ, а развѣ только пользовавшихъ ихъ врачей, которые одни были бы компетентны отвѣчать на указанные вопросы. Но возьмемъ даже такіе вопросы, которые, на первый взглядъ, кажутся не выходящими изъ сферы освѣдомленности студента или курсистки. И прежде всего, уже упоминавшійся вопросъ относительно «мысли о самоубійствѣ»: что это, спрашивается, значитъ—«мысли о самоубійствѣ»? мелькнула когда-то мысль о самоубійствѣ подъ впечатлѣніемъ несправедливо выставленной двойки, или полученнаго отъ нравившейся барышни отказа танцовать мазурку, или провала съ рефератомъ въ студенческомъ кружкѣ или съ рѣчью на сходкѣ—будутъ ли это все такія «мысли о самоубійствѣ», которыя подлежатъ учету? если да, то неужели возможно случаи такого рода суммировать съ *серьезными* мыслями о самоубійствѣ? а если нѣтъ, то гдѣ граница, за которою начинаются *эти* серьезныя, подлежащія регистраціи, мысли? Далѣе—вопросы «о характерѣ (угрюмомъ, молчаливомъ, замкнутомъ и пр.)», о «настроеніи (ровномъ, спокойномъ, или измѣнчивомъ, неустойчивомъ и т. д.)», и въ особенности о «преобладающихъ чувствованіяхъ—низшаго порядка, или эгоцентрическихъ (личныхъ), или сверхличныхъ» (15, 16, 17). Можно ли ожидать не только отъ юноши или дѣвушки, но и отъ уже вполнѣ сложившагося человѣка, чтобы онъ могъ дать точный отчетъ о своемъ «настроеніи» или о своемъ «характерѣ»? чтобы онъ могъ провести границу между угрюмымъ и замкнутымъ, замкнутымъ и сообщительнымъ характеромъ? чтобы онъ могъ отдать даже самому себѣ ясный отчетъ о «преобладающихъ чувствованіяхъ»? чтобы опрашиваемый такъ-таки прямо и сознался—если даже онъ это и сознаетъ—въ преобладаніи у него чувствованій «низшаго порядка»? Далѣе: многіе ли изъ прошедшихъ среднюю школу окажутся въ состояніи дать себѣ отчетъ о вліяніи ея въ смыслѣ «воспитанія характера» или даже только «возбужденія интереса къ занятіямъ и знанію» (34а и б), многіе ли могутъ точно сказать, складывался ли характеръ или развивался научный интересъ *благодаря* или *вопреки* школѣ? Гдѣ граница между такими проявленіями «раскаянія, сознанія обиды, огорченія со стороны любимыхъ лицъ» (52б), которыя, въ самомъ дѣлѣ, могли повліять на молодую психику и потому одни только и представляютъ интересъ,—и между всякими мимолетными огорченіями, обидами и т. п., которыя могли случайно сохраниться въ памяти опрашиваемаго, но не оказали никакого вліянія на его общее настроеніе?... Многіе-ли смогутъ точно выяснить себѣ, а тѣмъ болѣе—отчетливо и правдиво формулировать, «какое мѣсто занимаетъ въ ихъ міроощущеніи и міровоззрѣніи: а. природа, б. наука, в. искусство» (58)?... Что значитъ думать «о смыслѣ жизни» (65)? подойдетъ ли подъ

этотъ вопросъ всякое мимолетное порожденіе скуки и бездѣлья, или же тутъ имѣется въ виду лишь систематическое философское размышленіе, или, можетъ быть, еще что-нибудь другое?... Въ какомъ смыслѣ надо разумѣть обращенные спеціально къ женщинамъ вопросы о «привязанности къ окружающимъ (инстинкты материнства, любовь)», и о «семейныхъ и общественныхъ наклонностяхъ» (30, 71)? Что разумѣется подъ «общественными наклонностями»—политика, или взаимопомощь, или простое товарищество, или что-либо иное? Можно ли ожидать отъ учащейся дѣвушки яснаго представленія объ ея—какъ правило—еще не проявившихся инстинктахъ материнства или объ ея семейныхъ наклонностяхъ? а если *этого* и можно ожидать, то можно ли ожидать другого—что она будетъ откровенно и безъ прикрасъ изливать на опросномъ бланкѣ свои, можетъ быть, отъ самой себя скрываемыя мысли и чувства?... Наконецъ, еще особая категорія вопросовъ, гдѣ, можетъ быть, и возможна болѣе конкретная и опредѣленная постановка, но гдѣ возникаютъ иного рода сомнѣнія и затрудненія: вопросы, касающіеся половой жизни молодежи (54). И здѣсь, прежде всего, я позволю себѣ одно замѣчаніе, не стоящее въ непосредственной связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, но само собой напрашивающееся у меня на бумагу: вѣдь разсматриваемый опросный листъ предназначенъ и для мужской, *и для женской* учащейся молодежи. Такъ допустимо-ли задавать контингенту, состоящему по преимуществу изъ дѣвушекъ, вопросы о половыхъ «злоупотребленіяхъ и аномаліяхъ», о «половыхъ болѣзняхъ», объ «отношеніи къ проституціи»?... Думаю, что съ моей стороны не будетъ излишнею щепетильностью категорически утверждать, что *не* умѣстно. Иду даже дальше, и думаю, что *такому* контингенту не слѣдуетъ ставить даже и вопроса—«когда началась» половая жизнь. «Половой вопросъ—пишетъ слушательница, составительница соотвѣтственной главы въ названной выше работѣ статистическаго семинарія высшихъ женскихъ курсовъ—мы выкинули,—этотъ больной и насущный вопросъ нашей современности, изъ нежеланія примыкать къ хороводу грязныхъ и откровенныхъ публичныхъ обсужденій этого интимнѣйшаго вопроса изъ интимной жизни». Я, конечно, ни одной секунды и ни на одну іоту не сомнѣваюсь въ чистотѣ, даже въ благородствѣ побужденій иниціаторовъ анкеты «о душевномъ настроеніи учащейся молодежи» —но думаю, что при всей чистотѣ побужденій имъ слѣдовало считаться съ этими соображеніями и, по крайней мѣрѣ, выкинуть эту группу вопросовъ изъ листовъ, предназначавшихся для женской учащейся молодежи.

Но и независимо отъ этого, я позволяю себѣ высказать увѣренность въ томъ, что на вопросы данной категоріи психо-

логически *невозможно* расчитывать получить такіе отвѣты, которые, въ массѣ, давали бы сколько-нибудь полное и достовѣрное воспроизведеніе дѣйствительности. Будутъ, конечно, такіе, которые напишутъ «*только* правду—и *всю* правду». Но *такихъ* едва-ли будетъ большинство: изъ числа тѣхъ, кто сохранилъ хотя бы остатки стыда и совѣстливости, не многіе рѣшатся, даже и подъ покровомъ анонима, расписывать о своей «половой жизни», а тѣмъ паче—о «половыхъ болѣзняхъ», о «злоупотребленіяхъ и аномаліяхъ»; а что касается до тѣхъ, кто потерялъ остатки совѣстливости и стыда, то какая можетъ быть гарантія въ томъ, что они не будутъ просто сочинять, чтобы позабавиться на счетъ иниціаторовъ анкеты? Въ концѣ концовъ получится, несомнѣнно, такой матеріалъ, въ которомъ будетъ безнадежно перемѣшано правдивое, недосказанное и сочиненное, и который, поэтому, не будетъ представлять ни малѣйшей достовѣрности. Въ большей или меньшей мѣрѣ сказанное справедливо и по отношенію къ такимъ вещамъ, какъ «культъ смерти и упадочность», какъ предпочтеніе «эротическихъ произведеній», какъ преобладаніе «личныхъ» или «сверхличныхъ» чувствованій, какъ «пессимизмъ, меланхолія, скука жизни», «неудовлетворенность жизнью»,—по всѣмъ этимъ и другимъ подобнымъ же вопросамъ тоже нельзя не считаться и съ вѣроятностью умолчаній, и наоборотъ—съ изъявленіями выдуманныхъ и напускныхъ чувствъ и настроеній. Но нигдѣ, конечно, вліяніе такого рода возможностей, подрывающихъ внутреннюю достовѣрность матеріала, не проявится съ такою рѣзкостью, какъ въ вопросѣ о половой жизни, а тѣмъ болѣе—объ извращеніяхъ и ненормальностяхъ послѣдней.

Обобщая сказанное, значительная часть, если не большинство вопросовъ, предлагаемыхъ «анкетой о душевномъ настроеніи учащейся молодежи»; имѣетъ столь расплывчатый характеръ, относится къ явленіямъ, столь мало поддающимся точной формулировкѣ и столь мало допускающимъ точную опредѣленную характеристику; наконецъ затрогиваетъ столь интимныя стороны индивидуальной жизни, что отвѣты на всѣ эти вопросы—съ увѣренностью можно сказать—будутъ отражать не столько дѣйствительность, сколько фантазію тѣхъ, кто будетъ заполнять опросные листы; каждый будетъ писать, что ему придетъ въ голову, въ зависимости, можетъ быть, отъ случайныхъ настроеній и впечатлѣній, а можетъ быть—отъ такихъ своихъ индивидуальныхъ свойствъ, которыя однихъ могутъ побудить писать и то, чего не было, а другихъ—умалчивать и о томъ, что было, и въ конечномъ результатѣ собранный матеріалъ не будетъ представлять никакихъ гарантій внутренней достовѣрности.

Статистика—могучее орудіе общественнаго познанія и само-

сознанія. Но всякое орудіе имѣетъ свою технику и свои предѣлы примѣнимости. Нельзя топоромъ вырѣзывать статуэтки изъ слоновой кости, или паровымъ молотомъ обдѣлывать браслетъ, либо ожерелье; нельзя ювелирнымъ напилкомъ обтачивать 12-дюймовый снарядъ или паровозную ось. Статистика выискиваетъ болѣе или менѣе легко уловимые, болѣе или менѣе конкретные, удобосравнимые и удобослагаемые симптомы, и *уже по нимъ* она судитъ о тѣхъ или другихъ, иногда очень сложныхъ общественныхъ явленіяхъ. *Только* по такимъ симптомамъ—по частотѣ и характеру тѣхъ-же самоубійствъ, по характеру преступности, по распространенности извѣстныхъ категорій литературы, по посѣщаемости тѣхъ или иныхъ общественныхъ собраній, зрѣлищъ и т. п. она можетъ судить и объ общественныхъ настроеніяхъ. Задаваться цѣлью *учитывать самыя настроенія*—это значитъ совершать покушеніе съ негодными средствами и надъ негоднымъ объектомъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

А. ОБЩИНА.

Стран.

1. Застывшая исторія общины (1893) 1
2. Къ вопросу о первоначальныхъ формахъ общиннаго землевладѣнія (1896) 26
3. Къ вопросу о происхожденіи русской земельной общины (1907) 46
4. Община и успѣхи сельскаго хозяйства въ Сибири (1893) . . 122

Б. ПЕРЕСЕЛЕНІЕ.

5. Переселеніе и колонизація. Рѣчь на диспутѣ (1907) 161
6. Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній (1898) 170
7. Земельная тѣснота и законъ уменьшающейся производительности земли (1906) 187
8. Переселеніе и его роль въ аграрной программѣ (1906) . . . 211
9. Нашъ Дальній Востокъ и его колонизація (1909) 246
10. Томскіе переселенцы по подворному изслѣдованію 1894 года (1897) 265
11. Переселенцы на новыхъ мѣстахъ по даннымъ новѣйшаго правительственнаго изслѣдованія (1914) 299

В. СТАТИСТИКА.

12. Къ вопросу о бюджетныхъ изслѣдованіяхъ (1901) . . . . .
13. Къ вопросу о выборочномъ изслѣдованіи (1911) 353
14. По поводу 2-ой всероссійской переписи (1913) 376
15. Къ вопросу о статистическомъ методѣ въ историко-экономическихъ изслѣдованіяхъ (1913) . . . . . .
16. Земская статистика (1914) 424
17. Земская статистика и статистическая методологія (1911) . . 453
18. Русская курсистка въ цифрахъ (1912). 473
19. О борьбѣ съ школьными самоубійствами (1913) 506